

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԳԵՄԻԱ

ՀՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱԶԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Ս. Ա. Ե Ս Ա Յ Ա Ն

ՀՅՈՒՄԻՍ-ԱՐԵՎԵԼՅԱՆ
ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՑԵՂԵՐԻ ՀՆԱԳՈՒՅՆ
Մ Շ Ա Կ Ո Ւ Յ Թ Ը

(III—I ՀԱՋՍՐ. Մ.Թ.Ա.)

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

USM-7-100 6

С. А. Е С А Я Н

ДРЕВНЯЯ КУЛЬТУРА
ПЛЕМЕН СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ
АРМЕНИИ

(III—I ТЫС. ДО Н.Э.)

Р ^{III} / 40437
40326

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1976

В книге рассматриваются памятники Северо-Восточной Армении III— I тысячелетий до н. э.—могильники, поселения и циклопические крепости. На основании археологического материала изучаются земледелие и скотоводство, ремесла, фортификация и военное дело, памятники искусства, а также некоторые вопросы первобытной религии.

Ответственный редактор
Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

В В Е Д Е Н И Е

Изучаемые районы Северо-Восточной Армении простираются к востоку от водораздела Гугарского хребта и реки Дебед, к северу—от Арегунийского и Памбакского хребтов до границы с Азербайджанской и Грузинской ССР, охватывая верхнюю и среднюю части долины рек Агстев, Тавуш и параллельно им текущих притоков Куры. На этой территории находятся современные Иджеванский, Ноемберянский, Шамшадинский и Красносельский районы Армянской ССР и гор. Дилижан. Рельеф района характеризуется рядом протянутых на северо-восток уже упомянутых хребтов Памбака, Арегуни и параллельно проходящими севернее Алабским, Мургузским и Мнапорским хребтами¹. По своим физико-географическим особенностям Северо-Восточная Армения, в основном, относится к горно-лесистой зоне, с теплым полувлажным климатом, хотя здесь имеются различные ландшафтные высотные и климатические особенности, благодаря чему во многих частях района почти всегда бывает теплая зима, в других—влажное лето. Средняя полоса горных склонов покрыта лесами из бука, дуба, граба, липы, реже сосны и карагача, встречающихся большими рощами. В лесах много диких плодовых деревьев—яблонь, груш, кизила, алычи, терна, боярышника, мушмулы и шиповника. Отдельными деревьями или группами встречается грецкий орех. Леса расположены на склонах гор в пределах от 500 до 2100 м над уровнем моря. В низких местностях Иджеванского, Шамшадинского и особенно Ноемберянского районов встречаются миндаль и миндаль. Кроме плодовых, в пищу, как в древности, так и в настоящее время, употребляются буковые и дубовые шишки, дающие прекрасное растительное масло.

В ущельях и рощах можно встретить десятки съедобных растений, употребляемых в сыром, соленом и вареном виде. Кроме рас-

тений и плодов, леса района богаты также животными, среди которых встречаются косуля, кабан, бурый медведь, лесная кошка, лиса, куница, барсук, из птиц—орел, сокол, лесные голуби, несколько видов семейства курных и т. д. В древности часто встречались благородный олень и, по-видимому, лось.

Выше зоны лесов пахотные богатые пастбища и альпийские луга, которые действуют развитию животноводства. Структура земельных угодий Северо-Восточной Армении весьма своеобразная.

Половину всех угодий занимают леса, которые в юго-восточной части занимают 87% всей территории, около 30% их составляют пастбища и сенокосы, на пахотные же земли в настоящее время приходится лишь 12% всех земель².

Нужно учесть, что в древности, по-видимому, доля пахотных земель была значительно меньше, так как в настоящее время построен ряд насосных станций, орошающих земли, так как без искусственного орошения земледелие здесь невозможно.

Сказанное позволяет предположить, что если в древности в указанных районах доля земельных угодий, приспособленных под пахотные земли, была сравнительно меньше, то гораздо больше было лугов и пастбищ для развития скотоводства.

У границ Азербайджана и Грузии рельеф приобретает слабо волнистый равнинный характер. В южной части района между Мургузским и Арегунийским хребтами образовалась долина реки Гетик со средней высотой 1800—1900 м над уровнем моря. Окружающие ее возвышенности являются прекрасными альпийскими лугами.

От Мургузского хребта к долине реки Куры тянется ряд горных ответвлений, являющихся водоразделами рек Агстев, Воскепар, Ахум, Тавуш, Тандзут и их притоков.

По своим географическим особенностям Северо-Восточная Армения ничем не отлича-

¹ Физическая география Армянской ССР, Ереван, 1971, стр. 348 (на арм. яз.).

² Армянская ССР, М., 1955, стр. 231.

тся от примыкающего к ней на западе Лори, являющегося ее естественным продолжением. С юго-запада со стороны Айрумской низменности она примыкает к Нижнекартлийской равнине Грузии с маловлажными летними месяцами и умеренно холодной зимой. Ничем не отличается Северо-Восточная Армения и от соседних западных районов Азербайджана—Карабаха, Дашкесана и др., имеющих абсолютные отметки от 75 до 3724 м, где горы покрыты такими же лесами, выше которых расположены альпийские луга.

Южнее рассматриваемых районов находится бассейн высокогорного озера Севан, расположенного почти на 2000 м над уровнем моря и возвышающегося над Араратской долиной более чем на 1 км, а над долиной реки Куры—на 1,5 км. Хребты, окаймляющие Севан и имеющие среднюю высоту от 2500 до 2800 м, образуют гигантский треугольник, благодаря чему в прибрежной зоне озера лето умеренно теплое, а зима умеренно холодная, хотя абсолютный минимум доходит до -41°C . Вершинная зона гор, окружающих Севанский бассейн, покрыта субальпийскими и альпийскими лугами. Здесь во впадинах и в тени скал снег сохраняется круглый год.

Севернее рассматриваемых границ находится долина реки Куры с умеренно жарким климатом и безлесной зоной с ежегодными осадками в 200—400 мм в год, проходящей по территории соседних республик Грузии и Азербайджана, на стыке которых находятся изучаемые районы Северо-Восточной Армении.

Рассматриваемые районы отличаются значительным богатством недр, особенно меди и железа. Геологические данные указывают на наличие свинца, марганца, барита, золота, серебра и т. д., а обширные леса позволяли в древности получить древесный уголь для их плавки. На границе с Лори имеются такие крупные рудники Северной Армении, как Алавердские, Ахталские, Шамлугские, Акнадзорские (Шагали-Эйлар), Антоновские, Агвинские, Вападорские, Памбакские, Фроловой балки, Фиолстова, а также рудники в Арцуни, Дилижане, Агарцине, Колагире (близ Кирги), Паравакаре, Карпуте, Макараванке (близ села Ачаджур), Сангаре (близ села Епокаван), Лчкадзоре и во многих других местах³.

Особенно крупные месторождения железа, сопутствующие меднорудным и способные удовлетворять запросы древних метал-

лургов, находятся в Ноемберянском и отчасти Иджеванском районах. Они выявлены Н. Г. Магакином, считающим, что все эти месторождения были известны еще с глубокой древности и разрабатывались, о чем говорит повсеместное наличие древних выработок, обширных отвалов, которые в настоящее время не используются, и скопленных шлаков плавки железных руд⁴. Это месторождения, залегающие в периферической части крупного Кохб-Шнохского интрузива—Цакери-дон, Есиок-Гокдаг и часть месторождения Мисхана. Менее богатые месторождения имеются в соседних Калининском (Медная и Черемша), Туманянском (бас. р. Бабаджан) и Кироваканском районах (бас. р. Сисиджур).

А. А. Мартиросян на основании средневековых источников установил, что богатые железорудные месторождения, расположенные от селения Шнох (Туманянский район) через Кохб, Мантев (Ноемберянский район) до селения Севкар (Иджеванский район), интенсивно разрабатывались в средние века, что затрудняет определение ранних разработок, существование которых не вызывает сомнения⁵.

А. А. Нессен еще в 1935 г. указывал на то, что древние разработки меди известны в Алавердском (ныне Туманяновском) и Дилижанском районах, причем из общего числа 410 зафиксированных по данным 1917 г. медных месторождений Кавказа и Чорохского края 135 приходилось на группы Борчалу, Алаверди, Дилижана и Ганджа—Карабаха⁶, то есть на районы, непосредственно входящие в Северо-Восточную Армению или прилегающие к ней. Недавно проведенные исследования выявили, что крупные рудники Северной Армении—Алаверди, Ахтала, Шамлуг и Сисимадан могли эксплуатироваться лишь с эпохи поздней бронзы, в то время как Акнадзор (Шагали-Эйлар) и Антоновка эксплуатировались уже к III тыс. до н. э.⁷

Кроме того, запасы жильного и рассыпного золота имеются в Дилижане, Фиолетово и Лали-гюхе, а свинца—в Дилижане, Паравакаре и Карпуте.

Эти районы, охватывающие территорию около 2200 кв. км, до недавнего прошлого в археологическом отношении были слабо изучены, за исключением района города Дили-

³ Н. Г. Магакин, Железорудные месторождения северной Армении, Изв. АН Арм. ССР (ест. науки), № 1, 1941.

⁴ А. А. Мартиросян, Раскопки в Головино, Ереван, 1954, стр. 104.

⁵ А. А. Нессен, К вопросу о древней металлургии меди на Кавказе. Изв. ГАНИМК, 120, М.—Л., 1935, стр. 32, 63.

⁷ А. Ц. Геворкян, указ. соч., стр. 6.

³ С. Гозинян, К истории древней металлургии железа в Армении, ИФЖ, № 3, 1964; А. Ц. Геворкян, Древняя металлургия и горное дело Армении, Автореф. канд. дисс., М., 1972.

жана, где начиная с прошлого столетия раскопано большое количество памятников.

Археологические находки здесь впервые были обнаружены в пятидесятых годах прошлого столетия в местности Редкин-лагерь. Название этой местности произошло от фамилии инженера-путейца Редкина, устроившего свой лагерь в 6 км севернее Дилижана на правом берегу реки Агстев. Именно в это время при строительстве дороги, пересекающей могильник, был открыт ряд погребений. Позже, при строительстве домов дорожного ведомства, в 1876 году снова было открыто несколько погребений, а могильник был обнаружен вторично. На эти открытия обратил внимание архитектор Вейс фон Вейсенгоф, сообщивший о них обществу любителей Кавказской археологии. В 1878 г. памятник посетил секретарь общества Вырубов, который обследовал несколько погребений⁸. Весной 1879 г. раскопки этого весьма интересного памятника начал Ф. Байерн. Впоследствии в восьмидесятых годах прошлого столетия этот могильник служил местом неодиократных раскопок (Филимопов, Уварова, Цилосани, Мурье). В 1891 г. напротив Редкин-лагеря в местности Мец-чал производил раскопки А. А. Бобринский. Уже в наше время, в 1942 г. в связи с расширением дороги, археологические работы проводил в Редкин-лагере Б. Б. Пиотровский.

Со времен первых раскопок материалы этого интересного памятника вызвали большой интерес к археологии Армении среди русских и европейских ученых. Еще в то время большинство исследователей относили этот замечательный памятник к переходной эпохе от поздней бронзы к раннему железу. В основу почти всех изученных мегли материалы Ф. Байерна, являющиеся наиболее ценными и многочисленными⁹. В советское время на этот памятник обратили внимание Т. О. Пассек и Б. Латынин, опубликовавшие ряд предметов из Редкин-лагеря¹⁰. Детальное изучение материалов железной эпохи из Редкин-лагеря дали Б. Б. Пиотровский и А. А. Мартиросян, благодаря исследованиям которых этот памятник не только получил свое определение как богатый и интересный комплекс, но и стал служить основой для опреде-

ления времени многих памятников Закавказья раннежелезной поры¹¹.

Работая над материалами Редкин-лагеря, мне удалось выявить ряд новых материалов, подробно описанных ниже, относящихся к эпохам ранней и поздней бронзы, и раннеармянскому времени и не вошедших в исследования других авторов, которых интересовали материалы начала I тыс. до н. э.¹²

Кроме материалов Редкин-лагеря, в районе Дилижана уже в советское время был раскопан ряд других могильников. В 1929 г. при строительстве на территории кирпичного завода в Хртаноце случайно был обнаружен могильник, обследованный осенью того же года А. Калантаром и А. Хачатряном, раскопанными здесь 22 кромлеха. Позднее в 1950 г. А. А. Мартиросяном здесь было раскопано еще несколько погребений и был изучен весь археологический материал. Благодаря этому, выявилось, что хртаноцкий могильник содержит, в основном, материалы VII—VI вв. до н. э., хотя в материалах 1929 г. имеются предметы, датируемые рубежом II—I тыс. до н. э.¹³

Если материалы редкинлагерского могильника послужили основой для выявления памятников начала I тыс. до н. э., то материалы Хртаноца послужили основой для выявления синхронных памятников Армении VII—VI вв. до н. э. и определения ареала их распространения. В настоящее время выявлен ряд новых памятников рассматриваемой поры с не менее значительным материалом, однако хртаноцкий комплекс остается одним из основных элементов при датировке памятников Армении и Восточного Закавказья эпохи широкого распространения железа.

Не менее интересные материалы были обнаружены при раскопках головинского могильника, расположенного на небольшом холме в нижней части села Головино, через которую пролегает дорога Ереван—Дилижан (в настоящее время ул. Камо гор. Дилижана).

Раскопки этого могильника были произведены А. О. Мпаканяном, выявившим комплексы замечательных изделий, состоящие из бронзового меча, различных бронзовых и железных кинжалов, копий, панциря, различ-

⁸ «Предметы древности в Храпнице Общества любителей Кавказской археологии», Тифлис, 1887.

⁹ F. Bayern, Untersuchungen über die ältesten Gräber und Schatzfunde in Kaukasien, Berlin, 1885; E. Chantre, Recherches Anthropologiques dans le Caucase Paris, 1886; П. С. Уварова, Коллекции Кавказского музея МАКВ, Тифлис, 1902, стр. 48.

¹⁰ Т. Пассек и Б. Латынин, Очерк по истории Советского Азербайджана, Изв. Об-ва исследования и изучения Азербайджана, № 3, Баку, 1926, стр. 125.

¹¹ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, Л., 1949, стр. 64; А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, стр. 196.

¹² С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, Каталог археологических предметов Дилижанского краеведческого музея, Ереван, 1969, стр. 90.

¹³ А. А. Мартиросян, Раскопки в Головино; его же, Армения в эпоху бронзы..., стр. 118 и 274.

ной керамики и других предметов, датированных XII—VII вв. до н. э.¹⁴

Из различных районов Дилижана и его окрестностей обнаружено большое количество предметов XVIII—IV вв. до н. э., ныне хранящихся в Дилижанском краеведческом музее и опубликованных мною совместно с Г. А. Оганесяном в каталоге указанного музея. Кроме раскопок в районе города Дилижана, небольшие раскопки и сбор случайных материалов в Ноемберянском районе были произведены А. О. Мнацаканяном, Т. С. Хачатрянном и Л. А. Барсегианом. В этом же районе более значительные раскопки производил С. С. Чилингарян, опубликованные материалы которого приводятся ниже в соответствующих разделах настоящей работы. В тех же Ноемберянском и Красносельском районах производил обмеры 20 циклопических крепостей Г. А. Микаелян, опубликовавший их совместно со мной.

Остальные районы Северо-Восточной Армении оставались неизученными до начала раскопок, произведенных мною в 1960—1972 гг.

Этими работами обнаружено, обмерено и частично раскопано более 30 циклопических

крепостей и ста погребений из нескольких могильников, относящихся к промежутку времени от эпохи ранней бронзы до раннеармянского периода. Большинство этих памятников сохранилось в труднодоступных горных и лесных районах, в то время как памятники более низменных мест в большинстве своем уничтожены и заняты под посевы и сады. По-видимому, большое количество памятников покрыто густыми лесными массивами, в которых часто встречаются остатки древних и средневековых сооружений.

Исследованные памятники не охватывают полностью все известные поселения и могильники, для изучения которых не хватит жизни целого поколения исследователей, но они дают полную картину жизни древних абригенов, их материальной и духовной культуры.

Настоящая работа состоит из двух частей. В первой кроме общего исторического очерка описываются памятники и обнаруженный археологический материал, дается его классификация и датировка. Во второй части на основе рассмотренных материалов проводится изучение хозяйства, различных ремесел, военного дела и фортификации, искусства и первобытных верований.

Работа ставит своей целью,—в пределах возможности,—выявить местные особенности культуры региона и связи с другими районами Армянского нагорья и прилегающих областей.

¹⁴ А. О. Мнацаканян, О раскопках могильников у сел. Головино, КСНИМК, вып. XVI, 1952, стр. 62; его же, *Գաղարկանիքի պեղումները Գեղամիկ գյուղում*, Тр. ГМА, вып. V, стр. 5—59; А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 117; С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, указ. соч., стр. 102.

ГЛАВА I

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ РАЙОНОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ

В настоящее время хорошо изучены исторические периоды районов Армении. Раскопками в Араратской долине установлены памятники V—IV тыс. до н. э. К числу их относятся поселения Техут, Хатунарх, Махалтапа, Звартион, Кхзьяк-блур, Тертери-блур и др., в которых открыты круглые глинобитные дома с очагами, поделками из камня и металла и керамикой халафского типа. Эти памятники вместе с памятниками Нахичевана (Кюль-тепе), Ваиа (Шамирамалты), Гейтепе, Мильско-Карабахской степи, Казаха и южных районов Грузии—Шулавери, Арахло, Садахло и др. входят в круг раннеземледельческих энеолитических памятников, предшествующих многочисленным памятникам эпохи ранней бронзы. Этот период исследован значительно лучше и имеет большое значение для изучения раннеземледельческих племен Армянского нагорья и всего Кавказа. В эту эпоху сильно развиваются земледелие, скотоводство, металлургия и другие ремесла. Особенно густо заселенными были в указанную эпоху Араратская долина, Ширак, Абовянский и Разданский районы, Севанский бассейн, район Ташир-Дзоргета (Лори) и многие районы Западной Армении—Ваи, Карин, Муш, Харберт, Малатия и т. д.

Памятники этой эпохи делятся на два типа: 1) сооружения на искусственных холмах, характерные для Араратской долины и других равнинных областей и 2) сооружения на естественных холмах и возвышенностях, в числе которых можно упомянуть поселения в окрестностях Кировакана, Гарин, Абовяна (бывш. Элар), Цовинара и т. д. В периоды развития и расцвета раннеземледельческой культуры Армянского нагорья и сопредельных стран племена Северо-Восточной Армении, жившие в густых лесах, имели ряд специфических особенностей. На всей ее территории, по-видимому, обитали охотничьи племена с примитивным скотоводством, посе-

ления которых в условиях леса найти очень трудно.

Во второй половине III тыс. до н. э. с юга, из районов Кировакана и, по-видимому, Севанского бассейна, начинается проникновение в указанные районы раннеземледельческих племен, создавших здесь, в долинах горных рек, на естественных возвышенностях ряд поселений, которые напоминают памятники второго типа раннебронзовой эпохи—Такаворанист (Кировакан) и Цовинар (Севанский бассейн). Так как эти районы в древности были покрыты густыми лесами, занимавшими, по-видимому, до 70% всей территории (в настоящее время 50, а в юго-восточной зоне 87%), а земельных угодий было чрезвычайно мало (в настоящее время всего 12%, а в древности их не могло быть более 8—10%), то эти поселения охватили не всю Северо-Восточную Армению, а лишь определенные места. Раскопки поселения Джагацатех, крепостей II и III шаглам в Ноемберянском районе, ряда погребений в Ноемберяне и случайные сборы в Иджеванском, Шамшадинском и Красносельском районах обнаружили многочисленный керамический материал, каменные и костяные изделия в виде различных вкладышей серпов, булав, наконечников стрел, зернотерок, терочников и т. д. Из крепости II шагламы еще до начала раскопок случайно был найден бронзовый вислообушенный топор, имеющий важное значение для определения времени не только этого однослойного поселения, но и других, так как найденный здесь керамический материал однотипен.

Керамические изделия из указанных памятников представлены различными крупными кувшинами или небольшими карасами, мисками, дисковидными крышками, мисками типа индийского ореха и т. д. Все они черного, серого и реже красного цветов и, кроме мисок, снабжены крупными полушаровид-

ными, вытянутыми и рудиментарными ручками. В орнаментальных мотивах встречаются шашечный узор, квадраты, обрамленные ромбовидной сетчаткой и заполненные косоштриховкой, характерной для керамики из Араратской долины, в частности из Шенгавита, Гарни и Айгевана. Часть сосудов украшена выемчатыми и рельефными спиралями и геометриским орнаментом, образованным из сочетания слабо прочерченных линий с заполнением из разных косых черточек. Такой орнамент хорошо известен по керамике из Араратской долины, Кировакана и долины реки Агстев, в частности из Баба-Дервиша. Необходимо отметить, что в рассматриваемой керамике из айрумских шагламов наблюдается сочетание резного орнамента с выукло-выемчатым, как и в керамике из Шенгавита, Коси-Чотера, Баба-Дервиша и отчасти Гарни. На ряде сосудов над полушаровидной ручкой имеется круглое углубление, хорошо известное из керамики Айгевана, Элара, Баба-Дервиша и других памятников рассматриваемой эпохи.

Найдены также небольшие тонкостенные сосуды, украшенные разнообразным геометриским орнаментом, сочетающим тонколинейные и точечные орнаментации, что особенно характерно для керамики Кироваканской группы—Коси-Чотера, Такаворангста, Маштоц-блур и отчасти Гарни, Шенгавита, верхних слоев эчмиадзинского Мохраблур, а также Триалети, Тетрицкаро и Бедени.

Вся указанная керамика по своим формам и орнаментации входит в группу памятников Кировакана и долины реки Агстев, выявляя близкие связи с памятниками Араратской долины и отчасти Грузии. По своей типологии она полностью входит в группу раннебронзової керамики II и отчасти III периода, датируясь по предложенной Э. В. Ханзадян периодизации второй половины III тыс. до н. э.¹ Не противоречит этой датировке и периодизация раннебронзової керамики, предложенная К. Х. Кушнаревой и Т. Н. Чубинишвили, по классификации которых рассматриваемая керамика из районов Северо-Восточной Армении соответствует керамике II этапа центральной группы из Шенгавита, Элара, Камо, Кировакана и Маштоц-блур и Северо-Восточной группе III этапа из Баба-Дервиша, датируясь соответственно 2700—2000 гг. до н. э.²

Для обоснования датировки этих поселений, как указывалось выше, большое зна-

чение имеет vesselобушный топор из II шагламы, имеющий близкие аналоги с топорами из Караза, Кюрдаре, Сачхери и ряда других мест и датируемый первой четвертью второй половины III тыс. до н. э., к которой относятся и изучаемые керамические комплексы. В отличие от раннебронзовых изделий, обнаруженных в крепостях и погребениях, среднебронзовые находки происходят лишь из могильников. Немногочисленные изделия этого времени, зафиксированные из раскопок и случайных находок, относятся лишь к XVII—XVI вв. до н. э. Эта культура, по-видимому, также проникла с юга. Расписной керамики ранних этапов, характерной для равнинной полосы—Кармир-берда (Тазакенд), Айгевана и т. д.—здесь пока не обнаружено.

В хозяйстве этой эпохи наблюдается преобладание в стаде крупного рогатого скота, причем, кроме летних месяцев, когда скот подымался на кочевки, скотоводство носило надомный характер. Получение большего прибавочного продукта, особенно на ранних фазах, от охоты и скотоводства отодвигало на третье место земледелие. Однако роль последнего тем более важна, что придает хозяйству форму оседлого скотоводческо-земледельческого хозяйства с широким применением продуктов охоты и собирательства.

В числе находок среднебронзового периода необходимо упомянуть белоникструированные сосуды из Дилижапа, украшенные пунктирными волнистыми линиями с отходящими серповидными выступами. Эта группа сосудов близко связана со вторым периодом среднебронзової керамики Армении, занимающей по периодизации А. А. Мартиросяна промежуточное положение между Кармирбердекой (Тазакендекой) группой (XX—XVIII вв. до н. э.) и сосудами из курганов кироваканского типа (XVI—XV вв. до н. э.)³.

Особенно близкие связи здесь прослеживаются с районами южных памятников, в частности, с находками из Севана, имеющими такую же орнаментацию в виде белоникструированных волнистых линий с отходящими серповидными выступами. Эта керамика находит свои аналоги также в комплексах сосудов с белой никструацией из Апарана, Тчачиена, Узерлика и других памятников, входя в ареал распространения Севан-Узерликской группы.

Другая группа керамики представлена расписными монохромными сосудами из Кирги—крупными гидриями, украшенными шевронами с волнистым заполнением, дисками и фигурами водоплавающих птиц. Эта керамика находит свои аналоги в памятниках се-

¹ Э. В. Ханзадян, Культура Армянского нагорья в III тыс. до н. э., Ереван, 1967, стр. 110—111.

² К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили, Древние культуры Южного Кавказа, Л., 1970, рис. 44.

³ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 56.

редины II тыс. до н. э., в частности, из Кироваканского кургана, раскопанного Б. Б. Пнотровским в 1948 г., Триалети, Гарни, села Кармир (р-н им. Камо) и т. д. Вместе с расписными сосудами из Кирги найдена черная керамика с елочным орнаментом и ленточно-накольным украшением, нанесенным зубчатым штампом, хорошо известным из Лчанеца, Узерлика, Муханнат-тапа, Кармир-берда и т. д. Для датировки этой группы важную роль играет наличие расписной керамики, которая схожа с расписными сосудами Кироваканской группы, но имеет и более ранние черты. Она сближается также с III группой расписных сосудов из ямных курганов Триалети⁴, имеющей близкие связи с расписной керамикой Армении и Азербайджана, особенно с сосудами из погребений, раскопанных Я. И. Гуммелем в Зурнабаде⁵, шейки которых лишены украшений, как и на некоторых сосудах из Кирги, Гарни⁶ и Триалети. Наконец, для несколько ранней датировки этого комплекса большое значение имеет находка книжала подтреугольной формы с небольшим язычком и двумя отверстиями на округлых плечиках. Подобные книжалы известны из Еревана⁷ и Триалети (раскопки О. М. Джапаридзе из Зуртакетских курганов)⁸, которые З. М. Гогошидзе, по аналогии с книжалами из Мегидо и Библоса, относит ко второй группе курганных погребений Триалети, датированной XVIII—XVI вв. до н. э.⁹

Наконец, из числа среднебронзовых изделий можно остановиться на топорах из Шамшадина, найденных при земляных работах близ животноводческой фермы села Навур. Эти топоры имеют опущенный обухок с овальным отверстием, несколько изогнутое тулово и расширяющееся лезвие¹⁰. Они находят аналогию в топорах из Тбилиси и Галашки, имея своим прототипом ленинаканский, а развитой формой кироваканский топоры.

Таким образом, памятники среднебронзовой поры Северо-Восточной Армении в основном входят в ареал развития Севап-Узер-

⁴ Э. М. Гогошидзе, Периодизация и генезис Курганной культуры Триалети, Тбилиси, 1972, стр. 107.

⁵ Я. И. Гуммель, Крашеная керамика в долине Ганджа-чая, Изв. Аз. ФАН СССР, № 5, 1939, стр. 38.

⁶ Э. В. Ханзадян, Гарни, вып. IV, Ереван, 1969, стр. 176.

⁷ С. А. Есаян, Каталог археологических предметов Музея истории города Еревана, вып. III, Ереван, 1972, стр. 69.

⁸ О. М. Джапаридзе, Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1969, стр. 260.

⁹ Э. М. Гогошидзе, указ. соч., стр. 104—105.

¹⁰ А. А. Мартirosян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 60.

ликской группы, находя теснейшие связи с южными районами, как Кировакан, Севап и отчасти Араратская равнина.

Переходя к памятникам позднебронзовой эпохи, необходимо отметить, что ранние фазы этой культуры пока не обнаружены. В эту эпоху повсеместно в Армении наблюдается бурный расцвет земледелия, скотоводства и ремесел, в частности металлургического производства. Этот процесс не мог не затронуть и рассматриваемые районы, где появляется ряд новых крепостей, развивается земледелие и достигают расцвета скотоводство и рудное дело.

Рассматривая металлические изделия из этих памятников, можно заметить определенные связи с памятниками Грузии и Азербайджана. Так, в рассматриваемое время появляется группа мечей так называемого закавказского типа с округлым или обрубленным концом (Мец-чал, Головино, Хаштарак, Кирги, Айгедзор и т. д.). Эти мечи в основном были распространены в рассматриваемых районах, где найдено 50% всех мечей этого типа из Армении, однако их мало по сравнению с Грузией. В основном они обнаружены в Иоралазанской долине, где, по данным 1965 г., из общего количества 153 мечей (в дальнейшем их число значительно увеличилось) 124 приходится на территорию Кахетии¹¹. Однако факт обнаружения подобных мечей в Западном Азербайджане—Кедабек, Калакенте, Кировабаде, Арчадзоре и т. д. позволяет отнести их ко всему Восточному Закавказью, быть может, с центром в Кахетии. К этому же культурному ареалу относятся книжалы с трубчатой рукоятью, хорошо известные из памятников Диллжана, Ноемберяна и Иджевана. В основном подобные книжалы, как и мечи, происходят из Грузии, где из общего количества 97 книжалов 59 приходится на районы Кахетии¹². Вместе с книжальными клинками и мечами в позднебронзовых памятниках Северо-Восточной Армении обнаружен новый вид цельноотлитого копья с закрытой втулкой; часть втулок украшена двумя рельефными валиками. Подобные копья характерны, в основном, для Кахетии и Самтавро. Их количество в Кахетии, не учитывая самтаврского материала, достигает шестидесяти¹³.

Последним ввезенным предметом в рассматриваемых районах является бронзовый топор колхидо-кобанского типа, найденный

¹¹ К. Н. Пицхелаури, Древняя культура племен, населяющих территорию Иоралазанского бассейна, Тбилиси, 1965, стр. 125.

¹² Там же.

¹³ Там же, стр. 134.

в Головини и переданный в музей Грузии¹⁴. В эпоху железа культура Армении почти нивелируется на весьма обширной территории, и вполне естественно, что между памятниками Армянского нагорья нет существенной разницы.

В керамических комплексах начала I тыс. до н. э. широко распространены сосуды с трапециевидными ручками, находящие свои аналоги не только в памятниках Армении, но и в погребальных комплексах Ходжалы, Мингечаура, Норюха, Кедабека и т. д. В этих же памятниках находят свои аналоги широкогорлые кувшины с двумя ручками в центре тулова. Необходимо отметить, что вообще весь керамический материал, состоящий из различных одноручных и безручных кувшинов, горшков, мисок и т. д., хорошо связывается с памятниками Западного Азербайджана и Восточной Грузии, входя в ареал распространения восточнозакавказской культуры. Эта общность не ограничивается указанными районами, а, как говорилось выше, распространяется и на памятники Армении.

Определенные связи наблюдаются также в предметах вооружения, в частности, широкие аналоги находят обсидиановые наконечники стрел миноидальной формы с округлым вырезом в нижней части, хорошо известные также в Триалети, Узерликке, Ханларе и т. д. В числе предметов вооружения необходимо указать на листовидные бронзовые клинки с двумя отверстиями на плечиках, бытующие еще с позднебронзовой эпохи и находящие свои аналоги из Степанакерта, Сачхери, Дагестана и т. д.

Особенно много аналогий имеется среди различных подвесок, амулетов, браслетов, серег и т. д., украшенных разнообразными символами, что указывает на близость не только материальной, но и духовной культуры. В числе их необходимо отметить найденные в Мец-чале, Джархече, Астхи-блуре, Норашене и т. д. многочисленные амулеты, украшенные треугольниками, кружочками, крестами и свастиками, круглые подвески, а также подвески в виде секиры и сердца, хорошо известные по находкам из Хачбулака, Куши, Човдара, Ходжалы, Кедабека, Ханлара, Мингечаура и т. д. Встречаются также крупные кольца с утолщенной срединной частью и закрученными в петлю концами из Иджевана, Редкин-лагеря, Астхибура и т. д., а также из комплексов Кедабека.

Интересные параллели находят треугольные гладкие или украшенные спиральными завитками, крестами, колосьями пшеницы и т. д. подвески, к которым при-

крепляются различные бубенчики, и ложко-видные подвески, известные из Дилижана, Джархеча, Иджевана и других памятников и находящие свои аналоги в материалах из Човдара, Кедабека, Ханлара и других памятников Западного Азербайджана.

Интересные параллели имеются в комплексах из случайно разрушенного погребения в Хртаноче¹⁵. Найденные здесь украшения состоят из различных колец, шейных гривен, трубчатых бус, крупных булавок, пряжек кобанского типа и т. д., имеющих аналоги с украшениями из Бешташена, Самтавро, Хавлегора, Дзани, Мингечаура, Долашлара и других мест Закавказья. Много интересных параллелей с районами Восточного Закавказья выявляется в памятниках раннеармянского (раннеахеменидского) времени, причем часть изделий продолжает старые традиции железного века, а другая отличается совершенно новыми формами. Так, при рассмотрении керамических комплексов, находящихся широкие параллели с районами Севанского бассейна, Лори, Араратской долины и другими районами Армении, значительная часть карасов, маслобоек, одноручных кувшинов с ручками, украшенными вертикальными прорезами, шипастыми выступами и наленными кружочками, фиал и т. д. находит близкие связи с керамическими комплексами из Кара-тепе, Сары-тепе, Кахетии, Триалети, Мингечаура, Карабаха и таких более поздних памятников, датируемых V—I вв. до н. э., как Узун-тепе, Джафархан, Мингечаур и т. д.

Много связей выявляется и при рассмотрении предметов вооружения, и в частности бронзовых и костяных наконечников стрел, часть которых находит свои аналоги из Бешташена, Сатовле, Самтавро, Кахетии, Мингечаура и других памятников Восточного Закавказья.

Говоря о наконечниках стрел, необходимо остановиться на двух- и трехлопастных бронзовых стрелах «скифского» типа с шипастым выступом на втулке, найденных в крепостях VI—V вв. до н. э.—Астхи-блуре, Норашене, Гмбадире, причем они, по-видимому, принадлежали племенам, уничтожившим эти крепости. Подобные стрелы хорошо известны из многих памятников скифского периода (VI—VI вв. до н. э.) Средней Азии, Северного Причерноморья, Дона и т. д. Встречаются они также в Закавказье, датируясь тем же временем—VII—VI вв. до н. э. Нахождение же их в более поздних памятниках Северо-Восточной Армении могло вызвать определенные затруднения для их датировки, если бы не одно обстоятельство. К. Ф. Смирнов, тщательно изучивший этот тип стрел, справедливо указывает, что он был основным

¹⁴ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы... стр. 124.

¹⁵ Там же, стр. 270.

для всего VII и отчасти VI вв. до н. э. в Скифии у савроматов и повсюду, где встречаются «скифские» наконечники стрел. Как в Северном Причерноморье, так и в Поволжье в погребальных комплексах V в. до н. э. стрелы этого типа встречаются очень редко. В то время таких стрел уже не изготовляли, и в колчаны воинов V в. до н. э. они могли попасть только, если их находили на земле или в более древних могилах, случайно разрушенных или ограбленных¹⁶.

Интересно отметить, что в Ошакане, в одном из погребений, датируемом серединой VI в. до н. э., найдено много скифских стрел и урартской керамики, по-видимому, также разграбленных из ранних погребений, расположенных по соседству¹⁷. Большое количество подобных стрел найдено и в грунтовых погребениях Мингечаура VII—V вв. до н. э.¹⁸

Возвращаясь к указанным стрелам из памятников Северо-Восточной Армении, можно предположить, что племена, штурмовавшие и обстреливавшие крепости «скифскими» стрелами, пополняли свой арсенал грабежом древних погребений.

Кроме стрел, в рассматриваемых памятниках обнаружено много другого оружия, встречаемого в памятниках Закавказья. Здесь необходимо указать железный топор¹⁹ из Бердакара, по своей форме напоминающий железные топоры скифского типа, хорошо известные из Центральной и Восточной Грузии и Северного Кавказа и датируемые VII—VI вв. до н. э. К тому же периоду относятся топоры и молоты того же скифского типа из Муснери и Хртанона, находящие свои аналоги в скифских курганах Киевской области.

Говоря о топорах, нужно указать также находки двулезвийных железных топориков из Норашенской крепости, близкие формы которых хорошо известны из грунтовых погребений Самтаврского могильника VII—VI вв. до н. э.

Гораздо больше связей выявляется среди предметов украшений, причем часть их распространена как в рассматриваемых районах Северо-Восточной Армении, так и в смежных районах Восточного Закавказья, а другие явно не местного происхождения. К первым относятся многочисленные украшения в виде спиралевидных очковых и гривновидных подвесок, хорошо известных из Ханлара, Мингечаура, Кедабека, Долацлара и других мест.

¹⁶ К. Ф. Смирнов, Вооружение савроматов, МИА, 101, М., 1961, стр. 41.

¹⁷ Совместные раскопки автора с А. А. Калантаряном.

¹⁸ Г. П. Понс, Мингечаурская разновидность наконечников стрел «скифского» типа, МКА, III, Баку, 1953, стр. 85.

Основная масса браслетов, шейных гривен, различных подвесок, фибул и т. д. также находит свои аналоги в Бешташене, Самтавро, Кахетии, Кедабеке, Калакенте и других памятниках Восточного Закавказья.

Наряду с ними встречается ряд булавок явно не местного происхождения. К числу их относится булавка из Астхи-блуре, увенчанная головками оленей. Подобные булавки, украшенные головками лошадей, баранов и оленей, в большом количестве известны из Сержень-юрта, Кобани, Заюково, Верхней Рутхи и т. д. Такое обилие находок булавок указанного типа на Северном Кавказе и единичные их находки в Закавказье—Банис-хеви, Астхи-блуре, Дагестане дали возможность В. П. Козенковой отнести их к кобанской культуре, датируя всю группу концом II тыс.—VI—V вв. до н. э.¹⁹

Новостью являются также булавки из бердского могильника, представляющие собой плоские стержни, верхняя часть которых украшена одной или двумя парами отходящих валов в виде спиралевидных завитков. Подобные булавки в Закавказье известны из Квачхелеби, Амранис-гора, Сачхери и Мингечаура. Булавки подобного типа во II тыс. до н. э. получают широкое распространение на Северном Кавказе—в Фаскау, Северной Осетии, Пятигорье, Чечне и Дагестане. Находки этих булавок в бердском могильнике показывают, что они, появившись в Закавказье в III тыс. до н. э., проникают на север и уже оттуда совершают обратный путь в Армению.

Завершая обзор исторических памятников и их связей с соседними районами Восточного Закавказья, нужно отметить, что племена, населявшие этот лесистый, сильно изрезанный отрогами горных хребтов край, территория которого в древности почти до 70% была покрыта лесами, в III тыс. до н. э. жили отдельными небольшими поселениями, расположенными по берегам горных рек, и занимались земледелием, скотоводством и охотой. От набегов лучшей защитой служили густые леса, которые к тому же надежно «закрывали» от нас их остатки. Влияние на их материальную культуру оказывали племена, жившие на юге, как это четко показано на материалах Такавораниста, имеющих, по меткому замечанию Б. Б. Пиотровского, полную аналогию с шенгавитскими²⁰. С развитием скотоводства в районы Северо-Восточной Армении также с юга стала проникать своеобразная культура эпохи средней бронзы,

¹⁹ В. П. Козенкова, Об одном типе кобанских булавок, КСИА, вып. 132, 1972, стр. 12.

²⁰ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 34.

влияние которой, по-видимому, распространилось двумя путями—из Триалето-Кированского и Севан-Урзерликского районов, имеющих между собой близкие связи как в культуре расписной и белопиктурированной керамики, так и предметов вооружения. В это время с северными районами, в частности, с земледельцами Марицули, связей не было, и вряд ли воинственные скотоводы и охотники, надежно прикрытые лесами, жили с ними в дружбе. Племена этого края осваивали высокогорные луга и все больше сжигали лесов как для развития земледелия, так и создания надежно укрытых зимовников для скота.

Переход в эпоху поздней бронзы к развитому земледельческо-скотоводческому хозяйству, притом уже надежно укрытому целым рядом систем циклопических крепостей, значительно усилил связи с южными районами, которые, как уже указывалось выше, особенно усилились в начале и середине I тыс. до н. э., что привело к ассимиляции местных племен.

В этой связи становится понятным, почему памятники раннеармянского времени здесь сохранились лучше, чем на юге, не испытав на себе последствий нашествия греков и римлян.

ГЛАВА II

ЦИКЛОПИЧЕСКИЕ КРЕПОСТИ И ПОСЕЛЕНИЯ

Циклопические крепости Армении, опоясывающие цепью важнейшие узловые пункты горных перевалов, пастбища, проходы по ущельям рек, давно уже интересуют ученых. Этот вполне оправданный интерес вызван как археологическим значением самих памятников, так и их военно-фортификационным замыслом. Первым исследователем этих памятников является выдающийся армянский архитектор Т. Тороманян (1920—1921 гг.), который наиболее древние крепости относил к эпохе неолита¹.

В начале тридцатых годов экспедицией Академии истории материальной культуры в составе А. А. Аджана, Л. Т. Гюзальяна и Б. Б. Пиотровского были обследованы крепости районов горы Арагац, а также западного и южного побережья озера Севан². В 1931 г. И. И. Мещанинов также принял участие в обследовании древних крепостей Армении³.

Собранный материал выявил четыре основные группы, из коих две первые относятся к эпохе бронзы и времени Ванского царства, а остальные—к средневековью.

В 1934 г. Б. Б. Пиотровский, обследовав Кармирбердский (Тазакендский) могильник и циклопическую крепость, впервые связал циклопическую кладку крепости с ранним материалом из могильника, раскопанного П. В. Чарковским, М. Захарянцем и Э. Реслером, отнеся циклопические сооружения к началу II тыс. до н. э.—к периоду бытования

расписной керамики⁴. Позже Б. А. Куфтин на основе раскопок Бешташенской крепости и ряда сооружений Армении (Шенгавит, Шрешблур и др.) появление циклопических крепостей отнес к III тыс. до н. э.⁵ А. А. Мартиросяном был выявлен ряд новых крепостей, относящихся к указанному времени⁶, С. А. Сардаряном открыт участок мощной стены в Шенгавите, а Э. В. Ханзадян обнаружила остатки циклопических стен раннебронзового поселения Гарни⁷.

В последнее десятилетие Г. А. Микаеляном, составляющим свод циклопических крепостей Армении, было обмерено и исследовано несколько сот крепостей и издан первый выпуск, посвященный крепостям Севанского бассейна⁸. Обширную сводку крепостей Ноемберянского района без их обмеров составил С. С. Чилингарян⁹.

В настоящей работе описано и исследовано 58 циклопических крепостей и поселений на территории Северо-Восточной Армении¹⁰.

¹ К. Х. Кушарева, Тазакендский могильник в Армении, СА, № 1, 1960, стр. 139; С. А. Есаян, Ереван, Ереван, 1969, стр. 31.

² Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, стр. 108 и посл.

³ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 23.

⁴ Э. В. Ханзадян, Гарни, вып. IV, стр. 23.

⁵ Г. А. Микаелян, Циклопические крепости Севанского бассейна, Ереван, 1968.

⁶ С. С. Чилингарян, Циклопические сооружения Ноемберянского района, ИФЖ, 1968, № 1, стр. 224 и посл. В настоящей главе рассматриваются лишь крепости, в которых мною производились раскопки; описание остальных крепостей приводится в приложении в конце работы с указанием их номеров в тексте.

⁷ Часть материалов о крепостях опубликована мною с К. К. Кафадаряном и Г. А. Микаеляном, см. С. А. Есаян, К. Г. Кафадарян, О некоторых крепостях Шамшадинского района, Изв. АН Арм. ССР, № 11, 1965, стр. 80; Г. А. Микаелян, С. А. Есаян, Циклопи-

¹ Ф. Фаринанович, *Նյութեր հայտնի և անհայտ ցիկлоպիկ քրեպոստի, Երևան, 1942, էջ 11—30;*

² А. А. Аджан, Л. Т. Гюзальян, Б. Б. Пиотровский, Циклопические крепости Закавказья, ГАНМК, № 1—2, 1932, стр. 61—64; Б. Б. Пиотровский, Л. Т. Гюзальян, Крепости доурартского и урартского времени. Проблемы истории матер. культуры, 1932, № 5—6, стр. 51—59.

³ И. Мещанинов, Циклопические сооружения Закавказья, изд. ГАНМК, XIII, 4—7, 1932.

Эти крепости сооружены в труднодоступных местах—на холмах, скальных высотах, мысах, выступающих в ущелья и т. д. и повторяют конфигурацию местности, причем строители хорошо использовали естественные укрепления. Все эти сооружения небольшие, занимают площадь от 0,5 до 6 га. Сте-

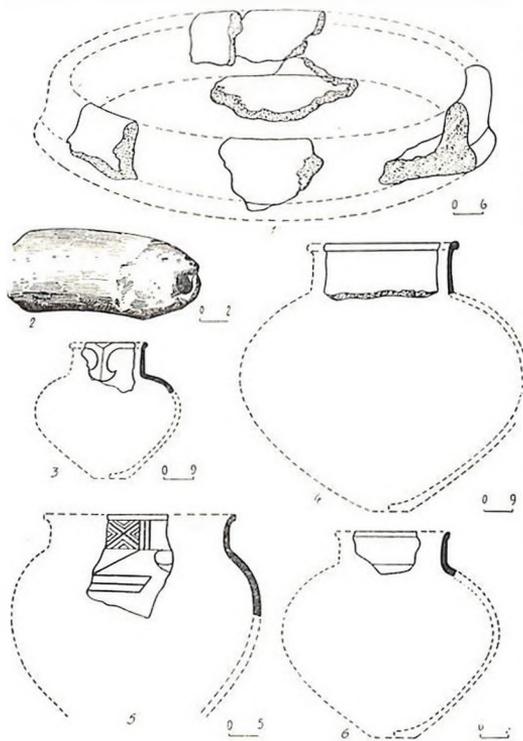

Табл. 1. Предметы из раннебронзового поселения Дзагапатех.

ны крепостей, за небольшим исключением, лишены башен, но имеют изломы и выступы, позволявшие вести фланкирующую стрельбу и по мере возможности ликвидировать мертвые пространства. Все они имеют дополнительные укрепления перед входом в крепость, образующие своеобразные «каменные мешки» для ворвавшегося в ворота противника.

Наряду с этими общими чертами в каждой крепости имеются отдельные характерные

фортификационные особенности, вытекающие из конкретных условий местности и назначения самой крепости.

Для сооружения крепостей требовалось огромное количество камня, который часто добывался не у самой крепости, а в нескольких километрах от нее.

Насколько трудоемка была эта работа, можно судить по ряду крепостей, сконцентрированных близ сел Навур Шамшиадинского и Енокаван Иджеванского районов Армянской ССР. Так, циклопическая крепость Таидзут опоясана двумя рядами стен. Стены первого (внешнего) ряда вместе с двумя полукруглыми защитными сооружениями перед восточным входом имеют в длину 700 м, а в ширину—2 м. Высота сохранившихся стен, выложенных из крупных каменных блоков, незначительна—1—2 м. Однако в ряде крепостей, в частности, в Бердекой, также входившей в систему защитных сооружений близ села Навур, стены сохранились до высоты 4—5 м. Если взять в основу всех чиселений даже эту высоту, а не большую¹¹, то окажется, что при сооружении стен первого ряда уложено 5600—7000 куб. м камня. Стены второго ряда имеют длину в 400 погонных м при ширине 5 м. Принимая ту же условную высоту в 4—5 м, можно сказать, что они содержат 8000—10 000, а оба ряда стен вместе—13600—17000 куб. м кладки. При этом не учитывается кладка нескольких контрфорсов, которая при таком объеме работ не имеет существенного значения.

Исходя из этого же расчета, в крепости Кари-глух близ села Навур, имеющей два ряда стен и четыре террасы общей длиной в 1000 м при ширине в 3 м и высоте стен в 4—5 м, общий объем кладки должен был составить 12 500—15 000 куб. м. Бердекая крепость, окруженная тремя рядами стен, имела объем кладки в 8000—10 000 куб. м. Приблизительно такой же объем кладки имели крепости Сртнер и Дашти-берд. Объем же кладки всех циклопических крепостей близ села Навур составляет 50 000—64 000 куб. м. Приблизительно такая же картина наблюдается в крепостях Енокаванской группы—Астхилуре, Бердатехе, Армунг-ахноре, Котакаре и Тхугт-дзоре, расположенных на расстоянии 2—8 км друг от друга и имеющих общую протяженность стен в 4000 погонных м при средней ширине в 3 м и высоте в 4—5 м, об-

ческие крепости Шамшиадина и Красносельска, ИФЖ, № 3, 1968, стр. 289; С. А. Есаян, Г. А. Микаелян, О некоторых циклопических крепостях Ноэмберяна, ИФЖ, № 1, 1972, стр. 269; С. А. Есаян, Г. А. Микаелян, Циклопические крепости Иджевана и Ноэмберяна, ИФЖ, № 4, 1973, стр. 213.

¹¹ Так, стены более поздних крепостей Армении—Гарни, Тигракаерта и др. превышали 25 м. См. Б. Н. Аракелян, Гарни, вып. 1, стр. 34. По устному сообщению Г. А. Микаеляна, высота сохранившихся стен крепостей Севанского бассейна и Разданского района достигает 6—8 м.

щий объем кладки стен которых составляет 48 000—60 000 куб. м.

Только эти цифры свидетельствуют об огромной затрате физических сил при возведении крупных защитных сооружений. Одновременно они говорят об использовании значительного числа людей и тягловой силы, а также о навыках в добыче камня.

Ниже приводятся выполненные С. Алапакяном, Г. Кочояном, Г. Даниеляном, К. Кафадаряном, А. Кочаряном обмеры крепостей¹², с описанием их строительных особенностей и результаты моих раскопок 1960—1971 гг.

КРЕПОСТИ РАННЕБРОНЗОВОГО ПЕРИОДА

Единственным поселением раннебронзового периода, давшим интересные находки, является поселение Джагацатех, расположенное на юго-восточной окраине села Джуджеван Ноемберянского района слева от дороги, ведущей в Иджеван¹³. Территория поселения в настоящее время покрыта яблоневым садом. При расширении дороги срезали склон возвышенности, на которой было расположено поселение, и в разрезе стали видны черепки керамики и остатки обожженных костей. Длина культурного слоя, наблюдаемого в разрезе, достигает 30 м. Сад вплотную подступает к дороге, где имеется небольшой выступ, свободный от деревьев. Культурный слой высотой 60 см залегает на глубине 0,8—1 м от поверхности земли. В разрезе склона, достигающего местами более 2 м, обнаружен пол древнего помещения, под которым никаких следов второго слоя не было и лишь залежала материковая земля и скальные выступы. Здесь в 1968 г. на указанном выступе был заложен шурф размером 10×2 м, глубиной 0,6 м. Шурф, по-видимому, попал в самый центр помещения, так как стены не были обнаружены, но было найдено много сырцовых кирпичей. Здесь оказалось большое количество (более трехсот) фрагментов черной, красной и коричневой керамики с характерной для второй половины III тыс. до н. э. орнаментацией. Пол помещения был засыпан

ровным слоем мелкого песка. Здесь же найдены фрагменты крупной печи, описание которой приводится ниже в гл. V, а также небольшое количество каменных терочников, пестов и т. д. Керамика представлена пятью группами.

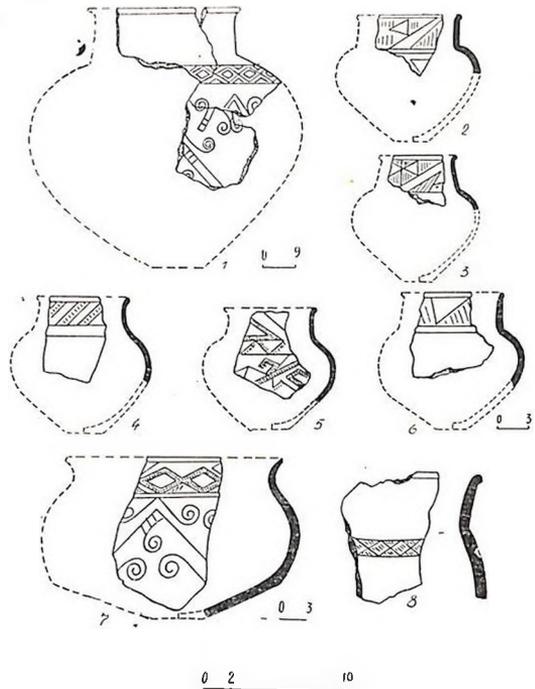

Табл. 2. Предметы из раннебронзового поселения Джагацатех.

Сосуды первой группы представлены фрагментами крупных черных и красных лощеных широкогорлых карасов высотой до 80 см (пять экз.). По форме это крупные с округлым туловом широкогорлые кувшины с высокими шейками с четко отогнутыми венчиками. На одном фрагменте сохранилась полушаровидная ручка. Два украшены резным и прочерченным меандром, спиралевидными завитками и изображением креста (табл. 1, рис. 3—6; табл. 2, рис. 1).

Вторую группу керамических изделий составляют широкогорлые кувшины высотой до 25—30 см (табл. 2, рис. 2—8; табл. 3). Все они имеют округлый венчик и высокую шейку. Тулово большей частью округлое с резким заострением в нижней части, с небольшим дном. Часть из них снабжена полушаровидными, вытянутыми или рудиментарными ручками.

¹² Г. Даниеляном обмерены крепости Красносельского района, крепости Таилзут, Қари-глух, Дашигамроц, Сртнер и Бердская крепость Шамшадинского района; К. Кафадаряном обмерены крепости Масмаляр, Сеприк и Азатаван Шамшадинского района, остальные крепости Шамшадинского и Иджеванского районов обмерены Г. Кочояном глазомерной съемкой. Крепости Ноемберянского района обмерены А. Кочаряном и С. Алапакяном.

¹³ С. А. Есян. Памятники эпохи ранней бронзы Северо-Восточной Армении, ВОН, № 7, 1971, стр. 70.

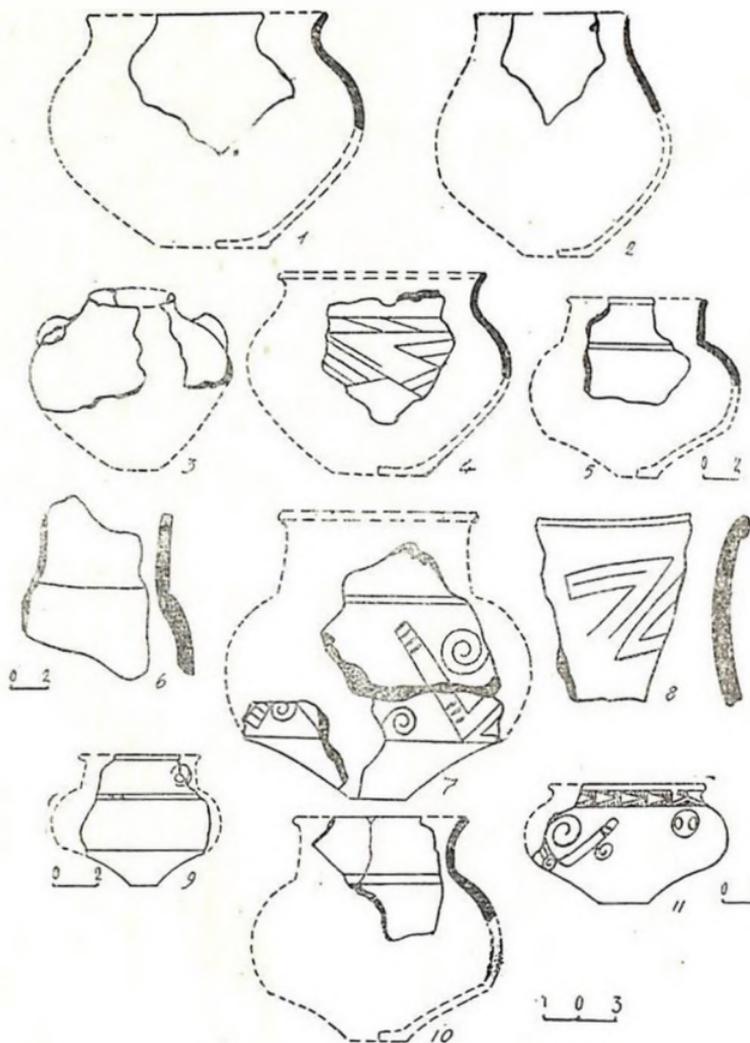

Табл. 3. Предметы из раннебронзового поселения
Джагатах.

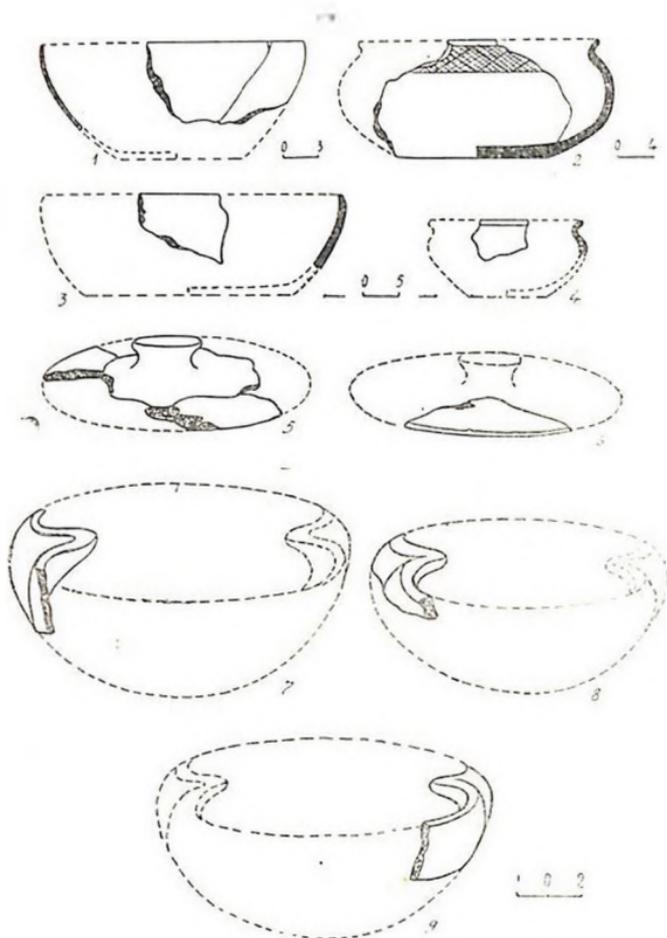

Табл. 4. Предметы из раннебронзового поселения
Джагацатех.

Одни сосуды гладкие, лишённые какой-либо орнаментации, другие украшены резным или прочерченным орнаментом в виде меандра, спирали, треугольников с точечным заполнением и косыми линиями. Эта группа самая большая.

Третью группу керамических изделий образуют миски, в большинстве своем с хорошим, доходящим до блеска лощением, хотя имеется небольшая группа сосудов без лощения.

Большинство мисок с чуть закругленным туловом, без шейки, с округлым венчиком и широким плоским дном. Однако имеется несколько экземпляров с закругленным туловом, небольшой шейкой и четко выступающим округлым венчиком. Значительная часть их лишена какой-либо орнаментации, лишь некоторые украшены меандром, косыми линиями с точечным заполнением и сетчаткой (табл. 4, рис. 1—4, табл. 6).

Четвертую группу образуют две крышки от сосудов диаметром 16—17 см, имеющие дисковидную форму. В центре одной сохранилась вертикально поставленная ручка. Обе крышки коричневого цвета с прекрасным лощением (табл. 4, рис. 5—6).

Пятую группу керамических изделий образуют три сосуда типа крупных мисок, два противоположных борта которых вдавлены вовнутрь (табл. 4, рис. 7—9). Подобные миски известны из раннебронзовых поселений Шенгавита, Такавораниста¹⁴, Коси-Чотера¹⁵ и Арпча¹⁶. Гораздо чаще встречаются они в памятниках II тыс. до н. э.—Лчашене, Баязете, Артике, Арзни, Лори-берде и т. д.¹⁷

Сказанное позволяет уточнить время возникновения и бытования подобных сосудов—рубеж второй половины III тыс. до н. э.—все II тыс. до н. э.

Кроме керамических изделий, в поселении обнаружено и несколько орудий. Это, в основном, каменные песты и терочники, изготовленные из речного глыша, с хорошо заметными отработанными частями. Вместе с ними обнаружен небольшой круглый камен-

ный шар, являющийся заготовкой для изготовления булавы (табл. 7).

Необходимо указать также две ладьевидные крупные зернотерки со следами долгого использования. Здесь же был найден небольшой хорошо ретушированный вкладыш кремневого серпа, хорошо известного по мно-

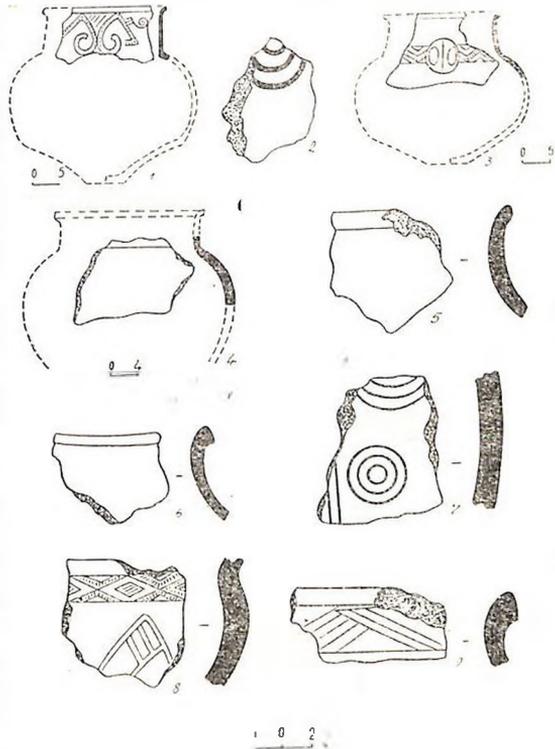

Табл. 5. Предметы из раннебронзового поселения Джагацатех.

гочисленным аналогиям в памятниках рассматриваемой эпохи, и небольшое шило, изготовленное из кости козы с сохранившимся энифизом.

Таким образом, небольшие раскопки джагацатехского поселения указывают, что оно относится ко II половине III тыс. до н. э., то есть к эпохе, хорошо представленной материалами из древних земледельческих поселений Армении.

Циклопическая крепость вторая (малая) шаглала находится на северной окраине поселка Айрум, на правом берегу реки Дебед. Крепость сооружена на скальном выступе, возвышающемся над консервным заводом и дорогой, ведущей из Ноемберяна в Айрум (табл. 8). Выступ имеет форму равнобедрен-

¹⁴ Э. В. Ханзадян, Галин, вып. IV, стр. 97.

¹⁵ Сосуды обнаружены археологами Р. Торосяном и О. Хикинином при строительных работах; материалы готовятся к печати С. Деведжян.

¹⁶ Данные об Артике и Арпча приведены по устному сообщению руководителя экспедиции Т. С. Хачатряна.

¹⁷ А. О. Мнацаканян, О двухцветной керамике Лчашена, Изв. АН Арм. ССР, № 5, 1957, стр. 112; А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 57; Э. В. Ханзадян, Галин, вып. IV, стр. 94; С. Деведжян, Могильник № 2 Лориберда, ИФЖ, № 2, 1972, табл. 1, рис. 6.

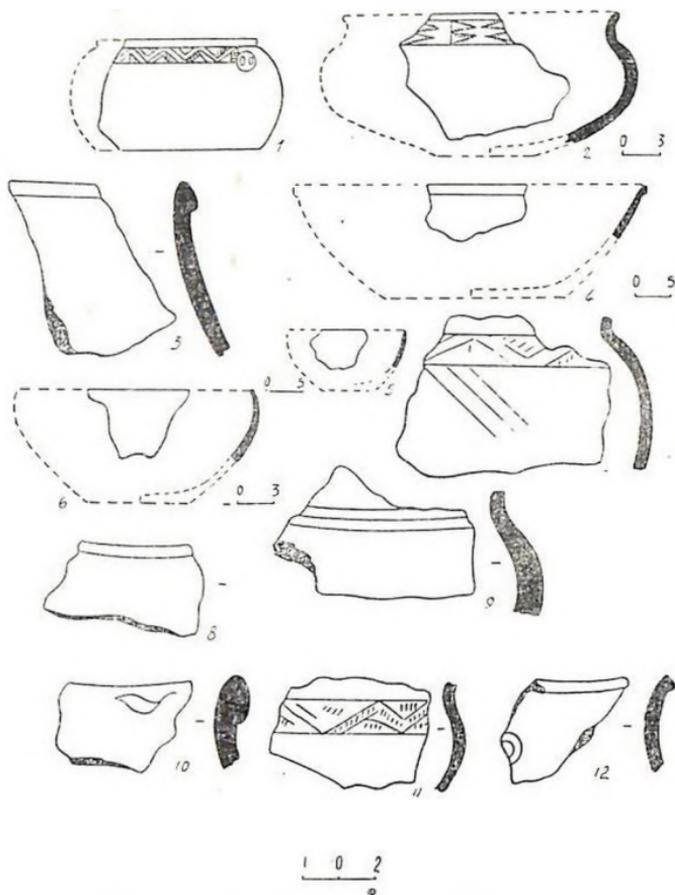

Табл. 6. Предметы из раннебронзового поселения
Джагацатех.

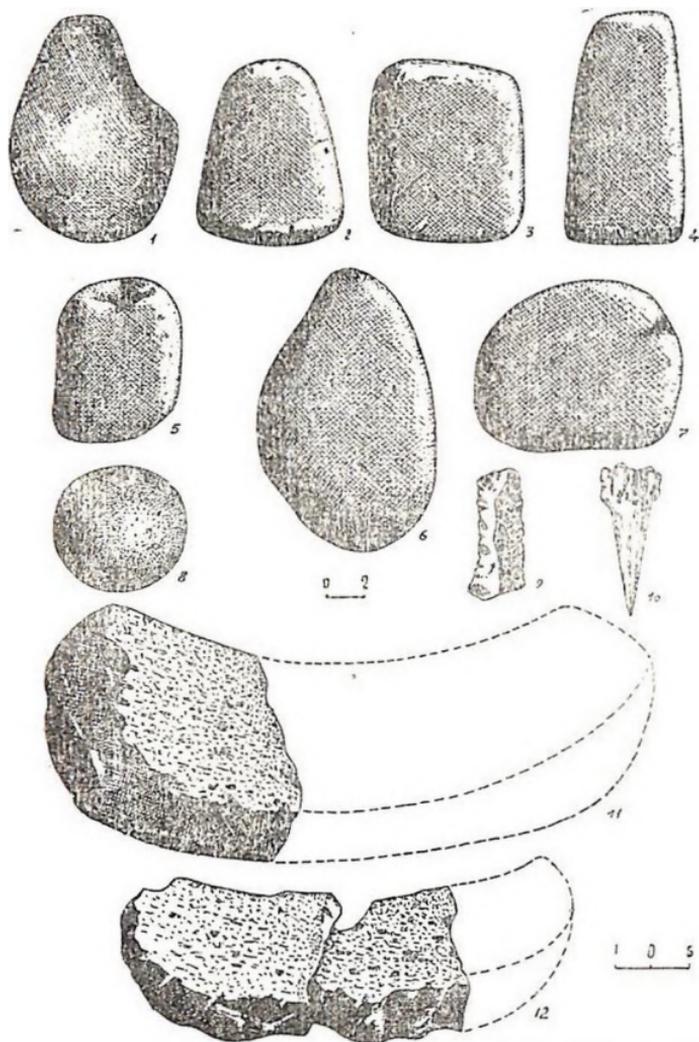

Табл. 7. Предметы из раннебронзового поселения
Джагатах.

ного треугольника, площадью чуть более 1,5 га. Южные его склоны, обращенные к реке Дебед, резко обрывисты и не требуют каких-либо укреплений. Западные, имея такие же обрывистые склоны, местами доступ-

ного угла холма, где долгие годы действовала каменоломня по добыче базальта для нужд строительства. При осмотре местности выяснилось, что ровная, чуть возвышающаяся в центре поверхность холма вследствие вспан-

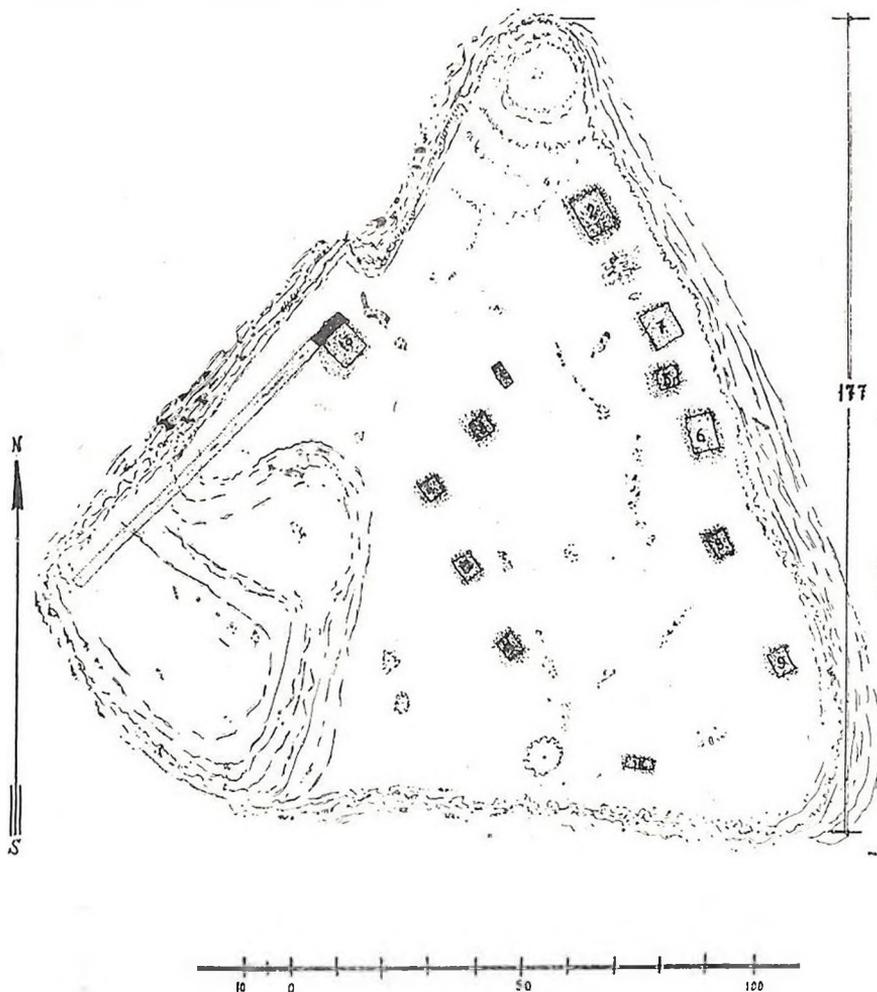

Табл. 8. План III шагамы.

ны для восхождения. С целью их защиты от юго-западной кромки холма до отвесных скал возведена стена шириной в 3,5 м, часть которой была открыта мною в шурфе 13, а остальная часть прослеживается на протяжении около 100 м. Единственная незащищенная сторона—восточный покатый склон холма, который сливается с окружающей местностью. По-видимому, в древности здесь была крестовая стена, ныне полностью уничтоженная, так же как часть северо-восточного

ки частично выветрилась. В юго-западной части видны материковые скалы. Северо-восточная часть холма, где, как удалось установить, до начала раскопок случайно был обнаружен всклобушенный топор (табл. 82, рис. 8)¹⁸ частично разрушена вследствие до-

¹⁸ С. С. Чилингарян, Циклопические постройки Изумрудного района, ИФЖ, № 1, 1968, табл. 1, рис. 1; С. А. Есаян, Памятники эпохи ранней бронзы Северо-Восточной Армении, ВОН, № 7, 1971, стр. 69.

были здесь камня. Топор имеет круглое отверстие в чуть отгибающемся обухе и прямую лопасть, приближающуюся по своей форме к лопастям раннебронзовых топоров из Дезинакана и Осетии, но отличающуюся от них несколько удлинненным лезвием. Наиболее близкой аналогией в Армении является топор из Араратской долины¹⁹. К такому же топору относятся литейные формы из Кюль-тене²⁰ и Гарни²¹. Подобные топоры известны также из Караза²², Кюрдаре²³, Сачхери²⁴, Фаскау, Карца, Терской области, Кобанского могильника²⁵, Марисули²⁶ и ряда других мест.

В 1971 г. мною здесь были проведены раскопки. Так как не было видно следов каких-либо сооружений, вдоль восточной оконечности холма и центральной оси крепости с севера на юг были заложены тринадцать шурфов. Размеры шурфов колеблются от 4×4 до 4×8 м. Глубина их в зависимости от залегания материковых скал колеблется от 0,2 до 0,8 м. От поверхности почти всех шурфов до глубины 0,4 м были обнаружены черепки керамики раннеармянского времени (см. ниже), а ниже, до материковых скал, — керамика и каменные изделия раннебронзового времени. Во всех шурфах, кроме шурфа 2, не наблюдалось каких-либо следов помещений. Лишь здесь в северо-западной части шурфа обнаружен участок стены длиной в 2 м, высотой в 0,5—0,7 м, выложенной из рваного базальта на глиняной смеси, в которой встречаются речные булыжники. В некоторых шурфах видны следы речного песка и гальки образующих пол.

Керамический инвентарь всех шурфов одиотипный и состоит из фрагментов крупных

сосудов, украшенных шашечным орнаментом, квадратик которого обрамлен ромбовидной сетчаткой и заполнен косой штриховкой (табл. 9, рис. 1), что наблюдается также в орнаментальных мотивах керамики из Шенгавита²⁷ и Гарни. Найдены также фрагменты сосудов черного цвета с бурой подкладкой, украшенной рельефными спиралями, имеющими форму правильного круга или овала (табл. 9, рис. 3, 10; табл. 10, рис. 3; табл. 11, рис. 2, 4, 5). Обнаружены также фрагменты разнообразных крупных сосудов черного и красного цветов, с серой и красной подкладкой. Большая часть их лишена какой-либо орнаментации (табл. 11, рис. 3, 6, 7, 9, 10), но некоторые (табл. 14, рис. 1, 2, 4, 7, 8) украшены выемчатыми и рельефными спиралями и геометрическим орнаментом, образованным из сочетания слабо прореченных линий с заполнением из точек или резких косых черточек. Подобный орнамент хорошо известен из памятников Араратской долины, Кирово-капской группы и долины реки Агстев, в частности, по керамике из соответствующих слоев Баба-Дервиша и Агстева²⁸.

Необходимо отметить, что в керамике айрумских шагларов хорошо видно сочетание резного орнамента с выпукло-выемчатым, что наблюдается в керамике Шенгавита, Айгевана, Коси-Чотера, Баба-Дервиша, Агстева и отчасти Гарни. Здесь также встречается (на одном сосуде из шурфа 2) круглое углубление над полушаровидной ручкой, хорошо известное в керамике из Айгевана, Гейтене, Элара, Заглика и Баба-Дервиша, Агстева и т. д. Для подобных сосудов характерны полушаровидные и вытянутые ручки.

Найдены также небольшие тонкостенные сосуды, украшенные разнообразным геометрическим орнаментом, нанесенным сочетанием тонколинейных и точечных орнаментаций (табл. 12). Подобная орнаментация характерна для керамики Кировокапской группы — Коси-Чотера, Такавораншта, Маштоц-блур и отчасти Шенгавита и Гарни, а также верхних слоев эчмиадзинского Мохраблур. Подобная керамика известна также в Грузии (Триалети, Тетрицкаро и Бедени)²⁹.

²⁷ С. А. Сардарян, Первообытное общество в Армении, Ереван, 1967, табл. LVI, LVII и др.

²⁸ Г. С. Исмаилов, Орнаментация керамики древнего поселения Баба-Дервиш и ее взаимосвязь с энеолитическими памятниками Закавказья. Сб. «Археологические исследования в Азербайджане», Баку, 1965, стр. 57—59, рис. 2, 3; Г. Нариманов, Г. С. Исмаилов, Акстафачайское поселение близ г. Казача, СА, № 4, 1962, стр. 153.

²⁹ Э. В. Ханзян, Гарни, вып. IV, стр. 75; *ею же*, Энеолитическое поселение близ Кировокапа, СА, № 1, 1963, стр. 159—160.

¹⁹ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 39; С. А. Есаян, Оружие и военное дело древней Армении, Ереван, 1966, стр. 29.

²⁰ О. А. Абибулаев, К вопросу о древней металлургии Азербайджана, МИА, 125, стр. 68.

²¹ Э. В. Ханзян, Культура Армянского нагорья в III тыс. до н. э., Ереван, стр. 47 (на арм. яз.).

²² П. Kasay-Kurjan, Fizikim-Kazaz, Raportu иТ Тагиз Кигити, Belleten, XXIII, 1959, стр. 319, рис. 172—174, 177—178.

²³ Нащенко, Исследование армянских памятников материальной культуры в Абхазии, стр. 25, 29, рис. II—12.

²⁴ О. М. Джанаридзе, К истории грузинских племен, стр. 262, табл. XV; *ею же*, Ранний этап древней металлургии Грузии, табл. XII.

²⁵ Е. П. Крушов, Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода, МИА, 23, стр. 38—39, рис. 7.

²⁶ Д. С. Коридзе, Новообнаруженный выскобленный топор из села Кизил Аджо, ВМГ, XXIV-B, стр. 30; *ею же*, Новые находки медных орудий в Клемо-Картли, СА, № 1, 1958, стр. 134.

Остальные образцы керамики украшены косыми угольниками, спиральными завитками, меандром и т. д. Характерны, в основном, полушаровидные, рудиментарные и вытянутые ручки.

лишь три фрагмента черных кувшинов. Все они относятся к небольшим по форме стакановидным сосудам с чуть заметными венчиками (табл. 12, рис. 3, 6, 7). Два из них украшены сетчаткой и слабо прочерченными леп-

Табл. 9. Предметы из 11 шагалмы (шурф 2, нижний слой).

Наряду с этим встречаются сосуды с более редкой орнаментацией; к числу их относится фрагмент крупного буро-красного сосуда, поверхность которого украшена вертикальными штрихами, нанесенными лощением, что встречается на раннебронзовых сосудах Арича³⁰. Среди мелких сосудов выделяются

точными линиями с точечным заполнением и снабжены небольшой полушаровидной ручкой.

Среди керамики этого типа имеются тонкостенные широкогорлые кувшинчики (табл. 16, рис. 1—3), один из которых (табл. 16, рис. 1) под венчиком и в верхней части тулова украшен тонколинейным орнаментом, сочетающимся с точечными углублениями и резным изображением двойной спирали, ниж-

³⁰ Раскопки Т. С. Хачатряна, материалы не опубликованы.

ная часть которой украшена спиралями, косыми линиями, заполненными резными линиями.

На фрагментах других черных и красных сосудов имеется орнаментация в виде

Интересен фрагментарно сохранившийся сосуд бледно-красного цвета с бурыми пятнами, по форме приближающийся к широкогорлым кувшинам и имеющий треугольной формы слив, редко встречающийся на сосу-

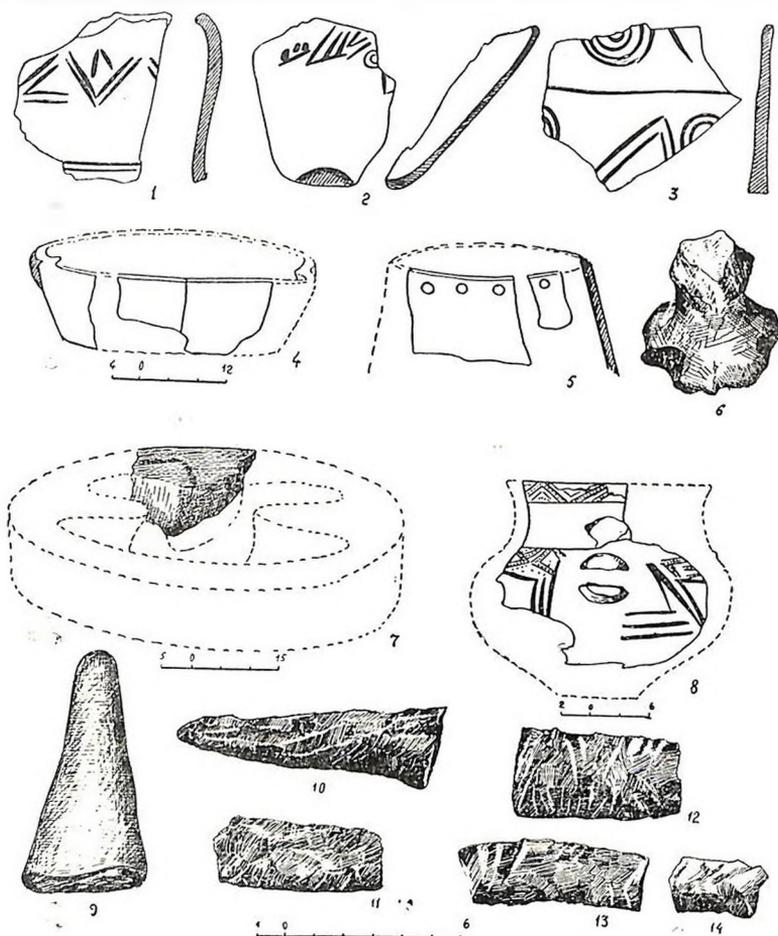

Табл. 10. Предметы из II шаглы (шурф 2, нижний слой).

чередующихся косых линий, часть которых заполнена точечными углублениями (табл. 16, рис. 18, 19). Интересен сосуд округлой формы, грубый венчик которого косо срезан вовнутрь и чуть вытянут над бортом, напоминающая миску с висящим вовнутрь венчиком (табл. 11, рис. 4). Подобные миски известны из Гарни и ряда поселений позднего халколита центральной Анатолии, Кан-Гасана, Геоксеу, Мал-тепе, Муша, Мерсиня, Тарсуса II и т. д.³¹

дах раннебронзового периода (табл. 15, рис. 1).

Кроме указанной керамики найдены фрагменты сосудов бурого цвета, похожие на скорлупу индийского ореха, форма которых хорошо известна по находкам в Джагацатехе, Шенгавите, Такаворанисте, Коси-Чотере и Ариче. В числе прочих изделий необходимо указать на фрагменты расширяющейся книзу красной цилиндрической курительницы, под венчиком которой проходят круглые сквозные отверстия (табл. 10, рис. 5), и ножку кубка, по-видимому, также имевшего

³¹ Э. В. Ханзадян, Гарни, вып. IV, стр. 63.

культовое назначение (табл. 10, рис. 6), близкая форма которого происходит из раннебронзового слоя Айгевана. Последним культовым предметом является фрагмент круглого очага (шурф 2) с низкими бортами,

меньших изделий. Особенно интересны заготовки для каменных булав, одна из которых частично просверлена (табл. 12, рис. 8; табл. 16, рис. 10). В числе предметов вооружения необходимо указать два небольших

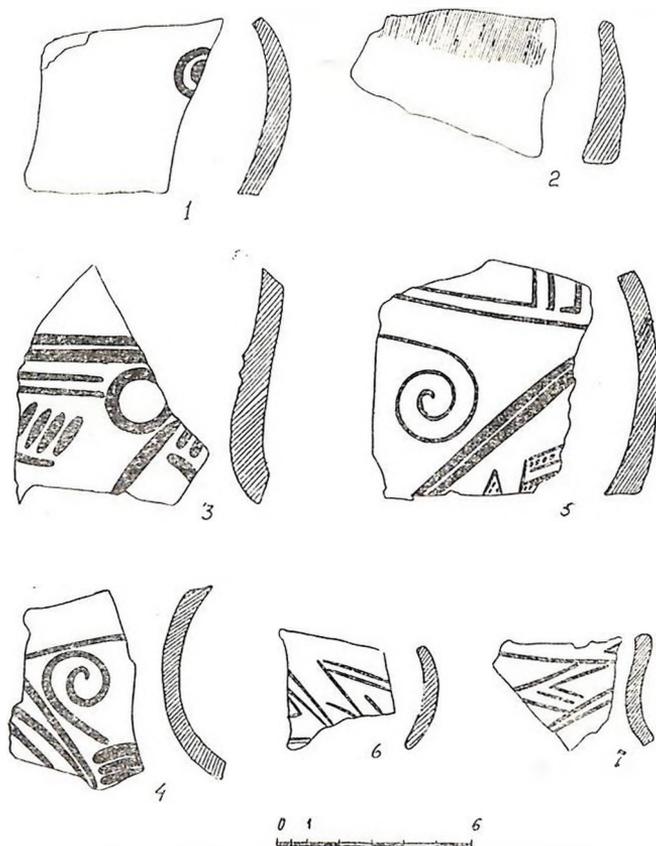

Табл. 11. Предметы из II шаглымы (шурф 2, нижний слой).

верхние стороны которых имеют рельефные украшения. От бортов во внутрь очага отходят треугольные выступы (табл. 10, рис. 7).

Кроме керамических изделий найдены также другие предметы. Особенно интересен небольшой глиняный тигелек овальной формы с небольшим сливом в передней части для разлива металла (табл. 12, рис. 9). Этот тигелек использован мало, хотя имеет явные следы обжига и местами вспученности. Другой аналогичный тигелек (табл. 16, рис. 17) отличается от вышеуказанного тем, что его поверхность от долгого применения отшлаковалась и приобрела ярко-красный цвет.

Найдено также большое количество ка-

обсидиановых наконечника стрел. Оба наконечника треугольной формы, с небольшой выемкой в нижней части и хорошо ретушированы (табл. 15, рис. 12, 16). Подобные обсидиановые стрелы известны из Шенгавита, Мингечаура, Баба-Дервиша, Акстафы, Степанакерта и ряда других раннебронзовых памятников Армении и Закавказья. Найдены вкладыши кремневых составных серпов прямоугольной, сегментовидной и клювовидной форм с грубыми отколами и со следами изношенности. Вместе с ними найдено большое количество кремневых и обсидиановых отщепов, свидетельствующих, что указанные стрелы и вкладыши серпов готовились на месте.

В числе других каменных орудий необходимо указать на различные топилы, лопатки и терочки, изготовленные из речных гальки (табл. 10, рис. 9; табл. 12, рис. 4, 5; табл. 16, рис. 5—9, 12—16). Особенно интересен фрагмент кремневого ножа (табл. 16, рис. 11).

Свидетельствующие, что стена заложена в указанное время. По находкам предметов из шурфов создается впечатление, что в ранне-бронзовый период небольшое, по-видимому, поселение располагалось в северо-восточной части холма вдоль стены, оставляя внутрен-

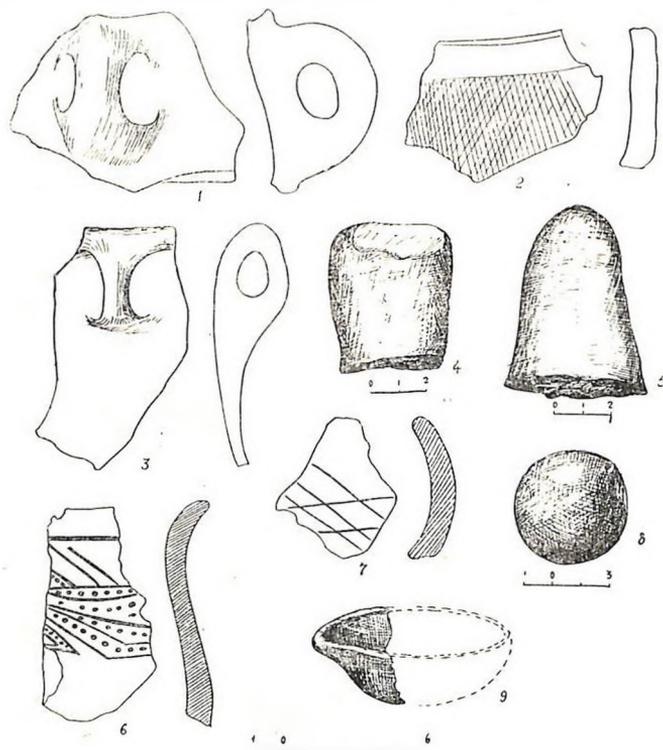

Табл. 12. Предметы из III шагламы: рис. 3, 6, 7, 9—шурф 5; рис. 1, 3, 4, 5, 8—шурф 8 (нижние слои).

Необходимо отметить также небольшую костяную проколку, изготовленную из кости мелкого рогатого скота (табл. 15, рис. 11), какие широко представлены в материалах многих раннебронзовых поселений.

Для датировки крепости интересны раскопки последнего, тринадцатого шурфа, заложённого в центре северо-западного края холма. Шурф размером 6×4 м находился в двух метрах от обрыва. Здесь была обнаружена часть крепостной стены длиной в 4 м. Ширина стены 3,4 м, высота сохранившейся кладки 0,9 м. Под стеной с внутренней стороны найдено несколько фрагментов керамики середины I тыс. до н. э., ниже которых, но выше уровня нижней кладки стены были найдены два черенка сосудов III тыс. до н. э.,

иное пространство свободным для загона, а быть может, пастбы скота в случае опасности.

Циклоническая крепость III шагламы находится на правом берегу реки Дебед, нависая над развилкой дорог Ноемберян—Алаверди и Ноемберян—Тбилиси, на одной линии между крепостями II и IV шаглам. Эту крепость жители Айрума и Лчкадзора называют Шаглама, а жители совхоза «Ахтанак», выходяцы из Цалки,—Кари глух.

Возвышенность, на которой находится крепость, с трех сторон имеет крутые склоны, причем западная сторона совершенно отвесная. Лишь с четвертой, восточной стороны она примыкает к окружающим возвышенностям, от которых отделена небольшой лож-

биной. От стены местами сохранился один ряд кладки шириной в 2,5-3 м. В северной части крепости находится цитадель, отделенная от крепости поперечной стеной. Площадь крепости—6,6 га, а цитадель составляет 1/3

После обмеров крепости, произведенных в 1970 г., ее территория была распахана и расчищена для посадки перенкового сада; при этом были спесены как крепостные стены, так и стены жилых помещений. По словам

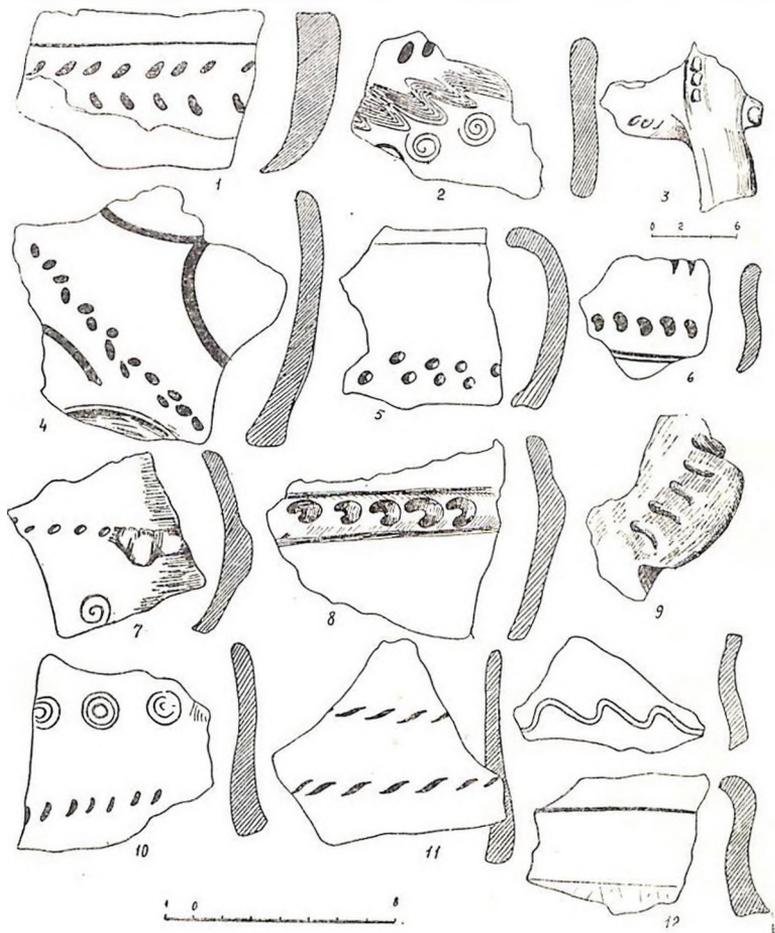

Табл. 13. Предметы из II шагламы, шурф 5 (II, верхний слой).

всей крепости. Вход в цитадель расположен в западной части, где между указанной поперечной стеной и скалами оставлен небольшой проход. Вход в крепость, по-видимому, находился в юго-восточной части, где выступ, на котором была сооружена крепость, примыкает к окружающей местности. Для лучшей защиты цитадели в центре ее восточной стены сооружена небольшая башня размером 4×4 м. Крепость III шагламы по своей конструкции напоминает IV шагламу, с той разницей, что там цитадель защищена двумя поперечными стенами.

бригадира садоводческой бригады совхоза «Ахтанак» А. Петросяна, вместе с вывороченной землей в большом количестве выходили каменные орудия, керамика, фрагменты очагов и т. д. При осмотре местности в 1971 г. было найдено небольшое количество подъемного материала, относящегося к III тыс. до н. э.

Так как на территории сада невозможно было проведение раскопок, то пришлось осматривать участки, расположенные у краев скального обрыва, не вошедшие в сад. На одном из таких участков в северной части

холма был заложен шурф размером 4×5 м. Глубина шурфа 0,7 м, ниже идут материковые скальные породы. Верхние 40 см шурфа представляют собой нанесенный слой чернозема. Ниже идет сероватая, местами обгоре-

содержанию эти черенки относятся к различным формам сосудов, которые типологически можно отнести к нескольким группам.

К первой условно выделяемой группе керамики относятся представленные фраг-

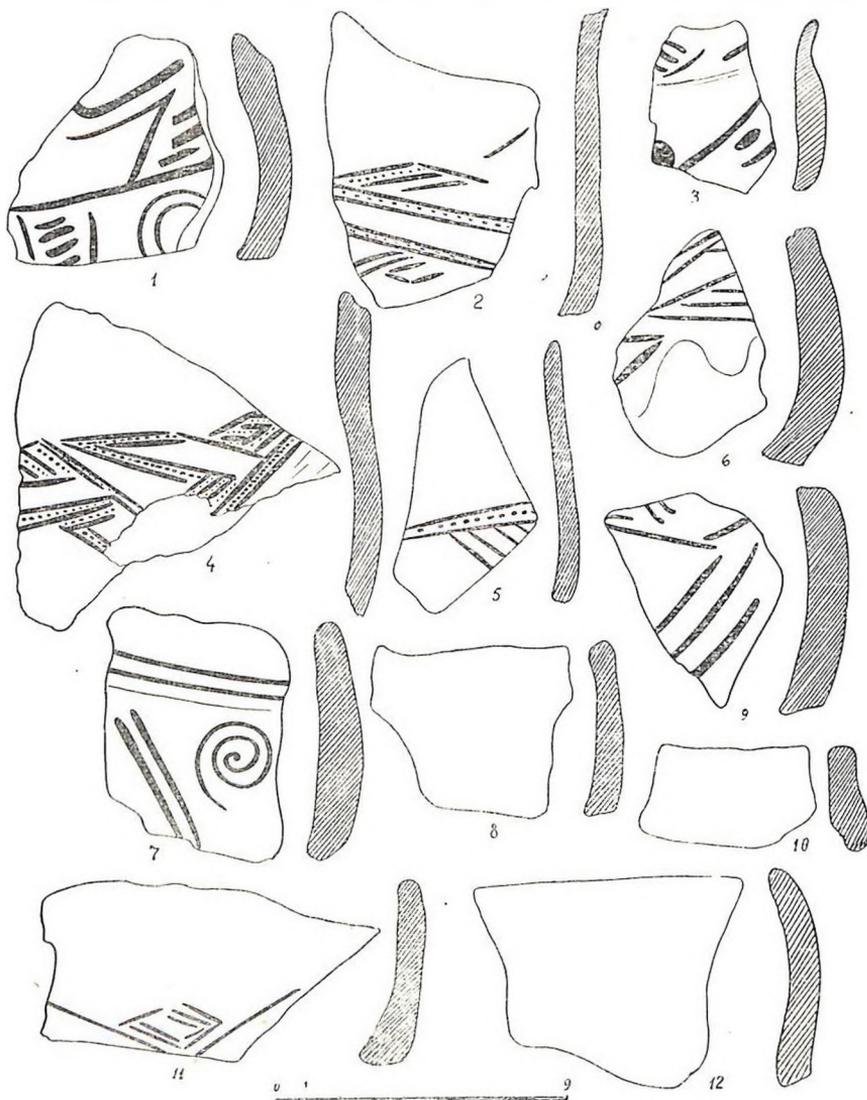

Табл. II. Предметы из II шагламы, шурф 6 (нижний слой).

лая земля, в которой обнаружено небольшое количество черенков черной и красной керамики раннебронзового периода. По своему

ментарно крупные кувшины красного и черного цветов, часть которых украшена полушаровидными ручками, крупными резными

спиралевидными завитками, косыми линиями и чередующимися углами (табл. 18, рис. 4—6).

Вторую группу составляют небольшие широкогорлые кувшинчики черного цвета с

цвета с розовой и серой подкладкой, украшенные узким ленточным орнаментом с точечным заполнением, сетчаткой и т. д. Некоторые ручки рудиментарные с прищепленным с обеих сторон. Имеется также небольшое

Табл. 15. Предметы из II шаглами, шурф 7 (нижний слой).

серо-розовой подкладкой, украшенные таким же орнаментом (табл. 18, рис. 1—3).

Последнюю, третью, группу керамики образуют фрагменты разных сосудов черного

цвета с розовой и серой подкладкой, украшенные узким ленточным орнаментом с точечным заполнением, сетчаткой и т. д. Некоторые ручки рудиментарные с прищепленным с обеих сторон. Имеется также небольшое количество фрагментов тулов различных грубых сосудов кухонного назначения, лишенных какой-либо орнаментации. Найдены также два крупных фрагмента сломанных

терочников, изготовленных из речного гальша (табл. 18, рис. 7, 8).

Второй шурф размером 10×4 м был заложен в центре западного края крепости. Здесь также глубина слоя доходит до 0,7 м,

По своему содержанию керамика из второго шурфа почти не отличается от керамики первого шурфа. Здесь также имеются фрагменты красных и черных крупных сосудов, украшенные спиральями, овальными

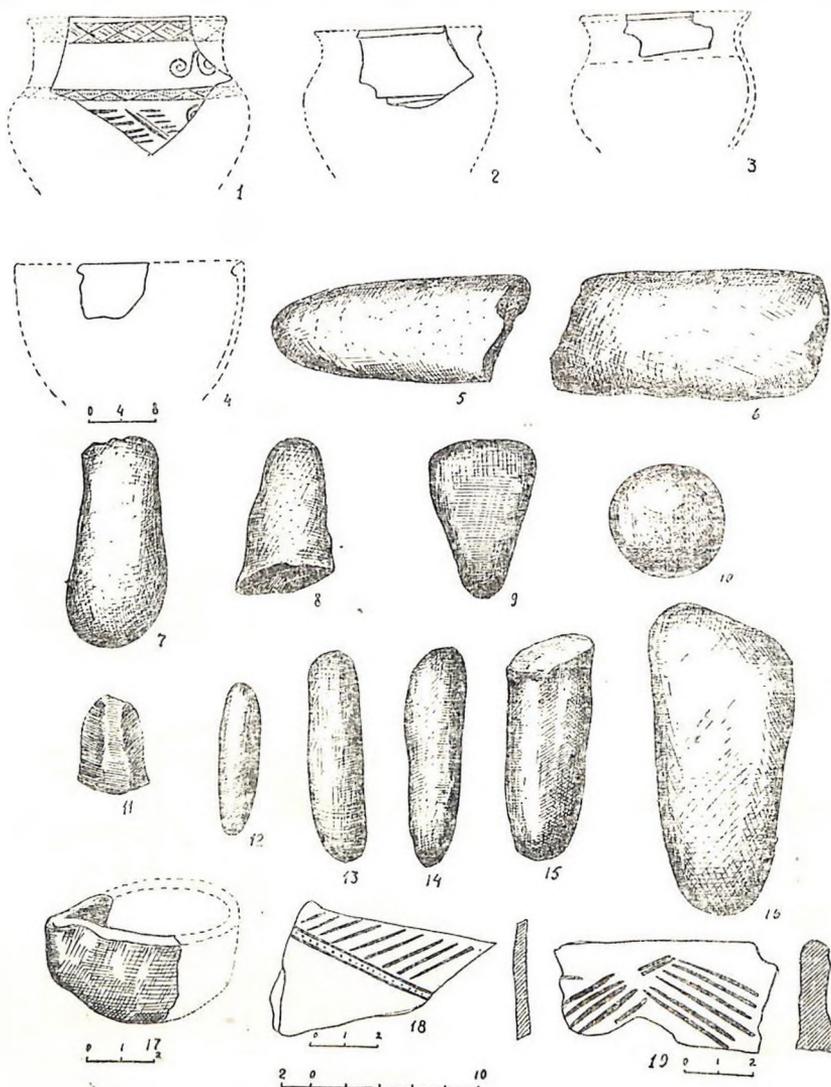

Табл. 16. Предметы из II шагалы, шурф 8 (нижний слой).

ниже залегают материковые скалы. Как и в первом шурфе, ниже слоя чернозема глубиной в 0,4 м идет слой сероватой земли, где были найдены фрагменты керамики III тыс. до н. э.

выемками и косыми линиями, резными или выпуклыми. Часть сосудов снабжена ручками вытянутой формы (табл. 14, рис. 2, 4, 7, 13). Имеется очень интересный кувшинчик, тулово которого украшено резными спиральями и

меандром, а шейка и венчик—меандром и ленточными линиями с точечным заполнением (табл. 19, рис. 1). Кроме этого кувшинчика, сохранившегося почти наполовину, имеется еще несколько черепков от аналогичных

но более сближается с памятниками Кировакана и несколько отдалена от памятников долины реки Агстев. Это, в частности, подтверждается преобладанием среди орнаментальных мотивов сочетания тонколинейных и точечных

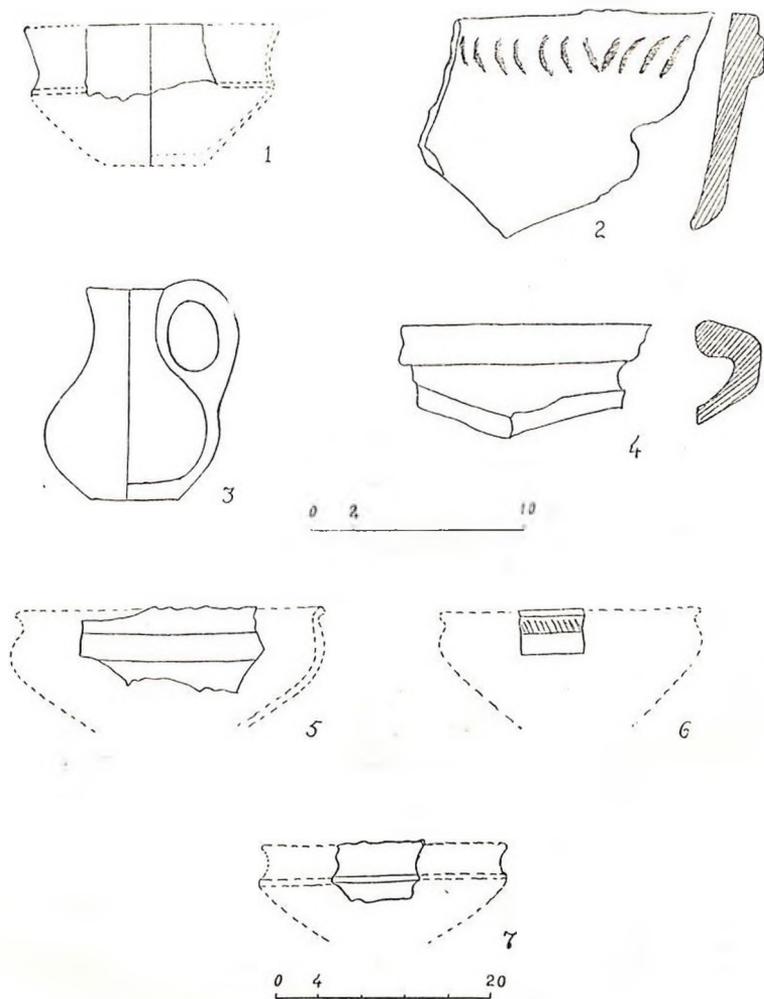

Табл. 17. Предметы из II шагламы, шурф 8 (II, верхний слой).

сосудов, фрагменты шеек которых украшены таким же образом.

Вся керамика из обоих шурфов, относящаяся к III тыс. до н. э., имеет определенные связи с памятниками Араратской долины (Шенгавит, Айгевап, Гарни, Аревик и др.),

украшений, характерных для орнаментальных мотивов керамики Кировакана, ряда курганов Трналетти, Тетрицкаро и Бедени³².

³² Э. В. Ханзадян, Гарни, IV, стр. 172; Б. А. Кифтин, Археологические разкопки в Трналетти, стр. 117.

В числе других предметов следует отметить фрагмент очажной подставки (табл. 19, рис. 3) и небольшой кремневый вкладыш серпа прямоугольной формы, одна сторона которого сильно сработана (табл. 19, рис. 6). Подобные вкладыши серпов, как уже говорилось выше, в большом количестве известны из поселений указанного периода.

Как видно из сказанного, поселение крепости III шагламы было однослойным. Интересно отметить, что рассмотренные поселения возникли на необжитых ранее местах, что характерно и для ряда других памятников указанного времени (Гарни, Коси-Чотер, Озни, Бешташен и др.).

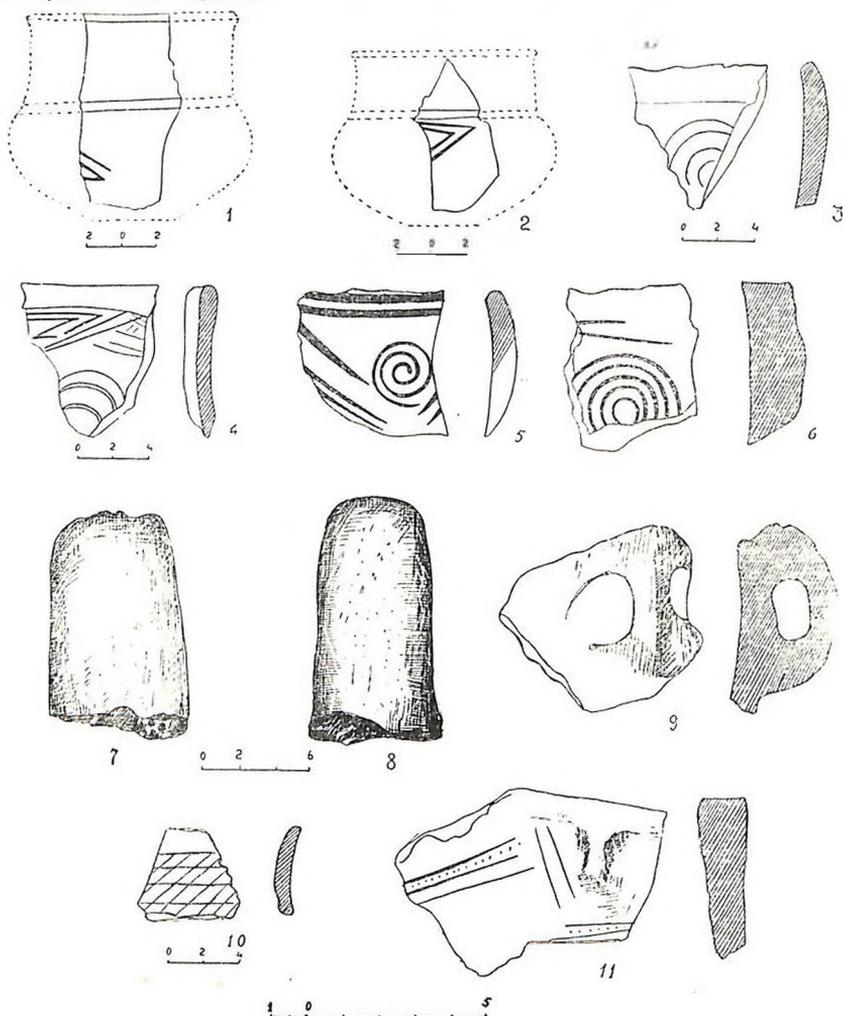

Табл. 18. Предметы из III шагламы, нурф 1.

КРЕПОСТИ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Циклоническая крепость Поплоз-гаи находится на южной окраине села Джуджеван на высоком холме, господствующем над до-

рогой Иджеван—Носемберян. Повторяя конфигурацию холма, крепость имеет грушевидную форму и обнесена однорядной стеной,

включающей в себя 1 га территории. В ее узкой части построена полукруглая стена, делящая крепость на две части. Стены сильно разрушены, ширина их колеблется от 1 до 4 м. Такая разница объясняется тем, что односторонние стены поднимаются вдоль отвесных склонов холма, а широкние—четырёхметровые заложены по кромкам склонов

В крепости осенью 1968 г. были произведены небольшие раскопки. В одном из помещений, имеющем размеры 4×5 м, был заложен шурф глубиной в 0,5 м, под которым открылись материковые скалы.

В 20 м восточнее первого был заложен второй шурф, раскрывший второе помещение размером также 4×5 м. Пол помещения был

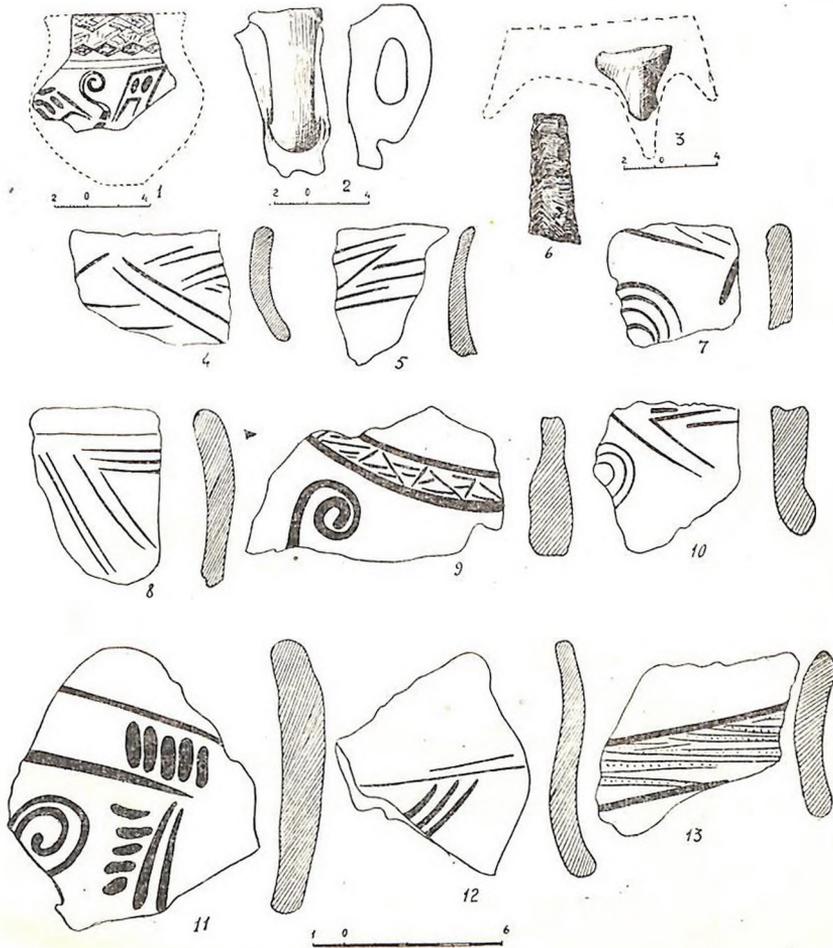

Табл. 19. Предметы из III шагламы, шурф 2.

двухрядной кладкой со средним заполнением булыжником и щебнем. Высота сохранившихся участков стен достигает 1 м. Стены крепости не имеют контрфорсов и башен, но сильно изломаны. В восточной части сохранился вход шириной в 5 м. Здесь наблюдаются следы округлых помещений, от которых сохранился один ряд кладки; между ними местами виден скалистый грунт холма; в ущелье протекает ручей.

расположен ниже основания стен, неровности скального грунта были засыпаны утрамбованной землей. В центре помещения найдены фрагменты крупного культового очага и рядом с ним глиняные фигуры медведя и быков (табл. 22, подробнее см. в VII гл.). Остальной инвентарь из обоих помещений состоит из фрагментов разнообразных кувшинов и горшков с шаровидным и вытянутым туловом, украшенным палевными поясами с

прищемлениями, вдавленными зигзагообразными линиями и семечковидным орнаментом. Найдены также большое количество разно-

берда³⁴, Астха-блур³⁵, Норагуса³⁶, Кирги, Уч-тепс³⁷ и др., датируемых началом I тыс. до н. э., и относится к указанному времени.

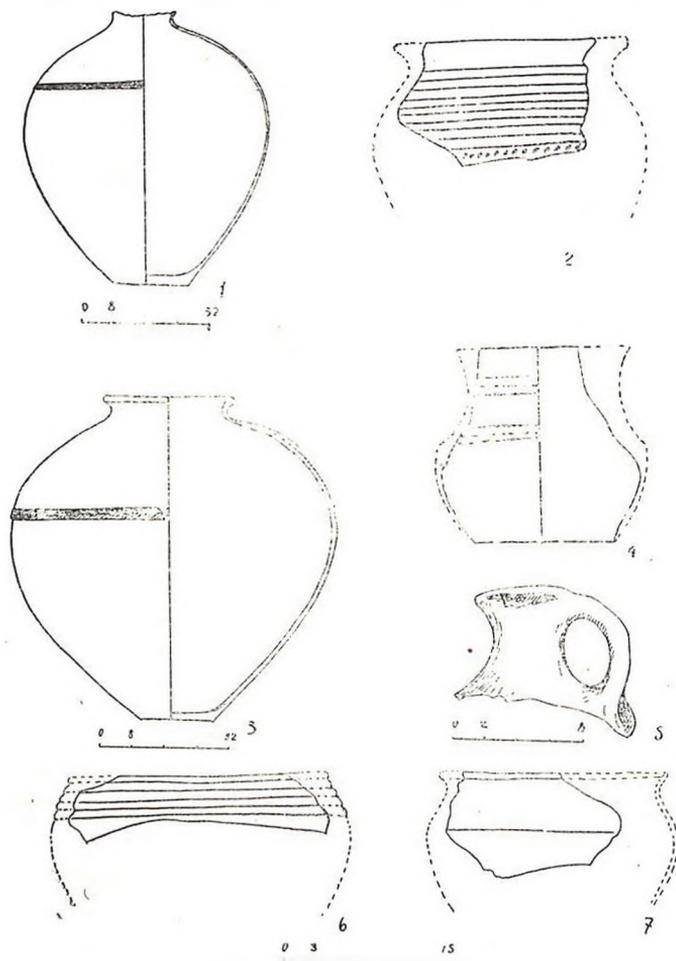

Табл. 20. Предметы из IV шагламы, шурф I.

образных глубоких и плоских мисок с крупными округло выступающими венчиками, украшенными прямыми вдавленными линиями, и небольшой черный лощеный кубок с высоким слегка округлым туловом и чуть заметным венчиком (табл. 23). Вся эта керамика находит свои аналоги в керамических комплексах Редкин-лагеря³³, Кармир-

Найдено также небольшое количество каменных орудий—разнообразные битые терочки, изготовленные из речных голышей,

³⁴ С. А. Есаян, Ереван, стр. 37.

³⁵ С. А. Есаян, Астхаблурский могильник, ВОН, № 6, 1968, стр. 83.

³⁶ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 194.

³⁷ Л. А. Нессен, Поселение Уч-тепе (1958—1960), Тр. Азербайджанской экспедиции, МИА, 125, М.—Л., 1965, стр. 118.

³³ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 200.

с заметными следами употребления, и несколько точил, изготовленных из таких же камней (табл. 24). Здесь же найдены два круглых каменных шара, по-видимому служивших ядрами для пращи

жены двумя рядами камней, внутреннее пространство между которыми заполнено более мелкими камнями, и снабжены многочисленными контрфорсами, выступающими до 3 м от стен. Вход в крепость расположен в цент-

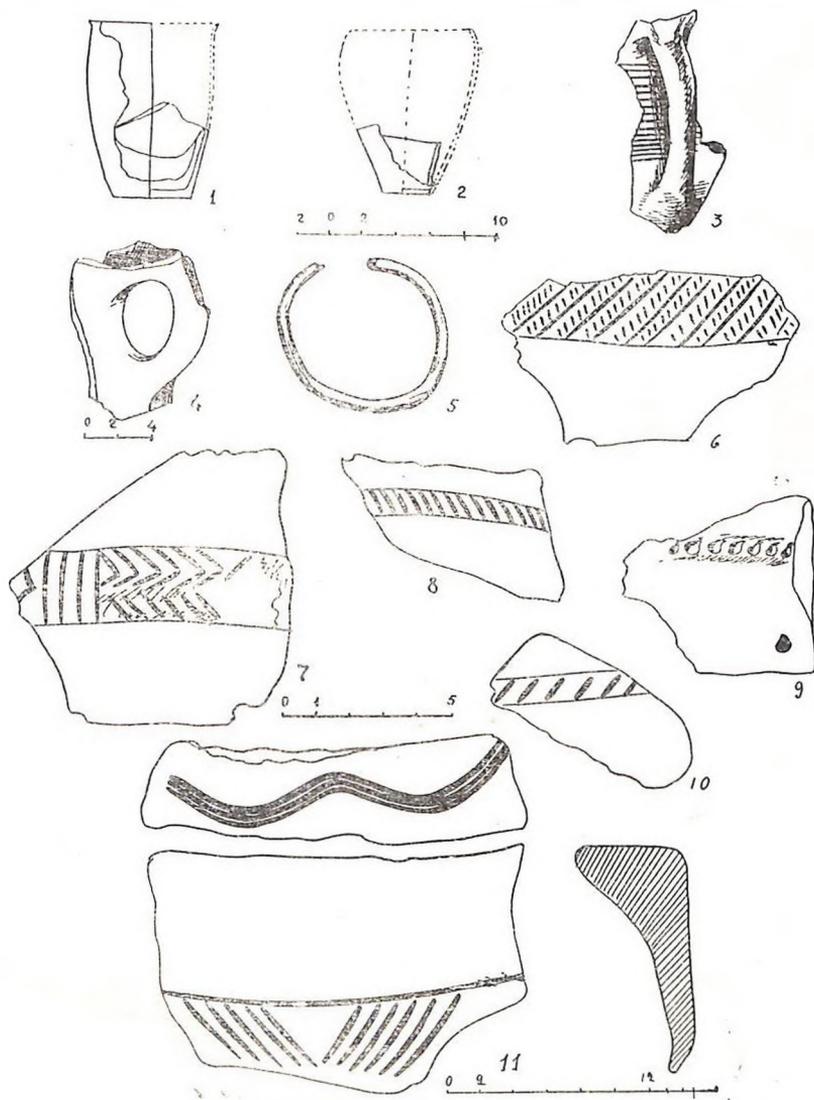

Табл. 21. Предметы из IV шагламы, шурф 1.

Крепость Хортамбоц расположена в 7 км от села Орджоникидзе по дороге в Ст. Банксид. Она возведена на небольшом, почти овальном холме, обнесена односторонней стеной и занимает территорию в 0,3 га. Стены выло-

ре северной стены. Его защищают два контрфорса, а с внутренней стороны проведена полукруглая стена, слабо имитирующая каменный мешок.

В центре восточной части напротив вхо-

да в крепость на самой возвышенной части холма имеется круглое возвышение, где в 1970 г. был заложен шурф. Раскопками было обнаружено квадратное помещение размером 3,5×3,5 м, внутреннее пространство которого

которые с уходом стад увозились в поселения. Ниже этого помещения вдоль северной стены были заложены перекрещивающиеся траншеи длиной 20 и 15 м при общей ширине в 2 м. Глубина траншей достигла 0,7—1 м, ниже шел такой же слой желтой глины с выступающим скальным грунтом. В обенх траншеях, заложенных на ровной поверхности холма, никаких следов жилищ не обнаружено. В них были найдены небольшие черенки черной керамики, украшенной линейным орнаментом и сетчаткой, хорошо известной в Армении и Закавказье в эпоху поздней бронзы и раннего железа в таких памятниках, как Лчашен, Артик, Редкин-лагерь, Мингечаур, Астхи-бузур и т. д. Однако отсутствие блеска, характерного для позднебронзовых сосудов, позволяет датировать эти находки, а следовательно, и крепость началом I тыс. до н. э.

Циклопическая крепость села Орджоникидзе находится на его восточной окраине, между двумя притоками реки Гетик. Крепость занимает холм треугольной формы, обнесенный однорядной стеной, сложенной из грубых необтесанных камней. Площадь крепости около 2 га; она возвышается над окружающей местностью на 15—25 м. Высота стен местами сохранилась до 2—3 м. Вход в крепость расположен в северо-западной части крепости, где склон наиболее пологий (табл. 41). Большая часть территории крепости занята современным кладбищем, где из отвалов Г. А. Микаеляном было поднято два черепка черного и розового кувшинчиков раннебронзовой поры. Остальная территория покрыта прямоугольными и круглыми жилищами. Здесь в 1970 г. были раскопаны четыре помещения.

Помещение 1 расположено в юго-западной части крепости. Оно имеет форму круга диаметром 7 м. Высота стен, сложенных из обломков базальта и речных гальшией на глиняном растворе, доходит до 1 м. Пол помещения выложен тонкими плитами, длиной 0,5—1 м, и утрамбован землей. Ниже пола идет слой желтой глины и материковые скалы.

Помещение 2 находится в 5 м от центра южной стены крепости и также имеет форму круга диаметром 7 м. Впоследствии в раннем средневековье оно было перестроено в квадратное помещение, размером 3,5×3,5 м. Под полом средневекового помещения была обнаружена печь в виде тондыра, заходящая под западную его стену.

Тондыр глубиной в 0,75 м был сооружен из глиняных жгутов толщиной в 10 см. Диаметр нижней части 0,7 м, верхней—0,6 м. Внутреннее пространство между наружной стенкой тондыра и материковой землей было

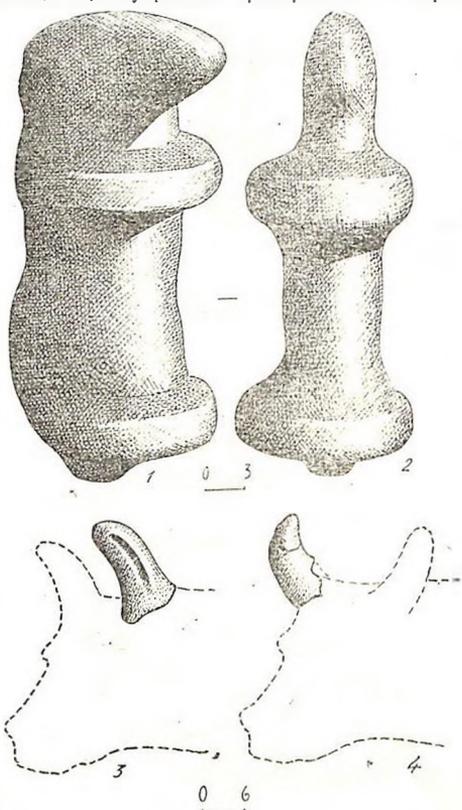

Табл. 22. Предметы из Нонлозгашской крепости.

было заполнено обвалившимися камнями стен. После расчистки удалось обнаружить стены шириной в 2 м, сохранившиеся до 1 м высоты, выложенные из крупных базальтовых камней на глиняном растворе. Ниже основания стены шел слой желтой глинистой почвы, смешанной с песком. В этом помещении никаких предметов обнаружено не было. По-видимому, это помещение, к тому же единственное в крепости, являлось святилищем и использовалось лишь летом, так как крепость находилась выше 2500 м над уровнем моря и, по всей вероятности, функционировала лишь в летнее время, когда стада подымались на кочевки, жители устраивали в крепости временные жилища, а святилище заполнялось переносными очагами, статуями и т. д.,

заполнено булыжниками и глиняным раствором. В юго-западной части печи была сделана отдушница в виде каменной трубы, выложенной из стоящих ребром плоских каменных отщепов, замазанных глиной. Эта труба

и потовым орнаментом. На полу помещения найдены фрагменты масляной ручки небольшого кувшинчика и отрезок оленьего рога. Вся керамика по своей форме и орнаментации относится к хорошо известным

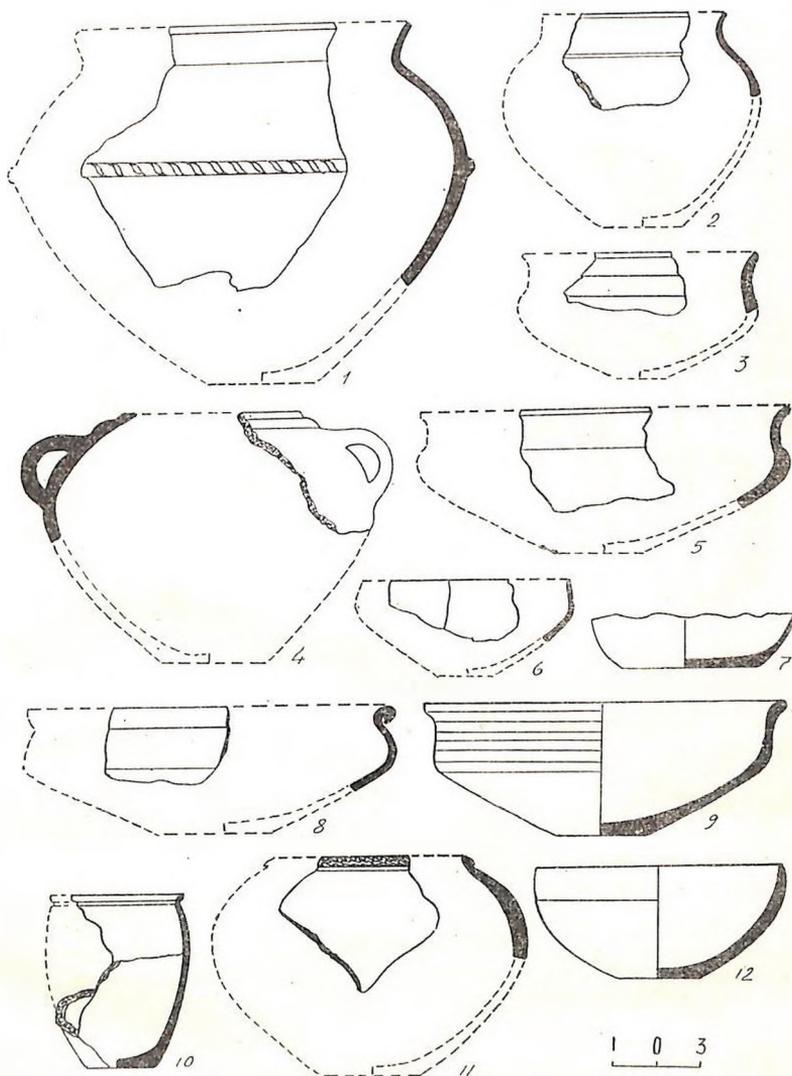

Табл. 23. Предметы из Поплогашской крепости

прослеживалась до уровня пола верхнего средневекового помещения. В нижней части печи было найдено немного угля и золы и несколько фрагментов широкогорлых кувшинов, мисок и горшков, украшенных семечковидным

керамическим комплексам VII—VI вв. до н. э.

Помещение 3 примыкает восточной стеной ко второму. Оно имеет квадратную форму с внутренним пространством в 5,5 кв. м при ширине стен, выложенных из грубых пе-

обработанных камней на глиняном растворе, 1,2 м. В северо-восточном углу помещения имеется вход шириной в 2 м, перед которым находилась передняя овальной формы размером 2×5 м, через которую по покатому полу проходили в полужемляничное помещение. Под северной стеной помещения обнаружена яма диаметром в 1,5 м и глубиной в 0,8 м с несколько расширяющимися к центру стенками. В яме обнаружен фрагмент покры-

Табл. 24. Предметы из Поллозганской крепости

того сажень горшка, украшенного семечковидным орнаментом и хорошо известного по керамическим образцам VIII—VI вв. до н. э., что говорит о том, что яма в средние века не использовалась.

Помещение 4 находится почти в центре крепости, чуть восточнее ее центральной оси. Это полужемляничное помещение прямоугольной формы (6×4 м), врытое в склон холма. Стены шириной в 1,2 м местами сохранились до 0,5 м высоты.

Во всех помещениях основной находкой была средневековая керамика, представленная различными мисками, кувшинами, карсами, крынками сосудов и т. д., датируемы-

ми, по-видимому, VIII—IX вв. Сравнительно редко встречается поливная керамика X—XII вв. Однако на полу помещений и в глиняной обложке средневековых жилищ найдены черенки керамики VIII—VI вв. до н. э., украшенные семечковидным орнаментом, сетчаткой, широкими прочерченными поясами и т. п. В этом же слое найдены небольшой фрагмент бронзовой напечки, а также многочисленные фрагменты зернозерок и подпятников двери, уложенные в качестве строительного материала в стены поздних помещений.

Ниже в разделе о погребальных комплексах Гетамнахорского мегалитика будут рассмотрены материалы, относящиеся к началу I тыс. до н. э. — раннеармянскому времени. Если эти материалы относятся к жилищам крепости, то крепость села Орджонкидзе функционировала начиная с начала I тыс. до н. э. — VI в. до н. э. и вновь была заселена в средневековье. Остается неясным происхождение нескольких фрагментов раннебронзового зисхи, годящихся Г. А. Микаеляном из отвалов современных погребений. Можно лишь предположить, что на части холма, занятого современным кладбищем, было небольшое раннебронзовое поселение, а может быть, и отдельные погребения указанной эпохи.

Циклопическая крепость Барцраберд находится в 25 км юго-западнее села Ачаджур, на левом скалистом берегу реки Лусадзор, на стыке дорог, ведущих из сел Ачаджур, Севкар и Саринюх на современные летние кочевки (табл. 36). Приблизительно на таком же расстоянии расположена она северо-западнее села Енокаван. Крепость, которую в народе называют крепостью Кер-оглы, имеет форму вытянутого прямоугольника. Она находится на высоте около 2000 м над уровнем моря, выше зоны лесов³⁸. Крепость находится на обширном покатом плато и прекрасно укреплена; часть стен уничтожена в прошлом веке, так как через территорию крепости проходит дорога на кочевки из вышеуказанных сел. Территория крепости чуть более 1 га. В центральной части она была сплошь застроена каменными домами, от которых сохранились основания стен. Эти помещения служили летними жилищами для пастьухов и их семей, подымавшихся на кочевки. Зимой кочевки, естественно, не функционировали, так как на этой отметке зима долгая и холодная и полностью отсутствует топливо. Плато, на котором расположена крепость, в северо-восточной и частично северной стороне имеет отвесные склоны, и поэтому здесь не требовалось возведения каких-либо укреплений. Остальные стороны мощно укреплены,

³⁸ Армянская ССР, стр. 229.

несмотря на то, что крепость окружена лишь однорядной стеной (табл. 29).

Крепость имеет форму прямоугольника, вытянутого с юго-востока на северо-запад, длиной 215 м, шириной 40—60 м. Часть за-

точная и юго-восточная стена длиной всего в 30 м имеет ряд изломов, в центре одного из которых находится второй восточный вход шириной в 3 м, расположенный напротив западного. Вход прикрывает небольшая прямо-

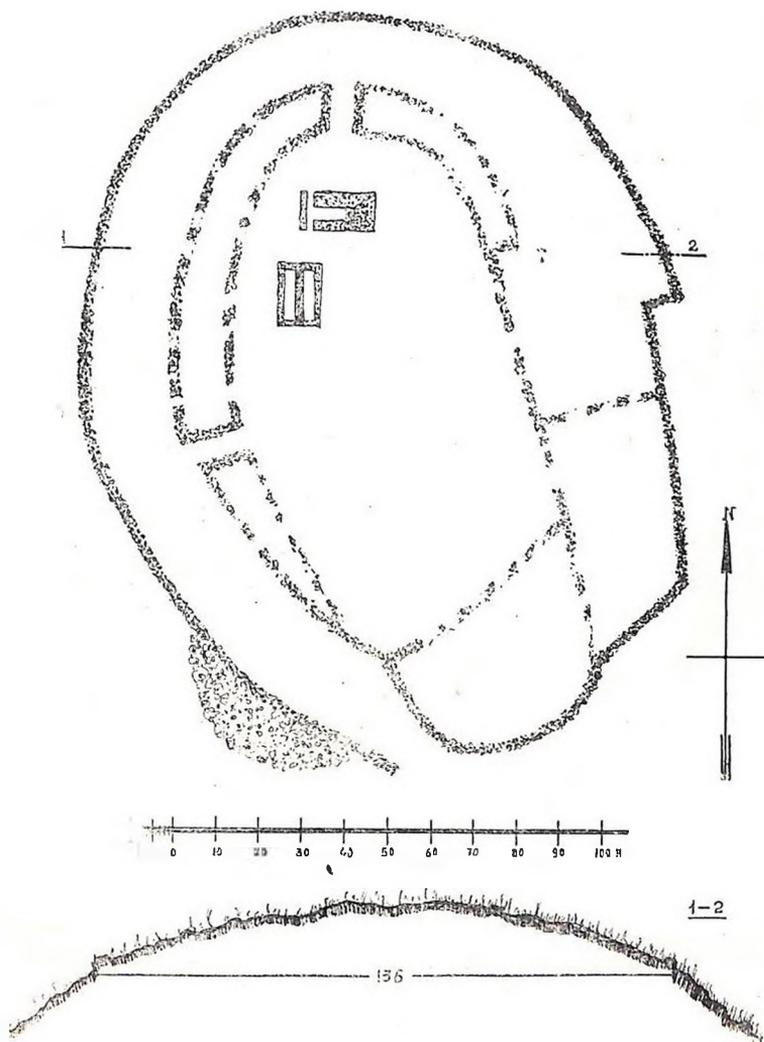

Табл. 25. План Астхиблурской крепости.

падной стены длиной в 20 м оттянута на 7 м, образуя своеобразную башню, прикрывающую как данный участок стены, так и ворота шириной в 5 м, сооруженные в ее центре. Вос-

угольная башня размером 7×6 м. Южная стена, имеющая наибольшую протяженность—140 м, укреплена наиболее сильно. Она расположена на покатом склоне у бров-

ки плато. В юго-восточной части стены сооружен круглый выступ диаметром в 20 м. Ширина стен крепости 3 м, высота местами сохранилась до 4 м.

Небольшие раскопки, произведенные в двух помещениях, имели целью уточнить время функционирования крепости. Обнаруженный в обоих помещениях Барцрабердской крепости немногочисленный инвентарь иден-

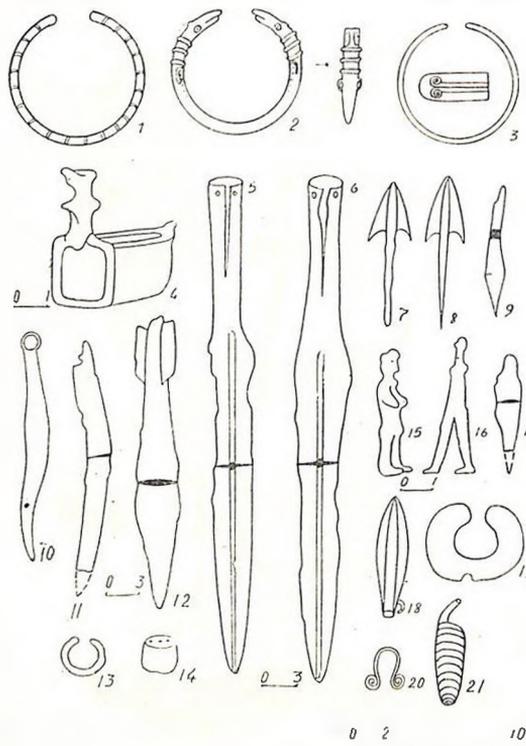

Табл. 26. Предметы из Астхиблурской крепости.

тичен и характерен для первой половины I тыс. до н. э.

Он в основном состоит из фрагментов керамики, широко распространенной в памятниках Армении указанного времени. Это фрагменты карасов и крупных кувшинов черного и красного цветов, украшенные рельефными поясками с овальными выемками, а также рельефными прямыми и волнистыми лощеными линиями и арочными выступами. Другую группу составляют фрагменты более мелких сосудов, украшенных косыми штрихами, треугольниками с косым заполнением, хорошо известным по материалам Дилижаана, Редкин-лагеря, Кармир-берда (Тазакенда),

Медамора и других памятников Армении начала I тыс. до н. э.

Интересно донышко сосуда, украшенное крестовидным орнаментом, крылья которого заполнены чередующимися прямоугольниками, то есть орнаментом, столь распространенным в керамике начала I тыс. до н. э., имитирующим орнамент, широко распространенный на бронзовых и оловянных подвесках из Редкин-лагеря, Джархеча, Кировакапа, Тумаяна и других памятников Армении³⁹. Единственным каменным предметом является грузило с округленными краями диаметром в 9 см, со сквозным круглым отверстием в центре.

Как видно из описанного материала, крепость функционировала в первой половине I тыс. до н. э. В обоих помещениях высота стен, сложенных из крупных камней, достигала 1—1,5 м от основания, глубина же раскопа достигала 60—70 см от основания стен до чистого стерильного грунта, ниже которого залегают скальные породы.

Крепость *Тандзут* находится в 5 км южнее села Навур на высоком скальном холме с крутыми склонами. Крепость площадью около 2 га повторяет конфигурацию холма и имеет вид неправильного овала. В южной и юго-западной части крепость защищена двумя рядами стен шириной до 4 м, от которых сохранились или основания, или несколько рядов кладки. Стены второго ряда западной и южной стороны снабжены контрфорсами и выступами. Крепость снабжена двумя воротами шириной в 3 и 5 м.

Вся территория крепости покрыта густым дерном, под которым прослеживаются следы помещений. В одном из них в восточной части холма был заложен шурф, открывший прямоугольное помещение размером 5×5 м со стенами из грубых известковых камней. В центре помещения была обнаружена перегордка, выложенная из таких же камней. Глубина слоя 0,7 м, ниже залегают желтый глинистый грунт и материковая скальная порода. Непосредственно под дерном были обнаружены в большом количестве фрагменты черных и красных сильно профилированных чаш и ручки широкогорлых кувшинов с вертикальной прорезью с круглыми углублениями (табл. 66). Указанная керамика характерна для Кармир-блара, Хртапоца, Ахталы, Ворнака и других памятников эпохи широкого освоения железа, датируемых VII—VI вв. до н. э.⁴⁰

³⁹ С. А. Есаян, Амулеты, связанные с культом
⁴⁰ А. А. Мартиросян, Раскопки в Головинно, табл. XI; связь, из Армении, СА, № 2, 1968, рис. 3.

сго же. Город Тейшебани, Ереван, 1961, рис. 21 а и б.

Ниже указанного слоя до самого грунта выходит керамика, представленная фрагментами грубых крупных сосудов и небольших черных лощеных мисок с бортами, украшен-

руемых концом II и началом I тыс. до н. э.⁴¹, что дает возможность отнести время функционирования крепости Тандзут к первой половине I тыс. до н. э.

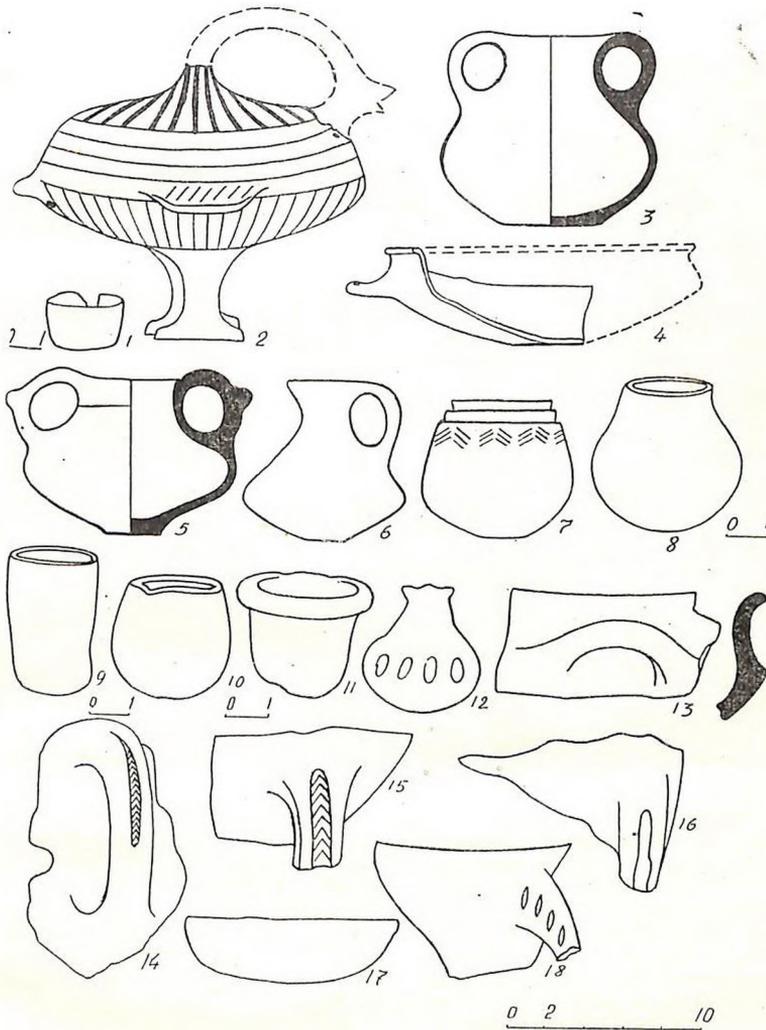

Табл. 27. Предметы из Астхилбурской крепости.

ными вдавленными зигзагообразными линиями—орнаментом, столь характерным для памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа. Подобные сосуды известны из Головино, Дилижана, доурартского слоя городских кварталов Кармир-блур и др., дати-

руемых концом II и началом I тыс. до н. э.⁴¹, что дает возможность отнести время функционирования крепости Тандзут к первой половине I тыс. до н. э.

⁴¹ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 174, рис. 70.

холма, представляющего одновременно дрезною крепость. Крепость находится на южной окраине села Сувкар, на высоком треугольном выступе. Его южная и юго-восточная стороны крутые, местами отвесные и не требуют возведения каких-либо фортификационных сооружений. Северные и западные склоны холма слегка покатые, местами крутые; для их защиты возведены с северной стороны три параллельные стены, а с западной — одна рядная стена, идущая вдоль кромки обрыва (табл. 57). Площадь всей крепости составляет чуть более 1,5 га, ширина террас 18—20 м.

Инвентарь второго слоя состоит из разнообразной керамики. К найденным изделиям относятся три фрагмента черного, красного и розового широкогорлых кувшинов, шейки которых украшены слабо прочерченными вертикальными линиями. Найденны также фрагменты крупных сосудов и карасов, имеющих орнаментацию, близкую к орнаментации тмбадирекких, бердатежских, астихблурекких образцов, и украшенных рельефными поясами, стилизованными выемками и ломаными линиями (табл. 58, рис. 8).

Тремя образцами представлены фраг-

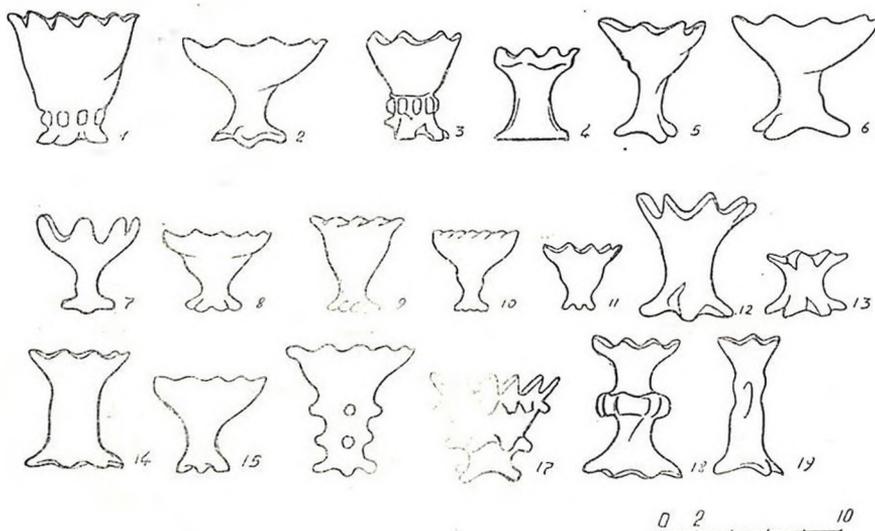

Табл. 28. Предметы из Астихблуреккой крепости.

Ширина сохранившихся стен 3 м. Сохранился вход в крепость, сооруженный в северо-западной части на второй террасе шириной в 6 м.

На второй, верхней, террасе было заложено три шурфа. Первый шурф длиной в 10 м и шириной в 3,5 м был заложен в северо-восточной суженной части террасы. В разрезе ее выявлены следы стен, от которых остались лишь основания. На глубине от 0,7 до 1 м выявляется скальный грунт. На глубине до 0,3 м выходит сильно фрагментированная грубая средневековая керамика, среди которой иногда встречаются фрагменты поливных сосудов X—XII вв. Под этим слоем залегает слой VII—VI вв. до н. э. глубиной в 0,4—0,7 м, состоящий из желтой глинистой почвы, в котором обнаружен немногочисленный материал в виде фрагментов керамики, зернотерек, точил, а также костных остатков.

менты красной, коричневой и черной мисок с округлым глубоким туловом со слабо профилированными бортами, украшенными рельефными и прочерченными линиями. К ним же относится плоская ручка от черной миски с двумя сквозными отверстиями (табл. 58, рис. 3), хорошо известная по многочисленным находкам из памятников середины I тыс. до н. э.

В этом же слое найдены фрагмент ладьегидной зернотерки, крупное точило, изготовленное из речного глыбы, со следами срабатанности, крупное лопило, изготовленное из фрагмента крупного черного сосуда, и ручка кувшина, украшенная ступенчатыми углублениями, широко известная в памятниках VII—V вв. до н. э.

Западнее первого шурфа на той же террасе был заложен второй, размером 5×3,5 м.

На всем пространстве раскопа выходили поздние захоронения.

В верхнем слое шурфа, перемешанном с нижними поздними захоронениями, выходили черенки средневековой и более ранней керамики.

Глая бусина с отбитым краем, превращенная в гемму-печать. На отшлифованном сломанном крае вырезано изображение скорпиона с поднятым хвостом, хорошо известное по сасанидским геммам, найденным также в Закавказье.

В третьем шурфе в северо-западном углу

Табл. 25. Модель храма из Астхябурекской крепости.

Здесь найден фрагмент серого караса с рельефным пояском, украшенным косыми овальными бороздками и палецим выступом в виде стилизованной бычьей головы, два фрагмента черного и красного широкогорлых кувшинов, один из которых украшен рельефной линией и слабо прочерченными вертикальными штрихами. Найдены две ручки от кувшинов с вертикальной прорезью, фрагменты четырех мисок, украшенные штриховым и линейным орнаментом, и небольшие стаканообразные кувшинчики (табл. 58, рис. 7, 10). Из каменного инвентаря найдены фрагмент ладьевидной зернотерки, два дощика и небольшое точило, изготовленные из речного гольша. Здесь же во втором слое, перемешанном поздними захоронениями, обнаружены железный наконечник плоской стрелы с небольшим сломанным черенком и сердечико-

крепости обнаружены следы небольшого помещения, северная и западная стены которого являлись одновременно крепостными стенами. Размер помещения 5,1×2,5 м. Все помещение было заполнено упавшими со стен камнями, над которыми залегал небольшой средневековый слой глубиной в один штык—20—30 см. В завале камней, имеющем глубину 0,5—0,6 м, обнаружено несколько раннеармянских предметов; ниже залегал слой VII—VI вв. до н. э., под которым идет материковый скальный грунт. Рядом с помещением обнаружен вход в крепость, от которого сохранился упавший на уже развалившуюся стену камень размером 2×2 м. Рядом с воротами обнаружены детские и мужские скелеты.

К найденным здесь предметам нижнего слоя, датирующегося VII—VI вв. до н. э., относится фрагмент небольшого одноручного чер-

ного кувшина, шейка которого украшена вертикальными лощеными линиями, и фрагмент ручки с вертикальной прорезью, украшенной треугольными выступами.

Из завала камней и смешавшегося с ним верхнего слоя обнаружено несколько предметов, датируемых первыми веками до н. э. и первыми веками н. э. К числу их относится фрагмент красной миски с сильно профилированными бортами, датируемый, по-видимому, IV—III вв. до н. э. Найдены также три фрагмента каменных чаш, борта которых

украшены двумя рядами вдавленных линий, и фрагмент красного кувшина, украшенного изображениями дерева жизни и стоящего перед ним оленя. Последний предмет, судя по окраске и фактуре, по-видимому, относится к позднеантичному, а быть может, и ранне-средневековому периоду (табл. 58, рис. 5, 6, 9), как и изделия того же времени из первого шурфа. Найденные предметы указывают, что крепость Сурб Наатак функционировала с VII—VI вв. до н. э. до средневековья.

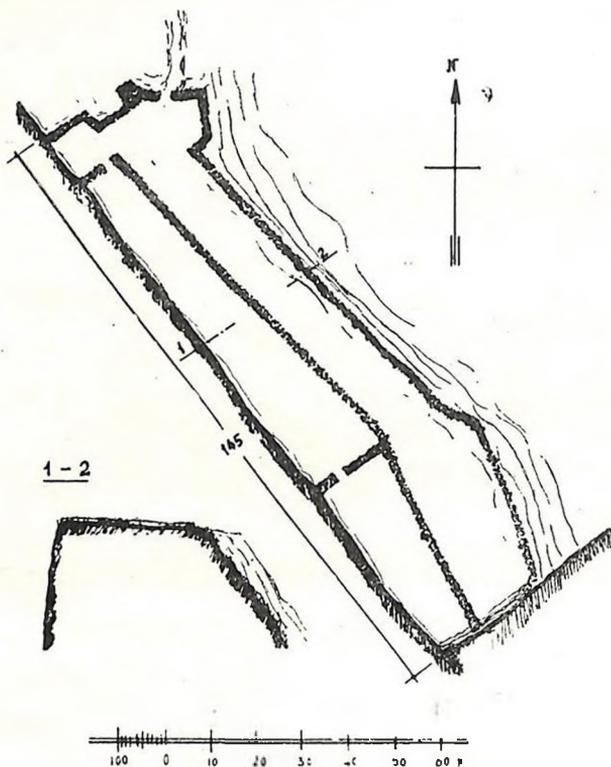

Табл. 30. План Тхкутдзорской крепости.

КРЕПОСТИ РАННЕАРМЯНСКОГО ВРЕМЕНИ

Циклопическая крепость Астхи-блур находится на северо-восточной окраине села Енокаван, на скалистом холме с крутыми, местами резко обрывистыми склонами. Лишь северная сторона покато примыкает к плато, на котором находится обширный могильник, датируемый началом и серединой I тыс. до н. э. (табл. 25).

Крепость территорией в 2 га повторяет

конфигурацию холма и имеет овальную форму. Она обнесена двухрядной стеной шириной в 3 м, сложенной из крупных известковых плит, высота которых местами сохранилась до 3 м. Стены не имеют башен или контрфорсов, но местами имеют углы и изломы. В западной, северной и частично северо-восточной части параллельно второму ряду стен сооружен третий. В восточной части крепости меж-

ду первым и вторым рядами стен проложена соединяющая их поперечная стена. Такая же стена возведена в южной части второго внутреннего ряда стен. Вход в крепость устроен между обрывом скал южной части крепости, где между первым и вторым рядами стен оставлен свободный проход шириной в 10 м. Пройдя 90 м по коридору между указанными стенами, можно зайти в крепость через вторые, внутренние, ворота шириной в 5 м. Такой же вход имеется в северной части второго ряда стен.

зафиксированных участках глубина хода от поверхности не превышает 1—1,5 м. Учитывая глубину самого хода, можно сказать, что глубина прорытой траншеи составляла около 3 м.

В 1965—1966 гг. в крепости были произведены раскопки храмового помещения и проложена траншея в ближайшем к храму помещении. Внутри храма, описание которого приводится в VII гл., обнаружено два культурных слоя, ниже которых залегают материковые скалы⁴³.

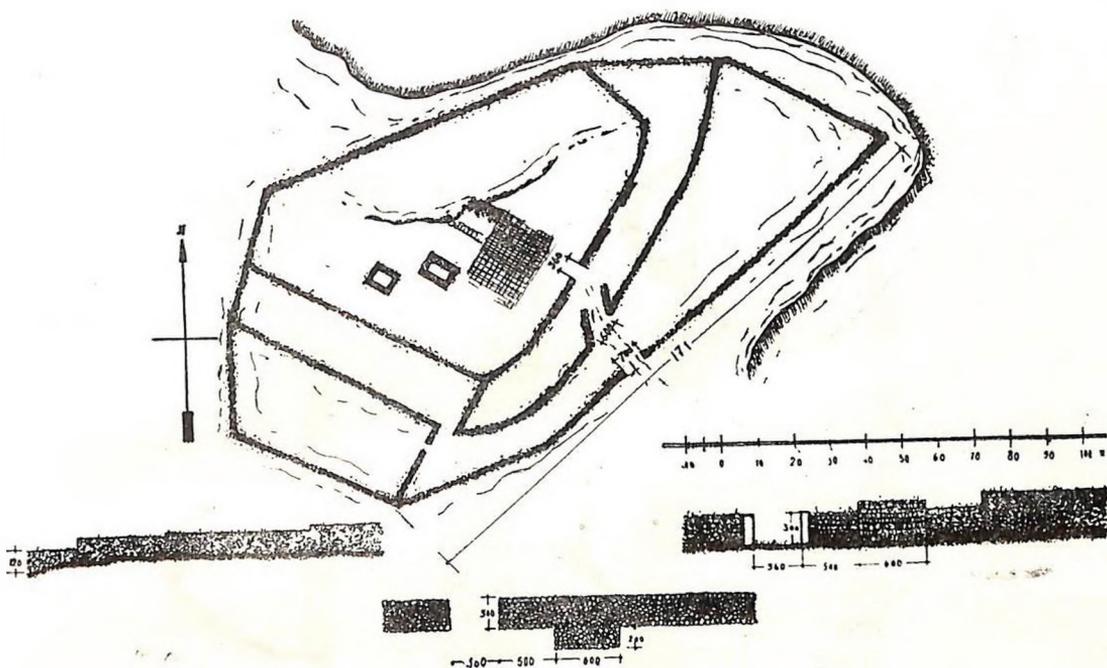

Табл. 31. План Бердатехской крепости.

Неподалеку от крепости по направлению к реке Тала (приток реки Агстев) был пробит потайной ход протяженностью в 1,5—2 км⁴². Ход был проложен посредством рытья глубокой траншеи, стены и верх которой обкладывались плитами высотой до 1,5 м и затем засыпались землей. На трех остальных

⁴² Подобные ходы известны в Шенганите (см. С. А. Сардарян, Первобытное общество в Армении, Ереван, 1967, стр. 193), в крепостях Берди-глух, Курхарара, Айриванк Севанского бассейна (см. Г. А. Микаелян, Циклопические крепости Севанского бассейна, стр. 19) и в ряде других мест.

В нижнем (первом) слое обнаружено небольшое количество предметов. На глубине 0,5 м от основания стен храма обнаружены две бронзовые стрелы с плоским наконечником и длинным черепком (табл. 26, рис. 7—8). Подобные стрелы характерны для конца II и начала I тыс. до н. э. и известны почти во всех памятниках Армении и Закавказья указанного времени⁴⁴, хотя, как показали находки в Норашене, Сев-сев карери блуре, Ар-

⁴³ С. А. Есаян, Астхилбурский могильник, ВОН, № 6, 1968, стр. 90.

⁴⁴ С. А. Есаян, Оружие и военное дело..., стр. 47.

ташате и других местах, они применяются до V—IV вв. до н. э. Интересно отметить, что подобные стрелы, датируемые VIII—VI вв. до н. э., известны также из Сатовле⁴⁵, где они сопровождаются железными мечами с брон-

жом II и I тыс. до н. э.⁴⁷ Кроме металлических изделий, в этом слое обнаружены небольшой кубок из бурой глины, небольшой кувшинчик и три катушковидных предмета (табл. 28, рис. 1). Неходя из стратиграфии и

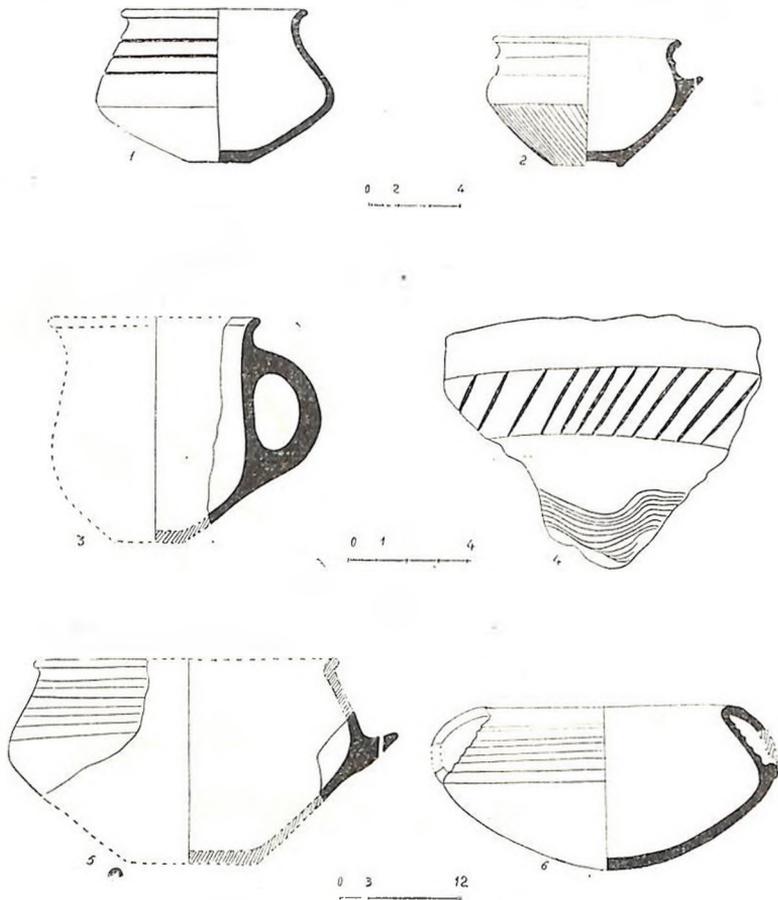

Табл. 32. Предметы из Бердатхской крепости.

зовыми обоймами, и в кувшинных погребениях Мингечаура⁴⁶. В этом же слое обнаружены небольшое кольцо и подвеска в виде очковидной спирали (табл. 26, рис. 20), известной по находкам из Дилижана, Хапзара, Мингечаура и других мест, датируемым рубе-

приведенного материала, этот слой можно датировать началом I тыс. до н. э.

Материалы второго слоя представлены намного богаче и разнообразнее. Основную их массу составляют ручки крупных кувшинов, имеющие вертикальную прорезь или сту-

⁴⁵ М. М. Бадриашвили, Археологические памятники из села Сатовле, ВМГ XVII-Б, Тбилиси, 1953, стр. 241.

⁴⁶ С. М. Казиев, Г. Н. Асланов, О некоторых типах оружия в Мингечауре, МКА, II, Баку, 1951, стр. 30.

⁴⁷ Я. Н. Гуммель, Погребальный курган № 1 около Еленендорфа, табл. V; Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. Н. Понс, Древний Мингечаур, табл. XVIII; Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триплете, рис. 74б; Ш. Г. Садахлидзе, Древние украшения Азербайджана, Баку, 1971, табл. XI.

печатные углубления (табл. 27, рис. 14—16, 18).

Небольшую группу составляют миниатюрные безручные (табл. 27, рис. 7, 8, 18), одноручные и двуручные кувшины (табл. 27, рис. 3, 5, 6), мисочки в виде солонок (табл. 27, рис. 17), одна красная миска с горизонтально поставленной ручкой (табл. 27,

зооморфный расписной сосуд на птичьих ножках (табл. 27, рис. 2), описанный в гл. VII.

Самую большую группу—несколько сот экземпляров—представляют катушковидные двухконусные предметы, найденные вместе с макетом двухэтажного храма (табл. 29), которые по грубому подсчету делятся на несколько десятков вариантов (табл. 28).

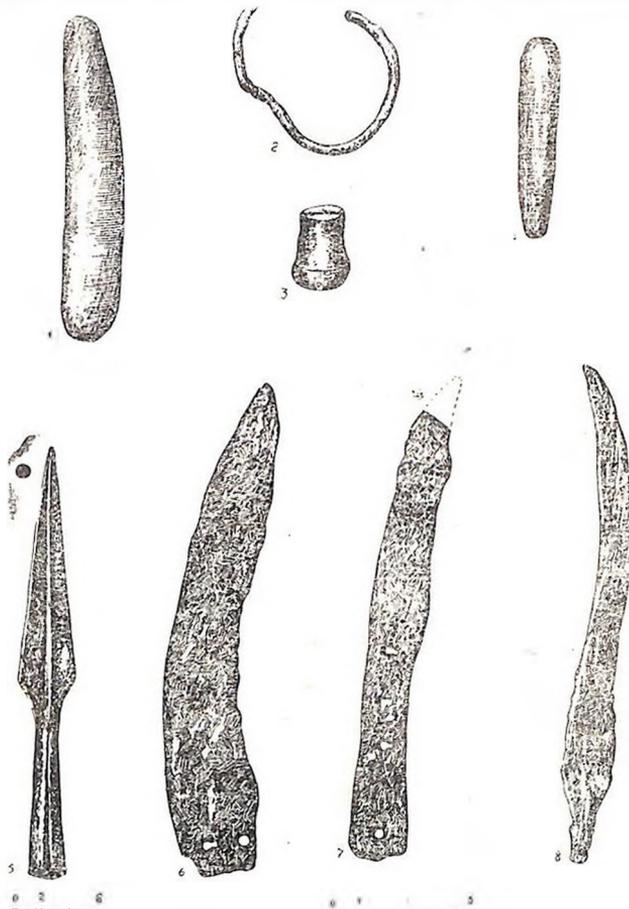

Табл. 33. Предметы из Бердатекской крепости

рис. 4) и несколько фрагментов чаш с сильно профилированным бортом (табл. 27, рис. 13). Вся эта керамика характерна для VII—VI вв. до н. э., однако одноручные кувшины и профилированные чаши находят свои аналоги и в памятниках V—IV вв. до н. э.—Джрарате и многих крепостях Шамшадина. Большую группу образуют небольшие тиглсобразные, сильно обожженные сосудики (табл. 27, рис. 1, 9—11). Интересной находкой является

По устному сообщению А. А. Мартиросяна, два подобных предмета известны в доурартском слое Тейшебани, что хорошо увязывается с вышеописанными изделиями из первого слоя. Такие же катушковидные предметы обнаружены неподалеку от Астхи-блур, в материалах Бердатекской крепости и в крепости Берди-дои в Разданском районе (Г. А. Микаелян). Такие же изделия несколько иной формы с совершенно гладкими

концами известны из среднебронзовых курганов Лчашена. Они вместе с моделью храма рассмотрены в VII гл.

Кроме керамических предметов имеются и металлические. В их число входят предметы вооружения, представленные одним железным кинжалом и несколькими коньями, схожими с такими изделиями из Астхилбурского могильника (табл. 26, рис. 5, 6, 12). Найдены также три стрелы (табл. 26, рис. 9.

В этом же слое обнаружены три железных ножа—два серповидно изогнуты, с внутренней заточкой, а третий имеет слегка изогнутый клинок с закругленным острием и кольцо на рукоятке (табл. 26, рис. 10). Если первые близки по форме к ножам, обнаруженным в Ворпаке и Ахпате, Норашене, Бердс, Хртаноце, Джаргате и др., то ножей с кольцом на рукоятке обнаружено в Армении мало.

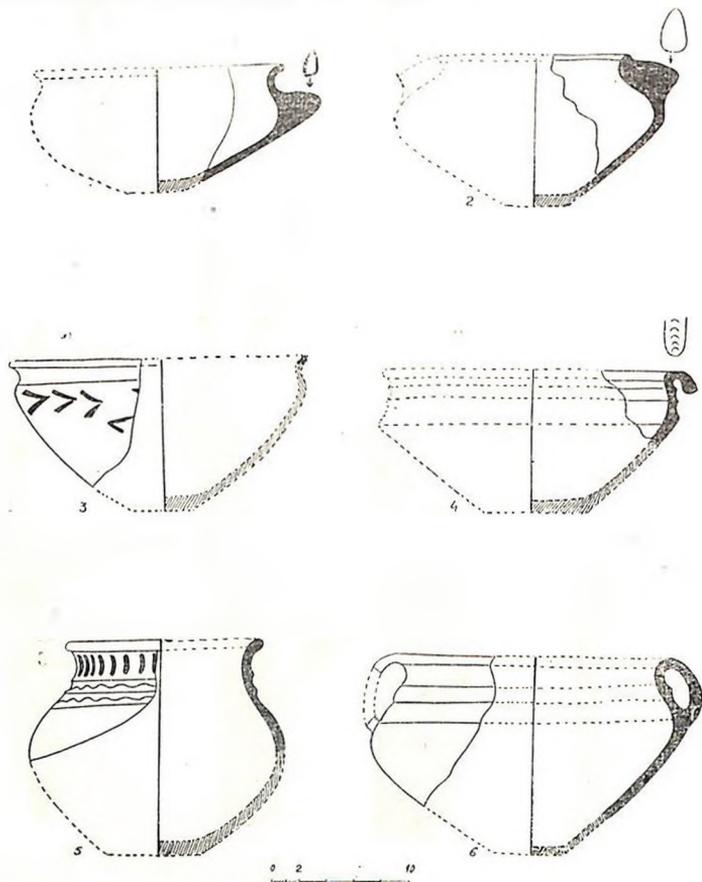

Табл. 34. Предметы из Бердатехской крепости.

17, 18). Одна из них, с четырехгранным наконечником с небольшим круглым стерженьком, напоминает костяные стрелы из Норашенской крепости и датируется VI—V вв. до н. э. Второй наконечник, листовидный, с овальным сечением и с небольшим стерженьком для насадки на древко, по форме также напоминает аналогичные стрелы из Норашена. Третья стрела бронзовая, скифская, двуперая, с небольшим шином.

Большую группу образуют украшения, состоящие из разнообразных перстней, близкие формы которых известны из поздних погребений Азербайджана⁴⁸ (табл. 26, рис. 13), и браслетов, два из которых украшены бараньей головой и очковой спиралью (табл. 26, рис. 1—3). Найдено также большое количество бус и их разделителей (табл. 26,

⁴⁸ С. М. Казиев, Г. Н. Аслаилов, указ. соч., табл. 11.

рис. 14), разных подвесок (табл. 26, рис. 19, 21). Интересен полый предмет в виде гуся или утки с коротким хвостом, высокой шейкой и вытянутой головой (табл. 26, рис. 4). Найдены также две грубые человеческие фигурки (табл. 26, рис. 15, 16).

Весь рассмотренный материал относится к началу и середине I тыс. до н. э.; этой датировке соответствуют и погребальные комплексы, рассматриваемые в III главе.

Крепость имеет почти прямоугольную форму, с заостренным восточным углом. Она окружена общей однорядной стеной шириной в 3 м, местами сохранившейся до трех и более метров высоты. С наиболее уязвимых южной и восточной сторон проведены еще два ряда стен, образующих внутри крепости три отдельных отсека и большую цитадель. Вход устроен в центре восточной стены и, последовательно суживаясь, проходит через три ряда

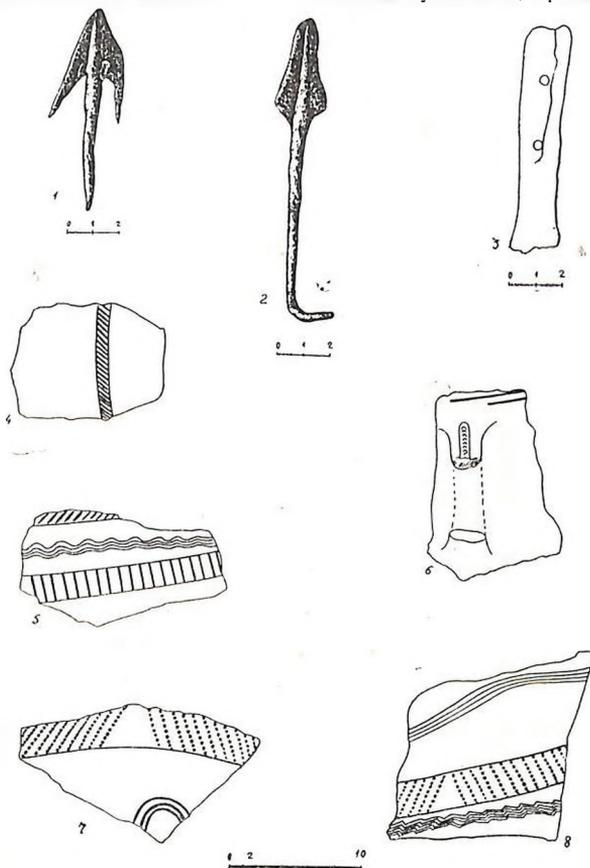

Табл. 35. Предметы из Бердатехской крепости.

Циклопическая крепость Бердатех находится в 8 км северо-западнее села Епокаван, правее проселочной дороги, ведущей на летние кочевки. Она сооружена на высоком скалистом холме, имеющем с трех сторон резкие обрывистые склоны и лишь с юго-восточной стороны более или менее доступные подходы. Территория ее составляет чуть менее 1,5 га (табл. 31).

стен в цитадель, имея ширину в 7,6 и 3,6 м. Рядом с последним входом в цитадель сооружены два крупных контрфорса шириной в 6 м, выступающие от стен на 2 м. В центральной части цитадели имеется обнаженный скальный выступ длиной около 20 м и шириной в 30 м, который с западной стороны резко обрывается на 4 м. В северо-западной оконечности скального выступа имеются следы помещения, перед которым расчищена

площадка скального выступа почти в 600 кв. м.

Помещение 1 имеет в плане прямоугольную форму с внутренними размерами 3,30×7,5 м. Стены массивные, толщиной 2,4—2,8 м. Северная стена снаружи слегка полукруглая, что обусловлено конфигурацией скального выступа. Восточная стена, где предполагается вход, не сохранилась. Пропорции и массивность стен указывают на то, что они построены без расчета прочности.

венчиком. Верхние части тулова украшены рельефными поясами, гребенчатым орнаментом, косыми линиями, нанесенными в виде многорядных точек, кашелюров, полукруглых поперечных линий, широких полос и т. д. (табл. 32, 35). По своей форме они напоминают карасы, обнаруженные в Ариберде, но отличаются по орнаментальным мотивам⁴⁹.

Фрагменты близких сосудов подняты в крепости Сртнер близ села Навур и раско-

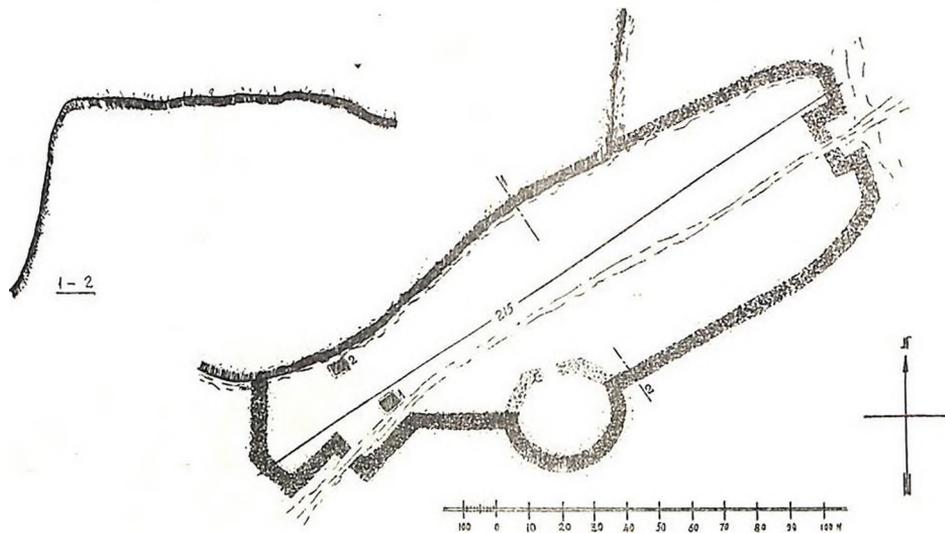

Табл. 36. План Барцабердской крепости.

Это сооружение напоминает храмовую постройку Астхивлурской крепости и, по-видимому, также являлось храмовым сооружением. Действительно, это здание, построенное на скальном выступе и имеющее перед собой большую скальную площадку, свободную от какой-либо постройки, могло служить лишь как культовое сооружение. В пользу этого предположения свидетельствует также инвентарь, обнаруженный при раскопках. Глубина сохранившегося культурного слоя невелика и достигает 50—70 см в зависимости от залегания скального грунта, служившего полом помещения.

Инвентарь, обнаруженный в помещении, несмотря на немногочисленность, интересен и выявляет ряд новых керамических изделий. Это фрагменты крупных кувшинов и карасов с вытянутым расширяющимся туловом, низкой шейкой, крупным, сильно выступающим

панью в Пилор-пате, Тмбадире и других крепостях исследуемых районов. Такие же фрагменты найдены Г. А. Микаеляном в крепости Сенон-ванк близ села Джрарат Разданского района, а также в слоях VI—V вв. до н. э. — из Айгевана⁵⁰, Мохраблур⁵¹, Ошакана⁵² и т. д.

Найдено также большое количество мисок со сливами. Все эти миски глубокие, часть их имеет полукруглые ручки, которые отходят от венчика к основанию шейки и украшены вертикальной прорезью со сту-

⁴⁹ С. А. Есаян, Каталог археологических предметов Музея истории Еревана, II, Ереван, 1967, табл. XX.

⁵⁰ Раскопки Б. Б. Пиотровского, материалы не опубликованы.

⁵¹ Раскопки Г. Арешяна, материалы не опубликованы.

⁵² Совместные раскопки автора с А. А. Калантаряном, материалы не опубликованы.

печатным углублением (табл. 32, рис. 1, 2). Подобные миски известны из Армавира, Эчмиадзина, Мохрабура и в массовом количестве в памятниках Северо-Восточной Армении раннеармянского времени.

из Кара-тепе, где в нижнем, третьем слое, относящемся к VII—VI вв. до н. э., найдены сосуды с отвисающими выступами-ручками, аналогичными ручкам бердатежских образцов, а во втором слое, относящемся к V—I вв.

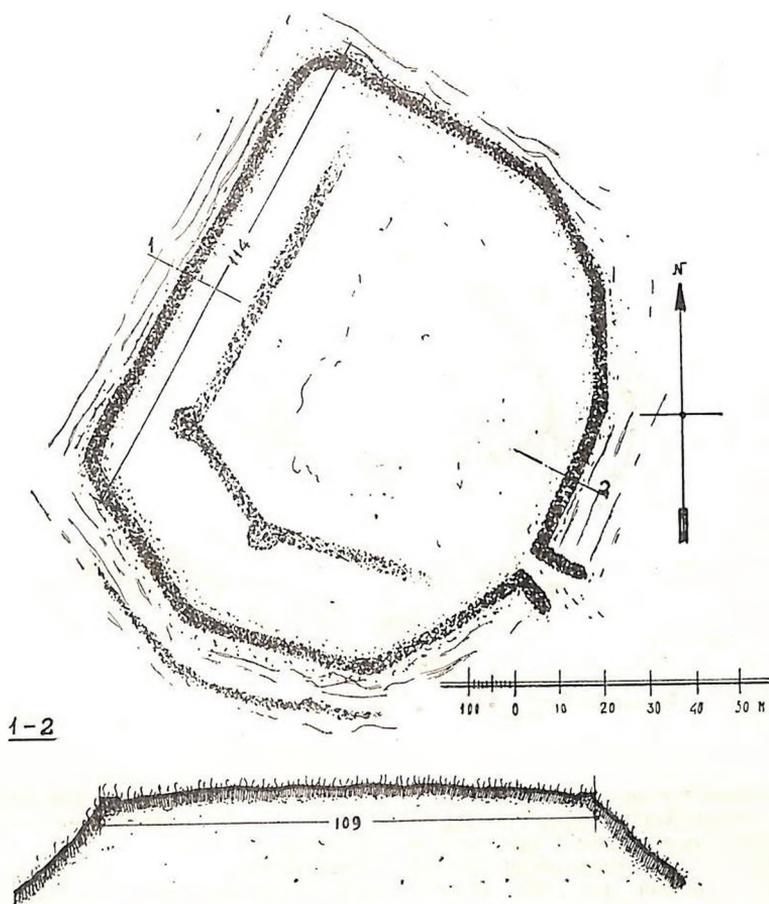

Табл. 37. План крепости Окон.

Кроме мисок со сливами найдены также миски с небольшими округлыми туловами и такими же венчиками. На плечиках имеются небольшие косо поставленные ручки в виде выступов со сквозным отверстием. Часть сосудов украшена косыми вдавленными линиями, бороздками и т. д. От венчика одной миски отходит короткий выступ с вертикальной прорезью, заполненной ступенчатыми углублениями (табл. 32, 34). Для датировки большое значение имеют керамические материалы

до н. э., в большом количестве появляются различные сосуды с носиками⁵³.

Найдено также большое количество разнообразных широкогорлых безручных и одноручных кувшинов черного, красного и серого цветов, в основном повторяющих орнаментацию карасов. Имеются также фрагменты не-

⁵³ О. Ш. Исмаилов, Раскопки холма Кара-Тепе в Мильской степи, Тр. Азербайджанской экспедиции, МНА, 125, рис. 13, 16, 21.

больших кувшинчиков, покрытые желтым ангобом. Сосуды имеют ручки с вертикальными прорезями со ступенчатым углублением или гладкие округлые ручки с шипастым выступом, иногда украшенные наклепными кружочками. Найдены также фрагменты маслоек с шипастыми выступами с внутренней стороны, хорошо известных во всех поселениях Северо-Восточной Армении рассматриваемой эпохи, Кара-тепе⁵⁴, Сары-тепе и других памятниках VII—IV вв. до н. э.⁵⁵

мавире, Аргштихинили подобных стрел вместе с фналами V—IV вв. до н. э. дают возможность отнести их к раннеармянскому времени. Найдены также крупное листовидное копьё с длинной втулкой, кривые железные ножи, ножи в виде бритвы, наличие которых, наряду с керамикой, позволяет отнести рассматриваемый комплекс к VII—V вв. до н. э. В пользу поздней датировки говорит наличие в керамических комплексах сосудов, покрытых желтым ангобом, наклепных кружочков

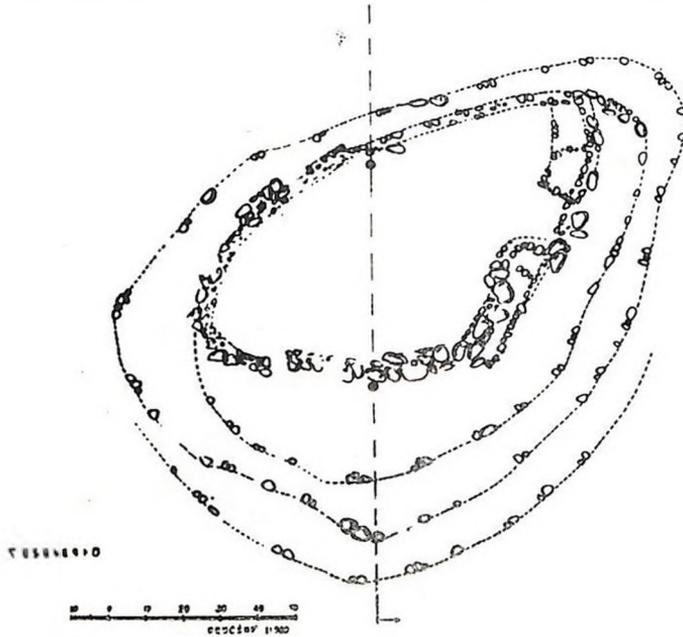

Табл. 38. План крепости Дашти-амрон.

Керамический материал однороден и относится ко времени Астхи блура, Тмбадира и других памятников середины I тыс. до н. э. Не противоречат этой датировке и находки металлических изделий (табл. 33). В числе их необходимо отметить два бронзовых наконечника стрел с четко выступающим средним ребром, небольшими усиками и длинным черенком (табл. 35, рис. 1, 2). Подобные стрелы известны из Толорса, Степанавана, Ленишакана, Акпера, Самтавро, Мингечаура и других памятников начала I тыс. до н. э.⁵⁶ Однако находки в Арташате, Норашене, Ар-

на ручках сосудов и мисок со сливом.

Остальные находки представлены небольшим числом точил, изготовленных из речных голышей и мягкого камня (жировика), различных браслетов, изготовленных из бронзовой проволоки, и небольшого навершия посоха или подтока копья, а также часто встречаемых в памятниках того же времени разнообразных хорошо отшлифованных шаровидных и бочковидных сердоликовых бус.

Определенный интерес вызывает находка в этом помещении трех катушковидных двухконусных предметов, впервые в большом количестве выявленных в Астхиблурском храме и условно названных мною подставками для крови жертвенных животных. Здесь же найдены два миниатюрных тиглевидных предмета, хорошо известных по тому же Астхиблuru.

⁵⁴ Там же, стр. 217.

⁵⁵ И. Г. Нариманов, Дж. Хамлов, Археологические раскопки на холме Сары-тепе—1956, МКА, IV, Баку, 1962, стр. 46.

⁵⁶ С. А. Есаля, Оружие и военное дело..., стр. 47.

В крепости были раскопаны также два крупных помещения, расположенных к югу от первого.

Помещение 2 имеет в плане прямоугольную форму. От стен сохранился, в основном, фундамент, лишь часть их выступает в виде крупных камней, как в Кармирбердской крепости. Внутреннее пространство $3,8 \times 3,4$ м, то есть около 13 кв. м. Пол состоит из забутовки в виде утрамбованной земли между

Внутренние его размеры $7,5 \times 3$ м, то есть около 23 кв. м. Высота сохранившихся стен 0,8 м, ширина—2,5—2,7 м; стены выложены на глиняном растворе. Как видим, стены возводились без учета прочности и по размерам приближаются к стенам урартских помещений. Стены, как и в Астхиблурском храме, построены из камня через шов нижнего слоя, то есть с замком. Пол также из скального грунта с забутовкой свободного пространст-

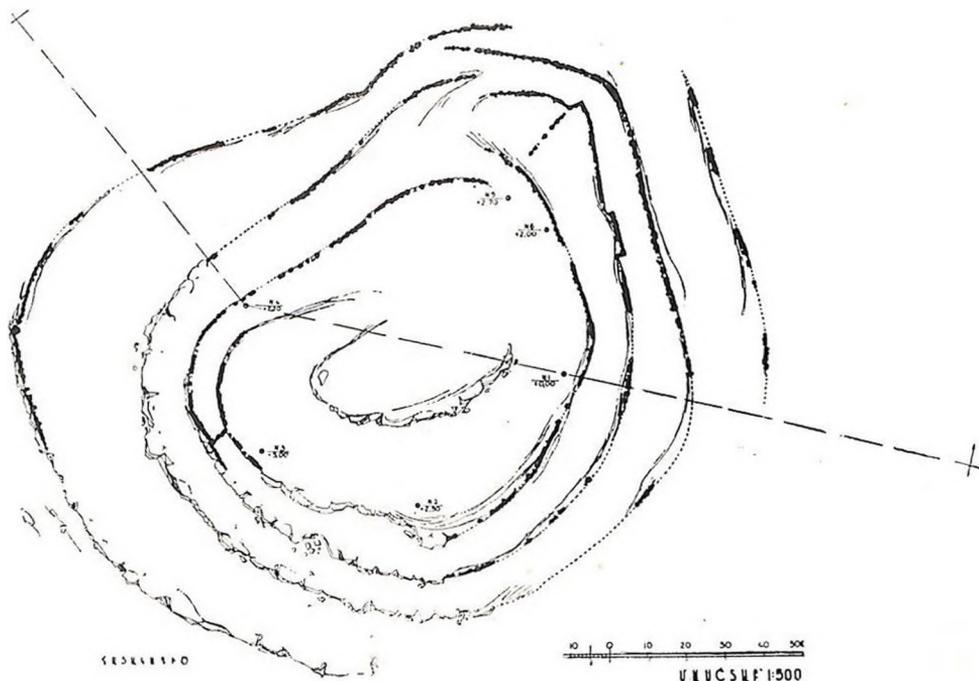

Табл. 39. План крепости Масмаляр.

скальным грунтом холма. Инвентарь, обнаруженный в помещении, состоит из небольшого фрагмента зерпотерки, фрагментов ручек сосудов со ступенчатым углублением, фрагментов горшков, аналогичных образцам керамики из первого помещения. В помещении обнаружено много угля и горелой земли, свидетельствующих о пожаре. Об этом же говорит то обстоятельство, что все помещение было засыпано крупными камнями, которыми были выложены стены, разрушившиеся при пожаре.

Помещение 3 расположено рядом со вторым и также имеет прямоугольную форму.

Местами уложены каменные плиты размерами $55 \times 40 \times 10$; $35 \times 50 \times 12$; $64 \times 45 \times 10$ см.

Как и в первых двух помещениях, обнаружен, в основном, керамический инвентарь, состоящий из небольшого количества фрагментов ручек со ступенчатыми углублениями, мисок, широкогорлого кувшина и небольшой базальтовой зерпотерки. Здесь также обнаружено большое количество угля и горелой земли. Помещение также было засыпано крупными булыжниками разрушившихся стен.

Как видно из материала всех трех помещений, крепость функционировала в середине I тыс. до н. э. Интересно отметить, что ин-

вентарь находит близкие аналоги (кроме кашковидных изделий) в материалах памятников Гурджианского района Мели-геле II и Мелаани⁵⁷.

Крепость Тмбадир (Тмби-дирк; дословный перевод—позиция на холме) находится на северо-западной окраине села Ачаджур

которого проделан проход шириной в 3 м с отходящими от него шестиметровыми стенами. Таким образом, противник, штурмующий горота, должен был пробиться через узкий коридор размером 3×6 м, очутиться в каменном мешке размером 15×35 м и попасть под обстрел воинов, находящихся на второй внут-

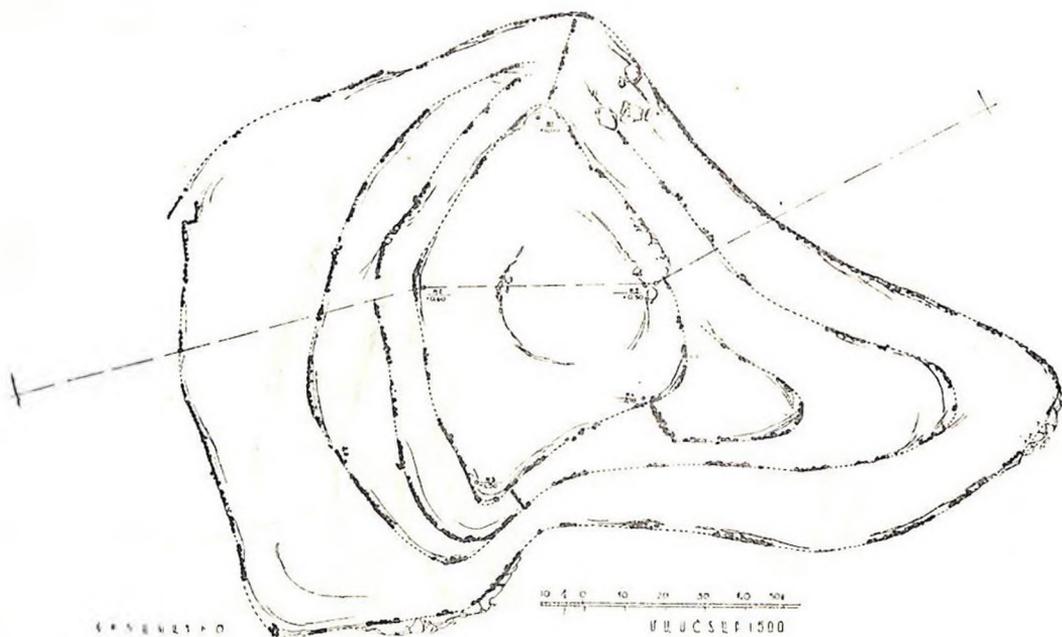

Табл. 40. План крепости Сибрик.

(табл. 52). Здесь в древности на основе возвышающегося круглого скалистого выступа площадью около 0,5 га, круто спускающегося к небольшому безымянному ручейку, была произведена искусственная засыпка холма площадью около 0,5 га, высотой в 19—20 м и таким образом создана ровная овальная поверхность площадью около 1 га с крутыми склонами. Объем присыпанной земли составляет около 72 000 куб. м. По кромке холма проведена однорядная стена шириной в 3 м, от которой сохранилось лишь основание. С восточной стороны стены выстроены четыре контрфорса, отходящие от стен на 2 м. Западная сторона холма, примыкающая к скальному выступу и имеющая крутые склоны, лишена контрфорсов. В центре южной части стен проделан вход шириной в 5 м. Для укрепления входа перед воротами выстроен полукруглый выступ длиной в 15 м, в центре

репней стене. По словам жителей села, до недавнего прошлого сохранялся внутренний вход в крепость в виде больших ворот, сооруженных из двух вертикально поставленных каменных плит и перекрытых третьей плитой, каждая размером 3×2 м.

Нужно сказать, что это не единственная крепость, сооруженная на искусственном холме. Зафиксированы еще три крепости, находящиеся близ сел Норашен, Чоратап и Мосес Шамнадниского района, которые целиком построены на искусственных холмах.

В Тмбадирской крепости были произведены раскопки, открывшие ряд помещений, часть крепостной стены и, кроме того, заложены три шурфа и проведена длинная траншея. Раскопки показали, что крепость была одноэтажной. Выявлен очень интересный материал, обрисовывающий жизнь небольшого земледельческого поселения VI—V вв. до н. э.

Раскопки пяти помещений производились в восточной части холма. Они примыка-

⁵⁷ Устное сообщение К. Н. Пичхелаури.

ют друг к другу и, по-видимому, имели общее перекрытие.

Помещение 1 расположено в центре восточной части крепости и имеет размеры 4×5 м. Местами сохранившиеся стены достигают 1,5 м ширины и 20—40 см высоты. Под восточной стеной обнаружена крупная зерновая яма в виде расширяющегося конуса глубиной в 2,35 м. Диаметр верхнего отверстия 0,8 м, а основания—1,1 м. На высоте 0,75 м

поперечной стеной была раскрыта крупная конусообразная яма с верхним диаметром в 1 м, нижним—1,45 м и глубиной в 1,65 м. Рядом с ямой обнаружен весь треснувший, но сохранивший форму карас высотой в 80 см и наибольшим диаметром в 60 см; диаметр горла—25 см. Верхняя часть караса сплошь орнаментирована многорядными волнистыми линиями, отделенными друг от друга двумя рельефными поясами, украшенными косыми

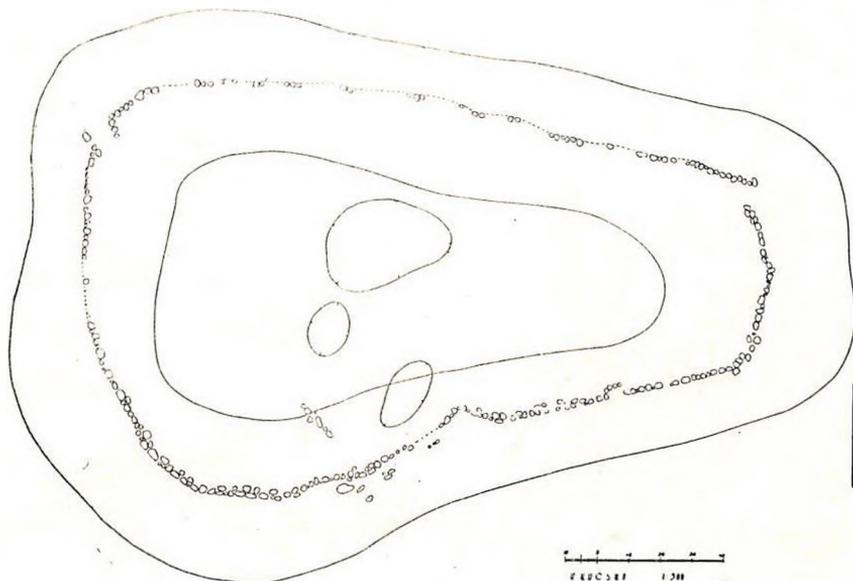

Табл. 41. План крепости Орджоникидзе.

от основания яма была перекрыта каменной плитой, в которой был устроен люк с каменной квадратной пробкой размером 0,3×0,4 м и которая делила яму на две части. В этой яме, верхняя часть которой была засыпана обвалившейся стеной, найдена трехгранная скифская стрела, искривленная от попадания в стену (табл. 53, рис. 6). В этой, как и в других ямах Тмбадирской крепости не обнаружено следов каких-либо знаков.

Помещение 2 южной поперечной стеной примыкает к помещению 1 и имеет ту же ширину, а длина—5,5 м. Стены сохранились в таком же состоянии. Внутри помещения сооружен небольшой чулан, шириной в 2 м, пристроенный к задней стене. В центре южной стены был обнаружен жертвенный очаг (см. VII гл.). Напротив него под северной

бороздкой. Подобные карасы известны из Кахетии⁵⁸ и Сары-тепе⁵⁹.

Помещение 3 южной стеной примыкает ко второму и имеет ту же форму, но отличается размерами—6×9 м. Стены, как и в предыдущих помещениях, имеют 2 или 3 ряда кладки и местами совсем не сохранились. Пол, как и во всех раскопанных помещениях, несколько ниже основания стен, что характерно как для других крепостей Северо-Восточной Армении, так и для доурартских помещений Кармир-блур⁶⁰. Внутри помещения

⁵⁸ Устное сообщение К. Н. Пицхелаури.

⁵⁹ Н. Г. Нариманов, Дж. А. Халилов, Раскопки на Сары-тепе. МКА, IV, Баку, 1962, табл. XV.

⁶⁰ А. А. Мартirosян, Город Тейшебаши, Ереван, 1961, стр. 13.

сооружен небольшой чулан, повторяющий форму чулана помещения 2.

В северо-восточном углу обнаружена яма, имеющая форму сапога с удлиненным узким голенищем и округлым носком. Ширина верхнего квадратного отверстия 0,6 м, а нижнего—2 м, глубина 2,6 м, высота голенища 1,2 м.

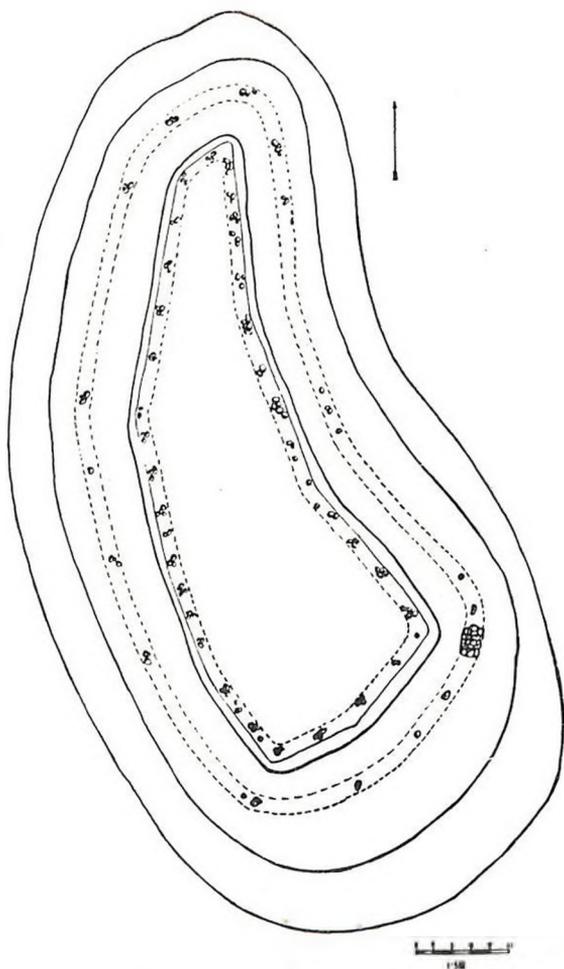

Табл. 42. План Кохбекской крепости.

Вторая яма имеет форму круга с верхним и нижним диаметром в 1 м и глубиной в 0,75 м. Края обеих ям обложены каменной стеной шириной в 30 см, на глубину 1,2 м в первой и 0,4 м во второй.

Помещение 4 является продолжением к

северу помещения 3 и имеет ту же конструкцию с чуланом и те же размеры, отличаясь лишь тем, что пол помещения ниже пола помещения 3 на 0,5 м и силовым покрытием грубыми каменными плитами, пространство между которыми заполнено утрамбованной землей. В этом помещении обнаружено два куса отслакowanego кирпича, что дает возможность предположить, что стены над покоем были выложены из кирпича. В помещении обнаружена яма грушевидной формы, глубиной 1,8 м с диаметром верхнего отверстия 0,8, а нижнего—1,2 м. Края ямы, как и в третьем помещении, были обложены каменной стеной на глубину 0,5 м. Напротив ямы в центре северной стены обнаружены треснутый карас высотой в 1,1 м и наибольшим диаметром 0,8 м; диаметр горла 0,4 м.

Помещение 5 примыкает с северной стороны к помещению 4. Сохранившиеся места стены позволяют уточнить его размеры—4×6 м. Следов чулана здесь не сохранилось, но так как ширина комнаты соответствует первым помещениям, то можно предположить о его наличии в древности.

Обнаруженный во всех пяти помещениях (табл. 53—56) инвентарь состоит, в основном, из фрагментов многочисленных керамических изделий. Здесь найдены фрагменты карасов, украшенных вертикальными бороздками или волнистыми линиями и рельефными поясами с косыми овальными выемками (табл. 53, рис. 14, 15; табл. 56, рис. 4, 8), то есть с орнаментацией вышеуказанных целых карасов. Обнаружено также большое количество крупных широкоротлых кувшинов и горшков (табл. 54, рис. 5, 7, 8), повторяющих орнаментацию карасов и отличающихся от них лишь малыми размерами и наличием на части из них лощеного орнамента вместо резного и прочерченного. Часть кувшинов снабжена двумя ручками, размещенными в центре тулова. Найдены также одноручные кувшины, ручки которых имеют вертикальную гладкую прорезь или ступенчатые углубления (табл. 55, рис. 3, 11—13). Обнаружен фрагмент сосуда с высоким раструбчатым горлом и с вытянутой дугообразной ручкой, что более характерно для сосудов позднего времени, в частности, джраратского и аршбердского типов. Это позволяет оттянуть время функционирования крепости к началу V в. до н. э.

Среди кувшинов помещения 1 и 4 найдено два фрагмента расписной керамики. Один из них является фрагментом кувшина, украшенного прочерченными волнистыми линиями и расписанного темпо-желтыми полосами, нанесенными на коричневый фон. У другого кувшина шейка украшена вертикальными линиями, нанесенными коричневой краской по черному фону. Оба эти кувшина по росписи

сближаются с астхилурским и хрпаноцским кувшинами начала I тыс. до н. э.⁶¹

Нужно отметить, что расписные сосуды раннеармянского времени из Армавира в основном покрыты светлым ангобом, но в некоторых случаях роспись коричневого, желтого, серого и других цветов наносилась на бурую или сероватую поверхность, как и на рассматриваемых расписных сосудах⁶².

В керамических комплексах Тмбадира найдено также большое количество фрагментов различных мисок (табл. 55, рис. 1, 2). Среди них имеются фрагменты черных и серых мисок с округлым или расширяющимся глубоким туловом и крупным округлым венчиком. Часть их украшена рельефными линиями, а одни — вертикальными слабо прореченными линиями. Найдены также фрагменты более плоских мисок, снабженных горизонтально поставленными ручками со сквозным отверстием, и мисок с округлым дном, тяготеющих к V в. до н. э., а также миски в виде чайника со сливом (табл. 55, рис. 14), хорошо известные по находкам из крепости Бердатеж близ села Епокаван и единичным находкам в Армавире, Эчмиадзине и из поздних погребений раннеармянского времени в Мохраблуре.

В числе других изделий интерес представляет фрагмент стакановидного кувшинчика, известного в памятниках раннеармянского времени — Астхи-блуре, Азатаване и т. д. (табл. 53, рис. 10).

Найдены также фрагменты крупных маслоек, снабженных с внутренней стороны пиастыми выступами, рельефными и прореченными линиями.

Кроме керамических изделий обнаружено большое количество каменных орудий — различные зернотерки, точила, ложила и терочники, изготовленные из речных гальки. Интересны находки в помещениях 1 и 3 четырех хорошо ретушированных кремневых вкладышей серпов, с сильно сработанной рабочей частью (табл. 53, рис. 1, 2, 5).

В числе других изделий, найденных из помещения 1, необходимо указать на небольшую костяную шкатулку, изготовленную из сплещеного оленьего рога (табл. 53, рис. 8). Из этого же помещения происходит фрагмент глиняной формы для отливки украшений в виде небольшой грибовидной подвески и небольшого ситечка (табл. 53, рис. 15). От применения форма, несмотря на толщину в 3 см, сильно обожжена и треснута. Другим

⁶¹ С. А. Есаиян, Новые данные о расписной керамике Армении начала I тыс. до н. э., ИФЖ, № 1, 1969, стр. 283.

⁶² Г. А. Тирацян, О расписной керамике древней Армении, ИФЖ, № 3, 1965, стр. 269.

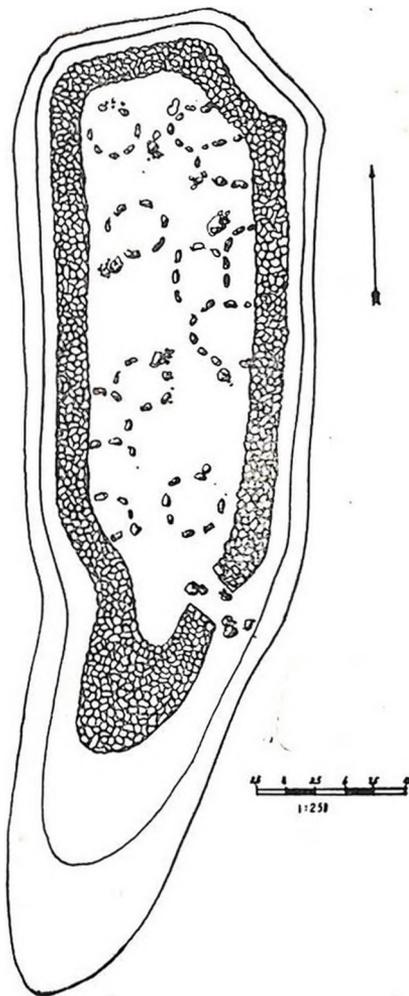

Табл. 43. План Дугнадзорской крепости.

интересным изделием, также происходящим из помещения 1, является округлый предмет с отверстием в центре, напоминающий собой основание астхилурского макета двухэтажного храма (табл. 56, рис. 7).

Интересной находкой в помещении 3 является фрагмент глиняного сапожка с четко отмеченной круглой ступней и каблуком, украшенный треугольными и овальными выемками (табл. 54, рис. 6). Здесь же найден впервые встречаемый в памятниках Армении фрагмент верхнего камня ладьевидной зерно-

терки, на поверхности которого высечены две свастики (табл. 54, рис. 1).

Во втором помещении найдено несколько украшений. К числу их относятся резец нижней челюсти домашней лошади с просверленным отверстием, по-видимому, служивший амулетом (табл. 53, рис. 3), а также ракушка моллюска перловницы, очень распространенная в Армении и Мегрелии, по-видимому, служившая подвеской. Из этого же помеще-

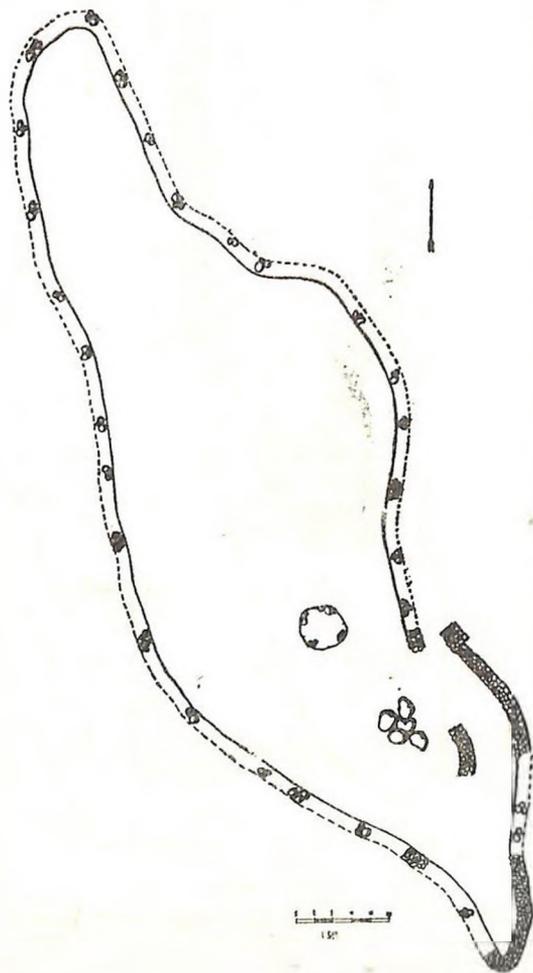

Табл. 44. План Козманской крепости.

ния происходит небольшой бронзовый браслет (табл. 53, рис. 7), изготовленный из круглой проволоки с заходящими друг на друга звеньями.

С целью определения ширины наружных стен помещений между ними и крепостной

стеной был заложен шурф длиной в 30 м и шириной в 1,5—2 м, что соответствует пространству между внешней крепостной стеной и стенами указанных помещений. Высота обоих рядов стен, возведенных из грубо отколотых крупных каменных блоков и булыжников на глиняном растворе, достигала 1,65 м от поверхности холма. Ширина обеих стен достигает 3—4 м. С южной стороны на уровне первого помещения обе стены были соединены поперечной стеной, образующей тупик длинного коридора, идущего между наружной крепостной стеной и стенами жилищ. По-видимому, крыши помещений, будучи более высокими, служили вторым рядом укрепления, препятствующим штурму противника.

В этом коридоре обнаружены многочисленные следы огня, фрагменты карасов и крупных сосудов, в которых хранилась пища, и крупные кремневые вкладыши серпов. Здесь же найдено много костяных остатков крупного и мелкого рогатого скота, являющихся, по-видимому, остатками пищи.

С целью выявления второго слоя или материкового грунта в коридоре я углубился ниже основания стен еще на 1,5 м (т. е. 3,5 м от поверхности холма), где все время шел мягкий песчаный грунт без каких-либо следов культурного слоя. Посредством вбивания лома удалось установить, что песчаный грунт продолжается еще на 1,5 м, то есть на 5 м от поверхности холма. Кроме раскопок помещений и указанного коридора, были заложены три шурфа с целью выявить новые помещения, которых, однако, не удалось обнаружить.

Шурф 1 размером 4×4 м был заложен в 7 м юго-западнее первого помещения. В северной и южной части шурфа обнаружены следы отдельных камней, являющиеся, по-видимому, следами стены. В центре шурфа открылась овальная, почти круглая яма глубиной в 0,3 м, вся заполненная углем, золой и обгорелой землей. Возможно, яма являлась печью для обжига керамики, а может быть, и металла. В пользу последнего свидетельствует найденная в первом помещении формочка для отливки украшений.

Найдено также большое количество фрагментов карасов, орнаментированных как карас из помещения 2, крупных широкогорлых кувшинов, орнаментированных рельефными поясами, штрихами, волнистыми линиями, жгутовым орнаментом, косыми точечными линиями, с прицепленными венчиками. Небольшую группу образуют черепки мисок и горшков, аналогичные вышеописанным, в том числе миска со сливом.

Большую группу образуют ручки одноруких сосудов, частично гладкие, а в подав-

ляющем большинстве украшенные вертикальной прорезью и снабженные различной формы ступенчатыми углублениями. Среди них имеется ручка с прогибом в центре, украшенная палещими изображениями бараньих рогов. Найдены также фрагмент маслособойки с шишастым выступом с внутренней стороны и горлышко узкогорлого сосуда черного цвета, украшенное вертикальными витрихами и напоминающее верхнюю часть фляги.

вкладыши кремневого составного серпа. Остальной инвентарь, обнаруженный в шурфе, отличается от находок в других помещениях. Здесь обнаружены венчики и части тулов крупных карасов и широкогорлых сосудов, различных мисок, ручки со ступенчатыми выемками, фрагменты маслособок с шишастыми выступами, точил из речного голыша, то есть всего того, что уже известно в других помещениях. Новостью являются фрагмент

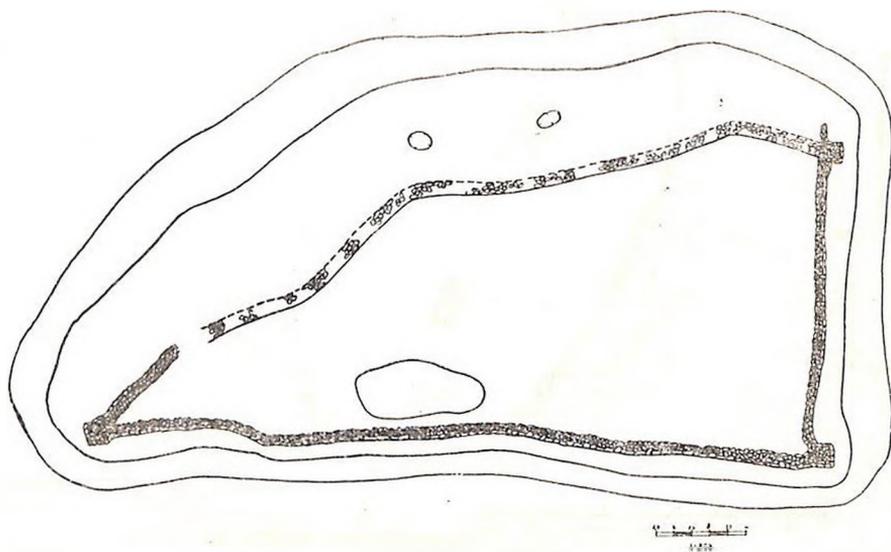

Табл. 45. План Паташарской крепости.

Шурф 2 размером $9 \times 3,5$ м расположен юго-западнее первого шурфа, в 22 м от южной стены. В северной части шурфа обнаружена конической формы яма с верхним диаметром в 1,00 м, нижним—1,5 м и глубиной в 1 м. Почти в центре, несколько южнее, найден культовый очаг, напоминающий по форме очаг из помещения 2, также обложенный вертикально поставленными камнями, внутреннее пространство которого было замазано обожженной глиной ярко-красного цвета. Рядом с очагом обнаружена, пожалуй, наиболее интересная находка—статуэтка быка из красноватого известняка (описание см. в VII гл.).

Интересна находка крупной каменной мотыги, изготовленной из речного голыша, на котором вырезаны пазы для закрепления рукоятки. Рабочий конец мотыги сильно сработан, имеет несколько поломок от ударов о каменную почву. Подобная мотыга известна из Сары-тепе⁶³. Здесь же найден еще один

грубой крупной (диаметр 18 см), толстостенной, с плоским обжигом цефалки со сквозными отверстиями на дне и трапециевидная ручка сосуда, украшенная слочным орнаментом.

Шурф 3 своим северо-восточным углом примыкает к юго-западному углу шурфа 2 и уступом доходит до скального выступа холма. Глубина его небольшая, так как ниже 0,3—0,5 м выступает скальный грунт. Размеры шурфа 5×4 м. Никаких следов построек здесь не обнаружено, но найдено несколько фрагментов карасов, мисок, широкогорлых сосудов, украшенных лощеными полосами и штрихами, линейным и жгутовым рельефным орнаментом и другими, уже известными украшениями. Найден также фрагмент маслособойки с шишастым выступом. Интерес представляет витая ручка кувшина, известная по находкам в Астхи-блуре и ряде других памятников.

В центре северной части крепости была заложена траншея длиной в 15 м, шириной в 1,5 м и глубиной в 0,7 м, где никаких следов культурного слоя не обнаружено.

Таким образом, раскопки в Тмбадире

⁶³ И. Г. Нариманов, Дж. А. Халилов, указ. соч., табл. XVIII.

открыли поселение древних земледельцев с развитым сельским хозяйством, о чем свидетельствует наличие больших ям и карасов, предназначенных для хранения зерновых, и большого количества костных остатков до-

Нораиенская крепость находится в 5 км юго-западнее села Нораиен на левой стороне дороги, ведущей на кочевку, на небольшом скалистом холме, между родником Лезги-ах-пюр и пунктом объездчиков лесничества. Кре-

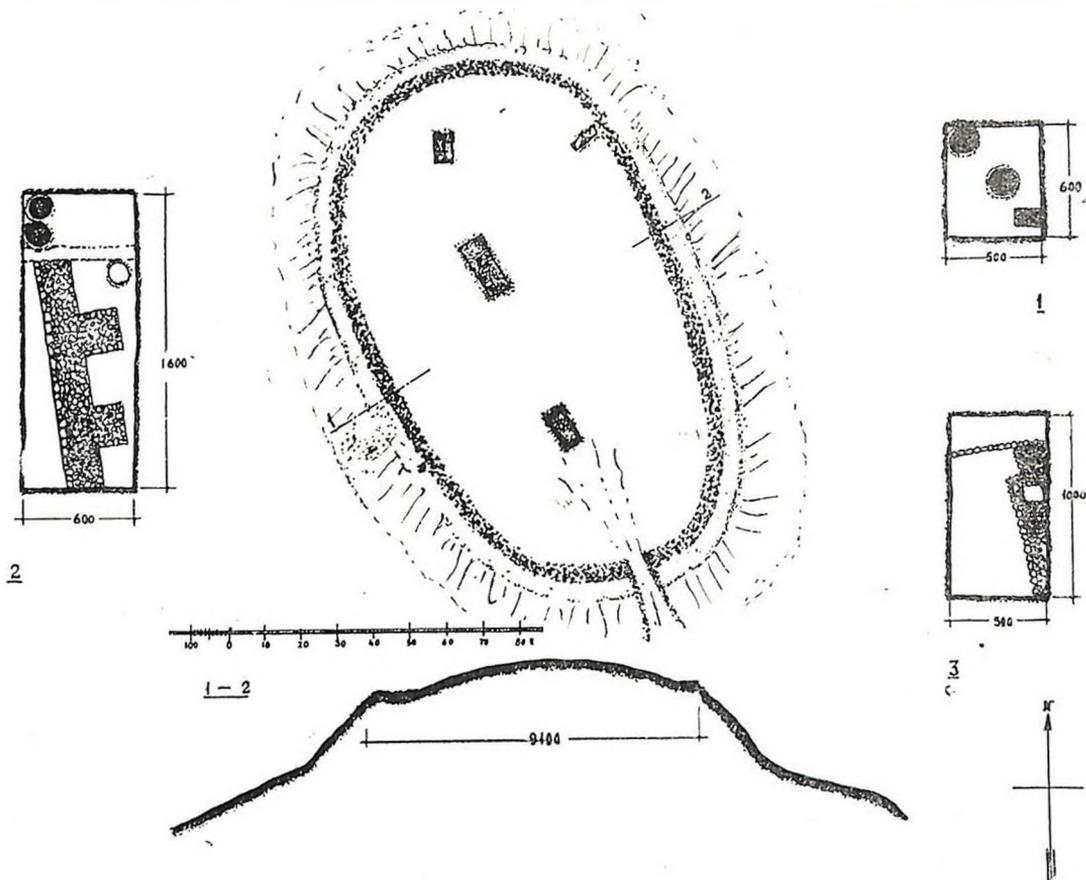

Табл. 46. План крепости Пилор-пат.

машних животных. Эти же находки выявили, что в середине I тыс. до н. э. наряду с широко распространенными железными орудиями труда, хорошо известными из Головино, Хртапоца, Епокавана, Берда и т. д., еще применялись каменные составные серпы и мотыги. Каменные орудия, выявленные Б. А. Куфтиным и Б. Б. Пиотровским из памятников начала I тыс. до н. э. в Триалети и Севанском бассейне⁶⁴, бытовали до середины I тыс. до н. э.

⁶⁴ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, стр. 69; Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 196.

пость, повторяющая конфигурацию холма, почти круглая, с изломанными стенами (табл. 59). Площадь ее чуть более 1 га. Внутри на расстоянии 10—20 м в зависимости от рельефа сооружена вторая линия крепостных стен, образующая своеобразную цитадель грушевидной формы. Склоны крепости, особенно южные, резко обрывистые, местами чуть пологие и соответственно лучше укреплены. Так, на северо-западном и юго-западном участках возведены прямоугольные выступы, размером 20×10 и 18×10 м, образующие своеобразные пустотелые башни, имеющие вход из крепости. Причем первая надежно прикрывает расположенный в 20 м вход,

а вторая — пологий подъем из ущелья. Хорошо сохранились два входа. Первый, основной, расположен в восточной части и имеет ширину в 4 м; по обе стороны от него отходит коридор длиной в 20 м. Чуть пониже, севернее, находится вход в цитадель через вторую линию стен, имеющий форму свободного прохода шириной в 3 м. Уже упомянутый северо-

открылись две поперечные стены шириной в 1,2 и 1,4 м и длиной 1,5 и 2,5 м соответственно. Стены сохранились на высоту 0,4 и 0,7 м. Здесь найдены разнообразные керамические изделия, оружия, орудия труда и украшения. Керамические изделия состоят из большой группы фрагментов красных, черных и серых карасов, украшенных рельефными поясками с

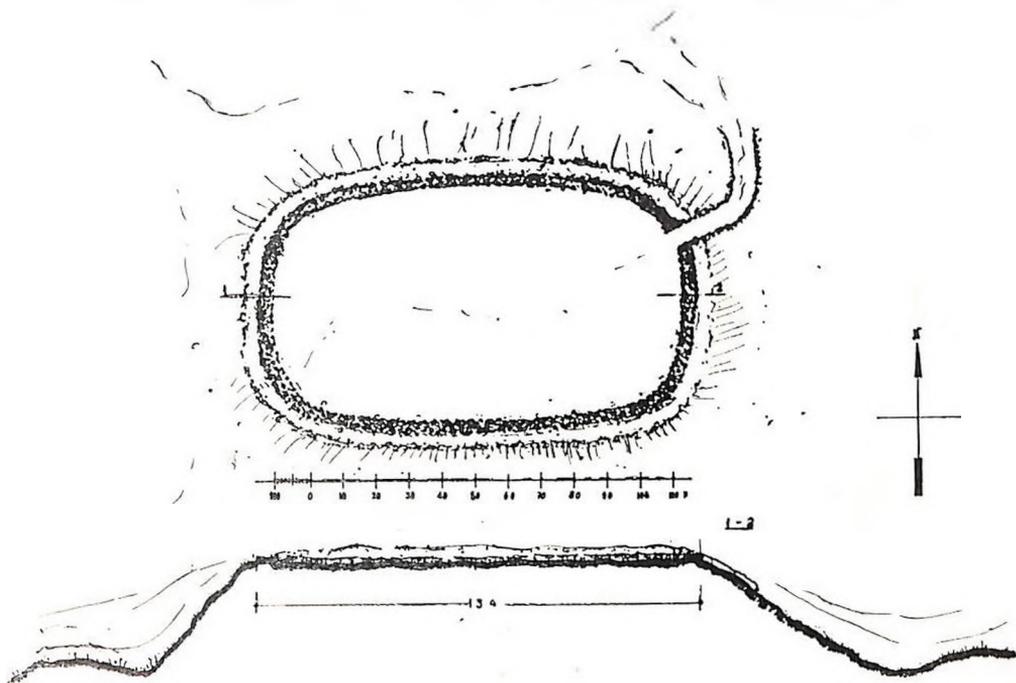

Табл. 47. План Дзорбердской крепости.

западный вход доступен лишь для пешего хождения, так как находится на крутом склоне и, как уже говорилось, расположен в 20 м от угловой башни. Ширина входа также 4 м.

Норашенская крепость является частью укреплений, расположенных южнее Кирги-Норашена, охраняющих горные дороги, ведущие в направлении Красносельска (см. Приложение, № 24, 27, 29). Далее по этой же дороге следует ряд других крепостей, которые будут рассмотрены в последовательности с севера на юг. Причем все эти крепости удалены друг от друга на 5—10 км, а наиболее отдаленная расположена в 30 км от Норашена.

В самой высокой и сравнительно ровной части Норашенской крепости в 1970 г. был заложен первый шурф размером 30×5 м, по направлению с севера на юг. В восточной части шурфа на расстоянии 5 м друг от друга

косыми желобками, овальными выемками, ногтевым орнаментом и т. д., хорошо знакомыми по находкам в крепостях Бердатеж, Тмбадир, Пилор-пат и других, датированных VII—V вв. до н. э. (табл. 60, рис. 1, 2).

Найдены также в большом количестве (30 шт.) ручки различных кувшинов, украшенные косыми выемками. Изредка встречаются ручки с вертикальной прорезью, заполненной ступенчатыми углублениями (табл. 60, рис. 8, 10).

Кроме указанных изделий, найдено несколько десятков черепков коричневых, красных, черных и серых мисок с округлыми или плоскими, а иногда резко профилированными бортами, в основном украшенных волнистыми линиями или штрихами. На плечике одного сосуда имеется налепной кружочек с выемчатой линией, а на другом — небольшая трапециевидная ручка. В эту же группу входят

фрагменты мисок со сливами в форме чайников, хорошо известных по находкам в Берда-техе и других крепостях.

Аналогичная керамика происходит также из Азербайджана. Особенно много близких

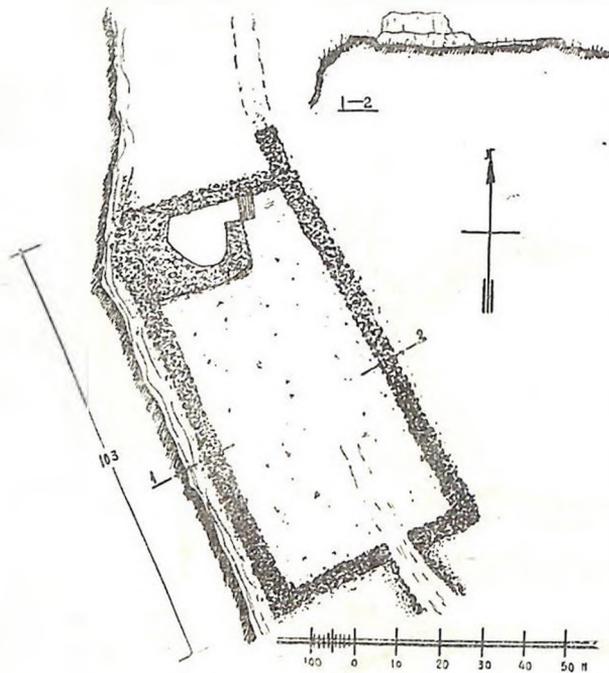

Табл. 48. План Аривабердской крепости.

материалов из крепости Кара-тепе, датируемой VII—V вв. до н. э. Интересно отметить, что здесь встречаются сосуды, украшенные косыми насечками и датируемые VI—IV вв. до н. э., часть которых снабжена сливами. Очень много близких по форме ручек, часть которых украшена бараньими головами⁶⁵. Подобные сосуды встречаются также из Узун-тепе, Джафархана, Ялойлу-тепе, Мингечаура и других памятников, датируемых V—I вв. до н. э.⁶⁶

Найдены также фрагменты стакановид-

ных кувшинчиков (табл. 61, рис. 8), хорошо известных по находкам в Айруме, Азатаване, Астхи-блуре и т. д., а также маслосбок, снабженных шишами и глубокими пазами.

Наиболее интересными находками являются фрагменты пяти черных и красных фиал с гладкими и вдавленными донышками, снабженных ручками в виде округлых выступов (табл. 61, рис. 1, 2). Подобные фиалы в Армении известны из Бердского могильника, Джуджевана, Айрумской и Пилорпатской крепости. Прототипы их известны также из Джаррата, Ошакана, послеурартского поселения Кармир-блур и Гарин, где они обнаружены в слоях раннеармянского времени⁶⁷.

Подобные серебряные чашо-фиалы известны из Ахалгорийского клада и Алгетских погребений, датируемых VI—IV вв. до н. э. Аналогичная фиала с надписью Артаксеркса I (465—428 гг. до н. э.) известна из Мазандарана, а близкие ей по форме фиалы, также датируемые V в. до н. э., происходят из Эрзинджана и Эрзерума и ряда других мест⁶⁸.

Интересно отметить, что здесь найден фрагмент желтого кувшина, украшенный погтевым орнаментом, целые экземпляры которого найдены в Бердском могильнике вместе с фиалами и позволяют отнести время функционирования Норанешской крепости к VI—IV вв. до н. э. (табл. 61, рис. 13).

Кроме керамических изделий, найдено большое количество металлических предметов—различные стрелы, колья, ножи и т. д. Интересную группу составляют стрелы. Здесь имеются бронзовые стрелы листовидной формы, с короткими усиками и длинным черенком, известные в памятниках Армении и Закавказья позднбронзовой и раннежелезной поры—Лчашене, Степанаване, Макарашене, Кармир-блуре, Арташате, Бенганшине, Самтавро и т. д.⁶⁹ Найдены также железные стрелы с удлиненным листовидным наконечником с небольшим яблочком в нижней части и круглым коротким черенком (табл. 62, рис. 3, 5, 12). Обнаружены и костяные трехгранные стрелы с коротким круглым черенком, одна из которых украшена кружочками с точеч-

⁶⁵ О. Ш. Исхизаде, О раскопках на холме Кара-тепе в 1957 г., МКА, IV, Баку, 1962, стр. 179, 183, 193; *то же*, Раскопки холма Кара-тепе в Мильской степи, Тр. Азербайджанской экспедиции, МИА, 125, стр. 212—213.

⁶⁶ П. М. Джафарзаде, Элементы археологической культуры древней Мугани, Изв. АН Аз. ССР, № 9, 1946, стр. 42; Т. С. Писсек, Джафарханский могильник, ВОИ, № 2, 1946, стр. 171—175; С. М. Казиев, Археологические раскопки в Мингечауре, МКА, вып. 1, стр. 47.

⁶⁷ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, Новые данные о материальной культуре древней Армении, Изв. АН Арм. ССР, 1961, № 8, стр. 76; А. А. Мартиросян, Город Тейшебани, стр. 144; С. А. Есаян, Могильник раннеармянского времени в поселке Берд Шамшадинского района, ИФЖ, № 4, 1969, стр. 286; С. С. Чилингарян, Раннеармянские памятники Джуджевского могильника, ВОИ, № 2, 1971, табл. 2, рис. 2.

⁶⁸ Ю. М. Гогошидзе, Памятники раннеантичной эпохи из Кеаского ущелья, Тбилиси, 1964, стр. 98.

⁶⁹ С. А. Есаян, Оружие и военное дело..., стр. 46.

ным углублением в центре (табл. 62, рис. 1, 2). Более ранние стрелы подобной формы известны из комплексов конца II и начала I тыс. до н. э. из Стенанавана и Н. Баязета (Камо). Интересно отметить, что костяные

рых снабжена шипастыми выступами. Подобные стрелы в Армении известны по находкам в Арниберде, Кармир-блуре, Акпире, Дилижане и других местах⁷². Часть стрел искривлена и поломана, что даст возможность

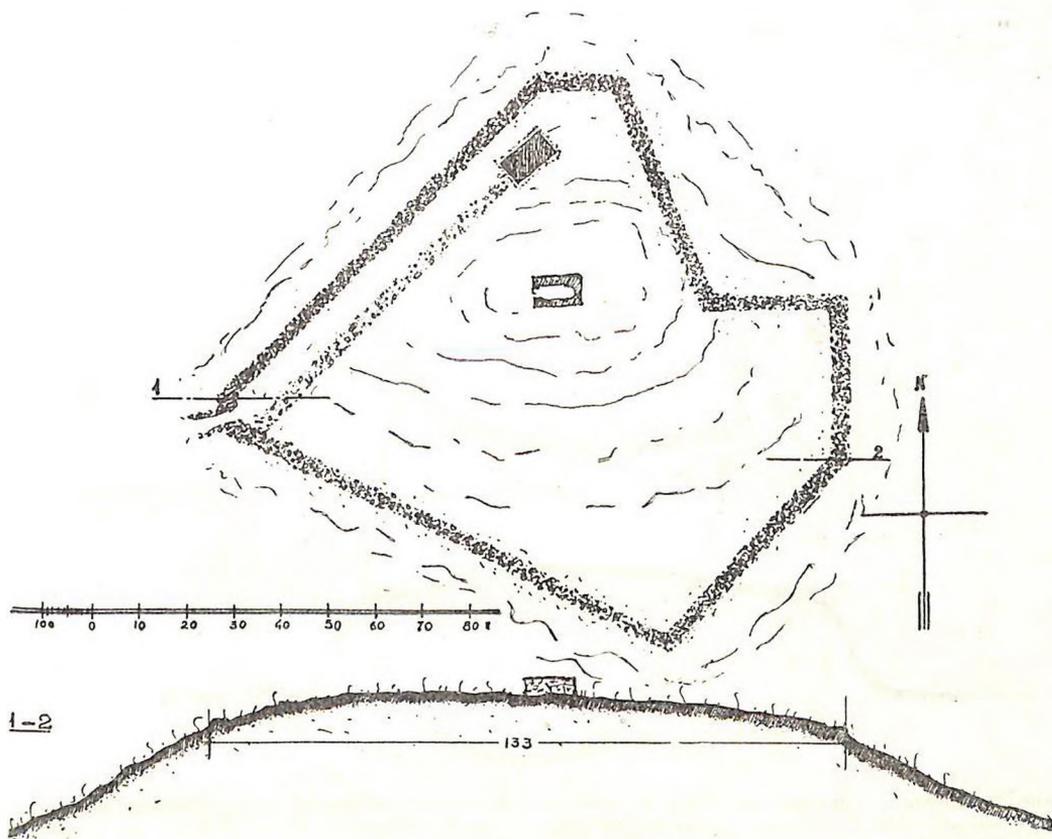

Табл. 49. План крепости Бахри-хач.

наконечники стрел известны и из Триалети, где они, в отличие от норащенских, не черепковые, а с выемчатым основанием и напоминают каменные стрелы аналогичной формы⁷⁰. Костяные стрелы типа бронзовых скифских происходят из Мингечаура, где они датируются VII—V вв. до н. э.⁷¹ Большую группу образуют двуперые трехгранные стрелы скифского типа (табл. 62, рис. 7—9), часть кото-

предполагать, что Норащенская крепость, как и Тмбадир, была захвачена скифскими племенами (подробнее см. в VI гл.).

Кроме стрел, здесь обнаружены железные колья с листовидным наконечником и широкой втулкой, один из которых снабжен средним ребром, а другие имеют гладкий, овальный в сечении наконечник. Найдены также небольшие наконечники дротиков длиной в 7 см, кривые железные ножи, ножи-бритвы, хорошо известные по находкам из Джрарата, Ахталы, Мусиери, Астхи-блур,

⁷⁰ М. Менабде. Ц. Довлианидзе, Могильники Триалети, Каталог, вып. I, Тбилиси, 1968, стр. 111.

⁷¹ С. М. Казнев, Археологические раскопки в Мингечауре, МКА, I, 1949, стр. 18.

⁷² Б. Б. Ниотровский, Ванское царство, стр. 240.

Техута (Агарцин) и других памятников раннеармянского времени. Интересной находкой является двулезвийный железный топорик, имеющий суженную в центре большую часть и отходящие в противоположные стороны округлые лезвия. Небольшие его размеры (длина 9 см) говорят о том, что он мог применяться для резки медных листов и проволоки, применяемых при изготовлении поясов, браслетов и т. д. (табл. 62, рис. 13, 14). Близ-

ка из которых литая и украшена в наружной расширенной части двумя рядами квадратных выступов.

Найдены также конусообразные и гиревидные подвески, бронзовые плоские и конические бляшки с отверстиями по краям или стерженьками для пришивания, круглые медальоны, подвески (табл. 62, рис. 15—17), сердоликовые и агатовые бусы рубленой, дисковидной, шаровидной и рубчатой формы.

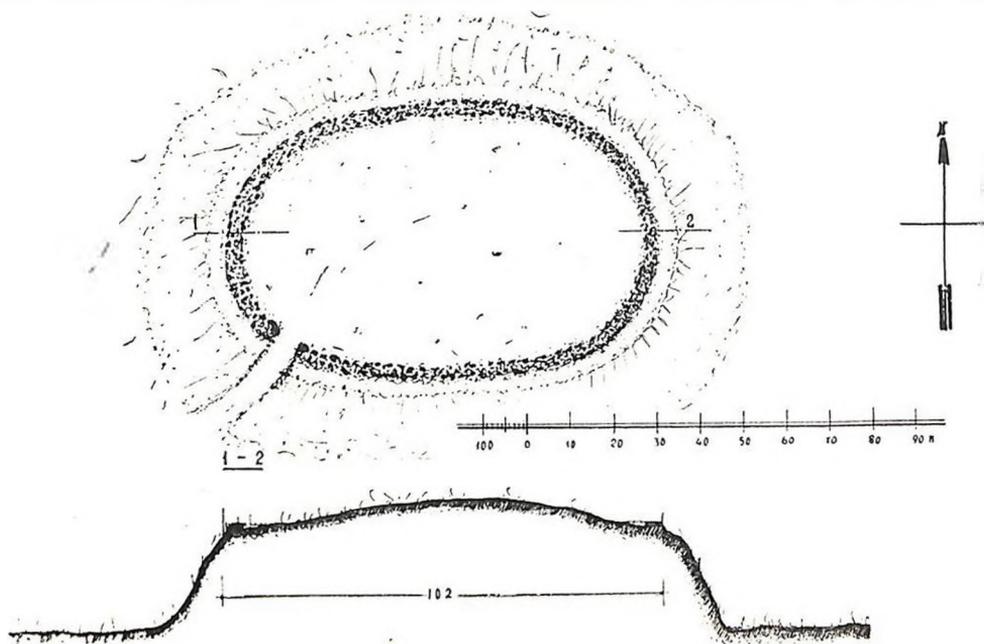

Табл. 50. План крепости Креханци-блур.

кие по формам топорики известны из грунтовых погребений Самтавро, датируемых концом VII—VI вв. до н. э.⁷³ Здесь найдены также различные точила, изготовленные из речных голышей (табл. 61, рис. 9, 10), базальтовая ладьевидная зернотерка, небольшой каменный штамп с косыми штрихами и слочным орнаментом для украшения керамических изделий и т. д.

Другую большую группу изделий, найденных в первом шурфе, образуют украшения (табл. 63, рис. 10, 11, 13—17) в виде различных проволочных браслетов и колец с заходящими друг на друга концами, а также различных железных и бронзовых фибул, од-

Имеются также мелкие рубленые и стеклянные бочковидные бусы и бусы из голубой и белой пасты.

Наиболее интересными находками являются две статуэтки. Одна—каменная, в виде рукояти ножа (табл. 46, рис. 5), напоминает головку птицы с небольшим выступающим клювом и круглыми выпуклыми глазками с отверстиями в центре. Вторая—бронзовая (табл. 146, рис. 2), изображает фаллическую мужскую фигуру с медвежьей головой, широко расставленными ногами и раскинутыми руками. В левой руке она держит небольшой круглый щит, а в правой—крупную шаровидную булаву. Нужно указать, что это пока единственная статуэтка, найденная в Армении, которая вооружена булавой.

Второй шурф размером 10×3 м, был заложен в 2,5 м восточнее первого, параллельно

⁷³ Р. М. Абрамишвили, К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии, ВМГ, XXII-V, стр. 379, табл. XIX, рис. 2.

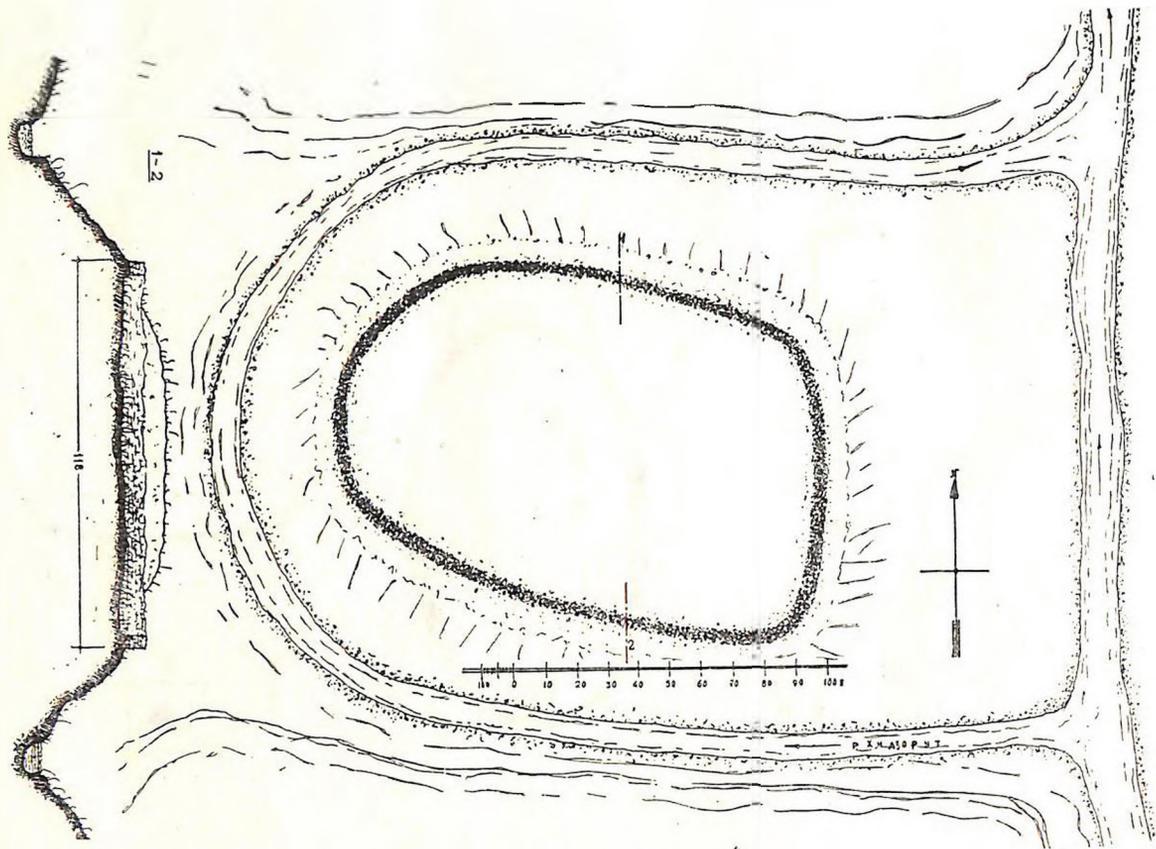

Табл. 51. План крепости Таври-паш.

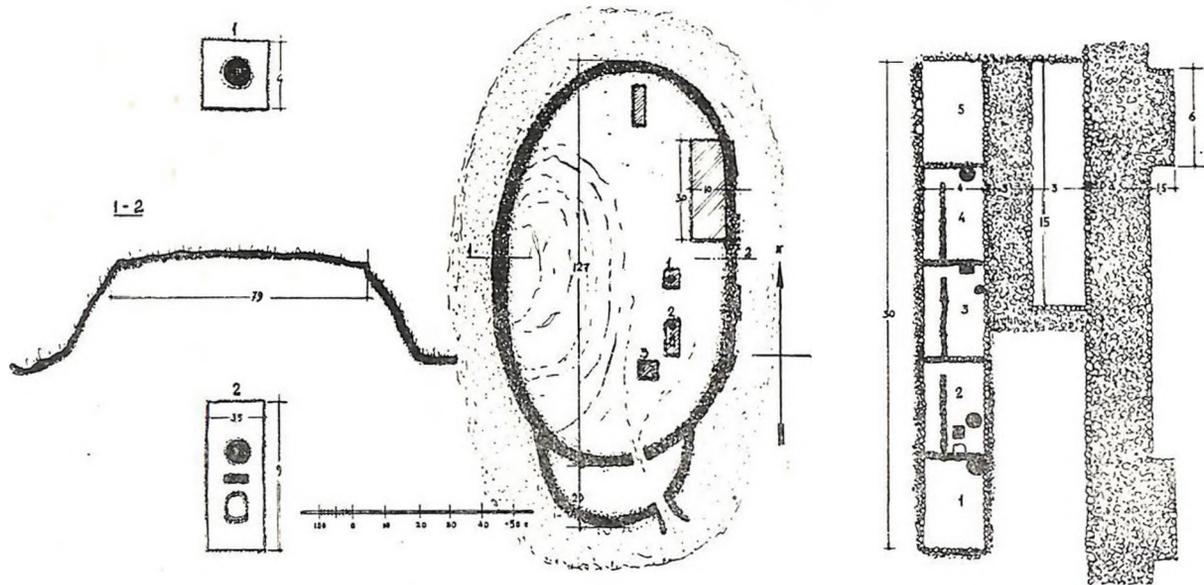

Табл. 52. План Тмбалирской крепости.

ему. Южные стороны обоих шурфов совпадают, в то время как с северной стороны второго шурфа имеются скальные выступы. Внутреннее пространство, а также восточные и западные стороны обоих шурфов заросли лесом, и их расширение не представлялось возможным. Почти напротив южной поперечной стены первого шурфа раскрыта небольшая стена, идущая в восточном направлении, длиной в 2 м и шириной в 1,5 м. По-видимому,

своей форме мало чем отличаются от изделий, найденных в первом шурфе, и относятся к тому же времени (табл. 60, рис. 3—5, 7—9; табл. 61, рис. 6, 7, 10; табл. 62, рис. 4, 14; табл. 63, рис. 1—3, 5, 8, 13).

Новостью является фрагмент красного караса, снабженный трапециевидной ручкой и украшенный двумя глубокими бороздками. Интересно отметить, что и во втором шурфе обнаружен фрагмент красной фиалы, которая

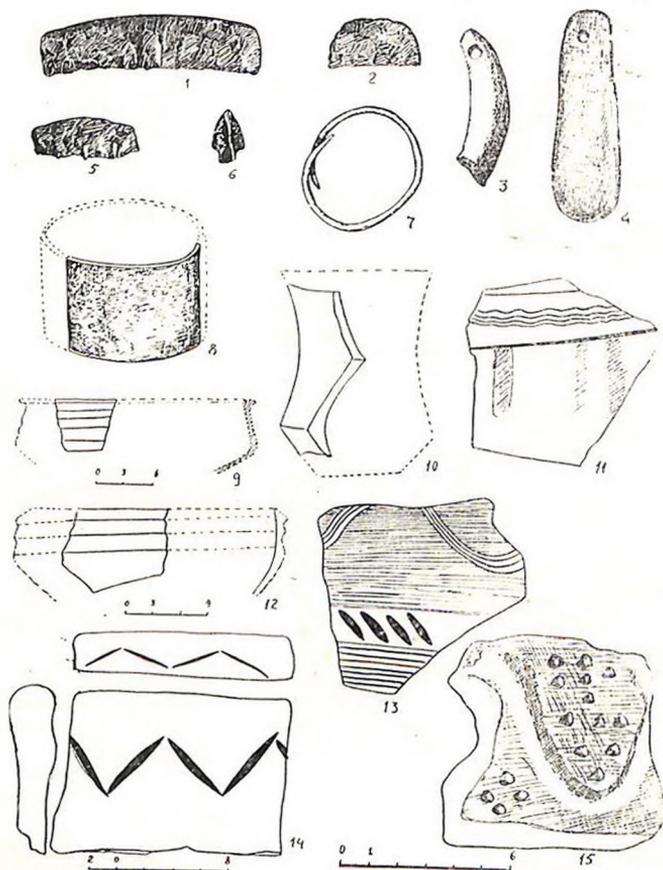

Табл. 53. Предметы из Тмбадира, помещение 1.

между обоими шурфами шла перегородка, образующая общую стену каких-то помещений. Глубина второго, как и первого шурфа, небольшая и в зависимости от залегания материковых скал достигает 0,3—0,6 м. Здесь также обнаружено большое количество разнообразных предметов вооружения и орудий труда, керамики и украшений, которые по

не отличается от фиалы из первого шурфа и Бердского могильника.

Металлический инвентарь также мало чем отличается от вышеописанного. Здесь найдены такие же железные копыя и кривые ножи, различные бронзовые стрелы, двулезвийный железный топорик, аналогичные браслеты и кольца, фибулы и т. д. Новостью яв-

ляются железный пинцет и железная булава в виде заостренного стерженька с закрученной петлевидной головкой.

Третий шурф был заложен юго-западнее первого и второго шурфов на небольшом, свободном от деревьев участке размером 10×4 м. Никаких следов помещений здесь обнаружено не было. Глубина шурфа в зави-

украшенных рельефными поясками с косыми выемками, широкогорлые кувшины вышеуказанной формы, два фрагмента красных округлых мисок и два фрагмента грубых кувшинов бомбовидной формы. Найдено также несколько ручек от кувшинов с овальными выемками, небольшой каменный терочник и небольшой кривой железный нож, с односторонней зато-

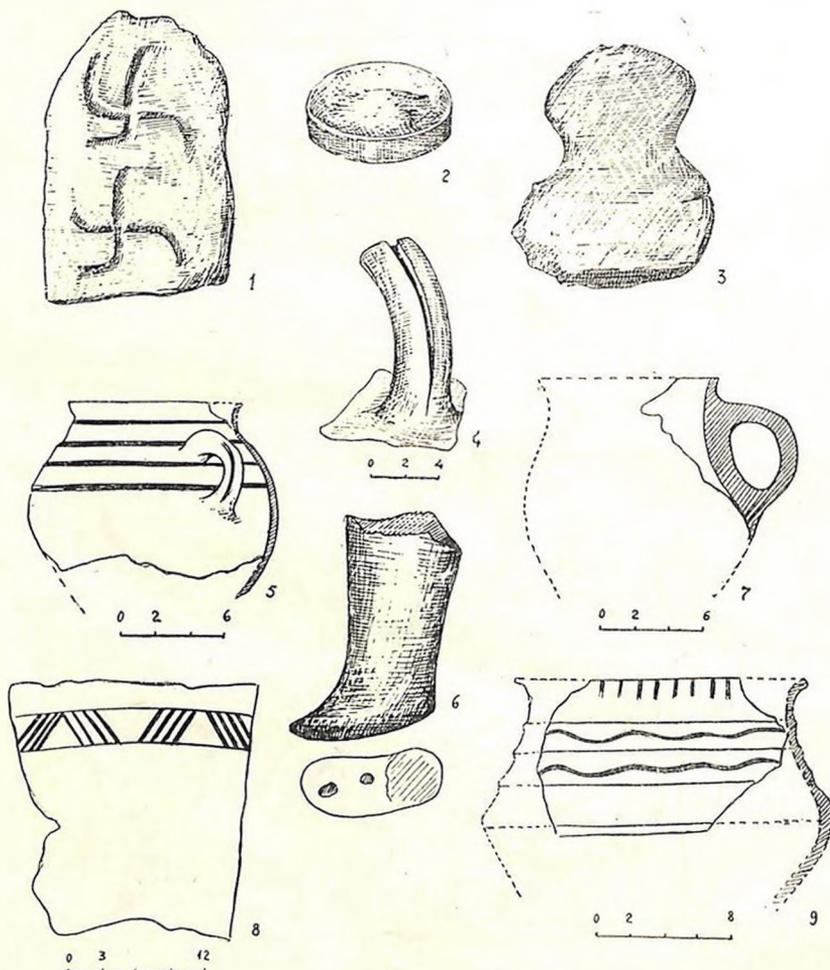

Табл. 54. Предметы из Тмбадира: рис. 1, 4, 6—помещение 4; рис. 2—шурф 1; рис. 3—шурф 3; рис. 5, 7, 8—помещение 3.

симости от поката склона в северной части достигала 60 см, а в южной—40 см. Ниже, как и в двух вышеуказанных шурфах, залегают скальные породы. Инвентарь, обнаруженный здесь, многочислен и почти не отличается от уже описанных предметов. Имеются также несколько фрагментов черных карасов,

чкой и с гвоздями на плоской рукоятки (табл. 63, рис. 4).

Интерес представляют ручка сосуда, украшенная шишковидным выступом в виде стилизованной бычьей головы, и фрагмент небольшой глиняной статуэтки, представляющий заднюю часть тулова какого-то животного

го. Туловище у животного круглое, с небольшими кривыми округлыми ногами и коротким висящим хвостом (табл. 146, рис. 4).

Четвертый шурф размером в 10×4 м расположен в 17 м северо-западнее первого. В

глиняном растворе, а от южной поперечной стенки—лишь несколько камней. Основой для стен, высота которых доходит до 0,5—0,6 м, служит скальный грунт. Ширина стен не одинаковая: северной—2, восточной—1,2, запад-

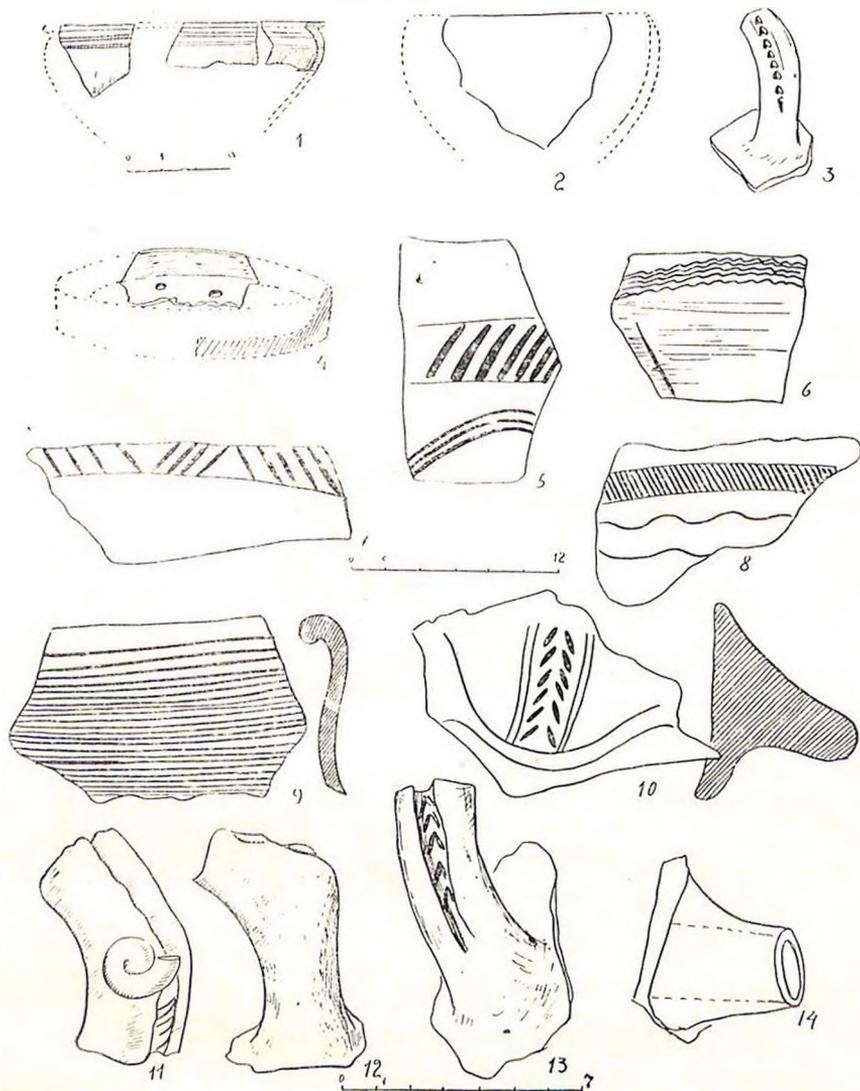

Табл. 55. Предметы из Тмбадира, помещение 2.

процессе раскопок его пришлось несколько расширить, вырубив при этом два молодых деревца и несколько кустов, так как здесь открылось небольшое помещение. От стен помещения сохранились один-два ряда кладки на

пой—0,9 м, а от южной, как уже указывалось, осталось лишь несколько камней.

Помещение имеет прямоугольную форму с внутренним пространством 6×3 м. Внутри помещения обнаружены небольшое железное

втульчатое копьё, наконечник которого снабжен четко различаемым средним ребром, бронзовое колечко с заходящими друг на друга концами. Найдены также два черенка от керамических сосудов,—ручка от кувшины

дному, находились центральные сооружения, от которых сохранились незначительные следы нескольких помещений. Нужно также указать, что находка в этих шурфах фрагментов нескольких фиал уточняет хронологиче-

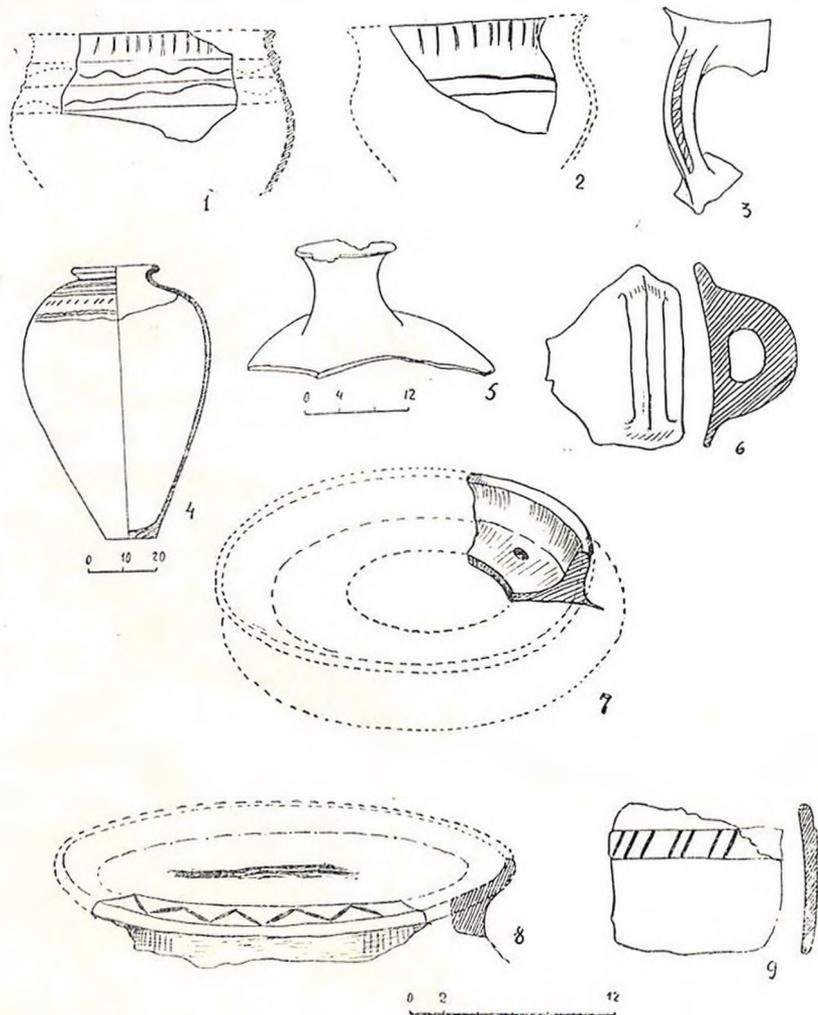

Табл. 56. Предметы из Тмбадира, помещение 1.

снабженная вертикальной прорезью со ступенчатыми углублениями, и фрагмент грубого глиняного кубка с поддном, напоминающим по своей форме аналогичные изделия из храмового помещения Астхиблурской крепости, датируемой VI—V вв. до н. э.

Как видно из изложенного, основная масса предметов из Норащенской крепости найдена в первом и втором шурфах, где, по-ви-

скую границу—VI—V вв. до н. э., что особенно важно для определения времени этой группы крепостей.

Крепость Пилор-пат находится на южной окраине села Норашен. По своей конструкции она напоминает Тмбадирускую крепость, с той лишь разницей, что сооружена на целиком искусственном насыпном холме. Эта прищипка возведена на крутом склоне высокого холма,

восточные и южные склоны которого круто спускаются к небольшому ручейку. Западные и северные же склоны его раскопаны, и земля пошла на сооружение холма с поверхностью 150×90 м и высотой в 18—20 м (табл. 46).

В крепости были заложены четыре шурфа.

Первый шурф размером 6×5 м был заложен в северной части холма. До глубины 0,4 м шел слой вспаханной земли, ниже до глу-

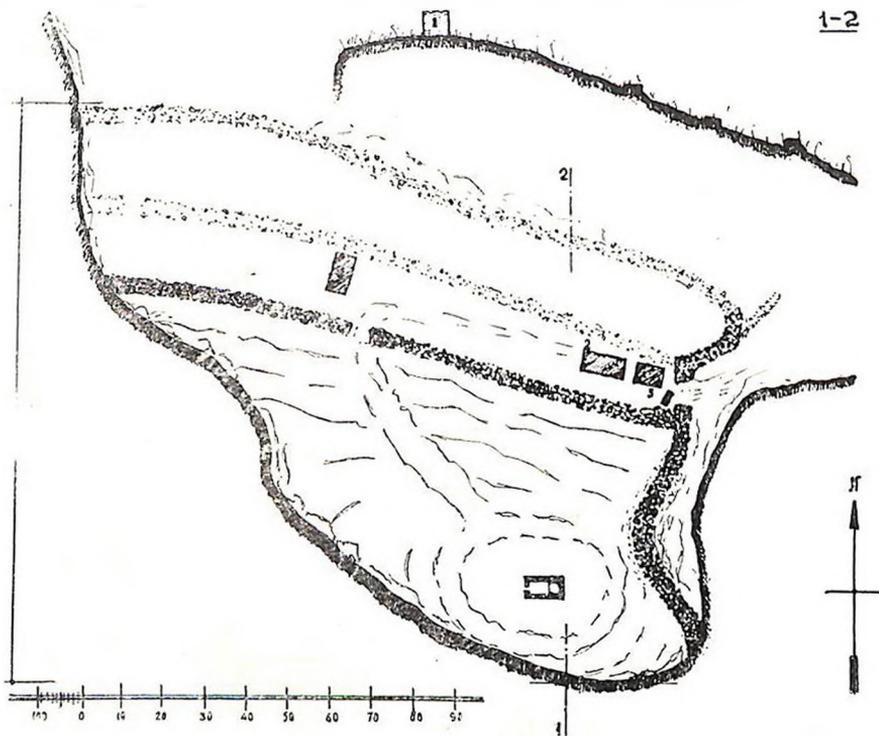

Табл. 57. План крепости Сурб Наатак.

Таким образом, для сооружения крепости пришлось вырыть и пересыпать около 270 тыс. куб. м земляного грунта, образовав насыпной холм с ровной поверхностью в 1,3 га. Поверхность целиком была застроена поселением, а кромки обнесены крепостной стеной, от которой сохранились отдельные камни. Южная часть холма более пологая, и, по словам жителей села, здесь находились ворота, один камень от которых до сих пор валяется у основания холма.

В настоящее время поверхность холма покрыта колхозным садом, а до этого на протяжении долгих лет распаханная, в связи с чем камни помещений были сняты и местами сохранились лишь их нижние ряды. В центре южной части холма для полива сада был сооружен бассейн глубиной в 7 м и, по словам рабочих, копавших его, на всю глубину шла мягкая ирисыпная земля.

бны 0,8 м пролегал культурный слой. С целью определения новых слоев раскоп был углублен до 3 м, но выходила лишь мягкая ирисыпная земля, не содержащая каких-либо следов матерьяльной культуры. В юго-восточной же части шурфа были обнаружены следы каменной стены, шириной 0,9 м, длиной 1,5 м и высотой 0,6 м, продолжение которой проходило под деревьями. В северо-восточном и противоположном юго-западном углах шурфа были обнаружены небольшие очаги в виде неглубоких (30—40 м) тондыров, сплошь заполненных золой.

Второй шурф размером 5×4 м был заложен в 40 м южнее первого. В центре шурфа были обнаружены следы каменной кладки, поэтому шурф был расширен до 16 м. Выявленная стена оказалась восточной стеной какого-то помещения, состоящего из ряда комнат, разделенных тремя поперечными стенами. Остальные стены не удалось раскопать, так

как они заходили под яблоню. Ширина восточной стены 2 м; выложена она из крупных необработанных камней на глиняном растворе. Высота стен сохранилась почти до 1 м, хотя местами сохранились лишь отдельные

ласть на линии продолжения восточной стены, что позволяет предполагать наличие поперечной стены, образующей второе помещение. Размеры ям следующие: глубина первой—1,3 м, верхний и нижний диаметры—1 м, в

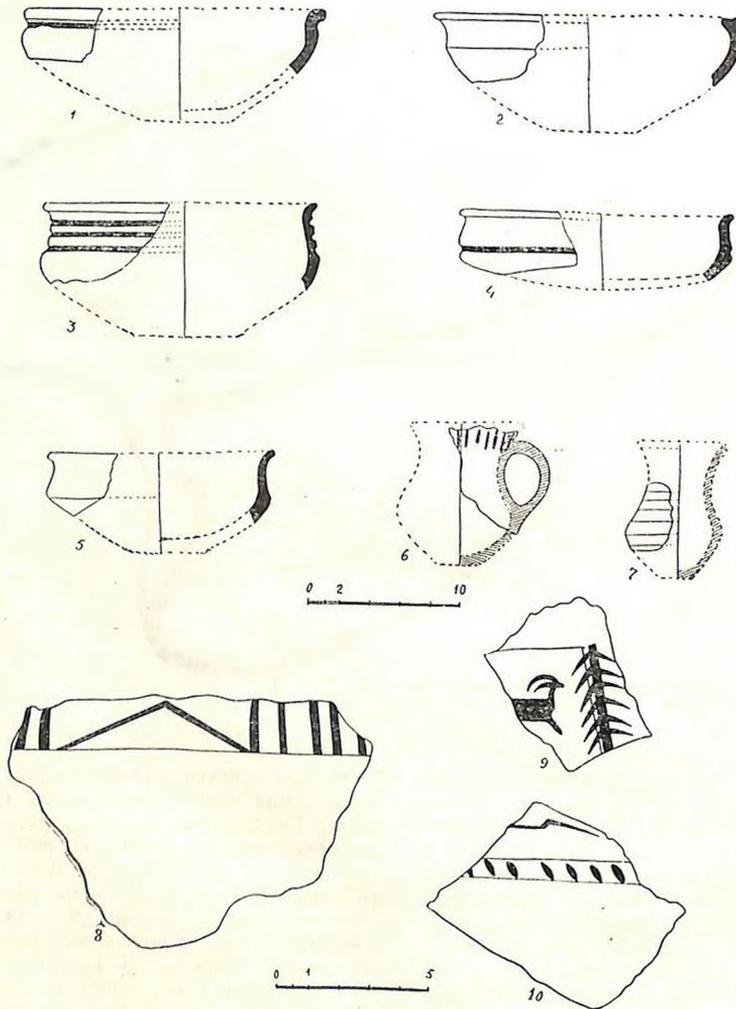

Табл. 58. Предметы из крепости Сурб Наатак: рис. 1—3, 8, 10—шурф 1; рис. 4, 7—шурф 2; рис. 5, 6, 9—шурф 3.

камни нижнего ряда. На расстоянии 8 м от южной оконечности шурфа сохранились две поперечные стены, длиной в 1,5 и 2 м, образующие небольшой чулан, площадью 14 кв. м. В северо-западном углу обнаружена зерновая яма конической формы, с верхним диаметром в 1,4 м, нижним—в 1,7 м, а в северо-восточном углу—две ямы, одна из которых находи-

лась на линии продолжения восточной стены, что позволяет предполагать наличие поперечной стены, образующей второе помещение. Размеры ям следующие: глубина первой—1,2 м, диаметр—1,4 м. В северной части раскопа обнаружены следы пожара—обгорелая земля и уголь.

Третий шурф размером 10×4 м был заложен в 13 м юго-западнее второго. В середине шурфа открылась каменная стена, направленная с севера на юг, вдоль которой удалась

раскопать прямоугольное помещение размером $6,5 \times 2$ м, причем в ширину оно, по-видимому, раскопано наполовину. Раскопать вторую половину не представлялось возможным, так как стены заходили под деревья. Указанная стена сооружена неравномерно. В южной части ее ширина $0,65$ м, а в северной достигает $2,5$ м, затем, суживаясь до 1 м, образует

сыпка там была глиняной⁷⁴, и в дворцовом комплексе VI в. до н. э. близ села Ошакан⁷⁵.

Четвертый шурф размером 6×2 м был заложен на восточном склоне холма, почти напротив первого, с целью насколько возможно углубиться и обнаружить (если они имеются) нижние слои, причем до глубины $0,8$ м

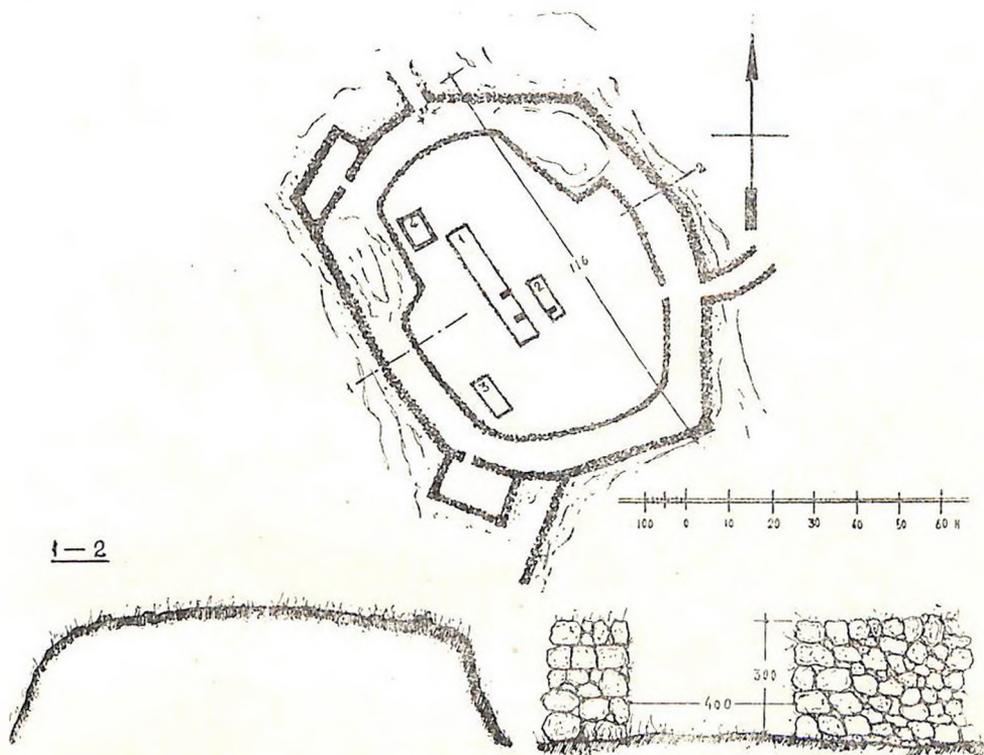

Табл. 59. План Порашенской крепости.

небольшой чулан или закуток размером $1,5 \times 2$ м. Подобное помещение внутри жилища, как уже указывалось, наблюдается и во втором помещении Пилор-ната и ряде помещений Тмбадира. Рядом с поперечной стеной чулана в широкой части стены была сооружена яма размером в $0,5 \times 0,6$ м, края которой обложены плитами, а глубина достигает $0,6$ м. По-видимому, часть стены, шириной в $2,5$ м, служила каменной приступкой, а в яме держались предметы первой необходимости. Аналогичное сооружение наблюдается в одном из помещений доурартского поселения Тейшебанин, с той лишь разницей, что при-

от поверхности наблюдались культурные слои. На глубине $1,7$ м обнаружена небольшая кладка, по-видимому, некогда служившая основанием крепостной стены.

Ниже основания стены до глубины 6 м шла мягкая присыпанная земля и, как в других помещениях, лом свободно проходил до $1,5$ м и глубже, что дает возможность утверждать, что холм присыпанной, причем в разрезе ясно виднеется земля различных оттенков, что ред-

⁷⁴ А. А. Мартirosян, Город Тейшебанин, стр. 10.

⁷⁵ Совместные раскопки автора с А. А. Калантаряном, материалы не опубликованы.

ко встречается в естественном грунте. Во всех шурфах обнаружено большое количество фрагментов различных карасов, украшенных рельефными поясами с короткими и длинными овальными выемками, а также зигзагооб-

комплексах VII—V вв. до н. э., а также различные маслособойки, снабженные с внутренней стороны ивиастыми выступами и глубокими пазами (табл. 64, рис. 8). Прочий инвентарь состоит из различных каменных точил,

Табл. 60. Предметы из Порашенской крепости: рис. 1, 2, 6, 8, 10—шурф 1; рис. 3—5, 7, 9—шурф 2.

разными и косыми прочерченными линиями, а один из венчиков украшен клиновидными выемками (табл. 64, рис. 1—5; табл. 65, рис. 8). Встречаются также ручки с вертикальной прорезью. Среди прочего керамического инвентаря имеются фрагменты различных мисок с сильно профилированными бортами и мисок со сливами, находимые во многих

терочников, дисковидных крышек сосудов, большого количества ладьевидных и прямоугольных зерпотерок, глиняного колеска от модели повозки, пряслища, заготовки для крупной каменной мотыги и т. д. (табл. 65, рис. 1—7).

Находка в поселении Пилор-пат керамики, схожей с изделиями из Порашена и Берд-

ского могильника, дает основание датировать его VI—V вв. до н. э., что в свою очередь дает основание датировать этим же временем два других подобных холма (Крехани-блур и Таври-пан), обнаруженных близ сел Мосес и

Циклоническая крепость Кал-кар находится в 6 км южнее села Цахкаван на левом берегу реки Ахум, на высоком скальном холме, возвышающемся на 150 м над монастырем Шах-Мурад (табл. 67). Крепости

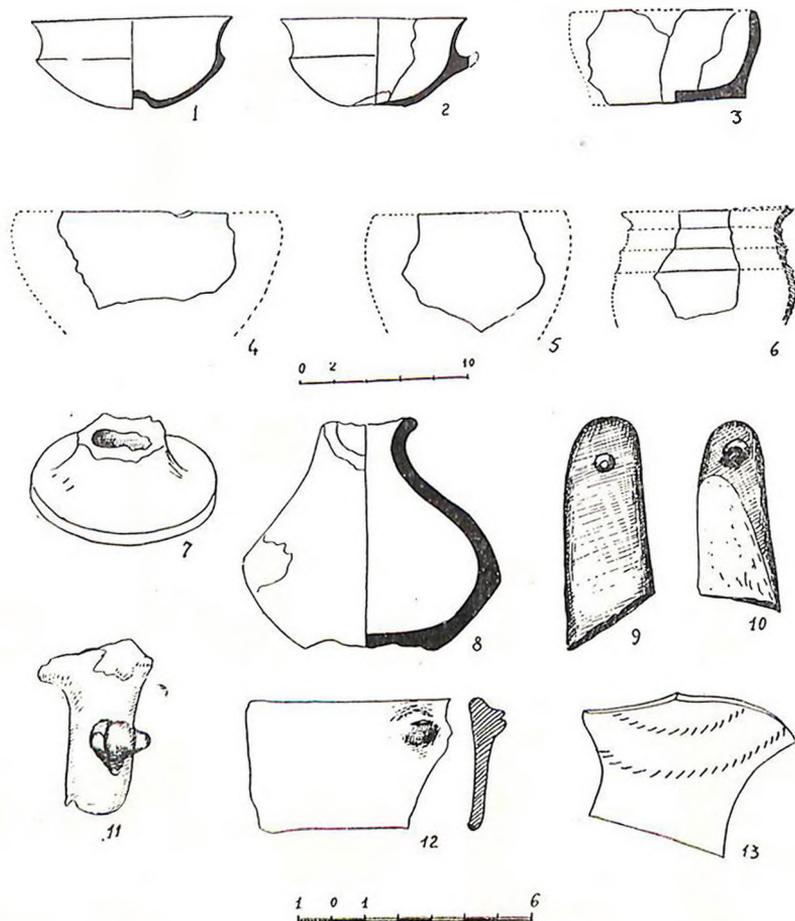

Табл. 61. Предметы из Норашенской крепости; рис. 1—5, 8, 9, 11—13—шурф 1; рис. 6—8, 10—шурф 2.

Чоратан Шамнадзиского района, подъемный материал которых относится к VI—V вв. до н. э. (см. Приложение, № 29, 30). Кроме находок керамических изделий об одновременном функционировании указанных крепостей говорят также их конструктивные особенности, так как трудно предположить, что четыре памятника, возведенные на насыпных холмах, могли возникнуть разновременно на столь ограниченной территории.

Кал-кар является наиболее большой и, по-видимому, занимает центральное место в системе крепостей близ Цахкавана. Она сооружена на высокой, слегка покатой скале, склоны которой вырублены, благодаря чему крепость получила форму трехрядного уступа, заключенного в четыре ряда стен. В верхней части выступ на чуть покатой, а местами ровной поверхности скалы размещена цитадель крепости. Цитадель с трех сторон имеет резко об-

рывистые недоступные для восхождения склоны и лишь с западной стороны, обращенной к крепости, укреплена однорядной трехметровой стеной. Площадь цитадели неболь-

широкими трехметровыми стенами, причем восточная является общей с цитаделью, а южная и северная стены примыкают к скальному выступу, на котором размещена цита-

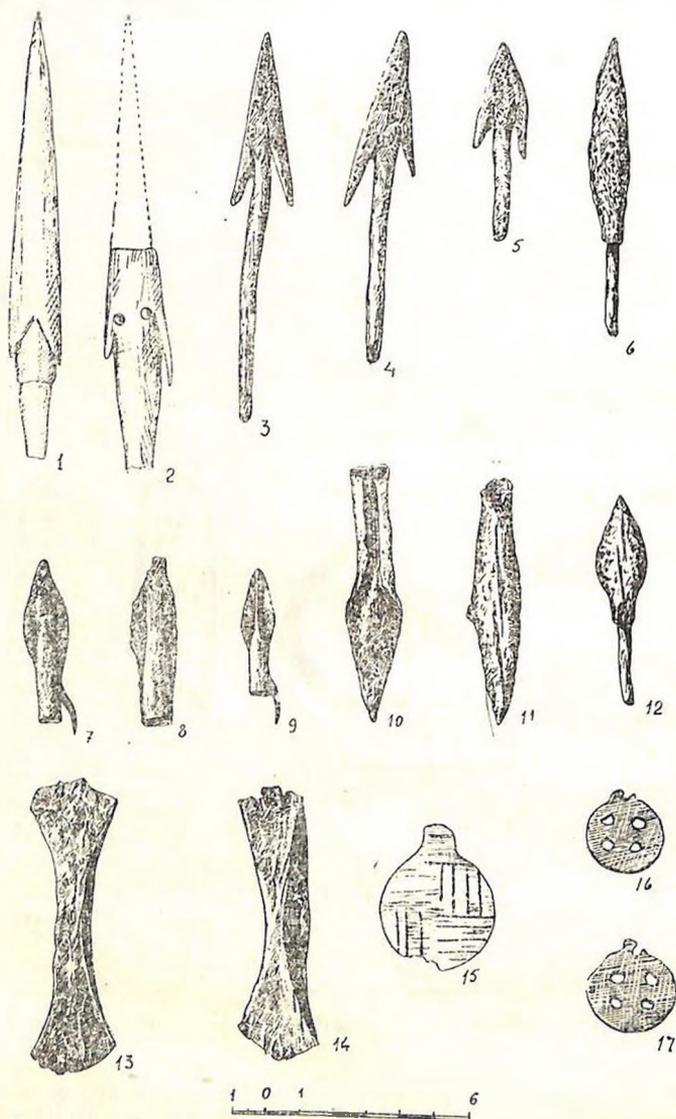

Табл. 62. Предметы из Норашенской крепости; рис. 1—3, 5—13, 15—17—шурф 1; рис. 4, 14—шурф 2.

шая, около 0,3 га. Сама крепость, расположенная на 4—5 м ниже цитадели, за ее западной стеной, занимает площадь около 0,8 га. Крепость окружена со всех сторон

доль. Западная, наиболее длинная стена (180 м) выходит на первую террасу, расположенную уступом ниже на 3,5—4 м. От стен террасы сохранилась лишь гряда рассыпан-

ных камней, среди которых имеется несколько участков сохранившейся кладки. Вторая и последняя террасы, от которых также сохранились лишь ряды камней, расположены уже

дали сооружена широкая каменная лестница (ширина 2,2 м) длиной в 5 м, ведущая в крепость. Такая же лестница шириной в 2,2 м и высотой в 3,5 м ведет из центра крепостной

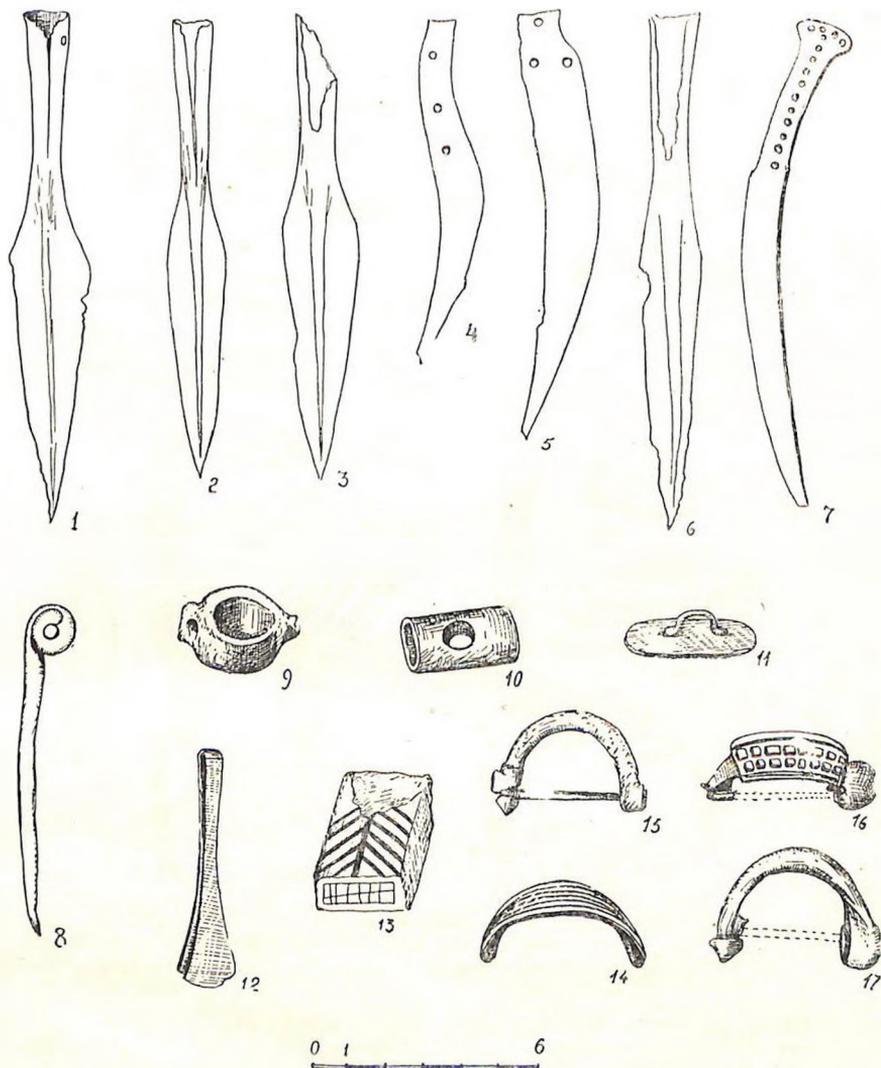

Табл. 63. Предметы из Норашенской крепости: рис. 1—3, 5, 8, 12—шурф 2; рис. 4—шурф 3; рис. 6, 7, 9—11, 13—17—шурф 1.

на равнинной части местности. Интересно отметить, что в Калкарекой крепости впервые замечены лестницы, соединяющие ее отдельные части. Так, в северной части стены цита-

стены на первую террасу, что является лишним доказательством того, что первая терраса входила в фортификационную систему крепостей. Хорошо сохранился также вход в кре-

пость. От северной оконечности восточного выступа скалы вдоль обрыва идет ломаная линия стен, продолжающаяся и на равнине. Параллельно ей, отступая на 10 м, идет северная линия крепостных стен, образуя узкий

крепость был основательно укреплен, имея форму хорошо известных закрытых каменных меншков.

Большая часть цитадели вследствие вспашки для посева зерновых в двадцатых

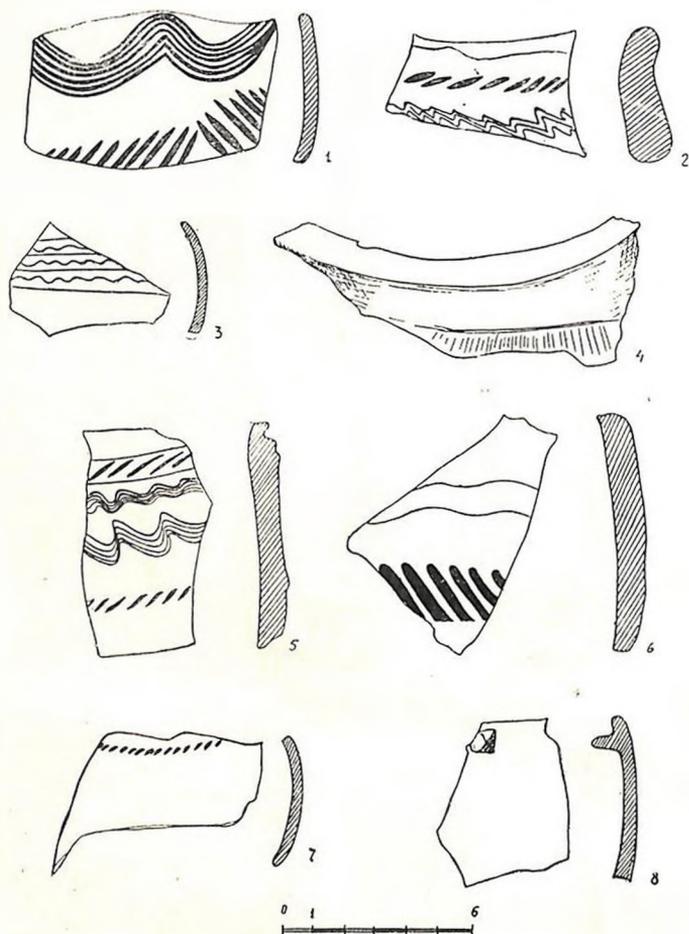

Табл. 64. Предметы из крепости Пилор-пат: рис. 1, 3, 6, 7—шурф 1; рис. 2, 4, 5, 8—шурф 2.

коридор, ведущий в цитадель. Западная стена крепости идет также параллельно первой стене коридора, выходящего на равнину, образуя шестиметровый проход, служивший входом в крепость.

По-видимому, непосредственного входа на первую и вторую террасу не было, и они сообщались с крепостью лишь посредством указанных лестниц, ведущих вниз на территорию крепости. Таким образом, вход в Калкарскую

годах нашего столетия постепенно выветрилась, и ныне остались открытые скальные породы. Лишь в западной части сохранились покрытые дерном участки, где в 1970 г. были заложены пять шурфов. Первый шурф был заложен у западной стены на расстоянии 17 м от северо-западного угла цитадели. Остальные три шурфа были заложены вдоль той же западной стены на расстоянии 8, 17 и 7 м, соответственно. На глубине 0,4—0,5 м от

поверхности появляются материковые породы. Ни в одном из шурфов не обнаружено следов стен помещений; но всей вероятности, они были разобраны при вешанке для очистки поля. Почти в центре третьего шурфа обнаружен врытый в землю очаг круглой формы, диаметром в 1 м и глубиной в 0,5 м. Стенки очага выложены двухрядной каменной кладкой и обмазаны глиной. На дне очага обнаружен слой золы и мелких остатков дре-

орнаментированным многорядными волнистыми линиями (табл. 68, рис. 1—4; табл. 69, рис. 8). Найдены также фрагменты различных широкогорлых безручных и одно-ручных кувшинов, украшенных бороздками, рельефными поясками, овальными выемками и сетчаткой (табл. 62, рис. 5, 8). Ручки этих кувшинов имеют вертикальную прорезь с заполнением в виде ступенчатых углублений (табл. 63, рис. 1—7, 9). Интересно отметить,

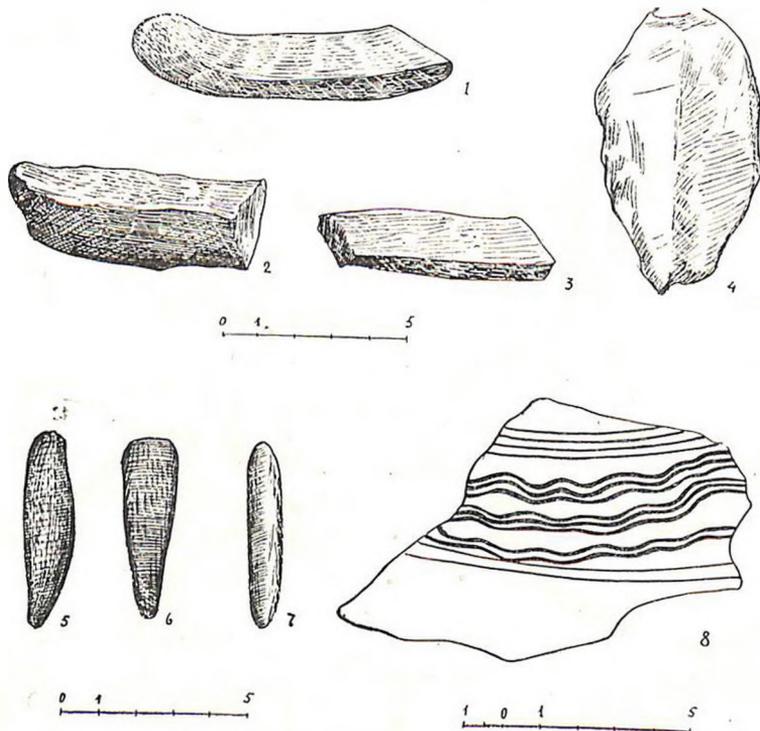

Табл. 65. Предметы из крепости Пилор-пат: рис. 1—4, 8—шурф 1; рис. 5—7—шурф 2.

весного угля, достигающий 10 см толщины. По всей вероятности, помещения имели полуземляночную форму и полы были ниже уровня поверхности земли на 0,5 м. Этим объясняется то, что верхняя кромка очага ниже поверхности земли на 0,5 м. В первом шурфе зафиксированы следы пожара в виде обожженной земли и древесного угля.

Во всех шурфах обнаружен одинаковый материал. Он состоит из хорошо известных, по находкам из других крепостей раннеармянского времени, фрагментов красных, черных и серых карасов, украшенных рельефными поясками с косыми линиями, с туловом,

что в четвертом шурфе найдена трапециевидная ручка караса, украшенная тремя бороздками и напоминающая по форме ручку караса из Норашенской крепости. Найдены также фрагменты маслоек с шипастыми выступами, зернотерка и многочисленные терочки, точила, крынки сосудов, изготовленные из речных гольшей.

Пятый шурф размером 4×8 м расположен на второй террасе, которая в отличие от первой покрыта довольно густым лесом. Он находится в западной части крепости неподалеку от второго ряда внешних стен, в непосредственной близости от ступенчатого входа, ведущего на третью, последнюю террасу.

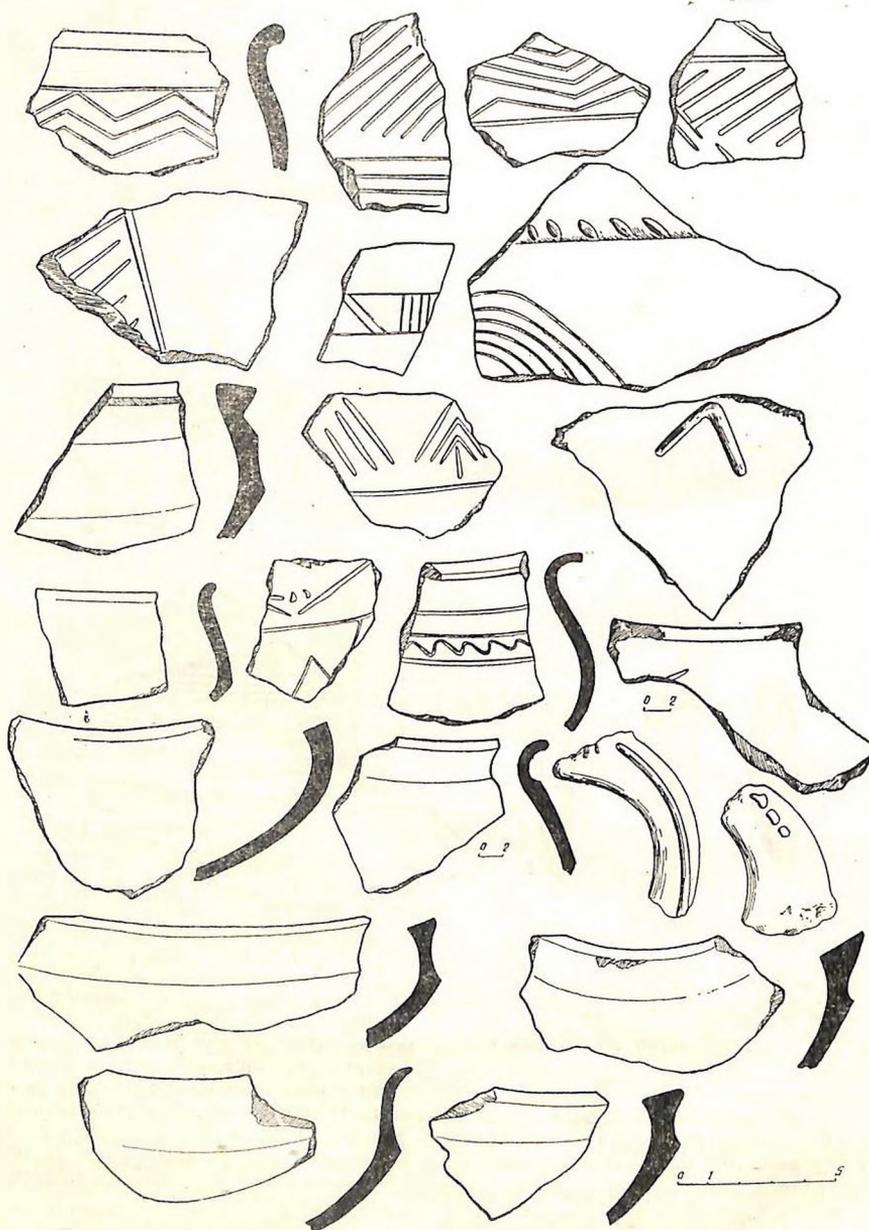

Табл. 66. Предмета из крепости Тапдзут.

Здесь также не обнаружено следов каких-либо построек, но имеются находки отдельных предметов, в основном состоящие из фрагментов керамики и некоторых металлических изделий. Керамика по своему виду повторяет находки из других шурфов. Здесь имеются такие же фрагменты красных, черных и серых карасов с рельефными поясками, украшенными овальными выемками и косыми вдавленными линиями (табл. 68 рис. 1—4,

своей крености. Новыми формами для керамики Калкарской крепости являются несколько фрагментов красной, коричневой и серой чаш с невысокими округлыми бортами (табл. 69, рис. 10) и миски со сливом, хорошо известные по находкам в Норамене, Пилор-пате, Бердахе и других крепостях рассматриваемой группы.

Из металлических предметов встречены два фрагмента бронзовых браслетов и не-

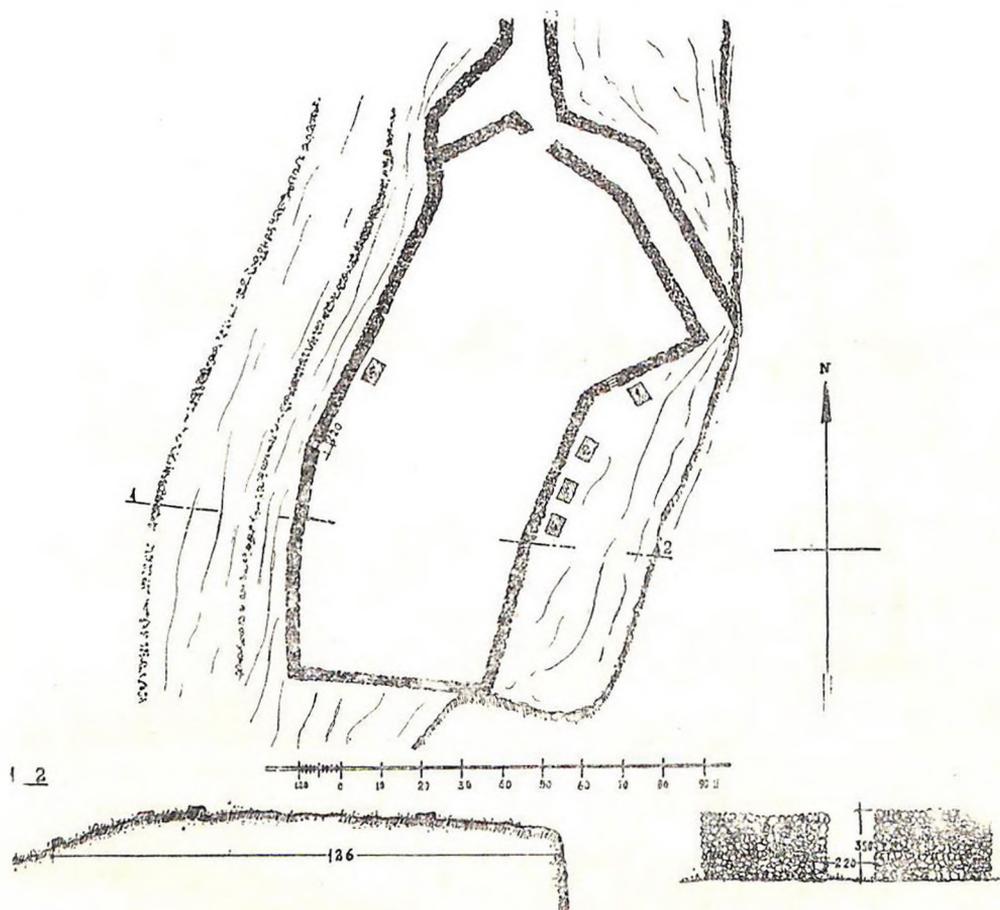

Табл. 67. План крепости Кал-кар

табл. 70). Встречаются также ручки красных, черных и серых кувшинов, украшенные единичными и парными вертикальными выемками, часть которых украшена ступенчатыми углублениями (табл. 69). Имеются ручки, украшенные косыми овальными выемками и напоминающие ручки кувшинов из Норамен-

большая бронзовая трубочка, служившая разделителем бус (табл. 68, рис. 6, 7, 9). Один из фрагментов украшен изображением змеиной головы и короткими штрихами, второй плоский, но с прогибом в центральной части, что является хорошо датирующим элементом для памятников V—IV вв. до н. э. Находка

этого браслета, так же как и фиал в Нора-шенской крепости, служит датирующим элементом, позволяющим отнести время функционирования этих крепостей к VI—IV вв. до н. э.

Цахкавана к монастырю Шах-Мурад. Кре-пость, площадью чуть менее 0,5 га, распо-ложена на одном из крутых скальных выступов устья реки Ахум (табл. 71). Повторяя кон-фигурацию местности, она имеет форму ова-

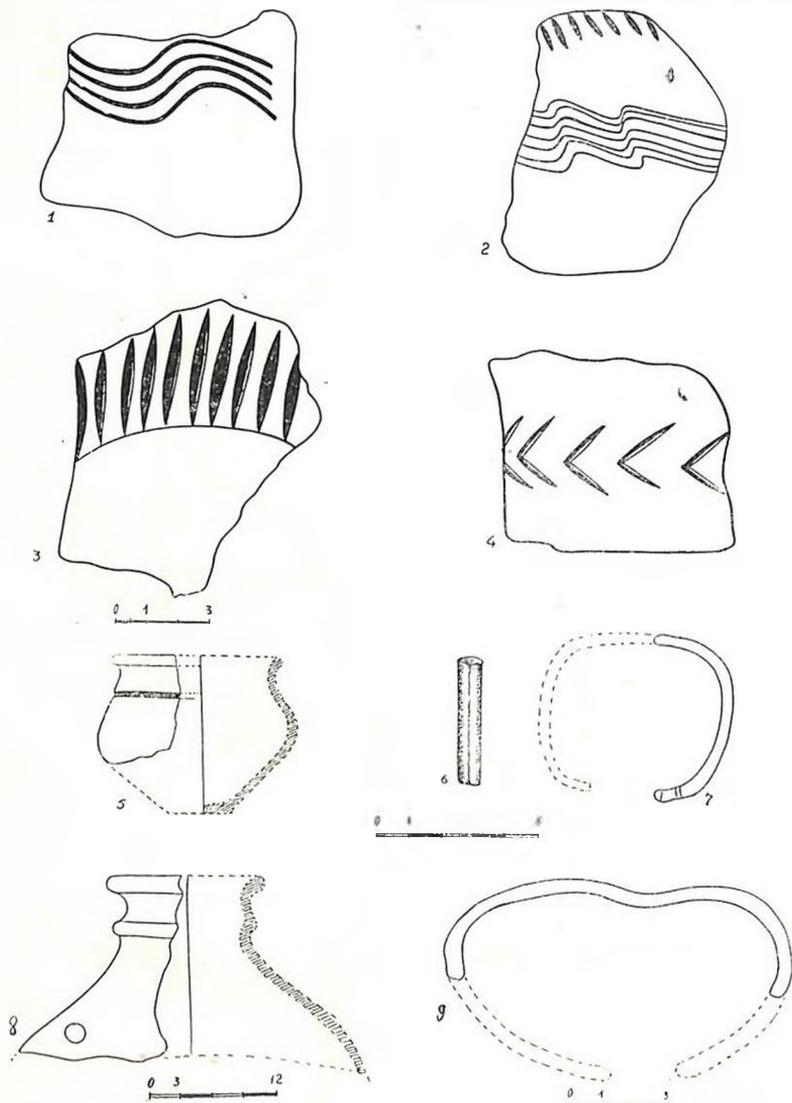

Табл. 68. Предметы из крепости Кал-кар: рис. 1, 3, 8—шурф 3; рис. 4, 5—шурф 2; рис. 6, 7, 9—шурф 5.

Циклопическая крепость Сев-сев карери блур находится на левом берегу реки Ахум в 2 км севернее Кал-кара, в зрительной связи с ним, и в 1,5 км севернее дороги, ведущей из

ла, вытянутого с юго-востока на северо-запад. С трех сторон выступ, на котором сооружена крепость, имеет обрывистые, труднодоступные для восхождения склоны и защищена

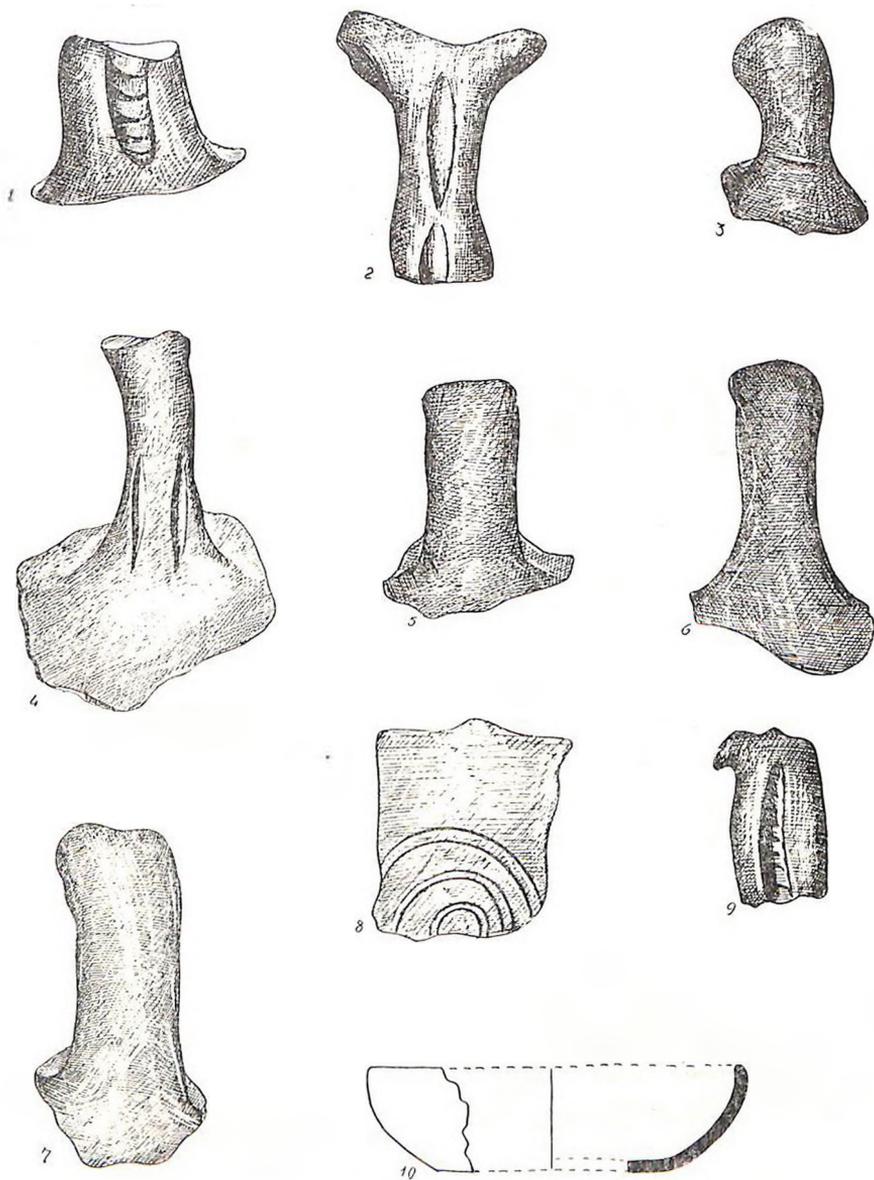

Табл. 69. Предметы из крепости Кал-кар: рис. 1—6, 10—шурф 5; рис. 7—9—шурф 3.

однорядной трехметровой стеной. С северо-западной стороны выступ примыкает к окружающим возвышенностям. С этой стороны к внешней стене пристроено полукруглое выступающее сооружение, соединенное с кре-

постью нешироким входом. Аналогичные выступы округлой и прямоугольной формы, как уже указывалось, имеются и в крепостях Севлер (см. Приложение, № 28), Норашен, Барцраберд, Тмбадир и др. В крайнем северо-за-

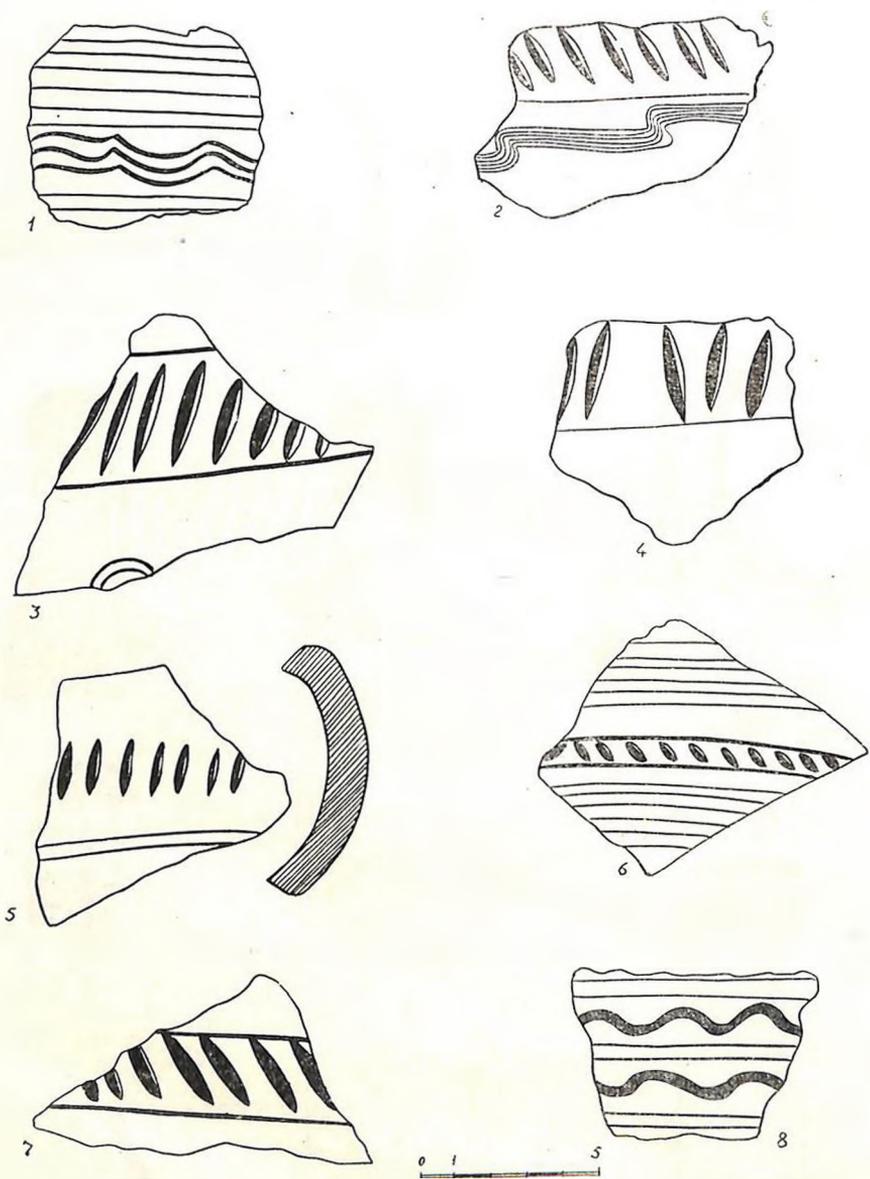

Табл. 70. Предметы из крепости Кал-кар: рис. 1, 2—шурф 2; рис. 3, 4, 6—шурф 5; рис. 5—шурф 3; рис. 7, 8—шурф 4.

падном углу сохранился вход в крепость в виде прохода между ее стенами и обрывом, шириной в 4 м. По своему местоположению вход прекрасно защищался и противнику, пытавшемуся прорваться через вход, необходимо было пройти больше 25 м по узкому пространству между обрывом и вышеуказан-

ным округлым выступом, находясь под прицелом лобовых и фланговых ударов.

В юго-восточной оконечности крепости также имеется выход шириной в 5 м, ведущий в ущелье реки Ахум. По обе его стороны сооружены, стены длиной в 20 м, образующие уз-

кий коридор. Видимо, им пользовались для выхода к реке, для водной связи и т. д.

В настоящее время территория крепости заросла густым молодым лесом и кустарником. Вся центральная часть ее занята средневековым армянским кладбищем, от которого сохранились грубые могильные плиты и несколько хачкаров. В юго-восточной части, наиболее свободной от леса, почти у крепостных стен, в 1970 г. были заложены Т-образ-

ные места занимают фрагменты черных, серых, розовых и красных карасов (табл. 72, рис. 6; табл. 73, рис. 6). По своей орнаментации они схожи с аналогичными фрагментами из Калкара, Норашена, Тмбадра, Пилор-пата, Бердатеа и других крепостей Северо-Восточной Армении VI—V вв. до н. э. Найдены также фрагменты красных, черных, коричневых и серых широкогорлых кувшинов и горшков с небольшими округлыми венчиками, украшенные

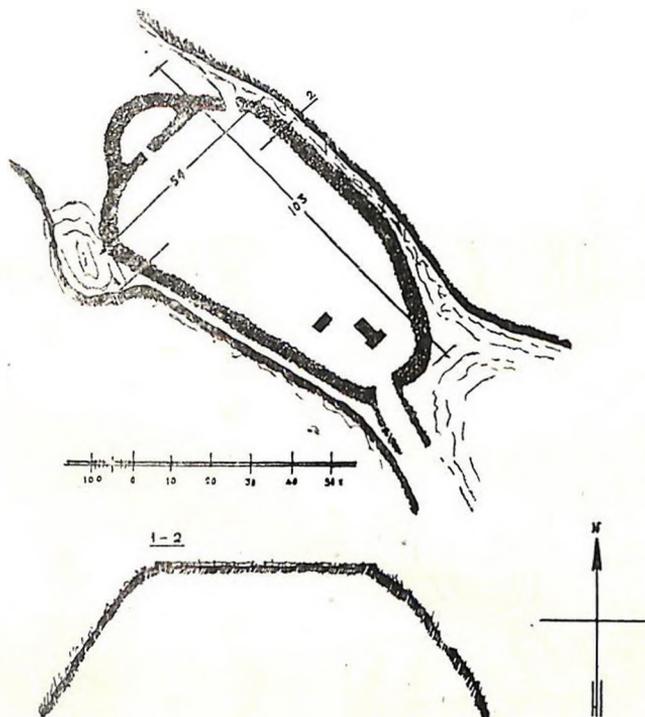

Табл. 71. План крепости Сев-сев карен блур.

ный шурф (длина стержня 10 м, головки—6 м) с общей шириной в 2,5 м и второй шурф, западнее первого, размером 5×2,5 м. Подобные формы шурфов обуславливались наличием свободного от деревьев пространства. В части головки Т первого шурфа обнаружен очаг круглой формы, диаметром в 0,8 м и глубиной в 0,6 м. Почти все внутреннее пространство очага было заложено золой и древесным углем. Рядом с очагом найдены несколько спекшихся комков проса, костяная булава, бронзовая серьга, наконечник стрелы и большое количество фрагментов разнообразной керамики.

Среди керамических изделий большое

вертикальными и горизонтальными прочерченными линиями, рельефными поясами, овальными выемками, ногтевым орнаментом и косыми штрихами (табл. 72, рис. 3; табл. 73, рис. 3).

Интересны несколько фрагментов, на одном из которых сохранилось паленное изображение оленя. От фигуры животного сохранилось сильно стилизованное длинное тулово с высокой шеей, увенчанной стилизованной головой с отогнутыми назад рогами, и часть передних ног. На другом сохранились паленные изображения задних ног какого-то животного. К этой группе можно причислить фрагмент черного сосуда, украшенного клино-

видными выемками и прочерченными много-
рядными полукругиями, обращенными вверх,
где изображены две стилизованные ноги че-
ловека.

Другую группу керамических изделий
образуют фрагменты желтых, черных, серых,

гамы или волнистыми, а иногда рельефными
линиями. Под венчиком одной миски прохо-
дят короткие вертикальные штрихи. Осталь-
ные керамические изделия представлены в
небольшом количестве. Здесь найдены не-
сколько фрагментов гладких ручек розовых

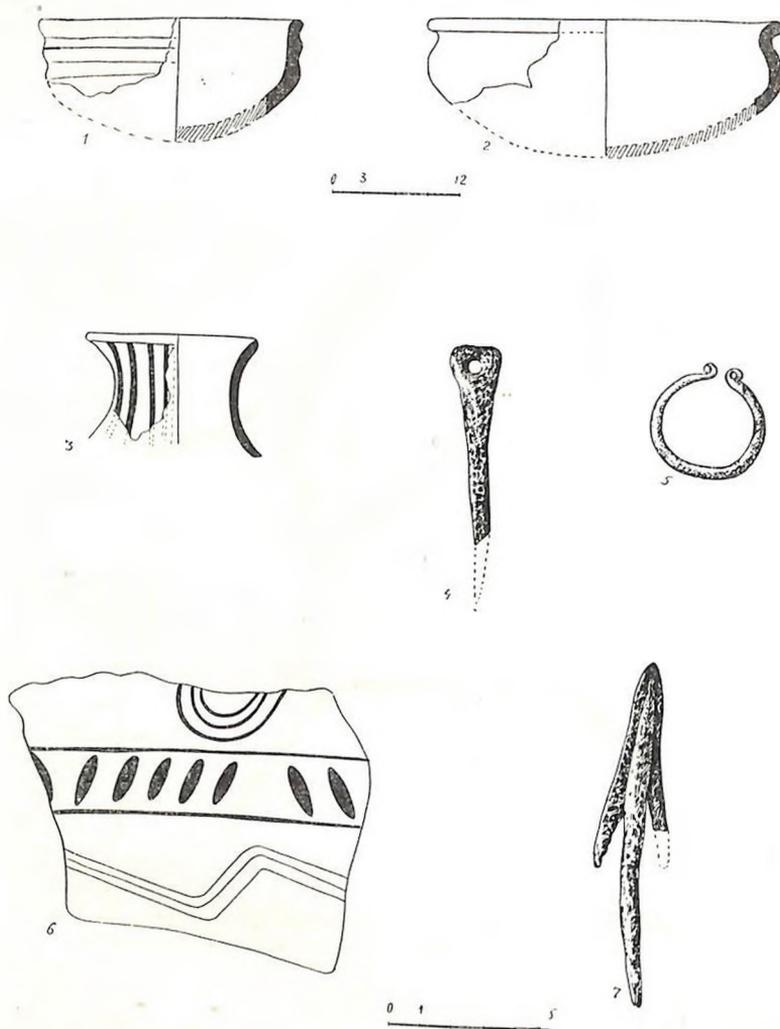

Табл. 12. Предметы из крепости Сев-сев карени блур.

красных и розовых мисок (табл. 72, рис. 1, 2;
табл. 73, рис. 1, 2, 4, 5). Все они небольшие,
с глубокими и более плоскими округлыми
туловами со слабо прочерченными бортами и
округлым венчиком. Часть мисок толстостен-
ная. Все они украшены горизонтальными
вдавленными линиями, многорядными зигза-

и черных кувшинов, фрагмент небольшой се-
рой одноручной кружки, донышко какого-то
небольшого сосуда, переход к тулову которо-
го украшен зигзагообразными линиями. Инте-
ресен фрагмент грубого красного кубка с
широким плоским дном и расширяющимся
туловом. Венчик кубка вогнут вовнутрь, на
одном плечике имеются два наложенных спарен-

ных полукруглых выступа, напоминающих стилизованную бычью голову. Найден также фрагмент донышка черного лощеного кувшина на трех ножках и небольшая мисочка-солонка сероватого цвета с широким дном и невысокими округлыми бортами.

ренных наконечников стрел из Кал-кара, где был обнаружен браслет с прогибом, и Нора-шенской крепости. Последним предметом является: грибовидная подвеска-серьга диаметром в 4 см. Подобные серьги, как указывалось выше, известны из находок в Астхи-

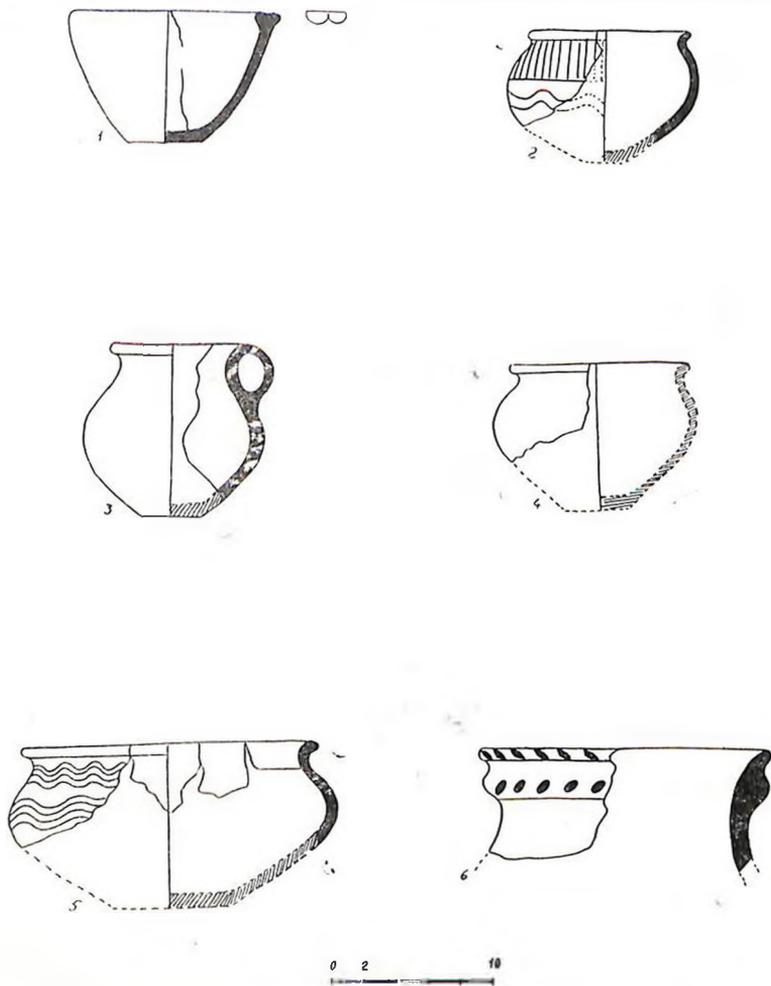

Табл. 73. Предметы из крепости Сев-сев карери блур.

Как уже указывалось, здесь кроме керамических изделий найдены также бронзовые серьги, стрела и костяная булава (табл. 72, рис. 4, 5, 7). Булавка имеет форму заостренного круглого стержня, с расширяющейся плоской головкой с отверстием в центре. Бронзовая стрела плоская, листовидная, с небольшими округлыми ушками и длинным плоским черенком, то есть принадлежит к типу уже рассмот-

блуре и Иджеване, где они датируются VI—V вв. до н. э.

Как видно из изложенного, материалы крепости Сев-сев карери блур по своим формам и орнаментации совпадают с материалами других уже рассмотренных крепостей и датируются VI—V вв. до н. э.

Циклопическая крепость Сев-сев карери тахт находится в 1 км северо-восточнее крепо-

сти Сев-сев карери блур, на левом берегу реки Ахум. Крепость расположена на заросшем лесом скальном выступе, возвышающемся до 20 м в центре небольшого плато (табл. 74). Три стороны выступа ограничены громады-

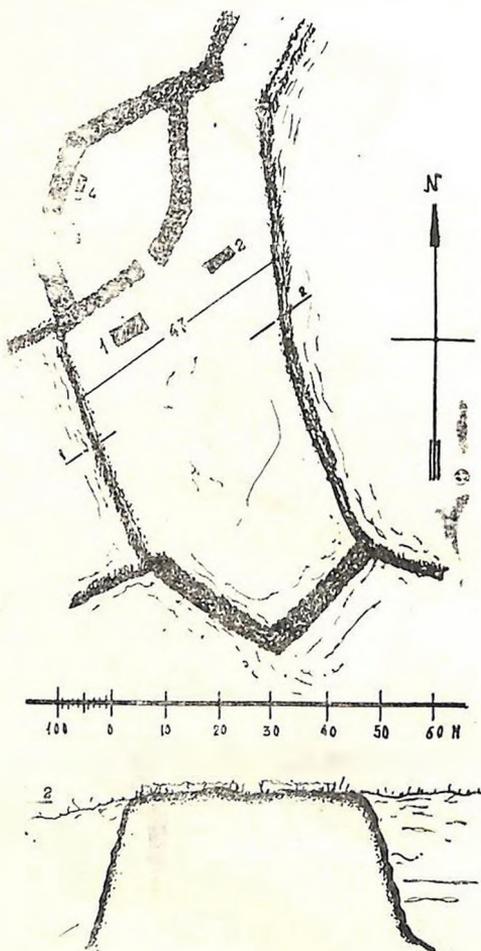

Табл. 74. План крепости Сев-сев карери тахт.

ми естественными глыбами, между которыми прослеживаются участки стен, прикрывавших доступные для восхождения проходы. С северо-западной стороны, где выступ сливается с окружающей местностью, крепость окружена вдавленной вовнутрь округлой однорядной стеной, перед которой, как и в крепости Сев-сев карери блур, сооружен выдвинутый вперед округлый выступ, образующий вторую стену. Рядом с выступом соору-

жен вход, шириной в 6 м. По своему фортификационному замыслу обе крепости одинаковы, одинаковы также их площади (чуть менее 0,5 га).

Здесь, в верхней части крепости, за первым внутренним рядом стен, в 1970 г. были заложены два шурфа. Два других были заложены вдоль внешнего, второго ряда стен. Ширина шурфов колеблется от 2 до 4 м, длина — от 3 до 7 м. Такая разница в размерах шурфов объясняется тем же обстоятельством, что и в других крепостях, то есть наличием свободного пространства между деревьями, корни которых широко разветвляются и, переплетаясь между собой, затрудняют работу. Глубина всех шурфов достигает 50—60 см, ниже залегают скалы.

Обнаруженный инвентарь, как и в других крепостях этой группы, состоит из фрагментов хорошо известных красных, черных и серых карасов с рельефными поясками, украшенными косыми канавками или овальными выемками, волнистыми многорядными линиями, то есть орнаментом, столь широко распространенным на карасах Северо-Восточной Армении раннеармянского времени (табл. 75, рис. 1,7—9; табл. 76, рис. 7,8).

Здесь найдены также фрагменты черных мисок с округлыми туловами, один из которых имеет свободную ручку со сквозным отверстием, украшенную горизонтальными волнистыми линиями, и схож по орнаментации с мисками из Норашена, Пилор-пата, Тмбадира и других мест. Найдены также две миски черного цвета с округлыми туловами с сильно профилированным бортом, приближающиеся к фиалам из Берда, Норашена и Ноемберяна. В этой группе керамических изделий встречаются также ручки двух сосудов, одна из которых украшена косыми овальными выемками, а другая — вертикальной выемкой с треугольными ступенчатыми углублениями.

Во всех четырех шурфах найдены фрагменты маслосбок с шипастыми выступами и бороздками, проведенными с внутренней стороны. Остальные фрагменты принадлежат к частям тулов сосудов, украшенных овальными выемками, напелеными кружочками, а также волнистыми и косыми линиями с точечным заполнением, то есть орнаментом, хорошо известным по мотивам керамических изделий из памятников рассматриваемого времени. Из прочих изделий нужно указать фрагмент модели глиняного колеса с небольшой, слегка выступающей ступицей. Найдено также небольшое лощило, изготовленное из речного голыша, со следами сработанности на его плоской рабочей части. Последним предметом, найденным во втором шурфе, являет-

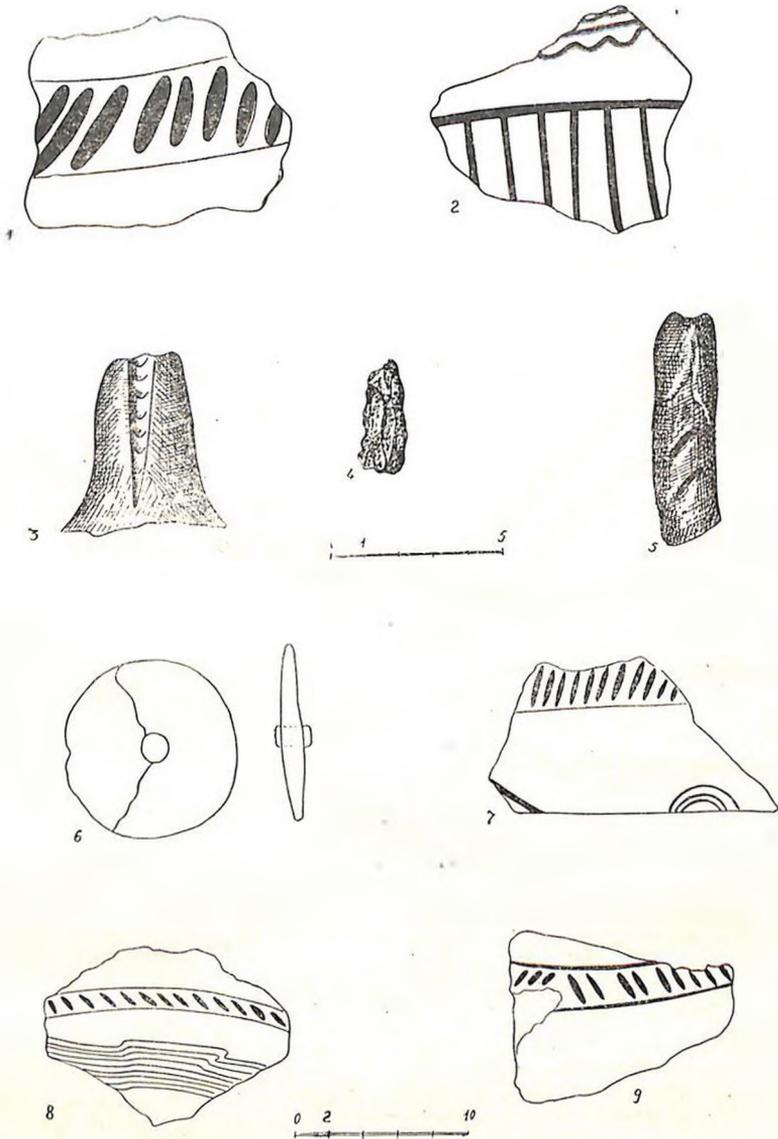

Табл. 75. Предметы из крепостей Сев-сев карери тахт (рис. 1, 3—9) и Бахри-хач (рис. 2).

ся хорошо ретушированный кремневый вкладыш серпа.

Судя по инвентарю и конструкции, обе указанные крепости, по-видимому, служили сторожевыми пунктами и одновременно загонном для скота. Как показали раскопки, здесь, без сомнения, проживало немногочисленное население, состоявшее из воинов с семьями, о

чем свидетельствуют остатки печей, проса, керамики и т. д.

Циклопическая крепость Бахри-хач расположена на правом берегу реки Ахум, напротив скотоводческой фермы села Цахкаван, на крутом скальном холме округлой формы (табл. 49). Крепость, повторяющая конфигурацию холма, имеет почти квадратную фор-

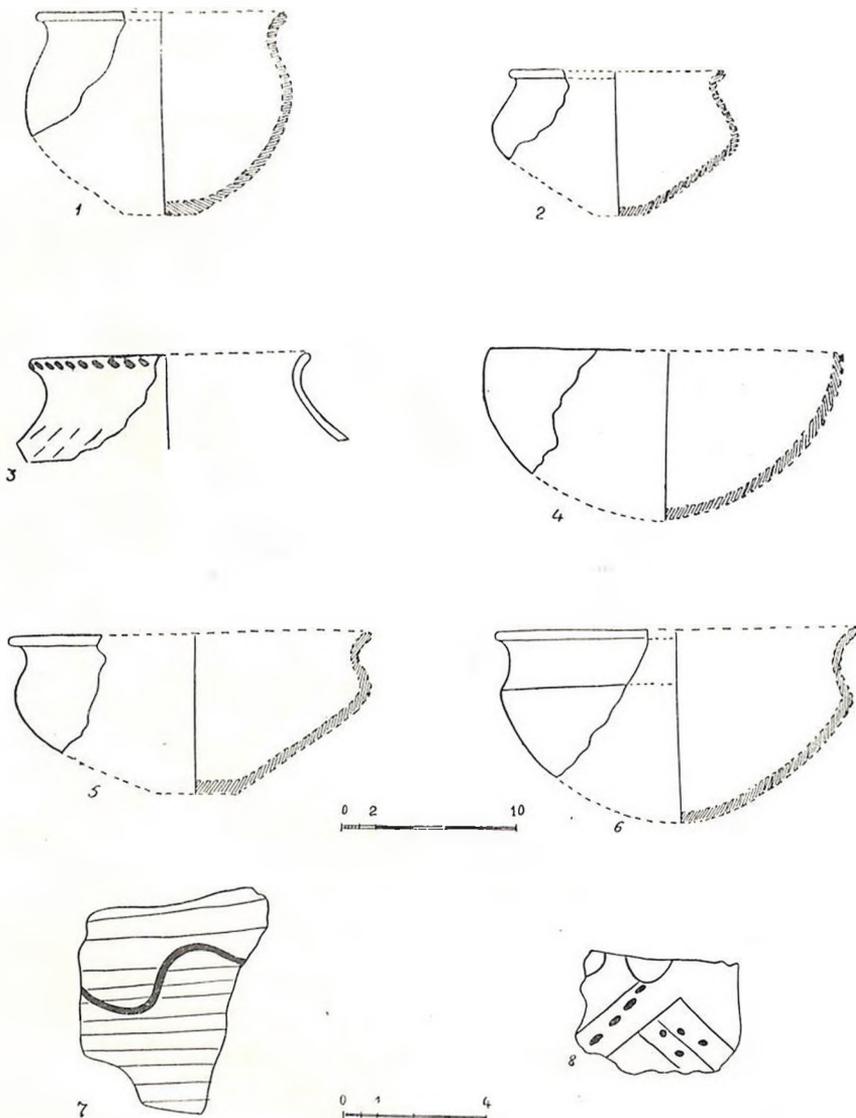

Табл. 76. Предметы из крепостей Сев-сев карери тахт (рис. 4--8) и Бахри-хач (рис. 1--3).

му. Однорядные стены, окружающие холм, местами изломаны или под определенными углами вдаются вовнутрь. Площадь крепости чуть более 1 га. Почти все стены ее, за исключением отдельных участков, покрытых густым лесом или колючим кустарником, разобраны местными жителями на строительные нужды, и в настоящее время видны лишь их основания.

Сохранился вход, имеющий оригинальное решение. Он устроен в виде трехметрового свободного прохода в юго-западном углу и проходит коридором в 90 м между первым и вторым рядами стен до северо-западного угла крепости.

Ныне восточная и северная части крепости покрыты густым молодым лесом и кустар-

пиком и частично армянским средневековым кладбищем с грубыми могильными плитами. Рядом с кладбищем, почти в центре крепости, сохранились развалины небольшой часовни и основания хачкаров. Южная и западная стороны были всаханы в тридцатых годах,

ный в шурфе, состоит из фрагментов разнообразных сосудов, уже хорошо известных по находкам из вышеописанных крепостей Цахкаванской группы, Норашена, Тлбадир и др. (табл. 75, рис. 2; табл. 76, рис. 3).

Здесь обнаружены фрагменты крупных

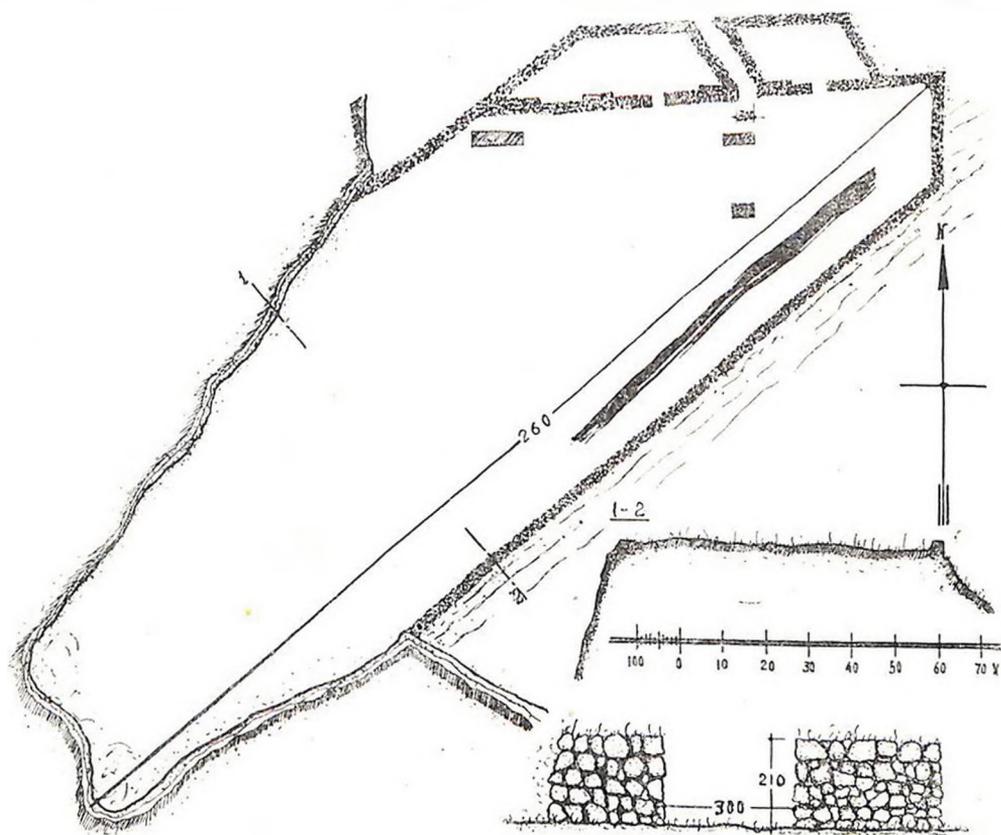

Табл. 77. План крепости Бердакар.

вследствие чего почти полностью оголились материковые скальные породы, местами прикрытые тонким почвенным покровом.

На небольшом пятачке северо-восточного угла, параллельно внешней стене, в 10 м от нее, был заложен шурф в виде траншеи, длиной в 15 м, шириной в 3 м и глубиной в 1 м. В шурфе открылась вторая внутренняя стена, направленная с севера на юг, ширина которой составляет 2,5 м. В северной части стена имеет небольшой контрфорс длиной в 9 м, шириной 0,6 м. Под контрфорсом оказался нетленный скелет упавшего ничком человека, очевидно, упавшего со стены воина. Немногочисленный керамический инвентарь, пайден-

черных и коричневых широкогорлых кувшинов с венчиками, украшенными овальными выемками, фрагмент небольшой одноручной кружки и части тулов разных сосудов, украшенные рельефными и лощеными волнистыми линиями, вертикальными и косыми штрихами, рельефными поясками с овальными выемками, хорошо известными по находкам в вышеуказанных крепостях. Имеются также ручки с вертикальной прорезью и ступенчатыми углублениями.

Циклопическая крепость Бердакар находится в 3 км западнее села Чинчи на территории его угодий, обращенных в сторону ущелья р. Ахум. Отсюда с вершины крепости

прекрасно обозреваются все левобережные крепости Цахкванской группы, а внизу, несколько нанасок, в 2 км, по течению реки — крепость Бахри-хач. Крепость Бердакар расположена на большом, несколько покатом

ним сооружены два крупных квадратных выступа, длиной в 20 м каждый, между которыми образовался коридор, ведущий к воротам (табл. 77).

Крепость по своим размерам доходит до

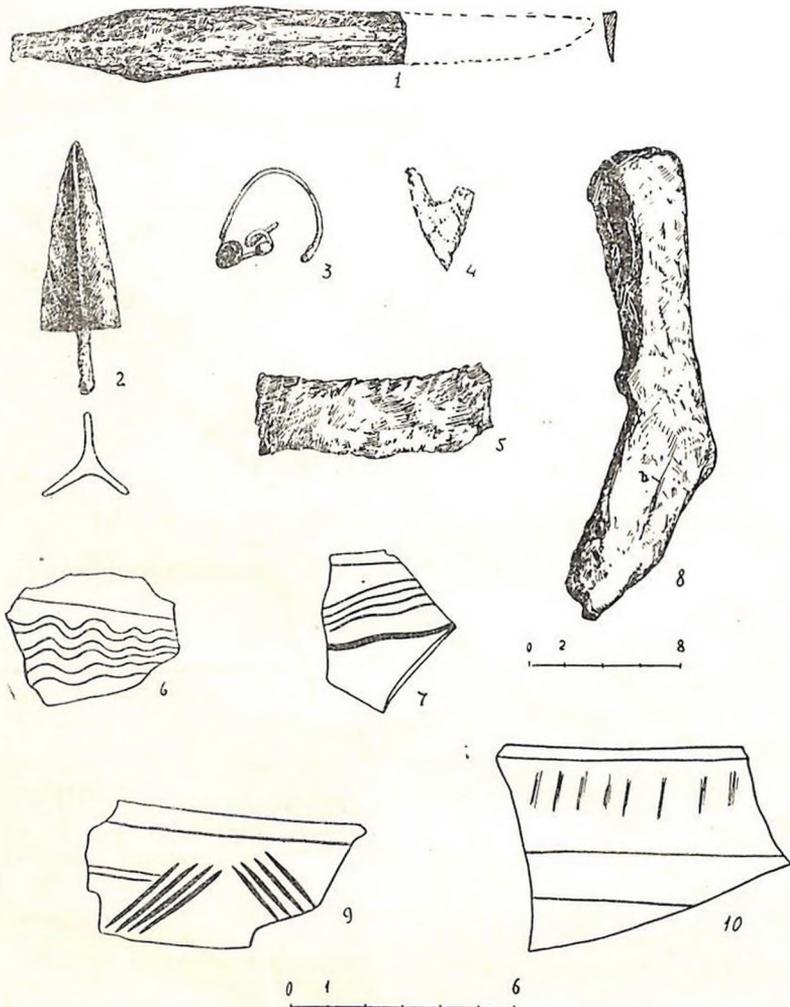

Табл. 78. Предметы из крепости Бердакар, шурф 1.

скальном выступе, ограниченном с западной, южной и юго-восточной сторон отвесными склонами. Восточная и северная стороны, имеющие доступные для восхождения склоны, защищены однорядной стеной. Северная стена крепости дополнительно укреплена четырьмя контрфорсами. Два из них были сооружены почти в центре указанной стены и прикрывают трехметровый дверной проход между ними. Для лучшего укрепления входа перед

1,5 га, полезная площадь ее значительно меньше. В южной части возвышаются два крупных скальных выступа, круто обрывающиеся к югу, а с севера полого спускающиеся почти до середины крепости.

Здесь же за вторым внутренним рядом крепостной стены в 20 м от северного угла в 1970 г. был заложен шурф размером 4×12 м. В 22 м от него на той же линии около стены был заложен второй шурф размером 6×4 м.

Третий шурф размером 6×4 м был заложен в 16 м от второго по направлению к крепости. Глубина всех шурфов 0,6—0,7 м, ниже открываются материковые скалы. В шурфах, кроме второго, каких-либо сооружений не обнаружено. Большую часть находок из всех трех шурфов составляют фрагменты керамических изделий, повторяющих формы и орнаментальные мотивы сосудов из вышеуказанных крепостей. Среди них имеются уже известные фрагменты карасов широкогорлых кувшинов (табл. 78, рис. 6—10). Новостью является фрагмент серого сосуда с венчиком в виде эйпохэн (табл. 79, рис. 5). Найдены также фрагменты мисок, кружек, маслоек, ручки одноручных кувшинов, украшенные вертикальной прорезью со ступенчатыми углублениями. Среди них имеются две ручки с иным оформлением—на одной прочерчено изображение креста, другая, плоская, сплошь покрыта трехрядными наленными кружочками (табл. 79, рис. 2, 3, 4). Интересные изделия найдены в первом шурфе. К числу их относятся кремневый вкладыш серпа (табл. 78, рис. 5) и два наконечника стрел (табл. 78, рис. 2, 4). Один из них представляет собой обсидиановый мидалевидный наконечник с острыми ретушированными краями и небольшим округлым вырезом в нижней части. Второй имеет важное значение для определения времени функционирования крепости и также представлен в единственном экземпляре. Это трехгранный наконечник железной стрелы с длинным черенком. Подобные стрелы в Армении известны также из раскопок погребений раннеармянского времени в Кармир-блур⁷⁶, Акпере и Ошакане, что позволяет отнести функционирование крепости к VI—IV до н. э.

Наиболее интересной находкой из первого шурфа является крупный железный топор с изогнутым лезвием, округлой рабочей частью и высоким прямым обухом, в центре которого проделано овальное отверстие для рукоятки (табл. 78, рис. 8). Подобный топор является новостью в материальной культуре Армении и не имеет прямых аналогов. По своей форме он напоминает железные топоры скифского типа, хорошо известные из центральной Грузии и Северного Кавказа, изредка встречаемые также в Восточной Грузии, где они датируются VII—VI вв. до н. э.⁷⁷ Указанный топор вместе с боевыми топорами Музенри⁷⁸ и Хртаноца⁷⁹, составляют, по-видимому, скифского типа, известными из

⁷⁶ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, вып. I, стр. 18, А. А. Мартиросян, Город Тейшебани, стр. 137.

⁷⁷ М. Н. Погребова, Железные топоры скифского типа, СА, № 2, 1969, стр. 179 и посл.

⁷⁸ J. de Morgan, Mission Scientifique au Caucase, Paris, 1889, T. I, стр. 246, рис. 52.

⁷⁹ А. А. Мартиросян, Раскопки в Головино, стр. 72.

тому, группу везенных или изготовленных по их образцам изделий, не полученных в Армении широкого распространения.

Украшения представлены также в небольшом количестве. К числу их относится небольшая серьга, изготовленная из тонкой бронзовой проволоки в виде изогнутой дуги, к которой подвешены два бронзовых кружка с отходящими сломанными стерженьками (табл. 78, рис. 3). В этом же шурфе найдена ракушка моллюска перловины, уже знакомая по находке в Тмбадире, по-видимому, служившая подвеской. Интересен кусок необработанного сердоланка, по-видимому, предназначенный для изготовления бус или других поделок.

В первом шурфе Бердакарской крепости найдены также три фрагмента стеклянных сосудов. Два из них представляют покрытые патиной части крупных сосудов, возможно, чаш, из толстого желтоватого стекла. Третий фрагмент, также покрытый патиной,—часть горла какого-то сосуда из белого стекла. Из числа находок во втором шурфе кроме вышеуказанных фрагментов керамики, следует отметить закопанный в землю небольшой карас, прикрытый каменной крышкой, вследствие чего он был заполнен землей (табл. 79, рис. 7). За карасом сохранился участок стены длиной в 2 м с несколькими камнями, местами в два ряда. По-видимому, между крепостной и указанной стеной находилось помещение шириной в 4 м, стены которого были впоследствии разобраны. Учитывая конструкцию Тмбадира, весьма вероятно, что вдоль всей стены было большое помещение из ряда комнат. В пользу этого говорят и материалы первого шурфа, найденные также под крепостной стеной, хотя противоположная внутренняя стена не сохранилась.

Как видно из изложенного, материалы Бердакарской крепости относятся к раннеармянскому времени и датируются VI—IV вв. до н. э.

Храм Салкар находится на одноименном холме, на северо-восточной окраине села Айгедзор. Холм со стороны села имеет несколько покатый склон, а другие склоны резко обрывистые, уступами спускающиеся на 200—250 м. На поверхности холма выступают огромные круглые скалы, достигающие нескольких метров высоты. С вершины холма прекрасно обзревается все ущелье реки Хидзорет и ясно видны отроги Малого Кавказа. В центре холма в небольшой ложбине между скалами слабо прослеживаются следы стен небольшого прямоугольного помещения, выложенных между указанными скалами.

От стен сохранилось лишь основание кладки, выложенное в один-два ряда. Внутреннее пространство этого прямоугольного помеще-

ния размерами 5×2 м было сплошь заполнено золой, мелким древесным углем и остатками обгорелой земли. Глубина сохранившегося слоя 0,5 м, под ним находятся материковые скалы. Здесь найдены остатки двух каменных статуэток (табл. 81; см. VII гл.), каменный топор со сломанным округлым лезвием и таким же обухом, слегка суженным в центре,

фрагмент железной втулки копы и игрушечный железный книжальчик, напоминающий по своей форме книжальчики, украшающие деревянные статуи из Кармир-блур, что дает возможность предположить, что здесь в святилище могли стоять и деревянные статуи, сгоревшие при пожаре. По-видимому, железом является небольшой предмет в виде зубча-

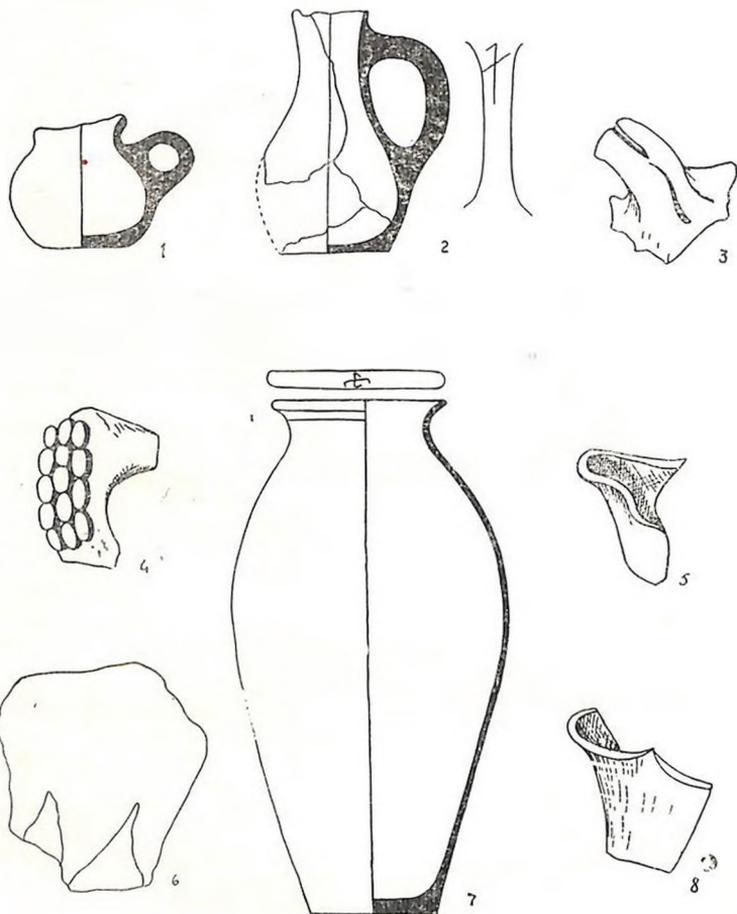

Табл. 79. Предметы из крепости Бердакар: рис. 1—6, 8—шурф 1; рис. 7—шурф 2.

где проходит небольшая канавка для закрепления рукояти.

В числе прочих находок можно указать два гладких проволочных фрагмента массивного браслета и три кольца, изготовленные из тонкой проволоки. Кроме них здесь найдены несколько сердоликовых бусин (две рубленные, одна грушевидная и одна крупная, бочковидная), а также бронзовый разделитель бус,

того петушиного гребня, с отходящей втулкой для посадки на рукоять. Все эти изделия можно отнести к VI—V вв. до н. э., благодаря сохранившимся черенкам двух сосудов. Один из них является шейкой черного широкогорлого кувшина, очень распространенного в памятниках середины I тыс. до н. э., другой—фрагментом небольшого кувшина, покрытого светло-розовым ангобом, какие часто встре-

чаются в памятниках раннеармянского времени.

Так как это помещение не имеет укреплений, по-видимому, оно являлось святилищем для племени этой округи, причем довольно сильных, оставлявших свой храм без до-

Циклопическая крепость вторая (малая) шаглама. Выше, в разделе о раннебронзовых крепостях указывается, что здесь в верхних слоях ряда шурфов были найдены предметы раннеармянского времени. Интересные предметы были найдены в пятом шурфе. Здесь

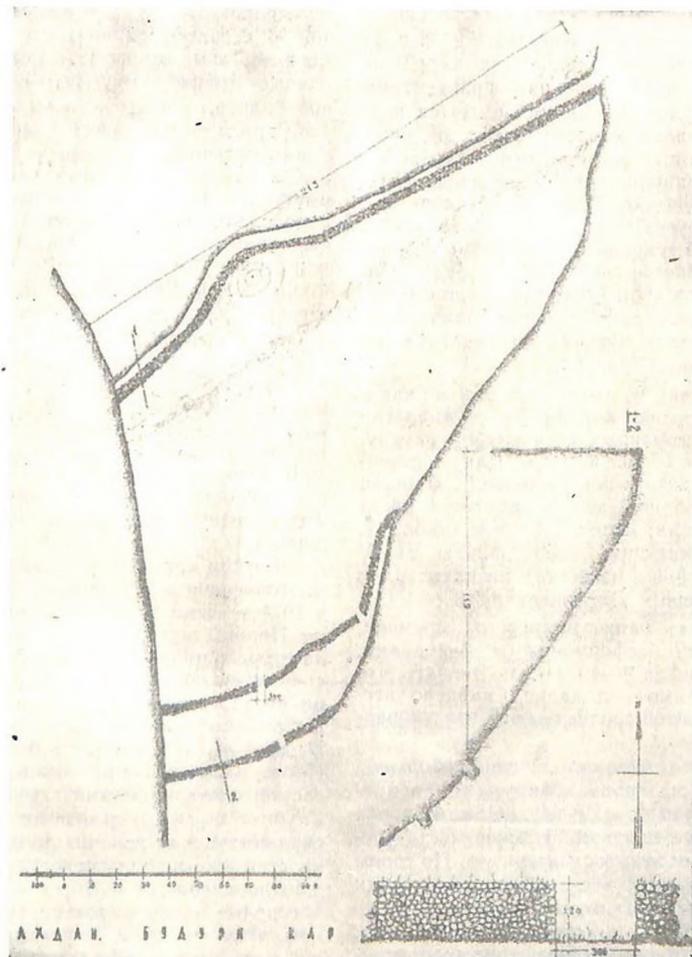

Табл. 80. План крепости Будури-кар.

полнительных укреплений. Сооружение святилищ вдали от поселений имеет давнюю традицию и известно во многих районах Закавказья, как например, Арч, Баба-Дервиш II, Амранис-гора и т. д.⁸⁰

⁸⁰ Б. П. Аракелян, А. А. Мартиросян, Археологическое изучение Армении за годы Советской власти, СЛ, 1967, № 4, стр. 30; К. Х. Кушварова, Т. П. Чубинишвили, Древние культуры южного Кавказа, стр. 165.

обнаружено большое количество фрагментов разнообразных сосудов—горшков, мисок, кувшинов и т. д., большей частью грубых, кухонного назначения. Имеются также фрагменты черного тонкостенного сосуда, украшенного слабо прочерченными и лощеными линиями, ручки крупных кувшинов красного цвета, украшенные лентным рельефным орнаментом и прищемлениями.

В орнаментальных мотивах керамики встречаются спиралевидные завитки, концентрические круги, ногтевой орнамент, зигзагообразные многорядные линии и т. д. (табл. 13). Все это хорошо известно по материалам памятников VII—V вв. до н. э., что позволяет утверждать, что к этому времени крепость после долгого перерыва была вновь заселена.

В верхнем слое восьмого шурфа обнаружена немногочисленная керамика середины I тыс. до н. э., представленная фрагментами различных сосудов. Среди них имеются венчик и части тулова карасов (табл. 17, рис. 2—4), украшенных рельефными поясами с косыми вдавленными линиями, хорошо известными из Бердатеа, Тмбадира, Пилор-ната, Норашена и других крепостей, и мисок (табл. 17, рис. 5, 6, 7), украшенных линейным орнаментом. Встречается также небольшое количество фрагментов небольших кувшинов с округлым или биконическим туловом. Один такой кувшин с округлой ручкой сохранился в целом виде (табл. 17, рис. 3).

Вся керамика из этого слоя, так же как и фрагменты карасов, находит свои аналоги с керамикой указанных поселений и датируется серединой I тыс. до н. э. Для подтверждения этой датировки особенно интересен фрагмент небольшой миски кремового цвета с сильно профилированным бортом (табл. 17, рис. 1), напоминающий собой фиалы VI—V вв. до н. э., хорошо известные по находкам в Берде, Норашене и Джуджване.

Материалы раннеармянского времени, представленные бесформенными черепками, найдены в шурфах 9—13. Нужно указать, что в шурфе II прямо под дерном найдено несколько фрагментов средневековой глазурованной керамики.

Необходимо отметить, что небольшой керамический материал обнаружен и в крепости III шагламы, как в верхнем слое обоих шурфов, так и с вспаханной поверхности крепости в виде подъемного материала. По своим формам и орнаментике найденные черепки ничем не отличаются от аналогичной керамики из II и IV шаглам, Тмбадира, Пилор-ната, Норашена и других вышеуказанных крепостей, что позволяет сказать, что крепости II и III шаглам после длительного перерыва вновь были заселены уже в раннеармянское время.

Крепость близ совхоза «Ахтанак» расположена на правом берегу реки Дебед на южной части обширного плато, названного местными жителями IV шагламой, напротив III шагламы. Плато с южной стороны имеет крутые, обрывистые, труднодоступные для восхождения склоны. Несколько доступна часть восточных и западных склонов. Лишь север-

ная сторона, являющаяся продолжением плато, лишена естественных укреплений. Крепость по своему положению господствует над окружающей местностью в ущелье реки Дебед. Крепость отличается от вышерассмотренных своими размерами. Ее длина достигает 360 м, ширина—130 м, то есть она занимает пространство в 4,5 га. Крепость укреплена мощными стенами, шириной в 3—4 м, высота которых местами сохранилась до 2,5—3 м. Однорядные стены опоясывают кромки склонов плато, повторяя их конфигурацию, что придает крепости форму большого прямоугольника, стороны которого сильно изломаны и местами имеют округлые выступы. В центре восточной и противоположной западной стен сооружены крупные прямоугольные башни. Вход крепости шириной в 3 м находится в центре северной стены. Здесь с западной стороны входа построена большая башня. На расстоянии 150 м от входа сооружена поперечная стена, делящая крепость на две части. Она не доходит до восточной стены на 10 м, оставляя проход в цитадель. Южнее, в 50—60 м от первой стены, параллельно ей воздвигнута вторая стена, также не доходящая до восточной стены на 10 м. Таким образом, цитадель отделена от ворот крепости двумя параллельными поперечными стенами, надежно защищавшими осажденных.

Внутри крепости и цитадели видны следы многочисленных жилых помещений, где в 1971 г. были проведены небольшие раскопки. Первый шурф был заложен в 40 м от входа второго ряда внутренних стен. Здесь виднелись стены помещения размером 25×6 м, внутри которого сохранились следы перегородок, делящих помещение на отдельные комнаты. В одной из таких комнат и был заложен шурф. После расчистки оказалось, что раскапываемое помещение имеет размеры 11×6 м. Глубина шурфа в зависимости от залегания скальных пород доходит до 0,6—0,8 м. Ширина стен помещения, сохранившихся на указанную высоту, 1,7—2 м. Здесь же лежали обгорелые куски балок перекрытия. В северном углу найдены два караса с округлым туловом, низкой шейкой и округлым венчиком. Вдоль центра тулова проходит рельефный пояс, украшенный косыми линиями.

Имеется также большое количество фрагментов карасов, украшенных рельефными поясами, косыми линиями, сетчаткой и грубым ногтевым орнаментом. Часть венчиков этих карасов украшена вдавленными волнистыми линиями (табл. 20, 21). Кроме этого, найдено большое количество ручек одноручных кувшинов, украшенных шнестыми выступами и вертикальной прорезью, а также фрагменты различных кувшинов и горшков,

украшенные вдавленными линиями, косым погтевым орнаментом, овальными и круглыми выемками. Встречаются также фрагменты черных и серых мисок с округлыми и плоским туловом и один фрагмент миски со сливом в виде чайника. Часть мисок имеет небольшие косо поставленные ручки со сквозными отверстиями. Найдены также фрагменты маслобок с шишастыми выступами с внутренней стороны, части кубков и т. д.

Каменные изделия представлены крышка-

тов керамики. Найдены также два точильных камня и небольшой снаряд от пращи.

Как видно из изложенного, материал обоих шурфов однородный. Найденные керамические изделия по своим формам и орнаментации аналогичны керамике раннеармянского времени из II и III шаглам и керамике крепостей Иджевана и Шамнадина (Норашен, Пилор-пат, Тмбадир, Бердатеж и др.), также датируемой указанным временем—VI—IV вв. до н. э.

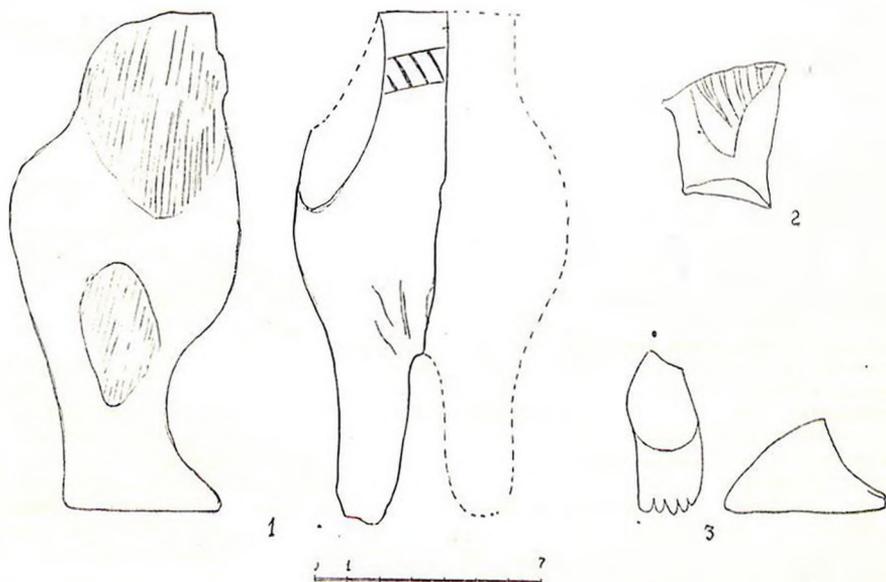

Табл. 81. Фрагменты каменных статуй из Салкара.

ми карасов, фрагментами зернотерок, терочников и точильных камней. Особенно интересна находка заготовки для каменной ложки для розлива металла. Следует отметить также небольшой кусок необработанного кремня для изготовления стрел и вкладышей серпов.

Второй шурф размером 4×5 м и глубиной 0,7 м был заложен в 17 м юго-восточнее первого, ниже залегают скальные породы. В шурфе обнаружено небольшое количество керамики, состоящей из фрагментов одноручных кувшинов, ручки которых украшены шишастыми выступами, палецными кружочками или же совершенно гладкие. Кроме того, найдены шейки различных кувшинов и горшков, украшенные косыми, овальными, рельефными и вдавленными линиями, то есть характерным для середины I тыс. до н. э. орнаментом. Интересно отметить, что здесь было найдено пять круглых лоцил, изготовленных из фрагмен-

тов керамики. Как видно из материалов небольших разведочных раскопок, крепость IV шагламы функционировала в VI—V вв. до н. э. Так как огромная территория крепости покрыта густым дерном, из-под которого проглядывают отдельные участки многочисленных помещений, трудно утверждать, функционировала ли она и в более раннее время. Однако наличие древних слоев крепостей II и III шаглам позволяет предполагать, что на территории рассматриваемой крепости могут быть и более древние слои.

Завершая обзор крепостей и поселений Северо-Восточной Армении, необходимо указать, что в этой группе сооружений выделяется небольшая группа памятников, датируемых раннебронзовым периодом. К числу их, как указывалось выше, относятся намятники Юсемберянского района (Джагацатеж, II и III шагламы).

Судя по могильным комплексам (см. III гл.), по-видимому, такие же поселения должны были существовать близ сел Кирги Шамшадинского района, Джогаз Иджеванского района и близ Редкин-лагеря в Дилижане.

Все эти памятники выявляют одностороннюю культуру и относятся к III тыс. до н. э. Материальная культура, выявленная здесь, имеет большое сходство с памятниками раннебронзового периода Кироваканской группы.

Слов, свидетельствующих о функционировании этих и других крепостей в эпоху средней бронзы, не наблюдается, что, возможно, объясняется малозученностью района. Однако обнаружение расписной и пунктирной керамики в Кирги, Дилижане и Носмберяне позволяет предположить, что часть крепостей была заселена и в указанное время. Особенно много крепостей, по сравнению с предыдущим периодом, сооружается в конце II и начале I тыс. до н. э., когда наблюдается значительный скачок в развитии земледелия и на его основе скотоводства, металлургии, металлообработки и т. д., что вызывает существенные сдвиги во всей экономике страны. (См., кроме указанных в тексте, также крепости Арами-амроц, Масмаляр, Сеприк и Азатаван—Приложение, № 11, 24, 25, 26). Частые военные столкновения, характерные для указанной эпохи, также стимулируют рост указанных сооружений.

В основном рассматриваемые крепости относятся к раннеармянскому времени и датируются VI—IV вв. до н. э., то есть периодом, непосредственно следующим за гибелью Урарту, в недрах которого происходило зарождение и образование Армянского государства⁸¹. Материалы раннеармянских крепостей выявляются в своей основной массе поразительное сходство и состоят, как уже указывалось выше, из различных карасов, кувшинов, горшков, мисок и т. д., украшенных рельефными поясами с косыми линиями, зигзагами, сетчаткой и другим орнаментом. Эти изделия, обладая чертами, характерными для рассматриваемой эпохи, тяготеют к более раннему времени и имеют древние традиции, что характерно не только для рассматриваемых памятников, но и для Акнера (Ворнака), Джаррата и многих других памятников Армении указанного периода⁸².

Так, говоря о наиболее распространенном виде керамических изделий—карасах, фрагменты которых встречаются во всех без исклю-

чения крепостях, необходимо вспомнить, что аналогичные карасы происходят из Арниберда⁸³, Хртаноца⁸⁴, а также из поселений ахемидского времени в Кахетин⁸⁵ и Сузы⁸⁶.

То же самое можно сказать о другом распространенном во всех крепостях типе керамических изделий—горшках и широкогорлых кувшинах с шаровидным и биконическим туловом, многие из которых имеют ручки с прогибом в центре, также известные в памятниках первой половины I тыс. до н. э. и бытовавших до начала нашей эры. Эти сосуды известны из Арниберда, Редкин-лагеря, Хртаноца, Тейшебани, Армавира, Триалети, Мингечаура и многих других памятников Армении, Закавказья и Ирана⁸⁷. Но наряду с указанными изделиями, трудно поддающимися точной датировке, во многих крепостях, которые, как уже указывалось, являлись односторонними памятниками и не содержали слов других эпох, обнаружены в большом количестве различные фялы, браслеты с прогибом, конья, кривые ножи с петлевидной рукоятью, трехгранные железные черенковые стрелы и т. д., принадлежность которых к VI—V вв. не вызывает сомнения и, бесспорно, позволяет датировать эти памятники указанным временем. Обнаружение рассматриваемых изделий на такой широкой территории свидетельствует об общности материальной культуры Северо-Восточной Армении, имеющей традиционные связи с остальными областями Армянского нагорья—Эребуни, Джарратом, Айгеваном, Армавиром и т. д., что говорит, по-видимому, также об усиленном распространении армянского этноса.

Значительно богаче и разнообразнее представлены могильные комплексы, которые рассмотрены в следующей главе.

⁸³ С. А. Есаиян, Каталог археологических предметов Музея истории гор. Еревана, вып. II, табл. XXVI; Ա. Բարսիլյան, Երբրտեհի բերդ-բազարի պատմությունը, Երևան, 1970, табл. XXVI.

⁸⁴ А. А. Мартиросян, Раскопки в Головинно, табл. X

⁸⁵ Б. А. Кудгин, Материалы к археологии Кольды, т. I, Тбилиси, 1947, стр. 17.

⁸⁶ R. Ghirshman, Village Perse-Achemenide, Paris 1934, табл. XV, рис. 6, 12, 13, табл. XVI, рис. 7.

⁸⁷ С. Ходжаши, Керамика Эребуни, Сообщения Музея изобразительных искусств им. Пушкина, М., 1968, табл. XI; А. О. Мнацаканян, Раскопки могильников у сел Атарбекян, КСНИМК, вып. 60, 1955, рис. 5; А. А. Мартиросян, Город Тейшебани, рис. 41, 49, 51; его же, Раскопки в Головинно, рис. 88; А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, Новые данные о материальной культуре древней Армении, стр. 75, табл. 3; R. Ghirshman, ук. соч., табл. XXXVIII 1220a; XI.1.830 1276; T. Young, A comparative ceramic Chronology for Western Iran—1500—500 B. C., Journal of Persian studies VI, стр. 54, рис. 1—9, 10.

⁸¹ С. Т. Еремян, Процесс формирования армянского народа, ИФЖ, № 2, 1970, стр. 54.

⁸² Г. А. Тирацян, Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья IV вв. до н. э., СА, № 3, 1964, стр. 68.

ГЛАВА III

МОГИЛЬНИКИ И ПОГРЕБЕНИЯ

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Погребения эпохи бронзы Северо-Восточной Армении до настоящего времени не изучены, лишь в разных пунктах случайно обнаружены отдельные предметы, которые к тому же вошли в научный оборот не полностью.

К числу раннебронзовых предметов относится фрагмент крупного черного лощеного сосуда из коллекции Ф. Байерна, украшенный спиралевидными завитками, ромбовидным орнаментом и зигзагообразными линиями, происходящий из погребения 29 Редкин-лагеря¹ (табл. 82, рис. 2). Из того же Редкин-лагеря происходит фрагмент другого сосуда, обнаруженный Б. Б. Пиотровским в 1942 г. Он имеет характерную розовую подкладку и черную лощеную поверхность, украшенную двумя спиралевидными завитками² (табл. 82, рис. 11).

К изделиям этого времени относится замечательный черный лощеный кувшин с розовой подкладкой, происходящий из раскопок А. А. Бобринского в могильнике Мец-чал, близ Редкин-лагеря³ (табл. 82, рис. 7). Кувшин имеет высокое расширяющееся тулово с острым слегка выемчатым дном. Шейка высокая с чуть заметным округлым венчиком. На тулове помещена одна полушаровидная ручка. По центру тулова проходит широкий пояс, образованный из двух вдавленных линий, внутреннее пространство которого заполнено четырьмя тройными косыми линиями. Этот пояс с одной стороны разделяется указанной полушаровидной ручкой, а с противоположной стороны—вдавленной вертикальной линией. Сосуд этот, представленный без всякого сопровождающего материала, трудно датиро-

вать. Однако форма сосуда, линейный орнамент и отсутствие резных украшений позволяют отнести его к самому концу III тыс. до н. э.

В 1968 г. при проведении разведки в селе Джогаз Иджеванского района Тельманом Манляном мне был передан замечательный сосуд, представляющий собой небольшой широкогорлый кувшинчик с узким дном и небольшой полушаровидной ручкой. Под шейкой проходит двойная линия, внутреннее пространство которой заполнено ломаными линиями и вертикальными штрихами (табл. 82, рис. 10). Сосуд обнаружен в местности Мец-дош в 1,5 км западнее Джогаза в грунтовом погребении, раскрытом водами оросительной канавы, проложившей себе русло глубиной до 3 м. По словам местных жителей, здесь кроме указанного сосуда были обнаружены также черепки аналогичных сосудов, а также кости человека и животных, которые были оставлены на месте. Осмотр местности ничего не дал, так как эти черепки и кости, по-видимому, были снесены водой на орошаемые участки и покрыты землей. Два черепка крупных чернолощенных сосудов с сохранившимися полушаровидной и более вытянутой ручкой найдены в одном из разрушенных погребений могильника Крапанш-ял близ крепости Азатаван и свидетельствуют о том, что Азатаванский холм, по-видимому, был заселен еще в раннебронзовую эпоху.

К числу раннебронзовых находок относятся несколько сосудов, обнаруженных С. С. Чилингаряном в селе Джуджеван Носемберянского района. Четыре из них крупные широкогорлые сосуды с одной характерной полушаровидной ручкой, с блестящим черным лощением (табл. 82, рис. 2, 4—6). Сосуды украшены разнообразным резным меандром и спиралевидными завитками, размещенными как в верхней, так и в нижней части кувшинов. Здесь же обнаружено несколько фрагментов аналогич-

¹ См. Инвентарь Аз. музея истории, № 1342.

² С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, Каталог археологических предметов ДКМ, табл. I, рис. 2.

³ Там же, табл. I, рис. 1.

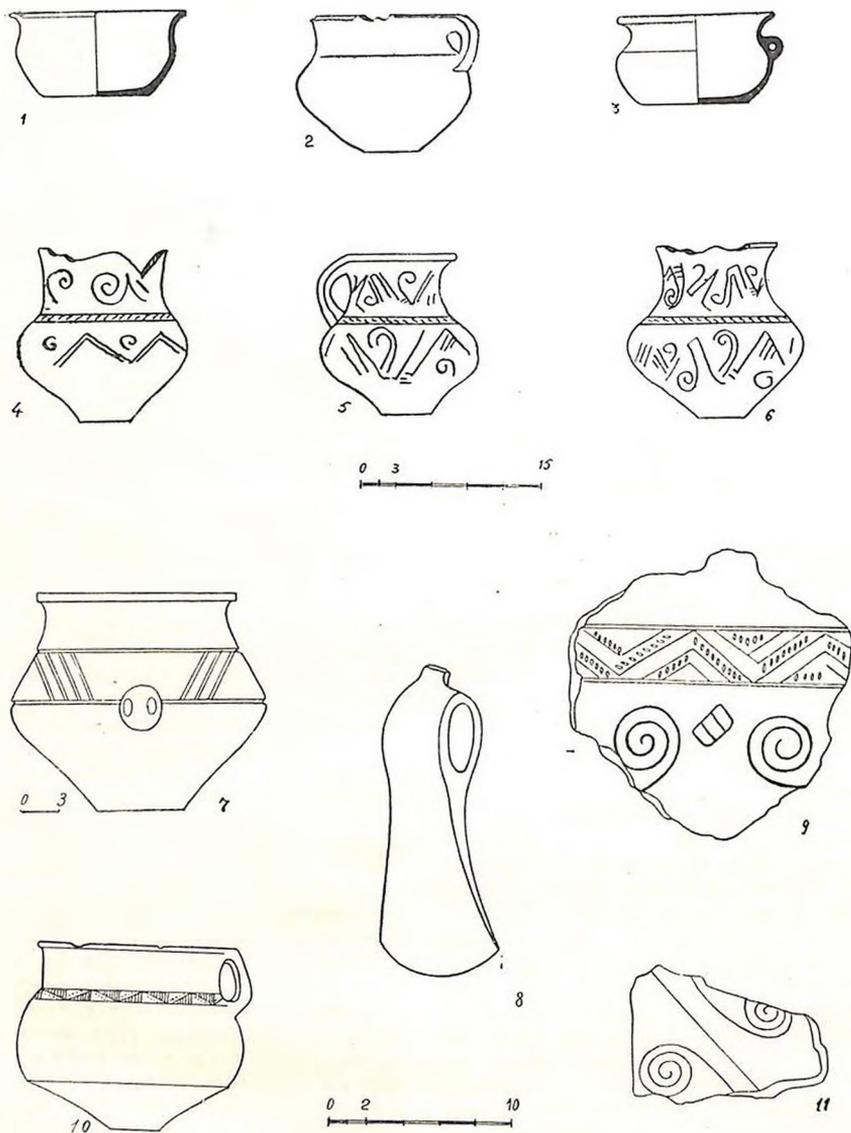

Табл. 82. Предметы из погребений раннебронзовой поры: рис. 1—3—Носмберян; рис. 2, 4—6—Джуджеван; рис. 7—Мец-чал; рис. 8—топор из И шагламы; рис. 9, 11—Редкин-лагерь; рис. 10—Джогаз.

ных сосудов. Им же в Носмберяне обнаружены две небольшие черные лощеные миски с округлым туловом и выступающим полукруглым венчиком (табл. 82, рис. 1—3). На плечиках одной из мисок имеется небольшая ха-

рактерная рудиментарная ручка с прищемлением¹. Эта керамика находит свои аналоги в

¹ С. С. Чилингарян, Памятники древней бронзы Джуджеванского могильника, ИФЖ, № 1, 1970, стр. 253.

материалах рассмотренных выше крепостей айрумских шагламов и Джаганатехского поселения, памятников Кироваканской группы и долины реки Агтев, составляющих локальную группу памятников Северной Армении. Она находит также близкие аналоги в материалах Шенгавита, Айгевана, Мохраблур и т. д., что является характерной чертой всей раннебронзовой культуры.

Почти такое же положение наблюдается с памятниками среднебронзовой поры I половины II тыс. до н. э.

Немногочисленные находки этой эпохи происходят из Дилиджана, где в 1955 г. на берегу реки Агтев были найдены три миски и один широкогорлый кувшин⁵. Все они черные, лощеные, орнаментированные волнистыми линиями, образованными из коротких черточек. У части сосудов от этих линий отходят серповидные изогнутые линии, выполненные тем же орнаментом. На всех линиях сохранились следы белой инкрустации (табл. 85).

Несколько таких мисок, украшенных двухрядными точечными линиями, заполненными белой краской, известно из Джуджвана. Отсюда же происходит небольшой кувшин, украшенный двухрядной зигзагообразной линией, заполненной короткими параллельными штрихами. Последний сосуд по своей орнаментике хорошо известен по находкам в Гарни, Джарджарнес, Ариче, Узерлик-тепе, Триаleti и других памятниках, датируемых первыми веками II тыс. до н. э.⁶ Что же касается сосудов с пунктирным орнаментом с белой инкрустацией, то они известны в большом количестве из Лчашена, Апарана, Кармирберда (Тазакенда), Севан-ГЭСа, Кировакана, Узерлик-тепе, Цамакаберда, Карса и других памятников начала II тыс. до н. э., датируемых XVIII—XVI вв. до н. э.⁷

К середине II тыс. до н. э. относятся расписные сосуды, найденные в 1964 г. в селе Кирги Шамнадинского района. Сосуды вместе с небольшим бронзовым кинжалом были обнаружены учителем местной школы С. Ф.

Вартаняном при рытье траншей водопроводной линии на приусадебном участке Ш. М. Мхитаряна. Осенью того же года после сбора урожая это место было обследовано мною (табл. 83).

На глубине 1 м от поверхности раскопками было обнаружено грунтовое погребение прямоугольной формы с закругленными углами, придающими ему чуть овальную форму, направленное с востока на запад. Размеры погребения 5,4×3,4 м. Стены в верхней части были обложены речными гальками, а само погребение засыпано землей. По-видимому, погребение в древности было покрыто каменной насыпью, которую разобрали при расчистке и закладке сада. Дно погребения покрыто красноватой обгорелой землей и золой, свидетельствующей о том, что кремация производилась внутри погребения. В незатронутой северной части погребения, заходящей под ограду сада и часть дороги, обнаружены несколько черных сосудов, два бычьих черепа и берцовая кость⁸. По своей форме погребение напоминает аналогичные погребения в Кировакане⁹, Триаleti¹⁰ и Лчашене¹¹ такой же формы, в которых покойник также подвергнут кремации. Инвентарь этого погребения состоит из группы расписной керамики (три кувшина), четырех черных сосудов и бронзового кинжала.

Расписные сосуды представляют собой крупные широкогорлые кувшины, покрытые красным ангобом, на котором черной краской нанесен сложный орнамент в виде многорядных зигзагообразных полос, внутреннее пространство которых заполнено волнистыми линиями, фигурами птиц и дисками. Подобная керамика, относящаяся к III исподу триаletских курганов (XVIII—XVI вв.), хорошо известна из памятников Армении, Грузии и западного Азербайджана. Подобные сосуды происходят из Кировакана, села Кармир (район им. Камо), Гарни, Нахичевана, Триаleti и ряда других памятников¹². В последние годы подобные сосуды были в большом количестве найдены в Мартунинском и Варденинском райо-

⁵ С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, указ. соч., стр. 110.

⁶ Э. В. Ханзадян, Гарни, вып. IV, рис. 91—92; К. Х. Кушнароева, Новые данные о поселении Узерлик-тепе, МИА, 125, стр. 98; Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триаleti, табл. IXXIV; М. Джанаридзе, Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии, КСНИМК, вып. 60, 1965, стр. 27.

⁷ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 56; К. Х. Кушнароева, Новые данные о поселении Узерлик-тепе, стр. 96; Т. С. Хачатрян, С. А. Есаян, Археологические находки в с. Апаран, СА, № 4, 1958, стр. 195; С. А. Есаян, Ереван (археологический очерк), Ереван, 1969, стр. 32.

⁸ Определение костных остатков см. ниже в гл. IV.

⁹ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 47.

¹⁰ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триаleti, стр. 81.

¹¹ Э. В. Ханзадян, Лчашенский курган, № 6, КСИА, вып. 91, 1962, стр. 66.

¹² Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триаleti, стр. 84; Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 47; А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 65; Э. В. Ханзадян, Гарни, вып. IV, стр. 176.

пах¹³, близ Ошакана¹⁴, в Арче¹⁵ и Ереване¹⁶. Сосуды, обнаруженные в описанном погребении, отличаются от большинства аналогий сухостью орнамента и отсутствием росписи на горле (лишь на одном сосуде горловина украшена волнистой линией). Эти особенности дают основание датировать погребение поздним периодом расписной керамики. Остальной инвентарь погребения из Кирги состоит из крупного черного сосуда, по своим формам схожего

по-видимому, к широкогорлым. Орнаментация указанных сосудов относится к новой разновидности лептоцио-накольных украшений и зубчатого штампа, хорошо известного по материалам Кировакана, Лчансена, Узерлика, Мухапат-тапа, Кармир-берда и других памятников рассматриваемого времени. Последним предметом, обнаруженным в погребении, является бронзовый книжальчик подтреугольной формы с ромбовидным сечением.

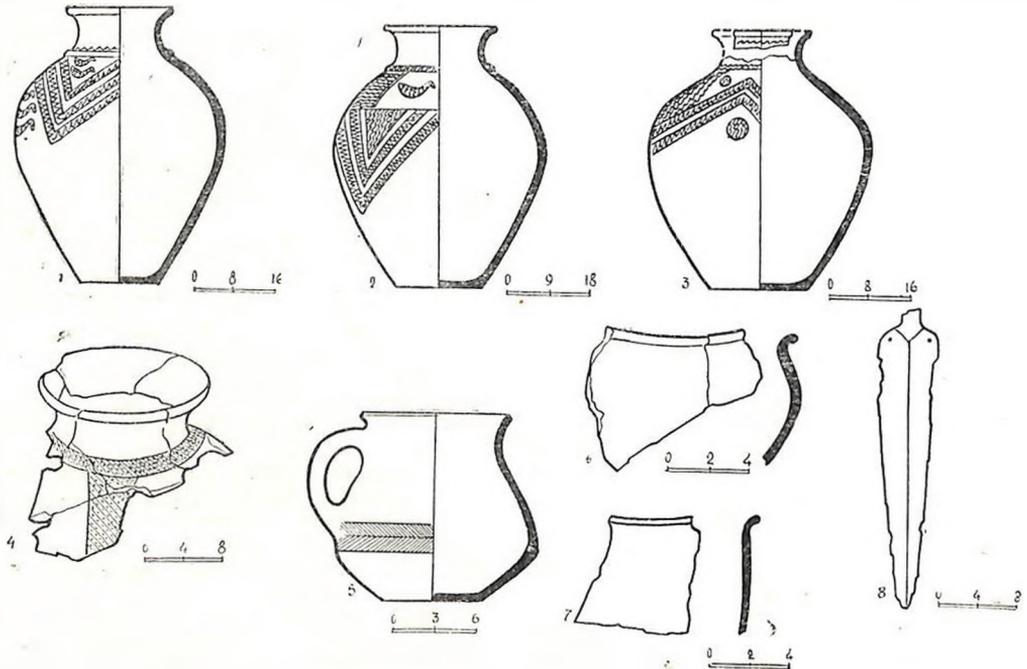

Табл. 83. Предметы из среднебронзового погребения в Кирги.

с расписными, однако его шейка и верхняя часть тулова украшены многорядным точечным орнаментом, точки которого соединены короткими штрихами, что встречается и в Кироваканском кургане. Здесь же обнаружена крупная черная лощеная кружка с небольшой дугообразной ручкой, по центру тулова которой проходит слочный орнамент, образованный из коротких штрихов. Два других сосуда представлены фрагментами и относятся,

В верхней его части имеется небольшой сломанный язычок, а на округлых плечиках—два сквозных отверстия для закрепления рукояти. Типологически он схож с книжалами из Кировакана и Еревана, сопровождаемыми аналогичными расписными сосудами, датированными XVIII—XVI вв. до н. э. Такие книжалы распространены на очень обширной территории.

Типологически близкие книжалы известны еще с III тыс. до н. э. в Шумере, Кипре¹⁷, Библе¹⁸ и т. д. Стронах считает их характерным видом оружия конца раннебронзовой поры для Киликии и районов верхнего течения Евфрата, откуда они проникают в южные рай-

¹³ А. А. Калантарян, Ж. Д. Хачатрян, Уникальная находка из бассейна оз. Севан, ВОН, № 4, 1969, стр. 75.

¹⁴ Раскопки Г. Е. Арешяна, материалы не опубликованы.

¹⁵ Раскопки Т. С. Хачатряна, материалы не опубликованы.

¹⁶ С. А. Есян, Каталог археологических предметов Музея истории Еревана, вып. II, стр. 6.

¹⁷ H. Bonnet, Die Waffen der Völker des Alten Orients, рис. 19.

¹⁸ Marsel Dunan, Fouilles de Byblos, Paris, 1926, pl., табл. CLXXXIX.

они Армянского нагорья и бытуют там до конца первой четверти II тыс. до н. э.¹⁹

Другим пунктом Северо-Восточной Армении, давшим расписную керамику, является Джуджеван. Здесь С. С. Чилингярином при раскопках Мичиматского могильника обнаружены фрагменты расписных сосудов, украшенные треугольниками, заполненными волнистыми линиями, изображениями водоплавающих птиц и т. д., то есть керамика такого же типа, как из Киргии и вышеприведенных памятников Армении.

Ко времени бытования указанных сосудов относятся два бронзовых топора, обнаруженные близ скотоводческой фермы села Навур у подножья горы Мургуз²⁰. Эти топоры имеют несколько опущенный вниз обухок; выдвинутое вперед лезвие имеет округлую форму и несколько оттянуто назад. От обуха по обеим сторонам тулова отходят сделанные наискось вырезы, придающие лезвию форму полусекеры. Близкие по форме топоры известны из Ленишакана, Грама-Геле и села Галашки²¹. Близкие по форме топоры, отличающиеся прямым, оттянутым обухом, происходят из Кюль-тене, Талыша и Дауд-Кенрю²².

Последней находкой, относящейся к рассматриваемому периоду, является секирка из Иджевана (табл. 84, рис. 1). По форме лезвия она повторяет секеры с высоко поднятыми плечиками и с двумя седловинами на концах плеч. Небольшое узкое тулово имеет в верхней части отверстие, над которым параллельно лезвию проходит прямая планка-крестовина с небольшим выступающим шипом в центре. Древко рукоятки, проходя через отверстие, нижней частью садится в выемки седловин на плечики лезвия, а верхней — плотно придерживается планкой²³.

Единственной прямой, но очень отдаленной, по времени и месту, аналогичной, почти полностью повторяющей рассматриваемую секирку, является секира из царских гробниц Ура, отличающаяся лишь несколько вытяну-

той формой лезвия²⁴. Более усовершенствованные формы подобных секир известны из Луристана²⁵, Элама, Египта, Сирии и Палестины²⁶.

Гораздо богаче представлены памятники позднебронзовой поры. Наиболее ранние находки позднебронзовых изделий происходят из раскопок Мурье в Редкин-лагере и Джархече, которые мною были выявлены в комплексах из указанных раскопок (хранятся в отд. Востока Гос. Эрмитажа). К числу их следует

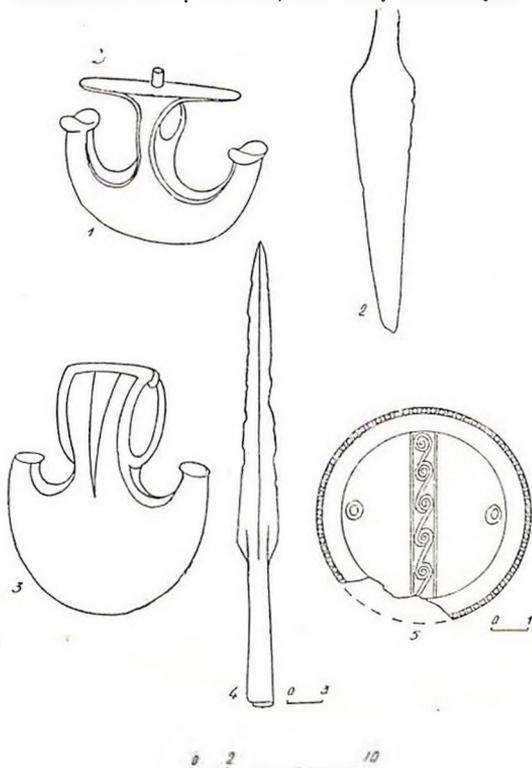

Рис. 84. Предметы из среднебронзового и позднебронзового погребений: рис. 1—секирка из Иджевана; рис. 2—кинжал из Чамбарака; рис. 3, 4—секирка и копье из Епокавана; рис. 5—бляха из Навура.

отнести цельноотлитый кинжал листовидной формы из Редкин-лагеря, округлые плечики которого снабжены тремя отверстиями для закрепления рукоятки (табл. 128, рис. 5). Вто-

²¹ C. L. Woolley, *Ur Excavations, Volume II Royal cemetery, New-York, 1934*, табл. 224; *F. Hancock Caucasus-Luristan, Eurasia Septentrionalis Antiqua IX, Helsinki 1934*, стр. 61—63, рис. 16—18.

²⁵ Там же.

²⁶ O. Montelius, *Die älteren Kulturperioden in Orient*, рис. 14—15.

¹⁹ D. B. Stronach, *The development and diffusion of metal in early bronze age Anatolia, Anatolian Studies*, vol. VII, 1957, стр. 100, табл. 2, рис. 21—23.

²⁰ А. А. Мартиросян, *Армения в эпоху бронзы...*, стр. 60; С. А. Есаян, *Оружие и военное дело...*, стр. 33.

²¹ Б. А. Куфтин, *указ. соч.*, стр. 17; В. И. Марковиц, *Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы*, МИА, стр. 89.

²² Cl. Schaeffer, *Stratigraphie Comparee et Chronologie de l'Asie Occidentale (III et II millénaires)*, табл. IX.

²³ А. А. Мартиросян, *Армения в эпоху бронзы...*, стр. 72; С. А. Есаян, *Оружие и военное дело*, стр. 38.

рой клинжал из той же коллекции, имея аналогичный клинок, отличается наличием небольшого язычка. Подобные клинжалы хорошо известны в комплексах поздней бронзы. Первый из них хорошо знаком по находкам из Ленинанкана, где он сопровождается мечом головинского типа, Элара, Бжини, Джуджевана, Лусадзора, Самтавро и т. д. Второй известен из Элара, Н. Баязета (совр. Камо), Чамбарак, Ангегакота, по ряду других случайных находок и, что особенно важно для датировки, из Артика и относится к XIII—XII вв. н. э.²⁷ Вместе с клинжалами здесь обнаружена группа керамических предметов в виде черных и серых широкогорлых кувшинов, украшенных каннелюрами, линейным и слочным орнаментом, и находящихся вон аналогичны в комплексах Кировакана, Арчадзора и других памятников Армянского нагорья²⁸.

К этому же времени относится несколько предметов, найденных в Джархече. К ним принадлежит цельноотлитый клинжал с тремя отверстиями на плечах, типа вышеописанного клинжала из Редкин-лагеря. По-видимому, к этой же группе относятся два подтока-копья или напершья носоха цилиндрической формы, одно из которых имеет вертикально поставленные отверстия и небольшой шишастый выступ в центре, а второе украшено рельефными поясами и ромбовидно выпуклым орнаментом.

Подобные напершья хорошо известны из Севана, Вардакара, Толорса, Лцена, Кировакана, Кедабека, Цалки и ряда других позднебронзовых памятников. Они бытуют и в начале I тыс. до н. э.²⁹

Последним предметом, условно причисляемым к той же поре, является бронзовый клинжал с трубчатой (с завернутыми краями) рукоятью и широким плоским треугольным клинком, украшенным тремя пазами. Подоб-

ные клинжалы имеют широкое распространение в XII—XI вв. и известны из Кировакана, Алаверди, Н. Баязета, Лусадзора и других памятников Армении.

Позднебронзовые изделия известны и из раскопок А. Бобринского в Мец-чале, находящемся неподалеку от Редкин-лагеря³⁰. К числу их относятся клинжал с двумя отверстиями на округлых плечиках (табл. 128, рис. 6), типа вышеописанных клинжалов из раскопок Мурье в Редкин-лагере и Джархече. К этой же хронологической группе относится замечательный меч ворнакского типа с обрубленным кошлом, широким и плоским клинком которого украшен четырьмя бороздками и «бегущей» спиралью (Гос. Эрмитаж).

Хронологически близко к указанным изделиям стоит бронзовое копьё с листовидным наконечником, снабженным округлым средним ребром, продолжением которого является закрытая трубчатая втулка с двумя рельефными валиками. Такие копия в Армении известны из Носмберяна, Норашена и Артика; в последнем, по устному сообщению Т. С. Хачатряна, найдено до десятка подобных копий. Подобные копия в большом количестве обнаружены в Кахетии и Самтавро, где они датируются XIII—XII вв. до н. э.³¹ В единичных экземплярах они известны на Северном Кавказе и Дагестане³².

Говоря о находках позднебронзовых предметов в районе Дилижана, нельзя не упомянуть о топоре колхидо-кобанского типа, найденном в Головино геологами Горбаченко и Степаняном и переданном ими в Музей истории Грузии. Топоры подобного типа известны из Паракара и Ленинанкана; они образуют вместе с головинским топором коллекцию привозных изделий позднебронзовой поры³³.

По своей значимости среди позднебронзовых памятников Дилижана особое место занимает Головинский могильник, в основном относящийся к железному веку, погребение в котором относится к рассматриваемому времени³⁴.

²⁷ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 113; С. А. Есаян, Оружие и военное дело..., стр. 61; С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, указ. соч., стр. 93; Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, стр. 49; Г. Д. Филимонов, Закавказские древности, Вестник древнерусского искусства, М., 1874—1876, стр. 100; Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, рис. 76; Т. Н. Чубинишвили, К истории раннего этана позднебронзовой культуры Шиди Картли (автореф. дисс.), Тбилиси, стр. 54.

²⁸ С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, указ. соч., стр. 94.

²⁹ Т. С. Хачатрян, Комплекс бронзовых предметов из села Вардакар, ИАН, № 3, 1961, стр. 66; А. О. Мнацаканян, Находки предметов бронзового века в селе Толорс, КСНИМК, вып. 54, 1954, стр. 100; А. Л. Иваноский, По Закавказью, МАК, 6, табл. III; Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, стр. 65; М. Менабде, Ц. Давлинчанидзе, Могильники Триалети, каталог 1, Тбилиси, 1968, стр. 30.

³⁰ С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, указ. соч., стр. 91 и пост.

³¹ К. Н. Ницхелаури, Древняя культура племен, населяющих территорию Иоро-Алазанского бассейна, Тбилиси, 1965, стр. 134.

³² В. Н. Марковин, Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни, КСИА, вып. 98, стр. 84; его же, Дагестан и горная Чечня в древности, М., 1969, стр. 99.

³³ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 124.

³⁴ А. О. Мнацаканян, О раскопках могильников у селения Головино, КСНИМК, вып. XVI, 1952, стр. 62; его же, Раскопки могильников в селении Головино, Тр.

Здесь найдены различные черные лощеные кувшины, миски и горшки, украшенные вдавленными линиями, шевронами, зигзагами и другим характерным для рассматриваемого времени орнаментом (всего 23 сосуда). В погребении найден также облаченный в панцирь воин, вооруженный мечом и обсидиановыми стрелами. Панцирь изготовлен из витой кожи и дерева, оббитого крупными и мелкими бляхами, в виде нагрудника, завязываемого ремнями на спине. Меч имеет длинный с закругленным острием клинок и плоскую рукоять с завернутыми бортами. Подобные мечи так называемого закавказского типа в Армении известны из Мец-чала, Лениакана, Артика, Ворпана и ряда других мест³⁵ (табл. 97).

В окрестностях Дилижана в 1960 г. при строительстве водонапорного бассейна найден позднебронзовый памятник, обследованный Л. Л. Карапетяном и А. И. Шагиняном³⁶.

В одном из погребений этого могильника, в основном относящегося к железной поро (см. ниже), обнаружен бронзовый цельноотлитый кинжал с плоским обрубленным клинком. Рукоять имеет свернутые борта с сохранившимися деревянными вставками и ажурным навершием. Здесь же обнаружены 4 бронзовые бляхи и 92 мелкие пуговицы с сохранившимися следами матерчатой основы, несколько черных, лощеных мисок и кувшинов. Этот интересный комплекс авторы относят к VIII—VII вв. до н. э., но я считаю более правильной датировку А. А. Мартиросяна, относящего его ко времени шестого погребения Головино—к концу II тыс. до н. э.³⁷

В Дилижане при строительных работах случайно найдены различные маслобойки, кувшины, горшки, кинжалы, копыя, браслеты и т. д., поступившие в местный музей, без со-

проводящего инвентаря, из разных строительных точек города³⁸.

Следующая группа позднебронзовых изделий обнаружена из памятников Иджеванского района. К числу их относятся находки в селе Хаштарак³⁹. Комплекс этот состоит из хорошо сохранившегося меча с обрубленным клинком, украшенным средним ребром со стрельчатыми шевронами, двойным рядом спиралей и двумя фигурами коз. Цельноотлитая полукруглая рукоять завершается полусферичной головкой, украшенной звездным узором (табл. 85, рис. 11). В числе других находок этого комплекса, имеются две крупные бронзовые секиры, украшенные массивным шином и клиновидным выступом, проходящим по всей длине их обухной части (табл. 85, рис. 5—6). Вместе с ними найдены четыре серпа изогнутой формы с внутренней заточкой, вырезанные из бронзового листа толщиной в 3 мм (табл. 85, рис. 7—10). На их расширенных концах имеется по два отверстия для закрепления рукояти. Рассматриваемый меч обнаруживает сходство с вышеописанным мечом из раскопок А. А. Бобринского в Мец-чале. Наличие указанного меча, а также секир, находящихся своих аналогий в комплексах из Коти, Ахталы, Алаверди и Такни, позволяет уточнить время указанного комплекса и датировать его концом II тыс. до н. э.

В Епокаване также найдены позднебронзовые предметы. В числе их необходимо указать на небольшую секиру с гладким обухом и клиновидным выступом на лицевой части. По своей форме она аналогична секирам из Коти, Хаштарак, Ахталы и др. К тому же времени относится бронзовое копые с узким перьевидным наконечником и длинной втулкой, найденное вместе с секирой. Подобные копыя известны из Лчанена и Такни, что позволяет датировать указанные изделия XII—XI вв. до н. э. (табл. 84, рис. 3, 4).

Неподалеку от Иджевана, на левом берегу р. Агетев, в разрушенном погребении найдена другая группа позднебронзовых изделий. При осмотре местности было установлено, что из одного каменного ящика, вскрытого на глубине 1,5 м от поверхности, были найдены два черных лощеных одноручных кувшина и один безручный, украшенные вдавленными горизонтальными и косыми, слабо прочерченными линиями. Вместе с ними были найдены черная лощеная миска, украшенная снаружи прямыми и косыми вдавленными линиями, а из-

Гос. ист. музея Армении, т. V, стр. 5—59; А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 117; С. А. Есаян, О. Г. Оганесян, указ. соч., стр. 102.

³⁵ А. А. Иванюкский, По Закавказью, стр. 103 и 132; Я. М. Гуммель, Погребальный курган № 1; С. М. Казиев, Археологические раскопки в Мингечауре, МКА, т. 2, Баку, 1951, стр. 10; Г. М. Аслапов, Р. М. Вайдов, Г. И. Ионе, Древний Мингечаур, Баку, 1959, стр. 78; А. И. Круглов, Северо-восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э., МИА, 68, стр. 76; Г. Нассек и Б. Латынин, Очерк по истории Сов. Азерб., Изв. Об-ва исследования и изучения Азерб., № 3, Баку, 1926, стр. 125; К. Х. Кушнарера, Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе, СА, XXVII, стр. 160.

³⁶ Л. Л. Карапетян, А. И. Шагиняч, Археологические раскопки в Дилижане, Изв. АН Арм. ССР, № 12, 1964, стр. 69.

³⁷ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 122.

³⁸ С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, указ. соч., стр. III, табл. XVIII—XXI.

³⁹ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 129; С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, указ. соч., стр. 110.

нутри—лощеными волнистыми полосами, и небольшая кружка с аналогичным орнаментом (табл. 89). Датировка этого комплекса уточняется находкой аналогичной керамики из Леннаканского поселения, Гегарота, Го-

местности выявилось, что керамика, перебитая при извлечении камней, была выброшена, а металлические изделия сохранились (табл. 90). Они состоят из небольшой секиры с округлым лезвием и невысокими заостренными

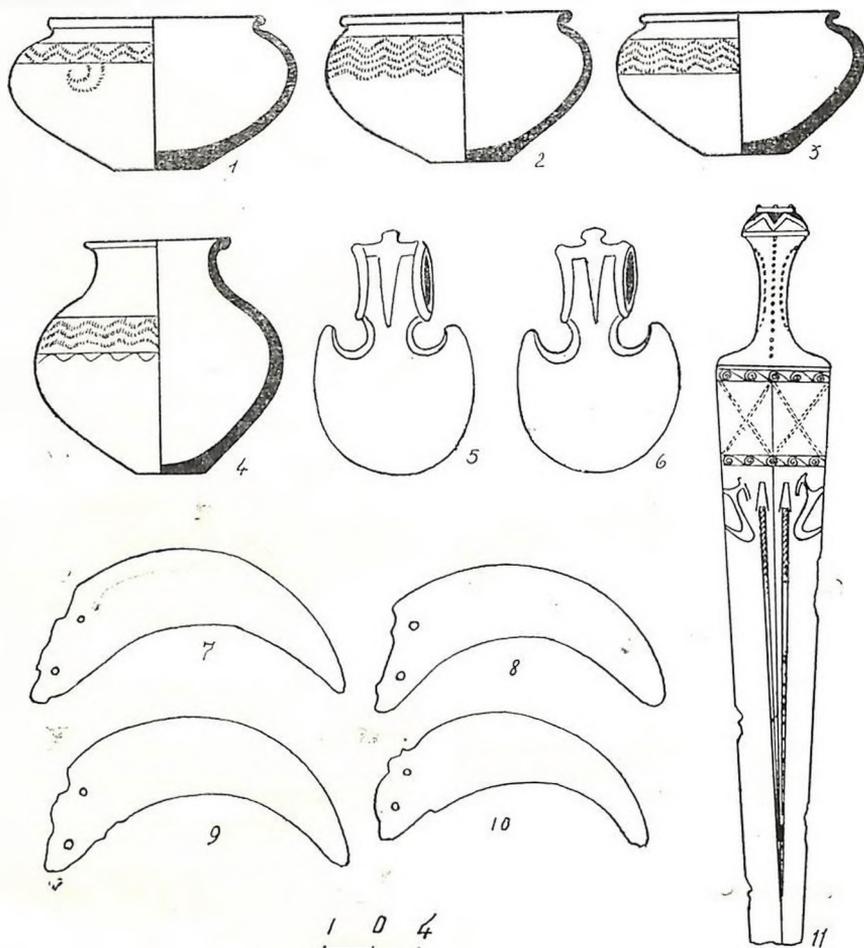

Табл. 85. Среднебронзовая керамика из Дилижана и предметы из разрушенного погребения в Хаштараке.

ловино и ряда других пунктов позднебронзовой поры⁴⁰. Другой интересный комплекс позднебронзовых изделий был обнаружен в селе Лусадзор Иджеванского района. Здесь в 1967 г. в местности Багн-так жители села Э. Сардаряном с целью извлечения камня был разрушен каменный ящик. При осмотре

плечиками. Обувная часть гладкая, окомтуренная рельефными выступами. Вместе с секирой найден цельноотлитый клинжал с плоским клинком и трубчатой рукоятью, завершающейся ажурным набалдашником. Особый интерес представляет крупный выпуклый панцирный диск, украшенный треугольными шевронами с точечным заполнением, хорошо известный по находкам в Ханларе, Айгедзоре и Кирги. Здесь же найдены бронзовый серп

⁴⁰ А. А. Мартirosян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 127.

хаштаракского типа и два проволочных браслета. Эта могила, судя по инвентарю, датируется концом II тыс. до н. э.

Небольшое количество предметов поздне-бронзовой поры найдено в Красносельском районе. Здесь из села Чамбарак пролезают кинжалы, копыя, браслеты и т. д.⁴¹ Один из кинжалов, листовидный, с округлыми плечиками, на которых имеются три отверстия, хорошо знаком по находкам в Редкин-лагере, Мец-чале, Джархече и других вышеуказанных памятниках. Другой кинжал, имея такую же форму, снабжен небольшим плоским язычком (табл. 84, рис. 2) и также сближается с кинжалами из Редкин-лагеря, Мегри, Камо, Айгестана и др.

Сравнительно больше находок указанного времени происходит из Ноемберянского района. Здесь в селе Джуджеван найдена крупная секира с шишастым выступом на обухе и клиновидным выступом на лицевой стороне. Подобные секиры известны по находкам из Лчашена, Артика, Ахталы, Алаверди и других мест и датируются XIII—XI вв. до н. э. Отсюда же происходит кинжал листовидной формы с двумя отверстиями на круглых плечиках, переданный мне в 1968 г. По своей форме он сближается с вышеуказанными кинжалами из Чамбарака, Редкин-лагеря, Джархеча и др., отличаюсь от них наличием четко проведенного среднего ребра. Из Ноемберяна происходит и другой кинжал, имеющий плоский клинок, украшенный тремя назами. Цельноотлитая трубчатая рукоять завершается ажурным набалдашником. По своей форме он сближается с вышеуказанным лусадзорским кинжалом.

Из числа случайных находок необходимо указать несколько предметов, собранных учителем айрумской школы С. Мартirosяном, организовавшим небольшой музей. В числе этих предметов имеются бронзовый кинжал (табл. 128, рис. 1) с округлыми плечиками, снабженными тремя отверстиями, уже известный по находкам из Джуджевана, Редкин-лагеря, Джархеча и других памятников, плоский топорик, крупное нерывидное копые, серповидный нож (табл. 128, рис. 13) с наружной заточкой типа найденного в Кирги, Лусадзоре и Ноемберяне, каменная булава и т. д., датируемые XII—XI вв. до н. э. Позднебронзовые предметы происходят также из Арсакарского могильника, расположенного недалеко от Бердатежской крепости, Диалджана и Ноемберяна⁴² (табл. 86 и 87).

Здесь обнаружены различные виды вооружения: крупная секира, листовидные кинжалы с отверстиями на округлых плечиках, нерывидные наконечники копий, серповидные ножи с обратной заточкой. Интересен также цельноотлитый кинжал с трубчатой рукоятью, хорошо известный по находкам в Лусадзоре,

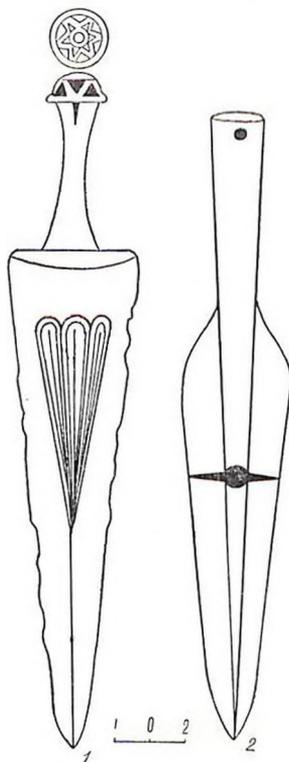

Табл. 86. Предметы из Ноемберяна.

Айриванке, Джуджеване, Артике, Кировакене и др.⁴³ Кинжалы подобной формы в большом количестве известны из Кахетии⁴⁴,

материалы которой не опубликованы. Здесь же в 1962—1963 гг. производил раскопки С. Чилингариан, опубликовавший часть материалов. См. «Циклопические крепости Ноемберянского района», ИФЖ, № 1, 1968, стр. 231 (на арм. яз.); Могильник Арсакарежских земель, ВОИ, № 10, 1969, стр. 69 (на арм. яз.).

⁴³ С. А. Есаян, Оружие и военное дело..., стр. 40.
⁴⁴ К. П. Пицхеллаури, Кинжалы кахетинского типа, Материалы по археологии Грузии и Кавказа, т. II, стр. 37.

⁴¹ С. А. Есаян, Оружие и военное дело..., стр. 60.
⁴² Могильник обследован в 1962 г. экспедицией Ин-та археологии и этнографии АН Арм. ССР в составе Л. Барсегиан, Ж. Хачатрян и А. Калантаряна,

Корниш⁴⁵, Самтавро⁴⁶, Кедабека⁴⁷ и др. Подобные книжалы в сопровождении секир и копья с закрытой вулкой проносятся также из Тбилиси⁴⁸. Вместе с книжалом из погребения 22 обнаружен листовидный наконечник копья с закрытой трубчатой вулкой типа найденных в Артике, Редкин-лагере и Норашене. Вместе с металлическими изделиями найдены различные одноручные кувшины, миски и т. д., которые, как и металлические

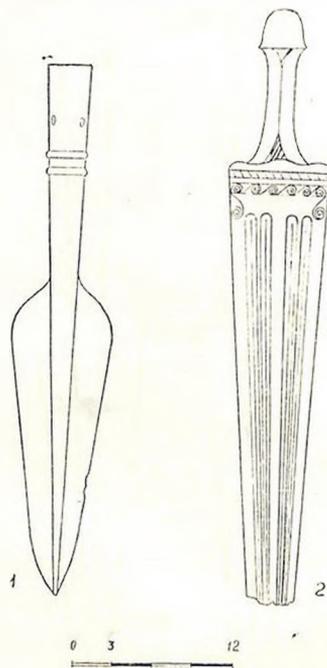

Табл. 87. Предметы из Джиригата.

находки, ничем не отличаются от вышеуказанных находок из памятников Северо-Восточной Армении и датируются XII—XI вв. до н. э. Интересные материалы позднебронзового периода

⁴⁵ Б. А. Куфтин, Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетии и Имеретии, Тбилиси, 1949, стр. 27.

⁴⁶ Р. М. Абрамишвили, К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике, табл. I.

⁴⁷ А. Л. Иванюкский, По Закавказью, МКА, 6, табл. III.

⁴⁸ Д. Коридзе, Позднебронзовые археологические памятники из Тбилиси, ВМГ, XVIII-В, стр. 88; О. В. Ткешелашвили, Погребение эпохи бронзы в Навтлуги, ВМГ, XXIV-В, стр. 53.

проходят из Шамшиадикского района. Здесь, кроме случайных находок в селах Айгедзор, Навур, и Кирги был раскопан ряд погребений указанного времени.

Могильник Хурджин-хогер находится в 4 км юго-западнее села Кирги и в 1 км южнее крепости Масмаляр.

Местность Хурджин-хогер представляет собой небольшой мут среди распаханных земель, заросший отдельными деревьями и кустами. Могильник, состоящий из 20 крупных курганов и погребений, значительная часть которого, по-видимому, была уничтожена при раскопке, но всей вероятности, принадлежал владельцам крепости Масмаляр.

Здесь в 1963—1965 гг. было раскопано 15 погребений и курганов, которые отличаются лишь размерами и погребальным инвентарем. Погребения выложены в виде каменных ящичков из огромных плохо обработанных известковых плит, вес которых доходит до 8—10 т, по направлению с севера на юг, с отклонением к востоку или западу до 30°.

Размеры каменных ящичков, к которым условно причисляются погребения, имеющие в длину до 3 м, колеблются от 1,6×1,2×0,8 м до 2,8×1,2×1,6 м. Размеры курганов колеблются от 3,2×1,6×1,2 м до 5,2×2,5×1,8 м. Как видно из приведенных размеров, ширина даже самых больших курганов, имеющих длину в 5,2 м, не превышает 2,5 м, что объясняется тем, что все они перекрывались 2—3 крупными поперечно перекинутыми плитами.

Часть погребений разграблена в древности, со многих сняты камни перекрытия. Однако по всем погребениям сохранились хотя бы черепки битых сосудов, свидетельствующие о том, что все эти погребения относятся к эпохе поздней бронзы. Обнаруженный инвентарь состоит из большого числа керамики, бронзового вооружения и украшений. Основную массу найденных предметов образуют керамические изделия, делящиеся по своим формам на ряд групп (табл. 91, 92).

Небольшую группу сосудов образуют крупные черные и серые широкогорлые кувшины с высоким расширяющимся туловом, короткой шейкой и округлым венчиком. Эти сосуды, как правило, украшены линейным орнаментом, проходящим под шейкой и вдоль центра тулова (табл. 91, рис. 1—3). Реже встречается сочетание прямых и волнистых линий. На крупном кувшине из кургана I в верхней части тулова проходят две рельефные линии, внутреннее пространство между которыми заполнено вертикальными волнистыми линиями. Сосуд из кургана 6 имеет плоский венчик, украшенный горизонтальными и вертикальными линиями, а верхняя часть тулова украшена каннелюрами (табл. 91, рис. 11). Имсет-

ся также фрагмент грубого кувшина, украшенного многорядными линиями и семечковидным орнаментом.

Эта группа керамики, украшенной горизонтальными и волнистыми линиями, находит свои соответствия в позднебронзовой керамике Артика⁴⁹, Редкин-лагеря, Дилижана и других памятников Армении эпохи поздней бронзы. В то же время сосуды, украшенные капелюрами и семечковидным орнаментом, по своей орнаментации приближаются к сосудам из Евклу, Норатуса, Кировакана, Арчадзора, Давид-бека и других памятников указанного времени⁵⁰.

Другую группу керамики образуют небольшие одноручные кувшины, представленные, в основном, фрагментами. Лишь два из них, происходящие из кургана 15, сохранились полностью; они имеют небольшое округлое тулово и невысокую шейку с крупным округлым венчиком (табл. 92, рис. 6). Небольшая дугообразная ручка отходит от венчика к основанию шейки. Ручка одного из сосудов (погребение 5) с обеих сторон украшена палевными кружочками. Подобные ручки хорошо известны из раскопок Е. Лалаяна в Севанском бассейне, из старых коллекций Эчмиадзинского музея и других мест (табл. 91, рис. 5).

К этой же группе сосудов с ручками можно причислить несколько двуручных кувшинов, имеющих вздутое тулово с низкой шейкой и округлым венчиком или бомбовидную форму со срезанным или плоским, украшенным волнистыми линиями венчиком. Указанные формы несколько приближаются к аналогичным двуручным сосудам из Артика⁵¹ и Лцена⁵². Подобные сосуды, как известно, сравнительно мало встречаются в погребальных комплексах позднебронзовой поры и наиболее полно встречаются в I тыс. до н. э.

Сравнительно чаще встречаются горшки грубой формы, бурого цвета, иногда покрытые сажей (табл. 91, рис. 9). Почти все они имеют вздутое тулово, низкую шейку и округлый венчик. Часть венчиков украшена треугольными выемками. Основная часть сосудов лишена каких-либо украшений, в то же время некоторые горшки украшены линейным орнаментом, короткими горизонтальными штрихами, косыми овальными выемками и многорядными линиями, треугольными шевронами, заполненными сетчаткой.

⁴⁹ Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, табл. 10—11, 25.

⁵⁰ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 112 и посл.

⁵¹ Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, табл. 23, рис. 2.

⁵² А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., рис. 61.

Основную массу находок керамических изделий образуют различные миски, делящиеся на ряд групп (табл. 91, рис. 7, 8; табл. 92, рис. 5—9). К первой группе относятся глубокие черные, красные и серые миски с широким плоским дном и расширяющимся глубоким туловом с четко отогнутым округлым венчиком. В основном эти сосуды лощеные, лишь изредка встречаются бурые сосуды с плохим

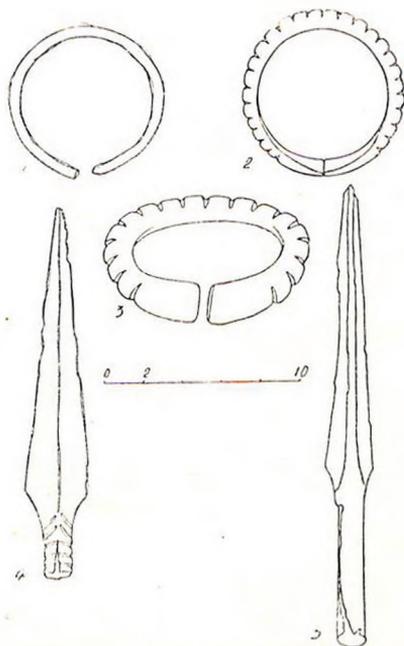

Табл. 88. Предметы из В. Чамбарака.

обжигом. Лощеные сосуды украшены многорядными линиями, рельефными поясками, бороздками и реже косыми линиями. Эта группа мисок находит аналогию в позднебронзовых памятниках Дилижана, Головино и частично Артика.

Вторую группу мисок образуют сосуды тех же цветов и орнаментации, которые отличаются более плоским или округлым туловом. Последнюю группу образуют миски с небольшими горизонтальными ручками, снабженными 1—2 отверстиями. Все они, как правило, украшены рельефными поясками и горизонтальными линиями. Миски с подобными ручками сравнительно редко встречаются в позднебронзовых памятниках Армении (например, в Лценском комплексе)⁵³, но широко бытуют в памятниках I тыс. до н. э.

⁵³ Там же.

В орнаментальных мотивах как мисок, так и всей керамики из могильника Хурджинохер, как уже отмечалось, преобладает линейный орнамент, но очень мало встречается лощение, что позволяет датировать могильник концом позднебронзовой поры. Очевидно, об этом же говорит массовое применение мисок с ручками, встречаемых во всех погребальных комплексах.

Необходимо указать и на фрагмент чер-

Наиболее интересным является крупный меч из кургана 6 с длинным плоским клинком и рукоятью с завернутыми бортами так называемого закавказского типа (табл. 93, рис. 27). Подобные мечи, кроме хорошо известных аналогичных мечей из Редкин-лагеря, Головино, Кировакана, Артика, Калакента и других мест⁵⁵, недавно обнаружены также в Айгедзоре и близ Кировабада, причем оба в сопро-

вождении роскошных панцирных блях, укра-

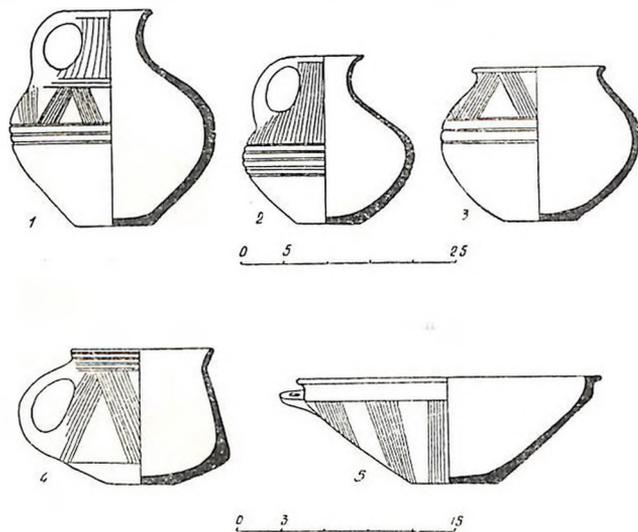

Табл. 89. Предметы из Иджевана.

ной лощеной курительницы в виде кубка с поллой рукоятью (табл. 92, рис. 10). По своей форме она напоминает урартские, хорошо известные по находкам в Кармир-блуре и Аршиберде⁵⁴, отличающиеся от них более крупными размерами. Говоря о культовых сосудах, необходимо упомянуть кубковидный кувшин с четырьмя ручками в виде бараньих фигур, головки которых выступают над венчиком сосуда (табл. 91, рис. 4). Этот кувшин входит в группу культовых сосудов, хорошо известных из Астхи-блур, Арса-кара, Арзни, Дилижана и других памятников Армении, материалы которых подробно рассматриваются в последней главе.

Не противоречит указанной датировке могильника и остальной инвентарь, состоящий из предметов вооружения, орудий труда и различных украшений.

В этом же кургане найдены шесть хорошо ретушированных мишдалевидных обсидиановых наконечников стрел с округлым или прямоугольным вырезом (табл. 93, рис. 5, 6, 10, 13, 24, 25). Подобные стрелы найдены также в курганах 2, 5 и 13. широко бытуют в памятниках Армении и Закавказья XIII—V вв. до н. э. и известны из Лчашена, Камо, Макарашена, Редкин-лагеря, Кармир-блур, Арчадзора, Самтавро, Триалети и многих других памятников указанного времени⁵⁶.

Кроме обсидиановых стрел найдены также две бронзовые (погребения 1 и 2), имеющие плоские наконечники с округлым средним ребром и длинным четырехгранным черенком (табл. 93, рис. 2, 1). Подобные стрелы, как и обсидиановые, встречаются в памятниках Закавказья XIII—V вв. до н. э. и известны из Камо, Мухана, Степанавана, Норатуса,

⁵⁴ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, рис. 50; С. А. Есаян, Каталог археологических предметов Музея истории Еревана, вып. II, табл. XIX, рис. 7.

⁵⁵ С. А. Есаян, Оружие и военное дело..., стр. 87.

⁵⁶ Там же, стр. 45.

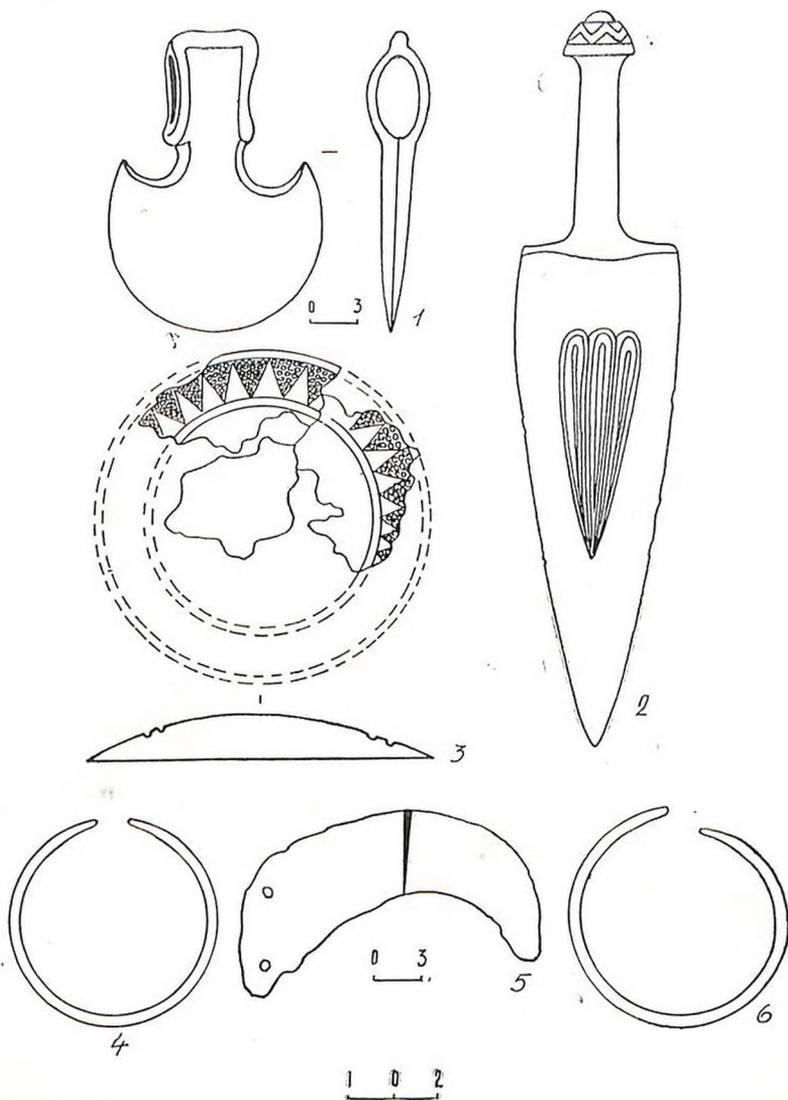

Табл. 90. Предметы из Лусадзора.

Самтавро, Мингечаура и других памятников упомянутой эпохи⁵⁷.

Говоря о предметах вооружения, необходимо указать и остатки панциря из погребения 13, где найдено 4 крупных бляшки и 12 пуговиц (табл. 94), образующих матерчатый панцирь, наподобие ранее найденных в Артике,

Дилижане и т. д.⁵⁸ Вместе с ними был обнаружен небольшой бронзовый подток коня.

Говоря о бляхах, следует отметить находки двух конических небольших блях (погр. 7), украшенных concentрическими кругами. С

⁵⁸ Т. С. Хачагрян, Материальная культура древнего Артика, стр. 60; Л. Л. Карапетян, А. П. Шагинян, Археологические находки в Дилижане, Изв. АН Арм. ССР, № 12, 1964, стр. 69.

⁵⁷ Там же, стр. 48.

внутренней стороны они заполнены цементовидной массой (табл. 93, рис. 23), как аналогичные бляхи из Лчашена, Артика и Редкин-лагеря. Кроме указанных изделий в курганах 2 и 13 найдены крупные бронзовые иглы

Почти во всех погребениях обнаружено большое количество украшений в виде небольших низок сердоликовых рубленных бус. Нередка вместе с ними встречаются бронзовые трубчатые и шестигранные сердоликовые бу-

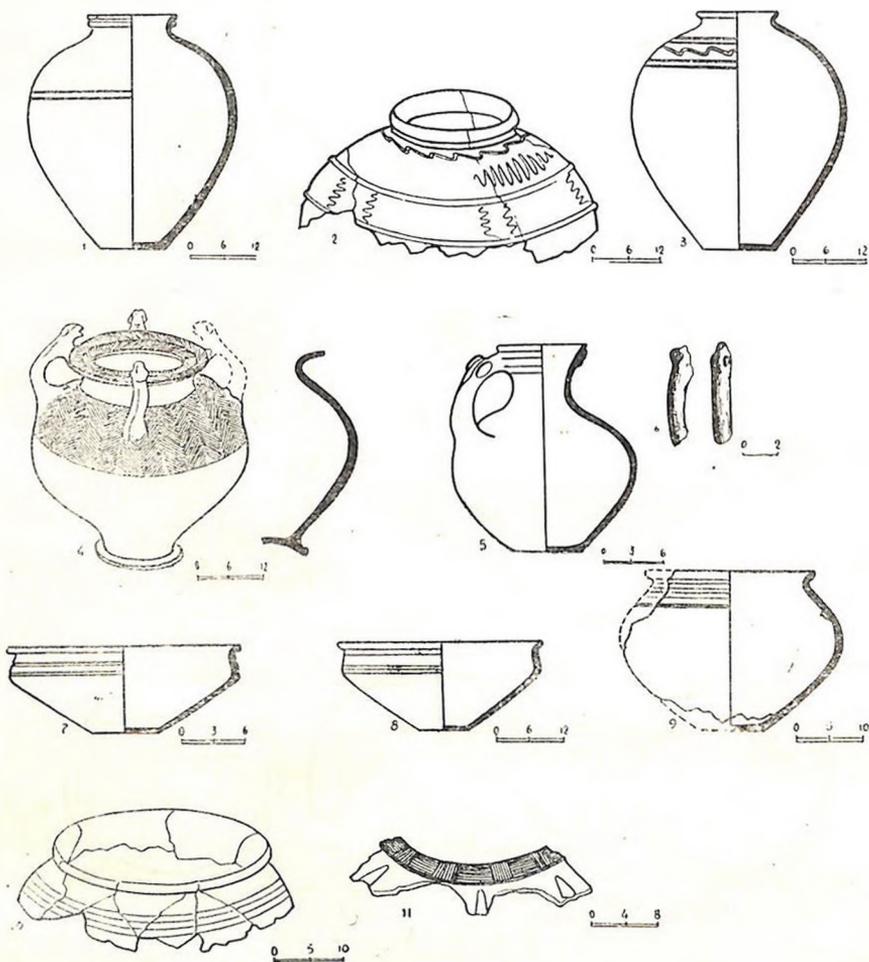

Табл. 91. Предметы из негильника Хурджи-хогер: рис. 1, 2, 8 — погребение 1; рис. 9 — погребение 2; рис. 7 — погребение 3; рис. 6 — погребение 5; рис. 5 — из бывш. Эчмиадзинского музея; рис. 10, 11 — погребение 6; рис. 3, 4 — погребение 10.

(табл. 93, рис. 4; табл. 94, рис. 5), хорошо известные по находкам в Редкин-лагере, Головино, Лусадзоре и других памятниках указанного времени. Интересно отметить, что в детском погребении 7 кроме петлевого костяка обнаружен фрагмент крупной ладьевидной зернотерки.

В погребениях 2, 3, 6 и 13 найдены небольшие проволочные браслеты. Наиболее интересна крушная булава из кургана 1, имеющая форму заостренного стержня, утолщенная головка которой украшена парными выступами и сквозным отверстием (табл. 93, рис. 11). Из кургана 4 найдены крест с округлыми высту-

пами на концах, вырезанный из плоского бронзового листа. Подобный крест известен из разрушенного погребения в Куйбышеве⁵⁹.

По-видимому, материалы из могильника Хурджин-хогер относятся к владельцам крепости Масмаляр. Большие склены племенных вождей отличаются от погребений общинников своими размерами и вышностью сопровождающего материала. Но здесь не имеется такой резкой дифференциации, как в Лчашене, где чрезмерно богатые погребения племенных вождей соседствуют с небольшими погребениями общинников с незначительным сопровождающим материалом.

Могильник Гмикут находится на северо-западной окраине села Кирги вдоль дороги, ведущей в Берд. Часть погребений была уничтожена при расширении дороги, и в срезе склона четко видны их следы. Здесь в 1963—1965 гг. было раскопано 12 погребений. Все они направлены с севера на юг с небольшим отклонением к востоку или западу. Погребения представляют собой каменные ящики, выложенные из крупных известковых плит, перекрытых 2—3 такими же плитами. Размеры погребений колеблются от 1,6×0,7×0,7 м до 2,6×1,4×1,0 м. Костяки сохранились плохо и судя по истлевшим костям из погребений 1, 3, 4 и 9, лежали головой по направлению к северу, лицом на запад, в скорченном положении.

Основную массу находок в погребениях образуют керамические изделия, делящиеся на ряд групп (табл. 95, 96). Здесь, как и в комплексах могильника Хурджин-хогер, имеются крупные черные и серые лощеные широкогорлые кувшины, украшенные горизонтальными и волнистыми линиями, сетчаткой и лощеными широкими поясами (табл. 95, рис. 1—5). Эта керамика, как уже указывалось выше, имеет аналогию в комплексах могильника Хурджин-хогер, Артика, Дилижана и других памятников.

К этой же группе можно отнести и более мелкие черные и серые кувшины. Все они лощеные, с шейками, украшенными широкими лощеными полосами, и туловом, украшенным многорядными горизонтальными или волнистыми линиями и клиновидным орнаментом, что хорошо перекликается с черной лощеной керамикой I и II групп Артика, Лчашена, Кармир-берда и других памятников Армении позднебронзового периода.

Другую группу керамических изделий

образуют небольшие черные лощеные широкогорлые кувшины со вздутым туловом, низкой шейкой и округло выступающим венчиком. У некоторых из них на тулове имеется орнамент в виде многорядных прямых и волнистых линий, что уже встречалось на более крупных сосудах подобной формы, а у других—арочный орнамент. Шейки некоторых сосудов украшены лощеными линиями.

Интересен сосуд с шаровидным туловом с небольшим косо срезанным венчиком, на одном плечике которого имеется небольшая трапецевидная ручка. Верхняя часть его украшена прямыми и ломаными линиями, округленными снизу треугольными выемками (табл. 95, рис. 6). Сосуды с трапецевидными ручками широко распространены в памятниках I тыс. до н. э., но в небольшом количестве известны и в рассматриваемое время (Лчашен, Лори-берд и т. д.)⁶⁰.

К этой же группе можно причислить горшки, не отличающиеся по своей форме от безручных кувшинов, но более грубые и несколько отличающиеся орнаментацией (табл. 95, рис. 10—12). Часть их покрыта сажей и украшена линейным орнаментом, овальными выемками, треугольниками, заштрихованными косыми линиями, рельефными поясами с прищеплением. На одном сосуде из погребения 2 имеется двойная арочная линия с вписанным крестом, встречающаяся на керамике из Мецамора. Венчики некоторых горшков украшены овальными выемками.

Последнюю группу керамических изделий образуют миски, схожие с первыми двумя видами мисок из могильника Хурджин-хогер—глубокие плоские или округлые, черные и серые, лощеные (табл. 96). Не отличаются они и по орнаментике. Все они в нижней части украшены прямыми и волнистыми линиями, бороздками и лощеными полосами. Лишь на трех мисках (погребения 2, 4, 5) встречается клиновидный орнамент, который, как говорилось выше, встречается на сосудах из Лчашена, Артика и Лори-берда.

В погребениях, как указано выше, почти не найдено металлических изделий. Лишь в погребении 1 обнаружено два височных кольца и в погребении 9—один браслет и несколько бронзовых бус, часто встречаемых в погребальных комплексах позднебронзового времени, к которому относится и рассматриваемый могильник (табл. 136, рис. 4, 6, 7, 17).

ПОГРЕБЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Погребения железного века Северо-Восточной Армении хорошо изучены лишь в районе города Дилижана, по раскопкам Редкин-

лагеря, Джархеча, Хртаноца и ряда других небольших раскопок и случайных находок. Указанные материалы прочно вошли в науч-

⁵⁹ С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, указ. соч., табл. XXXIV.

⁶⁰ С. Деведжян, Второе погребение Лори-берда, ИФЖ, № 2, 1972, табл. 1, рис. 4, 5.

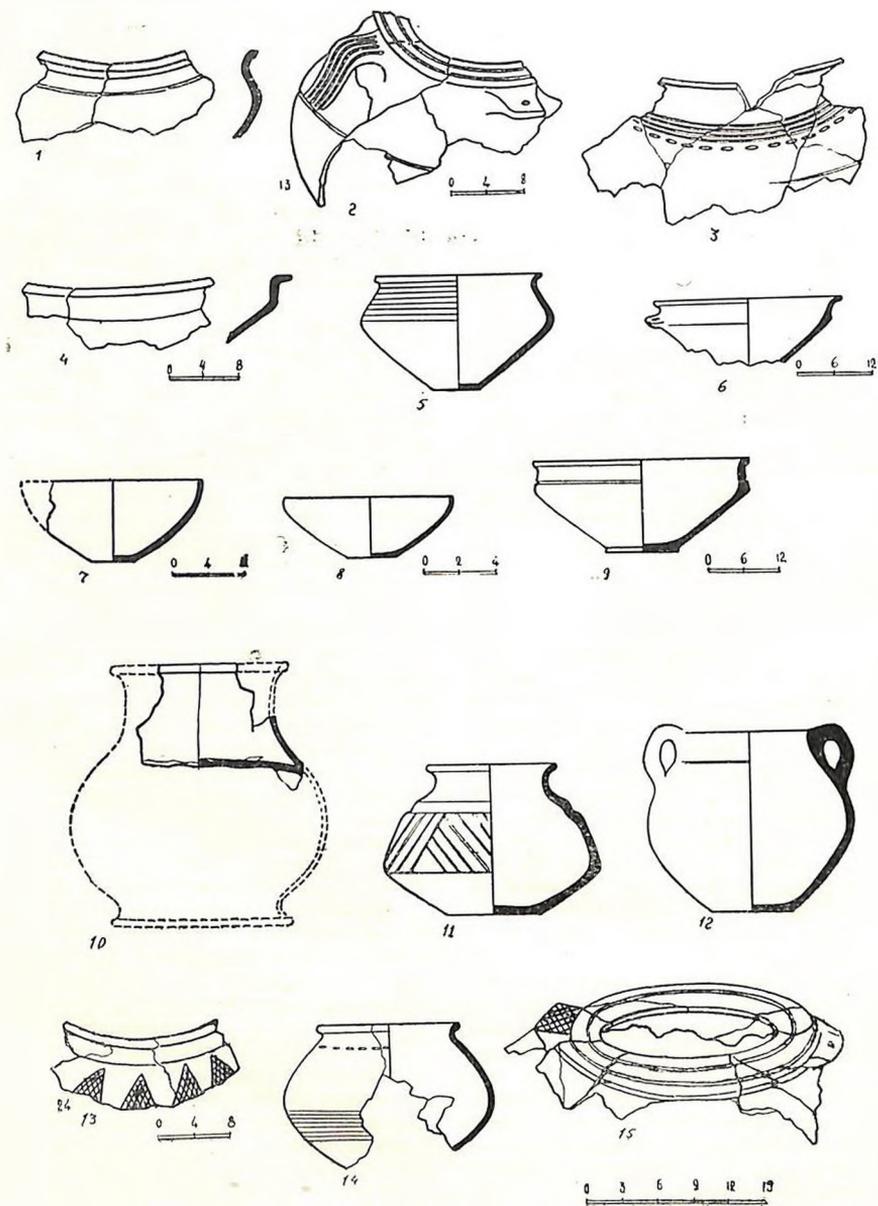

Табл. 92. Предметы из могильника Хурджин-хогер: рис. 1, 2—погребение 1; рис. 3—6, 14—погребение 2; рис. 7, 8—погребение 4; рис. 9—11, 15—погребение 8; рис. 12—погребение 8; рис. 13—погребение 3.

ный оборот и служат датирующим элементом для определения времени синхронных памятников Армении и Закавказья. В настоящей главе рассматриваются как старые материалы

из Дилижана, так и материалы из раскопок, произведенных мной в разных районах Северо-Восточной Армении.

Редкин-лагерь. В предыдущей главе рас-

смагивались бронзовые изделия этого замечательного памятника. Здесь производили раскопки Ф. Байерна, Фильмонов, П. С. Уварова, Цилосиани и в 1942 г. Б. Б. Пиотровский. Изучением материалов Редкин-лагеря, кроме археологов, исследовавших этот могильник, занимались Т. С. Пассек и Б. Л. Латышин, Б. Б. Пиотровский, А. А. Мартиросян, С. А. Есяян и др.⁶¹

Раскопки Ф. Байерна. В материалах из раскопок Ф. Байерна, хранящихся в исторических музеях Грузии и Азербайджана, имеется большая коллекция керамических изделий в виде различных одноручных кувшинов, украшенных горизонтальными линиями и канелюрами, треугольными шевронами с точечным заполнением, сетчаткой, лощеными линиями и т. д. Часть ручек снабжена шипастыми выступами. Подобные сосуды в Армении хорошо известны из Кировакана, Астхи-блур, Давид-бека, Кармир-берда, Евклу и других памятников, датируемых рубежом II—I тыс. до н. э.⁶² (табл. 98—107).

Небольшой группой представлены двуручные кувшины со вздутым туловом и ручками, поставленными в центре тулова. Один из этих кувшинов расписной, украшен вертикальными темными линиями по красному фону (табл. 98, рис. 1)⁶³. Ранние формы двуручных кувшинов известны еще с позднебронзовой поры из Артика⁶⁴ и Леннакана⁶⁵, однако в массовом количестве они появляются в памятниках начала I тыс. до н. э. и известны во многих памятниках Армении и Закавказья, датируемых указанным временем⁶⁶.

⁶¹ Т. Пассек и Б. Латышин, Очерк по истории Сов. Азербайджана, Изв. О-ва Исследования и изучения Азербайджана, № 3, Баку, 1926, стр. 125; Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 64; А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 196; С. А. Есяян, Г. А. Оганесян, указ. соч., стр. 79.

⁶² А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 143; Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, табл. 24; С. А. Есяян, Астхиблурский могильник, ВОН, № 6, 1968, табл. 1.

⁶³ С. А. Есяян, Новые данные о расписной керамике Армении начала I тыс. до н. э., ИФЖ, № 1, 1969, стр. 284.

⁶⁴ Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, рис. 24, 1, 4.

⁶⁵ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., рис. 51.

⁶⁶ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., табл. XXI; его же, Город Тейшебани, рис. 49; С. А. Есяян, Погребение № 14 Астхиблурского могильника, ИФЖ, № 1, 1967, табл. 1, рис. 1; Д. А. Хамлоа, Могильник у села Казахбейли, Изв. АН Аз. ССР, № 2, 1952, табл. 1; И. В. Мишкевич-Мустафиева, О датировке и хронологических этапах некоторых памятников

В керамических комплексах Редкин-лагеря имеется коллекция широкогорлых кувшинов, снабженных 1—3 трапецевидными ручками и украшенных прямыми и волнистыми линиями, вертикальными лощеными полосами и сетчаткой (табл. 102, рис. 2). Подобные сосуды хорошо известны из памятников начала I тыс. до н. э., из Севанского бассейна, Макарашена, Астхи-блур, Кирги, Ходжалы, Минге-чаура и многих других памятников Армении и Закавказья указанного времени. Вместе с ними в большом количестве обнаружены различные безручные кувшины, горшки, маслянки, кубки, миски и т. д.; часть из них грубая, кухонного назначения, а другие имеют черную лощеную поверхность и орнаментацию, схожую с вышеописанной, и также находят многочисленные аналоги в материалах раннежелезной поры (табл. 102). Не противоречат этой датировке и металлические изделия. К числу их относятся четыре кинжала (табл. 104, рис. 3): два Севанского типа, один бронзовый с ажурным набалдашником, а другой такой же формы, железный. Как известно, подобные бронзовые кинжалы появляются в конце II тыс. до н. э. и в начале I тыс. до н. э. заменяются железными, бытующими до VII в. до н. э. Два других представляют собой кинжалы с трубчатой рукоятью, причем один из них имеет цельноотлитую рукоять с ажурным набалдашником, а второй, имея такое же строение, отличается формой рукояти—не трубчатой, а со свернутыми бортами. Эти кинжалы, имеющие эфесы мечей ворнакского типа, характерны для позднебронзовой поры и бытуют до начала I тыс. до н. э.⁶⁷

Судя по описи Ф. Байерна, из погребений 3, 16, 17 и 19 найдено четыре бронзовых и железных наконечника копий, известных лишь по рисунку одного из них, приведенному Шантром⁶⁸. Это узкий перьевидный наконечник, с четко проходящим средним ребром и широкой растреснутой втулкой. Подобные копия появляются в позднебронзовую пору (Лчашен, Талин и др.) в начале I тыс. до н. э., получают широкое распространение и известны из Диллажа, Кировакана, Леннакана, Камо и других мест⁶⁹.

К предметам вооружения относятся также восемь наконечников стрел, известных по описи и рисункам Ф. Байерна. Все они мишда-

Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа. МКА, вып. IV, табл. VI; А. И. Нессен, Из истории прошлого мильско-карабахской степи, Материалы Азербайджанской экспедиции, т. II, МИА, 125, стр. 30, рис. 8.

⁶⁷ С. А. Есяян, Оружие и военное дело..., стр. 62.

⁶⁸ Шантр, указ. соч., стр. 174, рис. 123.

⁶⁹ С. А. Есяян, Оружие и военное дело..., стр. 16.

левидной формы с острыми ретушированными краями и округлым вырезом в нижней части. Подобные наконечники встречаются в памятниках Армении XIII—V вв. до н. э. и известны из Лчашена, Артика, Камо, Макарашена, Головино, Арчадзора, Самтавро, Триаleti, Узерлик-тепе, Ханлара и ряда других мест Армении и Закавказья⁷⁰.

Найдено также небольшое количество орудий труда. К числу их относится небольшой каменный, слегка суженный в центре круг, с выемкой в середине наружной стороны, который, как предполагает Ф. Байерн, служил основанием круга для сверления бус⁷¹.

Интересно упоминание у Байерна о находке в погребении 70 небольшого медного серпа. Самого серпа или его изображения не сохранилось; по-видимому, по своей форме он не должен был слишком отличаться от серпов хаштаракского типа и других позднебронзовых серпов Армении.

К числу орудий можно отнести костяные пряслица, бронзовые иглы, хорошо известные по находкам в Головино, Лусадзоре и других памятниках Армении начала I тыс. до н. э.

Интересной находкой являются крупные бронзовые удила с напукными трезелями (табл. 104, рис. 5). Подобные удила известны из Н. Баязета, Качагана, из старых коллекций Эчмиадзинского музея, Ленинкана, Лориберда, Триаleti, Арчадзора и других мест⁷².

Необходимо отметить также пояс, изготовленный из узкой тонкой листовой бронзы с отверстиями на концах для завязывания. Края его по всей длине украшены двухрядным выпуклым кружковым орнаментом, нанесенным чеканом с противоположной стороны (табл. 107, рис. 6). Подобные пояса известны из погребений начала I тыс. до н. э.—из Муханат-тапа и Кармирбердского могильника⁷³.

В большом количестве найдены украше-

ния. Особенно много различных браслетов, височных колец, в основном изготовленных из бронзовой проволоки, часть которых украшена насечками. Особенно интересны в этой группе многочисленные подвески и амулеты из свинца, олова и бронзы (табл. 104, рис. 2). Большинство их отлито по восковой модели и украшено треугольниками, образованными из кружков, крестами и свастиками. Подобные подвески хорошо известны по находкам в Мец-чале, Джархече, Астхи-блуре, Норашене и других памятниках Армении⁷⁴. Имеются также подвески в виде секиры и сердца, известные по находкам в Айруме, Хачбулаке, Куци, Човдаре, Ходжалы, Кедабек, Ханларе, Мингечауре и других местах Армении и Закавказья⁷⁵.

Кроме рассмотренных образцов имеются подвески в виде птиц с клиновидными прорезями и различные бубенчики, хорошо известные в памятниках конца II и начала I тыс. до н. э. (табл. 104, рис. 1).

Небольшую, но интересную группу составляют свинцовые бусы бочковидной, круглой, жгутовидной формы, с вписанным крестом и в виде диска, украшенного кружковым орнаментом (см. Ф. Байерн, табл. 9, рис. 8—12). Близкой формы металлические бусы известны из позднебронзовых погребений Артика⁷⁶.

Среди украшений следует отметить три бронзовые булавки. Одна из них представляет собой простой стержень с закругленной головкой, вторая—такой же стержень с головкой в виде грибка. Третья также представляет длинный бронзовый стержень, слегка суженный в верхней части и увенчанный круглым яблочком, в центре которого проходит вдавленная линия. В суженной части булавка украшена четырьмя рельефными линиями.

Редко встречающимся предметом является найденный из погребения 58 галсман из черного камня в виде птичьей головки, явно связанный с культом неба.

⁷⁰ А. А. Мартirosян, Армения в эпоху бронзы, стр. 203, рис. 79а; Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, стр. 58; С. А. Есаян, Оружие и военное дело, стр. 46; К. Х. Кушарева, Некоторые памятники поздней бронзы Н. Карабаха, СА, XXVII, рис. 2, 9; *е е же*, Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-тепе, рис. 17; Т. Н. Чубинициани, Древнейшие археологические памятники Мцхета, рис. 16; А. А. Ивановский, По Закавказью, стр. 157—164; Я. Н. Гуммель, Погребальный курган № 1, табл. 10; Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триаleti, табл. CVI.

⁷¹ Ф. Байерн, указ. соч., стр. 16.

⁷² Ивв. ГМА 20/41, 62; 1892/19; 665/2, 3; 1267. 1297; Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триаleti, стр. 58—59.

⁷³ С. А. Есаян, Каталог археологических предметов музея гор. Еревана, вып. II, табл. XVI.

⁷⁴ С. А. Есаян, Амулеты, связанные с культом солнца из Армении, СА, № 2, 1968, стр. 258.

⁷⁵ Н. В. Минкевич-Мустафаева, О датировке и хронологических этапах некоторых памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа, МКА, IV, 1962, стр. 131; В. П. Фоменко, Грунтовое погребение № 63 в Мингечауре, МКА, 3, 1953, стр. 72; Ш. Г. Садых-заде, Исследования памятников Ходжалы-Кедабекской культуры в Хачбулаке, Материалы по истории Азербайджана, Баку, 1968, стр. 16; Я. Н. Гуммель, Археологические очерки..., стр. 135; Ш. Г. Садых-заде, Н. В. Минкевич-Мустафаева, Украшения с изображением животных и птиц в древнем Азербайджане, Баку, 1973, стр. 156.

⁷⁶ Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, табл. 7.

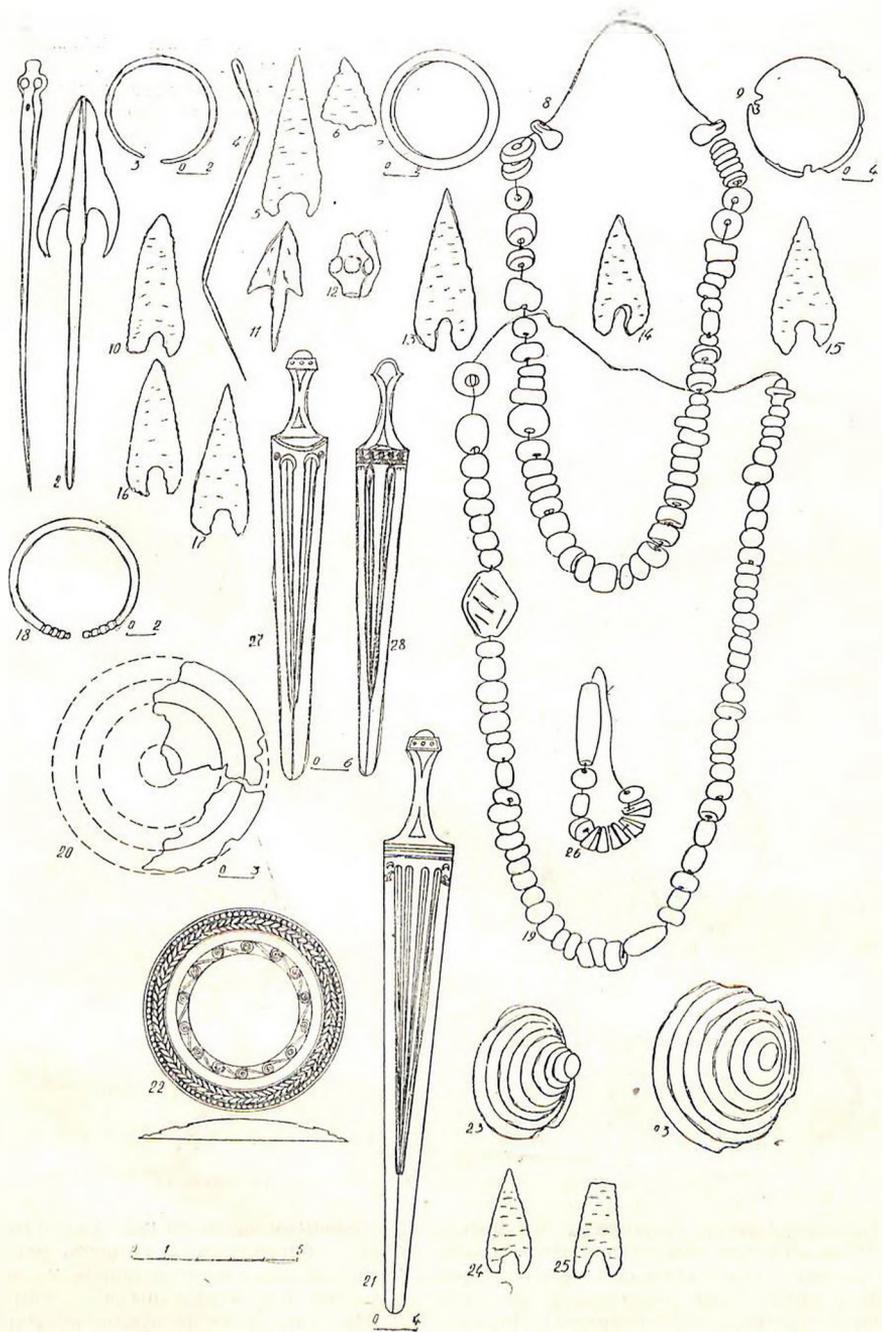

Табл. 93. Предметы из могильника Хурджиш-хогер: рис. 1, 2—погребение 1; рис. 3—6, 8, 9—погребение 2; рис. 7—погребение 3; рис. 10—12—погребение 5; рис. 13—19, 27—погребение 6; рис. 20, 28—из села Айгелзор; рис. 21, 22—Кировабад; рис. 23—25—погребение 7.

Как видно из сказанного, основная масса находок из Редкин-лагеря тяготеет к началу I тыс. до н. э., однако в этих комплексах имеются и более поздние предметы, которые будут рассмотрены вместе с раннеармянскими.

триваемая коллекция состоит из большой группы керамики, оружия и украшений. Группа позднебронзовых изделий этой коллекции уже описана выше, и здесь будут рассмотрены предметы железной поры (табл. 108—111).
Керамические изделия представлены раз-

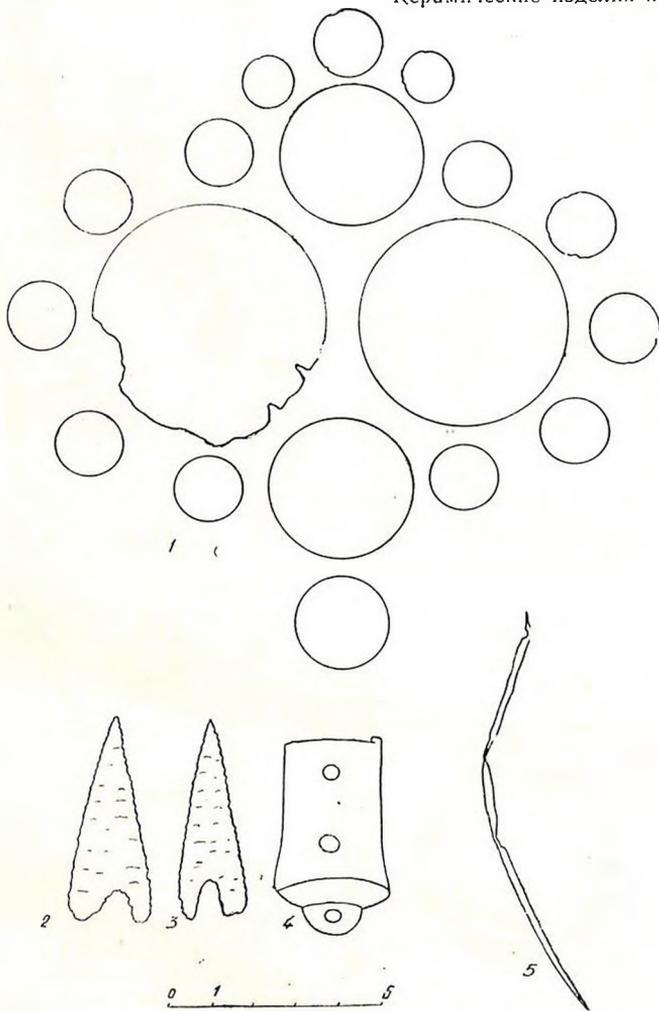

Табл. 94. Предметы из могильника Хурджи-хогер, погребение 13.

Раскопки Мурье. Материалы из раскопок Мурье в Редкин-лагере хранятся в отделе Востока Эрмитажа.⁷⁷ Их изучение по погребальным комплексам невозможно, так как никакого описания не сохранилось. Рассма-

нообразными одnorучными кувшинами с округлым и биконическим туловом, украшенным сетчаткой, шевронами и широкими лощеными полосами или вдавленными линиями.

Найдены также двуручные кувшины (табл. 111, рис. 2). Три из них имеют крупные ручки, помещенные в центре тулова, и напоминают аналогичные кувшины из раскопок Байер-

⁷⁷ Материал предоставлен автору А. А. Ваймаем, проводившим первоначальную обработку коллекции.

па. Эти сосуды украшены горизонтальными и косыми линиями и бороздками. Четвертый сосуд снабжен небольшими ручками на плечиках и украшен волнистыми и прямыми линиями.

Сравнительно большой группой представ-

пугые или бомбовидные, украшены волнистыми и горизонтальными линиями, бороздками (табл. 111). Шейки сосудов иногда украшены слабо прорисованными линиями, а нижняя часть тулова одного из кувшинов—широкими лощеными полосами.

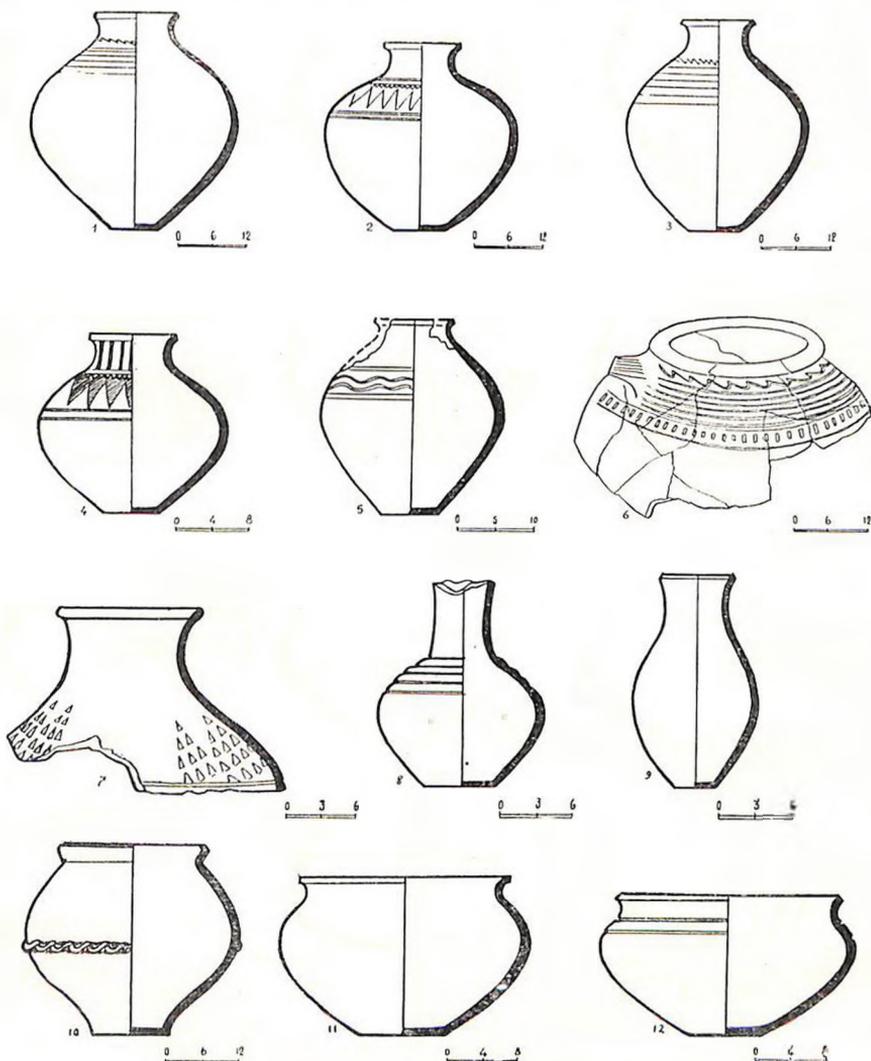

Табл. 95. Предметы из могильника Гмшут: рис. 1—погребение 2; рис. 2—4—случайные находки; рис. 5,6—погребение 9; рис. 7—погребение 4; рис. 8, 9—погребение 1; рис. 10—погребение 7; рис. 11—погребение 3; рис. 12—погребение 8.

лены безручные кувшины черного и красного цветов, большей частью без лощения, с матовой поверхностью или с красноватыми пятнами. Тулова сосудов, шаровидные, иногда вытя-

Почти ничем не отличаются от безручных кувшинов толстостенные горинки, имеющие форму широкогорлых кувшинов и изготовленные вручную. Все они, как правило, ставились

на огонь и покрыты сажей. Эти сосуды украшены вдавленными линиями, косыми штрихами или погтевым орнаментом. Часть сосудов имеет небольшие ручки или шишастые выступы (табл. 111).

ными и волнистыми линиями или бороздками. Часть мисок имеет небольшие плоские ручки со сквозным вертикальным отверстием.

Вся эта керамика хорошо известна по находкам Байерна в Редкин-лагере и одно-

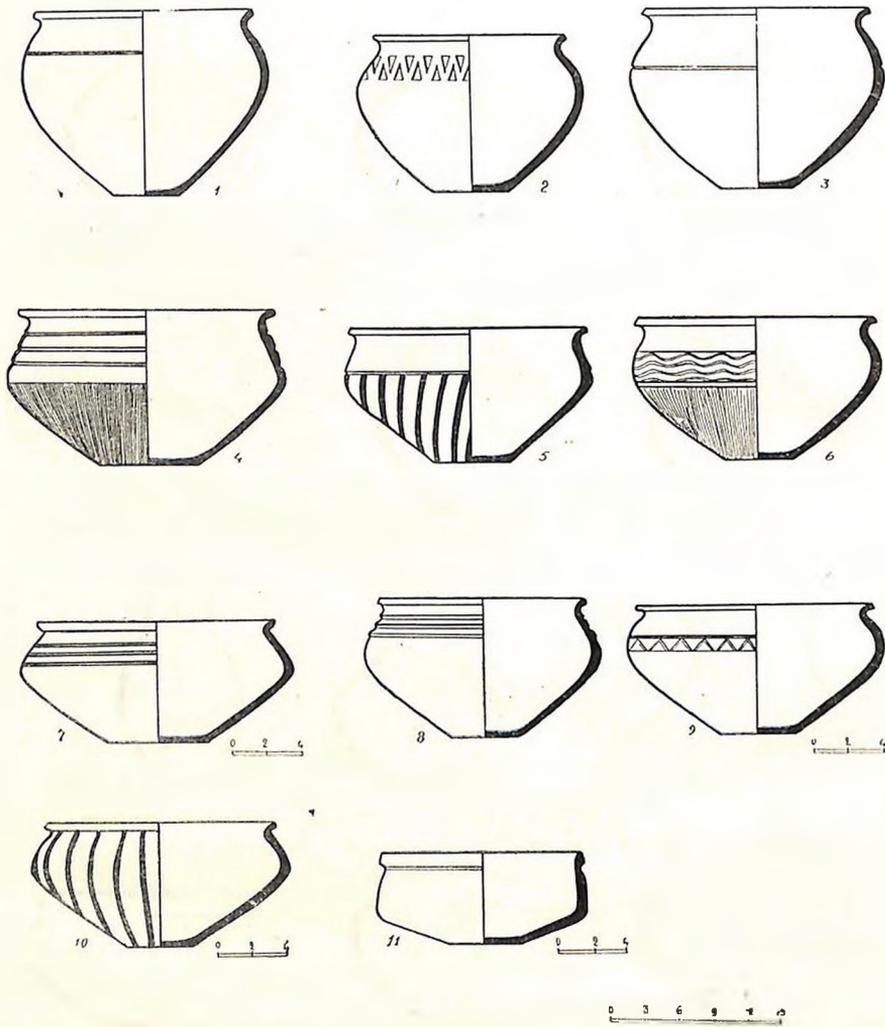

Табл. 96. Предметы из могильника Гмшкют: рис. 1, 2, 5—погребение 2; рис. 3, 4, 6—погребение 8; рис. 7, 9—погребение 5; рис. 8—погребение 4; рис. 10, 11—погребение 3.

Последнюю группу керамических изделий составляют миски черного, красного или серого цвета, делящиеся по своей форме на два типа—небольшие глубокие и крупные плоские. Все они с лощеной или матовой поверхностью; некоторые украшены горизонталь-

временно находит аналогию с памятниками Кировакана, Кармир-берда, доурартского слоя Тейшебани, Астхи-блур и другими памятниками Армении начала I тыс. до н. э.

Металлические изделия из того же комплекса не противоречат этой датировке (табл.

110). Найденные здесь в большом количестве различные массивные и проволоочные браслеты, амулеты с изображениями креста и свастики, пирамидальные ажурные подвески, ажурные фигурки птиц, различные височные

иый слючым орнаментом, типа найденных Ваберном в Редкин лагере и мною—в Кармир-берде.

Встречаются также круглые оловянные пуговицы с отверстиями на краях, хорошо

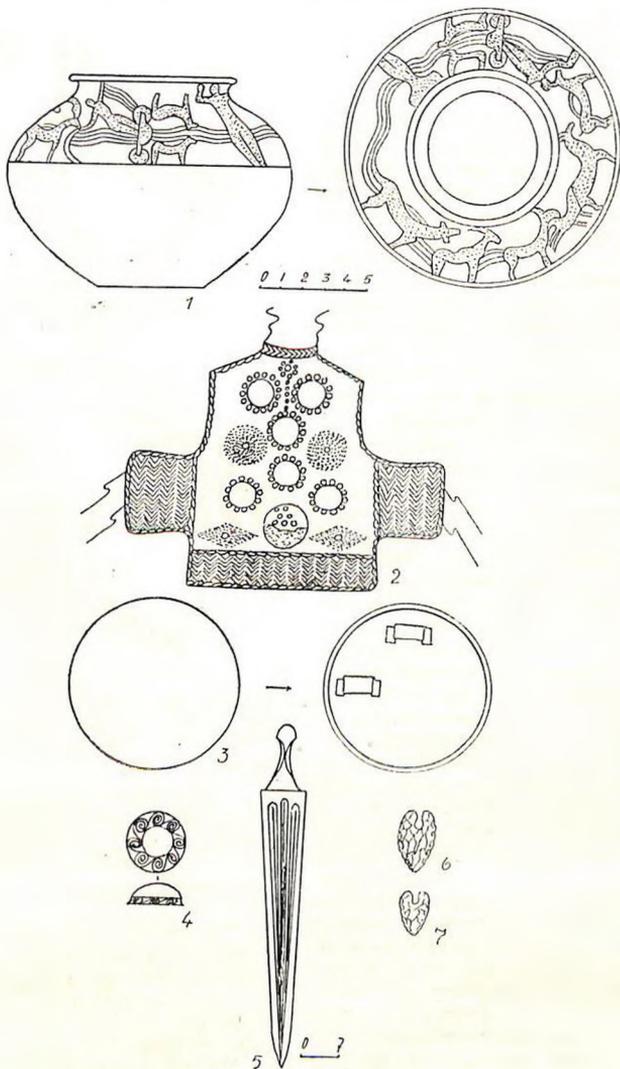

Табл. 97. Предметы из Головино, погребение 6 (рис. 2--5) и Дилижана (рис. 1).

кольца и многочисленные бусы известны в памятниках рассматриваемого времени.

В числе прочих изделий интерес представляют несколько предметов, из которых выделяется узкий бронзовый пояс, украшен-

известные по находкам в Кармир-берде и Астхи-блуре и датируемые началом I тыс. до н. э.

Для датировки памятника дополнительным фактором служат находки бронзовых

четырёхугольных обойм рукоятки кинжалов севанского типа начала I тыс. до н. э.

Наконец, в коллекции Мурье имеются восемь крупных колец с утолщенной срединной частью и закругленными в петли концами, что уже встречалось в материалах Ф. Байерна, А. А. Ивановского (в Кедабеке), а также в Иджеване и Астхи-блуре, где эти кольца, как указывалось, относятся к раннеармянскому периоду—VI—V вв. до н. э., в то время как в находках А. А. Ивановского они сопровождаются материалами IX—VIII вв. до н. э., благодаря чему возможно сказать, что они бытовали на протяжении всей I половины I тыс. до н. э.

Кроме украшений, в этой же коллекции имеется два костяных пряслица, изготовленных из суставов конечностей крупного рогатого скота, и одна крупная бронзовая игла, хорошо известная по находкам в Головинно, Лусадзоре и ряде других намятников Армении начала I тыс. до н. э. В фондах государственного исторического музея (Москва) обнаружено также несколько предметов из Редкин-лагеря (раскопки Цилюсани и Филимонова).

В комплексах Цилюсани имеется всего лишь несколько предметов. Это костяное пряслице, типа найденных Ф. Байерном и Мурье, костяные бусы-амулеты с отверстиями в центре, две связки рубленых сердоликовых бус и бусы из стекловидной массы. В комплексах изделий Г. Д. Филимонова имеются два браслета—один плоский с закрученными головками, украшенный прямыми и перекрещивающимися черточками, другой—кольцевой и височное кольцо со спиралевидным стерженьком. В числе прочих изделий имеются две маленькие бронзовые трубочки, сердоликовые и белые настовые бусы, крупные трубочки, украшенные слюнным орнаментом, и двенадцать бронзовых подвесок в виде суженных бронзовых пластинок с закрученными концами, то есть комплексы изделий, характерных для IX—VIII вв. и встречаемых повсеместно в погребальных комплексах Армении рассматриваемого времени. Для датировки этого комплекса важное значение имеет фрагмент кривого железного ножа, хорошо известного по материалам Астхадзора, Астхи-блур и других намятников Армении начала I тыс. до н. э.

Раскопки Б. Б. Пиотровского. Завершая обзор старых раскопок в Редкин-лагере, необходимо также рассмотреть материалы из раскопок Б. Б. Пиотровского, произведенных в июле 1942 г.⁷⁸ и предоставленных автору для публикации.

Погребения выложены из грубых плит и перекрыты двумя—тремя такими же плитами. Они имеют вытянутую или почти квадратную

форму и направлены с юга на север с небольшим отклонением к востоку или западу. Скелеты сохранились плохо, однако большая скученность костей позволяет предполагать, что покойник был внесен в могилу в сидячем положении⁷⁹.

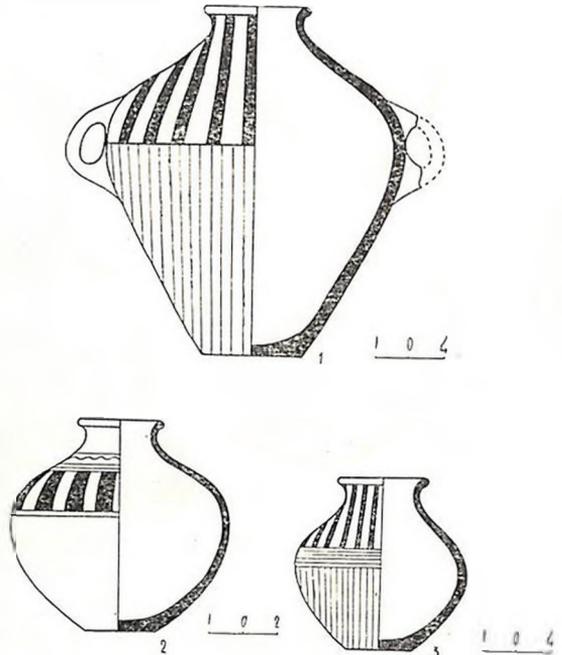

Табл. 98. Расписные сосуды начала I тыс. до н. э.: рис. 1—Редкин-лагерь; рис. 2—Хртаюн; рис. 3—Астхи-блур.

Здесь обнаружены различные маслобойки, кувшины, миски и горшки, сложенные в восточном или западном углах, а иногда в центре погребения. Керамические изделия украшены вдавленными и рельефными прямы-

⁷⁹ Покойника в погребениях Редкин-лагеря, судя по материалам всех раскопок, укладывали в могилу в сидячем положении или на правый или левый бок со скрещенными руками и ногами. Однако в материалах Ф. Байера встречается и иной способ. В одном женском погребении было обнаружено специальное ложе, изготовленное из сосновых досок, с четырьмя невысокими, хорошо отделенными ножками. В верхних краях бортов ложа имелись отверстия для проведения ремешков сетки, на которую укладывался покойник (см. Ф. Байерн, указ. соч., стр. 14, рис. 7). Нужно отметить погребальные ложа аналогичной формы, изготовленные из кругляков, обнаруженные в Цамакаберде и Лчашене (раскопки А. О. Мнацакяна) и в Артике (раскопки Т. С. Хачатряна).

⁷⁸ С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, указ. соч., стр. 96.

ми и волнистыми линиями, аронными полукругами и семечковидным орнаментом. Часть сосудов ручной лепки с неравномерным обжигом, иногда с большой примесью песка. Кроме керамических изделий найдено несколько браслетов и рубленых бус.

Как видим, комплексе изделий состоит, в основном, из керамических предметов и трех бронзовых браслетов. Керамика состоит из черных, лощеных, матовых, красных мисок, горшков и кувшинов, орнаментированных или лишенных украшений. По своим формам и орнаментации она тождественна керамике начала I тыс. до н. э. из раскопок Ф. Байерна и Мурье в Редкин-лагере. Кроме вполне естественной близкой аналогии с керамикой из того же могильника, рассматриваемый материал находит свои аналоги в ряде других памятников Армении. Близкие по форме и орнаментации сосуды, также датируемые началом I тыс. до н. э., известны из Леннакана, Кировакана, Санаана и ряда памятников Севанского бассейна⁸⁰.

Новые близкие аналогии в последние годы обнаружены при раскопках Артикского могильника, который датируется началом I тыс. до н. э.⁸¹ Однако большую близость рассматриваемая керамика находит в материалах памятников Северо-Восточной Армении, также раскопанных в последние годы. Особенно близка к ней керамика из Астхилбурского и Гегамхшорского могильников (см. ниже) и Кирги.

Сопоставление рассмотренных материалов из раскопок Б. Б. Пиотровского с аналогичной керамикой из целого ряда могильников, твердо датируемых самым началом I тыс. до н. э., даст все основания относить этот интересный комплекс вместе с другими раскопанными ранее погребениями Редкин-лагеря к раннежелезному периоду.

Раскопки Мурье в Джархече (совр. Куйбисhev). Выше уже говорилось о находках в этом комплексе позднебронзовых предметов⁸² (табл. 112).

В отличие от предметов позднебронзовой поры изделия эпохи раннего железа представлены богаче. Здесь имеются различные бронзовые конья с округлым средним ребром и длинной раструбной втулкой и перьевидным наконечником, с узкой длинной втулкой, хорошо известные по находкам в Дилижане, Кировакане, Стенанаване и т. д. и датируемые IX—VIII вв. до н. э.⁸³

⁸⁰ А. А. Мартirosян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 101.

⁸¹ Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, стр. 247—249.

⁸² Материал находится в Гос. Эрмитаже и первоначально обработан А. А. Вайманом.

⁸³ С. А. Есаян, Оружие и военное дело..., стр. 66.

Замечательной находкой является шаровидная бронзовая булава с небольшой шейкой. Подобные булавы хорошо известны из памятников позднебронзовой и раннежелезной поры—Лчашена, Камо, Кировакана, Стенанавана и т. д.⁸⁴ В этом комплексе имеются также бронзовые набалдашники и обоймы от кинжалов севанского типа.

Уникальной находкой является замечательный бронзовый черпак с ручкой в виде человеческой ноги с согнутым носком, обутой в мягкий чулок (табл. 113). На колене и носке имеются два кольца. Борт ковши украшен поясом в виде «бегущей» спирали. Находки подобных сосудов редки, и в Армении до настоящего времени известны бронзовые черпаки лишь только из Лчашена и Артика⁸⁵.

Керамические изделия представлены небольшой группой сосудов типа сосудов из Редкин-лагеря и состоят из разнообразных одноручных и безручных кувшинов, горшков, мисок и кружек, частью ручной лепки. Сосуды украшены волнистыми линиями, сетчаткой, крестом (на днищах) или же многорядными линиями. На плечиках одного из горшков имеется четыре полукруглых выступа с вдавлениями в центре. Все сосуды по своим формам и орнаментальным мотивам схожи с аналогичной керамикой из раскопок в Редкин-лагере и характерны для погребальных комплексов Армении начала I тыс.

В этом же комплексе имеются три сосуда, которые явно более позднего времени. Один из них—одноручный кувшин красного цвета, грубой ручной лепки, с округлым туловом, чуть заметной шейкой и крупным округлым венчиком. Тулово украшено многорядными вдавленными ромбами с вписанными крестами, а дно—изображением свастик. Широкая плоская ручка украшена палеными кружочками. Подобное оформление ручек характерно для сосудов VI—V вв. до н. э. и встречается на сосудах из Астхи-блур, Ачаджура, Берда и многих других памятников указанного времени. Два других сосуда—двуручные кувшины с биконическим туловом с двумя небольшими ручками, которые начинаются от венчика и, возвышаясь над ним, отходят к основанию шейки. Один из кувшинов (серый, лощеный) украшен вертикальными бороздками, а другой (черный, лощеный)—вертикальными лоще-

⁸⁴ А. А. Мартirosян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 202; С. А. Есаян, Оружие и военное дело..., стр. 53.

⁸⁵ С. А. Есаян, О некоторых бронзовых сосудах древней Армении, ВОН, № 8, 1966. В статье ошибочно вместо Джархеча указывается Редкин-лагерь; А. О. Мнацаканян, Лчашенские курганы, КСИИ, вып. 85, стр. 68, рис. 24; Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, стр. 219, рис. 130.

ными полосами и колосовидным орнаментом на шейке. Подобные сосуды хорошо известны из погребений VI—V вв. до н. э. Астхилбурского могильника и датируются тем же временем.

К этому же времени можно отнести ряд металлических предметов, в том числе и фрагментарно сохранившийся железный кинжал с ромбовидным сечением и почти полностью сохранившимся бронзовым навершием и ажурными ножнами. Подобные кинжалы и ножны хорошо известны из Берда, Техута, Камо, Вардениса, памятников ущелья реки Дебед, Ворнака и других мест, датируемых VII—V вв. до н. э.⁸⁶ К этому же времени относится треугольная подвеска, украшенная спиралевидными завитками, изображением креста и колосьев. К ее нижней части подвешены бубенчики и ложковидные подвески⁸⁷. В настоящее время известен еще ряд близких находок, происходящих из Дилижана, Астхилбура и Човдара и датируемых IX—VIII и VI—IV вв. до н. э.⁸⁸ Подобная подвеска в виде двуглавого оленя с подвешенными колокольчиками происходит из Хачбулака⁸⁹.

Таким образом, можно отметить, что материалы из раскопок Мурье относятся к разным временам. Здесь, как и в Редкин-лагере, наблюдаются материалы позднебронзовой поры, раннежелезного века, времени широкого освоения железа и раннеармянского времени. Близость с Редкин-лагерем наблюдается не только в хронологическом отношении, но и во всей культуре.

Из Джархеча в 1967 г. в ДКМ поступила небольшая коллекция предметов начала I тыс. до н. э. Она состоит из двух кувшинчиков, бронзовой обоймы и навершия, железного кинжала севанского типа, нескольких проволочных браслетов и колец и, что наиболее интересно, креста, вырезанного из бронзового листа. До настоящего времени подобные изделия известны из раскопок в могильнике

⁸⁶ Морган, указ. соч., рис. 119, 120; А. О. Мнацаканян, Археологические раскопки в селении Басаргечар, КСИИМК, 60, рис. 14; Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 117—118; С. А. Есаян, Могильник раннеармянского времени в поселке Берд Шамшадинского района, стр. 288.

⁸⁷ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 202.

⁸⁸ С. А. Есаян, Астхилбурской могильник, табл. 11, рис. 13, табл. IV, рис. 4; С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, указ. соч., табл. XXVIII; Ш. Г. Садык-заде, Украшения периода поздней бронзы на территории Азербайджана, как исторический источник, «Археологические исследования в Азербайджане» (сб. статей), Баку, 1965, табл. I.

⁸⁹ Ш. Г. Садык-заде, Н. В. Минкевич-Мустафаева, Украшения с изображениями животных и птиц в древнем Азербайджане, стр. 156.

Хурджин-хогер, а свастики—из находок Е. Далаяна в Загалу. Датировка этой коллекции уточняется формой вышеуказанных кувшинчиков и железных кинжалов севанского типа, датируемых IX—VII вв. до н. э. Несколько ранее из Джархеча в ДКМ был доставлен желез-

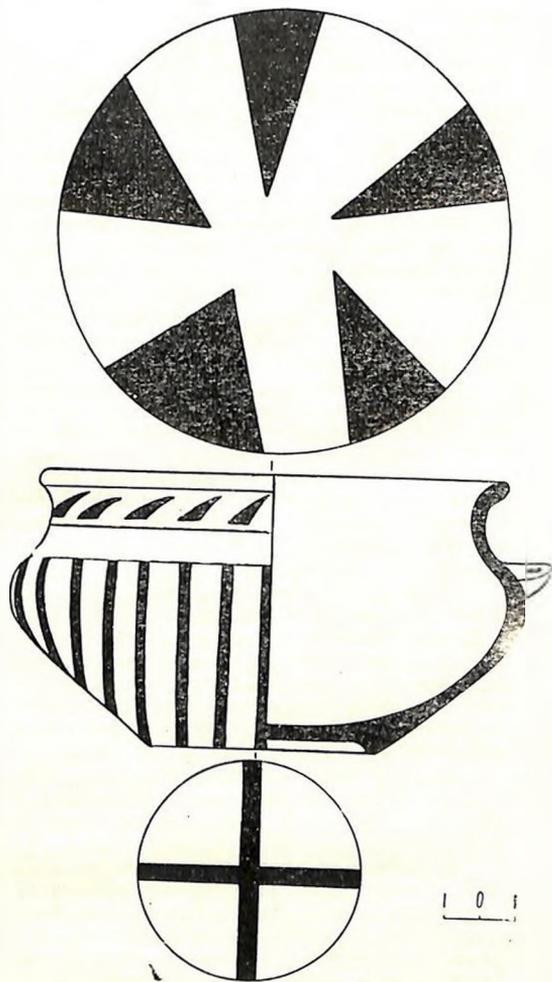

Табл. 99. Расписная миска из Редкин-лагеря.

ный кинжал, рукоять которого образована из двусторонних бронзовых накладок с цельноотлитым навершием в виде полулуния. Вся рукоять украшена ажурными клиновидными отверстиями и изображенными свастикой⁹⁰. Подо-

⁹⁰ С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, указ. соч., табл. XXVII, рис. 6.

бные книжалы в последнее время случайно найдены в Ноемберяне, Туманяне и раскопаны в одном из погребений Астхн-блуря; последний датируется VII—VI вв. до н. э.⁹¹ Судя по наличию железного клинка и бронзовой рукоятки, характерных для начала I тыс. до н. э., наблюдаемых и на мечах так называемого лурнстанского типа, эти книжалы появляются в начале I тыс. до н. э. и бытуют до VII—VI вв. до н. э.

Хртаоцский могильник находится приблизительно в 3 км от Головинно в направлении Дилиджана, в небольшом ущелье, неподалеку от шоссе. Наименование могильника происходит от названия столярной мастерской (лесопильни), созданной здесь в конце XIX в., следы которой сохранились в указанном ущелье. Могильник был случайно обнаружен в 1929 г. при строительстве на его территории кирпичного завода. Осенью того же года он был исследован экспедицией Комитета по охране древностей Армении под руководством А. Калантара и А. Хачатряна, раскопавших двадцать два кромлеха. Материалы эти предварительно были опубликованы А. Хачатряном и затем Х. Самвеляном⁹². В 1950 г. А. А. Мартirosян в связи с изучением материалов Хртаоца, было раскопано еще три кромлеха и проведено изучение всех ранее раскопанных материалов. Благодаря этому исследованию выявлено два периода бытования могильника. Основная часть погребений, раскопанных в 1929 г., и кромлехи, открытые в 1950 г., датируются VII—VI вв. до н. э.; к тому же периоду относится случайно обнаруженная в 1961 г. на этом же могильном поле интересная коллекция бронзовых изделий. Часть материалов 1929 г. относится к более раннему периоду и датируется рубежом II и I тыс. до н. э.⁹³

Материалы, относящиеся к VII—VI вв. до н. э., представлены бронзовыми и железными копьями, железными книжалами, ножами и пятью фрагментированными бронзовыми поясами, украшенными различной гравированной орнаментацией. Вместе с ними обнаружено большое количество бронзовых украшений, как-то: браслетов, колец, шейных гривен, цилиндрических трубочек, височных колец, сердоликовых и яшмовых бус, подвесок из пасты и камня, амулетов и т. д.

⁹¹ С. А. Есян, Астхнблурский могильник, ВОН, № 6, 1968, табл. IV, рис. 2.

⁹² А. Хачатрян, Клинописный период истории Армении, Ереван, 1955, стр. 105; Г. Самвелян, Культура древней Армении, т. II, Ереван, 1941, стр. 22, 147, 236 (обе работы на арм. языке).

⁹³ А. А. Мартirosян, Раскопки в Головинно, Ереван, 1954; его же, Армения в эпоху бронзы..., стр. 118 и 274.

Особый интерес представляют многочисленные керамические изделия, отличающиеся большим разнообразием форм и орнаментацией. Сосуды, представленные здесь, весьма красивы по выделке и оформлению. Они изготовлены исключительно на гончарном круге.

Всю эту керамику можно разделить на две отчетливо различающиеся группы. Первую группу составляют многообразные и многочисленные черные лощеные сосуды: горшки, миски, кружки, кувшины и другие менее характерные образцы, изготовленные на круге из хорошо толченной глины и равномерно обожженные. Все сосуды этой группы прекрасно лощены и украшены, как правило, геометрическим орнаментом, выполненным большей частью лощением. Они в основном черного цвета, но имеются сосуды и красноватого оттенка. Сосуды второй группы, имея те же формы, изготовлены от руки.

Материалы Хртаоцкого могильника послужили основой для выявления ряда синхронных памятников Армении VII—VI вв. до н. э. и ареала их распространения. В настоящее время выявлен ряд новых памятников рассматриваемой поры с не менее значительным материалом, однако хртаоцкий комплекс остается одним из основных датирующих элементов памятников I тыс. до н. э.

Как уже говорилось выше, в комплексах Хртаоцкого могильника, раскопанного в 1929 г., имеются предметы и более раннего времени. Найденные здесь разнообразные миски, чаши, горшки и кувшины находят свои аналоги в памятниках Кармир-берда и Гега-рота и датируются концом II тыс. до н. э.⁹⁴

Летом 1961 г. во время строительных работ на территории Хртаоцкого могильника было разрушено четыре кромлеха, в результате чего опять, уже в третий раз, выявлены интересные находки. Материал, найденный при строительстве (табл. 117), состоит из железных наконечников копий и ножей и большой группы украшений. Копья листовидные с ромбовидным сечением и небольшими втулками; ножи серповидно изогнутые с прямыми ручками, со следами деревянных вставок. Украшения состоят из разнообразных браслетов, колец, шейных гривен, разных трубочек, бус, фибул, крупных булавок, отлитых в восковой модели, и ряда других изделий. А. А. Мартirosян справедливо относит этот богатый комплекс к VII—VI вв. до н. э.⁹⁵ Датирующим элементом здесь являются железные серповидно изогнутые ножи и копыя, известные по ряду памятников Армении и Закавказья

⁹⁴ А. А. Мартirosян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 119.

⁹⁵ Там же, стр. 270.

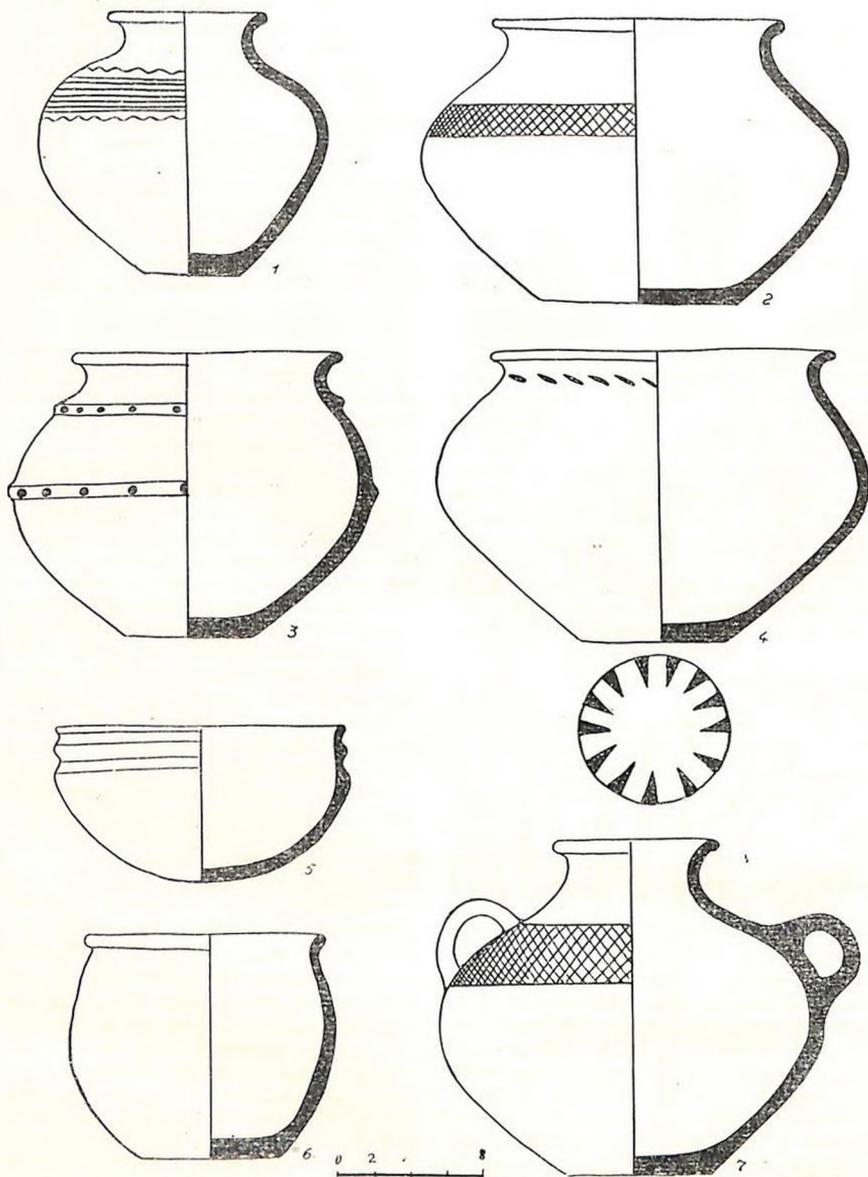

Табл. 100. Предметы из Редкин-лагеря, раскопки Байерна.

(Лалвар, Ворнак, Бжни, Леникан, Ереван, Дилижан и др.), где вместе с указанными предметами встречаются скифские двуверье и трехгранные стрелы, датируемые VII—VI вв. до н. э. Не противоречат этой датировке и украшения, часть которых находит аналогию

в комплексах VII—VI вв. до н. э. Хрраноцского могильника и ряда других памятников Армении.

Аналогичные материалы широко известны и в ряде памятников Грузии и Азербайджана. Так, аналогичные пожи, колья и украшения

известны из Бешташена⁹⁶, Самтавро⁹⁷, Ховлегора⁹⁸, Конасти⁹⁹, Двани¹⁰⁰, Мингечаура¹⁰¹, Долаилара¹⁰² и других мест, где они датируются VII—V вв. до н. э.

Раскопки в Головино. Известный по археологической литературе богатый некрополь находится близ этого села, расположенного неподалеку от Дилижана, в самом начале Севанского (бывш. Семеновского) перевала. Раскопки здесь были проведены в 1950 и 1952 гг. А. О. Мицаканяном¹⁰³. Могильник расположен на небольшом холме, в нижней части села, через которое пролегает дорога Ереван—Дилижан. Выше уже говорилось, что погребение в указанном могильнике относится к позднебронзовому периоду.

Погребения расположены с севера на юг с отклонением к востоку. Они выложены из грубых плит и перекрыты двумя-тремя такими же плитами. Обнаруженный материал состоит из различных керамических изделий: кувшинов с ручками, украшенными прорезью и ступенчатыми углублениями, мисок, горшков, маслбоек и т. д., украшенных линейным и семечковидным орнаментом, бороздками, зигзагами, полукруглыми и другим геометрическим орнаментом.

Найдено также небольшое количество оружия и украшений. К их числу относятся цельноотлитые кинжалы с подтреугольным клинком и рукоятью со свернутыми бортами, известные по находкам из Дилижана, Редкин-лагеря и Севанского бассейна. Найдены также фрагменты железных серповидно изогнутых ножей, железный серп, семь обсидиановых хорошо ретушированных стрел, различные точила, несколько десятков сердоликовых бус, браслетов, колец, бронзовая игла и т. д. Весь

этот материал находит свои аналоги в памятниках IX—VII вв. до н. э. в Кармир-блуре, Астхи-блуре, Кармир-берде и т. д.

Таким образом, весь могильник, судя по изложенному материалу, можно датировать концом II тыс. до н. э.—VII в. до н. э. Однако А. О. Мицаканяном и А. А. Мартirosяном здесь обнаружены погребения, датируемые II в. до н. э. и первыми веками нашей эры¹⁰⁴, что дает основание считать, что могильник с некоторыми перерывами бытовал с конца II тыс. до н. э. до первых веков н. э.

Могильник в Папанино. Выше говорилось о находках в районе Дилижана—Папанино погребений, разрушенных при строительстве водонапорного бассейна. Материал из этих погребений, собранный рабочими, в основном относится к IX—VIII вв. до н. э., а несколько предметов—к VII—VI вв. до н. э.

Среди предметов IX—VIII вв. до н. э. имеется бронзовый кинжал с подтреугольным клинком с четко проходящим средним ребром. Цельноотлитая плоская рукоять со свернутыми бортами завершается колоколовидным навершием с сохранившимися деревянными вставками. Подобные кинжалы в Армении известны из Дилижана, Головино, Редкин-лагеря и Севанского бассейна и датируются IX—VIII вв. до н. э.¹⁰⁵ К числу предметов, датируемых началом I тыс. до н. э., относятся различные покрытия сажей кувшины с округлым туловом, низкой шейкой и округлыми венчиками. Эти сосуды украшены волнистыми, колыми и горизонтальными линиями, спаренными треугольниками с точечным и штриховым заполнением, а также елочным и семечковидным орнаментом. По своей форме и орнаментации они находят аналоги в керамике Редкин-лагеря, Астхи-блур, Норатуса, Кармир-берда и других памятников Армении начала I тыс. до н. э. Этим же временем датируются небольшие глубокие миски с невысокими шейками и округлыми венчиками. Все они черные, хорошо лощенные, украшены бороздками, многорядными волнистыми линиями и сетчаткой.

Сюда же можно включить несколько височных колец, имеющих на одном конце паз, куда входит заостренный кончик, образующий «замочек», для браслета, украшенных насечками, несколько сердоликовых и стеклянных бус, то есть комплексы украшений, встречаемых повсеместно в погребальных комплексах раннежелезной поры.

Могильник в Шамахане. В апреле 1971 г. при проведении трассы газопровода на юго-

⁹⁶ М. Менабде, П. Девланидзе, Могильники Триаleti. I, Тбилиси, 1968, стр. 119.

⁹⁷ Р. Абрамшвили, К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа на Самтаврском могильнике, ВМГ, т. XIX-A и XXI-B, 1957, стр. 125—131.

⁹⁸ Р. Абрамшвили, Д. Мухенишвили, Г. Цкитишвили, Отчет раскопок 1958 г. в Ховлегоре, Тезисы докладов Ин-та истории им. И. Джавахишвили, Тбилиси, 1959, стр. 20 (на груз. яз.).

⁹⁹ Д. Коридзе, Археологические памятники, Тбилиси, т. II, Тбилиси, 1958, стр. 51.

¹⁰⁰ С. Макалатия, Археологические раскопки Дванского некрополя, Тбилиси, 1948, табл. I, IV, VI, XVI.

¹⁰¹ С. М. Казиев, Археологические раскопки в Мингечауре, МКА, I, рис. 21.

¹⁰² Там же, стр. 67.

¹⁰³ А. О. Мицаканян, О раскопках могильников у сел. Головино, КСИИМК, вып. XVI, стр. 62; его же, Раскопки могильников в селении Головино, Тр. ГМА, т. V, стр. 50 (на арм. яз.); С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, указ. соч., стр. 103.

¹⁰⁴ А. О. Мицаканян, Раскопки могильников в селении Головино, стр. 54; А. А. Мартirosян, Раскопки в Головино, стр. 11.

¹⁰⁵ С. А. Есаян, Оружие и военное дело..., стр. 69.

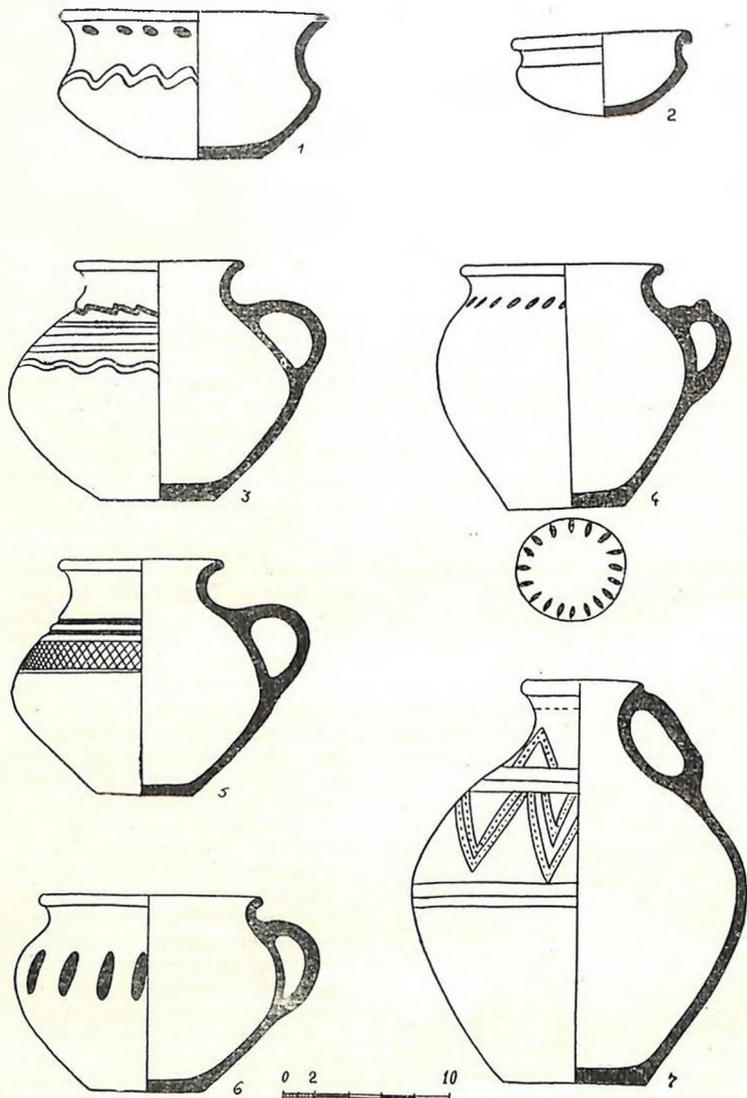

Табл. 101. Предметы из Редкин-лагеря, раскопки Байерна.

восточной окраине Дилижана—Шамахиане, на правой стороне дороги, на глубине 0,7—1,00 м от поверхности были раскрыты восемь каменных ящиков. При осмотре местности выяснилось, что погребения расположены в один ряд с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. Глубина погребений небольшая—0,5—0,7 м, длина 1,8—2 м, ширина 1,1—1,4 м. Все они выложены из грубых плит и перекры-

ты двумя-тремя плитами. Инвентарь, изъятый и смешанный рабочими и состоящий из разнообразных мисок, горшков, кувшинов, маслобок и небольшого количества украшений (табл. 118—119), был передан в Дилижанский краеведческий музей¹⁰⁶.

Найденные здесь три крупные маслобой-

¹⁰⁶ Инвентарь ДКМ 788/1—21.

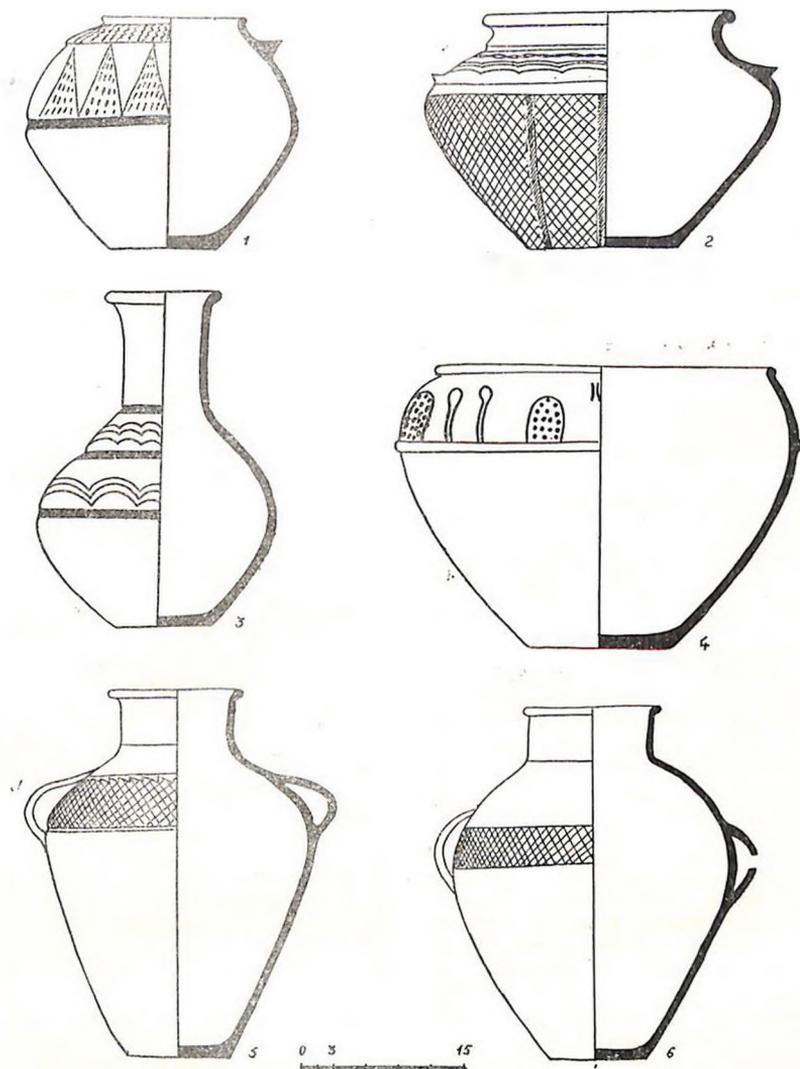

Табл. 102. Предметы из Редкисс-лагери, раскопки Байерна.

ки имеют форму широкогорлых кувшинов с вытянутым туловом, низкой шейкой и крупным округлым венчиком. Все они украшены волнистыми и горизонтальными линиями и бороздками. На одном плечике имеются сквозные отверстия, снабженные штифтовыми или кольцевыми выступами. По своей форме от них не отличаются черные и красные широкогорлые кувшины, украшенные волнистыми и

округлыми линиями (табл. 118, рис. 7, 9, 10). Найдены также одноручный кувшин и небольшой горшок, украшенные слабо прорисованными линиями.

Небольшую группу образуют глубокие и плоские миски (табл. 118, рис. 1-3, 5-8) — тонкостенные с прекрасным лощением и грубые, толстостенные, ручной лепки. Все они украшены бороздками, многорядными волни-

стыми и горизонтальными линиями. Днище одной из них украшено грубо прочерченным крестом. Украшения представлены немногочисленными браслетами, височными кольцами со срединным стерженьком, сердоликовыми и бронзовыми бусами.

Весь этот инвентарь хорошо перекликается с вышеуказанными памятниками Дилижана (Редкин-лагерь, Папанино, Головино и др.) и датируется началом I тыс. до н. э.

Вторая коллекция из этого могильника обнаружена в шеле того же года¹⁰⁷ и состоит из различных маслососок, мисок, горшков, безручных широкогорлых кувшинов и т. д., ничем не отличающихся от вышеописанных (табл. 119). Не отличаются разнообразием и украшения, состоящие из височных колец, браслетов (один плоский), сердоликовых бус и небольшой ложковидной подвески, известной из Джархеча, Дилижана, Астхи-блур и других памятников, что дает возможность отнести их к началу I тыс. до н. э.

В ДКМ имеется большая группа предметов, найденных в Дилижане¹⁰⁸ (табл. 114—116). Рассматриваемые изделия состоят из различных кувшинов, горшков, мисок, украшенных вдавленными линиями, заштрихованными треугольниками, семечковидным, зигзагообразным, волнистым орнаментом, находящим свои аналоги в керамических комплексах Редкин-лагеря, Норатуса, Кармир-берда и других памятников указанного времени.

Здесь обнаружены также шесть железных втульчатых копий с листовидными наконечниками и четко проходящими по всей длине срединными ребрами (один с ромбовидным сечением). В эту же группу входит небольшой железный нож с округленным острием, типа бронзовых ножей-бритв. Подобные ножи широко распространены в памятниках Армении начала I тыс. до н. э. и известны из Макарачена, Головино, Муснери, Качагана и других памятников начала I тыс. Они почти без изменений бытуют до VI в. до н. э.¹⁰⁹

В 1966 г., напротив здания клуба, при рытье траншеи для прокладки труб было обнаружено одно погребение¹¹⁰. При осмотре местности выяснилось, что погребение имело форму каменного ящика и было выложено из грубых известковых плит. Судя по частично сохранившимся стенам, оно имело длину 2,3 м и было расположено с востока на запад. Погребение находилось на глубине 2,5 м от поверхности шоссе.

Керамика состоит из четырех грубых мисок, украшенных небольшими шишечными выступами. Гораздо разнообразнее представлены украшения, состоящие из различных бронзовых плоских и проволочных браслетов. Плоские браслеты украшены зернью, шишечным выступом и «бегущей» спиралью. Подобные браслеты в Армении известны из Норашена, Туманяна, Артика, Степанавана и ряда других мест и датируются рубежом II и I тыс. до н. э.¹¹¹ Найдены также различные височные кольца, плоские или конусообразные бляхи, украшенные изображением креста или вдавленными линиями. Бляхи с внутренней стороны снабжены петельками для пришивания и заполнены цементовидной массой, что наблюдается на бляхах более раннего времени из Лчашена, Артика, Хурджин-хогера и Редкин-лагеря.

Найдены также характерные для рассматриваемого времени подвески—фигурки птиц с клиновидными прорезями и небольшими петельками для подвешивания. У одного экземпляра в клюв вдето кольцо. Будучи распространенными изделиями эпохи раннего железа, они отличаются от ранее известных наличием точечных выступов на шейке. К числу характерных предметов указанного времени относятся также небольшие подвески, бубенчики и цепи, как правило, встречающиеся вместе с подобными украшениями. Часть украшений так же, как и фигурки птиц, явно имеет ритуальное значение и связана с астральным культом. К числу их относятся небольшие подвески с вписанным крестом, образованным из нити кружочков. Подобные подвески известны в Армении из Севанского бассейна и долины реки Агстег. С этим же культом связаны также найденные в двух экземплярах небольшие очковидные подвески, украшенные спиралью орнаментом и снабженные небольшой петелькой для подвешивания. Подобная очковидная подвеска была обнаружена в храмовом помещении Астхиблурской крепости в слое начала I тыс. до н. э. Такие же, но более крупные подвески, датируемые рубежом II и I тыс. до н. э., известны из Хаплага и Мингечаура¹¹². Более близкую аналогично рассматриваемая подвеска находит в Самтавро, в комплексе погребения 600, датируемого началом I тыс. до н. э.¹¹³ Подобные подвески известны и

¹⁰⁷ С. А. Есаян, Бронзовые браслеты Гос. музея Армении, стр. 88.

¹⁰⁸ Я. П. Гуммель, Погребальный курган № 1, табл. V; Г. М. Асланов, Р. М. Винодов, Г. Н. Нонев, указ. соч., табл. XVIII.

¹⁰⁹ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, стр. 70, рис. 74б.

¹⁰⁷ Инвентарь ДКМ 790/1—4, 791/1—13.

¹⁰⁸ С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, указ. соч., стр. 113.

¹⁰⁹ А. А. Мартиросян, Раскопки в Головино, стр. 210.

¹¹⁰ С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, указ. соч., стр. 115.

на Северном Кавказе, в комплексах Лугового могильника в Верхней Рутхи, датируемых на основании акинахов стрел и боевых топориков VI—V вв. до н. э.¹¹⁴ К этому же времени относятся аналогичные подвески из Тли¹¹⁵.

К одним из малораспространенных предметов относится миниатюрная подвеска, известная, как указывалось выше, в Джархече, Астхи-блуре и Човдаре, то есть памятниках I половины I тыс. до н. э.

В 1972 г. из разрушенного при земляных работах погребения, расположенного между селами Човдар и Геташен, в ГМА поступила коллекция изделий, состоящая из разнообразных округлых ажурных подвесок с выгнутыми крестами, лунниц, секировидных подвесок, нащиприных дисков, различных блях, трубок, булавок, браслетов и т. д. В числе этих изделий имеются две крупные ложковидные подвески с ручкой в виде человеческой ноги, украшенные спиральным орнаментом и напоминающие уменьшенную модель джархеческого черпака. В ДКМ имеется ряд случайных находок из Хртаюца, керамический и металлический комплексы которого ничем не отличаются от вышеуказанных изделий.

Самой интересной находкой является пояс, изготовленный из тонкой листовой бронзы, с тремя отверстиями на концах для завязывания. Пояс украшен шестирядным гравированным орнаментом «бегущей» спирали¹¹⁶.

Бронзовые пояса и их фрагменты стали известны из Хртаюцкого могильника при раскопках 1929 г. Все они украшены точечным орнаментом, кроме одного фрагмента, украшенного изображением какого-то животного, и второго фрагмента с двухрядным спиральным бордюром¹¹⁷. Однако рассматриваемый пояс великолепной сохранности значительно обогащает наши представления о культуре металлообработки данной эпохи.

Большая группа керамических изделий, оружия и украшений найдена в разных районах Диллджана—Арагац хоере, Тахте, Канаре и при строительстве радиотехникума. Это различные кувшины, горшки, миски, конья,

книжалы и украшения, которые по своим формам и орнаментике входят в тот же культурный и хронологический ареал¹¹⁸.

Все эти изделия приходят из новых пунктов Диллджана и дополняют наше представление о заселенности этого богатого памятником района. Такое обилие памятников одного времени на сравнительно ограниченной территории говорит не только об их локальной культуре, но и принадлежности к одному племени или союзу племен, заселявших ущелье реки Агетев, быть может, под эгидой абorigine-нов Редкиш-лагеря.

Астхиблурский могильник, раскопанный в 1966—1967 гг., находится в одноименной местности, близ села Епокаван Иджеванского района, рядом с вышеописанной циклопической крепостью. Раскопками открыто 26 погребений, относящихся к началу и середине I тыс. до н. э.¹¹⁹ Погребения обоих периодов представляют собой каменные ящики, выложенные из грубо отколотых известковых плит и перекрытые 1—3 плитами. Вес некоторых из них (погребения 2, 6, 9) достигает 2,5—2,8 т.¹²⁰ Размеры погребений—170×160×60 см, 100×90×80 см, 120×115×90 см и т. д., по своим формам они прямоугольные и квадратные. Направлены они, в основном, с севера на юг, с отклонением к востоку или западу. Инвентарь расположен закономерно—вдоль какой-либо из стен или в центре погребения. В двух случаях (погребения 17 и 19) керамический инвентарь сплошь покрывал все внутреннее пространство, прикрывая собой погребенного. К началу I тыс. до н. э. относятся погребения 1—4, 7, 8, 10, 12, 15, 17—19, 21 и 22.

Основная масса найденных изделий представлена разнообразной керамикой, состоящей из черных лощеных одноручных, двуручных (табл. 120, рис. 4, 5, 10), широкогорлых безручных кувшинов, частью ручной лепки (табл. 120, рис. 2, 3, 6, 9, 12), кувшинов с трапециевидной ручкой (табл. 120, рис. 1, 7, 11), мискам (табл. 120, рис. 12—21). Часть керамики красно орнаментирована и связана с культурой с культовой символикой. К ней относится сосуд из погребения 15, украшенный полушариями с вписанным древом жизни и извивающимися фигурами змей с раскрытой пастью (табл. 120, рис. 4), который напоминает сосуды с близкой орнаментацией из Ахтала и Голови-

¹¹⁴ Е. М. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, рис. 19, 23; Р. М. Мунчаев, Луговой могильник, Древности Чечено-Ингушетии, М., 1963, рис. 19, 23.

¹¹⁵ Б. В. Техов, Раскопки Тлийского могильника, СА, № 1, 1963, рис. 12.

¹¹⁶ С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, указ. соч., табл. XXXI, рис. 2, 4, 6, XXXII, рис. 5, 6, XXXIV, рис. 4 и XI, рис. 2, 35; С. А. Есаян, Новые данные о расписной керамике Армении, ИФЖ, 1969, № 1, стр. 284.

¹¹⁷ А. Л. Мартirosян, Раскопки Головино, стр. 22, табл. IV.

¹¹⁸ С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, указ. соч., стр. 113—123.

¹¹⁹ С. А. Есаян, Астхиблурский могильник, ВОН, № 6, 1968, стр. 8; *то же же*, Погребение № 14 Астхиблурского могильника, ИФЖ, № 1, 1967, стр. 221.

¹²⁰ Анализы произведены в лабораторию грунтозаедения Армгидроэнергопроекта Г. Т. Манукианом.

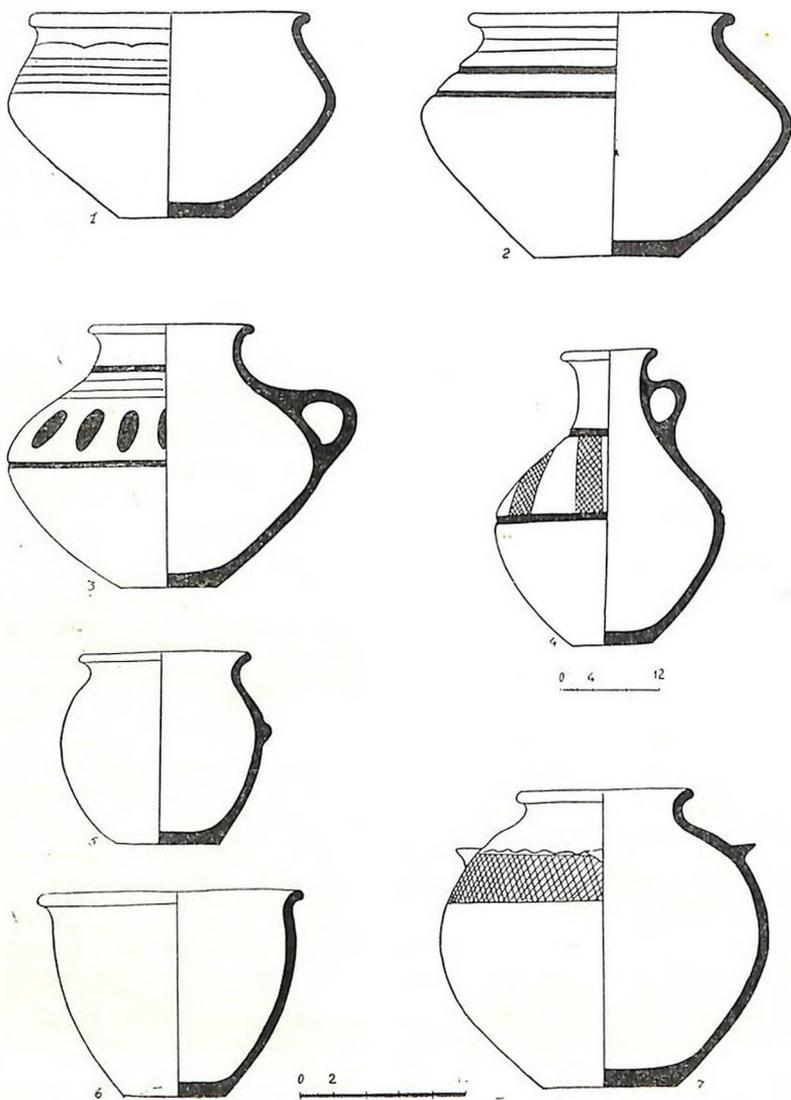

Табл. 103. Предметы из Редкин-лагеря, раскопки Баверия.

по¹²¹. Изображение древа жизни имеется и на сосуде с трапециевидной ручкой из погребения 19 (табл. 120, рис. 1). Особенно интересны два сосуда. Один из них, из погребения 15 (табл. 120, рис. 12), представляет собой широкогорлый расписной кувшин со вздутым туловом и слегка округлым венчиком. Вдоль центра

тулова проходят три вдавленные линии. Верхняя часть кувшина украшена широкими полосами, нанесенными коричневой краской, а нижняя—тонкими линиями, нанесенными такой же краской по бледно-красному фону (табл. 98, рис. 3). Вторым уникальным сосудом, из погребения 17 (табл. 120, рис. 9), имеет вздутое тулово, низкую шейку и плоский венчик с двумя отверстиями. Шейка украшена клиновидным и трехрядным лепестковидным орнамен-

¹²¹ Ж. де Морган, указ. соч., рис. 148; А. О. Мнацаканян, Раскопки могильников в Головино, стр. 50.

том. Верхняя часть тулова украшена свастиками и спаренными вертикально поставленными треугольниками, имитирующими изображение коз. На нижней части тулова изображены шесть перевёрнутых вверх ногами коз с запутанными назад рогами. Дно сосуда украшено шестиконечной звездой, выисавной в двойной круг, украшенный сложным орнаментом.

Весь керамический инвентарь хорошо увязывается с памятниками начала I тыс. до н. э. и находит аналогии в Дилижане, Кировакане, Макарашене, Айриванке, Кедабекке, Ходжалане и других памятниках Армении и Закавказья указанного времени¹²².

Немногочисленной группой представлены предметы вооружения и орудия труда. В числе их имеется железный кинжал с обоймой севанского типа, датированный IX—VIII вв. до н. э., найденный вместе с богато украшенным охотничьими и культовыми сценами поясом, описанным в гл. VII (табл. 122). Второй кинжал из погребения 15 имеет плоский широкий клинок с срединным ребром и рукоять, снабженную гвоздями для закрепления накладок (табл. 121, рис. 5). По форме клинка он напоминает бронзовые кинжалы позднебронзовой поры, известные из Севанского бассейна, Редкин-лагеря, Лусадзора, Артика и т. д., а по форме рукояти—кинжалы лалварского типа.

В число предметов вооружения входят также два кося. Одно из них, происходящее из погребения 14 (табл. 122), имеет ромбовидный в сечении наконечник с расширяющейся втулкой. Второе—из погребения 15—отличается наличием полукруглого срединного ребра (табл. 121, рис. 6). Подобные кося хорошо увязываются с косями из Кировакана, Редкин-лагеря, Дилижана, Астхадзора и других памятников IX—VIII вв. до н. э.¹²³ В эту же группу входят два железных ножа из погребений 12 и 13 с закругленными остриями, напоминающие бронзовые ножи-бритвы конца позднебронзовой поры, и бронзовая игла из

погребения 10 (табл. 121, рис. 15). В комплексе погребения 15 обнаружен железный двузубец (табл. 121, рис. 10), малые размеры которого дают основание предполагать, что он является символом власти вождя или предводителя.

Украшения, обнаруженные в Астхилбурском могильнике, представлены богатой и разнообразной коллекцией из погребений 11—15, 18 и 19. В их число входят разнообразные проволочные браслеты, часть которых украшена насечками (табл. 121, рис. 4, 9), разнообразные перстни и серьги, пирамидальные ажурные подвески. Большую группу образуют сердоликовые шаровидные и рубленные, пастовые и стеклянные бусы, разделители бус (табл. 121, рис. 11). В число украшений входят также несколько височных колец со срединным стерженьком и разнообразные ажурные амулеты (табл. 121, рис. 3, 8, 12), хорошо известные из Апарана, Н. Баязета, Еленендорфа, Мингечаура и др.¹²⁴

Могильник близ Иджеванской больницы. Летом 1967 г. во время рытья котлована здания профтехучилища близ городской больницы были обнаружены погребения. При осмотре местности выяснилось, что погребения находятся на глубине 2 м от поверхности и представляют собой каменные ящики, выложенные из грубых известковых плит. Два из них направлены с востока на запад, а третье—с севера на юг.

Инвентарь частично был снят и передан в Иджеванский музей революции. Впоследствии было обнаружено еще несколько сосудов, которые переданы мною в тот же музей. По свидетельству рабочих и местных жителей, ранее при строительстве больницы также были обнаружены погребения, что указывает на крупные масштабы могильника.

Обнаруженный инвентарь состоит из различных керамических сосудов (табл. 124, 125). Среди них имеются безручные кувшины с округлым или вздутым туловом, украшенные вдавленными горизонтальными или волнистыми линиями и слабо прочерченной сетчаткой. Найдены также двуручные и одноручные кувшины с трапециевидной ручкой, украшенные вдавленными линиями. Небольшую группу в этом комплексе образуют горшки грубой ручной лепки, часть которых покрыта сажой. Все они имеют округлые тулова, чуть заметную шейку и срезанный венчик и лишены каких-либо украшений. Найдено большое количество мисок. Часть их составляют неглубокие, круп-

¹²² А. А. Мартirosян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 205; Т. С. Хачатрян, Раскопки в Айриванке, Изв. АН Арм. ССР, № 12, 1957, стр. 6; С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, указ. соч., стр. 113; Миксаиц-Мустафаева, О датировке и хронологических этапах некоторых памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа, МКА, вып. IV, табл. IV; А. А. Нессен, Из истории прошлого Мильско-карабахской степи, Тр. Азербайджанской экспедиции, II, МИА, 125, стр. 30; Г. Н. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. Н. Ионе, Древний Мингечаур, табл. XXIX.

¹²³ А. А. Мартirosян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 206 и 222; С. А. Есаян, Оружие и военное дело..., стр. 22, 76; Б. Б. Пиотровский, Кармирблур, вып. I, стр. 37; Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триаleti, рис. 62.

¹²⁴ Я. Н. Гуммель, Погребальный курган № 1 около Еленендорфа, табл. IV; Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. Н. Ионе, Древний Мингечаур, табл. XIX; С. А. Есаян, Астхилбурский могильник, стр. 86.

ные, черные лощеные миски с округлыми венчиками; некоторые из них снабжены небольшой ручкой. Одна из мисок украшена треугольниками со штриховым заполнением, под которыми проходит точечный орнамент. Дно-

завершается небольшим округлым венчиком. Вся эта керамика находит четкие параллели среди предметов гончарного производства из Астхи-блур, Макарашена, комплексов Мурье и Б. Б. Пиотровского из Редкин-лагеря, Киргизии,

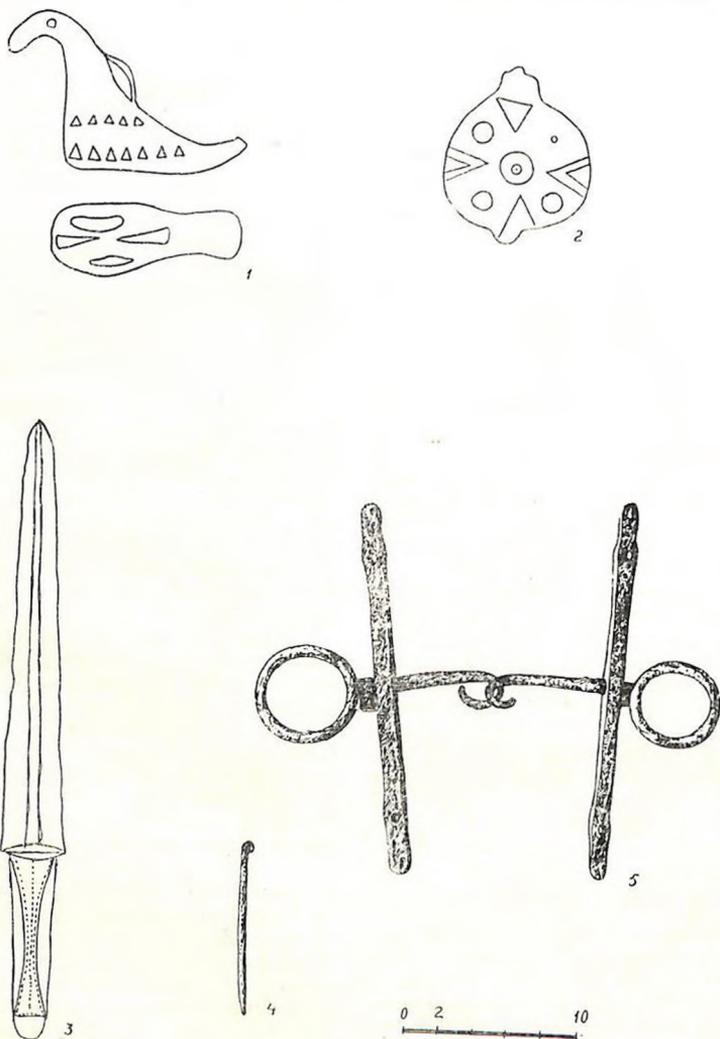

Табл. 104. Предметы из Редкин-лагеря, раскопки Байерра.

шко украшено двумя волнистыми линиями и многочисленными вдавленными штрихами. Остальные миски грубые, ручной лепки. Глубокие миски украшены прямыми, волнистыми или зигзагообразными многорядными линиями. Найден также небольшой, грубой ручной лепки кубок, стоящий на невысокой округлой ножке, тулово которого расширяется кверху и

Гегамнахюрского могильника, Мишгечаура, Нор-гюха и многих других памятников Армении и Закавказья начала I тыс. до н. э., что позволяет отнести рассмотренный комплекс к указанному времени.

Могильник Пакер. В 1967 г. в селе Лусадзор Иджеванского района, с целью создания местного музея, на западной окраине села в местности Пакер было раскопано несколько

погребений. Инвентарь их, состоящий из нескольких керамических сосудов и двух бронзовых игл, хранится в местном музее. На этом же месте мною раскопано 19 погребений. Среди них лишь седьмое и двенадцатое грунтовые

западу. Скелеты во всех погребениях полностью сгнили и лишь находки нескольких костей позвоночников позволили уточнить, что погребенные находились в лежащем положении. Размеры погребений 2,2×1,0×0,8 м; 2,7×

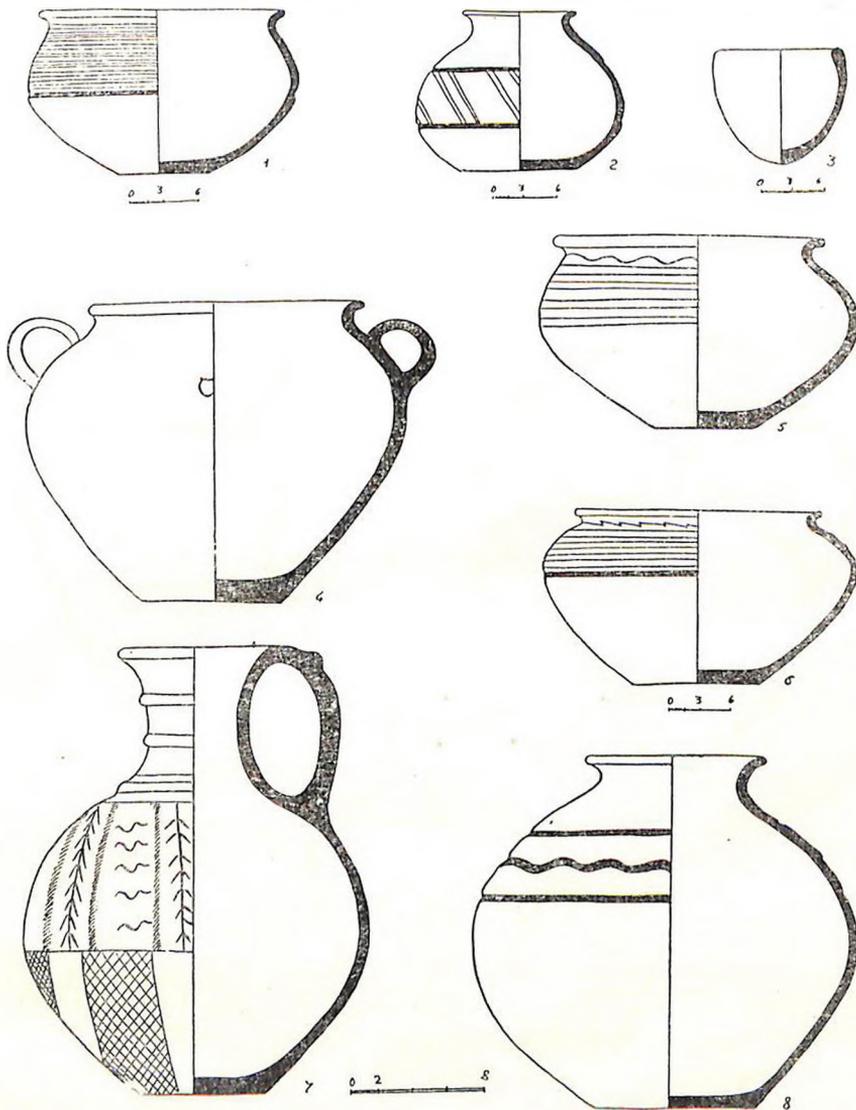

Табл. 105. Предметы из Редки-лагеря, раскопки Байерна.

и имеют округлую форму. Остальные относятся к типу каменных ящиков, выложенных из грубых известковых плит и перекрытых 2—3 плитами. Погребения расположены с юга на север с небольшим отклонением к востоку или

западу. Скелеты во всех погребениях полностью сгнили и лишь находки нескольких костей позвоночников позволили уточнить, что погребенные находились в лежащем положении. Размеры погребений 2,2×1,0×0,8 м; 2,7×

1,6×0,8 м; 2,1×0,9×0,7 м. и т. д. Кроме двух грунтовых, имеющих круглую форму, остальные погребения прямоугольны.

Основная масса предметов Лусадзорского могильника представлена различными миска-

Табл. 106. Предметы из Редкин лагери, раскопки Баварии.

ми. По своему виду они делятся на два вида. К первому относятся небольшие миски с округлым туловом, небольшой шейкой и четко выступающим венчиком (табл. 126, рис. 1, 2, 6, 7; табл. 127, рис. 3). Второй вид составляют более широкие и сравнительно неглубокие миски с такими же шейкой и венчиком (табл. 126, рис. 3, 5; табл. 127, рис. 1, 2). Некоторые имеют на плечиках небольшие наленные ручки.

Все они черного, красного или коричневого цвета. Часть их, особенно черного и коричневого цветов, изготовлена на круге и имеет лощеную поверхность, другие, в преобладающем большинстве, красные, изготовлены вручную, имеют более массивные стенки и большую примесь песка. Миски обеих групп украшены зигзагообразными линиями, треугольниками с штриховым заполнением, кружочками, овальными и круглыми выемками и глубокими

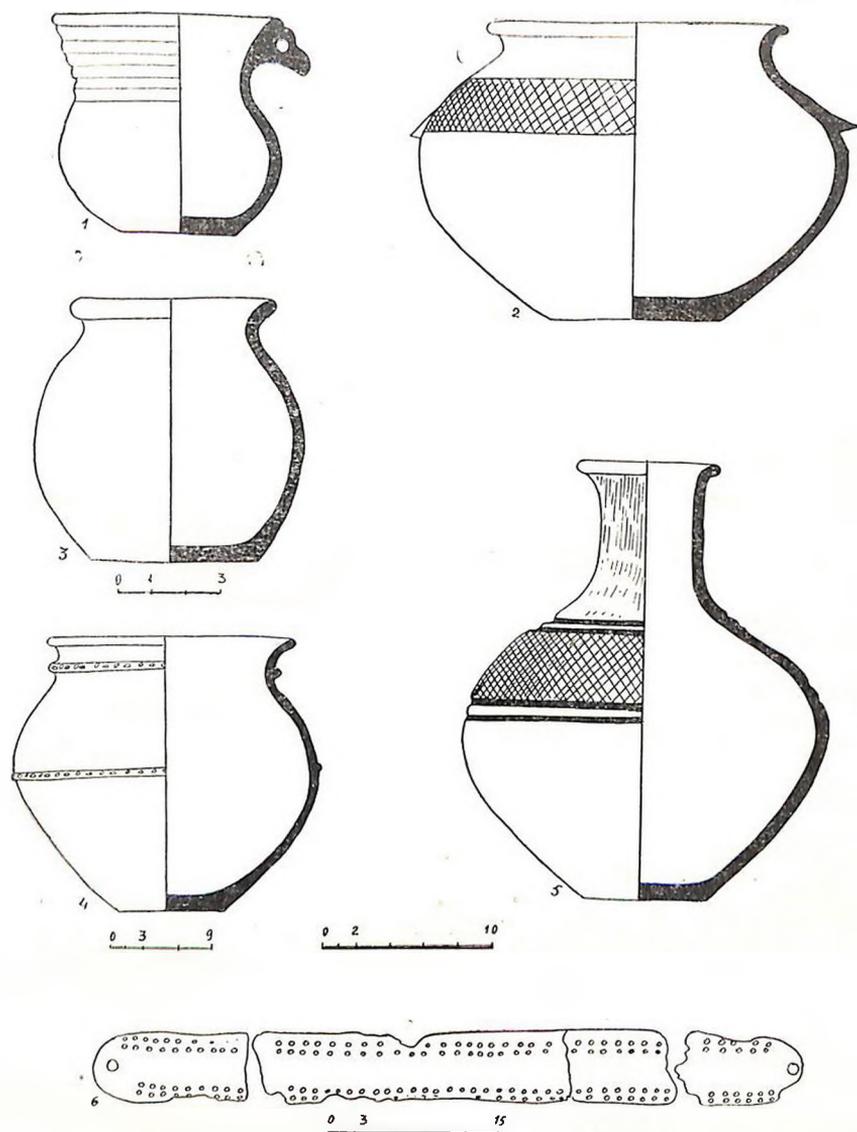

Табл. 107. Предметы из Редкин-лагеря, раскопки Байерна.

бороздками, проходящими под шейкой, и находят свои аналоги в таких памятниках начала I тыс. до н. э., как Редкин-лагерь, Астхи-блур, Макарашен, Головшно, могильники Севанского бассейна и др.

Вторую группу керамических изделий образуют широкогорлые кувшины и горшки (табл. 127, рис. 5, 6), часть которых имеет хорошо лощеную поверхность, но в большин-

стве они грубые и изготовлены вручную. В смысле датировки особенно характерны сосуды с трапецевидной ручкой, известные из таких памятников, как Редкин-лагерь, Астхи-блур, Макарашен, Кирги, Ходжали, Нор-гюх, Мингечаур и многих других памятников Армении и Закавказья начала I тыс. до н. э. Характерны для памятников Армении рассматриваемой эпохи горшки с рельефным пояском, украсен-

ным прищемлением. Подобные сосуды известны из Кармир-берда, Редкин-лагеря и особенно много встречаются в памятниках начала I тыс. до н. э. близ села Кирги. Остальные керамические изделия, как-то: маслособойка, кубок, двуручный и одноручный кувшины (табл. 126, рис. 4; табл. 127, рис. 4, 7), представленные в единичных экземплярах и не составляющие определенных групп, встречаются во всех указанных памятниках Армении рассматриваемого времени.

Определенный интерес представляет бронзовый кинжал листовидной формы с двумя отверстиями на плечиках для закрепления рукояти из погребения 11 (табл. 128, рис. 4). Кинжалы подобной формы в Армении представлены немногочисленной группой и известны из памятников конца II тыс. до н. э. Подобные кинжалы, как указывалось выше, известны из раскопок Мурье в Редкин-лагере, А. А. Бобринского в Мец-чале, Армавире, Камо и в последнее время случайно обнаружены в Джуджеване и Айруме¹²⁵ (табл. 128, рис. 1, 7). Следует указать, что подобные кинжалы известны также из Степанакерта, Сахери, Чобихеви, Дагестана и других мест¹²⁶.

Интересен также серповидный бронзовый нож с наружной заточкой, не позволяющей применять его в качестве серпа; возможно, он использовался как секач или для очистки кожи (табл. 128, рис. 12). Подобный нож, как указывалось выше, найден в погребении близ крепости Сеприк. В последнее время четыре таких же ножа найдены в Носмберянском районе—Давехе (2 экземпляра), Кошкотане и Айруме.

Большую группу образуют крупные бронзовые иглы, найденные в шести погребениях, то есть в каждом из трех раскопанных. Все они представляют собой прямые, крупные, круглые в сечении стержни с заостренным концом и небольшим ушком для вдевания нитки (табл. 128, рис. 17, 21).

Небольшую группу образуют украшения, представленные разными подвесками (табл. 128, рис. 8—10): круглый медальон, изготовленный из тонкой листовой бронзы, с небольшим отверстием в верхней части для подвешивания (погребение 17), секирообразная подвеска из тонкой листовой бронзы из того же погребения 19. В погребении 17 обнаружено также шесть пуговиц: три полукруглые с небольшим ушком с внутренней стороны (табл. 128, рис. 14) и три небольшие, конусообразные, с бортами, украшенными зернью. Здесь же во втором погребении обнаружено два височных кольца со спиралевидным стерженьком (табл. 128, рис. 15), столь характерных для памятников раннежелезной поры и встречающихся повсеместно в погребальных комплексах Армении начала I тыс. до н. э.

В комплексах погребений обнаружено большое количество рубленых сердоликовых и несколько белых пастовых бус, а также небольшой разделитель (табл. 128, рис. 16), встречающийся в памятниках указанного времени Армении и Закавказья.

Таким образом, могильник Пакер состоял из сравнительно бедных погребений рядовых общинников с инвентарем, представленным, в основном, керамическими изделиями и сравнительно небольшим количеством украшений и орудий. В отличие от Астхилурского могильника, расположенного в нескольких километрах от рассматриваемого, здесь не встречено предметов вооружения, если не считать одного кинжала из погребения 11.

Гегамиахпюрский могильник расположен на восточной окраине села Орджоникидзе Красносельского района, почти вплотную примыкает к циклопической крепости этого села и, по всей вероятности, являлся могильным полем крепости¹²⁷.

Большая часть территории могильника распахана и лишь островками виднеются отдельные погребения в виде каменных ящиков, выложенных из грубо отколотых известковых плит. Часть погребений могильника раскопана учителем местной школы Б. Б. Торосяном с целью создания школьного музея, однако материал лишен паспортизации. Обнаруженный инвентарь хронологически делится на два периода (табл. 129). К первому относится инвентарь из погребений начала I тыс. до н. э. Ко второму—два сосуда, относящиеся к VI—V вв. до н. э., и два алебастровых бюста, датированных античной эпохой. Керамический инвентарь состоит из нескольких черных лощеных и красных мисок, плоские венчики которых украшены многорядными волнистыми линиями. Подобная орнаментация венчиков мисок известна в комплексах Мурье и Б. Б. Пиотровского из Редкин-лагеря, Астхи-блур и других

¹²⁵ С. А. Есаян, Оружие и военное дело..., стр. 59 и посл., табл. XI; С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, указ. соч., стр. 92.

¹²⁶ Я. И. Гуммель, Некоторые памятники раннебронзовой поры Азербайджана, стр. 8; Б. А. Куфтин, Археологическая маршрутная экспедиция, стр. 70; Т. Н. Чубинашвили, Т. И. Тагишвили, Разведки в южных районах Грузии, СА, № 4, 1957, стр. 4, рис. 6; К. Ф. Смирнов, Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг., КСИИМК, XV, стр. 85, рис. 35; Е. И. Крупков, Археологические исследования в районе Тарки, МИА, № 23, стр. 255.

¹²⁷ Г. А. Микаелян, С. А. Есаян, Циклопические крепости Шамшадинского и Красносельского районов, ИФЖ, № 3, 1968, стр. 295.

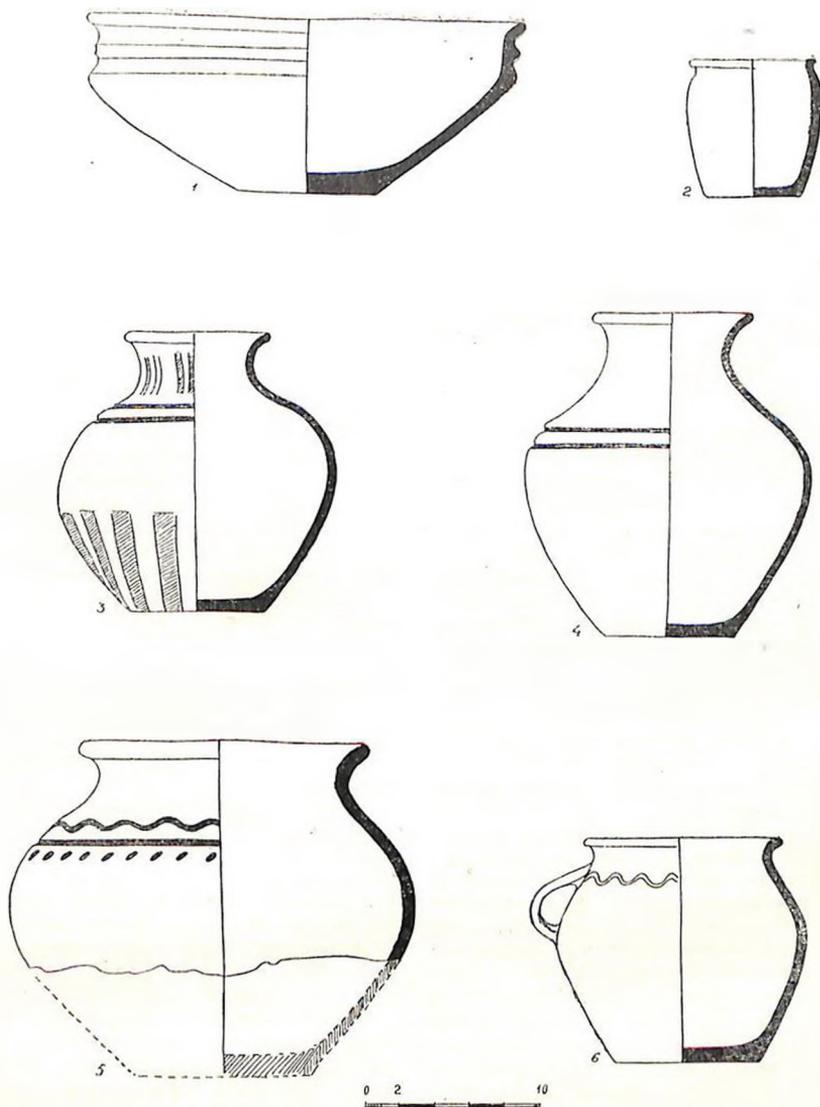

Табл. 108. Предметы из Редкин-лагеря, раскопки Мурше.

памятников Армении начала I тыс. до н. э. Донышко одной из мисок имеет сквозное отверстие для процеживания (табл. 129, рис. 12). Найдены также черные и красные лощеные широкогорлые кувшины, украшенные прямыми и зигзагообразными линиями, крупная маслостойка с горизонтально поставленной ручкой и сквозным отверстием в верхней части тулова, также украшенная волнистыми и горизонтальными линиями.

Интересны два других сосуда. Один из них имеет черное лощеное небольшое шаровидное тулово и очень высокую шейку. Тулово украшено многорядным гирляндовидным орнаментом и косыми каннелюрами. Расширяющаяся шейка снабжена многорядными рельефными ступенчатыми выступами (табл. 129, рис. 4). Фрагмент подобного сосуда обнаружен в погребении 3 Асхтиблурского могильника.

Известны они также в Мингечауре¹²⁸. Второй сосуд—редко встречающийся экземпляр керамического производства. Он представляет собой черный лощеный широкогорлый кувшин с низкой шейкой со слегка отогнутым венчиком. Шейка украшена вдавленными линиями и гирляндами. Плечики сосуда снабжены тремя трапециевидными ручками, между которыми размещены фигуры коз. Фигуры животных изображены в подтянутом положении с вытянутыми ногами и торчащим хвостом. Головы несколько повернуты и видны вытянутые рога и торчащие уши (табл. 129, рис. 2). Изображения коз на керамике в Армении известны из позднебронзовых погребений в Артике¹²⁹, на сосудах из Панапино и Астхи-блуре.

В могильнике найден цельноотлитый кинжал с овальным сечением, который снабжен проходящим по всей длине слегка выступающим узким средним ребром и резко заостренным острием. Плоская рукоять имеет завернутые борта с заложеными деревянными вставками и завершается ажурным, как у севанских кинжалов клинков, навершием (табл. 129, рис. 17). Близкие по форме кинжалы известны из Редкин-лагеря, Дилижана, Арчадзора, Мингечаура и других памятников начала I тыс. до н. э.¹³⁰ Найденный здесь же миниатюрный цельноотлитый подток копья, изготовленный из тонкой листовой бронзы, хорошо украшен точечными углублениями. По размерам он хорошо увязывается с аналогичным подтоком из Кармирбердского могильника, раскопанного мною в 1965 г. и датированного IX—VIII вв. до н. э.

Единственным орудием является небольшое бронзовое долото, имеющее плоскую заостренную рабочую часть и длинный четырехгранный стержень для насадки на деревянную рукоять (табл. 129, рис. 20). Бронзовые долота известны в Армении, однако большей частью они втульчатые. Черенковые долота известны пока что из Артинского могильника и датируются XIII в. до н. э.¹³¹ Четырехгранный черенок как артинского, так и рассматриваемого экземпляров, несколько расширяясь, в рабочей части сужается, образуя заостренный

рабочий край. Близкие по форме долота известны из Мингечаура¹³² и Сачхери¹³³.

Найденные здесь украшения состоят из различных проволочных, литых зубчатых и плоских пластинчатых браслетов, небольших серег, крупных височных колец со средним эмальным стержнем и подвешенными к ним подвесками и бусами. Найденны также ажурные подвески в виде водоплавающих птиц с небольшими петельками для подвешивания (табл. 129). Все эти изделия хорошо известны по находкам в позднебронзовых и раннежелезных памятниках, часто встречаются в Редкин-лагере, Золакаре, Мухане, Астхадзоре, Головино, Астхи-блуре и т. д.

Как уже указывалось, в комплексе Гегамихюрского могильника имеются и более поздние предметы. К числу их относится небольшой красный кувшинчик с двумя округлыми ручками в центре тулова, датируемый II—I вв. до н. э. По-видимому, вместе с ним были найдены две алебастровые статуэтки, описание которых приводится в гл. VII.

Могильник *Мици-мат* находится севернее села Джуджеван между крепостями Поплоз и Арами-амроц, во дворе совхозной фермы. Некогда обширный могильник частично разрушен при расширении дороги Ноемберян—Иджеван, а в основном—при строительстве гаража местного совхоза. На этом могильном поле несколько погребений раскопано С. С. Чилингарином, материалы которого относятся к раннебронзовому—раннеармянскому периодам¹³⁴.

На этом же могильнике мной раскопано три погребения, направленные с севера на юг с небольшим отклонением к западу. Два из них—каменные ящики размерами 1,7×1,17×2,1 м. Погребенный лежал на левом боку с согнутыми руками и ногами. Третье погребение представляет грунтовую яму, сплошь засыпанную булыжником, а сверху, как и два предыдущих, перекрытую двумя плитами¹³⁵.

Инвентарь погребений состоит из различных одноручных и двуручных кувшинов, крупных кружек, мисок (табл. 130), нескольких серег и браслетов, изготовленных из бронзовой проволоки, фрагмента бронзовой петлички и нескольких бронзовых бусин. Сосуды корич-

¹²⁸ Г. М. Аслапов, Р. М. Ваидов, Г. Н. Ноне, Древний Мингечаур, табл. XXVIII.

¹²⁹ Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, стр. 128, рис. 15.

¹³⁰ С. А. Есаян, Оружие и военное дело..., стр. 69; К. Х. Кушнарцева, Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе, СА, XXVII, рис. 7; Г. М. Аслапов, Р. М. Ваидов, Г. Н. Ноне, Древний Мингечаур, табл. XXII, рис. 9.

¹³¹ Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, стр. 64, табл. III.

¹³² Г. Н. Аслапов, Р. М. Ваидов, Г. Н. Ноне, указ. соч., стр. 77, рис. 64а.

¹³³ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триаleti, стр. 13, рис. 10.

¹³⁴ С. С. Чилингари, Первобытные памятники Ноемберянского района, Автореф. канд. дисс., 1971, стр. 11 и посл.

¹³⁵ С. А. Есаян, Г. А. Микаелян, О некоторых циклопических крепостях Ноемберяна, ИФЖ, № 1, 1972, стр. 274.

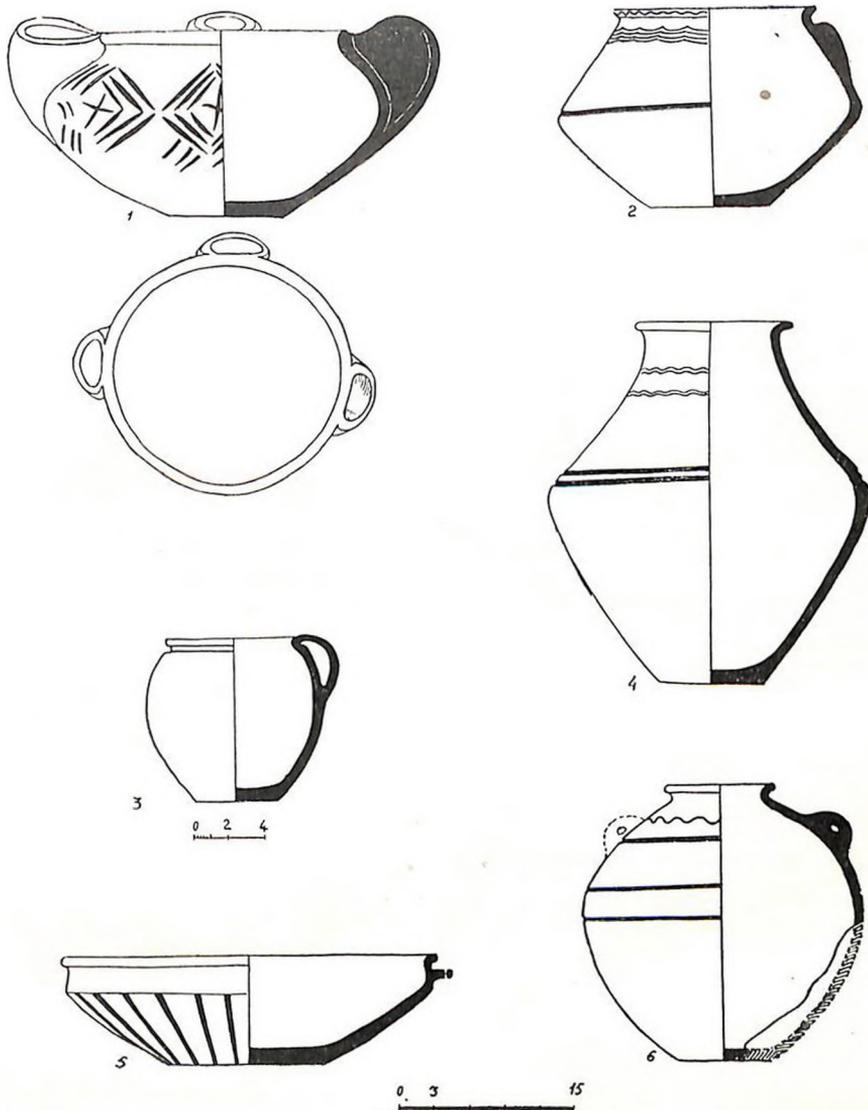

Табл. 109. Предметы из Редкин-лагеря, раскопки Мурье.

нового и черного цвета, лощеные, украшены прямыми и зигзагообразными линиями, штрихами и т. д., то есть орнаментом, хорошо известным по погребальным комплексам VIII—VI вв. до н. э., что дает возможность отнести их к указанному времени.

Интересные материалы железного века дали комплексы уже упомянутого Арсакарского могильника, позднебронзовые комплексы

которого рассмотрены в предыдущей главе¹³⁶. Большая часть материалов этого могильника представлена многочисленными образцами разнообразной керамики в виде одноручных и двуручных кувшинов, кружек, мисок, кубков, а также различных украшений в виде бус, подвесок, амулетов и т. д., датированных VIII—VI

¹³⁶ С. С. Чилингари, указ. соч., стр. 14—15.

вв. до н. э. К этому же времени относятся фрагменты орнаментированных бронзовых поясов с гравированными изображениями лосей, волков, коз, лучников и т. д., находящие свои аналоги с поясами из Ахпата, Кармирберда, Муснери, Астхи-блур и других памятников Армении конца II и начала I тыс. до н. э.

Могильник в Нерцишене (зимовник и фермы села Чоратап Шамшадинского района) находится неподалеку от винодельческого цеха села и разрушен при посадках виноградников. Комплекс изделий одного погребения¹³⁷ состоит из разнообразных черных лощеных мисок и горшков, украшенных вдавленными линиями, лощеными полосами и глубокими желобками. Вместе с ними найдены булава из белого известняка с конусообразным отверстием для древка и крупная бронзовая игла, часто встречаемая в Астхи-блуре, Головино и особенно Лусадзоре.

Для определения времени погребения важное значение имеет бронзовое колоколовидное навершие железного кинжала севанского типа с двумя прямоугольными обоймами рукояти. Подобные кинжалы широко бытовали в IX—VIII вв. до н. э. и известны из Акнера, Ленинакана, Джархеча, Макарашена, Камо, Астхи-блур и многих других памятников Армении начала I тыс. до н. э.

Интересной находкой является также фрагмент бронзового колчана, представляющий собой часть круглой бронзовой трубки диаметром в 6 см, длиной в 10 см (нижний конец сломан). Верхний борт закручен для придания крепости; под ним проходят две линии, нанесенные короткими черточками. В отличие от урартских бронзовых колчанов из Кармир-блур, он может вмещать не более 12—15 стрел. Это уже второй бронзовый колчан из Армении (не считая урартских). Первый известен из старых раскопок Е. Лалаяна из Н. Баязета¹³⁸. В погребении обнаружено большое количество фрагментов узкого пояса из тонкой листовой бронзы, напоминающих кармирбердские пояса начала I тыс. до н. э.¹³⁹, что дает возможность датировать рассматриваемый комплекс указанным временем.

Могильник Буга-кар находится на юго-западной окраине села Кирги, на территории, сплошь застроенной домами. В 1960 г. при

¹³⁷ Хранится в школьном музее села Нерки Кармир.

¹³⁸ Хранится в Гос. музее Грузии, инв. 50—06 (XXXIV—117); С. А. Есаян, К вопросу о вооружении и военной организации племен Армении, ИФЖ, 1965, № 1, стр. 280, табл. II, рис. 9.

¹³⁹ С. А. Есаян, Каталог археологических предметов Музея истории города Еревана, вып. II, табл. XVI, рис. 2—5.

извлечении камней с обочины дороги у дома Т. Абрамяна были открыты два погребения, в которых оказалось много керамики и металлических изделий. Из всего этого мне были переданы несколько сосудов, бронзовые браслеты и котел с ислетвией нижней частью (табл. 131, рис. 2—6, 7—10), изготовленный из тонкого листа¹⁴⁰. Сохранившаяся часть котла имеет расширяющуюся тулову и несколько суженную шейку с отогнутым венчиком, от которого к плечикам отходят две ручки: одна—более ранняя, полукруглая в сечении, с тремя вдавленными линиями на поверхности, другая, более поздняя, что видно по заклепкам, изготовлена из фрагмента плоского браслета, украшенного зигзагообразной линией и точечным орнаментом. По форме он напоминает котлы позднебронзовой поры из Лчашена¹⁴¹ и Артика¹⁴². Бронзовые котлы несколько иной формы, напоминающие котлы среднебронзовой поры из Кировакана¹⁴³ и позднебронзовой поры из Тбилиси¹⁴⁴, происходят также из погребений рубежа II и I тыс. до н. э. в Човдаре¹⁴⁵.

С целью дополнительного изучения памятника было раскопано единственное петропетское погребение, сохранившееся в центре дороги. Погребение оказалось небольшим каменным ящиком (1,5×1×0,6 м) со снятым перекрытием. Скелет был плохой сохранности и лежал на левом боку. Инвентарь состоит из небольших горшков грубой лепки, украшенных точечными выступами, зигзагообразными и прямыми волнистыми линиями. Найдены также черные лощеные глубокие миски, украшенные волнистыми линиями, широкогорлые безручные кувшины, украшенные вдавленными линиями, один из которых имеет трансцевидную ручку.

Все эта керамика находит свои аналоги в Редкии-лагере, Астхи-блуре Макарашене, памятниках Севанского бассейна, Кармирберде и др., датируемых началом I тыс. до н.

¹⁴⁰ С. А. Есаян, О некоторых бронзовых сосудах древней Армении, ВОН, № 8, 1968, стр. 92.

¹⁴¹ Л. О. Мнацаканян, Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г., СА, № 2, 1957, стр. 148; *его же*, Лчашенские курганы, КСИА, вып. 65, 1961, стр. 68.

¹⁴² Раскопки Т. С. Хачатряна, материалы не опубликованы.

¹⁴³ Б. Б. Пиотровский, Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР, М., 1955, рис. 1.

¹⁴⁴ Д. Коридзе, Археологические памятники Тбилиси 1953, табл. XXVI.

¹⁴⁵ Г. А. Кесеманлы, Медные котлы эпохи поздней бронзы из Азербайджана, КСИА, вып. 108, 1968, стр. 70.

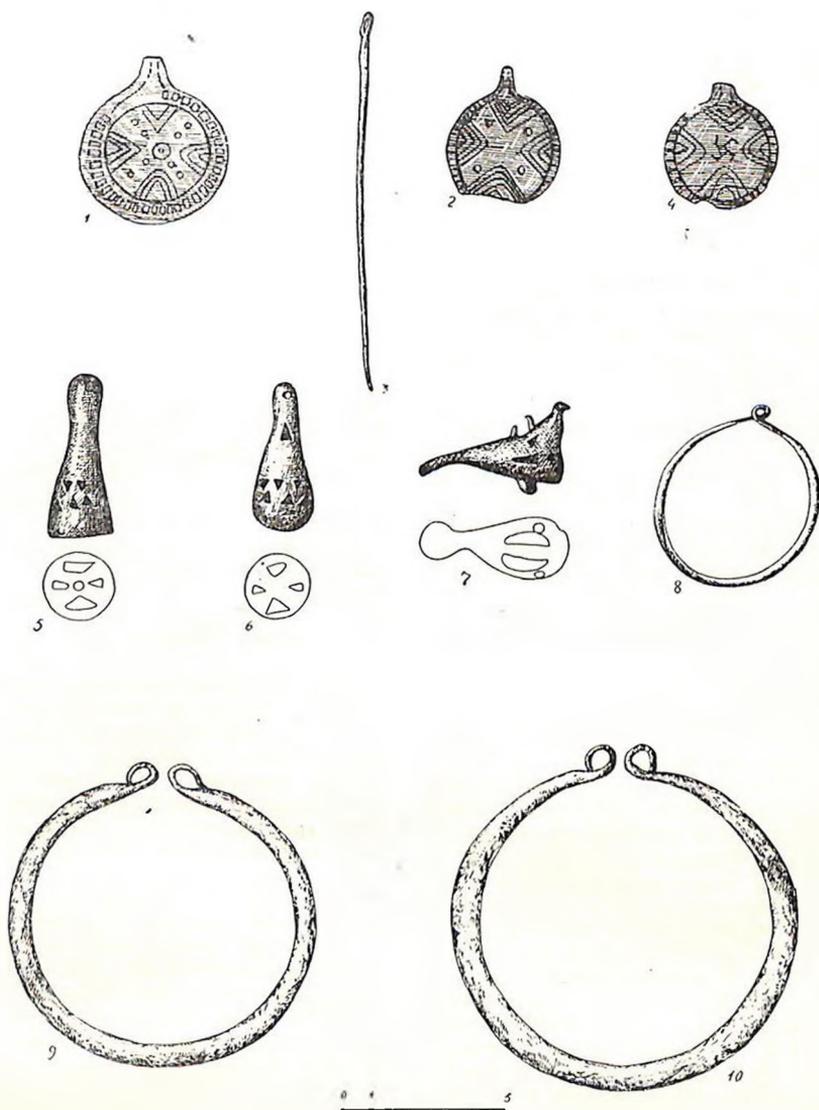

Табл. 110. Предметы из Редкин-лагеря, раскопки Мурье.

э., что позволяет отнести рассматриваемый комплекс к этому же времени.

К этому же времени относится погребение, раскопанное в местности Егенкала-дзор в 2 км северо-восточнее села Кирги близ дороги, ведущей в направлении Азатаванской крепости. В погребении кроме скелета найдены несколько бус (табл. 133, рис. 14) и два фрагмента—горшка грубой лепки

черного цвета, украшенный рельефным пояском с прищеплением, и серой миски хорошо обжиги, над округлым венчиком которой подымается плоская ручка с двумя сквозными отверстиями (табл. 131, рис. 6). Венчик и верхняя часть сосуда украшены зигзагами, углы которых заполнены короткими штрихами.

Могильник *Кари-дзор* находится на юго-восточной окраине села Кирги, в небольшой

каменной ложбинке, откуда и происходит название местности—«каменное ущелье». В этой местности насчитывается около десятка погребений, большая часть которых разобрана жителями для извлечения камней. Здесь были раскопаны два каменных ящика, перекрытия которых отсутствовали. Погребения направлены с востока на запад с небольшим отклонением к югу. Погребения выложены из крупных каменных необработанных блоков и имеют размеры 2×0,9 и 2,2×1,1 м при общей глубине в 0,7 м.

В первом погребении обнаружены небольшая миска и крупный кувшин. Во втором погребении найдены шесть керамических сосудов, несколько бронзовых браслетов и височных колец и небольшое количество сердечниковых бус (табл. 133, рис. 1—5). Такие же украшения случайно были найдены в 2 км северо-западнее Кирги в местности Кахин-хач (табл. 132). Инвентарь обоих погребений, состоящий из крупных грубых и черных лощеных мисок, украшенных прямыми и волнистыми линиями, широкогорлых кувшинов, украшенных такими же линиями и шевронами с линейным заполнением, крупных височных колец и массивных зубчатых и гладких браслетов, относится к широко распространенной культуре, выявленной в памятниках начала I тыс. до н. э.

Материалы могильника Кари-дзора находят широкие аналоги в материалах Редкин-лагеря, Дилижана, Головино, Астхи-блур и других памятников Армении рассматриваемого периода и дополняют наши представления о распространении и культуре данной эпохи.

Могильник Айграни-тала находится на полпути между поселком Колагир и селом Кирги, на правом берегу реки Хидзурот. Погребения находятся в 500 м северо-восточнее здания лесного хозяйства. На поверхности, покрытой лесом, никаких следов погребений не видно, но на крутом берегу реки, образующем срыв высотой около 30 м, видно несколько погребений, расположенных на 7—8 м ниже обрыва и около 20 м выше русла реки. С противоположного левого берега реки четко видны 4 погребения, прозванные местными жителями «посер» (ямы). Все четыре погребения были разрушены местными жителями.

Погребение I представляющее собой каменный ящик размером 3×2×0,8 м, направлено с востока на запад и было перекрыто двумя плитами, поверх которых шла каменная насыпь высотой в 1 м. Местными жителями была снята поперечная стена, но внутренность была расчищена не полностью. От несколько потревоженного костяка сохранилось лишь несколько нетленивших тазовых и берцовых костей. В погребении сохранились также 12 битых и

целых сосудов, небольшой бронзовый проволочный браслет и небольшое количество сердечниковых и настовых бус.

Погребения 2 и 3, имеющие ту же форму и размеры, что и первое, были полностью разграблены, и в них ничего, кроме фрагментов нетленившего костяка, не оказалось, но в выброшенной земле были видны мелкие черенки керамики, свидетельствующие о наличии в погребениях инвентаря.

Погребение 4, как и три первые, расположено с востока на запад, но по конструкции несколько отличается от них. Оно представляет собой грунтовую яму размером 2×1,6×0,8 м. Поверх погребения возвышается каменная насыпь высотой в 1,5 м. По своей форме она несколько отличается от насыпи кургана могильника Кахин-цар тем, что камни первоначально были заложены в погребение и инвентарь был расположен между ними, а не сложен поверх деревянного наката. Это различие привело к тому, что керамические изделия остались целыми и не были перебиты, как в Кахинцарском кургане. Инвентарь этого погребения состоит из нескольких горшков, кувшинов и сердечниковых бус. По своим формам и оформлению керамический инвентарь погребений 1 и 4 одинаков, что дает возможность рассматривать их вместе (табл. 133, рис. 10, 11; табл. 134). Он состоит из крупной масляной, украшенной прямыми и волнистыми линиями, и черных грубых горшков с венчиками, украшенными прищемлением. Найдены также широкогорлые кувшины с плоскими венчиками и туловами, украшенными шевронами с вписанными треугольниками и многорядными штрихами и канцелорами. Несколько экземплярами представлены крупные глубокие миски и более мелкие черные и серые, лощеные, украшенные линейным орнаментом.

Найдены также небольшой двуручный кувшинчик, грубый желтый кубок и небольшой кувшинчик на трех ножках, плоский венчик которого снабжен двумя парами отверстий для привязывания крышки. Вся эта керамика находит четкие параллели в погребальных комплексах Редкин-лагеря, Макаранена, Астхи-блур, Кармир-берда и других памятников Армении начала I тыс. до н. э.¹⁴⁶

Могильник Дарандж находится в 2 км восточнее села Кирги на небольшом округлом холме, заросшем рощей и кустарником. Погребения чуть заметны под густым дерном и опавшими листьями, расположены с севера на юг. Все они представляют собой каменные

¹⁴⁶ А. А. Мартirosian, Армения в эпоху бронзы..., стр. 200; С. А. Есаян, Астхи-блурский могильник, стр. 84; С. А. Есаян, Каталог археологических предметов Музея истории гор. Еревана, вып. II и III.

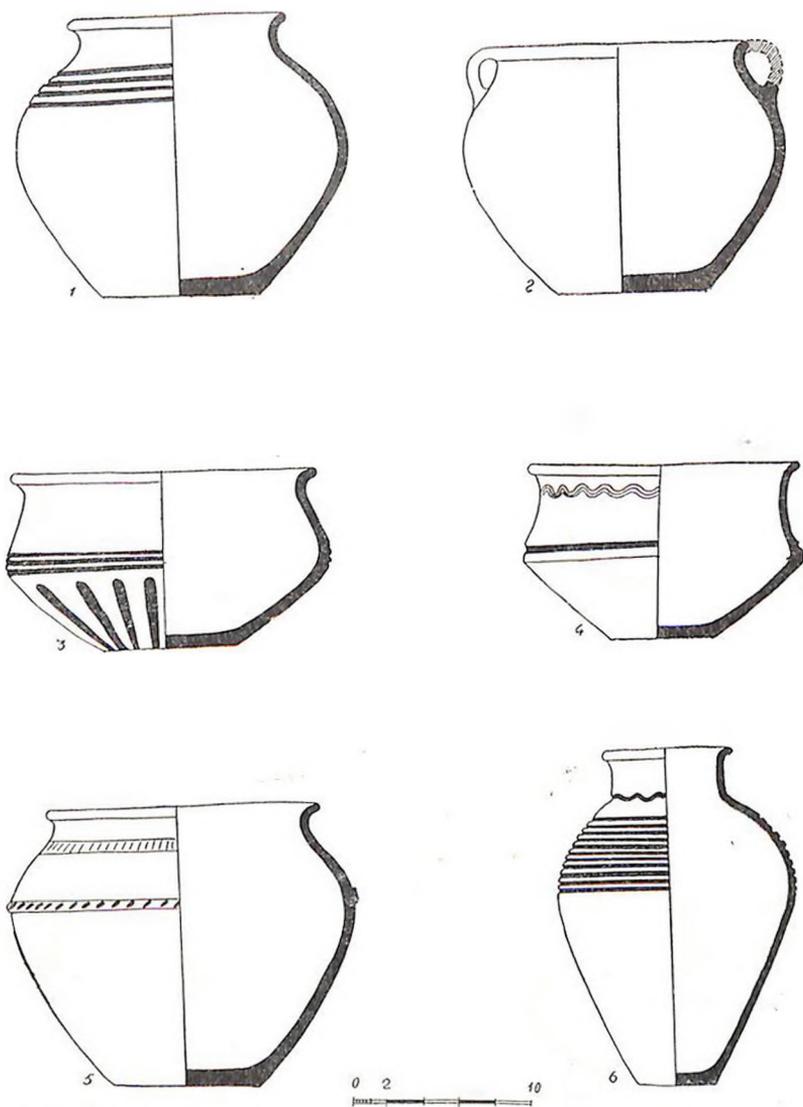

Табл. 111. Предметы из Редкин-лагеря, раскопки Мурье.

ящички, выложенные из грубых камней и перекрытые двумя-тремя плитами. Вокруг части погребений сохранились небольшие каменные круги, что сближает их с кромлехами. Внутреннее пространство погребений колеблется от $1,7 \times 1,1 \times 0,7$ до $2,1 \times 1,2 \times 0,8$ м. Инвентарь погребений немногочисленный, костяк, как правило, не сохраняется, встречаются лишь отдельные нечеловеческие кости.

Раскопкам мешает также наличие на территории могильника деревьев и кустов, корни которых проникли в погребения и даже в некоторых случаях прошли через керамические изделия. На этом могильнике были раскопаны четыре погребения, материалы которых приводятся вместе.

Основную группу составляют керамические изделия (табл. 135, рис. 1—8). В числе их имеются фрагменты серых и бурых широкогор-

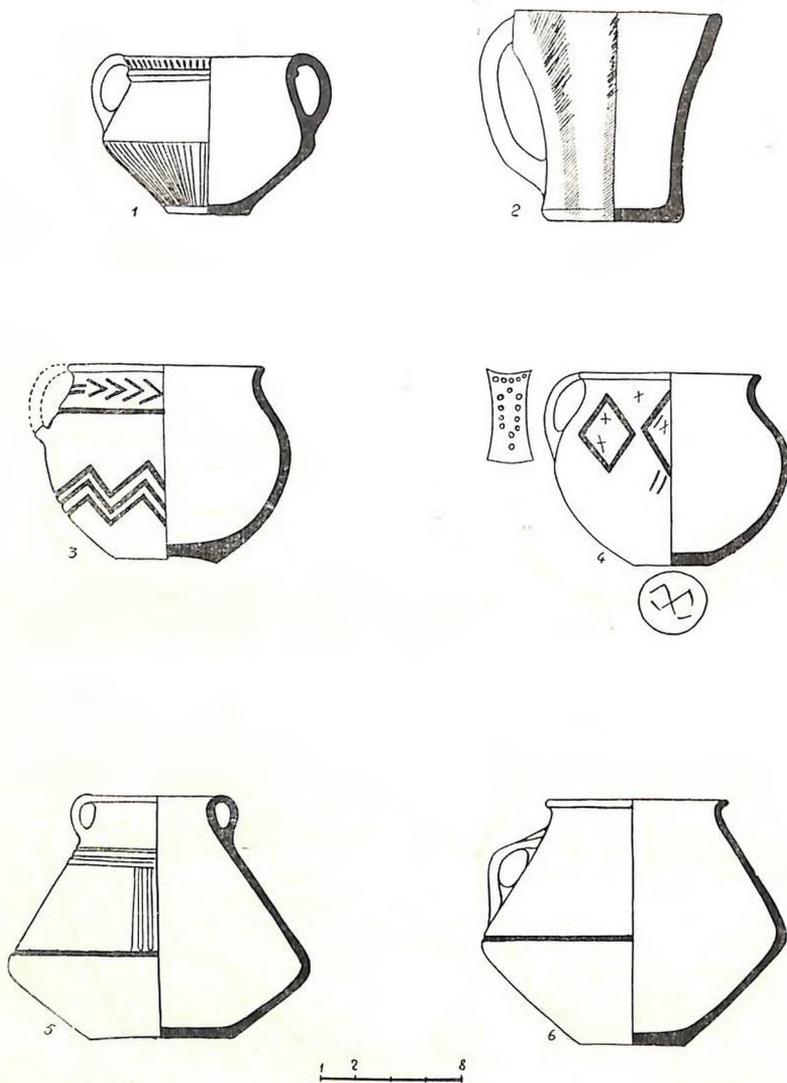

Табл. 112. Предметы из Джархеча, раскопки Мурье.

лых кувшинов, украшенных линейным орнаментом, а шейка одного из них украшена короткими штрихами. Встречаются также небольшие кувшины с короткой узкой шейкой и одноручный кувшин, который по форме сближается с аналогичными сосудами VII—VI вв. до н. э. Вместе с ним в погребении 2 найдены два фрагмента грубых кувшинов, с большой

примесью песка. Под венчиком одного из горшков проходят многорядные углы, входящие острыми углами друг в друга.

Особенно много найдено фрагментов серых, черных и бурых мисок с округлым туловом. Часть мисок украшена линейным орнаментом, а три миски снабжены небольшими горизонтальными ручками со сквозным отвер-

стием. Кроме керамических изделий найдено несколько гладких проволочных браслетов, небольшое височное кольцо со средним стерженьком и небольшое количество бронзовых, настовых и сердоликовых бус (табл. 133, рис. 6—8; табл. 136, рис. 13). Эти погребения, являющиеся захоронениями рядовых общинников, аборигенов села Кирги, относятся к VII—VI вв. до н. э.

Могильник Крапачи-ял находится близ крепости Азатаван, занимая почти всю территорию склона, расположенного между указанной крепостью и рекой Хидзурт. Этот крупный могильник насчитывал около 1000 погребений. Здесь в 1962 г. к концу раскопок мною были исследованы два погребения с тем, чтобы продолжить работы в следующем году, но зимой 1963 г. могильник был подвергнут плантажу и расчистке и полностью уничтожен.

Оба раскопанных погребения представляли собой каменные ящики, выложенные из грубо отколотых плит и перекрытые с севера на юг двумя-тремя такими же плитами. Размеры 2,1×1,7×0,7 м. Костяки сохранились очень плохо, однако было установлено, что они лежали в скорченном положении с согнутыми руками и ногами.

Материалы обоих погребений, в основном, состоят из различных керамических изделий (табл. 135, рис. 9—19). К ним относятся различные серые и черные одноручные или безручные кувшины с шаровидным, вытянутым или реже биконоическим туловом, украшенным косыми и горизонтальными линиями. Найдено также большое количество различных черных и серых глубоких или плоских мисок, также украшенных линейным орнаментом. Часть их снабжена двойными спаренными полукруглыми ручками, напоминающими аналогичные ручки мисок из позднебронзового могильника Хурджин-хогер.

Вся эта керамика хорошо перекликается с материалами из комплексов Редкин-лагеря, Макарашена, Головино, Дилжана, Астхи-блур и других намятников начала I тыс. до н. э.

Не противоречит этой датировке и небольшое количество бронзовых украшений, найденных в первом погребении (табл. 136, рис. 1—3, 6, 7, 8, 9). Эти изделия состоят из небольших височных колец со средним стерженьком, бронзовых литых медальонов, дисковидных подвесок и полудюймов, оловянных медальонов, украшенных изображениями креста, и небольшого количества настовых и бронзовых бус, находящихся свои аналоги в намяниках Армении указанного времени.

Рядом со вторым погребением при установке опорных столбов был разрушен третий каменный ящик, инвентарь которого почти полностью был передан мне.

Инвентарь третьего (разрушенного) каменного ящика состоит из черных крупных широкогорлых кувшинов, напоминающих небольшие карасы, украшенные волнистыми и прямыми линиями. По своим формам и орнаментации они находят аналогию в позднебронзовой керамике Артика¹⁴⁷ и могильника Хурджин-хогер. Найдено также несколько грубых сосудов со вздутым туловом и суженной шейкой, вдоль центра тулова которых проходят рельефные линии с прищепленным орнаментом. Подобные сосуды встречаются и в комплексах погребений Егеккала-дзора и Айграни-

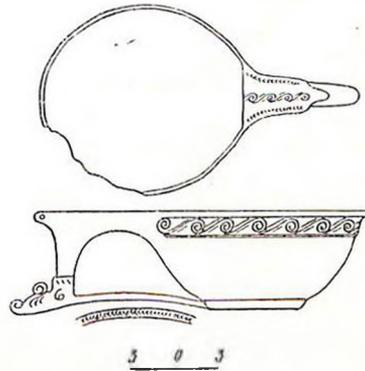

Табл. 113. Черпак из Джархеча, раскопки Мурье.

тала, датируемых началом I тыс. до н. э. Найдено также несколько одноручных и двухручных кувшинов, кружек и т. д. Вместе с ними обнаружены небольшой бронзовый проволочный браслет и кинжал севанского типа, снабженный ажурным павершем. находка этого кинжала и кувшинов типа артекских позволяет предположить, что погребение относится к рубежу II и I тыс. до н. э. и свидетельствует о бытовании могильника и крепости Азатаван в конце II—начале I тыс. до н. э.

Погребения близ циклопической крепости Кари-глух находятся на крутом западном склоне крепости Кари-глух близ села Навур Шамшадинского района. Здесь в феврале 1969 г. учеником местной школы К. Р. Марданияном при добыче камня на глубине 0,5 м от поверхности склона были открыты два погребения. При исследовании местности мне удалось выявить форму погребений и поднять часть битой керамики. Оба погребения—грунтовые могилы размерами 2×1,5 м, расположенные с севера на юг и сплошь засыпанные суживающей сверху каменной насыпью, высотой в

¹⁴⁷ Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, табл. II.

2 м. Инвентарь обоих погребений (табл. 137, 137а) состоит из нескольких керамических сосудов, бронзовых проволочных браслетов и железного копья. Керамические изделия состоят из одноручных кувшинов, горшков и мисок, украшенных вдавленными и лощеными, прямыми и волнистыми линиями. Часть мисок имеет на плечиках плоские выступы. Железный наконечник копья листовидной формы,

имеет небольшую втулку. Здесь же, по словам рабочих, были найдены два крупных истлевших железных меча, которые им не удалось извлечь.

Весь этот комплекс находит свои аналоги в материалах Редкин-лагеря, Головино, Дилижана и других памятников Армении начала I тыс. до н. э. и датируется указанным временем.

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕАРМЯНСКОГО ВРЕМЕНИ

Кроме выше рассмотренных материалов из крепостей, предметы раннеармянского времени известны также из ряда могильников Северо-Восточной Армении. К числу их относятся два сосуда из раскопок Ф. Байерна в Редкин-лагере.

Один из них—небольшой одноручный кувшин с округлым туловом, высоким горлом и четким венчиком, второй—небольшой красный кувшин с горлышком в виде эйнохон. Здесь же имеются крупные гривновидные серьги с закрученными в петли концами, хорошо известные по находкам в Иджеване и Астхлбуре.

По описи Ф. Байерна, в погребениях Редкин-лагеря обнаружено большое количество синих стеклянных бус, характерных для раннеармянского времени, которые могут составить комплексы с указанными кувшинами.

Хорошо датированные изделия раннеармянского времени из Редкин-лагеря выявлены раскопками П. С. Уваровой¹⁴⁸; в числе их имеются два браслета с прогибом в верхней части, расходящиеся концы которых украшены шаровидными выступами. У второго пять таких же выступов расположены по всему тулову. Вместе с браслетами обнаружено несколько связок белых и голубых мелких пастовых бус. Подобные браслеты с бусами в сопровождении трехлопастных железных стрел обнаружены в погребениях послеурартского периода, сооруженных на развалинах городских кварталов Кармир-блур¹⁴⁹. Подобные браслеты известны также из Земо-Авчала, где они обнаружены вместе с фиалами, датированными V—IV вв. до н. э.¹⁵⁰

Браслеты с прогибом в Армении известны из Джарата, Атарбекяна, Камо, Бжин, Ахбаша и ряда других мест¹⁵¹. Эти браслеты при-

ято считать датирующим элементом раннеармянского (ахеменидского) времени, хотя они встречаются и позже, что дает основание отнести редкинлагерские экземпляры к V—IV вв. до н. э.

Неподалеку от Редкин-лагеря при расширении дороги, ведущей к монастырю Агарци, близ села Техут, обнаружена коллекция железных изделий рассматриваемого времени (табл. 138, рис. 4—12). Коллекция состоит из листовидных и перьевидных наконечников копий с четко проходящим средним ребром и узкой длинной втулкой, снабженной отверстиями для закрепления древка.

Найдены также кривые крупные ножи с односторонней заточкой, плоской, чуть расширяющейся рукоятью и нож с кривым лезвием, рукоять которого имеет круглую форму с прорезью в центре и края, напоминающие резьбу винта. Кроме оружия, здесь было несколько проволочных браслетов и пряжка в виде винта. Все эти находки датируются V—IV вв. до н. э. и хорошо связываются с памятниками Иджевана и Шамнадина, описание которых приводится ниже.

Интересные находки были обнаружены геологом А. Ш. Матевосяном в 1966 г. близ села Ачаджур Иджеванского района при геологических изысканиях. Здесь в 2 км западнее известного монастыря Макараванк, при рытье траншеи, идущей параллельно дороге, ведущей на кочевки, на глубине 1—16 м было обнаружено 6 каменных ящичков, выложенных из известковых плит. При осмотре местности оказалось, что погребения имеют ширину в 50 см и высоту в 70 см (длина не установлена) и направлены с востока на запад. Инвентарь, собранный рабочими, состоял из нескольких железных ножей, копий и браслетов. Мною

¹⁴⁸ Инв. МГИМ 77336; С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, указ. соч., стр. 95, табл. II.

¹⁴⁹ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, вып. I, стр. 19; А. А. Мартиросян, Город Тейшебанин, стр. 138.

¹⁵⁰ Д. А. Коридзе, Погребальный инвентарь одного каменного ящичка из Земо-Авчала, ВМГ, XIX-V, стр. 225.

¹⁵¹ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирация, Новые данные о материальной культуре древней Армении, Изв.

АН Арм. ССР, № 8, 1961, стр. 73; С. А. Есаян, Бронзовые браслеты Гос. музея Армении, стр. 90; Ж. Д. Хачатрян, Археологические находки в Гегадире, ВОН, № 1, 1966, стр. 89.

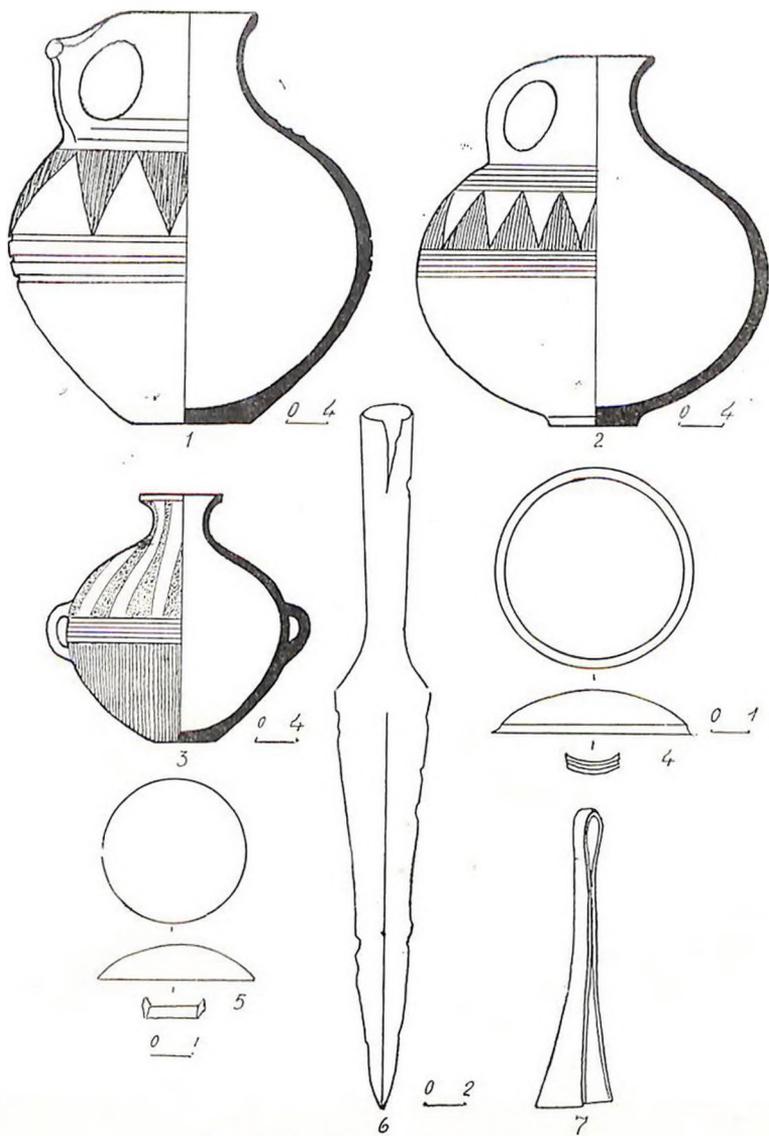

Табл. 114. Предметы из Дилижана.

было подобрано несколько фрагментов керамики и целых ножей. Найденное здесь конь втульчатое, с широким листовидным наконечником и массивным срединным ребром. Три ножа имеют широкие, плоские, с односторонней заточкой лезвия и чуть заметный плоский язычок с одним отверстием для закрепления рукояти. Четвертый нож повторяет форму текутского ножа с кольцевой рукоятью и отличается от него меньшими размерами.

Другим пунктом, давним находки раннеармянского времени, является могильник близ Иджевана, случайно открытый при строительных работах¹⁵². При осмотре местности выявлено, что четыре разрушенных каменных ящика расположены с северо-запада на юго-восток. Инвентарь, собранный жителем Идже-

¹⁵² С. А. Есаян, Археологические находки близ поселка Иджеван, Изв. АН Арм. ССР, № 4, 1961, стр. 73.

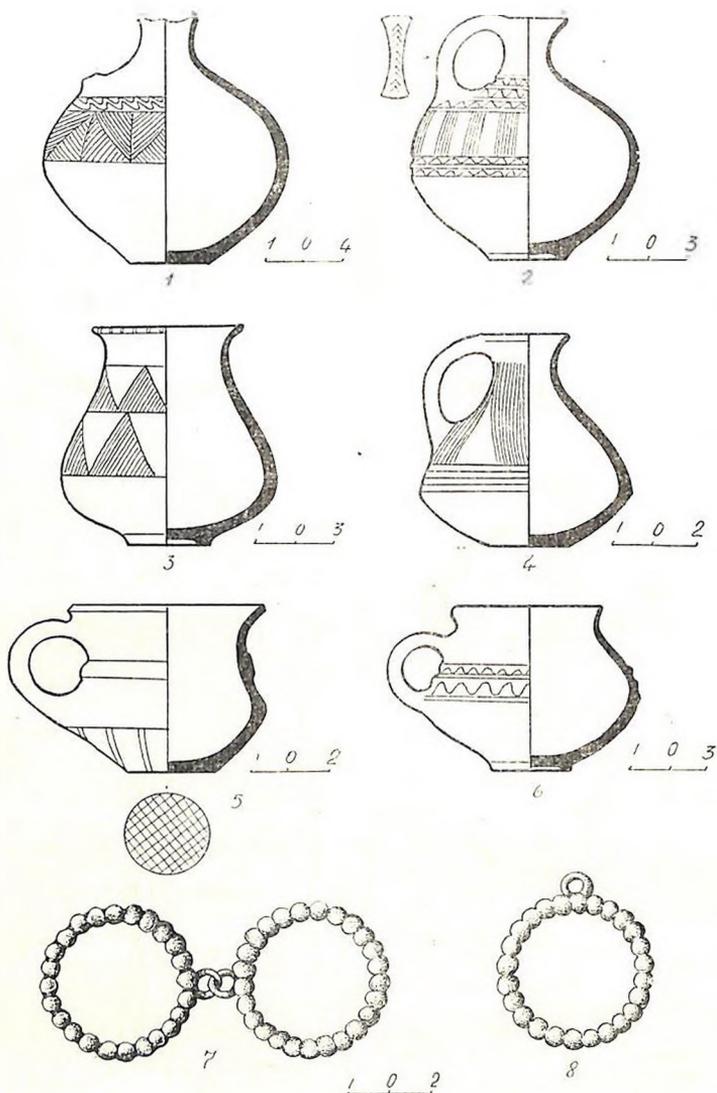

Табл. 115. Предметы из Дилижкана.

вана Б. Папаняном и переданный мне, состоял из нескольких одноручных кувшинов, ручки которых имеют вертикальную гладкую или заполненную ступенчатыми углублениями прорезь.

Найдены также широкогорлые безручные кувшины и небольшой конусообразный стаканчик. Вся эта керамика, украшенная линейным орнаментом, находит свои аналогии из Джаррата, Норашена, Тмбадира и других

вышеуказанных памятников, датруемых VI—V вв. до н. э.¹⁵³ К этому же времени относятся найденные здесь нож с кольцевой рукоятью и колья, хорошо известные из Техута, Берда, Норашена и других памятников указанного времени.

Небольшую группу составляют эменно-

¹⁵³ А. О. Мницакян, Г. А. Тирацян, указ. соч., табл. 3.

головые и плоские браслеты, украшенные штрихами, кружочками с точечным углублением, w-образным орнаментом и т. д. Интересна находка гривновидных серег с петлевидными концами типа найденных в Редкин-лагере и хорошо известных из Астхи-блур, Кедабека, Доланлара, Кобани и других мест¹⁵⁴. В число украшений входят ажурный медальон с вписанным крестом, большое количество бронзовых бус, цилиндрических трубочек, колец и т. д., известных по находкам из Головино, Хртапоца, Атарбекяна, Вардениса и других памятников, датруемых VII—V вв. до н. э.

По-видимому, из этого могильника происходят несколько найденных позже предметов из разрушенного погребения на берегу реки Агстев. В числе их имеется медальон, схожий с вышеописанным, настольная подвеска овальной формы, несколько сердоликовых бус и, что особенно важно для датировки, браслет с прогибом, характерный для памятников раннеармянского времени.

По-видимому, к этому же времени относятся несколько предметов, найденных при строительных работах на улице Свердлова в Иджеване.

Инвентарь, найденный здесь, состоит из небольшого кувшина и стаканчика, двух медальонов, височного кольца, проволочного браслета, сурьмяной пуговицы и нескольких сердоликовых бус вишневого цвета. Эти находки, происходящие из одного разрушенного погребения, повторяют форму предметов из вышеописанного могильника близ Иджевана.

Астхиблурский могильник. Как уже указывалось выше, среди погребений этого могильника имеются захоронения раннеармянского времени, которые по конструкции ничем не отличаются от погребений раннежелезного века. К ним относятся погребения 5, 6, 9, 11, 16, 20, 22—25.

Керамика из рассматриваемых погребений (табл. 139) представлена многочисленными черными лощеными, красными и бурыми одноручными кувшинами, ручки которых украшены вертикальной прорезью со слабо выраженными ступенчатыми точечными кружковыми или штриховыми углублениями. Часть ручек имеет гладкую прорезь. Сосуды украшены прямыми и волнистыми линиями, нанесенными лощением или вдавлением. К ним

можно причислить небольшой двуручный кувшин из погребения 16 (табл. 139, рис. 11).

Небольшую группу образуют безручные кувшины, к которым можно причислить кувшины с трапецевидной ручкой из погребения 20 (табл. 139, рис. 5), а также миски и кружки, украшенные лощеными линиями (табл. 139, рис. 8, 10, 12, 13).

Рассматриваемая керамика по своей форме сближается с керамикой из Атарбекяна¹⁵⁵, Джрарата¹⁵⁶, Аксера¹⁵⁷, Триалети¹⁵⁸, датруемой раннеармянским временем—VI—IV вв. до н. э., и памятников той же эпохи Северо-Восточной Армении—Иджевана, Тмбадира, Пилот-пата, Норашена и т. д.

Вместе с тем, в астхиблурской керамике чувствуется сильное влияние керамики VIII—VI вв. до н. э., что позволяет предположить, что указанные сосуды являются формами переходного этапа—VI—V вв. до н. э.

Немногочисленной группой представлены предметы вооружения. Два кинжала (погребения 6 и 25) относятся к лаварскому типу. Оба имеют широкие, плоские клинки с цельноотлитой рукоятью, снабженной многочисленными гвоздями для закрепления накладок (табл. 140, рис. 8), что сближает их с акнерским кинжалом из раскопок Н. Я. Марра¹⁵⁹. Два других представлены в единичных экземплярах. Один из них имеет подтреугольную формы клинок и цельноотлитую рукоять с навершием в виде полулуния, с вдетыми бронзовыми накладками, украшенными клиновидными выемками. Подобные кинжалы, как указывалось выше, известны из Джархеча, Носемберяна и Триалети (табл. 140, рис. 1). Второй кинжал (табл. 140, рис. 5) имеет овальный в сечении клинок с небольшим квадратным язычком. На язычок вдето десять крупных железных шайб, между которыми имеются зазоры, куда, по всей вероятности, вставлялись роговые или деревянные вкладыши. Близкие по форме рукояти имеются у кинжалов и мечей из Носемберяна, Муссерн, Акнера, Астхадзора и Самтавро¹⁶⁰.

В число предметов вооружения входят четыре железных наконечника копий. Два из них плоские, с узкой короткой втулкой (табл. 140, рис. 1). Подобные конья известны из

¹⁵⁵ А. О. Мнацаканян, Раскопки могильников у селения Атарбекян, КСИИМК, 60, 1955, стр. 31.

¹⁵⁶ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тиранян, указ. соч., стр. 76.

¹⁵⁷ А. А. Мартиросян, Раскопки в Головино, стр. 90.

¹⁵⁸ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, табл. XXIX.

¹⁵⁹ Хранится в отд. Востока Гос. Эрмитажа, № 16969.

¹⁶⁰ Ж. де Морган, указ. соч., рис. 35; А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 24; С. А. Есаян, Оружие и военное дело..., стр. 84.

¹⁵⁴ А. А. Иванюкский, По Закавказью, МАК, 6, стр. 93, 96 и 99; П. С. Уварова, Могильники Северного Кавказа, МАК, 8, табл. XXX; Минкевич-Мустафаева, Об археологических находках из села Доланлар, МКА, вып. 1, стр. 53; С. А. Есаян, Астхиблурский могильник, ВОН, 6, 1968, стр. 89.

Камо и Вардениса¹⁶¹. Два других, имея ту же форму, отличаются наличием узкого среднего ребра (табл. 140, рис. 7). Эти конья, характерные для VII—VI вв. до н. э., встречаются также в памятниках VI—IV вв. до н. э. и известны из Джарарата, Макарашена, Бешташена и др.¹⁶²

Особенно широко представлены украшения: разнообразные браслеты, шейные гривны, кольца, булавки, подвески и т. д. Основ-

К числу интересных находок можно отнести гривновидные подвески-серьги, уже известные из вышеуказанного могильника близ Иджевана (табл. 140, рис. 12). Атрибутами доспехов и одновременно украшением являются крупные бляхи из погребений 6 и 23 (табл. 140, рис. 14), хорошо известные также из Норанешской крепости и Бердского могильника. В погребении 6 был обнаружен также пинцет из тонкого бронзового листа.

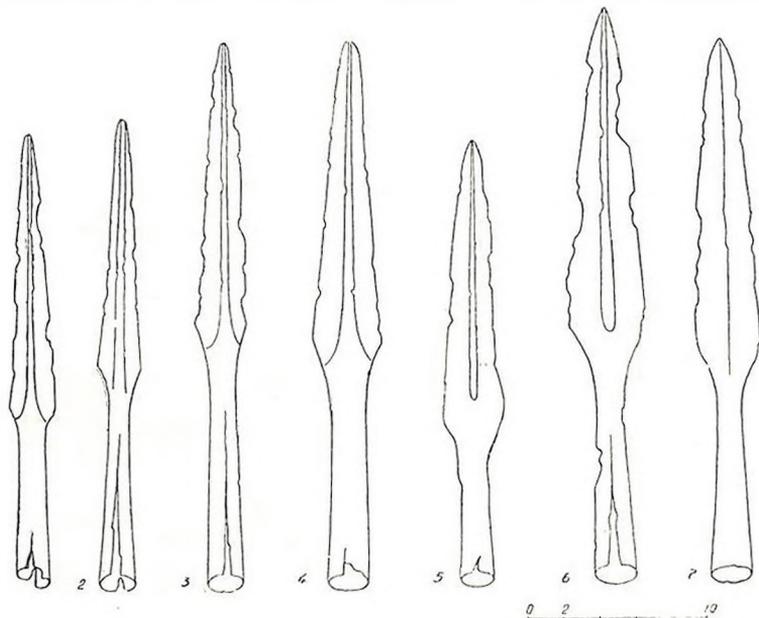

Табл. 116. Железные конья: рис. 1—Навур; рис. 2—Чоратан; рис. 3—7—Дилижан.

ная часть браслетов изготовлена из гладкой проволоки (табл. 140, рис. 11, 15). Выделяется браслет из погребения 6, концы которого украшены бараньими головками (табл. 140, рис. 9). Близкие по форме браслеты, датируемые VI—V вв. до н. э., известны из Бешташена и Куртана. Интересен браслет из погребения 20, концы которого украшены колосовидным орнаментом.

В погребениях 20 и 23 обнаружены массивные шейные гривны и височные кольца, хорошо известные по памятникам VII—V вв. до н. э.—Алаверди, Дилижану, Хртапоцу и др.

¹⁶¹ А. О. Мнацаканян, Археологические находки в селе Басаргечар, КСНИМК, вып. 60, 1955, стр. 33.

¹⁶² А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, указ. соч., рис. 1, А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., табл. XXX, XXXI; Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, рис. 43; Р. М. Абрамишвили, К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии, ВМГ, XXII-V, табл. XV.

Характерную группу образуют подвески. Одна из них (погребение 20) изготовлена из тонкого бронзового листа трапецевидной формы и имеет небольшое отверстие, с помощью которого подвешивается к цепочке (табл. 140, рис. 8). Подвески второго вида, найденные в погребении 21, имеют треугольную форму. В верхней части имеется петелька, которая соединяет ее с цепью, а в нижней части—три петельки с подвешенными ложковидными подвесками и бубенчиком (табл. 140, рис. 4). Подобные подвески рассматриваемого времени известны из раскопок Мурье в Джаргече и более широко в вышеописанных памятниках железного века.

В числе украшений необходимо отметить одну булавку из погребения 24, представляющую собой заостренный бронзовый стержень с цельноотлитым наверху в виде расходящихся в обе стороны головок оленей с большой петлей в центре (табл. 140, рис. 10). По маюру изготовлена она прибли-

жается к вышеописанной дупнице из Хртаноца, украшенной головками козлов и датированной VII—VI вв. до н. э.

Подобные булавки, украшенные головками лошадей, баранов и оленей, в большом

козе, в то время как из Грузии, Армении и Дагестана известно только три образца, дано твердое основание В. П. Козенцовой отнести их к кобанской культуре, датируя всю группу концом II тыс. до н. э.—VI—V вв. до н. э.

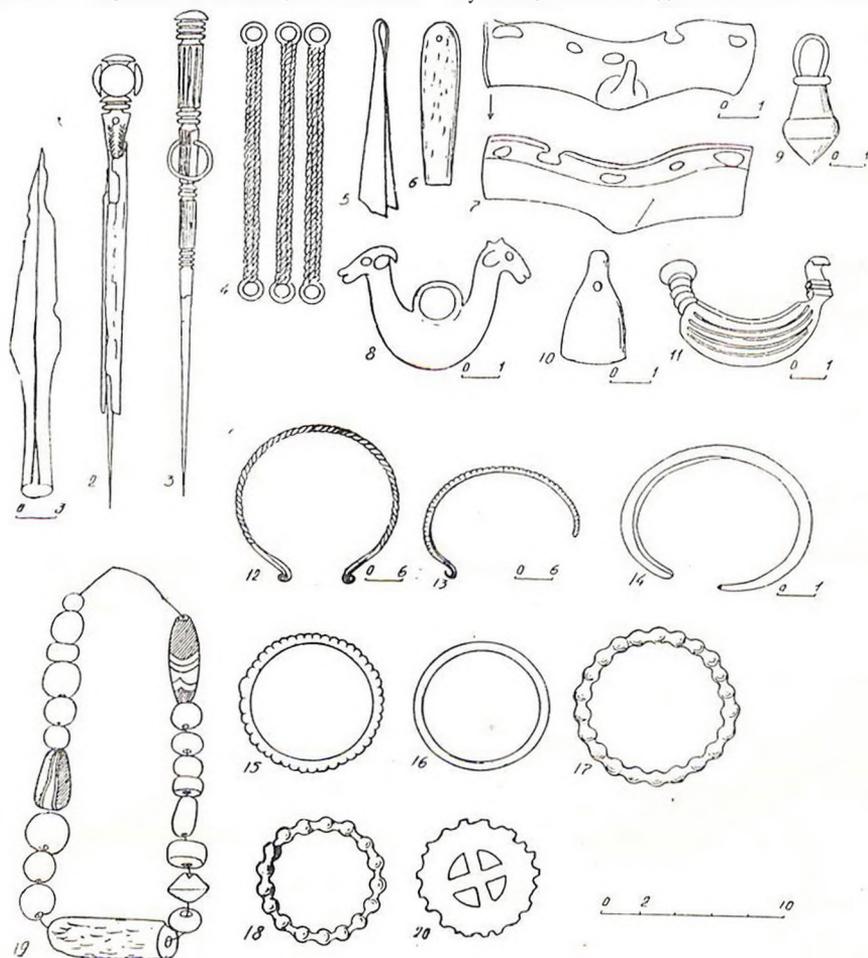

Табл. 117. Предметы из Хртаноца.

количестве известны из Сержень-юрта, Кобани, Заюково, Верхней Рутхи, Фаскау и Кумбулати. В единичных экземплярах они известны из Банице-хеви и Дагестана¹⁶³. Такое обилие украшений этого типа на Северном Кав-

¹⁶³ П. С. Уварова, Могильники Северного Кавказа, МАК, VIII, 1900, табл. XXXIX, стр. 63, рис. 52; М. П. Никулев, Эпоха раннего железа в Дагестане, Махачкала, 1967, стр. 62; В. П. Козенцова, Об одном типе кобанских булавок, КСИА, вып. 132, 1972, стр. 12; Ш. Г. Садых-заде, Древние украшения Азербайджана, табл. XX.

На противоположной от Астхи-бура стороне, на юго-западной окраине села Енокаван, в разрушенном при земляных работах погребении были найдены четыре уникальных крупных железных серпа, впервые встречаемые в Армении (табл. 141, рис. 5—8). Эти серпы, указывающие на высокое развитие земледелия, имеют одностороннее почти прямое лезвие, изогнутое в части острья. Рукоять состоит из узкого язычка, завернутого в петлю. Длина их колеблется от 64 до 75 см.

По своей форме и особенно по рукояти они хорошо перекликаются с аналогичными полами более мелких размеров из Берда, Норашена, Техута и других памятников Армении, датируемых VI—V вв. до н. э. Не противоречит этой датировке и найденный вместе с серпами бледно-розовый кувшин с округлым туловом и небольшим венчиком без шейки, снабженный небольшой трапецевидной ручкой (табл. 141, рис. 5). Хотя подобные сосуды, в основном, бытовали в VIII—VI вв. до н. э., факт их находки в Норашенской и Тмбадирской крепостях и особенно цвет кувшина позволяют датировать их указанным временем и отнести VI—V вв. до н. э.

Находки крупных серповидных ножей в Епокаване, где обнаружено чрезвычайно много других железных изделий, тиглей, печей и др., свидетельствующих о развитой металлообработке, находка составных серпов в Тмбадире и почти полное отсутствие металла в Луцадзоре и других местах указывают, по всей вероятности, на наличие общин, специализировавшихся на металлообработке, земледелии, деревообработке, кожевенном деле и т. д.

Небольшие находки известны из села Старый Башкенд Красносельского района. К числу их относятся три браслета: два—кольцевые, зубчатые, причем зубья на одном клиновидные, а на другом—лепестковидные; третий—широкий, змееголовый, украшен кружочками с точечным углублением в центре, что приближает его к браслетам из Иджевана. Подобные браслеты найдены в селе Н. Чамбарак того же района; они гладкие проволочные, зубчатые и змееголовые. Причем последний сближается с браслетами из Башкенда и Иджевана, что дает возможность отнести их к одному времени.

Интересные изделия раннеармянского времени найдены в селе Джуджеван Ноемберянского района на территории вышеупомянутого могильника Мичи-мат¹⁶⁴. Здесь в 1966 г. при строительных работах было разрушено три погребения, а затем С. С. Чилингаряном было раскопано еще четыре. Найденные в погребениях кривые ножи с петлевидной ручкой и листовидные втульчатые копы хорошо известны по находкам в Техуте, Иджеване, Берде, Норашене и других памятниках. Здесь найдена также небольшая фиала с выпуклым донышком и шипастым выступом, хорошо известная по находкам в Берде, Норашене и Айруме. Подобная фиала происходит также из местности Мехмана Марту-

бийского района Нагорно-Карабахской области¹⁶⁵.

Находки одноручных фиал на территории смежных районов—Карабаха, Шамшадина и Ноемберяна указывают на локальный характер их производства. В числе прочих изделий здесь найдены различные одноручные и безручные кувшины, бляхи, серебряные лунница и колечко и различные бусы из стекла, сердолика и насты, находящиеся аналоги в рассмотренных раннеармянских памятниках Северо-Восточной Армении. В том же Джуджеване, в верхнем слое Джагацатехского поселения, обнаружены верхний камень зернотерки с выемчатым пазом на поверхности и фрагменты красных расписных сосудов (табл. 138, рис. 1—3). Подобные зернотерки хорошо известны по находкам из Двина, Гарни, Армавира, Кармир-берда и других мест, где они датируются IV—III вв. до н. э.¹⁶⁶

Гораздо больше памятников раннеармянского времени найдено в Шамшадинском районе. Говоря о них, необходимо прежде всего остановиться на некоторых случайных находках. К числу их относятся предметы из двух каменных ящичков, разрушенных при строительстве дома С. Саакяна в селе Норашен, расположенного неподалеку от крепости Пилор-пат (табл. 141, рис. 1—4, 9). Здесь обнаружено два одноручных кувшина, ручки которых украшены наленными выступами, а тулово—короткими штрихами, наподобие кувшинов из Бердского могильника и Норашенской крепости. Третий сосуд—небольшой кувшинчик с вертикально поставленными ручками. Все три сосуда покрыты розовым ангобом с прекрасным лощением. Вместе с ними найдено небольшое железное втульчатое копы. Форма, ангобирование и орнаментика всех трех сосудов, их связь с матерналами Бердского могильника и Норашенской крепости дают полное основание причислить их к VI—V вв. до н. э.

Необходимо остановиться на нескольких браслетах из сел Айгедзор и Кирги. Два браслета, найденные в местности Герезманец близ села Айгедзор, имеют характерный прогиб и дополняют ареал их распространения¹⁶⁷. Браслеты из Кирги, найденные трактористом А. С. Вирабяном в местности Тари-хогер (пять экземпляров и один небольшой колокольчик), имеют четырехгранное полукруглое или круглое сечение. Концы их несколько расширены и имеют четырехгранную или коническую форму. Подобные браслеты в Ар-

¹⁶⁴ Хранится в Степанакертском музее.

¹⁶⁵ Ж. Д. Хачатрян. Происхождение ручной мельницы по материалам раскопок Гарни, ИФЖ, № 1, 1964, стр. 246; С. А. Есаян, Ереван, стр. 40.

¹⁶⁷ Хранится в местной школе.

¹⁶⁴ С. С. Чилингарян, Раннеармянские памятники Джуджеванского могильника, ВОН, № 2, 1971, стр. 69.

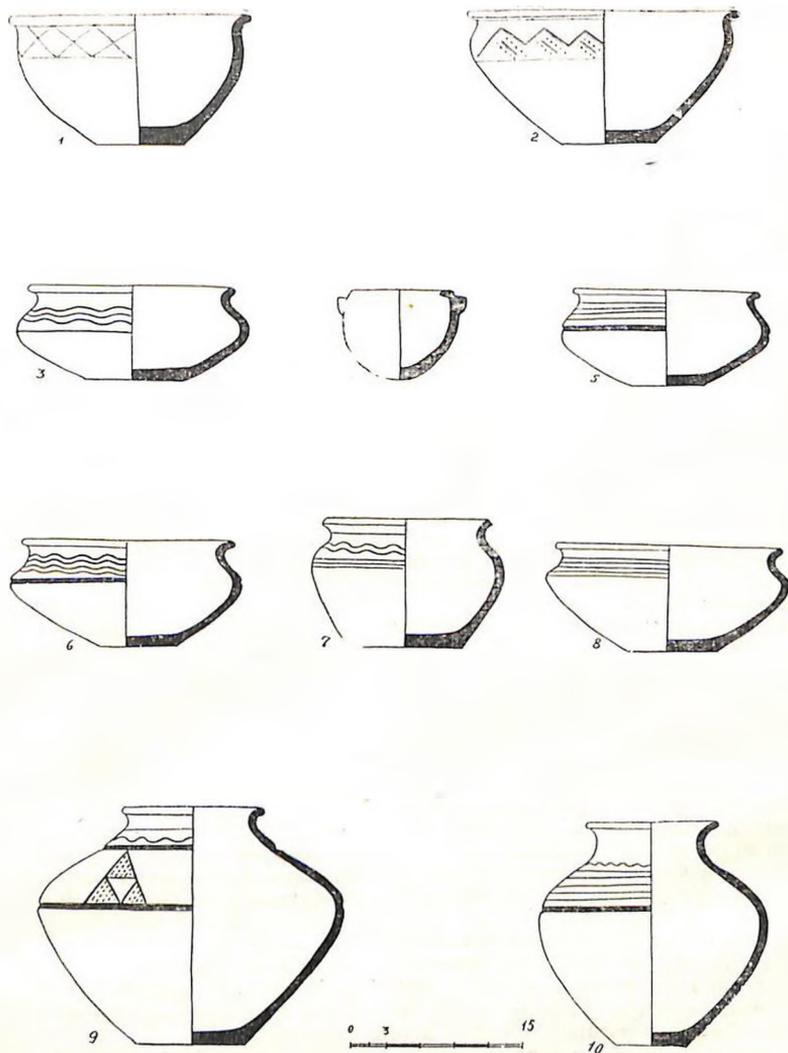

Табл. 118. Предметы из Шамаха.

мени встречаются впервые, но они известны в Кахетии; последние Б. А. Куфтин датирует V—IV вв. до н. э., хотя указывает, что они бытуют до начала н. э.¹⁶⁸

К раннеармянскому времени относится интересный по конструкции курган, раскопанный в 1961 г. в местности Азатаван на терри-

тории вышеупомянутой циклопической крепости¹⁶⁹. Раскопками выяснилось, что в желтом глиняном грунте склона холма была вырыта почти круглая яма размером 3,7×4 м и глубиной в 1,5 м. В центре ее находилась другая яма меньших размеров—1,2×1 м. Она была заполнена золой, цеппом и углем, среди

¹⁶⁸ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, стр. 38.

¹⁶⁹ С. А. Есаян, Погребения VI—V вв. до н. э. в горах Шамшадина, СА, № 3, 1965, стр. 229.

которых обнаружено много мелких обгорелых костей и часть человеческого зуба. Верхняя камера была забутована крупным булыжником, между которыми обнаружено свыше 100 целых и фрагментарных кувшичков высотой 6—17 см с округлым или вздутым туловом.

Кроме кувшинов встречаются также небольшие миски и фрагменты кухонной посуды в виде солонок и миниатюрных карасов (табл. 142, рис. 1—20). Часть этих сосудов украшена палеными ручками, каннелюрами или линейным орнаментом. Вместе с ними найдены несколько точильных камней и небольшая панцирная бляха (табл. 142, рис. 21—24). Весь этот инвентарь хорошо известен по находкам из Астхи-блур, Иджевана, Паравакара, Тоуза, Айрума и других крепостей и могильных комплексов раннеармянского времени.

Таким образом, Азатаванский курган состоял из двух камер: в нижней производилась кремация, а верхняя заполнялась камнями, между которыми размещался инвентарь. Близкое по конструкции погребение было обнаружено Р. Торосином и А. Калантаряном в 1964 г. в местности Охнак близ села Назарван Аштаракского района, где инвентарь также размещался в каменной насыпи¹⁷⁰.

Наиболее интересные находки выявлены в Берде, в 300 м западнее циклонической крепости. Здесь в городском парке при строительстве плавательного бассейна были открыты три погребения. При осмотре выяснилось, что погребения находились на глубине около 1 м от поверхности и не имели наружных следов¹⁷¹. Погребения грунтовые, с каменной засыпкой на всю глубину. Все они расположены по линии север—юг на расстоянии 5—8 м друг от друга и были коллективными захоронениями, так как, по словам рабочих, в каждом погребении находилось не менее 10 скелетов.

Керамический инвентарь состоит из 10 целых и фрагментированных фиал красного, розового и темно-коричневого цветов с прекрасным лощением (табл. 143, рис. 1, 3, 5). Кроме двух фиал, имеющих плоское дно, остальные имеют округлое дно, переходящее в сильно профилированные шейки с округлым венчиком. У части фиал на дне имеются округлые выступы. Все они снабжены ручками в виде округлых заостренных выступов.

Подобные фиалы, как указывалось выше,

¹⁷⁰ С. А. Есаян, Каталог археологических предметов Музея истории гор. Еревана, вып. II, стр. 67.

¹⁷¹ С. А. Есаян, Могильник раннеармянского времени в поселке Берд Шамшадинского района. ИФЖ, № 4, 1969, стр. 285.

известны из Порашена, Айрума, Джуджевана Джаррата, Тейшебани, Гарни¹⁷². Металлические фиалы близкой формы известны из Беншатена, Ахалгорийского клада и Алетского погребения¹⁷³. Целый ряд подобных чаш с шишечкой в центре дна найден в погребениях более позднего времени близ Ошакана, Кировабада и Мингечаура¹⁷⁴. Подобные бронзовые сосуды известны из Персеполя¹⁷⁵. Близкие по форме чаши известны также из Кармир-блур; по справедливому замечанию Г. А. Тирация, они могут быть признаны предшествующими формами для вышеуказанных чаш-фиал послеурартского времени¹⁷⁶. Кроме фиал, здесь найдено несколько одноручных кувшинов черного, розового и желтого цветов с округлыми и дугообразными ручками, часть которых имеет вертикальные прорезы или украшена палеными кружочками (табл. 143, рис. 6—8). Часть кувшинов украшена ногтевым орнаментом. Подобные сосуды известны из Джаррата, Кармир-блур, Иджевана, Атарбекяна, Армавира и других памятников раннеармянского времени. Найдены также два сосуда ручной ленки—небольшая кружка с прямыми бортами и срезанным венчиком и солонка (табл. 143, рис. 4, 9).

Кроме керамических изделий, найдены железные копы (табл. 144, рис. 10—16) с листовидным наконечником и узкой втулкой, средние ребра которых на части копий проходят по всей длине, а на другой—заходят на 1/3 наконечника. Подобные копы хорошо известны по находкам из Хртаноца, Акнера, Качагана, Техута, Атарбекяна и других синхронных памятников Армении¹⁷⁷.

Здесь найдены также ножи (табл. 144, рис. 1—7). Часть их имеет прямой или слегка изогнутый клинок с односторонней заточкой и заостренными или округлыми острями. Рукоятки, являющиеся продолжением клинка, сохранили следы 5 гвоздей. На одной из них сохранилась железная накладка, которая, по-

¹⁷² А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирация, указ., соч. стр. 76; А. А. Маргирисян, Город Тейшебани, стр. 144.

¹⁷³ В. А. Куфтин, Археологические раскопки в Трпалети, стр. 46.

¹⁷⁴ Раскопки Г. О. Розендорфа близ г. Елизаветполя и селения Еленендорф, ОАК, 1903, стр. 92; Раскопки В. П. Скандера, А. А. Спицын, Некоторые закавказские могильники, ИАК вып. 29, 1909, стр. 6; Я. П. Гуммель, Археологические очерки, Баку, 1940, стр. 149—160; Т. С. Пассек, Джафарханский могильник, ВДН, № 2, 1946, стр. 177; Н. В. Микевич-Мустафаева, О раскопках в Мингечауре, МКА, т. I, табл. VI, рис. 8.

¹⁷⁵ E. Schmidt, Persepolis II, Chicago, 1967, табл. 68.

¹⁷⁶ Г. А. Тирация, Урарту и Армения, ВОН, № 2, 1968, стр. 19.

¹⁷⁷ С. А. Есаян, Оружие и военное дело..., стр. 22

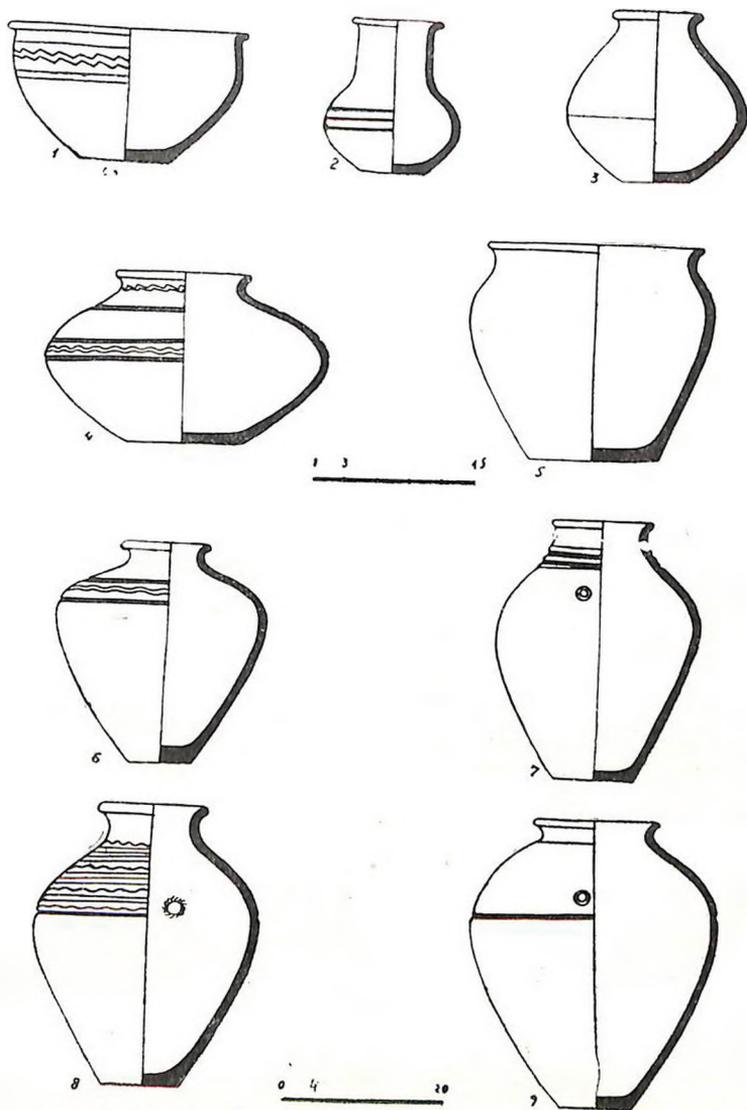

Табл. 119. Предметы из Шамаханяна.

видному, обматывалась кожей. Некоторые рукоятки плоские, и на них насаждались деревянные накладки. Один из ножей снабжен небольшой обоймой, второй имеет резко изогнутый серповидный клинок. Остальные имеют кольцевидно-продолговатую форму. Подобные ножи, как указывалось выше, известны из Ахталы, Хртанца, Муснери, Астхиблур, Техута, Ачаджур и т. д., что дает основание предполагать, что они являются

формой локального производства Северной Армении. Найдены также ножи пожей (табл. 144, рис. 8, 9), изготовленные из тонкой свернутой листовой бронзы, с открытыми несходящимися концами с одной стороны. По всей вероятности, эти бронзовые ножи натягивались на деревянные основы, следы которых сохранились на двух экземплярах. В верхней части ножны украшены чеканными изображениями сапожков, точечными ли-

ниями, проходящими по всей длине. Подобные ножны в Армении известны из Камо, Вардениса, из старых раскопок Ж. де Моргана в ущелье реки Дебед, Аксера и Редкин-лагеря¹⁷⁸. Другой вид ножен имеет форму небольшой зубчатой обоймы, которая, по-видимому, натягивалась на деревянные или кожаные ножны. Здесь же найдено большое количество панцирных дисков и блях, имеющих круглую коническую форму, с шишастым выступом в центре, украшенных штрихами и зигзагообразными линиями (табл. 144, рис. 17—19).

Кроме предметов вооружения, найдено большое количество украшений в виде различных гладких змееголовых браслетов, часть которых имеет прогиб в центре. Имеются также различные серьги, трубочки, колокольчики, фишкет, крупная бусина из стекла, небольшие треножки-подставки и т. д. (табл. 145).

Новостью для материальной культуры Армении являются крупные булавки, представленные в тринадцати экземплярах. Семь из них представляют собой длинные круглые бронзовые стержни с заостренным концом. Верхние массивные концы украшены 5—6 вдавленными линиями (один экземпляр имеет не круглый, а уплощенный конец).

Пять других булавок представляют собой цельноотлитые стержни, верхние концы которых уплощены и украшены одной или двумя парами отходящих валют в виде спиралевидных завитков, придающих им форму бараньих головок (табл. 145, рис. 9, 11). Подобные булавки в Закавказье известны из раскопок Квацхелеби¹⁷⁹, Амранис-гора¹⁸⁰,

Сачхери¹⁸¹ и Мингечаур¹⁸². Такие булавки, относящиеся ко II тыс. до н. э., в большом количестве известны из памятников Северного Кавказа—Фаскау, Северной Осетии и Пятигорья и памятников Центрального Кавказа, Чечни и Дагестана¹⁸³.

Эти находки показывают, что указанные булавки, появившиеся в Закавказье в III тыс. до н. э., во II тыс. до н. э. проникают на Северный Кавказ, где получают широкое распространение. Находки подобных украшений в Бердском могильнике показывают, что будучи широко распространенными еще с эпохи ранней бронзы, они существуют до V—IV вв. до н. э., хотя их ранние образцы в Армении пока не известны.

Расмотренный материал из погребений раннеармянского времени дает возможность датировать их VI—IV вв. до н. э., то есть периодом завершения образования армянского народа и формирования армянской государственности. Эти находки тем более интересны, что дают возможность выявить общие черты материальной культуры как внутри рассматриваемых районов, так и на всем Армянском нагорье. Эти же памятники выявляют особенности локального характера, присущие только этим районам.

¹⁷⁸ Б. А. Куфтин, Археологическая маршрутная экспедиция 1952 г. в южную Осетию и Имеретию, Тбилиси, 1949, стр. 79; О. М. Джанаридзе, К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры, Тбилиси, 1962, стр. 265.

¹⁷⁹ Г. М. Асламов, Р. Н. Ваидов, Г. П. Попов, Древний Мингечаур, стр. 81.

¹⁸⁰ П. С. Уварова, указ. соч., табл. XXVI; Д. Я. Самокасов, Описание археологических раскопок и собрания древностей, М., 1908, стр. 29; Е. И. Крупнов, Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода, МИА, 23, 1951, стр. 56; Б. Е. Дуген, Курганы в Кабардинском парке города Пальчика, МИА, 3, 1942, стр. 248; В. И. Марковин, Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне, сб. «Древности Чечено-Ингушетии», М., 1963, стр. 124; его же, Археологические находки с территории Торнапра, КСНММК, 67, 1957, стр. 122; М. Г. Гаджиев, О бронзовых булавках Дагестана эпохи бронзы, СА, 4, 1964, стр. 186.

¹⁷⁸ Е. Лалаян, Раскопки могильников в Советской Армении, Ереван, 1931, рис. 119—120 (на арм. яз.); Ж. де Морган, указ. соч., табл. 111, Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 117; А. О. Мнацаканян, Археологические находки в селении Басаргечар (совр. Варденис), рис. 14.

¹⁷⁹ А. И. Джавахишвили, Л. Н. Глонци, Урбиси, вып. 1, Тбилиси, 1962, табл. XXXVI.

¹⁸⁰ Т. Н. Чубинишвили, Амранис-гора, Тбилиси, 1963, стр. 97.

ГЛАВА IV

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СКОТОВОДСТВО

Выше уже указывалось, что доля пахотных угодий в общем земельном фонде рассматриваемых районов составляет не более 12%. Это обстоятельство дает возможность предположить, что в древности эта доля была значительно меньшей. Однако факт наличия земледельческих угодий, преобладание в стаде крупного рогатого скота и наличие в определенных периоды развитого свиноводства говорят о том, что в указанных районах имело место своеобразное хозяйство. Оно было основано на небольшом, но интенсивном земледелии, роль которого сводилась к частичному обеспечению населения земледельческими продуктами, недостаток которых, по-видимому, восполнялся обменом с соседними областями, в частности, с племенами Севанского бассейна и Нагорного Карабаха, что, интересно отметить, происходит и в настоящее время. Однако основная роль земледелия заключалась, как в древности, так и в недалеком прошлом, в обеспечении крупного рогатого скота соломой, особенно в снежные годы, когда зимой скот не всегда находил подножный корм. Преобладание в стаде крупного рогатого скота дает возможность в основу хозяйства ставить земледелие, хотя доля его в хозяйстве была значительно меньшей, чем доходы от скотоводства.

В хозяйстве абorigенов большое значение имела также охота, роль которой, как и скотоводства в ранний период, была более значительной. Немалую роль в хозяйстве абorigенов играли лесное садоводство и сбор различных съедобных растений, значительно обогащавшие рацион абorigенов.

Земледелие. По всей вероятности, земледелие Северо-Восточной Армении развивалось в долинах рек и их притоков, где было возможно производить орошение склонов, и на влажных лесных участках.

Как показывают археологические материалы, в рассматриваемое время (в III—I тыс. до н. э.), несмотря на малочисленность

пахотных угодий, земледелие играло значительную роль в хозяйстве.

Немногочисленные раскопки не позволяют судить о количестве и качестве земледелия в целом, но можно предположить, что оно, имея специфический характер, не отставало от земледелия других горных областей Армении. В это время в Закавказье не только расширяется ассортимент зерновых, но и меняются формы вспашки и обмолота урожая.

Находки зерновых в памятниках указанного времени известны из многих мест. Так, мягкая голозерная пшеница известна из Шенгавита, Вагаршаната, Элара, Квачхелеби, Диха-Гудзуба, Баба-Дервиша, Мингечаура; мягкая пленчатая—из Шенгавита, круглозерная—также из Шенгавита, твердая—из Баба-Дервиша, Кюль-тепе, Каякента; пленчатый двурядный и шестирядный ячмень обнаружен из Кюль-тепе, Хизанаат-гора, Квачхелеби, Шенгавита, Диха-Гудзуба и Мингечаура. Просо найдено в Диха-Гудзуба и Хизанаат-гора¹.

Наряду с расширением посевов и сортов зерновых в поселениях III тыс. до н. э. начинают использовать отдаленные участки, и для перевозки урожая применяется тягловый транспорт, появившийся на рубеже IV и III тыс. до н. э., что подтверждается находками в поселениях рассматриваемого времени глиняных миниатюрных колес и фигур бычков².

Использование тягловой силы, по-видимому, уже в III тыс. до н. э. приводит к появлению плужного земледелия, вернее, к приме-

¹ Б. Б. Пиотровский, Основные этапы древнейшего земледелия в Армении, ИФЖ. № 2—4, 1961, стр. 108; Т. А. Вунятов, Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы, Баку, 1957, стр. 56—66; С. А. Есаян, Ереван, стр. 12; К. Х. Кушнарера, Т. Н. Чубинишвили, Древние культуры Южного Кавказа, Л., 1970, стр. 104.

² Б. Б. Пиотровский, Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье, СА, XXIII, стр. 6.

тивной сохе, изготовленной из кривых веток твердых пород деревьев. Подобной сохой, конечно, невозможно было пахать глубоко, и, скорее всего, с ее помощью лишь прочерчивалась неглубокая борозда, которая затем дополнительно вскапывалась мотыгой³, что наблюдается несколько раньше в Шумере⁴.

Единственным нахотным орудием, до настоящего времени сохранившимся на Кавказе, является соха, изготовленная из оленьего рога, обнаруженная в Квацхелеби⁵.

Урожай собирался с пашен жатвенными орудиями в виде составных серпов с кремневыми и обсидиановыми вкладышами, найденными в большом количестве в Шенгавите, Шреш-блуре, Айгеване, Муханиат-гана, Айриванке и т. д. Перечень поселений и пунктов находок составных серпов нельзя ограничить лишь указанными. Эти серпы в древности применялись в огромном количестве. Достаточно сказать, что лишь в одном мингечаурском поселении их обнаружено 370 штук⁶. Огромное количество вкладышей, из которых можно составить десятки серпов, найдено в поселении Хизанаат-гора⁷. Аналогичные кремневые вкладыши известны также в памятниках Северо-Восточной Армении, где они найдены в Редкин-лагере, Джагацатехе⁸ и во II и III шагламах Айрума. Эти серпы, изготовлявшиеся в огромном количестве, быстро притуплялись и часто терялись при уборке урожая; они являлись основным жатвенным орудием, несмотря на появление в III тыс. до н. э. серпов из мышьяковистой бронзы, известных из Гарни, Кюль-тене и Хизанаат-гора⁹. Наряду с указанными серпами в III тыс. до н. э. бытовали и узколезвийные, найденные в верхних слоях Амиралис-гора, Караза и в Пулуре.

При раскопках Шенгавита, Гудаберка, Кюль-тене и других памятников обнаружены

³ Т. А. Бунишвили, История земледелия и скотоводства в Азербайджане, Автореф. докт. дисс., Баку, 1968, стр. 28; С. А. Есаян, Ереван, стр. 14; К. Х. Кушнарера, Т. П. Чубинишвили, указ. соч., стр. 106.

⁴ В. М. Массон, От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества, Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протосториков в Праге, М., 1966, стр. 160.

⁵ А. Н. Джавахишвили, Л. П. Глонти, Эрбишен, I, Тбилиси, 1962, стр. 62, табл. IV, рис. 56, табл. XXXIII.

⁶ М. Асламов, Каменные орудия из Мингечаура, МКА, вып. III, Баку, 1963, стр. 62.

⁷ К. Х. Кушнарера, Т. П. Чубинишвили, указ. соч., стр. 104.

⁸ С. А. Есаян, Памятники эпохи ранней бронзы в Северо-Восточной Армении, ВОН, № 7, 1971, стр. 67, 75.

⁹ Б. П. Аркаелли, Гарни, вып. I, стр. 25; К. Х. Кушнарера, Т. П. Чубинишвили, указ. соч., стр. 126.

остатки собранного урожая, хранившегося в снопах.

Факт обнаружения снопов дал возможность еще Е. А. Байбуртяну предположить, что урожай обмолачивался не сразу, а по мере надобности. Обмолот производился, по-видимому, при помощи затанцовывания копытами тягловых животных, а впоследствии и при помощи молотилок. История использования молотилок на Армянском нагорье и в Закавказье еще не полностью исследована. По-видимому, их применение, как и сохи, должно быть отнесено к III тыс. до н. э.

Для изучения этого вопроса исключительное значение имеют находки каменных молотилок середины II тыс. до н. э. из Зангезура¹⁰ и Лчашена¹¹. Однако такие молотилки, по-видимому, не применялись повсеместно и широкое распространение получили лишь в конце II и начале I тыс. до н. э. Обмолоченное зерно повсеместно хранилось в крупных зерновых ямах и кувшинах, вкопанных в землю. Иногда эти ямы, числом до нескольких десятков, перекрытые общей крышей, концентрировались на одном участке, образуя своеобразные амбары. Отдельные семьи имели собственные ямы-кладовые. Такой способ обработки земли, сбора и хранения урожая, судя по материалам Узерлики, Мингечаура, Элара и материалам из памятников Северо-Восточной Армении, сохранился и в II—I тыс. до н. э. Лишь в отдельных областях Армянского нагорья, в частности, в Ванском царстве, в начале I тыс. появляется плуг, внесенный существующие изменения в технику землепользования.

Возвращаясь к эпохе ранней бронзы, нужно сказать, что урожай с пашен в большинстве случаев собирался в течение нескольких сезонов, после чего истощенную землю забрасывали и осваивали новые удобные участки лесных угодий. Этот способ, по-видимому, был широко распространен и в районах Северо-Восточной Армении, богатых лесными массивами и горными речками и ручьями, водами которых при небольшой затрате сил можно было орошать довольно большие пространства. Для этой цели достаточно было возвести небольшие заруды и вырыть каналы, после чего вода шла в необходимом направлении. Гораздо труднее было некустарное орошение в равнинных областях, таких как Араратская равнина, лесная степь Марнеули и другие районы, где естественных осадков не хватало и население должно было тратить много сил на постройку ирригацион-

¹⁰ С. А. Есаян, А. Н. Шагиян, Археологические находки в Зангезуре, СА, № 3, 1962, стр. 199, рис. 1.

¹¹ Раскопки А. О. Мпачакянина, материалы не опубликованы.

ных сооружений, без чего невозможно было существование многослойных поселений, бытовавших на протяжении долгого времени¹². Для применения в пищу зерно обжаривали и протирали в зернотерках, получая при этом крупу и муку для выпечки хлеба. Без сомнения, для получения разных круп применялись также ступки, находимые, однако, в гораздо меньшем количестве. По-видимому, хлеб выпекался как в специальных печах, так и, гораздо чаще, в небольших жаровнях для выпечки лепешек. Подобные жаровни, хорошо известные в памятниках III тыс. до н. э., применялись и гораздо позднее (Менамор, Кармир-блур и т. д.). Печи же для выпечки хлеба известны в III тыс. до н. э. из Кюль-тене II, Амирапис-гора и Яник-тепе¹³.

Более поздние печи подобной формы известны из Верхнегунгиского поселения в Дагестане¹⁴. По-видимому, для выпечки хлеба могли служить также тондыры, отмеченные в ряде крепостей Северо-Восточной Армении.

Как видно из первой главы, материалов, свидетельствующих о развитии земледелия в рассматриваемых районах в III тыс. до н. э., имеется чрезвычайно мало—несколько кремневых вкладышей из Редкин-лагеря, Джаганатеха и айрумских крепостей и несколько зернотерок из разных памятников. Однако непосредственная близость памятников нижнего течения реки Агстев, Карабаха и Грузии, материалы которых дали много данных о развитии земледелия, позволяет предполагать, что аналогичная картина должна была наблюдаться и в рассматриваемых районах. Необходимо отметить также, что расположение самих памятников Северо-Восточной Армении III тыс. до н. э. в горных долинах и на берегах рек делало возможным применение искусственного орошения. К тому же неподалеку от всех памятников имеются заливные луга, которые в древности могли служить прекрасной пашней, орошаемой естественным путем. Так, Редкин-лагерь находится на реке Агстев, Ноемберян, Джуджеван и Джогаз—на притоках той же реки Агстев, Айрум—на реке Дебед, а Кирги—на реке Хидзурот. Одновременно непосредственная близость горных пастбищ способствовала интенсивному развитию скотоводства.

Сказанное, конечно, не означает, что земледелие переживало упадок. Сама форма от-

¹² Л. А. Мартirosян, Р. М. Торосян, К вопросу интерпретации энеолитической культуры Армении, ИФЖ, № 3, 1967 (на арм. яз.); К. Х. Кушнареева, Т. II. Чубинишвили, указ. соч., стр. 108.

¹³ К. Х. Кушнареева, Т. II. Чубинишвили, указ. соч., стр. 108.

¹⁴ В. М. Котович, Верхнегунгиское поселение, Мачахкала, 1966, стр. 215, рис. 13, 15, 16.

гонного скотоводства предполагает наличие крупных поселений в равнинах и предгорьях. Земледелие, несмотря на чрезвычайно сильный количественный и качественный рост скотоводства, оставалось главной формой хозяйства и способствовало развитию оседлого скотоводства и вместе с садоводством и зарождающимся бахчеводством составляло единое целое. Однако в первой половине и середине II тыс. до н. э. скотоводство достигает небывалого расцвета, что дает большие возможности для накопления прибавочного продукта и усиливает зарождающуюся еще в III тыс. до н. э. имущественную и социальную дифференциацию как внутри племен, так и между племенами¹⁵. Последнее обстоятельство подкрепляется ростом числа циклопических крепостей, материалами пышных и чрезвычайно богатых захоронений племенных вождей (Триалети, Кировакап, Лчашен и др.) и погребениями рядовых общинников, захороненных лишь с несколькими глиняными сосудами.

Все это, однако, не говорит о том, что в эпоху средней бронзы ликвидируется земледелие и происходит процесс образования чисто скотоводческих племен. На Армянском нагорье даже в наиболее развитых скотоводческих районах не было чисто скотоводческих племен, что подтверждается более поздними ассирийскими и урартскими письменными источниками, сообщающими о том, что покоренные племена платили дань не только в виде крупного и мелкого рогатого скота и лошадей, но и зерновыми.

Это мнение подтверждается также материалами из раскопок Узерлик-тене, где почти на всех горизонтах найдены крупные ямы с остатками просеяной муки и зерна, служившие амбарами¹⁶. Эти данные особенно интересны тем, что относятся к памятнику, расположенному в непосредственной близости от исследуемых районов Северо-Восточной Армении.

В это время продолжала бытовать и совершенствоваться соха, развитие которой привело к появлению в конце II и начале I тыс. до н. э. плуга в ряде районов Армянского нагорья. Существенным для развития земледелия явилось появление в середине II тыс. до н. э. каменных молотилок в Зангезуре и Лчашене, имеющих исключительное значение для истории изучения молотильных досок. Зангезурские молотилки были обнаружены в местности Шакараджур, в 5 км западнее Го-

¹⁵ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 48.

¹⁶ К. Х. Кушнареева, Новые данные о поселении Узерлик-тене около Агдама, Тр. Азербайджанской экспедиции, МИА, 125, стр. 75.

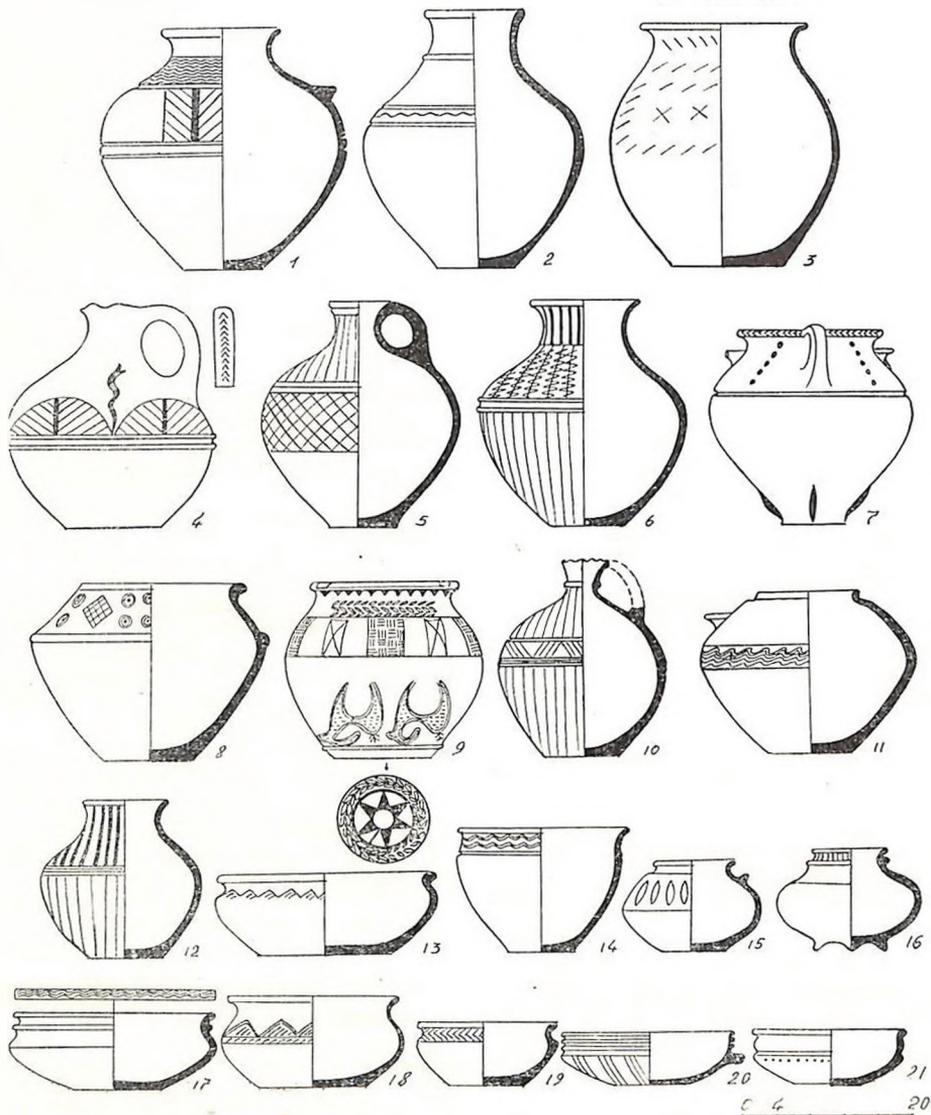

Табл. 120. Предметы из могильника Астхи-бур: рис. 1, 7, 13—15, 17, 20, 21—погребение 19; рис. 2, 6, 8, 9, 11—погребение 17; рис. 3, 4, 12, 16—погребение 15; рис. 5—погребение 12; рис. 10—погребение 21; рис. 18, 19—погребение 13.

риса, при строительстве дороги Горис—Шигуайр. Найденная здесь молотилка представляет собой камень треугольной формы, длиной в 60 см и шириной в 40 см в расширяющейся части. Нижняя, рабочая сторона плос-

кая, верхняя—округлая. В суженной передней части сделан перехват в виде капавки для привязывания каната. По словам рабочих, такой же камень с отверстием на шейке (вместо выемки) был найден несколько ранее

и уложен в основу строящегося здесь моста¹⁷.

Четыре каменные молотилки подобной формы найдены в каменных насыпях лчашенских курганов, датируемых XIV—XIII вв. до н. э. Лчашенские молотилки делятся на два типа. Молотилки первого типа также имеют подтреугольную форму и слегка приподняты в передней части, где проделано сквозное отверстие для закрепления каната, соединяющего молотилку с ярмом тягловых животных. Молотилки второго типа имеют ту же форму, только вместо отверстия в передней части для прикрепления каната имеется выступ. Лчашенские молотилки, по сравнению с зангезурскими, имеют одно техническое преимущество—на нижней рабочей части проведены горизонтальные и вертикальные взаимно перекрещивающиеся бороздки, образующие почти ровные квадраты, немало усиливающие площадь трения, а следовательно и интенсивность труда¹⁸.

По-видимому, каменные молотилки в это время имели довольно широкое применение, хотя и не зафиксированы другими археологическими находками. Об этом свидетельствуют этнографические данные горных районов—Зангезура, Вайоцдзора, Нахичевана и Карабаха, где применялись каменные молотилки¹⁹, и находки четырех аналогичных молотилок, хранящихся в Стенанакертском музее, из коих три средневековые, а одна явно ранняя и, быть может, сходна по времени с зангезурскими образцами²⁰.

Гораздо больше сведений имеется о земледелии в эпоху поздней бронзы и раннего железа, когда появляется ряд новых сельскохозяйственных орудий, совершенствуются и в большом количестве применяются старые.

По-прежнему основным пахотным орудием остается соха. Это утверждение основывается не только на простом предположении, как относительно ее применения в эпоху ранней бронзы, но имеются уже ее изображения.

В числе их можно отметить изображение сох позднебронзового времени на фрагментах керамики из погребения 20 Ходжалинского могильника²¹, где ясно сохранилось изображение деревянной сохи и тянувшего ее животного, по-видимому, быка. Соха имеет заостренный конец, а в верхней части—крестовину с ручкой для упора пахаря. Подобные изо-

бражения сохи известны также на наскальных изображениях Кобистана²² и Сюника²³. По-видимому, в это же время появляется примитивный плуг, который в сранах Передней Азии известен с древнейших времен. В памятниках Армянского нагорья впервые части плуга найдены в Тонрах-кале и на Кармир-блуре, где обнаружены железные сошники, которые Б. Б. Пиотровский сравнивает с сошниками тяжелых ассирийских плугов²⁴. Но наряду с сохой и примитивным плугом, по-прежнему для разрыхления почвы применялись железные и каменные мотыги, известные в Армении из Арагаца, козлекский былинного Эчмнадзинского музея²⁵ и рассмотренных выше памятников середины I тыс. до н. э.—Тмбадира и Пилор-пата.

Жатвенные орудия в эпоху поздней бронзы найдены в могильниках Армении и Закавказья. Это, в основном, бронзовые серпы, хорошо известные по находкам из Такин, Камо, Кировакана, Ленинакана и многих других мест. Находки бронзовых серпов, как уже указывалось в первой главе, известны и из памятников Северо-Восточной Армении—Редкин-лагеря, Хаштарака, Ноемберяна, Лусадзора и т. д., где в начале I тыс. до н. э. широко распространяются железные серпы, хорошо известные по находкам в погребальных комплексах из Ноемберяна²⁶ и особенно Еюкавана, где найдены крупные серпы длиной до 0,7 м, свидетельствующие о расцвете жатвенных орудий и высоком развитии земледелия. Однако наряду с ними бытуют каменные составные серпы. На это указывал еще Б. А. Куфтин, нашедший в погребениях Бешташенского могильника бронзовые и составные серпы²⁷. Обширный вкладыш серпа того же времени найден Б. Б. Пиотровским неподалеку от Повниарской крепости²⁸. Такие же вкладыши известны и из поздней-

²² Т. А. Буниатов, Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы, Баку, 1957, стр. 41, рис. 6.

²³ Г. О. Караханян, П. Г. Сафян, Наскальные изображения Сюника, Ереван, 1970, стр. 85.

²⁴ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 141.

²⁵ Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, стр. 154, рис. 26, 27.

Т. С. Хачатрян, анализируя материалы Артицкого могильника, соглашается с мнением Б. Б. Пиотровского, что мотыжное земледелие, существовавшее еще до эпохи энеолита, не утратило своего значения и при применении примитивного деревянного плуга в начале I тыс. до н. э. (см. Т. С. Хачатрян, указ. соч., стр. 155; Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 71).

²⁶ С. С. Чилисарян, Первобытные памятники Ноемберинского района, Автореф., Ереван, 1971, стр. 20.

²⁷ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, стр. 69.

²⁸ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 141.

¹⁷ С. А. Есаян, А. П. Шагинян, Археологические находки в Зангезуре, стр. 199, рис. 1.

¹⁸ Там же, стр. 201.

¹⁹ Т. А. Буниатов, История земледелия и скотоводства в Азербайджане, Автореф., Баку, 1968, стр. 38.

²⁰ Путеводитель Гос. историко-краеведческого музея Нгорю-Карабахской автономной области, Стенанакерт, 1969, рис. 5.

²¹ ОАК, VII, за 1897 год, стр. 48, рис. 138.

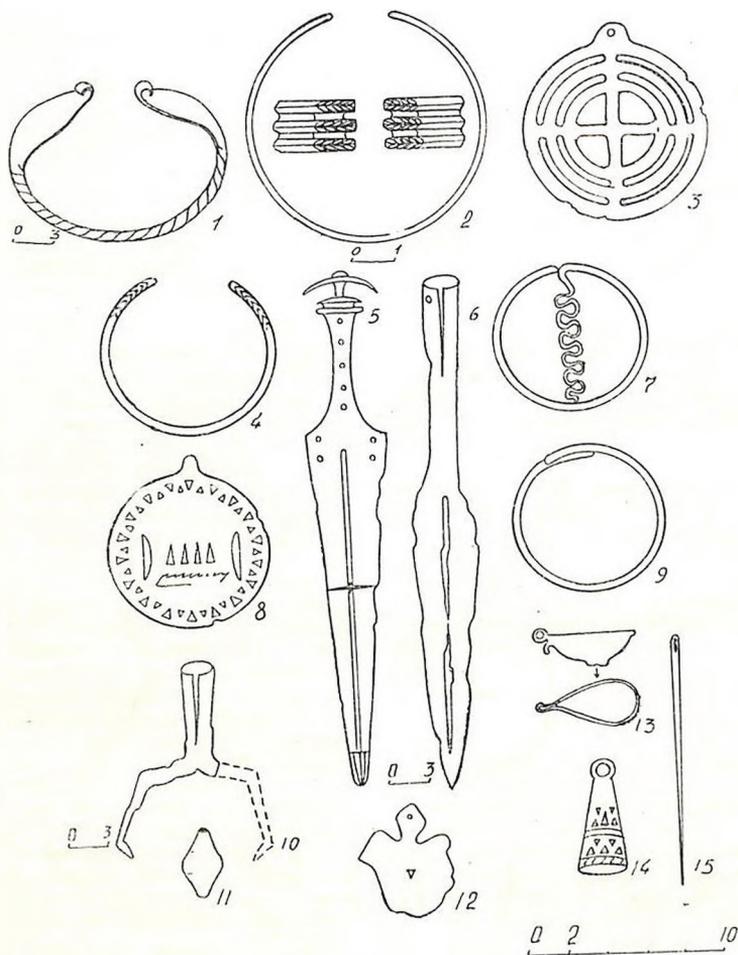

Табл. 121. Предметы из могильника Астхи-блур: рис. 1, 2—погребение 20; рис. 3, 7, 8, 11—14—погребение 13; рис. 4, 9—погребение 19; рис. 5, 6, 10—погребение 15; рис. 15—погребение 10.

бронзовых поселений Гарни²⁹, Двина³⁰ и из одного комплекса в Нюсберяне, сопровождаемого черной керамикой и железным копьем, датированным IX—VIII вв. до н. э.³¹ На бытование составных серпов в Закавказье в

²⁹ Э. В. Ханзадян, Гарни, вып. IV, стр. 127, таблица XXXV.

³⁰ О двинском вкладыше мне любезно сообщили А. Калантарян и К. Х. Кушарева.

³¹ Т. С. Хачатрян, Орудия труда эпохи поздней бронзы и раннего железа. Труды ГМА, т. V, 1959, стр. 209; Г. А. Арсисян, Новые археологические находки в бассейне р. Дебед, ИФЖ, 1969, стр. 172, рис. 25.

эпоху широкого освоения железа при разборе материалов Хртаноецкого могильника справедливо указывал А. А. Мартиросян³².

Материалы из раскопок памятников Северо-Восточной Армении показывают, что составные серпы бытуют до середины I тыс. до н. э., причем они встречаются в крепостях Тмбадир, Пилор-пат, Сев-сев карери тахт и Бердакар.

Естественно, что железные орудия вытеснили камешные жатвенные орудия, сохранившиеся лишь в пережиточном виде.

³² А. А. Мартиросян, Раскопки в Головино, стр. 96.

Собранный жатвенными орудиями урожай зерновых посредством тяглового или вьючного транспорта перевозили в поселения на специальные тока, где его обмолачивали, в основном посредством затапывания животными, цепями или каменными молотилками. Этими способами пользовались, в основном, в конце III и II тыс. до н. э. Однако с начала I тыс. до н. э. в быт прочно вошли деревянные молотилки с каменными вкладышами. Такого типа молотилки уже найдены в довольно большом количестве и хорошо известны по находкам в Ахтале, Муснери, Ханларе, Самтавро, в Юго-Осетии и Внутренней Картии³³. В памятниках Северо-Восточной Армении молотильные доски пока не обнаружены, хотя рассматриваемый район географически расположен между Ахталой и Ханларом. Но необходимо указать, что в ряде погребений Астхилаурского могильника найдены небольшие необработанные куски базальта, называемые местным населением «ками-кар» (камни молотилки), которые на плато, где находится указанный могильник, в естественном виде не встречаются, а жители села Епокаван в недалеком прошлом собирали такие камни в ущелье реки Агстев и ее притока Тала.

Скошенный и обмолоченный урожай зерновых в памятниках рассматриваемого района хранился в ямах, имеющих весьма разнообразную форму (конусовидные с расширением книзу, цилиндрические, в виде сапога и т. д.), стенки которых, как правило, обмазаны глиной. В одном случае конусообразная яма (в Тмбадирской крепости) в центре перекрыта каменной плитой, на которой имеется квадратный люк с каменной пробкой размером в 0,3×0,4 м, делящей яму на две части, что позволяло, по-видимому, хранить одновременно два различных вида злаков. Часть ям по паружным краям имеет каменную кладку, предохраняющую от обвала земли и загрязнения запасов урожая.

По словам местных жителей, до недавнего прошлого в рассматриваемых районах зерновые также хранились в подобных ямах, стенки которых обкладывались снопами соломы для предохранения хранимых продуктов от сырости. Подобные ямы хорошо известны также из Узерлик-тепе, Мингечаура, Сарытепе, Ханлара и др.³⁴ Наряду с ямами во всех крепостях, раскопанных или обследованных мною, выявлено большое количество разнообразных карасов, часть которых, по-видимому,

также применялась для хранения зерновых или муки. Интересно отметить, что подобная картина наблюдается также в прилегающих районах Азербайджана и Грузии. В ряде поселений Азербайджана (Ханлар I, Мингечаур I и Сары-тепе) в карасах и ямах наряду с зернами были выявлены также остатки отрубей³⁵.

В настоящее время трудно судить, что именно хранилось в указанных ямах и карасах, лишь в крепости Сев-сев карери блур (в Шамшадинском районе) рядом с очагом было найдено несколько слипшихся комков проса. Значительно больше злаков найдено С. С. Чилингаряном в Джуджеване. Так, согласно анализам П. А. Кандильяна (Ереванский сельскохозяйственный институт), в Джуджеванской коллекции имеются многорядный ячмень (*Hordeum vulgare*), мягкого вида крупная пшеница (*Triticum Spalrococum*), рожь (*Seale*), полба (*Tu. diecosum*). В результате этих анализов выяснилось, что зерно в этот период не очищали от сорных трав, а сеяли и собирали в смешанном виде. Среди остатков сорных трав встречаются каукалис (*Caucalis daucoidis*), подморенник (*Galium*) и вьющийся гречихник (*Polygonum convolvulus*)³⁶. К сожалению, С. С. Чилингарян не указывает, в погребениях какого времени обнаружены эти злаки. Так, по его изложению, здесь имеются погребения поздне-бронзовой—раннеармянской эпох. Косвенным доказательством развитого земледелия может служить также находка бронзовой подвески из Джархеча, украшенной изображением креста и колосьев пшеницы.

Нужно также указать, что, по материалам из Ходжалы, уже с начала I тыс. до н. э. известна также твердая пшеница, которая культивировалась наряду с мягкой пшеницей и ячменем. Данные раскопок Мингечаура, Узерлик-тепе, Кара-тепе говорят о том, что в ближайших от исследуемых памятников районах с теми же географическими условиями культивировались два вида проса—итальянское и обыкновенное³⁷. Интересно отметить, что итальянское просо обнаружено также в доурартском поселении Кармир-блур³⁸.

Находки зерновых ям и карасов для хранения зерна и комплекса сельскохозяйствен-

³⁵ О. А. Даниелян, Культура раннего железа на территории Азербайджана, Автореф., Баку, 1969, стр. 16.

³⁶ С. С. Чилингарян, Первобытные памятники Номберянского района, стр. 19—20.

³⁷ Б. Б. Пиотровский, Основные этапы древнейшего земледелия в Армении, стр. 114.

³⁸ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 202.

³³ Б. Б. Пиотровский, Основные этапы древнейшего земледелия в Армении, стр. 114—115.

³⁴ Т. А. Буниатов, История земледелия и скотоводства в Азербайджане, стр. 28.

Табл. 122. Предметы из могильника Астхи-блур, погребение 14.

ных орудий свидетельствуют о возрастании роли земледелия в I тыс. до н. э. Такой рост земледелия не был, конечно, возможен без орошения. В рассматриваемое время в равнинных районах Армянского нагорья возникает целая система оросительных каналов. Особенно много их было в Урарту, как в его центральной части, так и в Араратской равнине, где были сооружены каналы Аргинтихинили и Тейшебанини³⁹. Оросительные кана-

лы были сооружены также в Мильской и Муганской степях⁴⁰.

Без сомнения, поливное земледелие в районах Северо-Восточной Армении также развивается, однако гористость рельефа и изреженный характер местности, сравнительная глубина каньонов рек и ручьев не позволяют, как не позволяют и в настоящее время, без искусственной откачки орошать большие пространства. Так, основные реки района — Агстев с ее притоками, Бядан, Агарцин, Оваджур, Гетик, Воскепар, Саркаджур, как и

³⁹ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 138; его же, Кармир-блур, вып. I, стр. 26; Н. В. Арутюнян, Земледелие и скотоводство Урарту, стр. 45.

⁴⁰ Т. А. Бунятов, История земледелия и скотоводства в Азербайджане, стр. 36.

реки Ахум, Тавуш и Хидзорут и т. д. протекают в глубоких каньонах с каменными ложами и перекатами, а местами, вырываясь в долины, сильно разливаются и мелеют, что делает невозможным искусственную откачку воды. К тому же они многоводны лишь в апреле—мае, когда среднемесячный сток их увеличивается по сравнению со среднемесячным стоком в остальные времена года почти в 20 раз⁴¹.

В этих условиях орошение, как и в недавнем прошлом, производилось посредством каналов, выводимых по склонам на небольшие участки, в результате чего создавалось своеобразное террасирование поливных участков. Необходимо учесть также, что в более влажных по сравнению с другими областями Армянского нагорья районах Северо-Восточной Армении могли засеваться небольшие участки, свободные от леса, или лесные опушки, дающие пенлохой урожай. Это обстоятельство, по-видимому, вело к сжиганию лесов для посевов. Даже в недавнем прошлом в рассматриваемых районах засеивались и засеиваются такие участки. Так, территории крепостей Пилор-пат, Кал-кар, Тмбадир, айрумских шагламов, Астхилбурского и Лусадзорского могильников распахивались под зерновые. Такое совмещение поливных и неполивных засевов давало сравнительно богатый урожай, позволявший накапливать определенные запасы даже для неурожайных годов, о чем говорит большое количество зерновых ям и карасов для зерна, необходимых в вышеуказанных крепостях.

Для размола зерновых применялось большое количество разнообразных ступок, пестов и особенно зернотерок различных форм и размеров.

Говоря о земледелии Северо-Восточной Армении, необходимо отметить одно важное обстоятельство. Как уже отмечалось выше, доля пахотных земель в указанных районах в настоящее время достигает лишь 12%, а в древности эта доля, без сомнения, была значительно меньшей. В этих условиях земледелие, несмотря на то, что составляло основу хозяйства, должно было значительно отличаться от земледелия равнинных областей, где распахивались значительные площади. По-видимому, земледелие лишь частично обеспечивало население зерновыми и скотом зимним кормом, а часть получалась в обмен на скот и фрукты, имеющиеся в большом количестве в этих лесных районах. Причем если скот мог служить для обмена с поселениями Араратской и Прикуринской равнины, то фрук-

ты—для обмена с поселениями Севанского бассейна и других высокогорных районов.

Рассматривая вопросы земледелия, нужно указать, что в жизни абorigенов большое значение имело собирательство различных съедобных трав, которые занимали в их рационе большое место и поныне применяются в пищу жителями рассматриваемых районов. Мне удалось подсчитать свыше 50 съедобных растений, применяемых в сыром, вареном, сушеном и засоленном виде, причем к их выращиванию не прилагалось никаких усилий.

Наряду с земледелием необходимо указать на развитие садоводства, имеющего большое значение в хозяйстве районов Северо-Восточной Армении и в настоящее время. Кроме того, в лесах Иджевана, Ноемберяна, Шамшадина и Дилижана имеется большое количество диких видов фруктовых деревьев, которые абorigены указанных районов могли культивировать. Древнейшие следы садоводства в Закавказье известны еще с неолитической эпохи—V—IV тыс. до н. э., по найденным в Шулаверн косточкам винограда⁴². В III тыс. до н. э. значительно расширяется качественный и количественный состав садов, на что указывают находки косточек винограда в поселении Хизанаат-гора⁴³ и абрикоса в Гарни⁴⁴.

По утверждению ботаников, очагом формирования дикого и культурного винограда является Закавказье⁴⁵, а родной абрикосов—Армения⁴⁶. Кроме указанных плодов, среди памятников Закавказья найдены также остатки других плодов и ягод. Так, при раскопках поселения эпохи бронзы в Ханларском районе обнаружены косточки, которые, как отмечает А. А. Гроссман, принадлежат культурному миндалю⁴⁷. Дикий миндаль и сейчас широко распространен в районах Северо-Восточной Армении, а также в Карабахе, Загезурс, Нахичеване, Кировабаде и ряде других районов Закавказья и Армении. Косточки винограда найдены в Узерлик-тене (середина II тыс. до н. э.) и памятниках Ханларского района.

⁴² К. Х. Кушнерова, Т. П. Чубиншвили, Древние культуры южного Кавказа, стр. 104.

⁴³ В. М. Незруль, Археологические находки семян винограда, СА, № 1, 1960, стр. 117.

⁴⁴ Б. Н. Аракелян, Гарни, вып. 1, стр. 25.

⁴⁵ Н. И. Вавилов, Дикое родичи плодовых деревьев Азии части СССР и Кавказа и проблема происхождения плодовых растений, Тр. по прикладной ботанике, генетике, селекции, 1931, т. 36, вып. 3, стр. 93.

⁴⁶ П. М. Жуковский, Культурные растения и их средины, М., 1950, гл. 1.

⁴⁷ Т. А. Буннатов, История земледелия и скотоводства, стр. 41.

⁴¹ Физическая география Армянской ССР, страница 354—355.

Интересно отметить, что в Нораншенском и Шемахинском районах Азербайджана найдены давилые камни и корыта для выжимания винограда, относящиеся к I тыс. до н. э. В материалах Сары-тене, Ханлара I и Ходжалинского могильника найдены остатки виш и ягод винограда⁴⁸, являющиеся прямым доказательством не только виноградарства, но и виноделия.

Остатки культурного персика найдены из ханларского сооружения 68 и кургана Ходжалы, относящегося к началу I тыс. до н. э.⁴⁹ Косточка персика, относящаяся к указанному времени, найдена и в погребении 15 Кармирбердского (Тазакендского) могильника⁵⁰. К этому же времени относятся найденные на левом берегу Гянджа-чая, в пещере Бека, косточки черешни, сливы, алычи, остатки грецкого ореха, мелкого ореха, подтверждающие развитие садоводства в районах, расположенных по соседству с рассматриваемыми районами.

Как видно из небольшого перечня находок следов плодов в районах, прилегающих к изучаемым, земледелие и садоводство должны были развиваться совместно. Прямых следов садоводства и древних садов в изучаемых районах не обнаружено. Однако Байерн указывает, что рядом с поселением Редкинлагерного могильника, остававшимся необитаемым в течение нескольких тысячелетий, среди густого леса были обнаружены сливовые деревья, которые размножались сами по себе⁵¹.

Также же деревья сливы, миндаля, грецкого ореха, айвы и персика найдены близ многих циклопических крепостей Шамнадина, Иджевана и Ноемберяна и указывают на то, что и древние жители этих крепостей занимались садоводством и их покинутые сады в виде одиночных деревьев выжили среди лесов. Интересно отметить, что в ряде погребений Редкин-лагеря Байерн обнаружил следы каких-то растений и цветов, которые, к сожалению, он не определяет⁵². Кроме этих общих сведений, о наличии садоводства говорят также находки косточек вишни и миндаля и отлитая из бронзы гроздь винограда, найденные С. С. Чилингаряном в погребениях бронзового века Джуджеванского и Хошхотанского могильников⁵³.

⁴⁸ Там же, стр. 42.

⁴⁹ О. А. Данцелян, Культура раннего железа на территории Азербайджана, стр. 16.

⁵⁰ С. А. Есаян, Каталог археологических предметов музея истории Еревана, вып. II, Ереван, 1967, стр. 69.

⁵¹ Ф. Байерн, указ. соч., стр. 3.

⁵² Там же, опись табл. № 68, 160, 164, 165.

⁵³ С. С. Чилингарян, Первобытные памятники Ноемберянского района, стр. 20.

Об этом же свидетельствуют многочисленные находки целых и фрагментарных карасов во многих выше рассмотренных крепостях, которые насчитываются сотнями, причем часть их обнаружена в помещениях, где сооружались и зерновые ямы. Без сомнения, часть их могла использоваться для хранения фруктов и вина.

Скотоводство. Уже с III тыс. до н. э. в районах Северо-Восточной Армении наблюдается сильно развитое скотоводство. Поселения этой и последующих эпох располагались на высоте 600—1500 м, и лишь в отдельных случаях на отметках 2000—2300 м над уровнем моря наблюдаются циклопические крепости, служившие для защиты летних пастбищ. Скот в летнее время подымался на указанную высоту, отходя от своих поселений всего лишь на несколько десятков километров, и вступал в зону высокогорных и альпийских лугов с богатыми запасами воды. Поздней осенью скот постепенно перекочевывал все ниже и зиму проводил в зимовниках близ поселений, то есть проходил процесс, наблюдаемый и в настоящее время.

Основными источниками по изучению скотоводства Северо-Восточной Армении всех эпох являются остеологический материал, добытый раскопками⁵⁴, а также изображения фигур животных на тех или иных изделиях.

Интересный, хотя и немногочисленный материал обнаружен в раннебронзовом поселении Джагацатех. Среди остеологических материалов этого поселения обнаружено 14 костей от трех особей коровы (*Bos taurus primigenius*), причем все кости обуглены и являются остатками пищи. Среди костных остатков найдены также кости четырех особей козы (*Capra prisca*). Остальные костные остатки относятся к диким животным: двум особям косули (*Capreolus capreolus*), кабану (*Sus scrofa*) и зайцу (*Lepus europaeus*). Все костные остатки, кроме коровьих, принадлежат молодым животным. Корова же, видно, была забита вследствие потери молока.

Приблизительно такую же картину дают остеологические материалы из раннебронзового поселения II шагламы близ поселка Айрум. Во втором шурфе этой крепости найдены кости трех особей коров типа *Bos taurus primigenius* и *Bos taurus brachyceros*, причем все остатки принадлежат телятам. Здесь же найдены кости двух особей мелкого рогатого скота (домашней козы или овцы), одной особи лошади (*Equus caballus*) и осла. Дикие животные представлены остатками кавказского благородного оленя (*Cervus elaphus*). В сель-

⁵⁴ Все определения костных материалов проведены галеозологом С. Межлумян. Здесь, пользуясь случаем, я приношу ей свою глубокую благодарность.

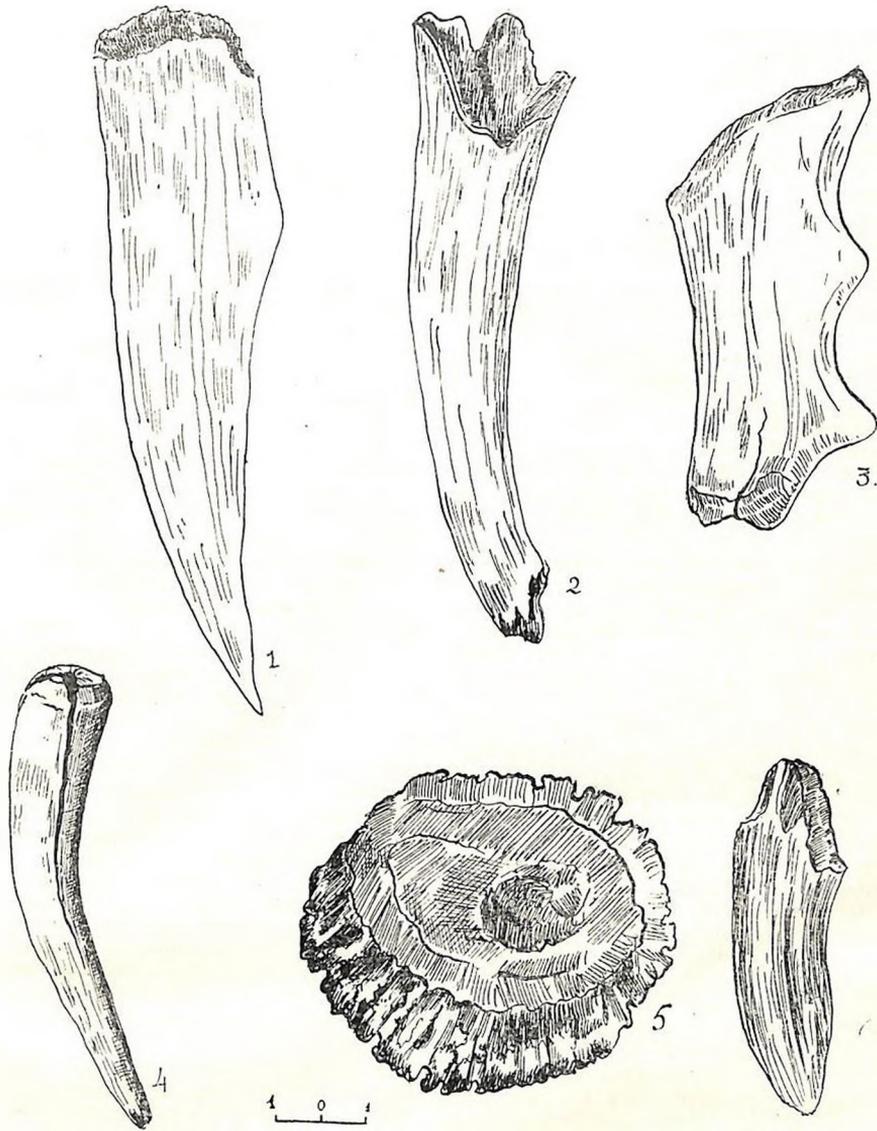

Табл. 123. Предметы из Кохба.

мом шурфе этого же поселения найдены кости трех особей крупного рогатого скота типа *Bos taurus primigenius* и одной молодой особи типа *Bos taurus brachyceros*. Найдены также кости домашней лошади и осла.

Как видно из немногочисленного остеологического материала двух поселений (причем из 13 шурфов II шагламы костные остат-

ки обнаружены лишь во втором и седьмом), крупный рогатый скот представлен девятью особями, а мелкий—шестью. Конечно, делать на таком малочисленном материале далеко идущие предположения невозможно, но соотношение костей животных явно говорит в пользу оседло-земледельческой формы хозяйства абorigенов этих поселений. Интерес-

но отметить, что часть костей лошадей обуглена, то есть свидетельствует о том, что в III тыс. до н. э. лошадь употреблялась в пищу. В пищу конина употреблялась и позже. Так, в погребальном кургане с расписной керамикой из Кирги (см. ниже) найдено шесть костей от четырех разных лошадей, а не целые костяки или их части. Исходя из этого можно предположить, что мясо убитых коней, как и других животных, было съедено на тризне, а отдельные кости, имитирующие целых животных, положены в курган. Факт употребления в пищу конины зафиксирован и в доурартском поселении Кармир-блур⁵⁵. Остатки лошадей из Айрумского поселения, по определению С. Междумян, идентичны с таковыми из раннебронзового поселения Арич и среднебронзового Лчашена. Это соответствие говорит об однотипности лошадей III тыс. до н. э. на Армянском нагорье, с одной стороны, а с другой,—о том, что этот тип почти без каких-либо изменений существовал почти целое тысячелетие, то есть с середины III тыс. до н. э. до середины II тыс. до н. э.⁵⁶

Найденные здесь же кости диких животных—олений, косули, кабана и зайца говорят о том, что эти районы и в древности были богаты лесными массивами и, кроме того, о развитом охотничьем хозяйстве. Мясо животных шло в пищу, а шкуры и рога—на изготовление одежды и всяких поделок.

Кости различных животных в памятниках Ноемберянского района обнаружены и С. С. Чилингаряном. К сожалению, автор не приводит найденный остеологический материал в хронологическом порядке, а дает его суммарно для памятников III—I тыс. до н. э. Найденные кости, по определению С. Междумян, принадлежат овце (Ovisaries), козе (*Capra domestica*), свинье (*Sus serofa*), корове и быку (*Bos laurus*), домашней лошади (*Equus asinus*), собаке (*Canis familiaris*), буйволу (*Bubalus*), ослу (*Equus asinus*). Найденны также кости диких животных и птиц, скорлупа яиц, что свидетельствует о зарождении птицеводства⁵⁷.

Этот материал приводится не для доказательства распространности тех или иных видов животных в определенные эпохи, а для ознакомления с породами животных, существовавших на протяжении более чем двух тысячелетий на части территории Северо-Восточной Армении.

Как видно из сводки находок костей жи-

⁵⁵ А. А. Мартirosян, Город Тейшебашни, стр. 68.

⁵⁶ С. К. Междумян, Палеофауна эпох энеолита, бронзы и железа на территории Армении, Ереван, 1972, стр. 127, карта 4.

⁵⁷ С. С. Чилингарян, Первобытные памятники Ноемберянского района, стр. 18.

вотных из памятников Северо-Восточной Армении, среди костей крупного рогатого скота преобладают кости коров, что свидетельствует о наличии молочного хозяйства. В пользу последнего говорят также многочисленные маслобойки, найденные в Грузии, Армении, Азербайджане. Отсутствие же костей быков, по-видимому, объясняется тем, что они сохранялись в качестве тягловых животных.

Рост стада мелкого рогатого скота, связанный в основном с появлением отгонной формы скотоводства, ни в коей мере не означал застоя в разведении крупного рогатого скота. Более того, крупный рогатый скот продолжал сохранять ведущую роль в скотоводстве. На основе этого можно отметить, что, как уже указывалось в разделе о земледелии, в Армении не было чисто скотоводческих племен, а были земледельческо-скотоводческие племена, занимающиеся обоими видами хозяйства. Речь может идти лишь о ведущем значении той или иной отрасли.

Конечно, в горных районах доход от скотоводства преобладал над доходом от земледелия. Но уже совмещение обеих форм хозяйства, а несколько позже и возникновение племен, занимавшихся одновременно горным делом и скотоводством, указывают, что чисто скотоводческих племен, ведущих кочевой или полукочевой образ жизни, здесь не существовало. Была лишь отгонная форма скотоводства, при которой часть населения летом вместе со стадами крупного и мелкого рогатого скота подымалась на летние пастбища, а зимой возвращалась обратно, в то время как остальное население занималось земледелием и ремеслами. При такой форме скотоводства стада должны были оставаться три-четыре месяца на летних пастбищах, а затем с наступлением холодов постепенно спускаться ниже на поселения, и в остальное время пастись близ них. Это предположение тем более вероятно, что почти во всех памятниках Армении и Закавказья наряду со следами скотоводства встречаются и земледельческие орудия.

Ю. И. Мкртумян отмечает, что в Тавуше, Лори и других лесных районах Армении в XIX в. сложилась своеобразная форма отгонного скотоводства, по-видимому, возникшая с древних времен и объясняющаяся наличием лесных массивов, оказывающих заметное влияние на особенности содержания скота. В этих условиях зимовники устраивались на лесных полянах или южных склонах гор, удаленных на 2—8 км от селений, где возводились целые комплексы жилых и хозяйственных построек⁵⁸.

⁵⁸ Ю. И. Мкртумян, Формы скотоводства у армян, ВОН, № 12, 1968, стр. 53.

Рост поголовья мелкого рогатого скота не только способствовал увеличению мяса и молочных продуктов, но и сыграл важную роль в развитии ряда ремесел, в частности, ткачества и кожевенного дела.

Интересные остеологические материалы обнаружены при раскопках среднебронзового кургана с расписной керамикой из села Кирги Шамнадзинского района. Судя по найденным здесь 33 отдельным костям, соотношение животных было следующим:

Виды животных	Кол-во костей	Кол-во особей
Крупный рогатый скот	16	5
Мелкий рогатый скот	2	2
Лошадь	7	4
Собака	2	2
Олень	6	6

Как видно из приведенных данных, в остеологических материалах доминируют остатки крупного рогатого скота. Обломок черепа с сохранившимися роговыми стержнями и два отдельных роговых стержня принадлежат крупной форме крупного рогатого скота. По своим размерам они полностью соответствуют таковым из Лчашена, Мецамора, Артика, Ноемберяна и Кировакана и принадлежат к расе *Bos taurus primigenius*.

Остальные остатки принадлежат мелкой форме *Bos taurus brachyceros*⁵⁹.

Имеющиеся костные остатки мелкого рогатого скота не дают возможности определения до вида, хотя они больше тяготеют к козам, нежели овцам.

Семь анатомических единиц лошадей (*Equus caballus*) позволяют отнести их к четырем особям. По имеющимся остаткам костей черепа, плечевой и бедренной костям и зубам трудно проверить их расовую принадлежность. Данные бедренной кости лишь позволяют предположить, что лошади принадлежат к малорослой форме и по схеме *Vulfa* могли иметь высоту в холке 127—130 см. Найденные кости собаки (*Canis familiaris*) принадлежат к двум обломкам левых берцовых костей от двух особей.

Интересно отметить, что обломки костей собаки значительно малы по сравнению с собакой, найденной в бассейне озера Севан, и имеют почти одинаковые размеры с двумя особями собак из раскопок Тейнебаши, описанных С. К. Далем. Кости оленей принадлежат к особям кавказского благородного оленя (*Cervus elaphus*).

Как видно из описания костных материалов из погребения в Кирги, основная масса

костей от домашних животных (5 особей) принадлежит крупному рогатому скоту. Конечно, трудно сделать определенные заключения о развитии скотоводства для всех районов по материалам одного кургана, тем более, что здесь могли играть определенную роль и обрядовые особенности. Однако имеющиеся материалы позволяют говорить о наличии большого количества крупного рогатого скота, что свидетельствует об оседлой земледельческой—скотоводческой форме хозяйства. Наряду с этим нужно отметить, что здесь имелись две породы крупного рогатого скота—мелкая, возможно, местная, распространенная вплоть до Прикуришской низменности (Мингечаур) и крупная, возможно, привозная из Севанского бассейна (Лчашен).

Интересны находки костей лошадей (4 особи в одном кургане), свидетельствующие о богатстве погребенного. Одновременно они говорят, что погребенный, по-видимому, вождь, принадлежал к племени с развитым скотоводством, так как и в эпоху средней бронзы лошадь еще не играла значительной роли в военном деле и хозяйстве и имела большое значение для связи поселений с летними пастбищами. Остатки костей двух особей собак также говорят о сильно развитом скотоводстве: убитые животные были сопровождать своего хозяина—владельца крупных стад и охотника в загробный мир. О последней «профессии» погребенного говорят кости шести оленей, специально убитых для трезвы.

Здесь интересно привести параллели с памятниками Кахетии—наиболее близкой территории Восточной Грузии, имеющей тесные связи с рассматриваемыми памятниками Северо-Восточной Армении. Костные материалы из поселения Илто, датируемые эпохой ранней и началом средней бронзы, показали следующую картину. Из найденных 650 костных материалов 320, или 50%, относятся к крупному рогатому скоту, 41—баранам и 36—козам, 181—свиным, 63—оленьям, остальные—к собакам (2 экз.), птицам и т. д.⁶⁰ Как видно из приведенных материалов, в рассматриваемых памятниках основное место в хозяйстве занимало разведение крупного рогатого скота и свиней. Интересно отметить, что в раннебронзовом поселении Джагацатех обнаружены остатки костей коз, свидетельствующие о том, что здесь, как и в Кахетии, в стаде мелкого рогатого скота разведение коз не отставало от овцеводства.

Интересные материалы среднебронзовой поры найдены из среднебронзового поселения

⁶⁰ А. Л. Цицишвили, Костные остатки животных с поселения «Илто», Тр. Кахетинской археологической экспедиции, I, 1969, стр. 76.

⁵⁹ С. К. Междумян, указ. соч., стр. 55.

предгорного типа Узерлик-тепе. Из найденных 899 костных остатков выяснилось, что 26 принадлежат к особям крупного рогатого скота, 20 козам и овцам, 5 лошадям, 11 домашним свиньям и 1 собаке⁶¹.

Как видно, в стаде аборигенов Узерлик-тепе также преобладает крупный рогатый скот, что говорит об оседлой форме скотоводства с выгоном скота в летнее время на предгорные пастбища. В пользу этого говорит и наличие свиноводства. Наличие же домашней лошади указывает именно на отгонный характер скотоводства.

Такая же картина наблюдается и по материалам раскопок Я. И. Гуммеля в районе Ханлара. В раскопанных сооружениях поселений и в насыпи кургана 36 найдены кости исключительно домашних животных. Огромное большинство костей принадлежит домашним быкам или коровам. Эти животные, по предположению автора, составляли основу хозяйственной жизни населения. На втором месте по числу костных остатков стоят овца и коза, дальше идут свинья и, наконец, лошадь⁶².

Значительно больше костных остатков имеется в памятниках поздней бронзы и раннего железа—Хурджин-хогере, Гмшкоте, Паташаре, Головино⁶³ и циклопической крепости Тандзут.

Для точного учета найденных костей приводится табл. 1. Как видно из таблицы, в 15 погребениях могильника Хурджин-хогер обнаружены кости крупного (7) и мелкого рогатого скота (7), лошади (1) и оленя (1), а среди остеологического материала могильника Гмшкоте—крупного (1) и мелкого рогатого скота (5), лошади (2), оленя, джейрана и куницы (по 1). В Паташарском могильнике обнаружены кости лишь одной собаки. Среди костных материалов крепости Тандзут обнаружены кости крупного рогатого скота (1), лошади (1) и оленя (1).

Из всех сданных 120 анатомических единиц от семи видов животных 16 особей относятся к крупному рогатому скоту и буйволу (погребение 8 могильника Хурджин-хогер). Буйволы мало известны по археологическим и письменным источникам Закавказья.

Почти целый череп буйвола был найден С. Межлумян в прибрежном слое оз. Севан у села Цамакаберд, датируемом первой по-

ловиной II тыс. до н. э. (материалы не опубликованы). Кости буйвола найдены также при раскопках Кармир-блур⁶⁴ и Аргштхитинли. Эти находки вместе с находками костей буйвола из Хурджин-хогера и Ноemberяна дают основание считать, что буйволов разводили по крайней мере с конца раннебронзовой поры, а не в мезолитнобронзовую эпоху, как предполагалось ранее⁶⁵. Остальные представители крупного рогатого скота относятся к особям быков, вола (1) и коров (2), принадлежащих крупной форме и имеющих предком *Bos primigenius*. Мелкий рогатый скот относится к козам или овцам (ближе определить невозможно). Лошадь представлена четырьмя особями одомашненных животных (*Equus caballus*), а дикие животные Кавказским благородным оленем (*Cervus elaphus*) и куницей (*Martes foina*).

Таблица 1

Могильник	№ погр.	Количество особей						
		Крупн. рогат. скот	Мелк. рогат. скот	Лошадь	Олень	Джейран	Куница	Собака
Хурджин-хогер	1	2	—	—	—	—	—	—
	3	—	1	—	—	—	—	—
	5	1	2	—	—	—	—	—
	8	1	—	—	—	—	—	—
	9	—	—	1	—	—	—	—
	10	1	1	—	1	—	—	—
	11	1	1	—	—	—	—	—
	13	—	1	—	—	—	—	—
	14	1	1	—	—	—	—	—
	15	1	1	—	—	—	—	—
Гмшкоте	5	1	2	1	—	1	—	—
	6	—	—	—	—	—	—	—
	7	—	1	—	—	—	—	—
Паташар	9	—	—	—	1	—	1	—
	1	—	—	—	—	—	—	1
	3	—	—	—	—	—	—	—
Цикл. крепость Тандзут	—	1	—	1	1	—	—	—
	—	7	—	—	—	—	—	—

Особенно интересна находка остатков костей вола из Паташара (1), свидетельствующая о кастрации пахотных животных. Интересно обнаружение собаки в погребении 3 Паташарского могильника, принадлежащей по строению к шакалу и, по-видимому, относящейся к типу охотничьей собаки. Кости животных обнаружены и в ряде поселений начала I тыс. до н. э. Иджеванского и Ноemberянского районов.

⁶¹ К. Х. Кушнарера, Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-тепе около Агдама, МИА, 67, стр. 416.

⁶² Я. И. Гуммель, Археологические очерки, Баку, 1940, стр. 128.

⁶³ Костный материал из Головино определен С. Далем (см. С. Дале, Костный материал из погребений XVIII и VII вв. до н. э. окрестностей селения Головино (Арм. ССР), Тр. ГМА, вып. V, Ереван, 1959, стр. 143).

⁶⁴ С. К. Дале, Результаты изучения млекопитающих из раскопок урартского города Тейшебаши, Изв. АН Арм. ССР (общ. науки), № 1, 1952, стр. 77—78.

⁶⁵ Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ноне, Древний Мингечаур, стр. 37.

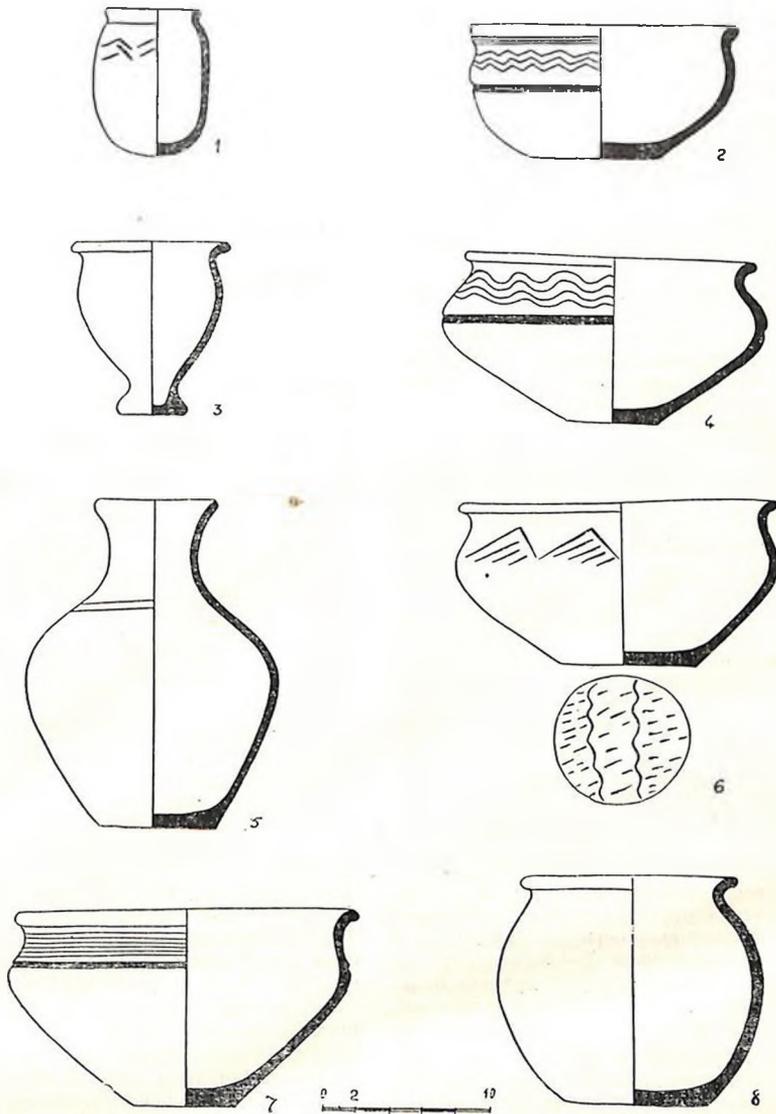

Табл. 124. Предметы из могильника близ Иджеванской больницы.

Так, среди материалов из Барцрабердской крепости, датируемых началом I тыс. до н. э., обнаружены кости лошади, крупного рогатого скота и очень старой домашней свиньи.

Гораздо интереснее представлены материалы из раскопок Поплозской крепости близ села Джуджеван Ноемберянского района. Здесь рядом с культовым очагом найдены кости семи особей коз (*Capra domestica*), и, что интересно, все они принадлежат правой

части тела, что характерно для жертвоприношений. Здесь же найдены кости лошади (*Equus caballus*), свиньи (*Sus scrofa*), косули (*Capreolus capreolus*), двух особей голубей (*Columba*) и какой-то хищной птицы. Много костей свиней, кур и голубей найдено в Аргштихинили.

Как видно из определения костных материалов памятников эпохи поздней бронзы и

раннего железа, подавляющее большинство их относится к крупному рогатому скоту и свиньям, что свидетельствует о земледельческо-скотоводческой форме оседлого хозяйства. В этих же памятниках, как указывалось выше, найдено большое количество бронзовых и каменных составных серпов, свидетельствующих о том же. Наблюдаемый в это время расцвет скотоводства был возможен благодаря огромным массивам горных пастбищ и зимовников, обеспечивавших скот кормом не только летом, но и зимой. В это время окончательно утверждается отгонная система скотоводства, характерная для всего Кавказа⁶⁶. Эта система являлась более развитой формой по сравнению с кочевой или полукочевой формами и стимулировала дальнейшее развитие скотоводства. Как видно из материалов среднебронзовой эпохи из Киргии и других памятников Армении, отгонная форма скотоводства в районах Северо-Восточной Армении, по-видимому, зарождается в начале раннебронзовой поры, когда скотоводство начинает интенсивно развиваться не только в расматриваемых районах, но и повсеместно на Армянском нагорье. Причем на летние пастбища отгоняли не только мелкий рогатый скот, но и крупный, что практикуется и в настоящее время. Более того, в условиях наличия богатых дубовых и буковых лесов на летние кочевки или в их окрестности отгонялись и свиньи. Осенью, после возвращения с кочевок, скот содержался на пастбищах близ поселений, возможно, даже на бесстойловом или кратковременном стойловом содержании, добывая корм в лесных долинах с малым покровом снега.

Наблюдается также рост коневодства, причем лошадь, в отличие от ранне- и среднебронзового периодов, применялась не только в качестве верхово-вьючного животного, но и в качестве тягловой силы. В памятниках Северо-Восточной Армении обнаружено большое количество бронзовых поясов и керамических изделий, на которых изображены колесницы, запряженные конями, и сопровождающие их всадники (подробнее см. гл. VI). Кроме изображений, встречаются и модели боевых колесниц, также запряженных конями (Паравакар, Арсакар и Лори-берд). В числе прочих находок нужно указать и на отдельные бронзовые скульптурные фигурки коней.

Наряду со скотоводством на Кавказе повсеместно занимались охотой. Во всех раскопанных памятниках встречаются кости кавказского оленя, косули, козла, иногда кабана, птиц и т. н. Сцены охоты также часто на-

блюдаются на керамике, бронзовых поясах и т. д.

Много различных остеологических материалов обнаружено из памятников эпохи широкого освоения железа и раннеармянского времени — из крепостей Бердатеж, Тмбадир, Пилор-пат и т. д. (табл. 2).

Нужно отметить, что в материалах из Тмбадира кости свиней принадлежат молодым или даже молочным особям, которые, в основном, шли в пищу. Кости лошадей и ослы принадлежат взрослым или очень старым особям. Землеройка, возможно, проникла в культурный слой позднее. Что же касается черепа ласки, который найден в поселении Пилор-пат, то она как и ласка, найденная в Кармир-блуре⁶⁷, является результатом охоты. Найденная здесь лошадь, как и на Тмбадире, взрослая, со старыми зубами. Череп поросенка найден в одном из погребений Головино⁶⁸. Одна из свиней, найденных в крепости Сурб Наатак, старая, со стертymi зубами, а две — молодые особи. Старая, крупная особь по внешним признакам сходна со свиньями из лчаненских погребений конца II тыс. до н. э. Найденный здесь же рог кавказского благородного оленя тщательно отрублен от основания несколькими ударами острого орудия. Таким же способом отрублена отдельная ветвь, по-видимому, для изготовления какого-то орудия.

Не менее интересны костные остатки из Астхи-блур (120 единицы). Выявлено 5 особей крупного рогатого скота, три из которых относятся к крупной форме (*Bos laurus grimigenius*) и близки к формам из Аринского поселения III тыс. до н. э. Две особи крупного рогатого скота относятся к мелкой форме (*Bos laurus brachycephalus*), хорошо известной из Кармир-блур, Аринпятихитили и Цовинара, 3 особи овец — к крупной форме (*Ovis aries*), схожей с формой овец из позднебронзовых погребений Лори-берда (раскопки С. Деведжян).

Большинство костных остатков из крепости Бердатеж относится к молодым особям, кроме костей одной косули и двух особей крупного рогатого скота. Нужно отметить, что обуглены и пережжены обломки трубчатых костей косули и безоарового козла. Свиньи из раскопок Бердатежской крепости по размерам и морфологическим особенностям аналогичны с таковыми из лчаненских погребений, причем до 70% зубов молодые.

Очень интересна находка в Бердатеже обломка нижней челюсти верблюда, который в памятниках Армении и Закавказья встреча-

⁶⁷ С. Даль, Результаты изучения млекопитающих..., стр. 81.

⁶⁸ С. Даль, Костный материал из погребений окрестностей села Головино, стр. 114.

⁶⁶ Б. В. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 75.

Таблица 2.

Памятник	номер инвентаря	Количество особей												
		крупный рогатый скот	мелкий рогатый скот		лошадь	осел	верблюд	свинья	курица	косуля	олень	безоаркозья	землеройка	ласка
			козы	овцы										
Бердатеж	1	4	4	3	1	—	—	4	—	2	2	—	—	—
Тмбадир	1	1	—	—	1	—	—	3	—	—	—	—	—	—
	2	2	—	—	—	1	—	1	—	—	1	—	—	—
	3	—	1	—	1	—	—	1	1	—	—	—	1	—
	шурф 1	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—
	3	1	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Пилорпаг	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сурб-Наатак	3	1	—	—	—	—	—	3	—	—	1	—	—	1
	1	—	—	—	—	—	—	3	—	—	1	—	—	—
Головнино Астхибаур	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
	5	—	—	3	—	—	—	1	—	1	1	—	—	—

ются редко. Кости верблюдов известны из Мингечаура⁶⁹, Карабулака⁷⁰ и Хацлара⁷¹. Кости одиногорого верблюда найдены также при раскопках Эребуни⁷², а по данным письменных источников и ассирийских изображений, верблюды, хоть и в небольшом количестве, водились и в Урарту. Так, на Балаватских воротах имеется изображение угона верблюдов из страны Гильзен, а Сардури II упоминает об уgone 155 верблюдов из страны Эриахи (район совр. Лениакана). По-видимому, верблюды использовались при перевозке тяжелых вьюков, в обозах войск и при строительстве. Применялись они и для верховой езды, так как верблюды, найденные А. А. Ивановским в вышеуказанном кургане Карабулака, были украшены богатым золотым убором.

Как видно, хозяйство эпохи середины I тыс. до н. э. мало чем отличается от хозяйства конца II и начала I тыс. до н. э.

⁶⁹ Г. М. Асланов, Р. М. Вандов, Г. Н. Ноне, Древний Мингечаур, стр. 125.

⁷⁰ А. А. Ивановский, По Закавказью, МАК, VI, стр. 164.

⁷¹ Я. Н. Гумель, Погребальный курган № 1 около Еленендорфа, Баку, 1931, стр. 20.

⁷² Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 157.

В этот период, по-видимому, завершается начатое в позднебронзовую эпоху развитие земледельческих и скотоводческих племен. В горных районах больше занимаются скотоводством, а в долинах — земледелием.

Приблизительно такая же картина наблюдается в районах Восточной Кахетии⁷³. Интересно отметить, что преобладание скотоводства в горных районах и земледелия в долинах в рассматриваемых районах Северо-Восточной Армении сохранилось до наших дней.

Нужно указать, что находки большого количества маслосемян во всех памятниках конца II и I тысячелетия говорят о наличии сильно развитого молочного хозяйства в рассматриваемое время.

Таким образом, говоря о скотоводстве районов Северо-Восточной Армении, можно заключить, что оно не отличалось от скотоводства горных районов Армянского нагорья. Определенные общности имеются и с соседними районами Грузии и Азербайджана.

⁷³ К. Н. Пицхеллаури, Древняя культура племен, населяющих территорию Иоро-Алазанского бассейна, стр. 121.

ГЛАВА V

Р Е М Е С Л О

Обработка металла. Выше, в предисловии, говорилось о горнорудных базах Северо-Восточной Армении, что дает основание считать, что местные племена могли не только плавить руду и получать металл для изготовления различных изделий, но и экспортировать руду или выплавленный металл в соседние области, бедные рудными запасами. При раскопках памятников Северо-Восточной Армении найдены большое количество металлических изделий, разных форм, тиглей, следы печей и т. д. которые свидетельствуют о развитом металлургическом производстве в этом районе.

При раскопках Джагацатехского поселения найдены следы крупной печи, имеющей полукруглую форму, диаметром в 0,9 м, высотой в 20 см. Стенки в верхней части полукруглые, у основания они расширяются, образуя с наружной стороны небольшой полукруглый выступ, а с внутренней переходят в плоское дно (табл. I, рис. 1). Стенки печи от частого ее применения приобрели ярко-красный цвет. Рядом с печью обнаружено сопло в виде глиняной трубки, изготовленной из хорошо отмученной глины. Трубка длиной в 14 см имеет небольшой прогиб и круглое сквозное отверстие диаметром в 2,5 см. Передняя часть, входящая в камеру печи-очага, от сильного жара полностью ошлакована, в отличие от остальной части, сохранившей первичный обжиг (табл. I, рис. 2). Хотя металлургического шлака здесь не обнаружено, тем не менее, находка в шурфе крупных зерцотерок и терочников дает основание предположить, что они применялись для размельчения руды. Сильно обожженное сопло свидетельствует, что в печи поддерживалась высокая температура, необходимая для плавки металла.

Это не единственная печь-плавильня, известная из раннебронзовых поселений Армении. Печи для плавки металла в виде тондыров известны из раскопок Э. Ханзадян в

Гарин во II слое III тыс. до н. э., где рядом с печью обнаружено большое количество золы, шлака, разных тиглей с остатками металла¹. Интересно отметить, что аналогичные плавильные печи так называемого горшечного типа, диаметром в 1 м, но с большей глубиной—до 1,1 м, известны в Хараписе, где они датируются III тыс. до н. э.²

В числе других предметов, связанных с плавильным делом, можно отметить находки из II и III шагламских крепостей фрагментов небольших глиняных тигельков, с круглым днищем, округлыми бортами и небольшим сливом на одном из бортов. От частого применения поверхность тиглей расплавилась и приняла глянцеваый блеск, а местами—красный цвет. Находки подобных тиглей указывают, что в названных крепостях производилась вторичная плавка для изготовления металлических изделий, хотя сами они не обнаружены.

Из числа изделий, датируемых раннебронзовым периодом, можно остановиться на небольшом вислообушном топоре, случайно найденном в крепости II шагламы. Топор имеет прямую лопасть и чуть отвисающий обух с круглым отверстием для насадки рукояти (табл. 82, рис. 8).

При изготовлении этих топоров, хорошо известных из Араратской равнины³, Еревана⁴, Кюрдаре⁵, Осетии⁶ и ряда других мест, при-

¹ Э. В. Ханзадян, Гарин, вып. IV, стр. 38 и посл.

² Г. Чайлд, Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, стр. 269.

³ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 39.

⁴ А. А. Мартиросян, А. О. Мнацаканян, Приереванский клад древней бронзы, КСИА, вып. 134, 1973, стр. 122.

⁵ М. М. Иващенко, Исследование архаических памятников материальной культуры Абхазии, Тифлис, 1935, стр. 15.

⁶ Е. П. Кривцов, Материалы по археологии Север-

менялись литейные формы, подобные пайдечным из Кюль-тене⁷ и Гарни⁸, указывающие на их местное происхождение.

Наряду с крупными литыми предметами в эпоху ранней бронзы производились также различные проволочные браслеты, кольца и т. д. Проволока готовилась посредством восторонней горячейковки, причем, как свидетельствуют анализы 59 предметов раннебронзовой поры из Джрашенца, Элара, Джраовита, Гарни, Шенгавита и т. д., выполненные А. Ц. Геворкяном, и 20 предметов из второго слоя Кюль-тене, выполненные Селимхановым, основным сплавом являлись медно-мышьяковистые бронзы, но наряду с ней в самом конце III тыс. до н. э. выявляется мышьяковисто-оловянистая бронза. В это время бытуют и предметы из металлургически «чистой» меди⁹.

Для более полного представления о древнем металлургическом производстве интересны результаты анализов металла из памятников Грузии. Из 92 предметов III тыс. до н. э. 52 происходят из Сачхерского комплекса, остальные из Урбинси (18), Амиранс-гора (17) и Хизанаат-гора (5). Результаты анализов выявили, что металл из указанных памятников целиком состоит из мышьяковистой бронзы и металлургически «чистой» меди, причем полностью отсутствуют оловянистые или мышьяково-оловянистые бронзы. Химический анализ показал, что металл из памятников Южной Грузии соответствует показателям металла из Армении, а металл Сачхерской группы памятников близок к Терской группе¹⁰. Возвращаясь к технологии изготовления проволоки, следует отметить, что в дальнейшем она совершенствовалась и, возможно, стало применяться волочение. Об этом свидетельствует примитивное приспособление в виде плоского камня с несколькими отверстиями различного диаметра, найденное в Наохвamu¹¹. Камень с такими же отверстиями известен из позднебронзовых курганов Тчашена.

Обнаружение в памятниках III тыс. до н. э. Северо-Восточной Армении небольшого количества металлических изделий объясняется, вероятно, не только плохой изученностью, но и тем, что сработанные металлические орудия вновь переплавлялись. По-видимому, Осетии докобанского периода, МИА, 23, 1951, стр. 38.

⁷ Э. В. Ханзадян, Гарни, вып. IV, стр. 37.

⁸ О. А. Абибулаев, К вопросу древней металлургии Азербайджана, МИА, 125, 1965, стр. 67.

⁹ А. Ц. Геворкян, Древнейшая металлургия и горное дело Армении, стр. 10.

¹⁰ А. Ц. Геворкян, указ. соч., стр. 11—12.

¹¹ Ф. Тавадзе, Т. Сакарелидзе, Бронзы древней Грузии, Тбилиси, 1959, стр. 20.

димо, в древности эти районы по уровню своего развития не только не отставали от других районов Армении, но, как и соседний чрезвычайно богатый медью Алавердский район, снабжали другие области металлом. Этот процесс выделения металлургии в самостоятельную отрасль, обслуживавшуюся мастерами-специалистами горнорудного дела, развивался на Армянском нагорье и в Закавказье довольно быстрыми темпами, и уже в III тыс. до н. э. произошло ее окончательное разделение на добывающую и обрабатывающую ветви¹².

Приблизительно такая же картина наблюдается в Северо-Восточной Армении и в эпоху средней бронзы.

Спектрально-аналитические исследования металла Армении среднебронзовой эпохи показали, что при легировке металла широкое применение находят олово, свинец, а в ряде случаев сурьма, благодаря чему получались мышьяковистые, мышьяковисто-оловянистые, свинцово-мышьяковистые бронзы и многокомпонентные сплавы. Однако доминирующим типом сплава оставались мышьяковисто-оловянистые бронзы¹³.

Из памятников этого времени обнаружено также немного предметов, однако по своей значимости они не уступают найденным в других областях Армении и Закавказья.

К числу их относятся два топора, обнаруженные у животноводческой фермы села Навур Шамшадинского района, датируемые XVII—XV вв. до н. э.¹⁴ Находка эта указывает на значительные сдвиги в развитии металлообработки, являющиеся следствием длительного процесса медно-бронзового производства. Эти топоры, являясь прототипами топоров позднебронзовой поры, одновременно знаменуют начало совершенно новой, весьма самостоятельной фазы металлообработки.

Близкие по форме топоры известны из Грма-Геде и Галанки¹⁵. Шамшадинские топоры имеют много общего с боевой секирой из Кпровкакана, а может быть, являются дериватами топоров, обнаруженных в древних слоях анатолийского Кюль-тене. Находки подобных топоров, наряду с другими изделиями, указывают на тесные культурные связи Месопота-

¹² А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 29; К. Х. Кушнарва, Т. П. Чубинишвили, указ. соч., стр. 114.

¹³ А. Ц. Геворкян, указ. соч., стр. 15.

¹⁴ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 60.

¹⁵ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, стр. 18; А. А. Нессен, Прикубанский очаг металлургии и металлообработки, МИА, М., 1951, стр. 71, рис. 3—4; В. И. Марковин, Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, МИА, 93, стр. 39.

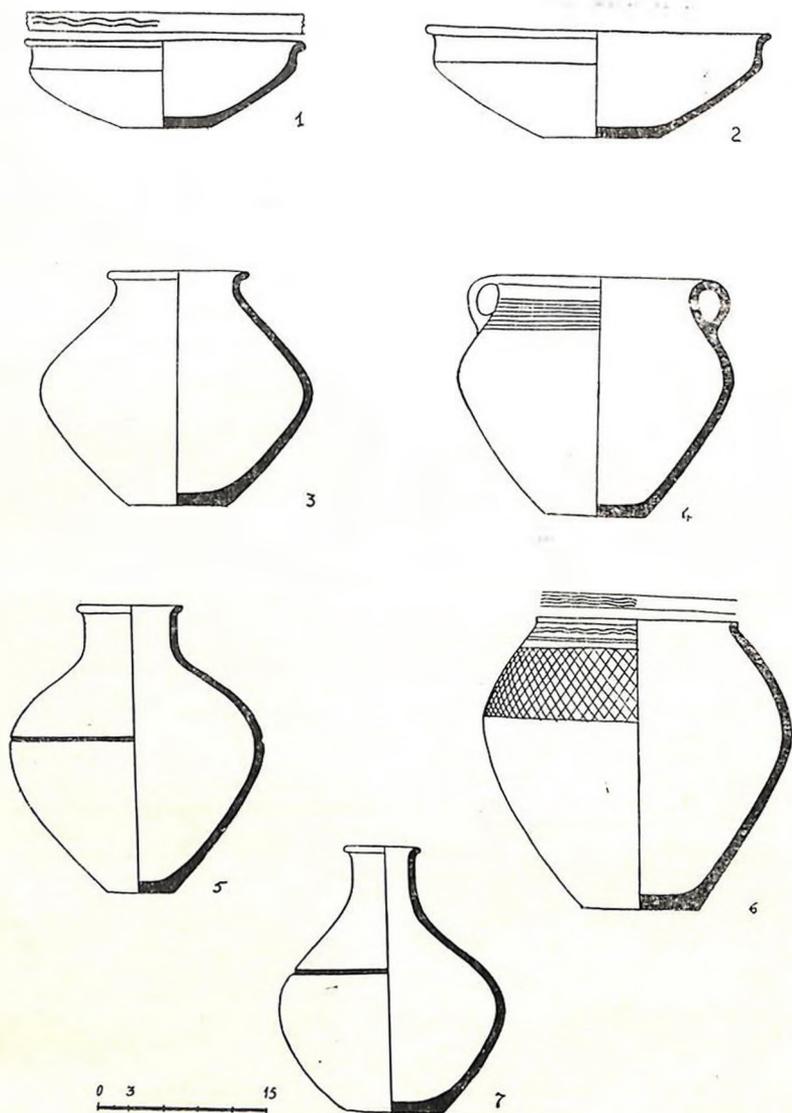

Табл. 125. Предметы из могильника близ Иджеванской больницы.

мни и Армении. Ряд материалов одновременно указывает на связи с памятниками Талыша.

Другим предметом вооружения средне-бронзовой поры является бронзовый кинжал, обнаруженный вместе с расписными сосудами и черной керамикой в селе Кирги Шамшадинского района. Кинжал имеет листовидную форму с четко отмеченным срединным

ребром и небольшой язычок для посадки рукояти. Подобного типа кинжалы известны из богатого Кироваканского кургана, Гориса, Еревана и ряда других мест Армении и Закавказья¹⁶. Появление подобных кинжалных

¹⁶ С. А. Есаян, Оружие и военное дело..., стр. 61; его же, Каталог археологических предметов Музея истории города Еревана, вып. III, Ереван, 1972, стр. 68.

клинков хорошо увязывается с ранними клинками, бытующими еще в III тыс. до н. э. и являющимися прототипами клинков позднебронзового периода. Последним предметом среднебронзового производства (XVI—XV вв. до н. э.), найденным в районах Северо-Восточной Армении, является случайно найденная в Иджеване миниатюрная секира. Она имеет высоко поднятые плечики с двумя седловинами на концах. Небольшое узкое тулово имеет в верхней части отверстие, над которым параллельно обушной части проходит прямая планка-крестовина с небольшим выступяющим шином в центре. Небольшие размеры секиры (длина 8 см, ширина лезвия 5 см) дают основание утверждать, что это не боевая, а парадная секира, наподобие арктических¹⁷, хотя она несколько отличается по внешнему оформлению. Иджеванская секира, относящаяся к секирам переднеазиатского типа, находит свои аналоги в материалах далеких от Армении памятников из Ура¹⁸, Луристана, Элама, Египта, Сирии и Палестины¹⁹.

Гораздо больше материалов по металлообработке имеется в эпоху поздней бронзы, когда наряду с развитием земледелия и скотоводства происходит резкий качественный скачок в металлургии и металлообработке. Многочисленные анализы изделий этого времени, на основе материалов Лчашена, Артика, Димаца и т. д., показывают, что большинство их изготовлялось из оловянистой бронзы, хотя имеются также изделия свинцово-оловянистые, мышьяковисто-оловянистые, из «чистой» меди и чистого олова и сплавов меди с серебром-биллои²⁰. Анализы изделий из памятников Северо-Восточной Армении, в частности, из погребений в селе Кирги, показывают, что украшения изготовлены из «чистой» меди, в то время как медь оружия и орудий легирована оловом²¹.

В рассматриваемую эпоху на Армянском нагорье наряду с ростом и развитием хозяйства происходит образование племенных союзов, развивается крупная родо-племенная знать, что вызывает все большую потребность в вооружении, орудиях труда, украшениях и т. д., а это, конечно, ведет к образованию по-

рых методов изготовления бронзовых изделий и совершенствованию старых. Путем отливки в съемных формах готовятся большинство предметов вооружения, орудий труда и украшений, которые подвергались затем дополнительной обработке. Более сложные фигуры животных—олений, коз, быков и т. п., известные по находкам в Лчашене, Артике, Толорсе и ряде других памятников, отливались по частям и, в основном, в восковых моделях.

В памятниках Армении встречаются в большом количестве различные ковши, литейные формы для отливки изделий и т. д. В числе их можно указать находки литейных форм, различных тиглей, ячек, ковшей и т. д., происходящих из Кармир-блур, Ленинакана, Муханнат-тапа, Мецамора, Армавира, Артика и других мест²².

Подъем всей материальной культуры Армении и Закавказья не мог не коснуться племен Северо-Восточной Армении. Здесь также наблюдается расцвет металлообработки.

Найденные здесь предметы вооружения, орудия труда и украшения свидетельствуют о том, что абorigены указанных районов имели широкоразвитое металлургическое производство, требовавшее специальных навыков и определенных знаний.

Особенное мастерство требовалось при отливке крупных цельноотлитых мечей так называемого закавказского типа, делящихся на мечи с округлыми или обрубленными концами. Подобные мечи снабжались ажурными навершиями, а верхняя часть их украшалась ритуальными изображениями. После отливки мечи, как и клинки, требовали дополнительной обработки в части рукоятки и пазов, проходивших по всей длине клинка. Подобные мечи, центр производства которых находился в северных от Армении районах, в Северо-Восточной Армении известны в памятниках Мец-чала, Головино, Хаштарака, Кирги и Айгедзора, а также из Акпера, Узунлара, Кировакана, Артика, Севана и Ленинакана. Таким образом, почти 50% найденных в Армении мечей указанного типа приходится на рассматриваемые районы. Особенно интересны два меча из Мец-чала и Хаштарака, первый из которых украшен орнаментом «бегущей» спирали, концы которой в виде «гроздьев» спускаются по полям клинка, а второй—средним ребром со стрельчатыми певюра-

¹⁷ А. А. Мартirosян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 72; Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, стр. 97; С. А. Есяян, Оружие и военное дело..., стр. 38.

¹⁸ C. L. Woolley Ur Excavations, Volume II the Royal Cemetery New-York, 1934, табл. 224.

¹⁹ F. Hançar, Caucasus-Luristan, Eurasia Septentrionalis antiqua, IX, Minns Volume, Helsinki, 1934, рис. 16—18.

²⁰ А. Ц. Геворкян, указ. соч., стр. 18—22.

²¹ Там же, стр. 21.

²² Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 80; А. А. Мартirosян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 123; Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, стр. 66; О. С. Ункян, Некоторые вопросы металлообработки в эпоху поздней бронзы, ИФЖ, № 3, 1971, стр. 285.

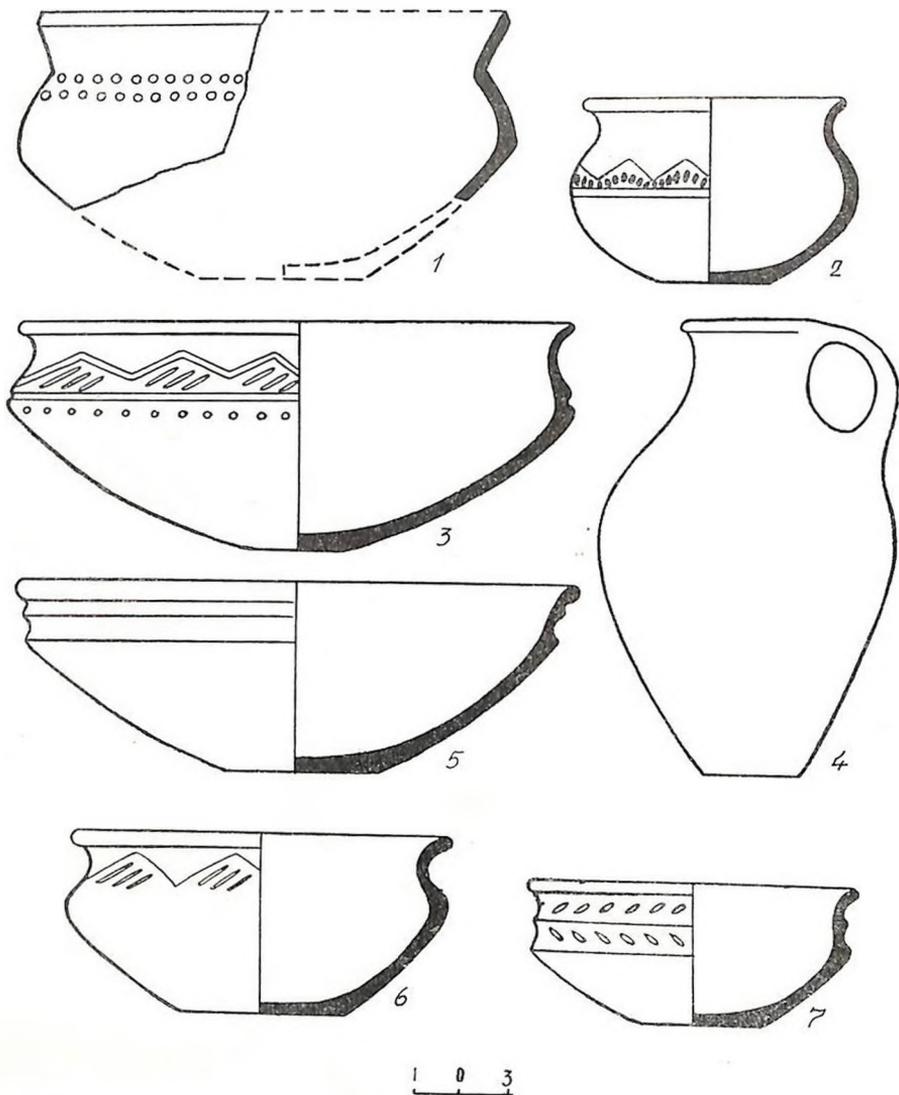

Табл. 126. Предметы из могильника Пакер: рис. 1—погребение 16; рис. 2—погребение 8; рис. 3, 6—погребение 6; рис. 4—погребение 11; рис. 5—погребение 14; рис. 7—погребение 2.

ми, двойным рядом спиралей и двумя фигурами коз.

Важное место среди металлических изделий занимают книжалы, также отражающие связи с северными районами. Особенно интересны книжалы, найденные в районе Дилижана, к числу которых относится бронзовый цельноотлитый книжал, найденный в Папанно, повторяющий форму мечей с обрублен-

ным концом, а также книжалы из Мец-чала и Редкин-лагеря, имеющие цельноотлитые клинки с округлыми плечиками, снабженными отверстиями или плоским язычком для закрепления рукояти. Интересны также книжалы с трубчатой рукояткой и широким треугольным клинком, украшенным пазами. Подобные экземпляры обнаружены в Лусадзоре, Арсакаре, Джуджеване и находят широкие

аналогии в памятниках позднебронзового периода Армении—Тчашене, Артике, Кироваконе, Норатусе, Кедабеге и ряде других мест²³. Особо следует отметить книжал рассматриваемой формы, происходящий из Дилижана, рукоять которого украшена клиновидными выемками, а клинок—змеевидной медной инкрустацией²⁴. Подобные книжалы в Армении, насколько известно, проходят также из Артикского могильника.

В большом количестве обнаружены также бронзовые копыя (перьевидные и листовидные) с широкой втулкой, характерной для позднебронзового производства. Здесь останемся лишь на одном виде копий, сравнительно редко встречаемых в комплексах Армении. Они имеют длинный листовидный наконечник с округлым острием и проходящее по всей длине округлое срединное ребро, переходящее в закрытую трубчатую гладкую втулку; часть их снабжена двумя валиками. На территории Армении известны оба вида копий—по одному из Мец-чала, Ноемберяна и Норашена и значительное количество из Артика²⁵. Подобные копыя в большом количестве обнаружены в Кахетии и Самтавро. Кахетинские копыя бытуют в XIII—XII вв., хотя встречаются и в XI в., но уже отсутствуют в памятниках начала I тыс. до н. э. Таким образом, бронзовые изделия отражают связи, установившиеся с соседями.

В большом количестве известны секиры явно местного происхождения. Они обнаружены в Хаштараке, Иджеване, Лусадзоре, Енокаване, Айруме и других местах. Отливка их производилась в съемных каменных или глиняных формах, хорошо знакомых по находкам в ряде памятников Армении и Закавказья (Кармир-блур, Леннакан, Ханлар и т. д.). Наряду с местными секирами в качестве топоров применяли и привозные колхидо-кобанского типа. Один из трех топоров этого типа, найденных в Армении, происходит из Головино и хранится в музее Грузии²⁶.

Большое место среди металлических изделий занимают серпы, найденные в Хаштараке, Лусадзоре и Ноемберяне, изготовленные из толстых бронзовых листов. В ряде памятников конца II и начала I тыс. до н. э. встречаются серповидные ножи той же формы, но с обратной заточкой с наружной стороны. Подобные ножи найдены мною в Кирги и Лусадзоре, С. Чилингарином—в Хонхотане

и Довеге (2 экз.) и один случайно найден в Айруме. Они, по-видимому, могли применяться для обработки кожи, а может быть, и в виде секачей.

Из числа предметов вооружения можно указать панцири двух видов, хорошо известные из таких памятников, как Головино, Кирги, Айгедзор, Дилижан и др. Панцири первого вида состоят из кожаной или матерчатой рубахи с нашитыми пуговицами и бляхами, число которых доходило до 100 и более. К примеру, можно вспомнить артикскую панцирную рубаху, на которой были нашиты одна крупная бляха и более 100 мелких пуговиц²⁷, и дилижанский матерчатый панцирь, на который были нашиты четыре крупных бляшки и 92 мелкие пуговицы²⁸. Панцири второго вида состоят из такой же кожаной или матерчатой рубахи, на которую нашивались плоские или конические диски. Подобные диски, как уже говорилось, найдены в Головино, Кирги, Айгедзоре и Лусадзоре. Остатки панцирей такого типа известны в ряде разновременных погребений Закавказья²⁹.

Говоря о защитном снаряжении воинов племенных дружин, нельзя не остановиться на щитах и щелемах, известных по графическим изображениям на бронзовых поясах и по различным скульптурам. Щиты, так же как и панцири, делятся на два типа. К первому, вероятно, более раннему типу, относятся так называемые полуцилиндрические щиты с расширенной нижней частью и узким округлым верхом. Изображения подобных щитов встречаются на поясах из Степанавана и Ноемберяна. Кроме того, они вложены в руки бронзовых статуэток из Паравакара и Айрума³⁰. Щиты второго типа круглые, по-видимому, конические, напоминают по форме урартские и также хорошо известны по моделям щитов, сохранившимся в руках бронзовых статуэток из того же Айрума и Паравакара.

Шлемы позднебронзовой и раннежелезной поры также делятся на два типа. К первому типу относятся шлемы гребенчатой формы с роговидными выступами в передней части, в основном встречающиеся на статуэтках из Паравакара и Айрума, а второй вид, редко встречающийся в памятниках изобразительного искусства, сохранился на астхилдурском

²⁷ Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, стр. 60.

²⁸ Л. Л. Карапетян, А. Н. Шагинян, Археологические находки в Дилижане, Изв. АН Арм. ССР, № 12, 1964, стр. 69.

²⁹ С. А. Есаян, Оружие и военное дело..., стр. 100.

³⁰ С. А. Есаян, А. О. Мнацаканян, Находки новых бронзовых статуэток в Армении, СА, № 2, 1970, рис. 1; айрумская статуэтка публикуется впервые.

²³ С. А. Есаян, Оружие и военное дело..., стр. 62.

²⁴ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., табл. XXXV, раздел IV, стр. 9.

²⁵ Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, Ереван, 1975, стр. 202, рис. 116.

²⁶ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 124.

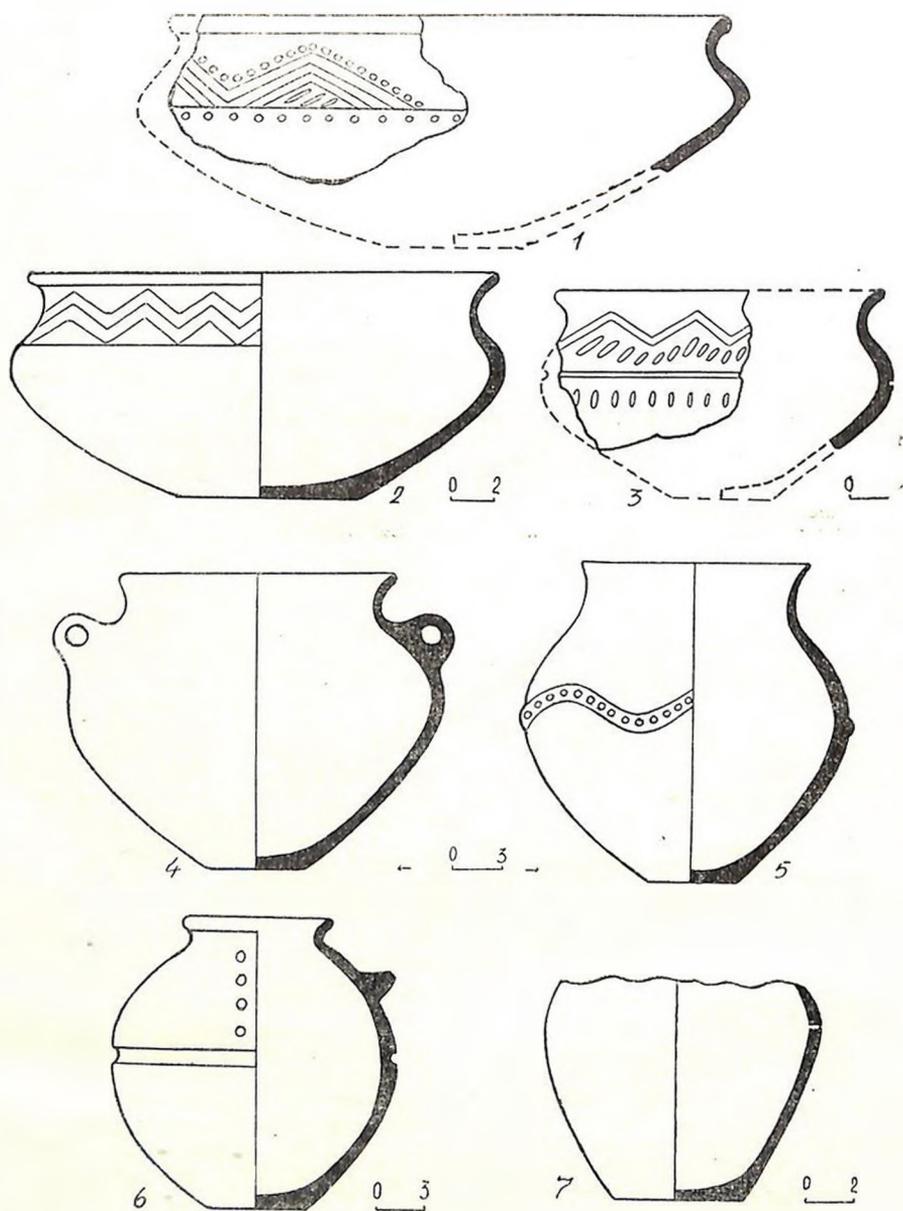

Табл. 127. Предметы из могильника Пакер: рис. 1, 6—погребение 8; рис. 2, 3—погребение 6; рис. 4—погребение 16; рис. 5—погребение 7; рис. 6—погребение 1.

поясе начала I тыс. до н. э. и имеет форму небольшой круглой шапочки с зубчатым гребнем в центре.

Следует отметить, что, по рассказам местных жителей, в одном из позднебронзо-

вых курганов Хурджинохогерского могильника, разрушенном при вспашке, был обнаружен бронзовый шлем³¹.

³¹ Нековерканный шлем, имевший форму конической каски, был оставлен в земле.

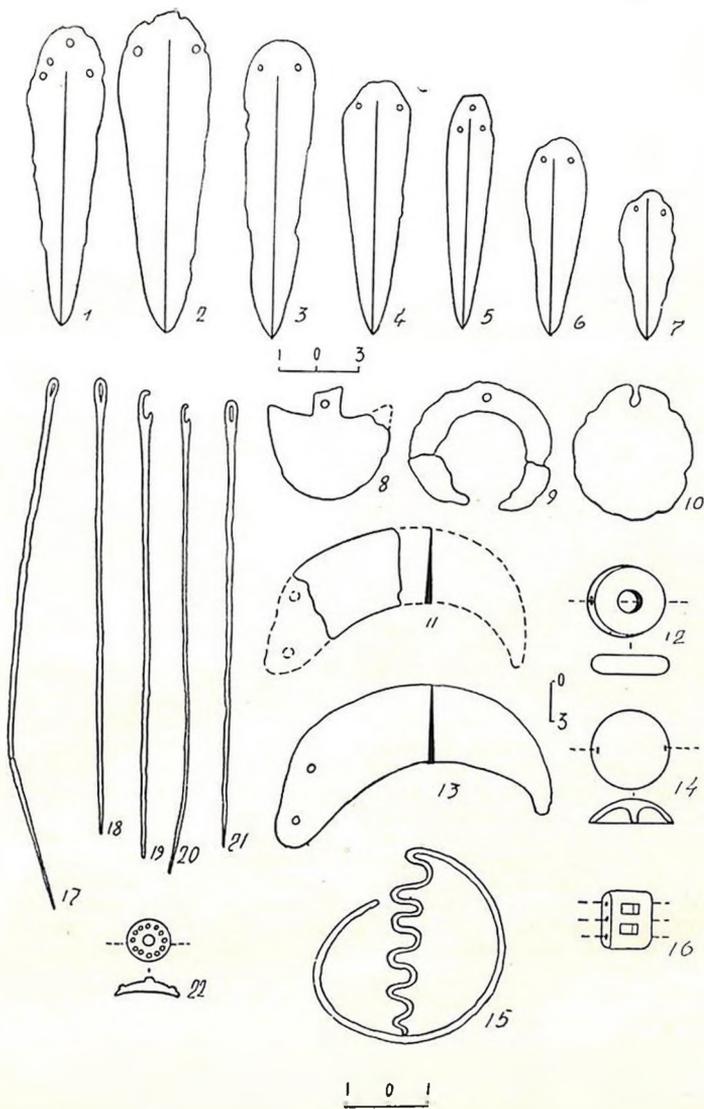

Табл. 128. Предметы из могильника Пакер и случайные находки: рис. 1, 13—Айрум; рис. 2—Джуджеван; рис. 3—Н. Баязет; рис. 4—Пакер, погребение 11; рис. 5, 6—Редкин-лагерь; рис. 7—Армавир; рис. 8, 10, 14, 16, 22—Пакер, погребение 17; рис. 9, 11, 12, 17—Пакер, погребение 19; рис. 15—Пакер, погребение 2; рис. 18—погребение 14; рис. 19—погребение 11; рис. 20—погребение 18; рис. 21—погребение 10.

Для изготовления щитов, шлемов, поясов и т. д. требовались большие бронзовые листы размером по крайней мере в 1 м^2 (исходя из размеров щитов и поясов, длина которых достигает 1 м). Подобные листы, по-видимому,

отливались на ровных каменных плитах, обложенных невысокими бортами из глины. Полученный грубый прокат резали на куски, затем, по-видимому, деревянными молотками

придавали ему гладкую поверхность, а в случае необходимости шлифовали.

Завершая рассмотрение бронзовых изделий конца II тыс. до н. э., необходимо остановиться на двух изделиях — бронзовом котле и черпаке. В памятниках Северо-Восточной Армении обнаружен лишь один котел, происходящий из погребения начала I тыс. до н. э. в селе Кирги³². От котла, изготовленного из кованой бронзы, сохранилась верхняя часть широко расширяющегося тулова с несколько суженной шейкой и чуть отогнутым венчиком. От венчиков к плечикам отходят две ручки. Подобные котлы известны из Лчашена, Артика и ряда могильников Армении и Закавказья.

Еще более уникальным предметом является бронзовый черпак, происходящий из раскопок Мурье в Джархече³³, подробно описанный в гл. VII.

Находки подобных сосудов чрезвычайно редки. Кроме вышеописанного, до настоящего времени в Армении известны лишь два черпака, один из которых происходит из Лчашена³⁴, а второй — из Артика³⁵. Подобные черпаки не имеют аналогий в памятниках Кавказа и Древнего Востока того же времени. В Рас-Шамре найдены лишь большие фаяисовые черпаки, датруемые среднебронзовым периодом, ручки которых украшены птичьими (лебедь или гусь) головками³⁶.

Последующий период металлообработки Армянского нагорья (начало I тыс. до н. э.) отличается от предыдущих развитием, а затем и широким распространением железа.

За последние годы в Армении выявлены следы производства железа, возникшего еще в эпоху поздней бронзы, что подтверждает мнение старых исследователей — Ж. де Моргана и других о том, что родиной железа и вообще металлов является Кавказ. Г. Чайлд находит много оснований предполагать, что секрет получения железа был открыт в Армении, где имеются богатые железные руды, каковымибудь племенем, стоявшим на стадии варварства, и ревностно охранялся³⁷.

Наряду с процессом получения железа в Армении ряд исследователей указывает на одновременное появление железа и стали на Кавказе и Ближнем Востоке. Так, А. Лукас

³² С. А. Есян, О некоторых бронзовых сосудах древней Армении, ВОН, № 3, 1966, стр. 92.

³³ Там же, стр. 93.

³⁴ А. О. Мнацаканян, Лчашенские курганы, КСИА, вып. 85, стр. 68, рис. 24.

³⁵ Раскопки Т. С. Хачатряна, материал не опубликован.

³⁶ Cl. F. A. Schaefer, Ras Shamra Ugarit, Syria XIX Paris, 1938, стр. 221, табл. 2.

³⁷ Г. Чайлд, Прогресс и археология, 1949, стр. 77.

полагает, что египтяне привозили азиатских кузнецов, чтобы научиться у них выплавке и обработке нового металла³⁸. Дж. Кларк утверждает, что процесс получения стали, вероятно, был впервые применен хеттами в XV в. до н. э.³⁹ Коглан, специалист по железнному производству древнего мира, отмечает, что впервые железо было получено на Ближнем Востоке⁴⁰. То же мнение высказывает Ричард. Много материалов по железнному производству имеется в Грузии⁴¹.

Индийский археолог С. К. Дикшит, придерживаясь мнения Г. Чайлда, считает, что открытие эффективного метода плавки железа принадлежит племенам армянских горцев и что первый революционный переворот, явившийся следствием начала железного века, произошел во второй половине II тыс. до н. э., а эпицентр этой революции находится на Кавказе, в горах Армении⁴².

На древнее применение железа в Закавказье указывает и Б. Е. Деген-Ковалевский, выделивший два ареала распространения железа: восточный — кахо-армянский и западный — имеро-меркелобазский⁴³.

Таким образом, можно сказать, что Армения являлась одной из ближневосточных стран, где впервые появилось производство железа.

Исключительно важное значение для убедительной датировки производства железа в Армении имеет обнаруженная в нижнем четвертом слое доурартского поселения Тейшебани кузнечная мастерская, где наряду с остатками каменных и глиняных тиглей и формочек в слое золы и угля найдены отшлакованные крицы железа. А. А. Мартиросян, специально исследовавший ее, полагает, что это мастерская XIII—XII вв. до н. э., работавшая на привозном сырье, где наряду с плавкой и отливкой бронзы занимались также обработкой железа⁴⁴.

³⁸ А. Лукас, Материалы и ремесленные производства древнего Египта, М., 1958, стр. 347.

³⁹ Г. Кларк, Доисторическая Европа, М., 1953, стр. 201.

⁴⁰ N. N. Coghlan, Notes on Prehistoric and Early Iron, American Journal of Archaeology, 1939, стр. 85.

⁴¹ Р. М. Абрамшвили, К вопросу о датировке памятников, стр. 140; Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, стр. 75; И. А. Гзелишвили, Железоплавильное производство в древней Грузии, Тбилиси, 1961, стр. 13.

⁴² С. К. Дикшит, Введение в археологию, М., 1960, стр. 422—425.

⁴³ Б. Е. Деген-Ковалевский, К истории железного производства Закавказья, ГАИМК, 120, М.—Л., 1935, стр. 242.

⁴⁴ А. А. Мартиросян, Новые данные по истории города Тейшебани, ИФЖ, № 3, 1968, стр. 230.

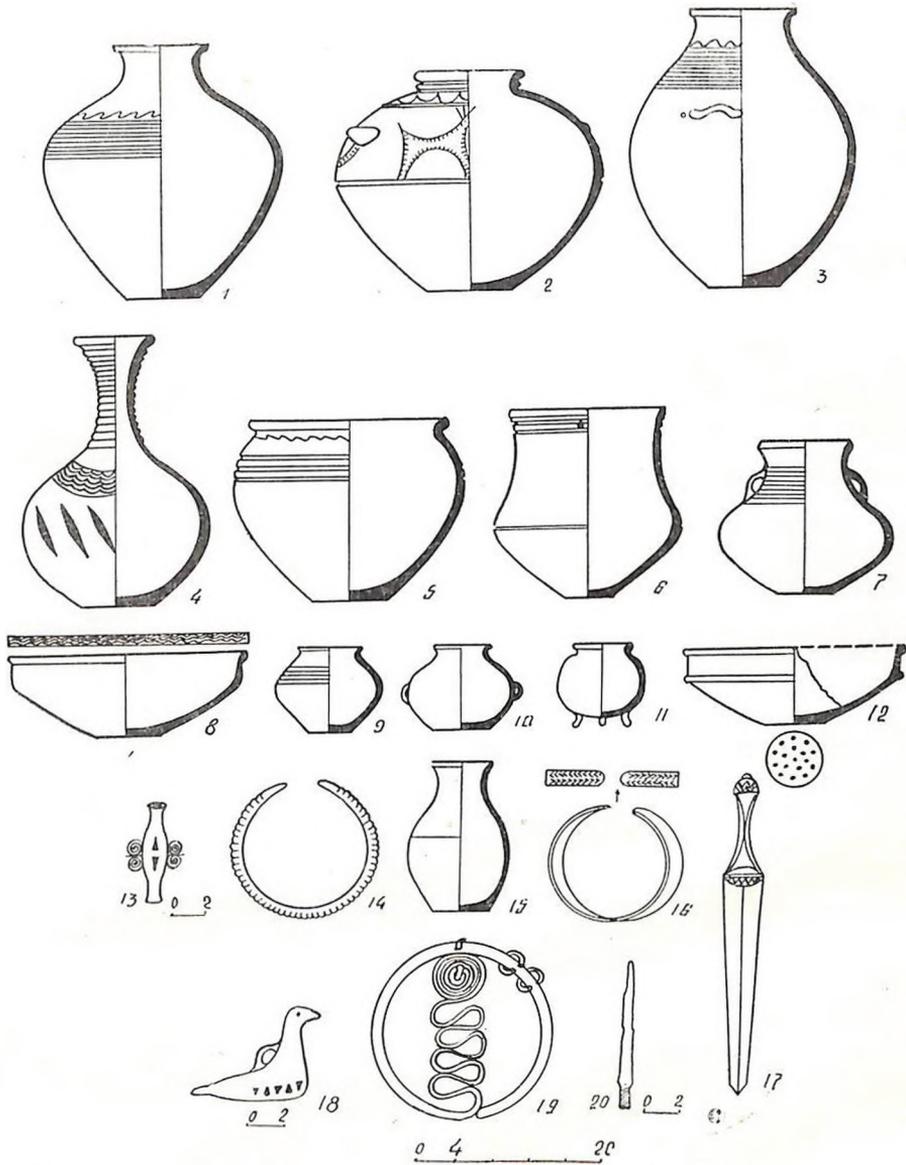

Табл. 129. Предметы из могильника Гегам-ахшор.

Интересные материалы найдены также в Лчашене, где при раскопках в одном из помещений обнаружены два очага с золой и мелкими обломками древесного угля и небольшой обломок кричного железа. Судя по керамическому материалу, указанная кузница,

расположенная на один метр ниже урартского слоя, датируется XIII в. до н. э.⁴⁵ Для памятников Северо-Восточной Ар-

⁴⁵ С. Гогинян, К истории древней металлургии железа в Армении, ИФЖ, № 3, 1964, стр. 232.

меним особое значение имеют находки древних выработок железа в долине реки Агарци. Здесь сохранились воронки наклонных выработок и мелкие террасы от открытых выработок, имеются большие количества шлаковых скоплений и остатки сыродутных шлаковых печей. В местечке Кушджагац Шамшадинского района в канаве под выносами в 1,5—2 м найдены обломки глиняных сосел, сыродутной печи и скопление железных шлаков⁴⁶.

Необходимо отметить, что в ряде крепостей Северо-Восточной Армении при раскопках обнаружены следы очагов в виде глубоких тондыров. Наиболее интересным является очаг, обнаруженный в крепости села Орджоникидзе. Очаг-тондыр имеет глубину в 0,75 м, и диаметр в 0,7 м. Основание печи было заложено на глубине 5 см в материковом грунте, а верхнее отверстие находилось на уровне пола. Толщина стенок, изготовленных из чередующихся жгутов, достигала 10 см, за ними были заложены крупные камни на глиняном растворе. Для подачи воздуха с основания наружу выходило поддувало в виде изогнутой трубы, изготовленной из камней и обмазанной глиной. Кроме того несколько отверстий для тяги были оставлены в стенках. Очень сильный обжиг стенок свидетельствует, что печь использовалась неоднократно. По-видимому, она применялась для обжига керамики, а может быть, и для вторичной плавки металла. Подобной формы печи найдены также в крепостях Кал-кар и Сев-св карери блур.

Кроме печей в ряде крепостей и погребений найдены многочисленные тиглы и льячки для плавки металла и формочки для отливки украшений. Льячки небольших размеров, изготовленные из хорошо отмученной глины и приобретшие черный или красный цвет от однократного применения, обнаружены в Астхи-блуре, в слое VI—V вв. до н. э. (10 штук). Они имеют наперстковидную форму и прямые или расширяющиеся борта, высотой в 1—5 см. Две такие льячки найдены в другой крепости близ села Енокаван, в Бердатехе. Около восьми тиглей с округлым дном и радиально расширяющимися бортами обнаружено в Ачаджуре вместе с керамикой VIII—VI вв. до н. э. Все они изготовлены из серой глины и имеют следы многократного обжига⁴⁷.

В Айруме С. Мартиросяном был передан мне сливовидный железный предмет длиной в 5 см и весом более 100 г. Таких предметов обнаружено в Лчкадзоре свыше ста штук. По-видимому, они являлись коваными желез-

ными заготовками, которые напизывались на веревку для транспортировки в соседние, лишние железные районы. В связи с этим необходимо отметить, что в Кармир-блуре в помещении 30 обнаружены крупные куски железа ромбической формы длиной в 35 см со сквозным круглым отверстием, также служившие, по мнению Б. Б. Пиотровского, для транспортировки железа.

Особое развитие производство железа получает в начале I тыс. до н. э. в Урарту, под влиянием которого железное производство, не требовавшее прилавов, без которых не могла обходиться бронзовая металлургия на Армянском нагорье и Закавказье почти полностью вытесняет бронзу.

В указанное время, а также и в последующие века все виды орудий труда и вооружения готовили из железа, оставляя бронзе лишь часть защитного снаряжения (щиты, шлемы, панцири, пояса) и различные украшения, статуэтки и прочее. При изготовлении этих предметов преобладала техника выплавки в разъемных и глухих формах, продолжавшая традиционные навыки металлообработки позднебронзового производства.

В начальный период—до IX—VIII вв. до н. э. при изготовлении некоторых предметов вооружения наблюдается сочетание бронзовых рукоятей с железными клинками. Такое сочетание хорошо известно по клинжальным клинкам севанского типа, найденным в Макарашене, Акисре (Ворпаке), Леннакане и памятниках Северо-Восточной Армении (Джархеч, Астхи-блур и др.), где бронза выступает лишь в виде обоемы и завершений, то есть украшений. Наряду с этим имеются и цельноотлитые бронзовые рукояти с железными клинками. В Закавказье подобные изделия характерны для вилчатых мечей с валютами, украшающими рукояти (Камо, Алигрех, Ани, Куци и Мхрат)⁴⁸.

Среди материалов из погребений Северо-Восточной Армении имеются и местные изделия, как например, клинжальные клинки, найденные в Джархече, Астхи-блуре, Ноемберяне и Тумаяне. Все четыре клинжальных клинка железные, с железными же цельноковаными рукоятями полулуной формы, на которые вдеты ажурные бронзовые накладки. Эти накладки отлиты из двух половинок и вдеты на железную основу, а затем припаяны, что создает впечатление цельноотлитых. Рукояти тумаянского и джархечского клинжалов ук-

⁴⁶ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, стр. 69, рис. 59; А. А. Мартиросян, Раскопки в Кировакане и некоторые памятники раннеурартского периода, Изв. АН Арм. ССР, № 9, 1956, стр. 76; Н. М. Джафарзаде, Элементы арх. культуры древней Мугани; С. А. Есян, Оружие и военное дело..., стр. 83.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Хранятся в Ачаджурском школьном музее.

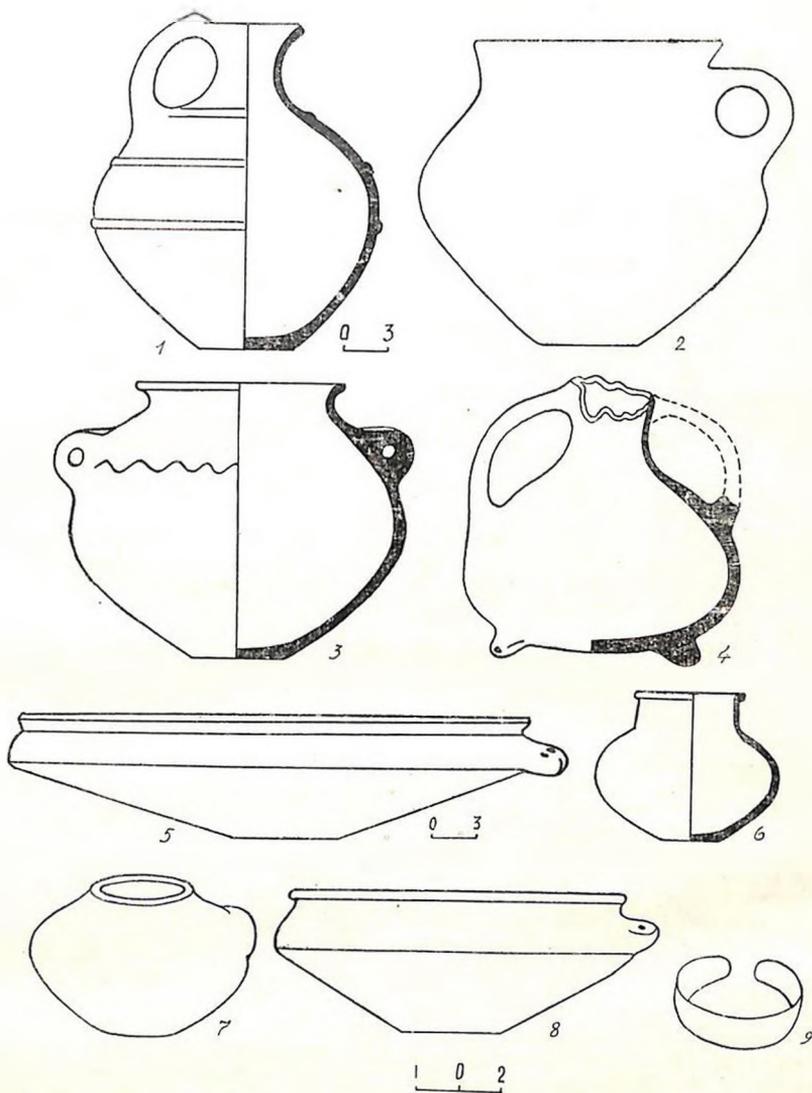

Табл. 130. Предметы из могильника Минчи-мат.

рашены изображениями спастики. Вероятно, эти книжалы появились где-то в IX—VIII вв. до н. э. и бытовали, судя по асхиблурскому образцу, до VII—VI вв. до н. э.⁴⁹

Однако, как уже указывалось, на всем Армянском нагорье и Закавказье, в основном производили железные изделия. Появляются крупные железные колья, книжалы разнооб-

разной формы, ножи с прямыми и округлыми остриями, крупные железные мечи и т. д. Эти изделия, характерные для всех памятников Армении и Закавказья, в основном изготовляли ковано-кузнечным способом, намного сократившим и усовершенствовавшим процесс изготовления.

Сказанное, конечно, не исключает процесс литья, который по-прежнему широко применяется для бронзовых изделий—нако-

⁴⁹ С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, указ. соч., Ереван, 1969, стр. 120.

печников стрел, копий, особых украшений, различных амулетов, подвесок, статуэток и т. д. Этот процесс наблюдается не только в начале, но и середине I тыс. до н. э., причем более интенсивно, так как в это время, то есть в VI в. до н. э., уже завершается эпоха широкого освоения железа. С этой точки зрения очень интересна находка кузнечных мастерских в Аргиштихинли, где бронзовые и железные изделия проходили полный процесс начиная от плавки руды.⁵⁰

К этому времени появляется ряд новых изделий, характерных как для всей Армении, так и отдельных ее районов. В частности, можно указать на широкое распространение серповидно изогнутых кривых ножей. Они были распространены на обширной территории: во многих районах Армении, в Грузии, на Кавказе и Украине⁵¹. В рассматриваемых районах такие ножи известны из Хртаноца и Астхи-блур. Более редко встречаются локальные формы ножей, имеющих слегка изогнутый клинок и кольцо на рукояти, известные из Ворнака (Акнера), Ахпата и Астхи-блур и датируемые VII—V вв. до н. э.⁵² Чаще встречаются кривые ножи и книжалы, найденные в большом количестве в Берде, Астхи-блуре, Ачаджуре, Техуте и других местах, рукояти которых расширены и в центре имеют кольцевую продолговатую форму. Эти ножи известны также из Джаррата, Ахталы и Муснери, что ограничивает их производство Северной Арменией.

В этих же районах появляются книжалы, на рукояти которых вдеваются крупные железные шайбы, между которыми, по-видимому, закладывались костяные или деревянные шайбы. Такие мечи обнаружены в Ноемберяне и Муснери, а книжалы — в Астхи-блуре, Ворнаке, Асхадзоре и в большом количестве в Лалваре из раскопок Ж. де Моргана (IX—VI вв. до н. э.). Особенно широко они распространены в ассирийских памятниках начала I тыс. до н. э.⁵³

Из числа предметов кузнечного производства остановимся еще на некоторых изделиях. В Норашенской и Бердакарской крепостях обнаружены три железных топора. Один из них, найденный в слое VI—V вв. Бердакарской крепости, имеет узкую изогнутую рабочую часть с округлым лезвием и высокий

прямой обух, в центре которого проделано овальное отверстие для рукояти. Форма самого топора и особенно округлого лезвия не дает возможности причислить его к предметам орудий труда, так как коэффициент полезного действия ничтожен. Судя по форме и массивности, это топор, впервые встречающийся в памятниках Армении раннеармянского времени, является боевым оружием.

Два других топора, найденные в Норашенской крепости, также впервые встречаются в памятниках Армении указанного времени. Они имеют двулезвийную форму, суженную в центре обуховую часть, в центре которой у одного топора имеется круглое отверстие. Небольшие размеры топоров (длина 9 см, ширина лезвия 3 см) говорят о том, что они, вероятно, служили для резки медных листов и проволоки при изготовлении различных изделий, требующих небольшого, но острого орудия.

Говоря о металлургическом производстве Армении I тыс. до н. э., нельзя ограничиться лишь железными изделиями, так как несмотря на широкое распространение железа, применялось также бронзовое литье. Из бронзы во-прежнему готовились панцирные блины и диски, стрелы, пояса, ножи книжальных клинков и различные украшения. Часть этих изделий (пояса, книжальные ножи, плоские блины и диски) готовилась из бронзового листа. Другая часть (гладкие браслеты, гривны, височные кольца, серьги, перстни и т. д.) готовилась из бронзовой проволоки. Основная же масса изделий готовилась посредством литья в каменных и глиняных разъемных формах, а наиболее сложные изделия — различные статуэтки, амулеты и т. д. отливались в восковых моделях. Широко применялись также пайка и клепание отдельно отлитых изделий.

В рассматриваемых районах найдены две литейные формочки. Одна из них происходит из Тмбадирской крепости (VI—V вв. до н. э.) и является фрагментом глиняной разъемной формочки для отливки гривновидных подвесок и небольших сетечек. От применения форма, несмотря на солидную толщину — 3 см, сильно обожжена и растрескана, вследствие чего и была выброшена.

По-видимому, к этому же времени относится небольшая коллекция тигельков, случайно найденных в селе Кохб Ноемберянского района (инв. ГМА 2190). Коллекция состоит из трех глиняных тиглей красного и черного цветов со следами обжига. Они имеют форму небольших горшочков высотой 5—7 см и диаметром 5—8 см с округлым или прямым туловом, крупным или прямым суживающимся дном. Вместе с ними найде-

⁵⁰ А. А. Мартirosян, Древнеурартская металлургическая мастерская в городе Аргиштихинли, ИФЖ, № 1, 1973, стр. 157 и посл.

⁵¹ А. А. Мартirosян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 270.

⁵² С. А. Есаян, Астхиблурский могильник, стр. 94.

⁵³ Ж. де Морган, указ. соч., рис. 35; А. А. Мартirosян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 224; С. А. Есаян, Оружие и военное дело..., стр. 84.

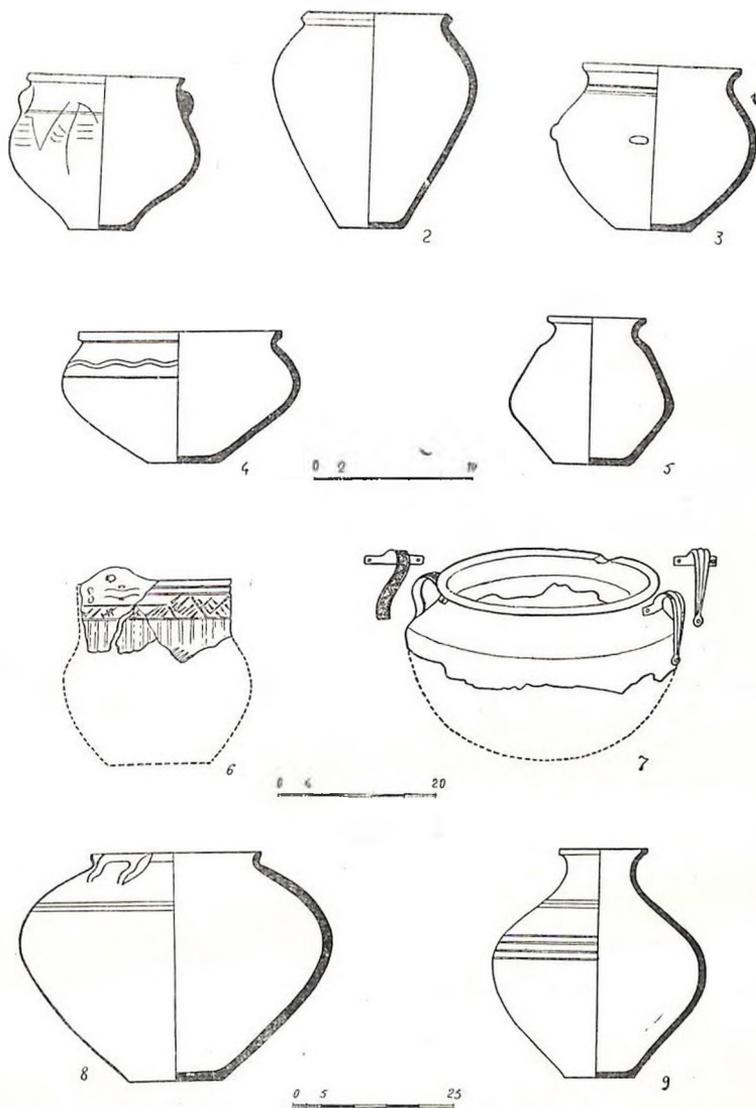

Табл. 131. Предметы из Егскала-дзора (рис. 6) и Буга-кара (рис. 1—5, 7—9).

ны небольшой горшок и кружка с круглой ручкой. Интересно отметить, что на тигле с округлым дном имеются пиктографические изображения, состоящие из линий и углов, создающих впечатление летающих птиц, примитивное изображение козла и т. д.

Другая каменная форма отливки небольших стерженьков, подвесок, полулуний случайно найдена в селе Айгедзор без какого-

либо сопровождающего материала. Подобные формочки известны из памятников конца II и начала I тыс. до н. э. — Двина и Мецамора, что дает основание предположительно отнести и айгедзорскую формочку к указанному времени.

Необходимо остановиться и на некоторых бронзовых изделиях указанного времени. К числу их можно отнести разнообразные

статуэтки людей и различных животных, широко представленные по находкам из Айрума, Паравакара, Навура, Норашена, Мосесгюха и др. Они отливались в восковых моделях; отдельно отливались или же из проволоки или бронзового листа вырезались небольшие щиты, кувшины, копыя и т. д., которые заклепывались или припаивались к тулову статуэтки.

В каменных или глиняных формах по-прежнему отливали бронзовые копыя и стрелы. Таким же путем отливали панцирные бляхи и диски, известные по находкам в Берде, Астхи-блуре и других памятниках середины I тыс. до н. э., а также различные подвески, амулеты, разделители бус и другие украшения, хорошо известные по находкам в Редкип-лагере, Хртаноце, Астхи-блуре, Норашене, Берде и ряде других мест.

Из бронзового кованого листа по-прежнему готовили пояса, известные по находкам в Головино, Астхи-блуре, Хртаноце, позны кинжалов (Берда), колчан, известный из Чоратана, и т. д. По-прежнему широко применялась бронзовая проволока для изготовления различных браслетов, фибул, игл и т. д.

В заключение следует остановиться еще на одном вопросе—добыче золота.

Самых золотых изделий в рассматриваемых районах пока не обнаружено, однако факт находки таких в разных районах Армении—Шенгавите, Кировакане, Степанаване, Лчашене, Атарбекяне, Толорсе и т. д.⁵⁴, датируемых от эпохи ранней бронзы до начала нашей эры, позволяет предполагать, что золото не только привозили из соседних стран, но добывали и обрабатывали во многих районах, в том числе и районах Северо-Восточной Армении, причем зачастую копируют привозные изделия. Рассматриваемые районы могли получать золото из нескольких местностей—Зода, Гамзачимана, Дилижана и Агарцина, где имелось рассыпное золото.

Геологические исследования последних лет показывают, что начиная с глубокой древности в Армении добывалось как рассыпное, так и жильное золото. В изучении этого вопроса многое сделал геолог Э. М.

⁵⁴ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 46; С. Деведжян, Золотые и серебряные украшения из могильника № 2 Лорийской итадели, ИФЖ, № 1, 1971, стр. 271; А. О. Мнацакян, Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г., СА, № 2, 1957, стр. 152; его же, Раскопки могильников у селения Атарбекян в Арм. ССР, КСИИМК, вып. 60, стр. 37; его же, Находки предметов бронзового века в селении Толорсе (в Зангезуре) Арм. ССР, КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 102.

Мадатян, исследовавший древние разработки Зода и Гамзачимана⁵⁵. По его наблюдениям, в районе Зода, в долинах рек Сот и Седляр (севернее Зодского месторождения), имеется большое количество навалов пустот промытой породы. Выработки жильного золота прокладывались в виде наклонных и целевых камер. Камеры неиривичной формы и квершлажные выработки встречаются в большинстве случаев в глубоких горизонтах. Обычно они проходили в меридианном направлении, то есть перекрещиваясь с рудной зоной на глубине от 10 до 40 м, и служили для поисковых проходческих целей. Проходки горных выработок доводились до глубины 150—200 м по вертикали. На глубине 150 м найдены остатки деревянной лестницы, датируемой радиоуглеродным методом 1715 (± 100), то есть первыми столетиями нашей эры. Этот факт отнюдь не означает, что здесь не было более древних выработок. Без всякого сомнения, более верхние горизонты эксплуатировались в еще более глубокой древности.

Аналогичные выработки зафиксированы также в Гамзачиманском золоторудном месторождении, а по свидетельству геолога А. Г. Мидяна, и в кабелиных выработках Меградзорского золотоносного месторождения, где древние штольни пролегли на глубине до 35 м. Длина каждой штольни здесь доходила до 100 м, причем через каждые 5 м они были пробиты вертикальными скважинами для освещения и вентиляции. Здесь же в штольнях обнаружены дубовые крепления, пропитанные перитом, и следы ударов кирками, что наблюдается и в гамзачиманских древних штольнях. В одной боковой кварцевой трещине обнаружены остатки засыпанного человеческого скелета.

Грубая сортировка руд, по-видимому, производилась непосредственно на месте, в выработках, о чем свидетельствуют закладки наружных выработок с низкопроцентной породой. Многочисленные пробы, произведенные зодской экспедицией, свидетельствуют, что древние выработки проходили на наиболее богатых рудами забоях, где золото не было видно вооруженным глазом, что говорит о том, что работы проводились мастерами высокой квалификации. Отсортированную руду насыпали в корзины и вытягивали наверх по специально проложенным деревянным канавкам, какие наблюдаются в ряде

⁵⁵ Э. М. Мадатян, К истории разработок Зодского золоторудного месторождения, Изв. АН Арм. ССР (науки о Земле), XVIII, № 3—4, 1965. Ниже все данные о Зода и Гамзачимане приводятся из указанной статьи.

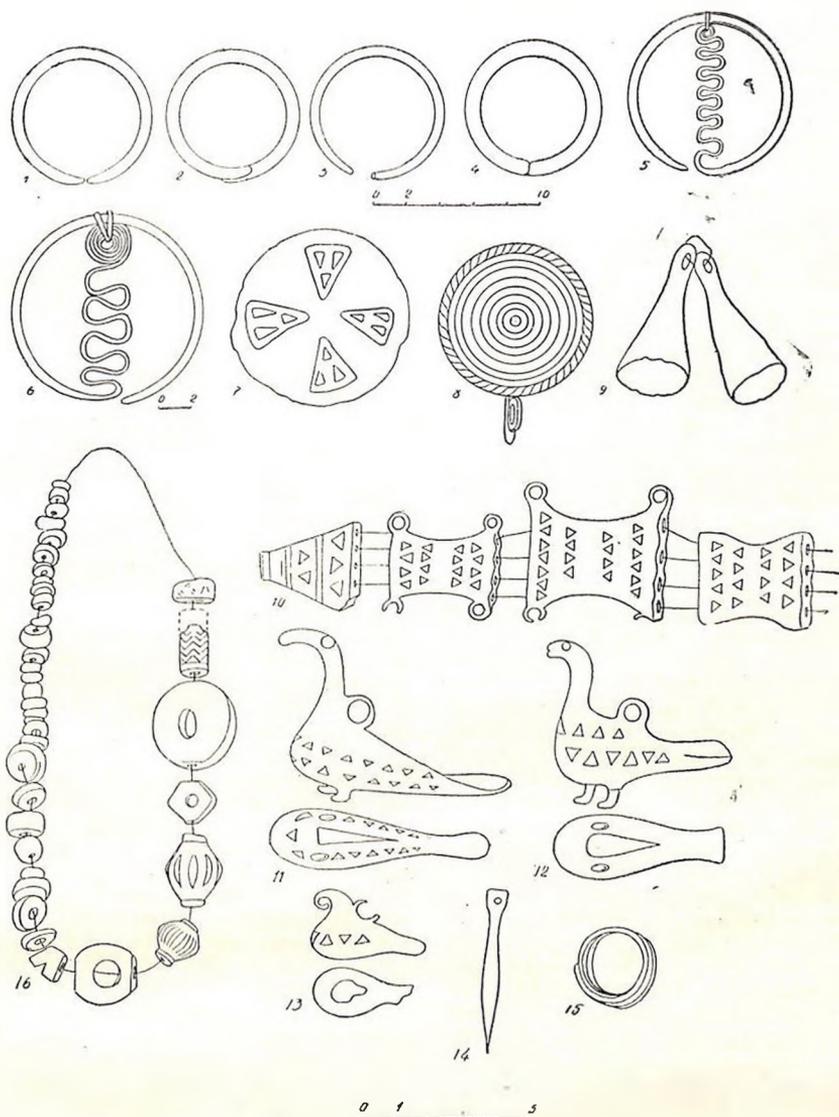

Табл. 132. Предметы из Какхш-нара.

штолен Гамзачиманского месторождения. Вынесенную наверх руду размельчали как в обычных крупных зернотерках, так и в специальных рудотерках, представляющих собой каменные лоткообразно углубленные плиты с продольными и поперечными бороздками на дне. Общая длина устройства составляла 70—85 см при ширине 35—40 см. Поперечные борозды, расположенные на рас-

стоянии 10—12 см, проделаны с целью задержки золота при промывании, производившемся одновременно с истиранием. Подобные лотки-рудотерки в большом количестве встречаются в Зоде, на территории Гамзачиманского месторождения и в Агарцине (два экземпляра). Так как эти лотки использовались не только для промывки, но и для истирания, поперечные бороздки приходилось по-

стоянно обновлять. Износившиеся лотки применялись только для промывки измельченной руды и рассыпного золота. Однако масштабы промытых россыпей говорят о том, что таким небольшими каменными лотками не представлялось возможным промыть столь большое количество материала. Поэтому для промывки золота из россыпей применяли лотки из выдолбленного дерева или в виде канав, сделанных из досок длиной в 8—10 м.

Все материалы проходок штольных выработок, процессы выноса руды, ее раздробления и промывки находят широкое параллели в способах добычи золота в древнем мире. В Египте, например, так же как и в Золде и Меградзоре, устраивали галереи, которые следовали за жилой, на глубину от 6 до 36 м. В штольных ставили деревянные крепления, а для вентиляции, освещения и подъема руды прорывали вертикальные шахты. Добытую руду дробили пестами и молотами, а затем раздробленный кварц молотли гранитными терками. Растертую до порошка массу на специальных столах промывали струей воды, при этом золото оставалось на столе, а все остальное уносилось водой⁵⁶. Аналогичное описание добычи золота в древней Нубии приводится Диодором Сицилийским⁵⁷.

Как видно из вышесказанного, способы добычи золота в древности мало отличались друг от друга. Добытое золото вряд ли являлось собственностью отдельных мастеров, так как даже при удачной выработке они легко могли стать жертвами грабителей. По-видимому, эти выработки являлись собственностью отдельных племен, а быть может, и целых союзов.

Керамическое производство. Наиболее ранними керамическими изделиями Северо-Восточной Армении являются сосуды раннебронзовой эпохи, известные из раскопок крепостей и погребений в Ноемберянском, Иджеванском и Шамнадинском районах и описанные в I и II гл. настоящей работы. Вся эта керамика входит в широкий круг раннебронзовой (куро-араксинской) керамики Армянского нагорья и сопредельных стран и делится на две группы—художественную и кухонную.

Все сосуды изготовлены вручную и состоят из трех частей⁵⁸: горла, средней части

⁵⁶ И. Лурье, История техники древнего Египта, «Очерки по истории техники Древнего Востока», М.—Л., 1940, стр. 168.

⁵⁷ К. С. Ляпунова, М. Э. Матье, История техники эллинистического, римского и коптского Египта, «Очерки по истории техники Древнего Востока», стр. 292.

⁵⁸ Интересно отметить, что в комплексе ранне-

бронзового и донышка с нижней частью тулова. По этой причине, переходы между этими частями сильно подчеркнуты, что характерно для всех типов сосудов, начиная от небольших и кончая карасами. Э. В. Ханзадян, специально изучавшая этот вопрос, справедливо указывает, что среди многочисленных фрагментов имеются образцы, являющиеся не обломками, а отделенными частями сосудов, на которых четко видны следы сжатия, произведенного для соединения указанных частей⁵⁹.

Керамика из памятников раннебронзовой поры Северо-Восточной Армении состоит из черных и серооливковых сосудов с розовой, красной или черной подкладкой. Однако здесь, как и в других памятниках этого времени, встречается керамика, имеющая разноцветную подкладку, сочетающую черной, красной и серой цвета. По мнению Б. А. Куфтина, это происходило по двум причинам: или при изготовлении отдельных частей сосудов на их наружные и внутренние стенки накладывали глину разных оттенков, или обжиг был неравномерным⁶⁰.

Художественная керамика в своем подавляющем большинстве покрыта черным, серым, реже красным и коричневым ангобом, наносимым после сушки сосудов, и залощена до зеркального блеска, который, по-видимому, получался посредством дополнительного лощения после обжига⁶¹.

В отличие от художественной керамики, изготовленной из хорошо отмученной глины, кухонная готовилась из глины с крупным, плохим отмолом, имевшей примесь крупного песка, и подвергалась неравномерному обжигу.

Керамика раннебронзового периода Северо-Восточной Армении представлена различными крупными сосудами, хорошо известными по находкам в айрумских шагламах и джагацатехском поселении. Найдены также в большом количестве различные небольшие топкостенные кувшинчики, миски, стакановидные сосуды, крышки различных сосудов и т. д. Вся эта керамика прекрасно залощена, имеет черный, сероватый и редко крас-

бронзовой керамики из Мохраблуря имеется один сосуд, изготовленный на круге (см. Г. Арешян, Материалы из раскопок Мохраблуря 1970 г., Вестник Ереванск. ун-та, № 1, 1972, стр. 256).

⁵⁹ Э. В. Ханзадян, Культура Армянского нагорья в III тыс. до н. э., стр. 69.

⁶⁰ Б. А. Куфтин, К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии по данным археологии, ВМГ, XII-V, стр. 13.

⁶¹ Э. В. Ханзадян, Культура Армянского нагорья... стр. 70.

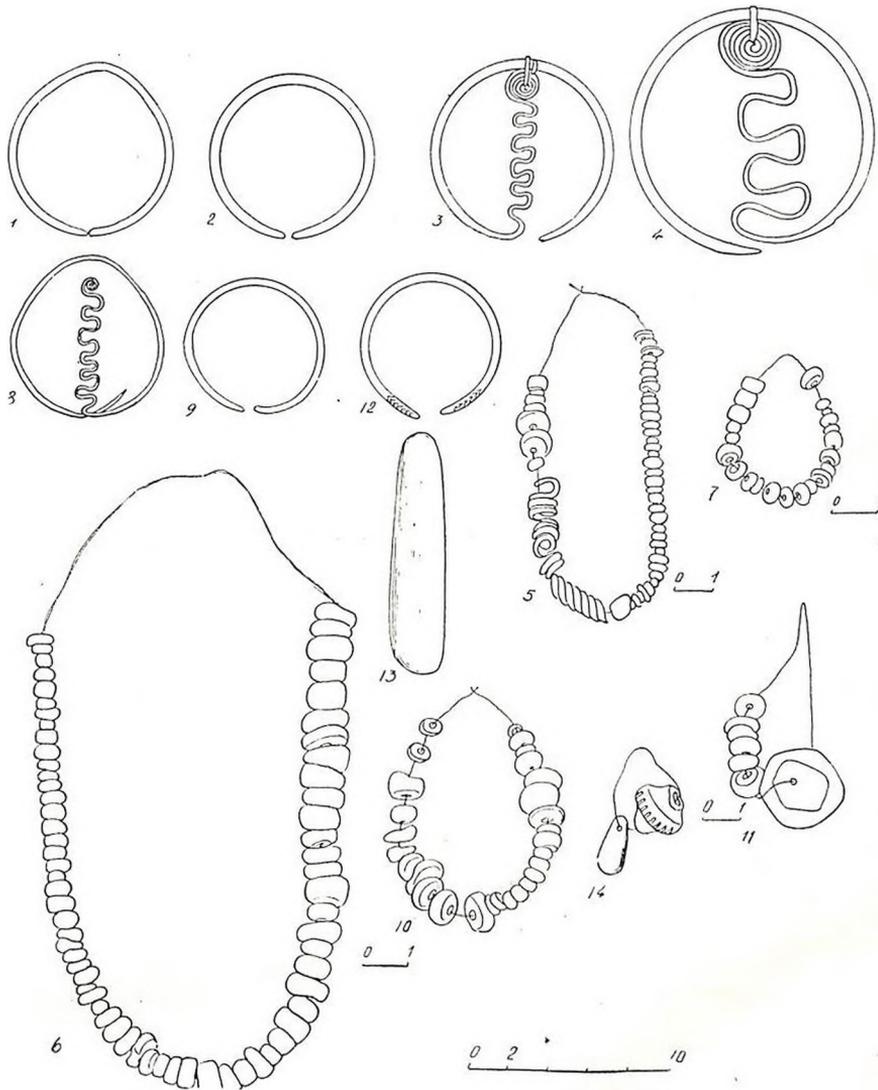

Табл. 133. Предметы из разных могильников близ села Кирги: рис. 1—5—могильник Кари-дзор, погребение 2; рис. 6—Дарандж, погребение 3; рис. 7, 8—погребение 4; рис. 9, 12, 13—Буга-кар; рис. 10, 11—Айграни-тала, погребение 1; рис. 14—Еген-кала-дзор.

ный цвет и бурую, черную и красную подкладку. Большая часть сосудов снабжена ручками трех типов—полушаровидными, вытянутыми и рудиментарными. Иногда над ручками встречаются круглые углубления, известные на керамических сосудах из Шенгавита, Айгевана, Коси-Чотера, Баба-Дервиша и других памятников.

Сосуды рассматриваемого типа украше-

ны выпуклыми резными спиралями в виде правильного круга или овала, шашечным узором, меандром, сетчаткой, а также разнообразным геометрическим орнаментом, сочетающим тонколинейные и точечные орнаментации. Подобный орнамент хорошо известен из памятников Араратской долины, Кироваканской группы, долины Агстева, отчасти Гарни.

Имеется также большая группа сосудов подобной формы, лишенных какой-либо орнаментации, некоторые из которых украшены лишь слабо прочерченными линиями, наблюдающимися и на части керамики из Аричского поселения. Небольшую группу образует так называемая кухонная керамика черного, иногда бурого цвета со следами огня и копоти, представленная черепками небольших толстостенных горшков, лишенных, как правило, орнаментации.

В рассматриваемых памятниках раннебронзового периода имеется еще одна группа керамических изделий, в последние годы найденных и в ряде других памятников Армении. Эта группа состоит из бурых или коричневых мисок типа индийского ореха, найденных в Джагацатехе и во II шагламе. Подобная керамика, известная, в основном, по находкам из Лчашена, Камо, Артика, Арзии и т. д., до последнего времени датировалась эпохой средней и поздней бронзы. Однако находки подобных сосудов из вышеуказанных памятников, а также в поселениях III тыс. до н. э.—Шенгавите, Такаворангисте, Косп-Чотере и Ариче, позволяют оттянуть время бытования подобной керамики, по крайней мере, до середины III тыс. до н. э.

В керамическом производстве раннебронзового периода большую роль играло изготовление различных очагов, очажных подставок, курильниц, статуэток и т. д., хорошо известных по многочисленным находкам в поселениях указанного времени. Однако среди материалов небольших раскопок памятников Северо-Восточной Армении этого периода имеется лишь несколько образцов подобных изделий. К числу их относится круглая глиняная печь с соплом. Такую же форму имеет фрагмент очага из II шагламы, по-видимому, имевшего плоское дно и толстые стенки с тремя радиально расположенными выступами. Верхний плоский борт имеет рельефный орнамент. Из второго шурфа III шагламы происходит треугольной формы очажная подставка, хорошо известная по находкам из Шреш-блуря, Кюль-тепе, Айгевана, Двина, Шенгавита, Гарши и т. д.

Последующий период керамического производства племен Северо-Восточной Армении представлен двумя группами изделий, одна из которых относится к началу, а другая—к последнему периоду среднебронзово́й эпохи. Первая группа представлена небольшими сосудами, украшенными волнистыми линиями, образованными из коротких линий с отходящими серповидными линиями, заполненными белой краской, известными из Динджана и Джуджевана. Подобные сосуды характерны для XVIII—XVI вв. до н. э. Они

изготовлены от руки, но в отличие от керамики раннебронзового периода уже не делятся на три части и все переходы от горла к тулову и основанию округлые, плавные, без каких-либо выступов или резких изгибов. Все они изготовлены из хорошо отмученной глины, без каких-либо примесей. Внешняя их сторона тщательно сглажена, окрашена в темно-коричневый, реже черный цвет. На сырой глине зубчатым штампом сделана орнаментация в виде выемчатых штрихов, квадратных или овальных выемок. Лощение их, по-видимому, производилось посредством длительного задымления после обжига при невысокой температуре, после чего поверхность покрывалась слоем жира, а затем полировалась. Этот процесс, хорошо известный в эпоху поздней бронзы, по-видимому, зародился еще в первой четверти II тыс. до н. э.⁶² По всей вероятности, после обжига и лощения выемчатые орнаментальные линии заполнялись белой массой, которая для закрепления подвергалась определенному подогреву. Наряду с указанной керамикой имеются образцы без инкрустации, происходящие из кургана в Кирги вместе с расписной керамикой, украшенной шевронами с точечным заполнением и изготовленной вышеуказанным способом, которая хорошо известна по находкам из Муханнат-тапа, Апарана, Лчашена, Узерлика, Кировакана, Кармирберда и многих памятников Закавказья указанной эпохи⁶³.

Вторая группа керамических изделий представлена расписными одноцветными сосудами, найденными в Кирги и Джуджеване. Это крупные кувшины, типологически сближающиеся не с расписными сосудами раннего времени типа кармирбердских, кизилванских и т. д., а с более поздними изделиями из Кировакана, Еревана, Красного и т. д., что позволяет отнести их к середине II тыс. до н. э.

По технике изготовления указанная керамика мало отличается от сосудов первой группы. Все сосуды этой группы изготовлены вручную из хорошо отмученной глины, в которой иногда встречается мелкозернистый песок. Однако если они по технике изготовления не отличаются от сосудов первой группы, то сильно отличаются от них по технике на-

⁶² З. П. Майсурадзе, Технология черных и серых лесеных грунтовых погребений Самтавро, Сообщения АН Груз. ССР, XIII, № 4, 1952, стр. 254.

⁶³ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 56; К. Х. Кушнарёва, Новые данные о поселении Узерлик-тепе, стр. 83 и посл.; Э. В. Ханзадян, Гарши, вып. IV, стр. 112; С. А. Есалян, Ереван, стр. 25, 29 и посл.

несения орнаментации. По технике нанесения орнаментации они продолжают традиции раннебронзовой керамики, подняв ее на более высокий уровень развития. После сушки сосуды покрывались красным или розовым ангобом и после небольшого лощения на их поверхность кистью наносился разнообразный хорошо известный орнамент в виде шевронов с заполнением, зигзагообразных линий, различных кружочков, полукружий, вол-

нистых линий, сетчатки, канновидных выемок, шевронов с различным заполнением и т. д. Реже встречается лощеный орнамент, характерный для ранних этапов поздней бронзы, так как памятники указанного времени пока в районах Северо-Восточной Армении не обнаружены. После изготовления поверхность сосудов дополнительно разглаживалась лощилом и полировалась мокрой

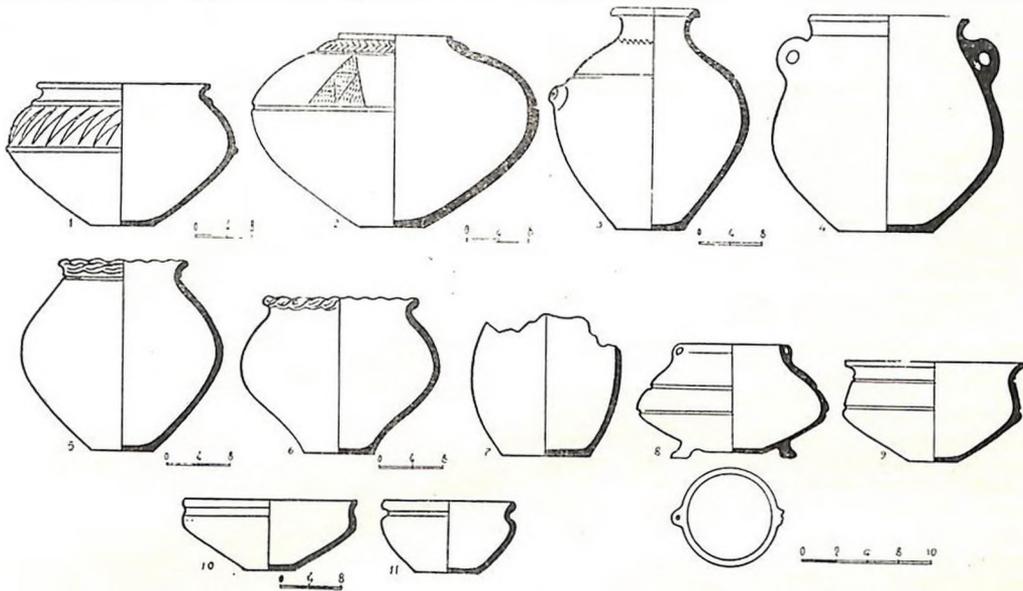

Табл. 134. Предметы из могильника Айгряни-тала: рис. 1—4, 8—10—погребение 1; рис. 5—7, 11—погребение 4.

доплавающих птиц и т. д., о которых говорится выше, при описании материалов из памятников эпохи средней бронзы. Здесь хочется лишь отметить, что гончары, изготавлившие расписные сосуды, не могли пользоваться штампами или трафаретами и все зарисовки делали от руки до раскраски, что требовало определенных навыков и даже, более того, профессионального мастерства художника.

Гораздо шире представлены материалы позднебронзового периода. Кроме появления новых орнаментальных мотивов существенным изменением в керамическом производстве является массовое применение гончарного круга, на котором была изготовлена основная масса обнаруженных изделий. От руки лепится лишь незначительная часть кухонной керамики—грубые горшки, солонки, тондыры, круглые очаги и т. д. Орнамент состо-

ит из различных вдавленных прямых, косых, волнистых линий, сетчатки, канновидных выемок, шевронов с различным заполнением и т. д. Реже встречается лощеный орнамент, характерный для ранних этапов поздней бронзы, так как памятники указанного времени пока в районах Северо-Восточной Армении не обнаружены. После изготовления поверхность сосудов дополнительно разглаживалась лощилом и полировалась мокрой

⁶⁴ Г. П. Пале, О гончарных обжигательных печах из Мингечаура, МКА. II, Баку, 1951, стр. 31.

обжига, то без сомнения, прав О. С. Хикьян⁶⁵, считающий, что технология обжига позднебронзовых изделий была аналогичной самтавской, описанной Э. Л. Майсурадзе⁶⁶, заключающейся в том, что для обжига в печи устанавливали температуру в 800—900°, которую после обжига снижали до 400°; затем изделия обжуривали дымом. После этого процесса готовую продукцию вынимали, прощали, покрывали воском и заново производили лощение.

Существенным изменением явилось также то, что начиная с позднебронзовой поры керамика производилась не только для домашнего употребления, а выделялась в специальное ремесленное производство, производившее свою продукцию для продажи. Чтобы вновь не обращаться к производству керамических изделий, необходимо указать, что в I тыс. оно не претерпело существенных изменений, менялись лишь формы и орнаментальные мотивы, а сам процесс почти без каких-либо изменений дошел до наших дней.

Многочисленными материалами из погребальных комплексов представлено керамическое производство эпохи железа (X—VI вв. до н. э.), которое, сохраняя традиционные формы позднебронзового периода, приобретает некоторые новые формы. Видоизменяются орнаментальные мотивы, хотя в пережиточном виде продолжает применяться лощение. Ручки сосудов оформляются в виде прорезей, различных углублений, а также лепных изображений голов различных животных.

В материалах Редкин-лагеря, Астхи-блуря, Джархеча, Шампадина, Красносельска и т. д. обнаружено большое количество различных одиоручных, двуручных и безручных широкогорлых или узкогорлых кувшинов с туловами вздутой, вытянутой, биконической или шаровидной формы. Найдены также небольшие стаканообразные кувшинчики, красного, розового, черного или серого цвета с лощеной или матовой поверхностью. Части ручек этих сосудов выпяты, что наблюдается также в керамических комплексах Артика, Давид-бека, Евкалу, Сюшка и других памятников.

С VIII в. до н. э. появляются кувшины, ручки которых украшены гладкой вертикальной прорезью или снабжены ступенчатыми углублениями. Иногда такие ручки в центре или верхней части имеют прогиб снабженный шиловидным выступом, а более редко на про-

гибе имеется рельефное изображение голов животных. В это же время увеличивается производство сосудов с небольшими трапециевидными или округлыми ручками, поставленными, как правило, на одном из плечиков сосуда, а в редких случаях и в двух или трех местах. Вся эта керамика украшена семечковидным или различным линейным орнаментом в виде шевронов, прямых, горизонтальных, волнистых, зигзагообразных линий, бороздок, сетчатки или широких полос. Часть этих орнаментов дополнительно украшена лощением, являющимся пережитком орнаментальной техники позднебронзового периода. На донышках некоторых сосудов имеются изображения концентрических кругов, крестов или свастик. В орнаментальных мотивах этого периода редко встречаются изображения змей, различных животных, колесниц, дерева жизни и т. д., которые подробно рассмотрены в VI гл. настоящей работы.

Говоря об орнаментальных мотивах керамики I тыс. до н. э., необходимо упомянуть и о другой, редко встречаемой в рассматриваемое время орнаментации. На части сосудов из Редкин-лагеря, Хртаноца и Астхи-блуря имеется роспись⁶⁷, нанесенная по красному или серому фону более темной или коричневой краской в виде широких вертикальных полос или клиновидных линий. Подобная керамика в последние годы найдена также в Кармир-блуре⁶⁸ и в слое I тыс. до н. э. Айгеванского многослойного поселения. Нужно отметить, что эти сосуды выявляют новые элементы крашения. Два сосуда из Хртаноца и Астхи-блуря имеют коричневый фон, что сближает их с урартскими расписными сосудами начала I тыс. до н. э. Два же других сосуда из Редкин-лагеря красные, с темно-красной или черной росписью.

Вместе с тем эти сосуды, и особенно миска, выявляют ряд схожих черт с раннеурартской расписной керамикой, у которой, как и на рассматриваемом сосуде, расписывали венчики или небольшую часть шейки под венчиком. Интересно, что в первые же дни раскопок 1968 г. в Кармир-блуре был обнаружен фрагмент шейки широкогорлого сосуда, покрытый светлым ангобом, венчик и шейка которого были украшены вертикальными клиньями, нанесенными черной краской. Орнамент по своему типу явно напоминает орнаментацию вышеуказанных местных сосудов и, несомненно, сделан местными масте-

⁶⁵ О. С. Хикьян, Ремесла Армении в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Автореф. канд. дисс., Ереван, 1972, стр. 15.

⁶⁶ Э. Л. Майсурадзе, указ. соч., стр. 251—256.

⁶⁷ С. А. Есаян, Новые данные о расписной керамике Армении начала I тыс. до н. э., ИФЖ, № 1, 1969, стр. 283.

⁶⁸ С. А. Есаян, Каталог археологических предметов музея истории гор. Еревана, вып. III, стр. 119.

рами. Небольшая сохраняющаяся часть тулова украшена вдавленными линиями, напоминающими оконечность шевронов.

Новые находки расписных сосудов начала I тыс. до н. э. имеют большое значение, так как они восполняют пробел между образцами расписной керамики эпохи бронзы и раннеармянского времени.

Другой распространенной формой керамики рассматриваемого времени являются горшки, сплошь и рядом встречающиеся в керамических комплексах и по форме напоминающие безручные кувшины. Горшки большей частью толстостенные, черного или бурого цвета, покрыты сажей. Они большей частью лишены орнаментами, но иногда встречается орнамент в виде косых штрихов, горизонтальных поясков, прямых или волнистых линий и погтевой орнамент. Изредка на плечиках сосудов встречается шишковидный выступ.

К широкогорлым кувшинам приближаются маслoбойки, отличающиеся от них лишь наличием кольцевого выступа со сквозным отверстием на одном плечике. Часто рядом с ним имеется горизонтально поставленная ручка. Не отличаются они и по орнаментальным мотивам. Такие маслoбойки широко распространены в погребальных комплексах Редкин-лагеря, Головинно, Хртаноца, Шамахиана, Астхи-блуря, Айгедзора и т. д. Иногда они переделаны из широкогорлых кувшинов самими владельцами сосудов. Для этого на плечиках сосудов острым орудием просверлено сквозное отверстие. Таким образом, можно выделить две группы маслoбоек — с ручками и без ручек. Для легкого сбивания масла часть сосудов с внутренней стороны снабжена шишастыми выступами и грубо нанесенными линиями. Часть же сосудов с внутренней стороны гладкая. Подобные маслoбойки находят свои аналоги в материалах Тейншебани, Согутлу, Ленинакана, Артика, Ошакана, Мингечаура, Самтавро, Триаleti и др.⁶⁹

Большое место по числу находок занимают миски. Основная масса их изготовлена из хорошо отмученной глины, имеет прекрасную лощеную, в основном черную, реже красную поверхность, хотя встречаются и более грубые образцы с большой примесью песка,

плохого обжига. По своему внешнему виду они делятся на крупные глубокие и плоские и небольшие глубокие. Часть их снабжена горизонтальными ручками, на которых имеются одно-два сквозных отверстия. Иногда нижняя часть их украшена широкими лощеными вертикальными поясами, многорядными линиями, а верхняя часть — сетчатой. Днища некоторых сосудов украшены изображениями крестов и свастик. К концу рассматриваемого периода появляются миски с сильно профилированными бортами, украшенные многорядными прямыми или волнистыми линиями. Эти миски являются переходными формами, бытующими и в раннеармянское время. Необходимо указать, что крупные глубокие миски по своей форме приближаются к крупным чамам, известным из Кармир-блуря и Кармир-берда и, без сомнения, связаны с молочным производством⁷⁰. С этим же связана небольшая группа мисок-сит из Красносельска и Ноемберяна, хорошо известная по находкам из позднебронзовых погребений Лчашена и Артика⁷¹.

Последней формой керамических изделий являются кружки, снабженные округлыми или вытянутыми ручками, часть которых украшена лощеными рельефными линиями, между которыми проходят также же волнистые линии. Подобные кружки хорошо известны из Севанского бассейна, Ворнака, Сисна, Кармир-блуря и т. д.⁷² К числу близких к кружкам сосудов можно отнести небольшое количество найденных в Дилижане, Ачаджуре, Ноемберяне и т. д. черных лощеных и серых кубков, с высоким раструбным туловом, расширяющимся венчиком и небольшим донышком с кольцевым выступом. Имеются также кубки с плоским дном и расширяющимся кверху туловом.

По своей форме вся рассмотренная керамика находит многочисленные аналогии в памятниках железного века Севанского бассейна, Лалвара, Артика, Сюника, Карабаха и т. д.

Памятники раннеармянского времени дали интересные образцы керамических изделий, в формах и орнаментальных мотивах которых имеется много общего с керамикой VII—VI вв. до н. э.; в это время продолжает бытовать керамика предшествующего периода.

⁶⁹ Б. А. Кюфтин, Археологические раскопки в Триаleti, табл. 48; А. А. Мартirosян, О древнем поселении и могильнике близ Ленинакана, КСНИМК, вып. 65, 1954, стр. 65; Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, стр. 144—146; Т. Н. Чубинишвили, Древнейшие грунтовые погребения Самтаврского могильника, КСНИМК, вып. 46, 1952, стр. 58; Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. П. Понев, Древний Мингечаур, табл. XXXI.

⁷⁰ С. А. Есаян, Ереван, табл. 25, рис. 16; С. А. Есаян, Каталог археологических предметов Музея истории гор. Еревана, вып. III, 1972, табл. XXXI.

⁷¹ Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, стр. 147.

⁷² А. А. Мартirosян, Раскопки в Головинно, стр. 90.

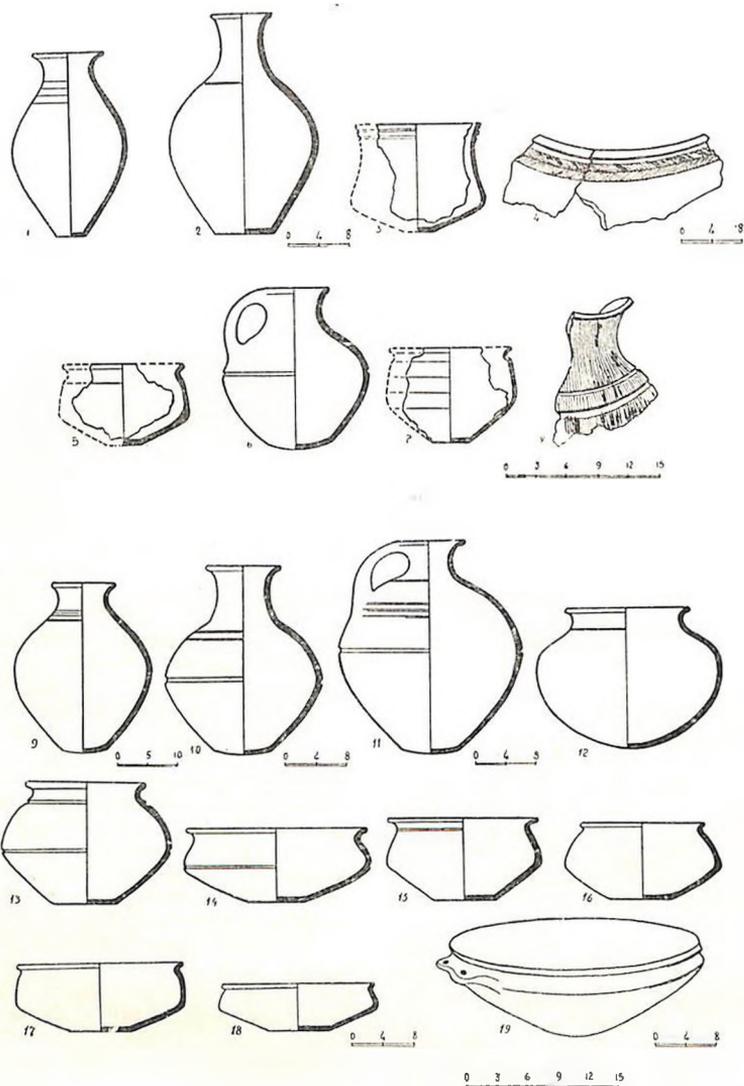

Табл. 135. Предметы из могильников Дарандж и Кранашти-ял: рис. 2, 8—Дарандж, погребение 3; рис. 3—6—погребение 2; рис. 7—погребение 4; рис. 9—19—Кранашти-ял, погребение 1.

В поселениях указанного времени обнаружено большое количество фрагментов крупных и небольших карасов. Первые хорошо известны по находкам из Эребуни, Аргиштихинли, Армавира и других урартских крепостей, а также из позднеурартского поселения Ошакана. Вторые известны по находкам из Эребуни, Хртаноца и других памятников

железной поры, что указывает на преемственность культуры и бытование в раннеармянское время керамических изделий предшествующего периода. Эти карасы, в основном, украшены рельефными поясами с косыми вдавленными линиями, а верхняя часть тулова—различными горизонтальными и вдавленными линиями.

Большой группой, в основном, во фрагментарном виде, представлены разнообразные кувшины, однако целых сосудов обнаружено лишь несколько — в погребениях Берда и Норашена, а также из крепостей Айрума, Тхбадыра и Бердакара. Эти находки дают представление о формах небольших черных, красных и желтых кувшинов с округлым туловом, высокой шейкой и небольшим округлым венчиком. Верхняя часть этих кувшинов украшена косыми штрихами. Часть сосудов покрыта розовым или бледно-желтым ангобом. Кроме целых сосудов в поселениях этого времени найдено большое количество ручек различных кувшинов, как крупных, так и небольших. Большая их часть украшена одним-двумя вертикальными прорезами, один из которых заполнен треугольными или овальными выемками, а другие гладкие. Часто встречаются ручки, украшенные овальными, круглыми или косыми прямоугольными выемками. На некоторых из них встречаются наленные кружочки. Реже встречаются гладкие ручки, некоторые из которых украшены изображением креста или лепными головками баранов.

Сравнительно реже встречаются крупные двуручные кувшины, с ручками, помещенными в центре тулова. Форма этих сосудов известна еще с конца позднебронзовой поры, но они особенно распространяются в начале I тыс. до н. э.

Другую группу керамических изделий этого времени образуют безручные кувшины и горшки, от которых сохранились лишь фрагменты. По своей окраске и фактуре они ничем не отличаются от вышеописанных. Повидимому, некоторые из них использовались в качестве маслостоек, так как найдено большое количество фрагментов, имеющих с внутренней стороны шишастые выступы и грубо прочерченные линии. Часть безручных кувшинов имеет трапецевидные или круглые, плоские ручки, хорошо известные из многих памятников VII—VI вв. до н. э. Большая часть широкогорлых кувшинов грубая, но встречаются также черные лощеные сосуды, украшенные лощеными линиями. Основными орнаментальными мотивами всех кувшинов являются волнистые гребенчатые линии, косые штрихи, овальные и круглые выемки, иногда шишастые выступы.

Наряду с ними встречаются в небольшом количестве фрагменты расписных сосудов, на которых по темному фону проходят коричневые, желтые или красные полосы; роспись эта по манере нанесения ничем не отличается от росписей вышерассмотренных сосудов начала I тыс. до н. э.

Большую группу в керамических комп-

лексах образуют небольшие кувшинчики, более ста экземпляров которых обнаружено в каменной пещере Азатавазского кургана, а их фрагменты встречаются в керамических комплексах всех памятников.

Последнюю большую группу образуют миски разнообразных форм: плоские, с горизонтальными ручками со сквозным отверстием, хорошо известные по памятникам VII—VI вв. до н. э., более глубокие округлые, снабженные небольшим сливом, помещенным на одном плечике под венчиком, также известные в памятниках VII—VI вв. до н. э. и широко распространенные в раннеармянское время.

Из ранних вариантов нужно указать миски с глубоким округлым туловом, небольшим профилированным бортом и чуть заметным округлым венчиком.

Новыми формами, характерными для керамики V—IV вв., являются небольшие миски с округлым туловом, небольшим дном, округлыми или свернутыми вовнутрь венчиками. В большом количестве встречаются миски с сильно профилированными бортами, наряду с ними встречаются фиалы с выдавленными снизу округлыми выступами на дне и шишастыми выступами на борту, обнаруженные в Бердеком и Джуджеванском могильниках, и крепостях Норашена, IV шагламы и Инлор-пате.

Находка фиал и мисок с округлыми туловами и дном вместе с металлическими изделиями, в частности, браслетами с прогибом и кривыми ножами, позволяет уточнить как датировку остальных керамических изделий, так и время функционирования самих поселений.

Сравнительно в небольшом количестве обнаружены фрагменты различных кружек, часть которых имеет характерную для керамики VII—VI вв. до н. э. ориентацию в виде рельефных линий, внутреннее пространство которых заполнено лощеными волнистыми линиями. Вместе с ними встречаются небольшие сероватые кружки с дугообразными или вытянутыми округлыми ручками. Встречаются также небольшие кубки с вытянутым расширяющимся кверху туловом, узким дном и округлым венчиком.

Как видно из изложенного, керамика раннеармянского периода сохраняет многие формы и орнаментальные мотивы предшествующего периода, а многие формы попросту продолжают бытовать без каких-либо изменений. В то же время появляются новые орнаментальные мотивы и формы. В частности, на ручках кувшинов появляется ориентация в виде наленных кружочков, овальные и круглые выемки.

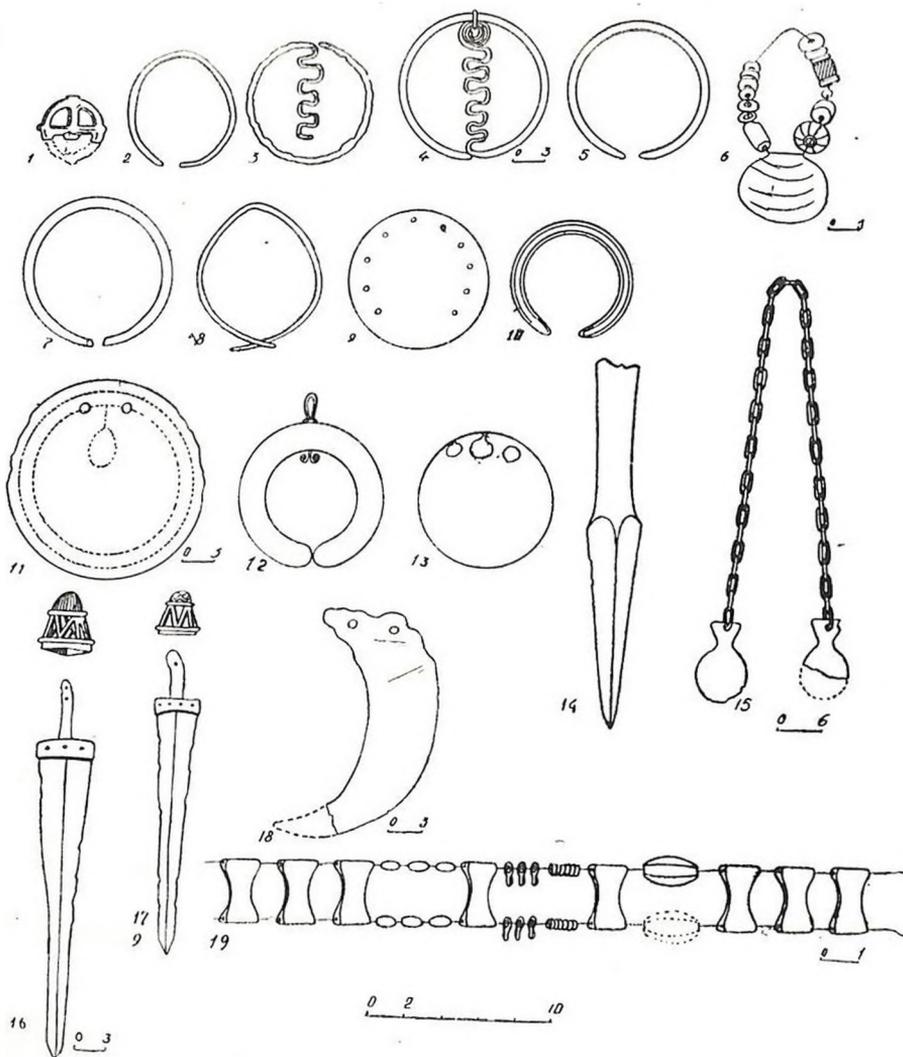

Табл. 136. Предметы из разных могильников близ села Кирги: рис. 1—3, 6—Крапашти-ял, погребение 1; рис. 4—Гмшукт, погребение 1; рис. 5, 7, 17—погребение 9; рис. 8, 9—Крапашти-ял—погребение 2; рис. 10—12, 16, 19—случайные находки; рис. 13—Дарандж, погребение 3; рис. 14—Егенкала дзор, погребение 1; рис. 18—погребение Сеирик.

Обработка камня. Выше уже говорилось об огромной роли камня в строительстве крепостей, потайных ходов и могильников. При раскопках крепостей и поселений Северо-Восточной Армении обнаружено большое количество каменных орудий и оружия, применявшихся аборигенами. Наиболее распространенными орудиями являются зернотерки, песты, терочники и т. д., десятками находясь почти в каждой крепости. Так, например,

к раннебронзовой эпохе относятся две крупные ладьевидные зернотерки из Джагацатехского поселения и большое количество различных терочников, пестов, лошл и точил, изготовленных из речных гольшей, найденных в Джагацатехе и крепостях II и III шаглам и имеющих следы сильной сработанности. Из этих поселений найдены заготовки для крупных шаровидных булав, часть которых недосверлена. Из этих же поселений

найдено несколько обсидиановых стрел и кремневых вкладышей серпов прямоугольной, сегментовидной и клювовидной форм. Находки многочисленных кремневых и обсидиановых отщепов свидетельствуют о том, что эти изделия готовились на месте.

Аналогичная картина наблюдается и в поселениях эпохи поздней бронзы и железа. Здесь также обнаружено большое количество различных зернотерок ладьевидной и прямоугольной формы, небольших размеров, и огромное количество терочников, точил, ложи и т. д., изготовленных из речных глыб без какой-либо обработки, со следами сильной сработанности. Новостью в этих поселениях является появление каменных крышек карасов и крупных кувшинов, также изготовленных из плоских речных галек.

По-прежнему из обсидиана готовятся различные стрелы миндалевидной и треугольной формы с выемками в нижней части. Появляются небольшие каменные ложки для розлива металла, известные из Иджевана и Айрума. В земледелии по-прежнему используются каменные топоры, мотыги и серпы.

Говоря о применении камня в эпоху поздней бронзы и железа, необходимо указать на находки из Учтептинского поселения, датированного X—IX вв. до н. э., где было обнаружено свыше двух тысяч различных каменных изделий—различные отщепы, ретушеры ножей, проколки вкладышей составных серпов, наконечники стрел, молоты и т. д. Ю. А. Мочанов, изучавший технику изготовления каменных орудий Учтептинского поселения, приходит к заключению, что в рассматриваемое время применяются технические приемы обработки камня, возникшие в предыдущие эпохи, и качественно новых приемов не создается. Причем те орудия, которые целесообразно было отливать из металла, сделаны хуже, по сравнению с такими же изделиями предшествующих эпох. А те изделия, которые нецелесообразно было готовить из металла, по-прежнему отличаются высокой и совершенной техникой обработки⁷³.

Материалы раскопок Северо-Восточной Армении показывают, что даже в эпоху широкого освоения железа вплоть до VI—V вв. до н. э. камень в пережиточном виде продолжал применяться для изготовления различных орудий: топоров, серпов, мотыг, стрел и т. д., обнаруженных при раскопках Норашенской крепости, Пилор-пата, Тмбадира-

бердакара, Азатавана, Саякара и других крепостей указанной эпохи.

Интересно отметить, что каменные орудия в виде различных ножевидных пластин, терочников, осколков обсидиана с режущими краями, которые могли использоваться как вкладыши серпов, точил и т. д., обнаружены в III нижнем и II среднем слоях поселения Кара-тепе в Мильской степи, датированных VII—VI и V—I вв. до н. э.⁷⁴ В эту же эпоху появляются зернотерки новой формы, имеющие на верхних камнях вертикальные пазы для движения посредством рычага слева направо и наоборот, в отличие от ранних, движущихся взад и вперед. Одна такая зернотерка обнаружена в верхнем слое Джагацетехского поселения. Подобные зернотерки—прототипы жерновов ручных мельниц в Армении известны из Двина, Гарни, Армавира и по ряду случайных находок⁷⁵.

Наконец, из камня готовились различные ювелирные изделия. Особенно много имеется сердоликовых и агатовых бус, благодаря большому залежку указанных пород в Севкаре, Шахназаре, Котайке, Мегри, Веди, Севанском бассейне и т. д. При этом методы сверления, полировки и шлифовки бус и других поделок все больше совершенствуются и развиваются. Как указывает Г. Г. Леммлейн, шлифовка производилась при помощи кварцевого песка и наждачного камня, а сверление—на небольших лучкового типа ручных станочках⁷⁶. В связи с этим интересно отметить, что Ф. Байерн, в одном из погребений Редкинлагерского могильника обнаружил каменный прибор, который рассматривает как круг от станка для сверления бус⁷⁷.

Сверление бус в основном производилось односторонним способом, сплошными и трубчатыми сверлами, в результате чего отверстия с одной стороны имеют раковистый излом⁷⁸. Однако имеются великолепные об-

⁷³ Ю. А. Мочанов, К вопросу об употреблении и технике изготовления каменных орудий в конце эпохи бронзы (по материалам поселения Уч-тепе). Тр. Азербайджанской экспедиции, МИА, 125, стр. 151, 162.

⁷⁴ О. Ш. Пемзиаде, Раскопки холма Кара-тепе в Мильской степи (1954—1958). Тр. Азербайджанской экспедиции, МИА, 125, стр. 206, 212; *его же*, Итоги археологического исследования поселения на холме Кара-тепе. Археологические исследования в Азербайджане, Баку, 1965, стр. 82.

⁷⁵ Ж. Д. Хачатрян, Происхождение ручной мельницы по материалам раскопок Гарни, ИФЖ, № 1, 1964, стр. 264; С. А. Есапи, Ереван, стр. 40, *его же*, Каталог археологических предметов Музея истории гор. Еревана, вып. III, табл. XVII.

⁷⁶ Г. Г. Леммлейн, Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе, КСНММК, вып. XVIII, 1947, стр. 23.

⁷⁷ Ф. Байерн, указ. соч., стр. 16.

⁷⁸ Г. Г. Леммлейн, Техника сверления каменных бус..., стр. 23.

разны шестигранных и шаровидных бус с двусторонним сверлением, которые бытуют до раннеармянского времени.

Г. Г. Леммаейн указывает, что значительная часть указанных изделий ввозилась в Закавказье из Малой Азии, Египта и других стран, хотя и предполагает, что часть их, быть может, готовилась на месте⁷⁹. Мне кажется, что основная часть рубленых бус с односторонним сверлением, если не все, готовилась на месте.

Наконец, с конца поздней бронзы появляется новая отрасль применения камня — скульптура. Судя по материалам из различных памятников Армении, в указанную эпоху появляется довольно большая группа различных скульптурных изделий. К числу их относятся одноликие и многоликие каменные идолы из Навура, Шаваршавана, Айгедзора и других мест, рассмотренные в VII гл.

Деревообработка имела важное значение в хозяйстве, строительстве, военном деле и быту, то есть во всех областях человеческой деятельности. Применение дерева в рассматриваемых районах не составляло проблемы, как в остальных районах почти безлесной Армении (хотя, по-видимому, лесов в древности было значительно больше). В настоящее время почти половина территории указанных районов (46—47,5%) покрыта буковыми лесами с островками дуба и граба. Встречаются в большом количестве липа, карагач, сосна, тисс. Много также диких плодовых деревьев — кизила, груши, яблони, алычи, терна, грецкого ореха и т. д.⁸⁰

Дерево применялось, в первую очередь, для перекрытия жилых домов, хлевов, загонов для скота, для различных навесов, а также для дверей и позже — окон. По всей вероятности, для этих целей использовалось, в основном, необработанное дерево в виде кругляков или грубо обтесанных балок, легко получаемых в известной или ранней бронзе посредством каменных топоров. Гораздо труднее было получение дерева для других целей, хотя бы досок для изготовления различных повозок, где необходимы были доски для кузова, балки для осей, дышел и колес.

Небольшие пила, найденные в Армении, к числу которых относятся каменная пила из Мхлу-тана близ села Цахукик Эчмиадзинского района, датируемая III тыс. до н. э.⁸¹,

и более поздние пила из Артика⁸² и Кармир-блур⁸³, не могли применяться для заготовки леса и распиловки досок. Вся эта работа почти до наших дней производилась топором. По свидетельству жителя села Туджур Красносельского района А. Е. Хачатряна, жителя села Еюкаван А. К. Габриэляна и многих других «распиловка» досок производилась следующим способом: топором вырубали необходимой величины деревья, предпочтительно с прямым стволом, малым количеством веток и с диаметром не менее 70 см. Поваленный ствол рубили дополнительно на чурки длиной в 3—4 м, после чего топором выравнивали лицевые срезы и проводили вертикальные углубления по количеству необходимых досок, но не более четырех-пяти. В эти углубления закладывали по три деревянных клина на одну линию, после забивания которых на горизонтальной поверхности появлялись трещины, куда также закладывали дополнительные клинья. Путем постепенного закладывания новых клиньев бревно распиралось на 4—5 досок, количество которых зависело от диаметра бревна. Полученные доски грубо обтачивались с обеих сторон топором. Вся эта работа производилась в лесу и имела низкий коэффициент. Дальнейшая доработка досок производилась по мере потребности, причем обрабатывали лишь те куски, которые могли быть пригодны для изготовления тех или иных предметов.

Найденные при раскопках деревянные предметы показывают, что отдельные части изделий соединялись посредством деревянных шипов или специальных назов на одной детали, куда входили соответственно заостренные четырехгранные или прямолнейные концы другой детали. Таким способом изготовлялись все известные деревянные изделия из Лчашена, Артика, Н. Геташена, Редкин-лагеря, Кармир-блур и Вардениса. Металлические гвозди применялись редко и то, в основном, в качестве украшений, как это видно на рюкзках мечей и книжатов.

Двери рассмотренных поселений Северо-Восточной Армении, по-видимому, готовились из грубых досок, закрепленных шипами или посредством поперечных брусков, закрепленных тем же способом. Находки многочисленных каменных подпятников в помещениях многих поселений указывают, что двери закреплялись не на рамах, а на свободно вращающейся осей, изготовленной из кругляков с заостренным концом.

В материалах памятников Северо-Восточ-

⁷⁹ Г. Г. Леммаейн, Каменные бусы самтавского некрополя, Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. 29, Тбилиси, 1961, стр. 183—232; *его же*, Основные типы каменных бус Мингечаурского некрополя, ДАН Аз. ССР, т. V, 1949, стр. 83—88.

⁸⁰ Армянская ССР, стр. 229.

⁸¹ Сборы и датировка Р. Торосина.

⁸² Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, стр. 64.

⁸³ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, вып. 1, стр. 50.

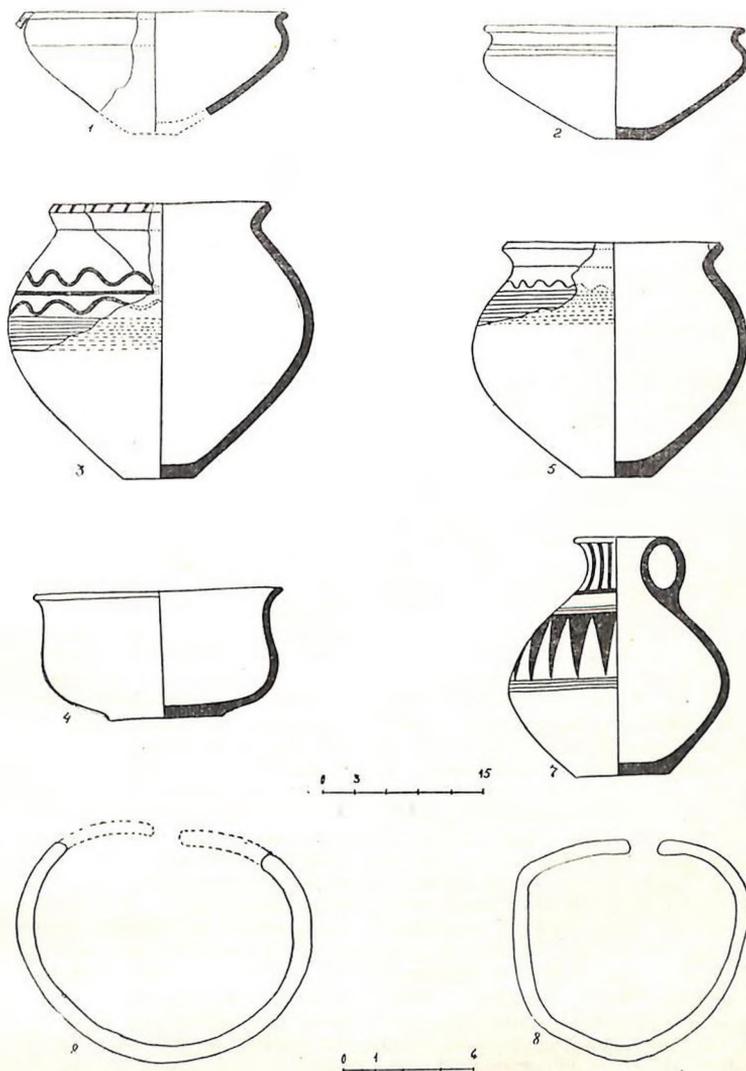

Табл. 137. Предметы из могильника крепости Кари глух.

ной Армении почти не сохранилось древесных остатков, однако мелкие куски угля, найденные в большом количестве, и обломки сосновых бревен из крепости IV шагламы⁸⁴ свидетельствуют о наличии деревянных перекрытий. О породах, применявшихся для перекрытий, много сведений дают раскопки Кар-

мир-блур. Так, перекрытия Тейшебани изготовлялись на 80% из сосны и 20% из тополя.

Поверх плоского балочного перекрытия урарты закладывали молодые стволы и топольные, дубовые и ясеневые ветки (дуб 45%, ясень 30% и тополь около 25%). Деревянная мебель из Кармир-блур, в основном, изготовлена из сосны, тополя, ильма, липы и ясе-

⁸⁴ Определение В. Паланджян.

ния⁸⁵. Интересно отметить, что тополевое перекрытие было обнаружено Я. И. Гуммелем в одном из раскопанных им погребений⁸⁶.

Древесина играла определенную роль и в строительстве, для доставки и поднятия тяжелых камней, вес которых, как уже отмечалось, достигает нескольких тонн. Причем эти камни, как правило, перевозились с 2—3-километрового, а иногда и большего расстояния.

В селе Епокаван мне удалось узнать об оригинальном способе переброски крупных каменных блоков или плит для сооружения оснований хлебных печей. Для этой цели вырубали стволы длинных деревьев (ширина вилки 2,5—3 м, длина ствола до 2 м). Камень, посредством жердей и рычагов, наваливают на вилку и слегка на ствол, где поверхность дерева предварительно выровнена. Через специально вырубленные лазы проводятся ремни, прикрепляющие камень к дереву. Расстояние от места выработки до села в 2—3 км упряжка из 4—5 пар быков или буйволов проходит за пять часов, считая при этом и время для отдыха животных. Деревянными жердями, использующимися в качестве рычагов, подставок и катков, камень весом до 2 т поднимают на высоту 1—1,5 м и устанавливают в основании.

Древесина применялась также в сельском хозяйстве. Из дерева готовились мотыги и палки-копалки, часть которых была снабжена каменными, роговыми, а позже и бронзовыми наконечниками. По-видимому, со II половины III тыс. до н. э. в Армении появляется примитивная соха, а позже и плуг, для изготовления которых также требовались различные породы деревьев⁸⁷. С начала I тыс. до н. э. из древесины начали готовить молотильные доски (см. III гл.). Для этого брались пара досок с закругленной наподобие лыж передней частью; в рабочей плоской стороне выбивались многочисленные выемки, куда закладывались камни. Подобные доски известны из Шейтан-дага, Ахталы, Муснери, Ханлара и Самтавро. Необработанные камни найдены и в одном из погребений Астхи-блур.

Кроме основных сельскохозяйственных орудий (мотыга, соха, плуг, молотильная доска) из древесины готовились также рукоя-

ти всех орудий, а в эполите появились деревянные серпы с каменными вкладышами, которые вместе с медными, бронзовыми и железными серпами применялись до середины I тыс. до н. э. Из древесины готовились также вилы, лопаты и другие орудия для сбора сея, подброски соломы и зерен при молотье и других работ. Сами эти орудия, естественно, не сохранились, однако многочисленные находки бронзовых и железных вил из разных районов Армении и Закавказья—Лчашена, Геташена, Вардакара, Муханнат-тапа, Кармир-блур, Н. Карабаха, Мишгечаура, Так-Килиси и т. д. указывают на применение их деревянных образцов. Дерево широко применялось также для изготовления повозок, телег, колесниц. В Армении обнаружено большое количество (свыше 20) деревянных повозок и колесниц, датируемых эпохой средней и поздней бронзы. По своему виду они делятся на четырех- и двухколесные повозки с дисковидными колесами и колесницы, снабженные колесами со спицами. Имеются также модели боевых колесниц из Лчашена, Паравакара и Лорн. Кроме того, известны в большом количестве изображены разных повозок и колесниц на бронзовых поясах позднебронзовой и раннежелезной поры и на шлемах и колчанах из Кармир-блур.

Находки лчашенских повозок позволяют определить, из какой породы они изготовлены. Так, колеса повозок и колесниц сделаны из ильма, ось, рамы и дышла—из дуба, а изящные ажурные арки перекрытия—из красного дерева⁸⁸. Это показывает, что древние мастера деревообработки были не только великолепными мастерами, но также хорошо разбирались в технических свойствах каждого дерева.

Древесина широко применялась также оружейниками. Из дерева, иногда в комбинации с рогом, готовились луки, стрелы, рукояти и древки топоров, стрел, копий и т. д. Из древесины готовились щиты и колчаны, обитые кожей и бронзовыми умбонами. Найденные в большом количестве обгорелые древки стрел показывают, что они готовились из ясения и тростника⁸⁹. Кроме того, дерево широко применялось в военном деле для изготовления штурмовых лестниц, таранов и другой осадной техники, а также крупных щитов для лучников, прикрывавших воинов, штурмовавших стены вражеских крепостей.

⁸⁵ С. А. Туманян, Древесные остатки из раскопок Кармир-блур; Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, вып. III, стр. 62—63.

⁸⁶ Я. А. Яценко-Хмельницкий, Нахождение тополя в погребении бронзового века в Азербайджане, Сообщения Груз. ФАН СССР, 1940, № 1.

⁸⁷ О. С. Хикикян, Деревообработка в эпоху поздней бронзы и раннего железа, ВОН, № 7, 1971, стр. 38.

⁸⁸ В. Паланджян, Деревянные повозки из раскопок у села Лчашен. Тр. ГМА, вып. V, стр. 266.

⁸⁹ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, вып. III, стр. 38; см. также В. Паланджян, Урартские древки стрел, Кармир-блур, вып. III, стр. 66.

Наконец, древесина широко применялась и в быту. Из дерева готовились различные топчаны и сиденья, стулья, столы, а также миски, чаши, черпаки, ложки, подносы, шкатулки и статуэтки, известные из раскопок Лчашена⁹⁰, Артика⁹¹, Редкин-лагеря⁹² и Кармир-блур⁹³, причем в урартских изделиях широко применялись инкрустация, резьба и окраска. В указанных памятниках также обнаружены разные корзины, хорошо известные по находкам из Кармир-блур и Аргиштихини.

Древесина использовалась также при сооружении курганов и погребений, для поддержания подлинного свода, препятствующего проникновению земли в погребение. В ряде погребений Редкин-лагеря, Цамакаберда, Лчашена, Артика, Вардениса и Джрарата обнаружены деревянные ложа и саркофаги. В основном они имеют форму столиков на низких ножках, поверхность которых покрыта ремешковой сеткой, на которую укладывали покойника. Отличается от них варденисский, напоминающий ящик длиной в 1,7 м и шириной в 0,7 м, изготовленный из досок, уложенных с зазором в 5—10 см. С краев поднимаются решетчатые борта высотой в 0,4 м⁹⁴.

Как видно из вышеизложенного, деревообработка затрагивала все области хозяйственной жизни. Однако, к сожалению, деревянные изделия сохранилось ничтожно мало, и о многих изделиях можно говорить лишь предположительно. Найденные изделия все же дают основание для выяснения основных принципов, применявшихся при их изготовлении.

Двери помещений, как уже указывалось выше, в основном, готовились из толстых досок, скрепленных поперечными брусками или шипами и закрепленных на свободно вращающейся оси. Лишь в проемах дверей цитадели Кармир-блур наблюдаются следы рам и полное отсутствие подпятников.

Остальные деревянные изделия: повозки, колесницы, ложа готовились разными способами. Наиболее распространенным является способ закрепления шипами. Для этой цели

в двух разных деталях просверливались отверстия, в которые закладывался шип, закрепляющий обе детали. Таким способом закреплены дисковидные колеса, рамы, дышла и ряд деталей лчашенских повозок и колесниц. Наряду с этим применяются также другой близкий способ, когда роль шипа играет заостренный, четырехгранный или прямоугольно вырезанный конец одной детали, закладываемый в соответственный паз другой детали. При таком креплении иногда применялось дополнительное крепление шипами⁹⁵. Таким образом соединены ажурные перекрытия лчашенских кузовов с рамами повозок, погребальные ложа Лчашена, Артика, Цамакаберда, Редкин-лагеря и ряд других деталей. Имеется также третий способ, когда в рамах вырезаются специальные пазы, куда закладываются детали с вырезанным шипом, что наблюдается на лчашенских повозках и ложах из Вардениса.

По-видимому, в урартское время для обработки деревянных изделий применялся и токарный станок. К изделиям, изготовленным на нем, относятся небольшой сосудик и чашечка из Кармир-блур⁹⁶. Возможно, что на токарном станке вытачивались также круглые спицы урартской колесницы, изображенной на оттиске печати из Топрах-кале (Вац)⁹⁷. Наконец, при изготовлении мебели в урартское время применялась роговая инкрустация⁹⁸.

Обработка кости. Наряду с деревообработкой в районах Северо-Восточной Армении применялась также обработка кости. В материалах из вышепересмотренных памятников имеется небольшое количество костяных изделий, свидетельствующих об этом. Почти во всех крепостях найдены спиленные или обрубленные оленьи рога, причем на многих из них наблюдаются следы ударов рубящих инструментов. По-видимому, часть срубленных отростков применялась в ткачестве для набивки тканей.

Из различных костей мелкого рогатого скота готовились проколки, применявшиеся, по-видимому, в кожевенном деле. А из костей крупного рогатого скота готовились пряслица, хорошо известные из находок в Редкин-лагере, Джархече, Головино, Хртаноне и других памятников I тыс. до н. э. Интересной находкой является небольшая шкатулка из Тмбадира, изготовленная из оленьего рога, представляющая собой полый цилиндр, обе

⁹⁰ А. О. Мнацаканян, Лчашенские курганы, КСИИМК, вып. 85, 1961, стр. 72.

⁹¹ Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, стр. 208.

⁹² Ф. Байерн, указ. соч.; описи предметов № 160 и 173.

⁹³ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 195.

⁹⁴ А. О. Мнацаканян, Археологические находки в селении Басаргечар, КСИИМК, 1955, вып. 60, стр. 40. Джраратское ложе, по устному сообщению А. О. Мнацаканяна, имело вид широкого желоба размером 2×0,6 м, борта которого возвышались на 25 см.

⁹⁵ О. С. Хякикян, Деревообработка в эпоху поздней бронзы..., стр. 42.

⁹⁶ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 195.

⁹⁷ Там же, стр. 152.

⁹⁸ Там же, стр. 195.

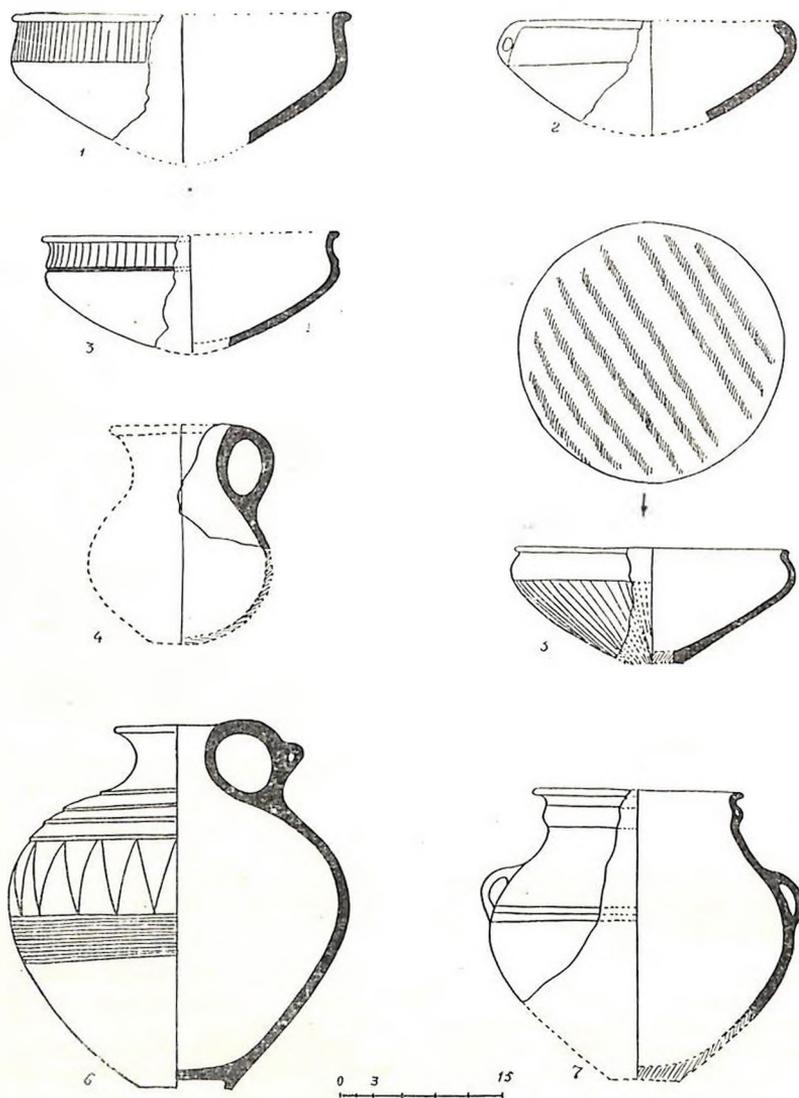

Табл. 137а. Предметы из могильника крепости Карби-гаух

стороны которого, по-видимому, закреплялись деревянными вставками, как на шкатулках из Кармир-блур. Из кости готовились также наконечники стрел. Две такие стрелы известны, как указывалось, из Норашенской крепости. Обе они имеют длинные наконечники и короткие черенки. Один из наконечников украшен кружковым орнаментом. Небольшое количество таких изделий не позволяет провести их детальное изучение. Однако на ос-

новании имеющегося материала можно утверждать, что костяные изделия применялись при изготовлении различных тканей, при обработке кожи, в военном деле, быту и т. д.

Обработка кожи является одним из древнейших ремесел, о котором, к сожалению, имеется очень мало сведений. В рассматриваемых районах Северо-Восточной Армении имеется несколько зафиксированных образцов кожи. К числу их относятся кожаный

панцирь с нашитыми дисками и бляхами из Головино и панцирная рубаха из Дилижана. По-видимому, на кожу нашивались и панцирные диски из Хурджин хогега, Айгедзора, Лусадзора, Берда и других мест.

Остатки более древних панцирей на кожаной основе известны из Мчашена (XIV—XIII вв.), где вместе с различными бляхами и пуговицами прослеживались остатки кожи или ткани, к которым они пришивались, образуя панцирные рубахи⁹⁹. Такая рубаха, состоящая из кожаной основы с нашитыми к ней крупными и мелкими пуговицами, известна также из Артика¹⁰⁰. Там же обнаружены бронзовые удила с дисковидными псалениями и сохранившимися фрагментами хорошо обработанной кожи¹⁰¹. Остатки кожи обнаружены также в погребении 14 Астхидлурского могильника под богато украшенным поясом. Анализ кожи, произведенный в центральной лаборатории коженно-производственного объединения им. С. Шаумяна И. А. Григоряном, выявил, что она принадлежит теленку. Обработка ее была произведена солеванием, однако присутствие железа доказывает последующее дубление железным дубителем. Судя по строению волокон, возможно, было произведено еще и дополнительное растительное дубление, однако последнее остается предположением, так как тонны не сохранились.

В военном деле кожа шла на обивку плетеных щитов и кочянов, кожей обшивались попоны мечей и кинжалов, колеса и некоторые детали повозок. Наконец, кожа широко применялась в быту. Из нее готовили различную упряжь для повозок, канаты для волочения бревен, различные меха, обувь, головные уборы и т. д.

Интересно проведение параллелей с современным способом домашней обработки кожи. Так, по словам жителя Воскепара Х. Манучаряна (1898 г. рождения), существует три вида обработки кожи. Наиболее примитивный и грубый способ—солевание. При этом кожа крупного рогатого скота крепко засаливается и в свернутом виде остается в темном помещении до одной недели. Затем она натягивается на колышки и остается на солнце до полного просушки. Из этой кожи готовились лишь лапти и кнуты.

Другой способ применяется для получения более качественной кожи. Для этого очищенную от жира и мездры шкуру крупного рогатого скота кладут в воду до полного за-

гнивания воды, в результате чего кожа становится мягкой. Затем с кожи смывают жир и волосы, слегка просушивают, обсыпают яровой ячменной мукой и в завернутом виде хранят в какой-либо деревянной посуде до одной недели. Из этой кожи получались крепкие канаты и ремни для упряжи, седла, волочения бревен и т. д.

Этим же способом обрабатывалась кожа для разных бурдюков из шкур мелкого рогатого скота, причем для хранения масла применялась козья шкура, а для сыра—овечья. При этом бурдюки для масла проходили также процесс дубления, заключающийся в том, что кожа еще сутки лежала в заваре из дубовых листьев.

Для изготовления овчин применялся тот же процесс, но ячменной мукой обсыпалась внутренняя сторона кожи.

Как видно из изложенного, сведений о древней обработке кожи имеется мало. Некоторые представления об этом могут дать различные орудия, применявшиеся для очистки кожи от волос, жира и мездры. Наиболее древними орудиями являются различные каменные и костяные скребки, шила и ножи, найденные в Хатунарском и Техутском поселениях¹⁰². Те же орудия применялись для отделки шкур и кожи, разглаживания мелких складок, для резки кожи, и т. д.

Аналогичные орудия известны также из раннебронзовых памятников Армянского нагорья III тыс. до н. э.—в Шенгавите, Ариче, Гарин, Эларе, Эчмиадзинском и Нахичеванском Кюль-тепе, Хаченагетских погребениях Нагорного Карабаха, в поселении Шампирмалты (Ван), Джуджеване и ряде других мест¹⁰³. С появлением металла появляются новые орудия, к числу которых относятся плоские топорки, применявшиеся для резания кожи, срезывания подкожного жира и т. д., то есть заменившие собой ряд каменных и костяных скребков и пожей. Плоские топорки, по-видимому, стали универсальным орудием, применявшимся в ряде процессов кожевенного дела, а также в деревообработке. Подобные орудия в Армении известны, судя по находкам каменной литевой формочки из Муханнат-тапа, с начала II тыс. до н. э. и бытовали до середины I тыс. до н. э. В

¹⁰² Раскопки В. Торосяна, материалы не опубликованы.

¹⁰³ Б. Б. Пиотровский, Поселения медного века в Армении, СА, XI, стр. 2. О. Н. Абибулаев, Первые итоги раскопок Кюль-тепе; его же, Некоторые итоги изучения холма Кюль-тепе в Азербайджане; К. Х. Кушнарера, Памятники медного века в Нагорном Карабахе, СА, 1954, XX, рис. 26; Э. В. Ханзадян, Культура племени Армянского нагорья в III тыс. до н. э., стр. 82—84.

⁹⁹ С. А. Есаян, Оружие и военное дело..., стр. 100.

¹⁰⁰ Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, стр. 60.

¹⁰¹ Там же, стр. 148.

большом количестве подобные орудия найдены в Кировакане, Лчашене, Алаверди, Загезуре, Ворнаке и других памятниках¹⁰⁴, а также в Мингечауре, Квишари, Сурмуши и т. д.¹⁰⁵ К числу орудий кожевников относятся недавно случайно обнаруженные в большом количестве на юго-восточной окраине Еревана крупные плоские топоры с расширенным рабочим и округлым верхним концом в сопровождении вислосбушных топоров и клевцов, датируемых второй половиной III тыс. до н. э.¹⁰⁶ Эти плоские топоры, не имеющие плечиков, без сомнения, применялись в кожевном деле.

Т. С. Хачатрян справедливо относит к орудиям кожевников дела набор костяных пластин, обнаруженных в третьем кургане Лчашена и относящихся к XIV—XIII вв. до н. э. Набор этот состоит из гладких пластин длиной в 8—10 см, представляющих собой ножевидные орудия. Имеются пластины с округлыми концами и отверстиями и пластины, снабженные зубьями, канавками и сетчатым орнаментом. Посредством указанных пластин древние кожевники могли устранять шероховатости кожи, придавать ей блеск, проделывать отверстия, теснить разные штампы и т. д.¹⁰⁷

Новостью являются вышеописанные серповидные ножи с наружной заточкой, также применявшиеся для резки кожи, очистки от волос и т. д., происходящие из Шамшадина, Иджевана и Ноемберяна.

Ткачество. Ряд находок на территории Армянского нагорья свидетельствует о появлении ткачества с глубокой древности. Наиболее ранним свидетельством являются отпечатки тканей и циновок на сохранившихся черепках раннеэнеолитической керамики Техутского поселения¹⁰⁸, датируемого V—IV тыс. до н. э. Причем здесь наблюдаются следы грубой и тонкой «паласной» пряжи. Следы ткани наблюдаются также в Килник-даге

и Акстафинском поселении¹⁰⁹. Фрагменты аналогичной керамики со следами тканевой основы известны из Аджакала I, где они датируются IV—III тыс. до н. э.¹¹⁰

Гораздо больше сведений о ткачестве имеется в материалах III тыс. до н. э. В памятниках указанного периода—Шрен-блуре, Шенгавите, Гарни, Джаррате, Коси-Чотере и др., обнаружены в большом количестве костяные и каменные пряслица, свидетельствующие об их применении для пряжи. К сожалению, отсутствие остатков ткани не дает возможности установить, из чего состояла пряжа. Однако резкий рост поголовья мелкого рогатого скота во второй половине III тыс. до н. э. дает основание предполагать, что с указанного времени основным сырьем для ткачества становится шерсть.

В качестве орудий применялись также костяные вязальные спицы¹¹¹. Э. В. Ханзадян полагает, что в качестве катушек для наматывания пряжи, наряду с деревянными, применялись ребра мелкого рогатого скота с отверстием в верхней части, которые обнаружены в Гарни. Того же мнения придерживается Г. С. Исмаилов, исходя из материалов Баба-Дервиша¹¹². Мне кажется, что эти орудия служили для соскабливания волос с пряжи, что производилось как посредством протягивания пряжи через отверстия, так и внешними плоскими концами. На мой взгляд, права Э. В. Ханзадян, полагая, что в III тыс. до н. э. существовал примитивный ткацкий станок, бытовавший в ряде стран, в том числе и в Армении. Сами станки не обнаружены, однако находки многочисленных каменных грузил в виде больших колесиков дают основания предположить, что они служили грузилами в указанных станках¹¹³. По-видимому, наряду с простейшими ткацкими станками, служившими для выделки тонкой и грубой ткани (о чем свидетельствуют отпечатки тканей на техутской керамике), применялась также рама для плетения ковров и паласов (о чем говорят находки следов циновок в том

¹⁰⁴ Т. С. Хачатрян, Орудия труда эпохи поздней бронзы и раннего железа в Армении, стр. 234—242.

¹⁰⁵ Г. М. Асланов, В. М. Ваидов, Г. Н. Нонг, Древний Мингечаур, табл. XXXVIII; Г. К. Ниорадзе, Археологические раскопки в селе Квишаре, СА, вып. XI, стр. 189; О. М. Джанаридзе, Бронзовые топоры западной Грузии, СА, вып. XVIII, стр. 286; Б. А. Куфтин, Урартский колумбарий у подножия Арарата и Куро-Араксинский энеолит, ВГМ, XIII, В.

¹⁰⁶ А. А. Мартirosян, А. О. Минацакян, указ соч., стр. 122.

¹⁰⁷ Т. С. Хачатрян, Орудия труда эпохи поздней бронзы, стр. 240—241.

¹⁰⁸ Р. Торосян, Раскопки Техутского поселения, ИФЖ, № 1, 1968, стр. 298.

¹⁰⁹ П. Г. Нариманов, Г. С. Исмаилов, Акстафацкая селения близ г. Казах, СА, № 4, 1962, стр. 151.

¹¹⁰ Раскопки Р. Торосян, материалы не опубликованы.

¹¹¹ Э. В. Ханзадян, Культура Армянского нагорья в III тыс. до н. э., стр. 81—82.

¹¹² Э. В. Ханзадян, Культура Армянского нагорья в III тыс. до н. э., стр. 81—82; Г. С. Исмаилов, Из истории древнейшей культуры Зап. Азербайджана, Автореф., табл. VI.

¹¹³ Э. В. Ханзадян, Культура Армянского нагорья в III тыс. до н. э., стр. 82; Б. А. Богаевский, История техники, М.—Л., 1936, стр. 286—290.

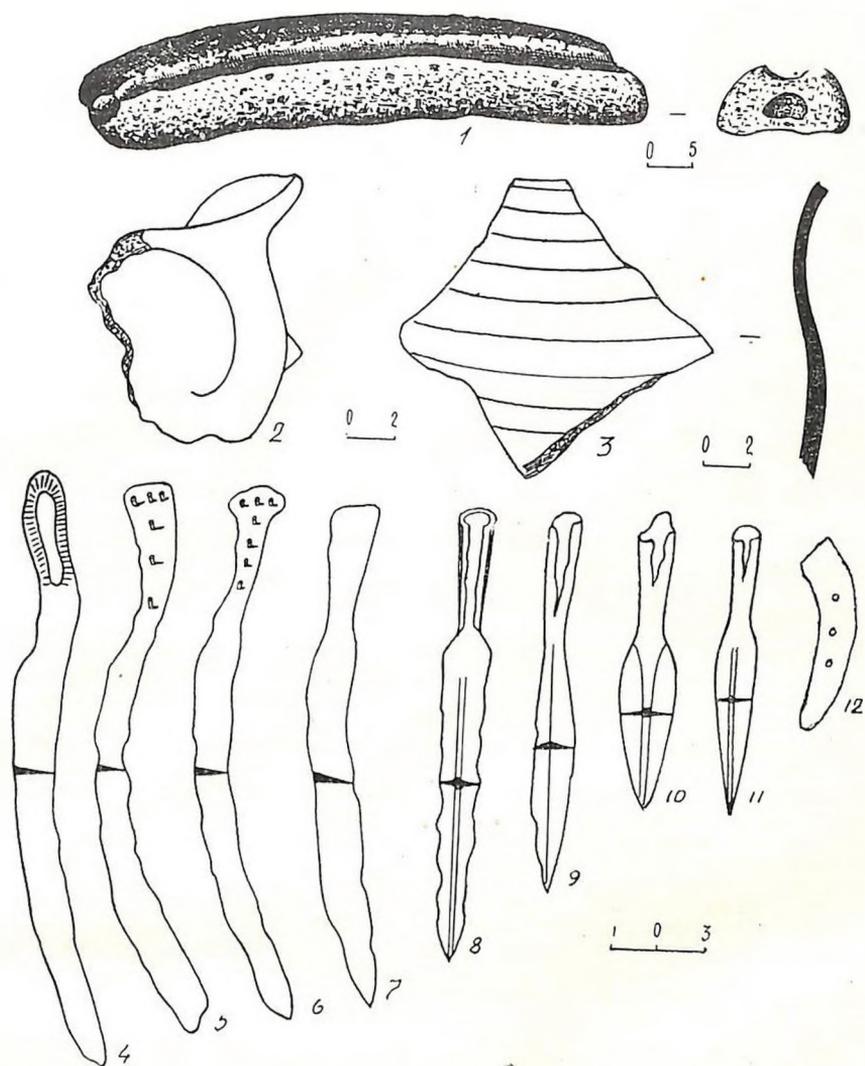

Табл. 138. Предметы из Джагацатеха (рис. 1—3) и Техута (рис. 4—12).

же Техуте); точно на таких рамах, производятся и поныне ковры ручной работы.

Значительно больше сведений о ткачестве и тканях имеется в эпоху поздней бронзы и железа, причем здесь кроме орудий ткачей сохранились и следы станков. Орудиями, свидетельствующими о ткачестве, в основном остаются каменные и костяные пряслица, известные из Лчашена, Артика, Н. Баязета, Редкин-лагеря, Кармир-блуря, Головинно,

Хранцоца, Берда и многих других памятников Армении. К ткачеству, без сомнения, относятся расколотые трубчатые кости с заостренными концами, найденные в Лчашене¹¹⁴. По-видимому, они применялись для выработки грубых тканей на раме. Интересный комплекс аналогичных орудий происходит из села

¹¹⁴ Т. С. Хачатрян, Орудия труда эпохи поздней бронзы, стр. 241.

Кохб Ноемберянского района; они изготовлены из отростков оленьих рогов (табл. 123). Четыре из них сплелы и служили, по-видимому, для набивания ткани, натянутой на раму. Вместе с ними найдены фрагмент отпиленного срединного куска рога, служивший для очистки ниток от ворса.

Предмет, также связанный с ткачеством, обнаружен в селе Техут Дилижанского района, вместе с комплексом железных копий и ножей V—IV вв. до н. э.¹¹⁵. Это полукруглый отросток сплеленного оленьего рога, на котором просверлены три сквозных отверстия диаметром 0,5—0,7 см. Поверхность предмета отполировалась от долгого применения. Отверстия, по-видимому, служили для очистки шерсти от ворса, а также через них проходили нитки при вязании трехлинейных пряж, в то время как сам рог служил для набивки плотной ткани на раме. Интересна найденная на Узерлик-тепе костяная поделка в форме четырехпалой человеческой руки, имеющая большое центральное и маленькое боковое сквозные отверстия. Этот предмет служил гребнем для прибивания утка на примитивном вертикальном ткацком станке¹¹⁶. Очевидно, такое же назначение имел аналогичный предмет из Шейтан-дага¹¹⁷.

Косвенным свидетельством о применении ткани могут служить различные мелкие пуговицы, бляшки, амулеты, кресты и т. д., нашиваемые на одежду и находимые повсеместно в археологических комплексах Армении II—I тыс. до н. э.

Свидетельством портняжного искусства служат многочисленные находки бронзовых иглолок, представляющих собой крупные стержни, один конец которых заострен, а другой снабжен ушком с отверстием. Подобные иглы известны из Головино, Редкин-лагеря, Астхи-блур, Хртаноца, Лусадзора и многих других памятников рассматриваемого времени.

Сама ткань известна из ряда памятников Армении. Фрагмент тонкотканной материи

обнаружен в погребении 89 Артинского могильника. На ткани красными нитками нашиты вертикальные зигзаги и композиции из свастик¹¹⁸. Остатки ткани обнаружены в Ворнаке, где вместе с панцирем найдены остатки шерсти¹¹⁹. Остатки тканей известны также в Редкин-лагере. Судя по описи Ф. Байерна, грубые и тонкие шерстяные ткани известны из погребений 55 и 70, а в погребении 65 обнаружена льняная ткань¹²⁰. Особенно много тканей и нитей сохранилось в Кармир-блуре, где обнаружены различные плотные ткани, вытканые из толстых нитей и лишенные узора, средней толщины (одна с узором) и тонкие прозрачные. В числе указанных изделий имеются ткань с ворсовым узором, тонкая сеть, тесьма, вшитые шнуры и т. д.¹²¹. Интересно отметить, что на Топрах-кале обнаружены обрывки шелковой ткани¹²².

Кроме тканей на Армянском нагорье, по-видимому, широко применялся войлок. Сильный рост поголовья стада мелкого рогатого скота и в связи с этим наличие большого количества шерсти не могло не способствовать появлению и применению войлока для постройки шатров на кочевках, шитья бурок, шапочек и т. д. По-видимому, войлоком перекрывались также лачиенские повозки, так как в противном случае остается неясным назначение арочного ажурного кузова. Кроме всего прочего, войлочные шапочки зафиксированы на ряде изображений. Так, урартские посылы, изображенные на рельефах Ашур-банипала, имеют мягкие шапочки, которые обнаруживают большое сходство с теми, в каких изображены армяне на ахеменидских рельефах¹²³.

¹¹⁸ Т. С. Хачатрян, Материальная культура древнего Артика, стр. 134.

¹¹⁹ Е. С. Такайшвили, Раскопки в Ворнаке, Архив ЛОИА, дело 17г.

¹²⁰ Ф. Байерн, указ. соч., опись предметов № 47, 90, 162, 163.

¹²¹ А. С. Верховская, Текстильные изделия из раскопок Кармирблур; Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, вып. III, стр. 67—71.

¹²² Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 195.

¹²³ Там же, стр. 130.

¹¹⁵ Хранится в Дилижанском музее.

¹¹⁶ К. Х. Кушарева, Поселение эпохи бронзы на хрме Узерлик-тепе около Агдама, стр. 410.

¹¹⁷ Ж. де Морган, указ. соч., стр. 129, рис. 114.

ГЛАВА VI

ФОРТИФИКАЦИЯ И ВОЕННОЕ ДЕЛО

В связи с ростом скотоводства в Армении со второй половины III тыс. до н. э. начинается интенсивное освоение гор, вызванное необходимостью обеспечить сильно возросшее количество скота кормовой базой. В зонах предгорий, а затем и высокогорных альпийских лугах появляется новая форма укреплений, известная в специальной литературе под названием циклопических крепостей. Так как при отгонном скотоводстве неизбежно возникали стычки, эти крепости служили защитой от пришельцев.

Строительство подобных крепостей достигает большого развития во второй половине II тыс. до н. э., а в некоторых районах даже в середине I тыс. до н. э., что, конечно, связано уже не с ростом скотоводства, а с общим развитием военного дела в Армении. Основная часть этих крепостей имела чисто функциональное значение, часть же служила загонами для скота в случае нападения. Уже само появление крепостей указывает на увеличение стычек между племенами Армянского нагорья, захват стад и горных пастбищ. Появление крепостей указывает также на зарождение фортификационной мысли и возросшее мастерство специалистов камнедобычи, так как без определенных знаний и навыков невозможно получение такого огромного количества камней, необходимого для их сооружения.

Выше, во II гл., уже говорилось, что в основном крепости Северо-Восточной Армении сооружены на рубеже II и I тыс. до н. э. и в раннеармянское время. Без сомнения, резкий количественный рост крепостей в эту эпоху был характерен не только для рассматриваемых районов, но и для всего Армянского нагорья. В связи с этим интересно вспомнить, что, по сообщению Ксенофонта, персидский владыка Кир после победы над армянским царем напоминает ему обещание, данное им еще его деду Астиагу: не иметь кре-

постей¹. Как справедливо замечает Е. А. Разин, особенностью обороны Урарту в отличие от египетских военных поселений были крепости². Так, если египтяне создали пехоту высокой боеспособности, персы — иррегулярную конницу, то урарты создали систему обороны с помощью сооружения труднодоступных укреплений³.

Процесс формирования племенных союзов и развития военного дела на Армянском нагорье шел неравномерно, особенно со второй половины II тыс. до н. э. Это четко видно на примере племен западных и южных областей Армянского нагорья. Так, западные области Армянского нагорья, населенные племенами хаясов, под влиянием угрозы Хеттского государства образовали крупный племенной союз, очень многими чертами напоминающий государственное объединение. Этот союз, способный держать крупные военные силы, не только защищал свои границы, но и часто вторгался на территорию своего могущественного западного соседа. В этих сражениях хаясы имели возможность выставлять огромное, по понятиям того времени, войско. Так, например, в 1338 г. до н. э. они вторглись в страну Имтитина и подступили к городу Ганшуваре, имея 10 000 пехотинцев и 700 всадников⁴. Интересно отметить, что хаясы в мирное время поставляли хеттам всадников и колесницы для их походов⁵.

В это же время южные области страны под влиянием ассирийской экспансии образуют племенной союз Наири. Союз наирских племен, состоявший из нескольких десятков

¹ Ксенофонт, Киропедия, Киев, 1878, кн. 3, гл. I (8).

² Е. А. Разин, История военного искусства, М., 1955, стр. 74.

³ Там же, стр. 127.

⁴ Г. Капанцян, Хаяса — колыбель армян, Ереван, 1947, стр. 21.

⁵ Там же, стр. 33.

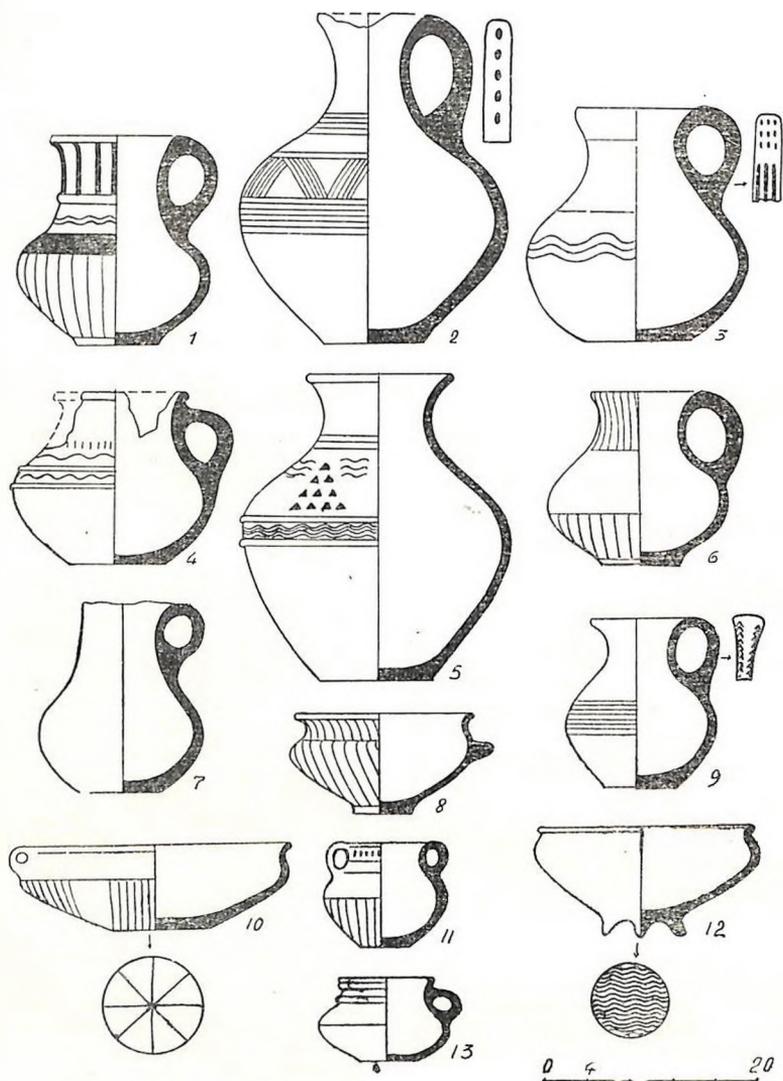

Табл. 139. Предметы из могильника Астеги-блур: рис. 1—погребение 11; рис. 2, 13—погребение 22; рис. 3, 5, 7—погребение 20; рис. 4, 6, 9, 12—погребение 23; рис. 8—погребение 25; рис. 10, 11—погребение 16.

племенных объединений, также мог выставить значительные силы против могущественного южного соседа.

Вследствие трехвековой борьбы, приведшей указанные племена к значительной консолидации в районе озера Вап, в IX в. до н. э. образуется могущественное государство Урарту.

Племена, заселявшие северные области Армянского нагорья, жили в сравнительно спокойной обстановке, не имея непосредственной угрозы захвата со стороны крупных древневосточных царств.

Изучение военного дела указанных племен затрудняется отсутствием письменных источников и малочисленностью материалов

раннего периода. Найденные предметы раннебронзового периода в виде айрумского вислобоушного топора, листовидного книжала среднебронзовой поры из Кирги, секир того же времени из Навура и Иджевана явно недостаточны для определения уровня военного дела этих племен. Однако общность культуры с другими племенами дает основание предположить, что методы ведения боя должны были быть одинаковыми у всех племен Армянского нагорья.

Племена Северной Армении, жившие родовым строем в эпоху ранней и средней бронзы, имели характерные для своего времени формы ведения боя. Бой, где принимало участие все боеспособное население, велся группами или парными схватками. С развитием племенных союзов и появлением дружин возникают новые формы ведения боя, когда войны выстраивались в тесно сомкнутые, глубокие ряды, в одну или несколько колонн. Подобное построение целиком вытекающее из общественного уклада, четко видно на Степанаванском поясе, на котором изображены войны, построившиеся в одну колонну и под предводительством вождя наступающие на врага.

По-видимому, уже с этого времени часть тяжело вооруженных воинов, а также колесничих и конников составляла постоянную дружину племенных вождей. В военное время эти дружины пополнялись боеспособным населением определенного возраста, выступавшим со своим оружием. Войны в основном делились на лучников (вооружение которых состояло из лука, колчана, панциря, широкого защитного пояса и книжала) и конейщиков, вооруженных копьем, книжалом, мечом и щитом.

Определенные сведения о военном деле дают циклопические сооружения, которые распределены не равномерно, а группами, и быть может, являлись центром отдельных племен. Такие группы известны близ сел Айгедзор—Чинари, Кирги—Норашен, Навур, Цахкаван Шамшадинского района, Ачаджур, Енокаван Иджеванского района, Ноемберян—Кохб, Айрум—Ариис Ноемберянского района. Одновременно они закрывали соседним племенам доступ в глубь страны. Это четко прослеживается даже при беглом взгляде на карту расположения указанных крепостей.

Так, крепости района сел Айгедзор—Чинари, образуя небольшую группу, прикрывают доступ в глубь Шамшадина племенами Прикурийской низменности; видимо, эти племена не представляли серьезной угрозы для воинственных горцев, так как здесь имеется наименьшее число циклопических крепостей.

Крепости Кирги—Норашенской группы,

являвшиеся центром крупного объединения, одновременно прикрывали от набегов племен, населявших современный Красносельский район, так как они сооружены на дорогах и тропах, ведущих к естественным перевалам Мургузского хребта. Крепости района сел Навур, находящиеся в зрительной связи с частью крепостей Кирги—Норашенской группы и являвшиеся защитными сооружениями того же или родственного племени, служили защитой от племен того же Красносельска. Цахкаванская же группа крепостей должна была защищать горные проходы как со стороны Красносельска, следовательно и Севана, так и от племен Иджеванского района, населявших ущелье реки Агстев.

Как защитные крепости интересны Поплоз-гаш и Арами блури амроц, выстроенные по обе стороны дороги Иджеван—Ноемберян и прикрывавшие в древности доступ в Ноемберянский ущелье со стороны Иджевана.

Наряду с крепостями, имеющими охранное значение, имелись крепости, сооруженные для защиты пастбищ. Интересна с этой точки зрения крепость Хортабц Красносельского района, сооруженная на отметке более 2000 м над уровнем моря на перевале между Красносельским и Кедабекским районами. Она функционировала лишь в летний период, когда стада животных подымались на кочевку, и одновременно прикрывала доступ в ущелье реки Гетик со стороны Кедабека и Карабаха, до границ которого по горным тропам всего один день пути.

Такое же значение имели крепости Барцраберд, Сангар и Окон, которые находятся в зоне высокогорных лугов, где и сейчас расположены летние кочевки сел Севкар, Ачаджур, Енокаван, Тала, Саригюл, Лали-гюх и других Иджеванского района. Крепости защищали эти пастбища со стороны Ноемберянского и Туманяновского районов. Находясь на расстоянии 15—20 км друг от друга, они имеют прекрасную зрительную связь, а через Окон—и с Астхилурской крепостью, и в моменты опасностей пастухи могли укрыться в любой из них и посредством сигнализации огнем или дымом вызвать помощь из Астхилурской или Бердатехской крепостей.

Кроме охраняемых крепостей, возведенных на кочевках, перевалах и т. д., крепости сооружались и внутри определенных районов для защиты населения. Из них можно отметить на крепостях Енокаванской и Ноемберянской групп.

Так, Астхилурская крепость, являвшаяся культовым и административным центром Енокаванской группы, защищена с запада Котакаркской, с востока—Тхкутдзорской, с севера—Армунгахлурской (см. Приложение,

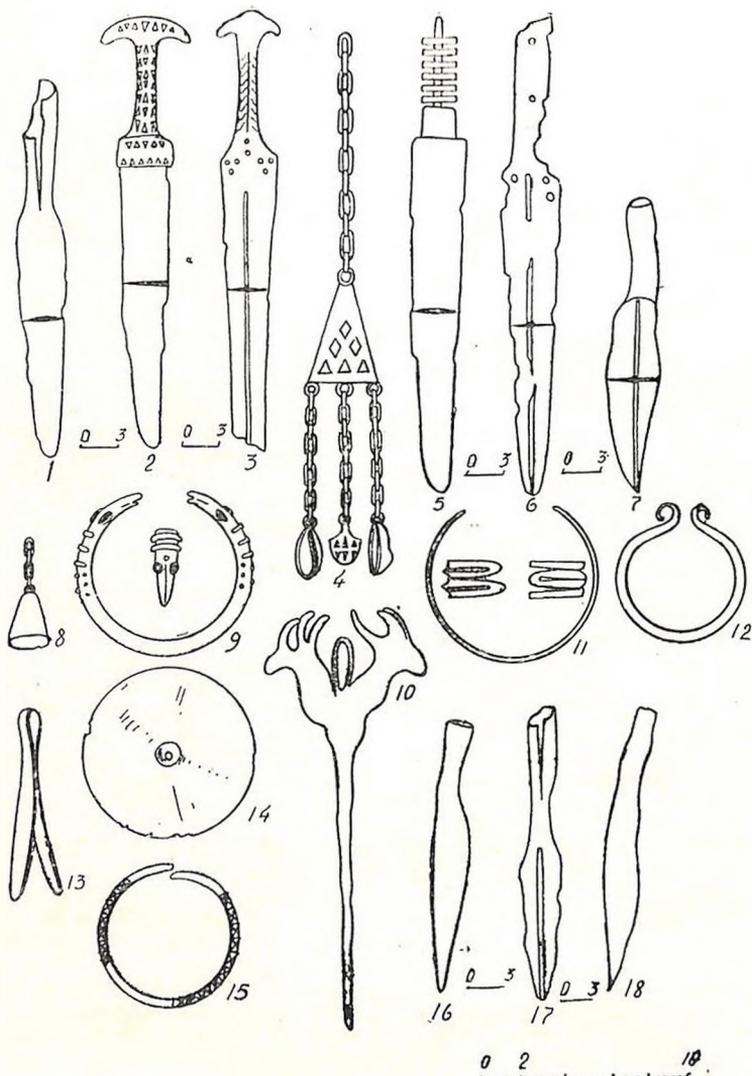

Табл. 140. Предметы из могильника Астхи-блур: рис. 1, 8, 12, 16—погребение 20; рис. 2, 7, 14, 18—погребение 23; рис. 3, 9, 13, 15—погребение 16; рис. 4—погребение 21; рис. 11—погребение 22; рис. 5, 10—погребение 24; рис. 6, 17—погребение 25.

№ 17—19), а с северо-запада—Бердатежской крепостями, расположенными в 2—8 км от Астхи-блур. Все они, кроме Бердатежа, не имеют следов каких-либо помещений и в мирное время служили загонами для скота. При неожиданных набегах с целью захвата скота пастухи могли скрыть там отары и небольшими силами обороняться до прихода помо-

щи из Астхи-блур или Бердатежа.

Такую же картину образуют крепости Ноемберян-Кохбской группы, центром которой, по-видимому, являлась крепость Бердатеж близ Ноемберяна (см. Приложение, № 3, 7, 8, 9, 10).

Однако племена, владевшие этими крепостями, не были глубоко враждебными и,

по-видимому, даже помогали друг другу при внешней опасности. Сделать это предположение дает основание цовинарская надпись урартского царя Русы I, который разгромил коалицию четырех крупных могущественных племен—адахуни, уеликухи, дуерухи и аркукини и пришедших им на помощь с той стороны, с высоких гор, девятнадцати царей стран: Гуркумели, Манатуа, Терлуниша, Ришуа, Зуа, Ариа, Зама, Иркима, Эла, Эрнелтуа, Андамашав, Гурна, Алзира, Пируа, Шила, Хидуи, Атеза, Эриа, Азамерун⁶.

Как справедливо полагает И. И. Мещанинов, эти племена жили восточнее озера Севан в горах Малого Кавказа и отчасти на территории Советского Азербайджана⁷. Этого же мнения придерживаются Б. Б. Пиотровский, Г. А. Меликишвили и Н. В. Арутюнян⁸. Б. Б. Пиотровский считает, что после этого сражения урартские войска свободно продвигались в эти незащищенные естественными препятствиями страны, вплоть до Карабаха. Указанные страны могут быть локализованы современными Красносельским, Иджеванским, Шамшадинским районами Армянской ССР, так же как Дашкесанским, Кедабекским и соседними районами Азербайджанской ССР.

Косвенным доказательством этому служит сообщение С. В. Тер-Аветисяна, который по поручению Кавказского музея в 1913 г. проверил найденную Шульцем клинообразную надпись в деревне Хачака (Кушчи) и описал его. С. В. Тер-Аветисян отмечает, что, по сообщению С. Лазаряна, аналогичная надпись имеется рядом с родником Цорт-ахпюр близ села Кчохут современного Мартакертского района Нагорно-Карабахской области⁹.

Для проверки этих сведений Г. Тирацян, Ф. Тер-Мартirosов и автор настоящей работы побывали в Кушчи и Кчохуте. В Кушчи удалось установить, по словам местного жителя С. Н. Далакяна, что в 1934 г., видимо, в связи со статьей С. В. Тер-Аветисяна, приехал какой-то профессор из Ленинграда и вместе с учителем А. А. Есаяном искал указанный камень. Сам Далакян этот камень отлично помнит, так как он находился неподалеку от их дома. Надписи, однако, уже не было на

месте; она, по-видимому, затерялась при расчистке этого участка под огород. Как любезно сообщил мне Б. Б. Пиотровский, приезжим ученым был И. И. Мещанинов. Вдова учителя А. А. Есаяна и его дочь вспоминали про приезд Я. И. Гуммеля, который искал надпись и производил раскопки. Другой житель этого села, А. С. Празян (1891 г. рождения), отлично помнит, что перед первой мировой войной в их село приезжал какой-то ученый и искал какие-то надписи. Сам Я. И. Гуммель также вспоминает, что в ноябре 1936 г. побывал в Кушчи и искал надпись совместно с учителем А. А. Есаяном, лично видевшим ее вместе с С. Тер-Аветисяном, но никаких знаков не удалось обнаружить¹⁰. В настоящее время трудно сказать, действительно ли был камень с клинописью, но трудно поверить, что С. В. Тер-Аветисян мог спутать надпись с естественными выемками камня. Можно лишь сожалеть, что ни Я. И. Гуммель, ни И. И. Мещанинов не запросили С. В. Тер-Аветисяна, у которого могли в то время сохраниваться фото или зарисовки. Что же касается цортахпюрской надписи, то на камне рядом с родником были лишь естественные выемки, принятые С. Лазаревым за надпись.

Возвращаясь к цовинарской надписи, можно предположить, что племена, населявшие вышеуказанные районы, под угрозой урартского нашествия приняли на помощь присеванским племенам, но были разгромлены, а их страны подверглись опустошительному набегу.

Урарты, возможно, побывали и в других областях Северо-Восточной Армении, в частности, в долине реки Агстев и в районе Дилижана. Это предположение сделал Н. В. Арутюняном на основе интерпретации первого похода III г. Хорхорской летописи, согласно которой войска Аргишти I, двигаясь на север по линии Карс—Ленинакан—Кировакан—Дилижан, выходят к Севану. Это предположение становится более вероятным, если учесть сопоставление С. Т. Еремянном названия города Алинту, расположенного поблизости Севана, с современным названием реки Агстев¹¹. Если эти выводы верны, то можно предположить, что урарты не ограничивались выходом в район верхнего течения реки Агстев, но и проникли, по крайней мере, с целью захвата добычи и рабов, и в районы среднего и нижнего течения Агстева.

¹⁰ Я. И. Гуммель, Археологические очерки, Баку, 1940, стр. 121.

¹¹ С. Т. Еремян, Атлас Арм. ССР, 1961, Карта гос-ва Урарту, стр. 102; его же, Эребуни—Ереван на путях международной торговли, ВОИ, № 12, 1969, стр. 19, сноска 7.

⁶ Г. А. Меликишвили, УКН, 266.

⁷ И. И. Мещанинов, Восточное Закавказье времен халдских завоеваний, ВДИ, 1937, I, стр. 66—67.

⁸ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 10; Г. А. Меликишвили, Наирн—Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 68; Н. В. Арутюнян, Бнайинли, Ереван, 1970, стр. 282.

⁹ С. В. Тер-Аветисян, Памятники древности Карабаха и Скифская проблема, Изв. Науч.-исслед. ин-та Закавказоведения. ЗАК ФАН СССР, № 1, Тбилиси, 1934, стр. 5, 11.

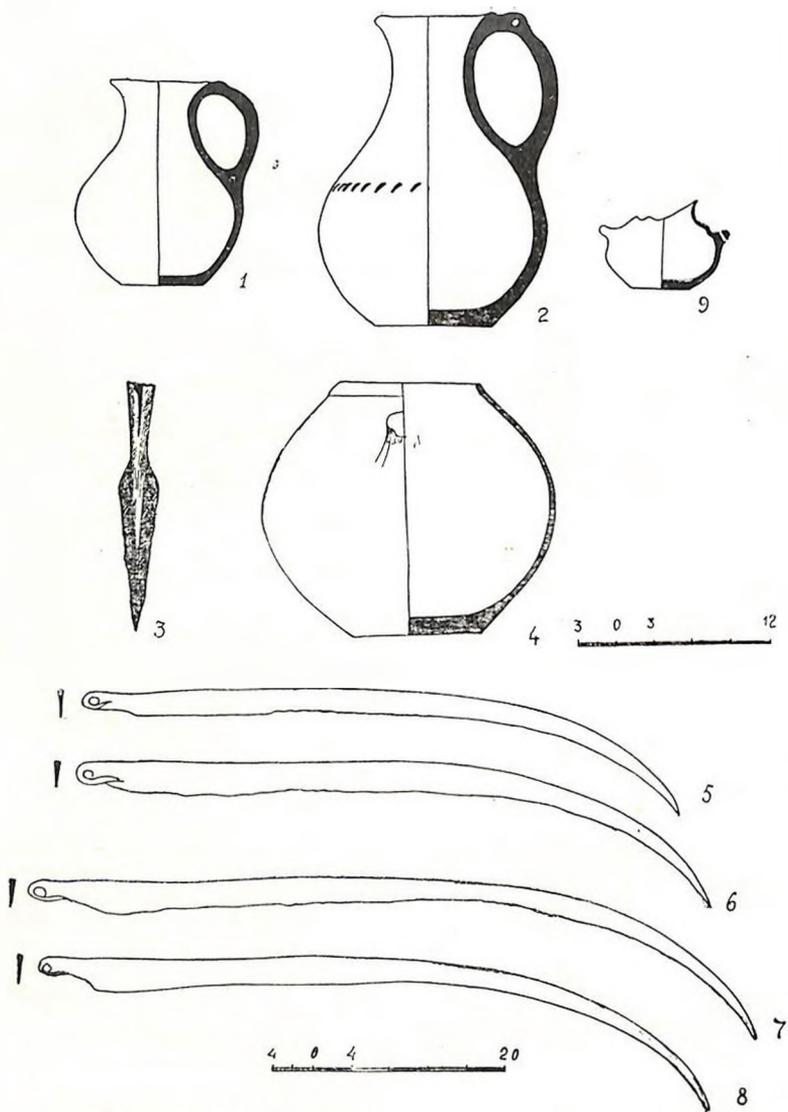

Табл. 141. Предметы из разрушенных погребений близ сел Епокаван (рис. 4—8) и Норашен (рис. 1—3, 9).

Интересно отметить, что С. Т. Еремян считает, что через Севан и долину реки Агстев издревле проходили транзитные пути, которые близ современного города Казаха разветвлялись в направлении Грузии и Албании. По его мнению, здесь же, в районе Казаха, необходимо искать древний город Халхал, близ которого были расположены зимовники

армянской конницы арташесидской и аршакидской династий, по всей вероятности, применявшиеся и при урартах и ахеменидах¹². Говоря о военной истории племен Северо-Восточной Армении, необходимо указать, что

¹² С. Т. Еремян, Эрбуни-Ереван на путях международной торговли, стр. 21.

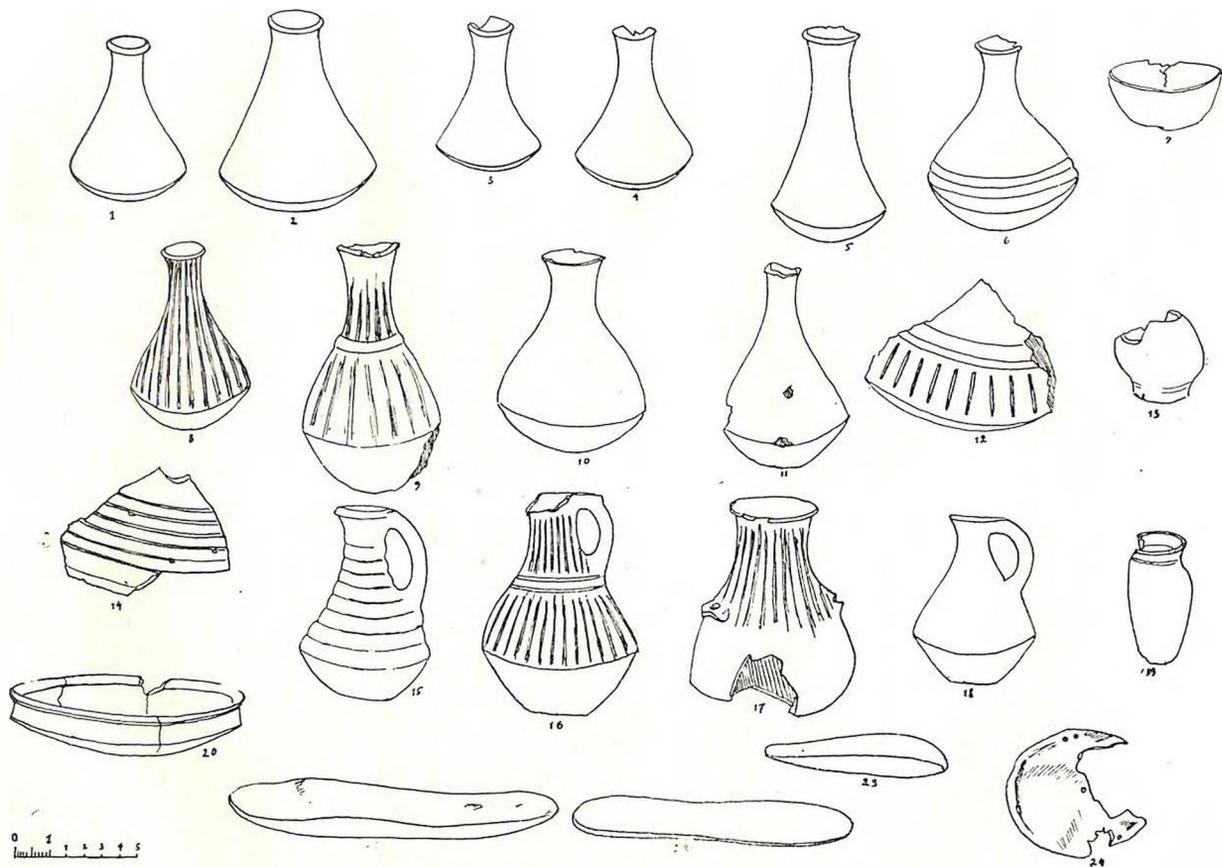

Табл. 142. Предметы из Азатаванского кургана.

они находились под политическим и экономическим влиянием Урарту, хотя, по видимому, так и не были включены в ее состав. Тот факт, что все крепости Северо-Восточной Армении раннеармянского времени функционировали ко времени гибели Урарту (начало VI в. до н. э.) и не были уничтожены противниками Ванского царства, дает возможность предположить, что их владельцы принимали участие в походах против Урарту. После образования Ервандидского царства (середина VI в. до н. э.) эти области не принимали участия в восстаниях 522—521 гг. до н. э. против Ахеменидов, так как ни одна из указанных крепостей также не была разгромлена. После реформы Дария I эти районы вошли в состав 18-ой сатрапии, центром которой становится Эрбунни-Ереван. Хотя в нашей истории нет каких-либо сведений о восстаниях или военных действиях этого времени, тот факт, что ряд крепостей погиб в первой половине V в. до н. э., а другие—в конце V в. до н. э. говорит, что они имели место. Так, при раскопках крепости Тмбадир в коридоре между крепостной стеной и помещением, как и в самих помещениях, было обнаружено много золы, угля и обгорелой земли, свидетельствующих о пожаре. В зерновой яме из первого помещения этой же крепости в обломке рухнувшей стены обнаружена скифская стрела, искривленная от попадания в камин стены. Заметные следы пожаров обнаружены также в крепостях Астхи-блур и Бердатеж, разгромленных, как и Тмбадир, в первой половине V в. до н. э. К концу V в. до н. э. относится уничтожение крепостей Пилор-пат, Норашен и ряда других крепостей Чинчхи-Цахкаванской группы, в материалах которых обнаружены, как уже указывалось выше, браслеты с прогибом, фиалы и т. д., позволяющие отнести их функционирование до конца V в. Все эти факты дают основание предполагать, что в отдельных районах были локальные восстания или межплеменные стычки, не заведомо существовавшие в известные в настоящее время письменных источниках.

Дружины племенных вождей и их объединенные силы в эпоху поздней бронзы и раннего железа, по-видимому, состояли из легкой и тяжелой пехоты, колесничих и конницы. Это предположение делается на основании не только наличия аналогичного войска у других племен Армянского нагорья¹³, но и анализа материальной культуры указанных племен.

Естественно, самой большой составной

¹³ С. А. Есаян, К вопросу о вооружении и военной организации племен древней Армении, ИФЖ, № 1, 1965, стр. 277.

частью дружин вождей было пехотное войско, делящееся на легкое и тяжелое. Несомненно, племенная знать и часть отличившихся в боях воинов была вооружена защитным снаряжением и, выступая в первых рядах, создавала массивный кулак для прорыва фронта (центра) войск противника. Подобные доспехи хорошо знакомы по находкам из уже описанных памятников и позволяют приблизительно восстановить снаряжение и облик воина.

Тяжеловооруженные воины носили доспехи двух типов. К первому относятся панцири в виде нагрудника из витой или кожаной основы с пришитыми бронзовыми дисками, бляхами и пуговицами. В части живота на подобных панцирях помещался деревянный диск, забитый гвоздями. Остатки таких панцирей, как указывалось при обзоре памятников, известны из Головинно, Хурджин-хогера, Айгедзора и Лусадзора, причем все они, кроме лусадзорского, сопровождаемого кинжалами и секирой, сопровождалась мечами закавказского типа. Второй тип панцирей имел более простую форму и состоял из кожаной или плотной матерчатой рубахи, к которой пришивались различной величины пуговицы и бляхи. Подобные панцирные рубахи известны из Дилижана, Хурджин-хогера, Азатавана, Норашена, Берда и других мест.

В основу защитного снаряжения воинов входили также широкие пояса. По-видимому, замечательно орнаментированные пояса из Лчашена, Степанавана, Ахталы, Сапаниа, Кармир-берда, Астхи-блур и других мест имели не столько защитное, сколько ритуальное значение, и ими пользовались знать. Воины же носили гладкие бронзовые или кожаные пояса. Интересно отметить, что на замечательных бронзовых фаллических статуэтках из Паравакара часть воинов имеет широкие пояса, к которым привязаны кинжалы¹⁴.

Тяжеловооруженные воины применяли также шлемы и щиты, хорошо известные в Армении по материалам из памятников эпохи поздней бронзы и железа¹⁵. В материалах рассматриваемых памятников сами щиты и шлемы не сохранились, но они имеются на изображенных бронзовых поясах и статуэтках, обнаруженных в сравнительно большом количестве за последние годы. Судя по этим изображениям, щиты, применявшиеся племенами Северной Армении, делятся на два типа. Первый—это щиты ассирийского типа, известные еще по изображениям на степана-

¹⁴ С. А. Есаян, А. О. Мнацаканян, Находки новых бронзовых статуэток в Армении, СА, № 2, 1970, рис. 1, 2.

¹⁵ С. А. Есаян, Оружие и военное дело..., стр. 91.

ванском поясе, на котором показано движение пешей колонны. Впереди строя изображена крупная фигура вождя, держащего в руке крупный щит полуцилиндрической формы с расширенной нижней частью и узким верхним краем, напоминающий по своей форме широко распространённые ассирийские щиты. Такие же щиты держат в руках и остальные воины¹⁶.

Близкий по форме щит изображен также на замечательном поясе из Ноемберяна¹⁷, сохранившемся во фрагментарном виде. Он украшен по краям бордюром из пяти рядов спиралевидных линий; такой же бордюр в виде пояса проходит по центру пояса и делит изображение на два ряда. В верхнем ряду на переднем плане стоит водоплавающая птица, за ней изображена лошадь, от которой сохранились голова и части ног. За лошадью спиной к ней стоит мужская фигура, от которой сохранились ноги в чувыках с изогнутыми носками и рука с полуцилиндрическим щитом с выемкой в верхней части. В щит вонзились пять стрел с треугольными наконечниками, снабженными усиками, древка которых в задней части имеют оперение. Лицом к указанной фигуре стоит лучник, от которого сохранились ноги в таких же чувыках и часть руки, в которой он держит крупный лук с вдетой стрелой. За лучником стоит конь, от которого сохранились грудь, передние и часть задних ног. В нижнем ряду сохранились изображения трех коней, в шю каждого из которых вонзились по две стрелы. Перед ними изображена хищная птица с крупным клювом, машущая распростертыми крыльями, а под ней — рыба. На другом фрагменте нижнего ряда изображены три оленя с подогнутыми ногами, высоко поднятой головой и крупными ветвистыми рогами. Как видим, щит воина, изображенного на поясе из Ноемберяна, аналогичен вышеуказанным образцам и, по-видимому, сделан из кожи, а не из металла, в противном случае стрелы отскакивали бы от него, а не вонзались в щит.

Прекрасным доказательством бытования подобных щитов является находка наравакарских статуэток, в руке одной из которых имеется аналогичный щит. Такой же щит имеется в руке недавно найденной айрумской статуэтки.

Кроме щитов полуцилиндрической формы, судя по изображениям на поясах и на статуэтках, племена Северной Армении употребляли также щиты круглой формы. Такие щиты держат в левой руке фаллические статуэтки из Паравакара, Айрума и Норашена,

¹⁶ Там же.

¹⁷ Раскопки Л. Барсегяна. материалы не опубликованы.

причем последняя вооружена булавой и выступает в маске медведя.

В снаряжении тяжеловооруженных воинов входили также шлемы. Хотя сами шлемы из памятников Северо-Восточной Армении

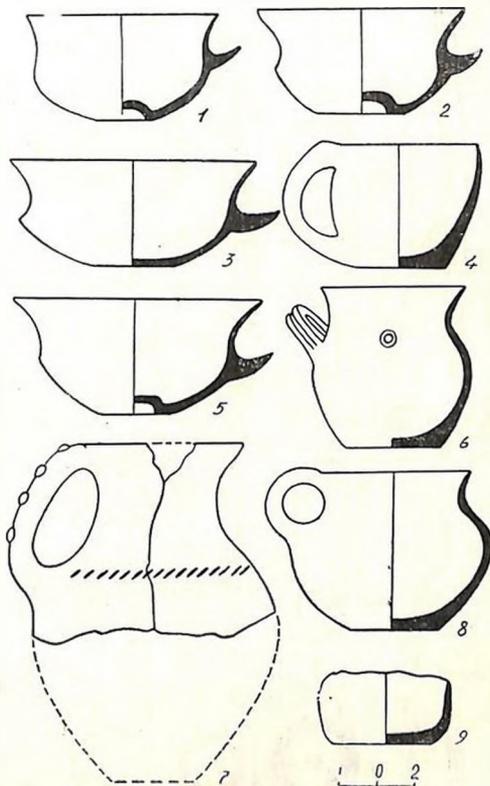

Табл. 143. Предметы из Бердекого могильника.

до сих пор не обнаружены, их форма хорошо известна по шлемам, венчающим головы воинов в статуэтках из Паравакара и Айрума, причем воины носят небольшие полукруглые шлемы, увенчанные крупными роговыми выступами, сближающиеся с хеттскими гребенчатыми шлемами, применявшимися в Армении в эпоху поздней бронзы и раннего железа, что зафиксировано по материалам Лчашенца и изображениям воинов царя Арама на Балаватских воротах. Позже эти шлемы заменяются коническими шлемами ассирийского типа¹⁸.

¹⁸ Интересно отметить, что, по рассказам многих очевидцев, в одном из разрушенных погребений Хурджинхогерского могильника близ села Кирги был обнаружен бронзовый конический шлем, разбитый щитом бульдозера и оставленный в земле.

Кроме гребенчатых шлемов с роговидными выступами имеется также другая их форма. Так, шлемы лучников на изображениях астхилбурского пояса резко отличаются от всех известных. Они, как лчашенские и па-

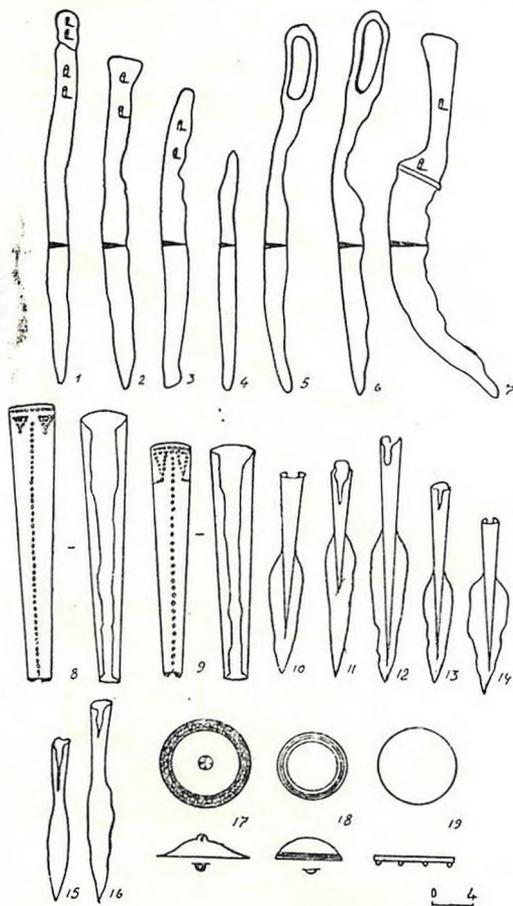

Табл. 144. Предметы из Бердского могильника.

равакарские шлемы, имеют форму полукруглой шапки, но взамен гребенчатого выступа их венчают 6—8 зубчатых выступов. Можно предположить, что это локальные варианты шлемов, до сих пор не зафиксированные из памятников материальной культуры Армении¹⁹.

Анализ защитного вооружения, а также наличие объемных бронзовых статуэток и графических изображений на поясах позволя-

ет восстановить облик дружин племен Северо-Восточной Армении.

Воины выступали в подпоясанных кожаными или матерчатыми ремнями рубахах. Племенная знать носила бронзовые пояса и обшитые бляхами и дисками панцирные рубахи, а на головах—бронзовые, гребенчатые или зубчатые шлемы. Простые воины, по-видимому, выступали в войлочных или обитых кожей деревянных шлемах. Они были вооружены круглыми или полуцилиндрическими щитами, топорами и секирами, копьями, княжалами или булавами. Вооруженные тяжелыми секирами и копьями воины должны были занимать одно из ведущих мест и представляли грозную силу при ближнем бое, в котором основную роль играли копья и мечи и особенно при рукопашной схватке, когда, сменявшись, они пускали в ход секиры, княжалы и булавы, а громоздкие копья фактически становились бесполезными.

Это снаряжение, характерное для тяжелой пехоты, по-видимому, без изменения применялось также всадниками, составлявшими отряды конницы, вооруженные также мечами, и колесничих, о которых будет сказано ниже.

Что касается легкой пехоты, то она в основном состояла из лучников и пращников. Лук, конечно, применяли и тяжеловооруженные воины, но редко, и то, судя по древневосточным изображениям, при штурмах крепостей, прикрывая стрелами легкую пехоту. В основном, на пехоту возлагалась не только задача разгрома противника в открытом бою, но и задача захвата чужих и защиты собственных крепостей, причем в последнем случае ей помогало все боеспособное население. Анализ крепостей и их фортификационных особенностей показывает, что подавляющее большинство крепостей Северо-Восточной Армении не имело сложных оборонительных сооружений. Лишь в редких случаях неподалеку от входа или в наиболее опасных местах воздвигались контрфорсы или еще реже башни. Основной фортификационный замысел состоял в обнесении труднодоступной местности одной или несколькими стенами, причем последние воздвигались в наиболее опасных местах. Во избежание мертвых пространств стены имеют, как правило, резкие изломы и углы, стоя на которых стрелки могли прикрывать друг друга с разных точек, уничтожая попавшего в мертвое пространство противника.

Предметом особой заботы строителей являлось сооружение входов в крепость. Эти входы не могли, естественно, сооружаться на крутых склонах (кроме каанток, имеющих в ряде крепостей совместно с основными вхо-

¹⁹ С. А. Есаян, Погребение № 14 Астхилбурского могильника, ИФЖ, № 1, 1967, стр. 224.

дам), так как в мирное время сюда должны были въезжать повозки и другой тягловый транспорт и боевые колесницы. Поэтому непосредственно рядом с входом иногда сооружались башни или вход сооружался на стыке двух стен, углы которых также образовали подобие башни. Наряду с этим простейшим приемом были и другие—возведение перед входом двух, иногда трех полукруглых стен, нечто вроде спиралевидного входа, проходи

Северо-Восточной Армении, но и крепостей Севанского бассейна—Лчашена, Карцахюра, Фонтана, а также урартских крепостей Тейшебашни, Аргинтихиняли и т. д.

Стены крепостей, имеющие высоту в 4—5 м и больше, выложенные из крупных глыб, естественно, не поддавались уничтожению тараном и другой осадной техникой, которая, видимо, и не применялась местными племенами. Не могли применяться и подкопы, так как ос-

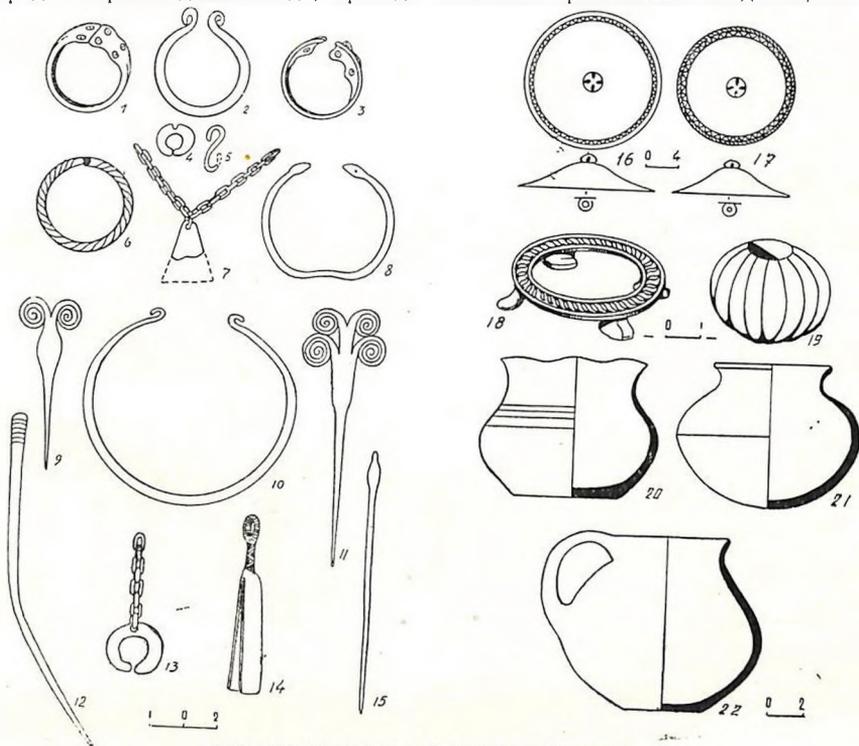

Табл. 145. Предметы из Бердского могильника.

между которыми противник попадал в каменный коридор и обстреливался с двух, даже трех сторон, не имея возможности защищаться.

Изучение крепостей показывает, что применялись другие способы защиты входа. Внутри крепости за воротами сооружались прямые или полукруглые стены, образующие ловушку—«каменный мешок», чтобы ворвавшийся в крепость противник напоролся на преграду и очутился под перекрестным ударом воинов, защищающих стены и внутренние укрепления. Во многих крепостях перед воротами сооружались узкие коридоры длиной в несколько десятков метров, в которых противнику негде развернуться. «Каменные мешки» были характерны не только для крепостей

нования стен почти всех крепостей гораздо ниже их внутреннего уровня, и противник, разрушив основание стен, должен был вгрызаться в материковый грунт. Следовательно, оставалось одно—штурмовать стены или врываться в тщательно укрепленные ворота, которые в момент опасности плотно закрывались и за которыми устраивались завалы. В этих условиях тяжеловооруженные лучники обстреливали защитников, прикрывая легкую пехоту, которая штурмовала ворота и стены, причем в случае недостатка сил один из участков, конечно, носил отвлекающий характер. По-видимому, редко применялась долговременная осада крепостей, рассчитанная на измор осажденных. Дело в том, что в этом случае осажденные, несмотря на небольшие размеры крепос-

тей, средняя величина которых, как указывалось выше, редко превышала 1—2 га, были в лучшем положении. В момент опасности часть скота, как правило, угонялась в горы, а часть, без сомнения, оставалась в крепости и служила пищей для осажденных. К тому же, как показали данные, крепости Астхи-блур, Берди-глух (в Камо), Шенгавит и т. д. имели потайные ходы, позволяющие восполнить недостатки воды. Следовательно, стычки организовывались вне-

замечательном поясе раннежелезной поры из Астхи-блур показано движение и порядок войска. На первом плане стоит фигура лучника, за ним—боевые колесницы, а за ними—всадники. Исходя из этого можно предположить, что на марше впереди двигалась пехота, за ней—колесницы и позади всех—конница. В изображениях на урартских бронзовых плечах и колчанах также колесницы сопровождаются всадниками.

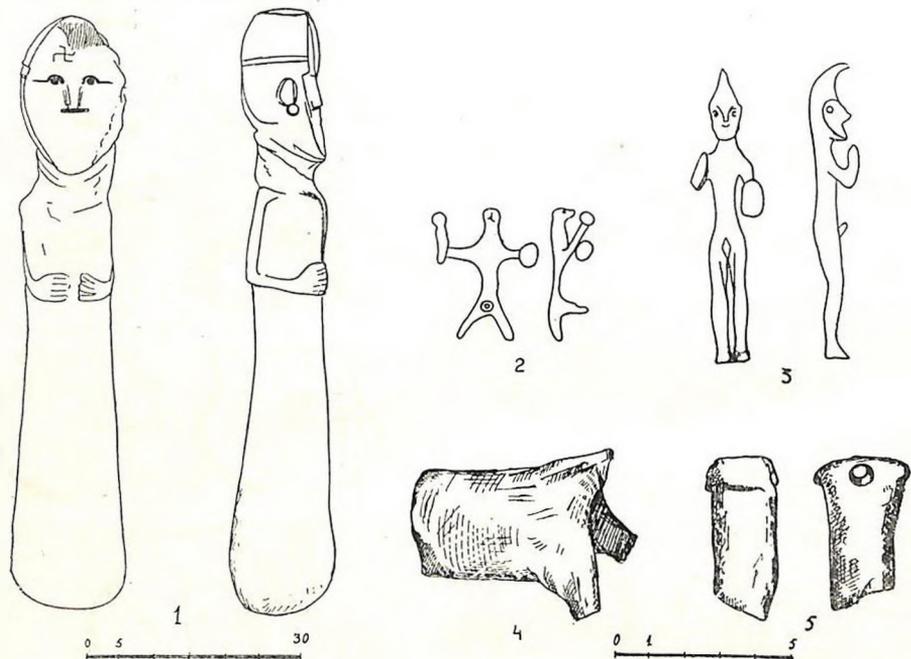

Табл. 146. Предметы из Шаваршавана (рис. 1), Норашенской крепости (рис. 2, 4, 5) и Айрума (рис. 3).

запными короткими, но упорными штурмами. В случае неудачи осаждающие организовывались грабежом и угоном скота.

Несмотря на иррегулярный состав дружин племенных вождей, они имели определенный характер воинской организации. Сам характер ведения боев в горных и лесистых районах подсказывает, что без передового и бокового охранения просто невозможно было продвижение по территории противника, так как из-за любого выступа нависающей скалы или просто из леса мог посыпаться град камней или стрел. Сами войска тоже должны были двигаться в определенном порядке. Об этом говорят также изображения на бронзовых поясах.

Изображения на поясах дают возможность восстановить построение всего войска. Так, на

Такое расположение, когда впереди идет тяжеловооруженная пехота, регулирующая шаг всего войска и имеющая возможность наступить и при необходимости дать выход ударным силам—колесницам и обхватывающей фланги коннице, весьма правильно с военной точки зрения. По-видимому, этот строй и расположение войска идет с глубокой древности и получил, судя по вышеуказанным изображениям, большое развитие в Урарту, повлиявшем также на соседние страны. Этот же строй впоследствии применялся в древнеармянском войске, по крайней мере, когда оно действовало в составе ахеменидского войска, где оно не только перенимало опыт и метод ведения боя персов, но и развивало свою тактику, используя при этом и методы противника. С этой

точки зрения весьма примечательны: один из ночных маршей этих войск и «боевой» приказ Кира, по которому видно, что для регулирования движения в ночном походе впереди войска шли тяжеловооруженные пехотинцы, за ними — легкая пехота, обоз и замыкала колонну конница²⁰.

Начиная со второй половины II тыс. до н. э. на Армянском нагорье появляются боевые колесницы, имевшие большую ударную мощь и являвшиеся грозной силой для прорыва и особенно преследования рассеянного противника. Лавина наступавших на большом ходу колесниц с тяжеловооруженными воинами в кузове легко могла прорвать фронт и открыть широкое поле деятельности для легковооруженной пехоты и конницы. Особенно большую роль колесницы играли на равнинах. Естественно, они имели большую ценность и могли использоваться лишь племенной знатью. Учитывая сравнительно большое количество изображений колесниц на предметах изобразительного искусства племен Северо-Восточной Армении, можно предположить, что в составе дружин боевые колесницы играли ведущую роль.

По своему виду боевые колесницы Северо-Восточной Армении не отличаются от колесниц других районов и близки к урартским образцам. Изображения боевых колесниц известны в рассматриваемых районах из нескольких памятников. Наиболее четкие и многочисленные изображения боевых колесниц известны по астиблурскому поясу. Здесь изображены три одинаковые боевые колесницы. Все они имеют прямоугольный ажурный кузов, в центре которого проходит ось с двумя свободно вращающимися колесами, каждое из которых имеет четыре спицы. От центра кузова отходит изогнутое дышло, к которому присоединено длинное ярмо, в которое запряжены четыре лошади.

По своей форме колесницы, изображенные на астиблурском поясе, сближаются с колесницей, изображенной на бронзовом поясе из Ахталы²¹.

Близкую композицию имеет пояс из Хачбулага (близ Дашкесана) датируемый началом I тыс. до н. э. Здесь изображены те же совершенно аналогичные колесницы, запряженные лошадьми, за которыми расположены лучники, которые, в отличие от изображенных на астиблурском поясе не имеют атрибутов поля. На заднем плане изображены животные²².

Интересная колесница изображена на замечательном кувшине из Дилиджана. Она имеет легкий кузов с округлой передней частью и колесами, вдетыми на ось, проходящую под задком кузова прямое дышло, в которое запряжены две лошади. Причем на всех колесницах лошади запрягаются в ярмо.

Кроме графических изображений колесниц также имеются их объемные модели. Такая глиняная модель имеется на одном сосуде из Ноемберяна²³, в которой изображены две лошади, запряженные в массивное ярмо, и преследующая их колесница, также запряженная двумя лошадьми под ярмо. Лошади одновременно имеют вдетые в рот удила, от которых отходят массивные вожжи, доходящие до хвостов коней. Кузов колесницы легкий, короткий. Колеса дисковидные (возможно потому, что глиняные), вдеты на неподвижную ось, проходящую в центре кузова, концы которой выступают из массивных ступиц.

Уникальной находкой является бронзовая модель боевой колесницы из Паравакара²⁴. Колесница имеет широкие кузов с глыбистыми округлыми передком и полукруглыми арочными стойками по краям, сзади кузов открыт. На неподвижную ось, проходящую через ушко под центром кузова, надето два свободно вращающихся колеса с шестью спицами. Ось сделана из круглой проволоки с завернутыми концами. У дышла конец сломан и завернут вверх, что к сожалению лишает возможности установить способ запряжки. Через специальное ушко в передке (аналогичное ушкам осей) дышло проходит под центром кузова и вдевается в такое ушко на задке кузова, что напоминает способ закрепления дышла лчашенских деревянных колесниц²⁵. В кузове колесницы стоят две схематичные фигурки воинов в гребчатых шлемах, припаянные к передку. Правый воин управляет конями, левый же правой рукой держится за конический выступ в центре передка, а свободной левой рукой указывает направление.

Бронзовые модели боевых колесниц в Армении известны из Лчашенских курганов (3 экз.), и в последнее время близкая к ним бронзовая модель колесницы найдена в С. Деведжан в могильнике близ Лори-берда.

С конца II тыс. до н. э. появляется конница и постепенно захватывает первенство в разрешении тактических задач.

Изображения лошадей в рассматрива-

²⁰ Ксенофонт, Киропедия, кн. 5, гл. III, 35—43; С. А. Есаян, Армянское войско в эпоху Ервандидов, ВОН, № 12, 1969, стр. 65.

²¹ Ж. де Морган, указ. соч., рис. 145.

²² Г. П. Кесаманлы, Погребение с бронзовым поясом из Хачбулага, СА, № 3, 1966, стр. 221.

²³ С. Чилингарян, Орнаментированный кувшин, найденный в Ноемберяне, ИФЖ, № 2, 1968, стр. 23.

²⁴ С. А. Есаян, А. О. Минацкаян, указ. соч., стр. 160.

²⁵ С. А. Есаян, Оружие и военное дело..., стр. 138.

емых районах хорошо известны по вышеуказанным поясам и статуэткам. На том же неоднократно упомянутом поясе из Астхилблур, наряду с колесницами, имеются также изображения всадников, сидящих на конях с копьями в руках, причем они имеют также запасных коней. Изображения коней имеются и на поясе из Ноемберьяна. В нижней сценке видна вереница бегущих коней, в шен которых вонзились копья. На верхней части пояса изображена батальная сцена. Спешивший конник (к сожалению, видны лишь ноги) щитом отражает стрельбу лучника, также спешившегося с коня, причем кони стоят у них за спиной.

Несмотря на схематичность изображений, большой интерес представляет степанаванский пояс. Здесь на двух фрагментах видны изображения всадников, имеющих запасного коня. Этот факт, с одной стороны, говорит о количественном росте лошадей, с другой стороны, что более важно для настоящей темы, говорит о том, что конники в походе имели запасных коней и могли менять их при необходимости.

Конница дружины племенных вождей была немногочисленной. Она, однако, выполняла ряд задач — разведку, нападение на фланги и преследование разбитого противника.

Больших задач в горных районах нерегулярная конница не могла выполнять. По-видимому, она нападала на фланги, ставя две задачи: неожиданно напасть на противника, если он слаб, или отвлечь его на себя и дать возможность колесницам и тяжеловооруженной пехоте прорвать фронт. В случае удачной конницы вместе с легкой пехотой преследовала противника.

По-видимому, и конница делилась на тяжелую и легкую, но здесь, как и в пехоте, не было четкого разграничения. Отдельные конники сражались в доспехах, подобных защитным снаряжениям пехоты. Конни прикрывались попонами с пришитыми большими бляхами, которые известны во многих районах Армении и Закавказья. Вооружение конницы состояло из копий, лука, стрел и короткого меча. Конники имели и щиты, что зафиксировано на ноемберьянском поясе, где спешившийся всадник держит в руках полуцилиндрический щит. Всадники астхилбурского пояса также имеют щиты, только иной, круглой формы.

Наконец, нужно остановиться и на обозе. Несмотря на непродолжительность походов, совершаемых на короткие расстояния, и

сравнительно небольшое количество сил, войску был необходим обоз. Отсутствие письменных источников и данных о количестве войска затрудняет подсчеты. Однако во всех случаях войсковой обоз должен был делиться на два вида — вьючный, состоявший из лошадей, ослов и мулов, и тягловый, состоявший, по-видимому, из двух- и четырехколесных повозок с дисковидными колесами.

Изображение двух таких повозок четко видно на степанаванском поясе. Повозка имеет форму лчашенских двухколесных повозок, то есть вид дышлообразной рамы длиной до 4 м, заложенной поперечными досками, образующими основание кузова. Однако в отличие от лчашенских повозок ось со свободно вращающимися дисковидными колесами проходит не в конце кузова, а в середине, то есть повозка по своей форме напоминает двухколесные повозки, и поныне широко применяемые в районах Северо-Восточной Армении. Что же касается четырехколесных повозок, то наличие дисковидных колес на степанаванском поясе и находки глиняных моделей колес из Пилор-пата и Сев-сев карери тахта дают возможность предполагать их наличие и в рассматриваемых районах.

Как видно из изложенного, племена Северо-Восточной Армении, как и всего Армянского нагорья, имели военные отряды и дружины на всем протяжении рассматриваемого времени. На ранних этапах, по-видимому, они были небольшими, так как в сражениях и стычках принимало участие все боеспособное население под руководством военных предводителей и вождей. С развитием племенных союзов и появлением социальной дифференциации появляются отдельные дружины, подчиненные только вождям, еще более обогащающимся после удачных походов. К концу поздней бронзы и в эпоху раннего железа окончательно оформляются боевые отряды племенных вождей, превратившиеся в грозную силу и состоявшие из копейщиков, лучников и т. д., то есть из легкой и тяжелой пехоты, колесничих, конницы и обоза.

Окончательного оформления этих отрядов в армию не произошло, так как эти племенные союзы не превратились в государства. Процесс этот был, видимо, задержан урартской экспансией, а после гибели Урарту эти области вошли в состав Армянского царства в виде одного из компонентов армянского народа.

ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРВОБЫТНОГО КУЛЬТА

Вопросы идеологии и духовной культуры древних племен давно привлекают внимание ученых, однако до настоящего времени они остаются наиболее трудной и сложной задачей. Большие трудности вызывает то обстоятельство, что для современной науки многое утрачено навсегда или не все дошедшее может быть правильно интерпретировано. Даже в случае верного истолкования тех или иных вопросов скорее восстанавливаются внешние, обрядовые аспекты, нежели сущность самой религии.

Особенно интересный материал для установления древних религиозных представлений могут дать амулеты, браслеты, медальоны, различные статуэтки и изображения на бронзовых поясах, керамике и других предметах.

В связи с закономерностью развития человеческого мышления и ассоциативной связи у людей могли возникать и возникали в разное время и в разных местах общие представления о свойствах предметов. Причем у каждого предмета имеется бесконечное количество свойств и опосредствований, что приводит к бесконечному числу семантических связей. Так, семантически по этим представлениям солнце — круг — колесо — птица; змея — вода — земля — уход в нижний мир; олень — гора — солнце и т. д.¹

Для изучения верований древних племен Северо-Восточной Армении большое значение имеют раскопки нескольких храмов в различных крепостях и культовые модели храмовых площадей. Все эти материалы описаны в соответствующих разделах вместе с сопровождающим комплексом изделий, поэтому здесь они не анализируются с археологиче-

ской точки зрения, а лишь указывается место и время находки.

В начале рассмотрим вопросы культа бронзового века, а затем, более подробно — начала и середины I тыс. до н. э.

Наиболее древними изделиями, свидетельствующими о верованиях племен Северо-Восточной Армении, являются черные лощенные сосуды раннебронзовой поры, украшенные сложным геометрическим орнаментом, в котором частично можно угадать ту или иную символическую формулу.²

До выделения ремесла из общего хозяйства керамика изготовлялась со значительной затратой труда, направленного на украшение сосудов символическими знаками. Изготовление сосудов сопровождалось ритуальными действиями для связи с древней традицией, и все это отражалось в орнаментации.

Наиболее обычным мотивом украшений керамики является спираль, часто встречаемая на керамике из Джагацатеха и II и III шаглам. На указанной керамике, имеющей, как сказано выше, аналогию во многих памятниках Армянского нагорья, выведены концентрические кружочки, кресты, угольники, сетчатка и т. д., имеющие символическое значение астральных культов и хорошо связывающиеся с наскальными изображениями Армении указанного времени.³

² Здесь рассматриваются лишь орнаменты на сосудах из Северо-Восточной Армении и аналоги к ним из других поселений, а не орнаментация всей раннебронзовой керамики.

³ Б. Б. Пиотровский, *Археология Закавказья*, стр. 34; Г. О. Караханян, П. Г. Сафян, *Наскальные изображения Сюника*, Ереван, 1970, стр. 44; А. А. Мартirosян, А. Р. Исраелян, *Наскальные изображения Гегамских гор*, Ереван, 1971, стр. 49; К. Х. Кушиарова, Т. Н. Чубиншвили, *Древние культуры Южного Кавказа*, стр. 166.

¹ Б. Б. Пиотровский, *О некоторых ошибках археологов в связи с учением Н. Я. Мара о семантике*, Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 125.

Интересный орнамент имеется под венчиком одного из сосудов Джагацатехского поселения. Здесь изображен крест, пространство между сторонами которого заполнено парными прямыми углами, то есть орнаментом, символизирующим, как и свастика, солнце (табл. 1, рис. 5).

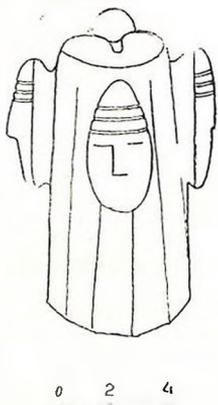

Табл. 147. Идол из Навура.

Без сомнения, культовым предметом является очаг с тремя камерами, датированный серединой III тыс. до н. э., от которого сохранился фрагмент, украшенный рельефным орнаментом по верхнему борту, найденный в крепости III шагламы (табл. 10, рис. 7) в Айруме. Подобные очаги, находящиеся почти повсеместно в центре крупных помещений раннебронзового периода, кроме утилитарного назначения, имели и культовое. Поэтому-то около них при раскопках найдены различные идолы, связанные с мужским началом. Это либо статуэтки мужчины (Шенгавит, Хизанат-гора, Квацхелеби, Амранис-гора), либо их атрибуты в виде каменных фаллов (Квацхелеби)⁴.

Среди культовых изделий раннебронзового периода следует отметить находку фрагментов красной курильницы, по-видимому, в виде конусообразной трубки, диаметром в 24 см с суживающимся кверху туловом (табл. 10, рис. 5). Венчик курильницы прямой, несколько скошенный вовнутрь; под ним проходят круглые сквозные отверстия.

Хронологически более поздние сосуды, связанные с древними верованиями, аналогичны расписным сосудам XVIII—XVI вв. до н. э., найденным в Киргии. По своему содержанию орнаментация этих кувшинов тесно

⁴ К. Х. Кушнарева, Т. П. Чубинишвили, указ. соч., стр. 164.

связана с идеологическими представлениями древних земледельцев и скотоводов. Главной темой композиции расписных сосудов являются волнистые линии, символизирующие воду земную и небесную—основу жизни человека. В этих же орнаментах наблюдаются символы неба (птица), солнца (кружочки), и т. д.⁵ В последние годы в Армении найден ряд новых расписных сосудов, значительно дополняющих наши представления о древних верованиях. Так, при раскопках Гарни, Элар, Севанского бассейна, Нахичевана и т. д. были найдены крашенные сосуды, украшенные фигурами длинношерстных и длиннохвостых животных или же птиц, похожих на лебедей. Животные, изображенные в образе фантастических фигур, отдаленно напоминают бизонов и диких быков, рыб и т. д.⁶

Другой интересной находкой являются расписные сосуды из Еревана, украшенные шевронами и волнистыми линиями⁷. Нижние оконечности шевронов украшены кружковым орнаментом. Такие же кружки, символизирующие солнце, помещены между выступами шевронов, а на одном сосуде вместо этих кружочков прорисованы другие символы солнца—свастики. Подобные знаки-символы солнца хорошо известны в Армении начиная с энеолитической эпохи и широко распространяются со второй половины II тыс. до н. э. и особенно в I тыс. до н. э., выступая в материалах таких памятников, как Лчашен, Артык, Кировакан, Редкин-лагерь и др.⁸ и в композициях наскальных изображений⁹.

Сравнительно больше сведений, связанных с культовыми представлениями, имеется в материалах позднебронзовой поры. К этому кругу изделий следует отнести мечи, найденные в Мец-чале, Хаштараке, Айгедзоре, Киргии, кинжал из Дилиджана и т. д.

Наиболее интересным в этой группе

⁵ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 89 и посл.

⁶ Э. В. Ханзадян, Гарни, вып. IV, стр. 176; *се же*, Расписной сосуд с зооморфными изображениями из Элара, СА, № 4, 1966, стр. 72; А. А. Калантарян, Ж. Д. Хачатрян, Редкая археологическая находка из Севанского бассейна, ВОН, № 4, 1969, стр. 75; Г. А. Алиев, Новые материалы о культуре расписной керамики в Азербайджане, СА, № 1, 1967, стр. 117.

⁷ С. А. Есаян, Г. А. Микаелян, Новонайденные образцы расписной керамики бронзового века. ИФЖ, № 2, 1971, стр. 277; С. А. Есаян, Каталог археологических предметов Музея истории гор Еревана, вып. III, стр. 68.

⁸ С. А. Есаян, Амulette, связанные с культом солнца из Армении, СА, № 2, 1968, стр. 255.

⁹ Г. О. Караханян, П. Г. Сафян, указ. соч., стр. 36; А. А. Миртиросян, А. Р. Исраелян, указ. соч., стр. 40.

изделий является хаштаракский меч, снабженный срединным ребром со стрелчатыми невурами и украшенный двойным рядом спиралей и изображениями двух фигур коз¹⁰. Цельноотлитая рукоятка завершается полусферической головкой, украшенной звездным узором. Этот меч содержит целый ряд астральных знаков. Они связываются с культом неба (звездный узор рукоятки) и солнца (спиралевидный орнамент, символизирую-

пы, с отверстием в верхней части для нашпывания на ткань¹². Такой же, но несколько меньший по размеру крест найден в селе Джархеч вместе с комплексом изделий начала I тыс. до н. э.¹³ Из комплексов погребений Кирги, Навура, Джархеча, Дилижана и других мест найдено большое количество бляшек, также украшенных крестообразным орнаментом или спиралью, символизирующими солнце¹⁴. Интересной находкой является

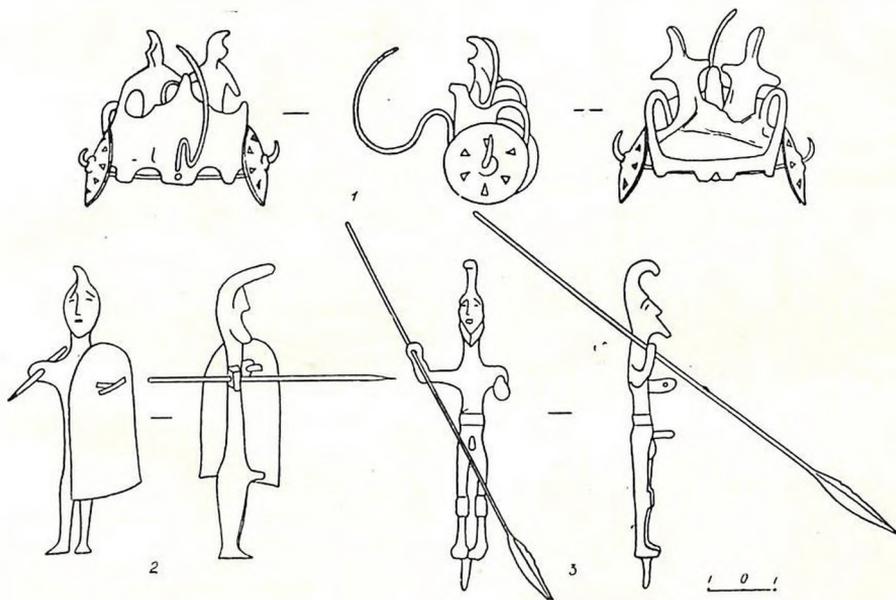

Табл. 148. Предметы из Паравакара.

щий непрерывное движение солнца). Изображения стрелок и коз также являются небесными знаками, олицетворяющими молнию, что хорошо связывается с мечом, выступающим в армянском фольклоре как меч-молния. Остальные мечи этой группы украшены спиральями и полудунами, также символизирующими небо и солнце.

Культу солнца и плодородия посвящен и ряд позднебронзовых браслетов, найденных в Дилижане и украшенных «бегущей» спиралью и крестом¹¹. Из предметов этой же эпохи следует остановиться на бронзовом кресте, найденном в одном из позднебронзовых погребений могильника Хурджин-хогер близ села Кирги. Это небольшой крест, изготовленный из тонкой бронзовой пластин-

уникальный кувшин из Дилижана, украшенный наклепными фигурами коз, с ручкой в виде дерева, по которому поднимаются рельефные фигуры извивающихся змей. Этот сосуд, по-видимому, применялся при ритуальных обрядах, связанных с культом плодородия (змея) и молнии (коза). Интересен кувшин из Хурджинхогерского могильника с четырьмя ручками в виде баранов, венчик и верхняя часть тулова которого украшены елочным орнаментом. Этот сосуд, как и дилижанский, входит в группу редко встречающихся культовых сосудов с зооморф-

¹² С. А. Есаян, Амулеты, связанные с культом солнца, стр. 257.

¹³ С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, Каталог археологических предметов..., табл. XXXIV.

¹⁴ С. А. Есаян, Амулеты, связанные с культом солнца, стр. 257.

¹⁰ А. Л. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, стр. 129.

¹¹ С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, указ. соч., табл. XXI.

ной орнаментацией, хорошо известной по находкам аналогичных изделий из Санаина, Н. Баязета и Зангезура, где обнаружены сосуды, украшенные фигурами змей, тигров, птиц, жертвенников и т. д.¹⁵

Сосуд, найденный в Айруме, представляет собой маслособойку, над сливом которой возвышается лягушка с открытой пастью и выпученными глазами. Она охватывает слив передними лапами, а всем туловищем и широко

зовых браслетах из Алаверди и в виде небольших амулетов-подвесок из Артика и Лчашена. Интересно отметить, что в Ване и других районах Армении в XIX в. широко применялись различные медальоны, ожерелья, подвески и браслеты, украшенные изображениями лягушек, которые, по поверью, способствовали плодородию и деторождению¹⁶.

Интересную группу образуют каменные

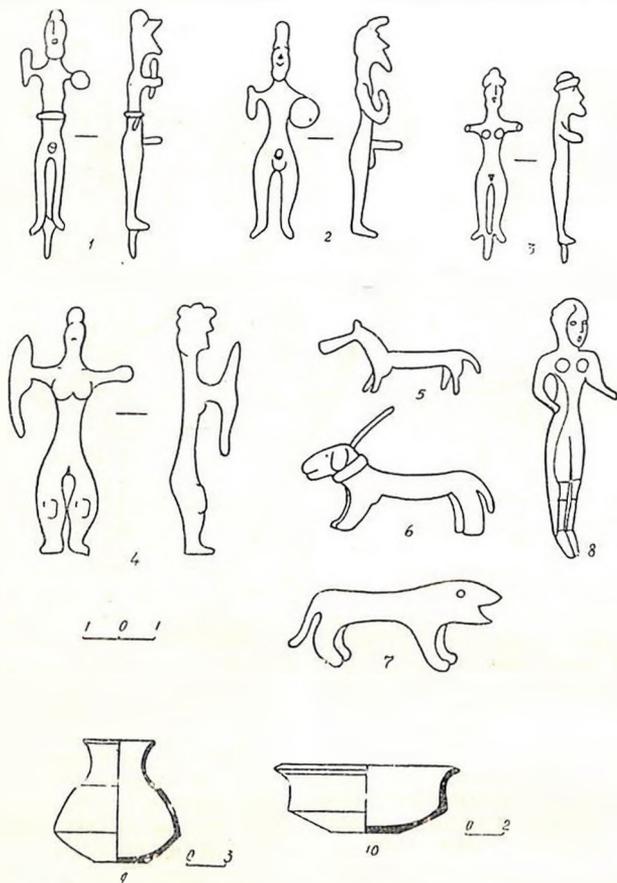

Табл. 149. Предметы из Паравакара и Навура.

растопыренными лапами упирается в плечики сосуда. Изображение лягушки, символизирующее воду и плодородие, встречается редко. В Армении аналогичные изображения встречаются на ажурных навершиях и нитативах скульптур птиц и львов, а также в виде золотой фигурки из Лчашена, на брон-

идолы. Один из них, происходящий из села Навур и изготовленный из белого известняка, представляет собой восьмиугольный стержень высотой в 6 см¹⁷ (табл. 147). От

¹⁶ Վ. Բղդյան, *Երկրագործական պաշտպանման և քրիստոնեական հոգևոր հայրերի մեջ*, Тр. ГМА, III, Ереван, 1950, стр. 10, 62, 65.

¹⁷ С. А. Есаян, Каменная статуэтка из Шамшадина, СА, 7969, стр. 269.

¹⁵ А. А. Миртросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 140.

верхней части стержня отходят четыре лица овала с округлой подбородочной частью, большим прямым носом, отверстиями глаз и ртом, переданным прямой черточкой. Верхняя часть головы имеет удлиненную форму, на ней проведены три вдавленные горизонтальные черточки, подчеркивающие высокий остроконечный головной убер.

Для определения времени возникновения идолов важное значение имеют два других идола, найденные в 1961 г.¹⁸ Один из них, пятиликий базальтовый идол из села Яйджи Горисского района, имеет 76 см высоты и сломап в основании шейки. На трех лицевых овалах имеются повреждения, а носы отбиты на всех пяти лицах. Верхняя часть головы срезана и образует плоскость, на которой прямой выпуклой резьбой выведены надбровные дуги и нос. Круглыми отверстиями подчеркнуты глаза, а рот выведен прямой черточкой.

Несколько отличный по форме, но близкий по лицевому овалу идол обнаружен в Мецаморе. Он имеет четырехугольный корпус высотой в 1,6 м с фалловидным окончанием в верхней части, одна сторона которого изображает овал лица с удлиненной подбородочной частью. Четко отмечены большие глаза и прямоугольный рот. Указанные идолы относятся к рубежу II и I тыс. до н. э. По-видимому, к этому же типу относится и крупная фигура каменного идола из села Шаваршаван, некогда стоящего над древним погребением. Он имеет высоту 82 см, круглый, слегка расширяющийся к низу торс, невысокую шею и крупную округлую голову (табл. 146, рис. 1). Лицо плоское, с высоким лбом, с четко отмеченными бровями и прямым носом. Глаза круглые, рельефные, рот отмечен прямой выемчатой линией. Подбородок округлый, выступающий, четко отмечены уши в виде рельефных округлых линий, к которым подвешены круглые серьги. В затылочной части головы четко видны длинные ниспадающие волосы, охваченные в центре перевязью в виде жгута. От плеч отходят тонкие руки, согнутые в кистях, которые сложены на животе с раскрытыми пальцами широкой ладони; торс гладкий. На лбу идола прочерчена свастика. Это великолепное изваяние древнего скульптора трудно датируется, так как нет ни прямых аналогий, ни сопровождающего материала. Несмотря на наличие свастики на лбу, характерное для позднебронзовых идолов из Мецамора и доураратского могильника в Теишбани¹⁹, его следует отнести к VI—V вв. до

н. э. так как по форме рук он отличается от указанных идолов.

В последние годы в Армении обнаружен ряд новых каменных идолов. К числу их относятся находки в Кармир-берде²⁰, в Айгестане (Аштаракский район)²¹, Кировакапе²², Яйджи²³ и других местах. Все они относятся к плоской скульптуре, хотя отдельные детали выполнены рельефно.

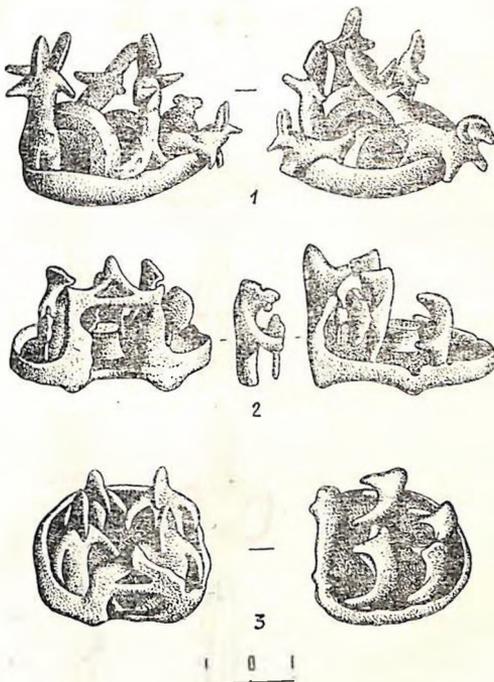

Табл. 150. Модели храмов из Мосесгюха, Лори и П. Баязета.

Идолы эти имели различное назначение. Яйджинский идол возвышался в центре какого-то святилища и обозревался со всех сторон, являясь предметом почитания. Такое же назначение имел и рассматриваемый идол из Навура, который, отличаясь малыми размерами, стоял, по-видимому, не в святилище, а в жилом помещении.

археологических предметов Музея истории гор. Еревана, табл. VII.

¹⁸ С. А. Есаян, Ереван, стр. 22.

²¹ Раскопки Р. Торосяна, материалы не опубликованы.

²² Хранится в Кировакапском музее.

²³ Б. Н. Аракелян, Скульптура в древней Армении, ИФЖ, № 1, 1969, рис. 5.

¹⁸ Л. А. Мартirosян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 180.

¹⁹ С. А. Есаян, Ереван, табл. 36; его же, Каталог

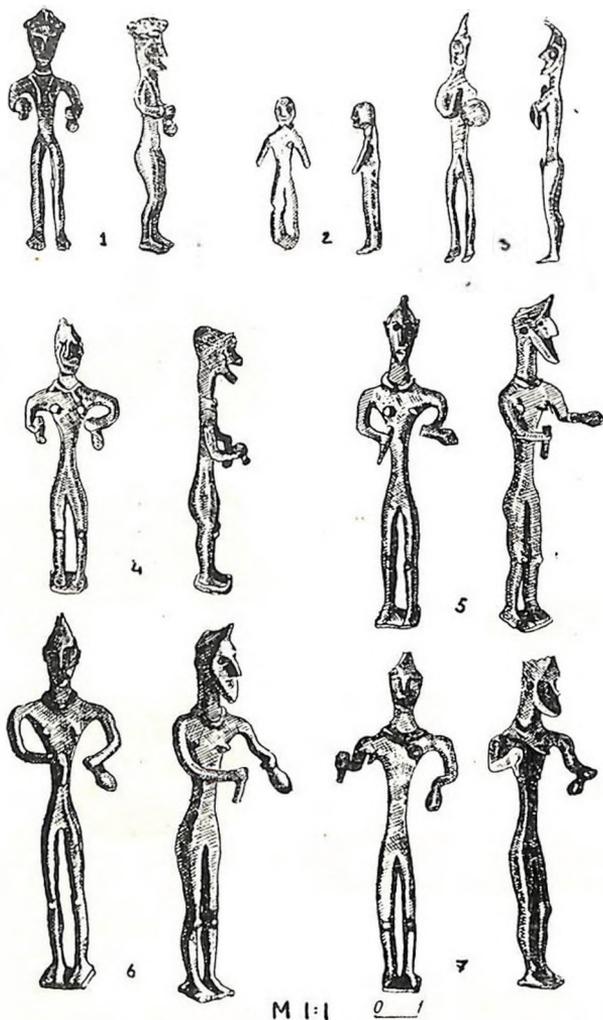

Табл. 151. Статуэтки из Айрума.

Что же касается идолов из Шаваршавана, Кармир-берда, Кармир-блур, Аигестана и др., то они стояли над погребениями, украшая собой древние гробницы. Часть идолов украшена изображениями свастик, причем на мецморском и кармирблурском идолах эти изображения нанесены на ушах, а на яйджинском и шаваршаванском — на лбах²⁴. Наличие

свастик позволяет предположить, что часть рассматриваемых идолов посвящена культу солнца, в честь которого, по-видимому, при погребении производились возлияния. Об этом говорят следы битой керамики, костей и огня, найденные при расчистке камней перекрытия в могильниках Дарандж, Хурджинхогер, Гмшкют, Пакер, Астхи-блур и т. д. Быть может, они являются следами тризны и поминок по усопшим. Обнаружение части идолов над погребениями и тот факт, что в Армении имеется много погребений, где обнаружены фаллические изваяния, дают воз-

²⁴ Культные памятники Мецмора, ВОН, № 8, 1972, стр. 61—62; С. А. Есаян, Каталог археологических предметов Музея истории гор. Еревана, вып. III, табл. VII.

возможность предполагать, что в основе погребальных обрядов лежат представления о воскрешении.

Еще большие сведения о древних верованиях сохранилось с эпохи пачала и середины I тыс. до н. э.

Интересны храмовые сооружения и их модели. Крупным сооружением является Астхиблурский храм раннеармянского времени. Он имеет прямоугольную форму и расположен по оси с востока на запад, с небольшим отклонением к северу, на самой высокой части крепости, почти примыкая к западной стене внутреннего ряда (табл. 25). Храм имеет внешние размеры 15×9 м с внутренним пространством 9×3 м. Стены шириной в 3—4 м сохранились на высоту 0,3—0,8 м и выложены из крупных камней на глиняном растворе. Юго-западная стена, где предполагается вход, не сохранилась, и не ясно, имелись ли двери или был оставлен свободный проход. Противоположная от входа северо-восточная стена имеет гораздо большую ширину, достигающую до 6 м. По-видимому, ширина указанной стены объясняется тем обстоятельством, что здесь была небольшая сцена-площадка размером 2×3 м, напоминающая позднейшие алтари. Пол помещения выложен небольшими каменными плитами, внутреннее пространство между которыми было засыпано утрамбованной землей. По-видимому, храм не имел окон и освещался постоянно горящим огнем.

Сделать это предположение позволяет находка внутри храмового помещения модели двухэтажного храма высотой в 16 см, обнесенного круглой оградой, изготовленного из черной огнеупорной глины (табл. 29). Второй этаж более узкий и завершается двускатной крышей, увенчанной фронтонами в виде бараньих головок. В центре первого этажа и вдоль внутренней стены ограды проделаны круглые отверстия. Стена ограды с наружной стороны, расширяясь, спускается ниже основания здания на 3 м, образуя под ней вогнутую чашу. По-видимому, модель устанавливалась на жаровню или на угли (но не на огонь, так как она сильно обожжена, но не задымлена), а огонь через указанные отверстия освещал ее как с внутренней, так и с внешней стороны. По всей вероятности, огонь здесь не только служил для освещения здания, но и имел осмысленное значение культового огня. В эту эпоху в Эребуни имелось целых два храма огня. По-видимому, как модель, так и помещение, где она была найдена, являлись храмом, посвященным богу неба. Сделать такое предположение позволяет головка барана, венчающая фронтоны модели. Об этом же говорят находки массивных браслетов с рельефными бараньими головками, быть может, являющих-

ся отличительными знаками служителей этого культового сооружения (табл. 26, рис. 2).

Внутри этого храмового помещения и под его наружными стенами обнаружено большое количество катушкообразных предметов с небольшими выемками или же совершенно плоскими лицевыми сторонами. Эти изделия нельзя считать свечильниками, так как они не имеют бортов для удержания жидкого масла (табл. 28). Назначение их оставалось бы непонятным, если бы не интересное объяснение, данное Б. Б. Пиотровским. В древнеегипетских храмах позднего времени было обнаружено громадное количество миниатюрных жертвенных сосудов в виде плюшек, которые символизировали жертвоприношение. Подобное применение рассматриваемых изделий кажется тем более вероятным, что внутри помещения и снаружи, вдоль стен, было собрано несколько сот таких изделий, а поврежденные, которых было во много раз больше, оставались на месте.

Интересно отметить, что в честь богини албанцев Селенис, святилище которой находилось вблизи Иберии, приносились человеческие жертвы²⁵. Такие же жертвоприношения делались и в честь верховного божества Иберийского пантеона Армази, бога Луны²⁶. По-видимому, человеческие жертвоприношения производились и в Армении. При раскопках Топрах-кале обнаружено большое количество остатков животных и людей, причем у человеческих костячков отсутствовали черепа. По мнению Леман-Гаупта, тут складывались трупы принесенных в жертву богу Халди людей, головы которых хранились в особом месте. На одной печати из Хайкаберда изображен жертвенник, около которого лежит обезглавленное человеческое тело с содранной кожей и тщательно отмеченными ребрами²⁷.

По-видимому, жертвоприношением, хотя и для других целей, можно считать насильственно убитых для сопровождения владельцев курганов в загробном мире (Н. Геташев, Лчашен, Астхадзор и т. д.). Особенно примечательна находка в одном из курганов Лчашена человеческих черепов, уложенных под ярмо повозки вместо бычьих голов²⁸. Неизвестно, какую кровь жертвовали жители Астхи-блуря своему верховному божеству, но, учитывая большое количество жертвенников, можно предполагать, что это скорее всего кровь животных и птиц.

Другим храмовым помещением или местным святилищем является помещение, раско-

²⁵ Страбон, География, Л., 1964, стр. 477.

²⁶ О. Д. Лордкипанидзе, Античный мир и древняя Греция. Автореф., Тбилиси, 1968, стр. 36.

²⁷ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 223

²⁸ Устное сообщение А. О. Мнацаканяна.

панное мною в крепости Бердатеж (табл. 31).

Бердатежское храмовое помещение, так же как и астихлурское, сооружено перед входом в цитадель. Здесь имеется покатый возвышающийся скальный выступ длиной

ны из крупных камней на глиняном растворе. Как и в Астих-блуре, помещение направлено с востока на запад с небольшим отклонением к северу. Полом помещения служил указанный скальный выступ, неровности которого

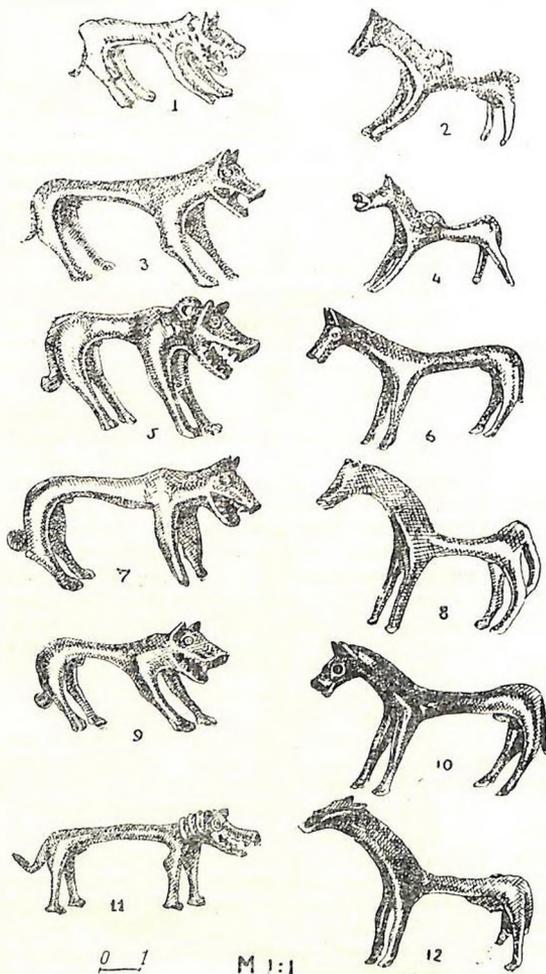

Табл. 152. Статуэтки из Айрума.

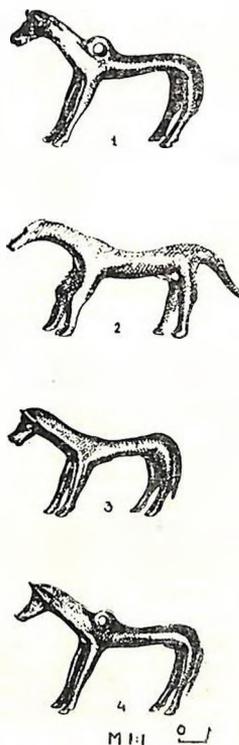

Табл. 153. Статуэтки из Айрума.

около 20 м и шириной 30 м, который с северо-западной стороны резко обрывается на 4 м. На оконечности этого выступа, прямо над обрывом, сооружено прямоугольное помещение размером $10 \times 8,5$ м с внутренним пространством $7,5 \times 3,3$ м. Юго-восточная стена, где предполагается вход, не сохранилась и, как в астихлурском помещении, остается неясным, имела ли в ней дверь или был оставлен свободный проход. Стены шириной 2,8 и 2,4 м сохранились на высоту 0,7 м и выложе-

были засыпаны утрамбованной землей. Нужно отметить, что в обоих храмах обнаружено много горелой земли, золы и угля, однако небольшая сохранность слоя не позволяет уточнить, являются ли они следствием пожара или остатками священной золы, не выносимой из храмов. Как характер местности, так и наличие скальной площадки размером около 600 м^2 , на которую, по-видимому, подымались ползком, позволяют утверждать, что это

сооружение, функционировавшее в VII—V вв. до н. э., также является культовым. Дополнительным доказательством этому служат находки катушковидных предметов, служивших подставками для крови жертвенных животных.

Аналогичные предметы по устному сообщению А. А. Мартиросяна, в небольшом количестве обнаружены в доурартском слое Тейнебашни и подняты Г. А. Микаеляном среди подъемного материала крепости Берди-дон в Разданском районе.

Другим интересным сооружением является храмовая площадка в крепости Арцаваберд, расположенная в лесу близ летних кочевков села Норанси Шамнадинского района (табл. 48). Здесь в северной части крепости возвышается скальный выступ размером 40×25 м, высотой в 10 м. В верхней части выступа устроена полукруглая площадка размером 15×15 м, куда ведут восемь ступенек, прорубленных в северо-восточной части скалы. Так как поверхность площадки и лестницы оголена, можно предполагать, что в древности эта храмовая площадка не функционировала постоянно. По всей вероятности, в этой крепости культовые обряды исполнялись лишь в летнее время, когда пастухи со стадами подымались на пастбища. По-видимому, на площадку подымались лишь служители культов, а на площадке крепости перед возвышающимся храмом располагались жители кочевков.

Приблизительно такое же назначение имеет сооружение квадратной формы размером $3,5 \times 3,5$ м, со стенами шириной в 2 м, раскопанное мною в крепости Хортамбоц Красносельского района. Высота сохранившихся стен доходит до 1 м. Стены сооружения выложены из крупных базальтовых камней на глиняном растворе. Это небольшое помещение, кстати, является единственным сооружением в крепости и было построено в ее наиболее высокой части. По-видимому, оно являлось святилищем, используемым лишь в летнее время, так как крепость расположена выше 2500 м над уровнем моря.

Весьма интересно сооружение имеется в местности Салкар, на северо-восточной окраине села Айгедзор. Здесь на вершине холма, покатога в направлении села, а с других сторон имеющего резко обрывистые склоны, спускающиеся на 200—250 м, среди скальных выступов обнаружено небольшое помещение размером 5×2 м. Оно было сплошь заполнено золотом, в которой найдены фрагменты каменных статуй, жезлы, игрушечный кинжалчик и другие культовые предметы. Так как помещение не имеет укреплений, по-видимому, оно являлось святилищем для племен этой округи, причем

довольно спальных, оставлявших свой храм без дополнительных укреплений.

Говоря о храмовых сооружениях Северо-Восточной Армении, необходимо остановиться и на моделях культовых площадок, датированных началом I тыс. до н. э.

В декабре 1968 г. в селе Мосесгох Шамнадинского района учителем истории местной школы А. Б. Аракелян мне был передан небольшой бронзовый ладьевидный предмет с помещенными на нем фигурками людей и животных (табл. 150, рис. 1). Этот интересный предмет был найден при земляных работах неподалеку от крепости Креханц-блур. Он имеет вид бескилевого челна с округлой кормой и заостренным носом. Днище круглое. В носовой и центральной частях возвышаются два арочных выступа. По обе стороны от них помещены четыре сильно стилизованные фигурки людей с короткими ногами и распростертыми руками. Головы округлые, без обозначения черт лица. Все фигуры стоят спиной друг к другу, а две фигурки животных (баран и коза) передней частью тулова выступают над бортом²⁹. По всей вероятности, это изображение сцены ритуального жертвоприношения животных богам, и молящиеся являются жрецами. Сама ладьевидная форма культовой площадки позволяет предполагать, что она связана с изображением солнечной ладьи. Интересно отметить, что на оттиске одной урартской печати сохранилось изображение ладьи в сопровождении человеческой фигуры, фантастического животного и солярных знаков³⁰. Самыми разнообразными изображениями солнечной ладьи изобилуют памятники Египта, Двуречья, а также паскальные изображения Армении и Азербайджана³¹. В армянском фольклоре солнце и луна выступают вместе на небосклоне³².

Эта модель культовой площадки не единственная в Армении. В коллекциях старых раскопок Е. Лалаяна имеются еще две близкие по содержанию модели. Одна из них, найденная в развалинах крепости Кайцун-берд³³ в Лори, хранится в Ереване (табл. 150, рис. 2). Это круглая площадка

²⁹ С. А. Есаян, Бронзовые модели культовых площадок древней Армении, СА, № 1, 1971, стр. 205.

³⁰ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 90.

³¹ А. А. Мартиросян, А. Р. Израелян, указ. соч., стр. 39; А. А. Форлюзов, Памятники первобытного искусства, М., 1967.

³² С. Арутюнян, Армянские народные загадки, Ереван, 1965, стр. 7 (на арм. яз.).

³³ Инв. ГМА 28/200; см. Г. Гоян, Театр средневековой Армении, М., 1952, стр. 429.

с небольшими бортами, имитирующими стены. С одной стороны возвышается прямоугольная дверь с острым фронтоном и небольшими остроконечными выступами по краям с люнетом в центре—вход в храмовое помещение или святилище. В центре помеще-

две фигурки людей (одна слезана) в птичьих масках.

Другая модель происходит из раскопок Е. Лалаяна в Н. Баязете и хранится в Государственном музее Грузии³⁴. Она также представляет собой круглую подставку с бортами,

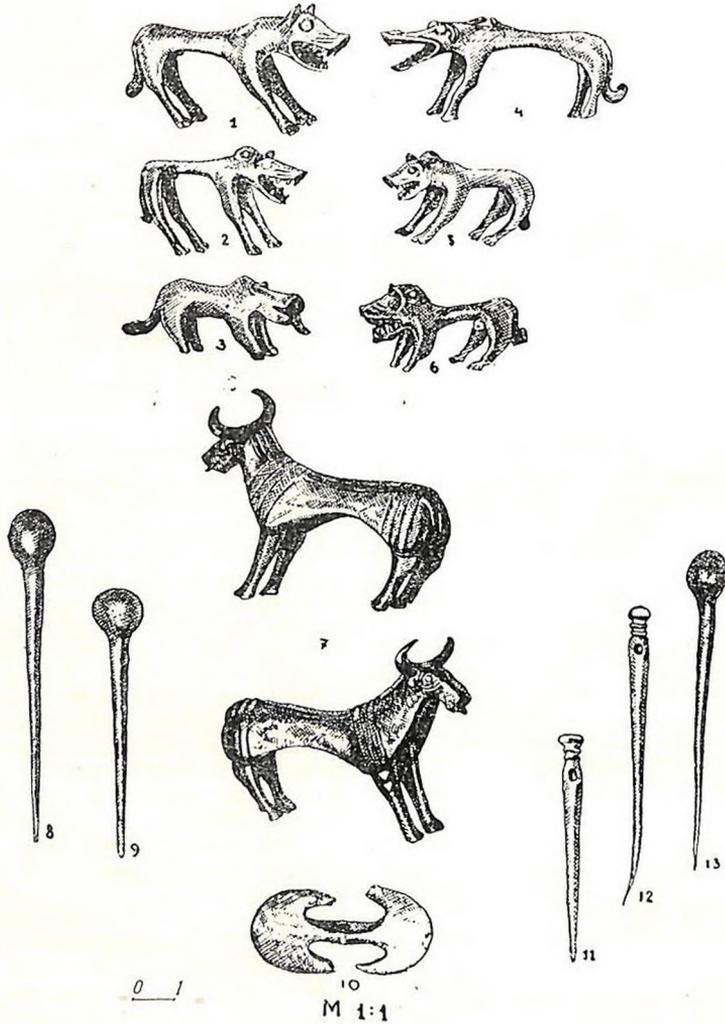

Табл. 154. Статуэтки из Айрума.

ния находится небольшой круглый столик или алтарь. Между алтарем и входом стоят две сильно стилизованные фигурки людей в медвежьих масках. В левой руке они держат круглые щиты, а в правой—роговидные предметы, наподобие айрумских бронзовых статуэток. По другую сторону алтаря находятся еще

имитирующими стены, и с входом, увенчанным фронтоном, с той лишь разницей, что алтарный столик в центре сооружения отсутствует. Несколько различается она и по расположе-

³⁴ Инв. Государственного Музея Грузии 20-05/IV-43.

нию фигур людей. Слева от входа друг за другом стоят две человеческие фигуры в птичьих масках с распростертыми руками, справа, также друг за другом, стоят такие же фигуры в медвежьих масках (табл. 150, рис. 3).

Такой же предмет обнаружен в Грузии, в селе Гамдлицкаро, вместе с кладом бронзовых изделий³⁵. Он представляет собой модель бронзового ограждения с невысокими бортами и крупным входом. Внутри ограждения размещены люди в птичьих масках, наподобие лорийской и баязетской статуи, идола и овцы. Видеются также культовые сооружения в виде крупного арочного выступа, напоминающие арки месесгюхской модели. У основания арки, на полу подставки, имеется полукруглый выступ, по своей форме схожий с камерой «священного пепла» — очага капища ранне-железной поры из раскопок цитадели Двина³⁶. Близкая по форме крупная глиняная модель известна также с Кипра. Она представляет собой аналогичное ограждение диаметром в 38 см, со стенками в 9 см высотой и крупной прямоугольной дверью. Внутри ограды помещены фигуры людей и животных³⁷.

Дикайос, датирующий этот предмет 2000 г. до н. э., считает его храмом под открытым небом, посвященным трем богам: богине Матери — земле, Змею — подземному божеству и священному Быку, что является неоспоримым доказательством агркультурного характера религии, распространенной на Кипре в эпоху ранней бронзы³⁸. Эванс же считает, что здесь изображен сельскохозяйственный двор³⁹.

Мне кажется, что мнение Дикайоса более правильно, так как находки из Кипра, Армении и Грузии показывают, что в этих странах применялись модели алтарей и храмов.

Изображения людей в птичьих масках, по-видимому, олицетворяющих жрецов бога небасолнца, с чьим культом связано изображение

птицы имеются и на бронзовых поясах, обнаруженных Е. Малазином в том же Н. Баязете и Ж. де Морганом из Мусери и Ахталы⁴⁰. Что же касается людей в медвежьих масках, то их роль пока не ясна. Изображения медведей в Армении известны в сравнительно небольшом количестве. Наиболее ранняя скульптура медведя происходит из раскопок Р. Торосяна в раннеэнеолитическом Техутском поселении близ Эчмиадзина и представляет собой миниатюрную глиняную фигуру, выполненную схематически без подчеркивания отдельных деталей головы⁴¹. По-видимому, культ медведя был распространен на Кавказе, где он считался родственным человеку⁴². Наиболее близкой по времени и иконографически аналогией является крупная глиняная скульптура медведя, обнаруженная мною в Поплоз-гахе (табл. 22, рис. 1—2).

Наличие указанных моделей, так же как находка уникальной глиняной модели двухэтажного храма в Астхи-блуре⁴³, каменных многоликих и одноликих идолов в Запегзуре, Шамшадине, Мецаморе, Кармир-блуре, Ноемберине, Двине и т. д., а также многочисленных бронзовых скульптур в Армении, странах Кавказа и Ближнего Востока, указывают на широкое применение в жилых и культовых помещениях разных моделей и отдельных фигур, отображающих культовые представления. Одновременно рассмотренные модели из Лори и Н. Баязета дают определенное представление об архитектуре древних храмов Армении: наряду с прямоугольными урартскими храмами типа «Суси» (Эребунни, Тейшебанини), раннеармянским храмом в Астхиблуре и др. имелись также храмы круглой формы, с прямоугольными дверьми со стрельчатым фронтоном, напоминающим фронтон модели Астхиблурского храма.

Другим важным комплексом, свидетельствующим о культовых представлениях древности, являются очаги-модельны, найденные в крепостях Поплоз и Тмбадир. Речь идет не об обычных очагах в виде тондыров или выложенных из камней, применяемых в хозяйстве, а специальных святилищах, устроенных в помещениях. Очаг в крепости Поплоз был обнаружен во фрагментарном виде. Он имел или круглую форму, как раннебронзовые

³⁵ Д. Коридзе, Позаботимся о защите случайно обнаруженных археологических памятников. Сб. «Друзья памятников культуры», Тбилиси, 1969, стр. 82 (на груз. яз. с русским резюме).

³⁶ К. Г. Кафадарян, О времени основания города Двина и о языческом храме на выгороде, ИФЖ, № 2, 1966, стр. 53 и посл. (на арм. яз.).

³⁷ P. Dikaios, Les cultes prehistoriques dans l'île de Chypre Syria, t. 13, fasc 4, Paris стр. 345—354, табл. 70, 71.

³⁸ P. Dikaios, The excavations at Vounaus Bellapais in Cyprus, 1931—2. Archaeologia (London) Vol. 83, 1940, стр. 1—174, табл. 78.

³⁹ A. Evans, The Palace of Minos at Knossos vol. 4 p. 1, pl. 166, сноска II, рис. 140, стр. 177.

⁴⁰ Л. О. Минацкая, Следы поклонения солнцу в Армении, Тр. ГМА, I, Ереван, 1948, стр. 68, рис. 1; Ж. де Морган, указ. соч., стр. 90, рис. 54, стр. 164, рис. 190.

⁴¹ Устное сообщение Р. Торосяна.

⁴² З. П. Соколова, Культ животных в религиях, М., 1972, стр. 83.

⁴³ С. А. Есаян, Астхиблурский могильник, ВООИ, № 6, 1968, стр. 95.

культовые очаги, или, что более вероятно, полукруглую форму, и был пристроен к основанию стены. Его диаметр 80 см, высота бортов 20 см. Рядом с очагом лежала глиняная статуэтка медведя высотой в 33 см. Скульптура представляет фигуру мощного медведя с крупной, сильно стилизованной головой, стоящего на задних лапах, со скре-

стелла с рельефно выступающими фигурами медведя и быков, у основания которой возвышался полукруглый очаг, наполненный священной золой. Как видно из реконструкции, этот очаг-стелла напоминает аналогичные культовые стеллы из Двина, Мецамора, Баба-Дервиша, Сары-тепе и Нацар-гора, часть которых украшена скульптурами быков,

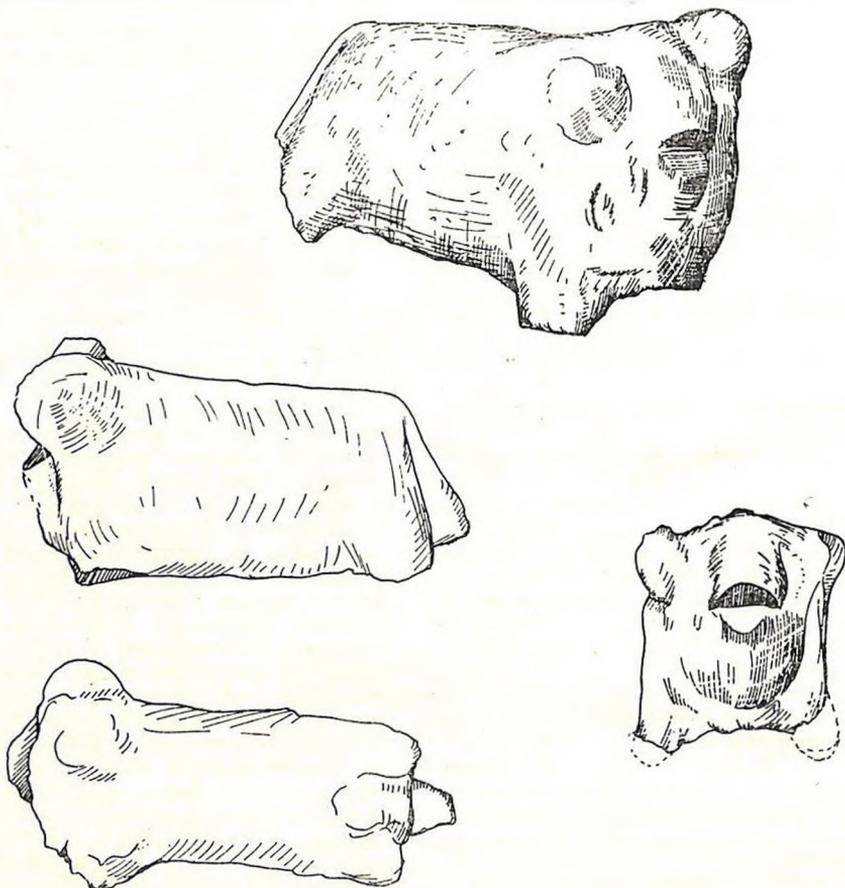

Табл. 155. Статуэтка из Тмбадира.

щенными передними лапами, что создает впечатление «танцующего» медведя. В нижней части скульптуры имеется небольшой выступ, указывающий, что она имела какую-то подпорку. Вся спинная часть отбита, из чего следует, что фигура была прикреплена к какому-то предмету, по-видимому, к глиняной стелле; по обе стороны от фигуры медведя были прикреплены две бычьи головы, от которых сохранились два разных рога, также изготовленных из глины (табл. 29, рис. 3—5). Если эта реконструкция верна, то в указанном святилище стояла крупная

двухголовых баранов, змеями, рельефными линиями, кружками и т. д.⁴⁴ Поплоская стел-

⁴⁴ К. Г. Кафадарян, О времени основания города Двина..., стр. 54; О. А. Даниелян, Культура раннего железа на территории Азербайджана, Автореф. канд. дисс., Баку, стр. 8; Э. В. Ханзадян, Культовые памятники Мецамора, стр. 57; Н. Нариманов, Дж. Халилов, Археологические раскопки на холме Сары-тепе (1956), МКА, IV, Баку, 1962, стр. 44; Дж. Халилов, Поселение на холме Сары-тепе, СА, № 4, 1960, стр. 69; Г. Гобеджшвили, Холм Нацар-гора близ гор. Сталинири, Мияохивели, II, Тбилиси, 1951, стр. 272—276.

ла, была связана с символом и мощи и плодородия. На культовое назначение помещения указывает и то обстоятельство, что его внутренность была сплошь засыпана пеплом, который, по-видимому, не выбрасывали, а оставляли внутри помещения.

Культовые очаги обнаружены также в крепости Тмбадир. Как уже указывалось во II гл., к южной стене помещения 2 примыкал жертвенный очаг прямоугольной формы, северная сторона которого несколько округлена. Очаг представляет собой площадку размером в $1,05 \times 0,75$ м, оконтоуренную грубо обтесанными известковыми плитами высотой в 15—20 см. Внутреннее пространство очага обмазано двухсантиметровым слоем хорошо отмученной глины, которая от огня приняла ярко-красную окраску. Перед очагом имеется площадка из обожженной глины, толщиной в 5 см, шириной в 1 м и длиной в 1,8 м, на которую вступали жрецы для зажигания или поддержания огня священного очага.

Частично сохранившийся очаг аналогичной формы обнаружен в шурфе 2 той же крепости. Рядом с ним найдена статуэтка быка, изготовленная из красноватого известняка (табл. 155). Животное изображено в сидячем положении с приподнятой крупной головой, со стоящими торчком ушами и открытой пастью. Ноги небольшие, стилизованные, хвост длинный. Скульптура, по-видимому, является подражанием местного мастера блестящим образцам из бронзы, который, несмотря на весь примитивизм исполнения, сумел выразить самое характерное — мощь и силу животного.

Оба очага из Тмбадира являлись культовыми, о чем в первую очередь свидетельствует их конструкция. Об этом же говорит наличие специальной площадки из обожженной глины перед очагом из второго помещения, не имеющей практического значения. О культовой сущности указанных очагов говорит также находка рядом с очагом из второго шурфа упомянутой каменной статуэтки быка, символизировавшего мощь и плодородие. В связи с культом плодородия можно также вспомнить, что при раскопках доурартских слоев города Тейшебанин часто на краю зерновых ям или у крупных горшков с зерном по соседству с очагом встречались каменные идолы, без сомнения, имеющие связь с культом предков, домашнего очага и плодородия, играющим огромную роль в условиях первобытно-общинного строя⁴⁵. Хотя идолы из Тейшебанин и Тмбадира совершенно различны, здесь неоспоримо

наличие общности культа плодородия и домашнего очага. Это тем более вероятно, что во всех помещениях Тмбадирского поселения были обнаружены как крупные зерновые ямы, так и карасы, также предназначенные для хранения зерновых. Эти очаги, находящиеся рядом с зернохранилищами, могли служить для защиты пищевых запасов от злой силы, как и жертвенник-очаг из кладовой 25 цитадели Тейшебанин.

Говоря о культовых предметах Тмбадирского поселения, необходимо остановиться и на других изделиях. В частности, с культом очага связана находка в первом помещении округлого глиняного предмета, напоминающего основание макета Астхилурского храма, в центре которого вместо макета храма имеется круглое отверстие. По-видимому, и это изделие (табл. 35, рис. 7) является небольшим переносным культовым очагом.

Исключительный интерес представляет обнаруженный в помещении 4 Тмбадира фрагмент верхнего камня зернотерки, на котором высечены две свастики, что впервые встречается на подобных изделиях (табл. 54, рис. 1).

Факт украшения зернотерки свастикой — символом солнца, так же как аналогичные символы солнца в виде «бегущей» спирали на черпаках из Лчашена, Артика и Джархеча, крестов на маслобойках, а также на священных хлебах из Мецамора позволяют предположить, что полученная с их помощью продукция — мука, масло, выдержанное вино или испеченные в специальных формах хлебцы применялись жрецами при тех или иных ритуальных обрядах, посвященных культу солнца и плодородия.

Здесь же найден и другой интересный предмет — фрагмент глиняного сапожка с четко отмеченной круглой ступней и каблучком, украшенный треугольными и овальными выемками (табл. 54, рис. 6). К сожалению, не сохранилась верхняя кубовая часть сапожка. Подобные сапожки хорошо известны из Лчашена, Давид-бека, Каджарана, Лцена, Нахичевана, Калакента, Ханлаза и некоторых пунктов Северного Кавказа⁴⁶.

⁴⁵ С. А. Есаян, А. Н. Шагинян, Археологические находки в Зангезуре, СА, № 3, 1962, стр. 204; А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 148; Г. Н. Понсе, Сосуды-сапожки Мингечаура, МКА, I, Баку, 1949. Один новый сапожок, случайно найденный при земляных работах в селе Корнидзор, вместе с ранее найденными из Лцена хранится в Горисском краеведческом музее. Сапожок высотой в 24 см имеет расширяющееся вверх, расрубное голенище, снабженное в верхней части небольшой круглой ручкой. Носок сапожка в передней части сильно загнут вверх.

⁴⁶ А. А. Мартиросян, Город Тейшебанин, стр. 74.

В специальной литературе о значении сапожков имеется различное мнение. Часть исследователей (М. И. Максимова, А. А. Иессен) считает, что сосуды-сапожки являлись предметами для магических действий. Другие же (например, Паттер) считают, что эти сосуды использовались в быту и их форма случайна. Г. И. Ноце относит сапожки к числу предметов для магических действий, использовавшихся при обрядах хтонического культа. На наш взгляд, правы А. А. Иессен и М. И. Максимова, хотя в настоящее время трудно сказать, с какими именно магическими действиями связаны эти сосуды. Свящать их с обрядами узкохтонического культа не представляется уместным, особенно после нахождения двух кармирблурских⁴⁷ и тмбадирского сапожков, обнаруженных в поселениях неподалеку от зернохранилищ, а не в погребениях, что говорило бы об их узкой специализации.

Другим комплексом изделий, свидетельствующим о культовых представлениях древности, являются статуэтки, в большом количестве найденные в памятниках Северо-Восточной Армении. Большая группа таких статуэток, датируемых началом I тыс. до н. э., обнаружена в 1967 г. в местности Лезгидзор, в 8 км севернее села Паравакар Шамшадинского района⁴⁸.

Первая группа паравакарских статуэток изображает воинов (табл. 148, рис. 2, 3) высокого роста, хорошо сложенных, с широкой грудью и четко отмеченным фаллом. Два из них вооружены длинными копьями и щитами полуцилиндрической формы, два других (табл. 149, рис. 1, 2)—небольшими круглыми щитами, а в правой руке держат нечто вроде рога или ритона. Лица у всех статуэток плоские, с прямыми носами, глаза и рот отмечены выемками. На головах у всех воинов имеются гребенчатые шлемы с роговидными выступами. Две фигуры снабжены поясами, от которых отходят небольшие книжады. Статуэтка мужчины с таким же плоским лицом и с роговидным предметом в руке, датируемая началом I тыс. до н. э., известна из Мелеани⁴⁹.

Ко второй группе относятся две женские статуэтки (табл. 149, рис. 3, 4). Первая изображает невысокую, стройную женщину с узкой талией, небольшими грудями, широко

раскрытыми руками, крупной головой и большим носом. Маленький рот отмечен выемкой, глаза подчеркнуты двумя выпуклыми точками. Волосы уложены вокруг головы в виде тюрбана. Вторая фигурка—женщина с узкой талией, широкими бедрами и длинными полными ногами, руки разведены в стороны, крупная голова заканчивается высокой прической. В правой руке она держит вертикальный предмет, несколько напоминающий рыбу. В этом же комплексе обнаружены фигурки животных—сильно стилизованной лошади и собаки (табл. 149, рис. 5, 6).

Наиболее интересной находкой является модель боевой колесницы с двумя воинами, стоящими в кузове. Не касаясь деталей колесницы, которые рассмотрены в предыдущей главе хочется отметить ее культовое назначение (табл. 148, рис. 1). По-видимому, она символизировала солнце. В изображениях на различных предметах имеется много символов, связывающих колесницы с культом солнца. Среди них выделяются глиняные модели повозок и телег с бычьей упряжкой, на лбу которых выведены иногда звездные знаки⁵⁰. Еще больше изображений колесниц имеется на бронзовых поясах Закавказья с антропоморфными фигурами и геометрическими изображениями солнца, указывающими на то, что эти повозки и колесницы связаны с почитанием солнца. Интересно отметить, что на оттиске одной урартской печати сохранились отпечатки четырехколесной повозки с дышлом, ярмом и очень ярким солнечным знаком над нею. За повозкой шествует верховный жрец, а за ним—чудовище с головой дракона; над дышлом повозки и перед драконом изображены звезды⁵¹. Интересен культовый сосуд из Диллижана начала I тыс. до н. э.⁵² (табл. 197, рис. 1). Верхняя часть его украшена точечным изображением двухколесной колесницы, с запряженными под ярмо двумя стилизованными конями. В кузове стоит женская фигура, держащая в руке серповидный предмет; такой предмет держат в руках и женщины-колесницы, изображенные на поясе из Астхблурского могильника. Впереди колесницы изображена вторая фигура с приподнятыми руками. Чуть дальше изображены идущие друг за другом козы, которые, огибая туловище кувшины, следуют непосредственно за колесни-

⁴⁷ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, Л., 1970, табл. 69—70.

⁴⁸ С. А. Есаян, А. О. Мнацаканян, Находки новых бронзовых статуэток в Армении, СА, № 2, 1970, стр. 157.

⁴⁹ К. И. Пицхелаури, Древняя культура племен, населяющих территорию Цоро-Алазанского района, стр. 155, табл. XVI.

⁵⁰ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 35.

⁵¹ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 279, рис. 90.

⁵² А. О. Мнацаканян, Раскопки могильников в селении Головно, Тр. ГМА, т. V, рис. 23.

цей. Эта ритуальная процессия жертвенных животных подчеркивает магическое значение ориентации сосуда. Подобные изображения в большом количестве известны также в наскальных изображениях Гегамских и Сюникских гор⁵³.

В Шамшадине, кроме указанных статуэток, были найдены и другие. Так, в селе Нарвур найдены еще две бронзовые статуэтки—

изображающая фаллическую фигуру воина с медвежьей головой, с широко расставленными ногами и раскрытыми руками (табл. 146, рис. 2). В левой руке он держит небольшой круглый щит, а в правой—крупную шаровидную булаву.

Несколько слов о каменных статуэтках из святилища Салкар. От первой сохранилась нога, по-видимому, статуэтка изображала

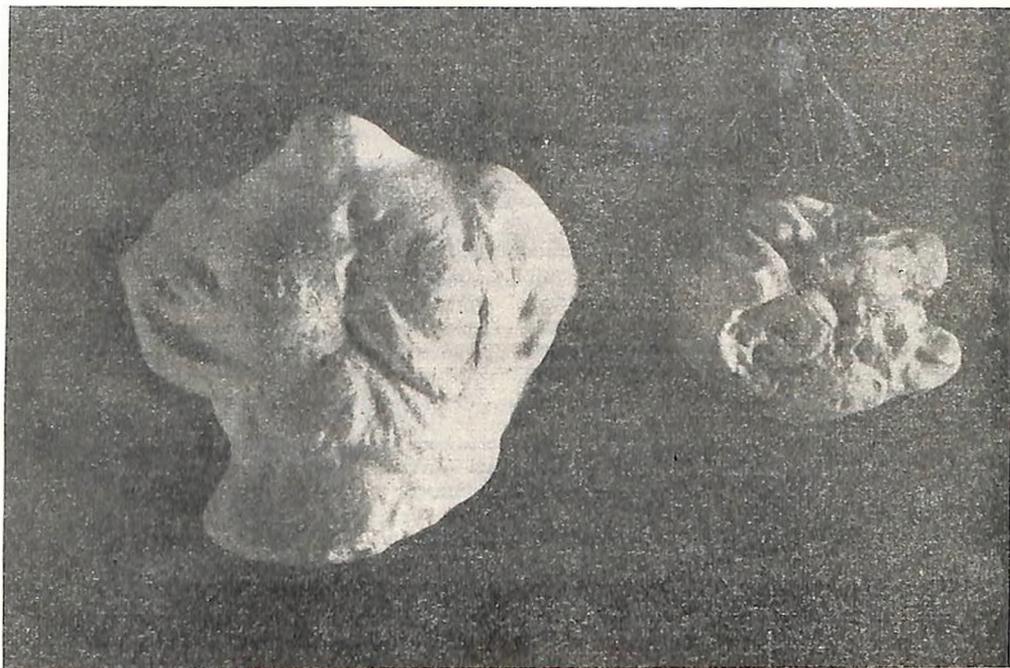

Табл. 156. Статуэтки из Ordzhonikidze.

фигура женщины (табл. 149, рис. 7, 8) и собака с раскрытой пастью. Фигурка изображает стройную женщину с плотно приставленными стройными ногами, низкой талией, с небольшими округлыми грудями. Волосы ниспадают на плечи, нос небольшой, рот чуть открыт, глаза отмечены выемками.

Все женские статуэтки из Шамшадина, несмотря на некоторые различия в деталях, принадлежат к одному и тому же культурно-хронологическому кругу и, по-видимому, символизируют культ плодородия.

Из Норашенской крепости Шамшадинского района найдена еще одна бронзовая статуэтка, относящаяся к VI—V вв. до н. э.,

женщину с расширенным тазом и полными ногами. На поясище видны следы пояса, а у колен—следы одежды. От второй статуэтки сохранились ступни и часть пояса (табл. 81). Бронзовые статуэтки мужчины и женщины с сходным телосложением известны из села Ибрагим-Гаджилли Таузского района Азербайджанской ССР⁵⁴.

Возвращаясь к интерпретации параван-

⁵³ Э. Я. Ямпольский, Статуэтки мужчины и женщины эпохи бронзы из с. Ибрагим-Гаджилли Таузского района и начальные формы религии. Сб. «Арх. исследования в Азербайджане», Баку, 1965, стр. 94; Г. П. Кесаманлы Э. Я. Ямпольский, Историко-археологический комплекс из села Ибрагим-Гаджилли Азербайджанской ССР, СА, № 1, 1968, стр. 275.

⁵⁴ Г. О. Караханлы, П. Г. Сафин, указ. соч., стр. 43; А. А. Мартirosян, А. Р. Исраелян, указ. соч., стр. 39.

карских статуэток, нужно сказать, что кроме культа плодородия эти статуэтки символизируют верховных богов, быть может, и Тешуба как верховного бога войны, изображенного в образе воина. Что же касается нораненской скульптуры, то она, имея те же атрибуты несколько отличается от паравакарских. Изображения фигуры в образе медведя, как видно из описания аналогичных статуэток на моделях храмовых площадок и поплоской стелы, символизируют мощь и плодородие с той лишь разницей, что стоящие в храмах фигуры с медвежьей маской, по-видимому, являются жрецами, в то время как нораненская скульптура изображает самого бога.

Другая большая группа статуэток, датируемых серединой I тыс. до н. э., найдена у подножия циклопической крепости III шагалмы в разрушенном погребении при расширении дороги Айрум-Ноемберян⁵⁵. Эта коллекция из 31 литых статуэток представляет собой чрезвычайно богатый клад изделий, свидетельствующих о высокой культуре древней Армении. Первую группу образуют семь скульптурных фигурок людей, в числе них воин в гребенчатом шлеме с небольшим круглым щитом в руке (табл. 151, рис. 3). Женские фигуры изображены с чуть расставленными стройными ногами, с тонкой талией и небольшими грудями, отмеченными налечными кружочками. Лица плоские, с большими носами. На шеях у всех гривны и другие украшения. Одежда отсутствует, четко обозначены атрибуты пола. Все женские статуэтки, кроме одной (табл. 151, рис. 1, 2, 4—7), имеют вытянутые вперед руки, в левой держат кувшины грушевидной формы, а в правой—роговидный предмет.

Позднее удалось найти еще одну фигуру из этого же клада, представляющую фаллическую статуэтку воина в гребенчатом шлеме с небольшим полуцилиндрическим щитом в руках (табл. 146, рис. 3). По всей вероятности, айрумские статуэтки имеют то же культовое назначение, что и паравакарские, символизируя культ плодородия, воскрешения и т. д. Однако в отличие от паравакарских здесь имеется больше ритуальных особенностей. Создается впечатление, что женщины показывают процесс переливания из кувшинов какой-то жидкости в рог. Это особенно четко наблюдается на двух фигурах (табл. 151, рис. 5, 6). Другие как бы предлагают кому-то наполненный рог.

Другую группу айрумских статуэток образуют фигурки хищных и травоядных жи-

вотных. Хищники представлены (табл. 152, рис. 1, 3, 5, 7, 9, 11; табл. 154, рис. 1—6) 12 статуэтками собак и волков, часть их имеет петельки для подвешивания и, по-видимому, служила амулетами. Травоядные животные представлены (табл. 152, рис. 2, 4, 8, 10, 12; табл. 153) 11 фигурками лошадей и одного быка. Особенно интересна фигура быка, спишка которого покрыта парадным покрывалом (табл. 154, рис. 7). Близкие по форме головки быков украшают навершия посохов из Арчадзора и Толорса⁵⁶.

В связи с этим нужно сказать, что много бронзовых котлов, украшенных скульптурными изображениями быков, обнаружено в урартских памятниках. Подобные изображения известны из Вана, Алишара, Гуши (оз. Урмия) и ряда других мест⁵⁷. Необходимо также напомнить, что бык, служивший символом мощи и плодородия, связан с астральным культом⁵⁸. Не случайно в урартском пантеоне богов бык выступает вместе с богом войны; бури, непогоды и водной стихии—Тейшебой. Изображение бога Тейшебы, стоящего на быке, сохранилось на бронзовом поясе из Кармир-блур⁵⁹ и на рельефе из Адильджеваза⁶⁰.

В числе скульптурных изображений имеется ряд украшений, в частности, булавка из Астхи-блур⁶¹ с навершием в виде расходящихся во все стороны головок оленей, снабженным небольшой петелькой в центре (табл. 140, рис. 10) и лунницы из Хртанца, увенчанные головками коз.

Интересно отметить, что в Урарту, Каппадокии, Иране и Закавказье встречаются изображения двухголовых лошадей, на которых иногда сидит фигурка, опирающаяся на голову животных. По мнению М. Ростовцева, на геральдическом коне должна быть изображена богиня плодородия, владычица лошадей, чей культ распространен в странах Древнего Востока, и особенно в Малой Азии. На некоторых животных вместо фигуры всадника поме-

⁵⁶ См. ОАК за 1894 г., стр. 17—18, рис. 12; МАК, 6, стр. 135; А. О. Мнацаканян, Находки предметов бронзового века в сел. Толорс, КСНИМК, 54, 1954, рис. 41.

⁵⁷ Б. Б. Пиотровский, Искусство Урарту, Л., 1962, стр. 58—60.

⁵⁸ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 97.

⁵⁹ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 225, рис. 69.

⁶⁰ С. А. Burney and G. R. J. Lawson, Urartian Reliefs at Adilcevaz on Lake Van and a Rock-Relief from the Karasu, near Birecik, Anatolian Studies, VIII, 1958, стр. 211.

⁵⁵ С. С. Есаля, А. О. Мнацаканян, указ. соч., стр. 161.

щается подковообразный выступ⁶¹, что наблюдается на вышеуказанных булавке и луннице из Хртаноца (табл. 117, рис. 8).

Развивая мысль М. Ростовцева, М. Ш. Хидашели подобные изделия связывает с культом плодородия и владычнцы зверей. Изображения оленей, туров и собак автор считает зооморфными образцами великой владычнцы зверей — богини плодородия⁶². Кстати, у сванов и хевсуров волки и собаки являются посланцами богов для претворения в жизнь их воли⁶³.

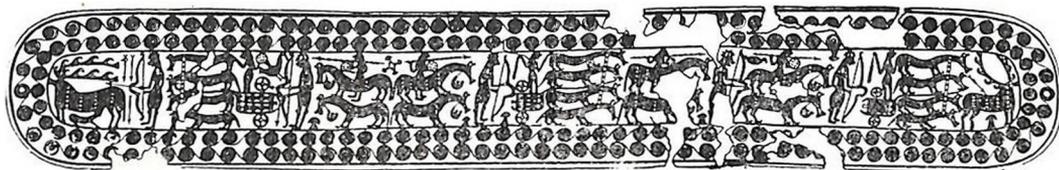

Табл. 157. Бронзовый пояс из Астхи-блура.

Замечательные коллекции статуэток животных, представленных фигурами оленей, лошадей, быков и баранов, известны также из Тальша, Ленкорани и Северо-Западного Ирана, где они датируются X—VIII вв. до н. э.⁶⁴ Большое количество таких статуэток найдено и в Дагестане и других местах⁶⁵.

Статуэтки людей в Армении и на Кавказе были известны и ранее (Сарикамыш, Н. Баязет, Дагестан и др.)⁶⁶, но они резко отличаются от вышеописанных.

⁶¹ Ш. Я. Амиранавили, История грузинского искусства, Тбилиси, 1959, стр. 61.

⁶² М. Ш. Хидашели, О некоторых религиозно-культурных параллелях между Кавказом и Луристаном., Тезисы 10 сессии по Древнему Востоку, М., 1968, стр. 67.

⁶³ В. В. Бардавелидзе, Древнейшие религиозные верования и обрядовое искусство грузинских племен, Тбилиси, 1957, стр. 48.

⁶⁴ J. de Morgan, La Préhistoire orientale III Paris, стр. 273, рис. 264; W. Culican, The Mides and Persian, табл. 13, 15; R. Ghirshman, унас. соч., рис. 39—43; P. Calmeier, Alt iranische Bronzen der Sammlung Bröckelen, Berlin, 1964, табл. 7—10, 39—42, 62—63; Alt iranien Ancien, Bruxelles 1966, табл. 106, 293; G. Contèneau, D'Archeologie Orientale, IV, Paris, 1947, рис. 1202; A. Parrot, Ninveh and Babylon, Thames and Hudson, 1961, рис. 148; 1700 years of Irania art 1964—65, рис. 42; R. Ghirshman, Perse; 1964, рис. 358.

⁶⁵ А. А. Нессен, Работы на Сулаке, ИГАНМК, 110, стр. 29; А. П. Круглов, Культурные места Дагестана, КСНИМК, XII, 1946, стр. 31; Н. В. Мегрелидзе, Археологические находки в Дидо, СА, XV, 1954, стр. 281.

⁶⁶ С. В. Бессонов, Бронзовые статуэтки из Сарикамыша, Изв. ин-та наук и искусств Арм. ССР, Ереван, 1930, стр. 57—74; А. А. Захаров, Кавказ, Малая Азия

Как видно, статуэтки из Паравакара, Навура, Норашена и Айрума относятся к широко распространенным в I тыс. до н. э. изделиям, связанным с культом плодородия, могущества, водной стихии, покровительства животным. Отдельные животные, в частности, лошадь, также связаны с культом солнца⁶⁷, а часть хищников могла иметь еще и тотемическое значение.

Говоря о хищниках, в частности, о собаках, нельзя не вспомнить о богах-песеглазцах — аралезах, которые по словам Н. Эмина,

являются «вечно лижущими» божествами с человеческими туловами и собачьей головой и культ которых связан с существовавшей у древних армян верой в воскрешение мертвых⁶⁸.

Это замечание сделано Н. Эмином в связи с переводом «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, при разборе легенды об ассирийской царице Шамирам, современнице урартского царя Менуа (ассир. Шамурапат, Семирамида, мать ассирийского царя Аданира III)⁶⁹. Шамирам, восплавав любовью к армянскому царю Ара Прекрасному, предлагает ему взять себя в жены или же, удовлетворив ее страсть, возвратиться домой с миром и большими дарами. Получив отказ, она с большим войском направляется в Армению, намереваясь силой добиться своего. Однако Ара, переодетый простым вонном, погибает в

и Эгейский мир, Тр. САРАНИИ П. М., 1928, стр. 34—36; С. Бархударян, Страна Великухи, Тр. Ин-та истории культуры, Ереван, 1935, стр. 184—185 (на арм. яз.); Ш. Я. Амиранавили, указ. соч., табл. 17 (при издании не указано место находки); Г. Гоян, Театр древней Армении, I, М., 1952, стр. 226 и примеч. 117—120 на стр. 489—496; А. А. Нессен, Работа на Сулаке, стр. 29; А. П. Круглов, Культурные места Дагестана, стр. 31; Н. В. Мегрелидзе, Археологические находки в Дидо, стр. 281.

⁶⁷ А. А. Миллер, Элементы неба на вещественных памятниках, ИГАНМК, М.—Л., 1933, стр. 130.

⁶⁸ Моисей Хоренский, История Армении, М., 1858, стр. 52, прим. 57.

⁶⁹ В. В. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 68.

сражении, не узнавший ассирийцами. Найдя труп Ара, Шампиром приказывает поднять его тело на крышу, чтобы аралезы его оживили⁷⁰.

Манук Абегиан считает, что здесь сохранен древний миф об Астхик-Деркетю и ее любовнике, тождественный древневосточному мифу о Таммузе и Иштар⁷¹.

Насколько живуча была в Армении вера в аралезов, говорит тот факт, что армянский философ V в. Езник Кохбаци, борясь с языческими представлениями своего времени, доказывал, что не могли от собак произойти аралезы—существа, способные оживить павших на войне посредством зализывания их ран⁷². Об этих же верованиях армян говорит другой армянский историк V в.—Фавстос Бузанд, повествуя о смерти спарпета Мушега Мамиконяна, родственника которого, принизв голову к туловищу, положили его тело на кровлю башни, надеясь, что к нему сойдут аралезы и воскресят его⁷³.

Разбирая сарикамышские статуэтки, Г. Гоян подробно рассматривает этот вопрос и считает, что часть их изображает аралезов⁷⁴. Мне кажется, что собаки могут быть связаны с культом воскрешения, являясь исполнителями воли верховных богов.

Приведенные аналоги свидетельствуют о том, что изготовление статуэток было развито не только в Армении, но и в Передней Азии, Иране, Закавказье и Северном Кавказе. Этот вид искусства своими корнями уходит в глубь веков⁷⁵, хотя, без сомнения, ритуальные обряды уже не могут быть общими.

При рассмотрении скульптурных изображений и связанных с ними культов особый интерес вызывает находка двух гипсовых женских бюстов в одном из погребений Гегамнахпюрского могильника (табл. 156). Первый из них—небольшой, около 10 см длины, бюст женщины со скрещенными руками под обнаженными округло выступающими грудями. С плеч спадает хитон, складки которого видны на части живота. Голова отбита, левая сторо-

на нижней части бюста также слегка отбита. Над левой рукой между грудями имеется углубление, сделанное при изготовлении бюста. От второго бюста сохранилась лишь средняя часть. В отличие от первого бюста, здесь вместо сосков сделаны углубления. Под скрещенными руками и на части живота, как и на первом бюсте, видны следы складок хитона.

Оба бюста, по-видимому, относятся к первому веку до нашей эры, к кругу изделий античной культуры. Трудно сказать, являются ли они ввезенными или изготовлены на месте, что в данном случае не имеет значения. Важно другое, а именно, что уже в первых веках до н. э. в Армении настолько сильно было влияние античной идеологии, что вместе с другим инвентарем в местные погребения клали и подобные статуэтки.

Большой группой представлены браслеты, амулеты, подвески, мечи, керамика и т. д., основная масса которых украшена крестом и свастикой, символизирующими культ солнца⁷⁶. Эти изделия, хорошо известные по находкам из Киргии, Джархеча, Редкин-лагеря, Астхи-блуря и других памятников Северо-Восточной Армении, не являются плодом узколокального производства и были широко распространены по всей Армении и во многих странах древности. Совершенно другое значение имеют описанные в первых двух главах змеиноголовые браслеты, датированные X—II вв. до н. э.⁷⁷ Без сомнения, эти браслеты были связаны с культом змеи, имеющим очень древнее происхождение и существовавшим во всех концах земного шара. Змея казалась существом особого порядка⁷⁸. Культ змеи в Передней Азии, где она являлась олицетворением подземного мира известен с древнейших времен. Культ змеи был распространен и в Армении. Изображения змей, кроме указанных браслетов, встречаются и на многих предметах, хотя иногда и в сильно стилизованном виде. Они известны на расписных сосудах из Кизил-Ванка⁷⁹, на расчлененных кубках, жертвенных курлышницах и княжалах из Лчашена, на сосудах из Артика, Сананина, Носмберяна и ряда других мест. В Армении культ змеи всегда был тесно связан

⁷⁰ М. Хоренаци, История Армении, стр. 53.

⁷¹ М. Абегиан, История древнеармянской литературы, Ереван, 1948, стр. 348.

⁷² Մանուկ Աբեգյանի, Կրթական պատմություն, Թիֆլիս, 1914, 12 68—70.

⁷³ История Армении Фавстоса Бузанда, Ереван, 1953, кн. V, гл. XXXVI, стр. 182.

⁷⁴ Г. Гоян, Театр древней Армении, т. I, М., 1952, стр. 320, 321, 324 и посл.

⁷⁵ Можно вспомнить фаллические статуэтки воинов и женщины, датированные концом IV—началом III тыс. до н. э. из Джуудейда (Сев. Сирия); см. R. Braidwood and Braidwood, Excavations in the plain Antioch, Chicago, (1960, стр. 307, рис. 240—245.

⁷⁶ С. А. Есаян, Амулеты, связанные с культом солнца из Армении, стр. 255.

⁷⁷ С. А. Есаян, Бронзовые браслеты Гос. музея Армении, Изв. АН Арм. ССР, № 2, 1964, стр. 89 (на арм. яз.).

⁷⁸ Л. Я. Штернберг, Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1936, стр. 411.

⁷⁹ А. А. Спицын, Некоторые закавказские могильники, ИАК, 1909, № 29, рис. 4.

с культом рыбы, символизирующей воду и плодородие⁸⁰.

На сосудах из Астхи-блур, Гегами-ахшюра и других мест имеются изображения коз, свастик, крестов, шестирядной звезды, деревьев жизни и змей. Эти символы, тесно связанные с культом плодородия, солнца, молнии-грозы и неба, указывают на многообразие культов аборигенов Северо-Восточной Армении (табл. 112, рис. 4; табл. 120, рис. 1, 4, 9; табл. 129, рис. 2).

Говоря о сосудах с зооморфными изображениями в виде коз и баранов, нужно указать, что они бытуют до раннеармянского времени и часто украшают ручки и плечики сосудов из Тмбадира, Норашена, Гегами-ахшюра, Астхи-блур, Крапашти-яла и других выше-рассмотренных памятников. Подобные сосуды в большом количестве происходят из Мингечаура⁸¹, Кара-тепе⁸², Мугани⁸³ и ряда других памятников Закавказья.

К. М. Скалон отмечает, что культ барана как священного животного восходит к глубокой древности. Фигура барана на сосудах должна была предотвратить проникновение в сосуд злых духов⁸⁴.

Другой группой культовых сосудов являются сосуды в виде уток. Подобные сосуды найдены в Хртаноце, Ноемберяне, Астхиблуре. Хртаноцкий сосуд представляет собой изготовленный вручную большой сосуд в виде утки на четырех низких ножках, с плоским хвостом и длинной шеей. Вырез края трубки изображает открытый клюв птицы. Горловина сосуда помещена в центральной части спинки. На единственной ручке сосуда имеется продольная прорезь без выступа. Сосуд такой же формы обнаружен в комплексах Арсакарского могильника. Такие же кувшины, несколько иной формы, найдены в храмовом помещении Астхиблурской крепости: один — целый (табл. 27, рис. 2) и два — в фрагментах. Это зооморфные расписные сосуды, имеющие дисковидное тулово светло-розового, почти кремового цвета, украшенное прямыми вертикальными и горизонтальными полосами, нанесенными красной краской. Сосуд стоит

на двух стилизованных птичьих ножках и украшен двумя широкими выступами-крыльями и узким хвостом с небольшим отверстием. Второе отверстие имеется в части отбитой головы. В центре верхней части сосуда имеется небольшой отбитый выступ, который, по всей вероятности, округло соединялся с головной частью, как это часто встречается на вышеуказанных сосудах из Хртаноца, Норашена, а также Мингечаура, причем последние датируются VII—VI вв. до н. э.

Говоря о сосудах в форме птицы и их культовом назначении, нельзя не вспомнить о многочисленных подвесках в виде водоплавающей птицы, широко известных в погребальных комплексах позднебронзового и железного веков (Лчашен, Артик, Редкин-лагерь, Дилижан, Шамшадин и т. д.). Здесь нужно вспомнить также каменную головку птицы с выпуклыми круглыми глазами и небольшим клювом, происходящую из Норашенской крепости (табл. 146, рис. 5).

Уникальной находкой является замечательный бронзовый черпак из Джархеча, имеющий округло-вздутое, эллипсоидное тулово с широким поддоном⁸⁵. От тулова отходит ручка в виде согнутой в колене человеческой ноги, обутой в мягкий чувак с загнутым носком. От пятки ноги к поддону отходит узкая планочка, соединяющая черпак с ножкой. На колене и верхней части ступни имеются два кольца. Борта ковша черпака украшены орнаментальным пояском в виде «бегущей» спирали. Такой же орнамент проходит в верхней части ручки, оконтуренной косыми линиями и штрихами. Такие же косые линии проходят и по нижней наружной стороне планки, соединяющей пятку с поддоном.

Находки подобных сосудов чрезвычайно редки. До настоящего времени, кроме рассмотренного, известны еще два. Один из них происходит из Лчашена и имеет округло-вздутое тулово с длинной полой ручкой, с прорезными клиновидными выемками, завершенной колесом, с сидящей над ним фигуркой сильно стилизованной птицы⁸⁶. Другой сосуд происходит из Артика⁸⁷. Он также имеет округло-вздутое эллипсоидное тулово с профилированным бортом. От одного края отходит

⁸⁰ Б. Е. Пиотровский, Вишаны—каменные статуи в горах Армении, Л., 1939, стр. 29.

⁸¹ Т. И. Голубкина, О зооморфной керамике из Мингечаура, МКА, II, Баку, 1951, стр. 203.

⁸² О. Ш. Исмаилов, Раскопки холма Кара-тепе в Мильской степи, стр. 218.

⁸³ И. М. Джафар-заде, Элементы археологической культуры древней Мугани, Изв. АН Аз. ССР, № 9, 1946, стр. 42.

⁸⁴ К. М. Скалон, Изображение животных на керамике сарматского периода. Тр. отд. истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, т. I, 1941, стр. 18.

⁸⁵ С. А. Есаев, О некоторых бронзовых сосудах древней Армении, ВОН, № 8, 1966, стр. 93—95. В статье ошибочно указывается, что черпак происходит из Редкин-лагеря. Хранится в отделе Востока Гос. Эрмитажа, инв. № К-369.

⁸⁶ А. О. Мнацаканян, Лчашенские курганы, КСИА, вып. 85, стр. 68, рис. 24.

⁸⁷ Раскопки Т. С. Хачатряна, материал не опубликован.

круглая полая ручка, прикрепленная к ковшу тремя заклепками. Ручка арктического черпака также изогнута и в нижней части имеет небольшое расширение, напоминающая пятку сильно изогнутой ноги какого-то животного. Под пяткой и в центре ножки проходят два пояса, украшенные клиновидными выемками и «бегущей» спиралью.

Интересно отметить, что все три черпака украшены орнаментом, связанным с культом неба и солнца. Так, черпаки из Джархеча и Артика орнаментированы «бегущей» спиралью, обозначающей, как известно, движение солнца по небесному своду. Ручка же лчашенского черпака украшена колесом с вписанным крестом, также символизирующим солнце, в то время как фигурка птицы символизирует небо. Такая близость по орнаментации позволяет предположить, что эти черпаки использовались при исполнении ритуальных обрядов. Все эти сосуды тесно связаны с символикой культовых верований древних армянских племен. Интересно, что козы, олени и быки, особенно последние, являлись символами могущества и плодородия, одновременно являясь символами неба-молнии. На наш взгляд, здесь имеет место явная трансформация двух божеств—мощь небамолнии вызывает дождь и следствием его является плодородие.

Последнюю группу предметов, свидетельствующих о культовых представлениях, составляют бронзовые пояса, найденные в Хртанце и Астхи-блуре.

Бронзовые пояса и их фрагменты найдены в Хртанцеском могильнике при раскопках 1929 г. Все они украшены точечным орнаментом, кроме одного фрагмента, украшенного изображением какого-то животного, и второго фрагмента с двухрядным спиралевидным бордюром⁸⁸. Среди хртанцеских поясов самым интересным является бронзовый пояс, изготовленный из тонкой листовой бронзы, с тремя отверстиями на концах для завязывания. Наружная поверхность украшена шестирядным гравированным орнаментом «бегущей» спирали. Этот пояс имеет великолепную сохранность и значительно обогащает наши представления о культуре металлообработки аборигенов Хртанцеского ущелья⁸⁹.

Другой уникальной находкой является пояс из погребения 14 Астхи-блуре, изготовленный из кованого бронзового листа (90 × 15 см)⁹⁰. Внешняя его сторона сплошь

покрыта гравированными изображениями сцены охоты и астральных знаков (табл. 157). Бордюры украшены взаимно-перекрещивающимися черточками и двойным рядом орнамента «бегущей» спирали. Внутреннее пространство крестом делится на две части. В левой части пояса изображена всадница с четко обозначенными половыми атрибутами, с запасным конем и приподнятым для метания копьем. Фигуры всех коней на поясе имеют вытянутое тулово, короткие ноги и заостренные морды. Перед всадницей стоит мужская фигура с четко подчеркнутым фаллом—символом мужской власти, плодородия и рожества. На голове у него (как и у всех лучников) зубчатый шлем, в руках крупный изогнутый лук с вставленной в тетиву стрелой. Перед лучником находится колесница, запряженная четырьмя лошадьми под ярмом. Кузов колесницы сзади открыт, и в нем стоит женская фигура со щитом, украшенным изображением креста в левой руке и плетевидным предметом в правой. Подобный предмет имеется и в руке колесничего, изображенного на вышеописанном кувшине из Дилижана. Перед колесницей стоит совершенно аналогичная фигура лучника, также со вставленной в тетиву стрелой. Сюжет замыкает фигура оленя с ветвистыми рогами и сосущим сосунком. В правой части повторяется та же сюжетная картина, с тем отличием, что здесь изображены три ряда всадников, две колесницы с колесничими и три лучника, чередующиеся между собой. Кроме того, у двух лучников тетива опущена и одна стрела вошла в спину оленя. Здесь уместно сказать, что стрелы лучников, изображенных слева, падают перед ними, не долетая до цели, в то время как на правой стороне они поражают оленя. По всей вероятности, самка оленя с сосунком не поражается стрелами с целью предотвращения гибели молодняка для дальнейшего воспроизводства. Необходимо отметить, что изображения охотничьих сцен, имеющих определенную религиозную значимость и, по мнению Б. Б. Пиотровского, связанных с космической религией, не случайно часто встречаются в начале I тыс. до н. э. Это не было пережитком прошедших эпох, а явилось следствием вторичного усиления охоты, тесно связанного с усилением отгонного скотоводства⁹¹.

В композиции рассматриваемого пояса видны два начала. Первое представляют фигуры охотников-лучников в львиных масках и лучистых шлемах, являющиеся образами бога солнца, чьи стрелы мнут самку с

⁸⁸ А. А. Мартиросян. Раскопки Головино, стр. 22, табл. IV.

⁸⁹ С. А. Есаян, Г. А. Оганесян, указ. соч., табл. XIII.

⁹⁰ С. А. Есаян, Погребение № 14 Астхиблурского могильника, ИФЖ, № 1, 1967, стр. 223.

⁹¹ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 92.

детенышем, но убивают ~~сатана~~. Как видно, верховное божество солнца выступает здесь в одном случае в качестве покровителя животных, в другом — в качестве покровителя охоты. Вторым композиционным началом изображения являются всадники с запасными небесными конями и женщины, стоящие на небесных колесницах, выступающие, как и мужчины, в львиных масках и также принимающие участие в охоте, о чем свидетельствуют высоко поднятые копыта в руках всадниц. Как уже указывалось, все антропоморфные фигуры выступают в львиных масках и имеют поразительное сходство с аналогичными изображениями охотников в таких же масках на поясах из Ахталы и Мусиери.

Описанная сцена носит ярко выраженный ритуальный характер, связанный с культом солнца и плодородия, издревле распространенным повсеместно и являющимся одной из основ верований в ряде стран. Как сказано выше, пояс опоясан двойным рядом орнамента «бегущей» спирали, который, как и вписанный в круг крест, подчеркивает непрерывность движения солнца по небесному кругу. Кроме этого общего признака, встречающегося на многих поясах, на астихблурском поясе центральным знаком, делящим композицию на две части, является крест, образованный из полудуний и имеющий большое сходство, если не абсолютную тождественность, с крестом на поясе из Мусиери⁹².

Как известно, крест и свастика являются одними из распространенных символов солнца. Так, изображение креста имеется на груди египетского жреца бога солнца Амона⁹³, а также на груди бронзовой статуэтки урартской богини Арубани — супруги верховного бога урартского пантеона — бога неба Халди⁹⁴. Символика солнца и значение креста хо-

рошо изучены Дешелетом и А. А. Миллером, указывающими, что распространенной и простейшей формой небесного знака является круг с вписанным крестом или свастикой⁹⁵. Такого же мнения придерживается Б. Б. Пиотровский⁹⁶.

Колесницы в свою очередь являются символом солнца. Подтверждением этому служит обнаруженная на острове Зеелан в 1902 г. находка в виде диска и фигуры коня. Конь был непосредственно связан с диском и при помощи такой запряжки должен был катать солнечный круг⁹⁷. В этнографических материалах ряда стран солнце выступает именно в виде колесницы, запряженной конями и движущейся по небосводу. Сам конь, отдельно взятый, также символизирует солнце⁹⁸. В этой связи интересно отметить, что на одном из фрагментов бронзового пояса из Вардениса (Басаргечар) имеется изображение коня с птичьей головой и шеей и причудливыми ушами⁹⁹, явно символизирующее небесное животное. В армянском эпосе конь Куркик-Джалали, будучи морским творением, обладает чудесной способностью взлетать на небо к солнцу. Под мордами изображенных на поясе коней подвешены кормушки, имеющие форму полудуний или секир, также являющихся астральными знаками.

Таким образом, охотничья сцена, изображенная на рассматриваемом поясе, одновременно носит ритуальный характер, связанный с культом плодородия и солнца. Если эта трактовка окажется правильной, то она лишь раз докажет связь плодородия и рождения с культом солнца.

⁹⁵ А. А. Миллер, указ. соч., стр. 134.

⁹⁶ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 93.

⁹⁷ А. А. Миллер, указ. соч., стр. 130.

⁹⁸ Там же, стр. 149.

⁹⁹ А. О. Мнацаканян, Археологические находки в селении Басаргечар Армянской ССР, КСНММК, вып. 60, 1955, стр. 45.

⁹² Ж. де Морган, указ. соч., рис. 172.

⁹³ А. А. Нейхард, Происхождение креста, М., 1950, стр. 5.

⁹⁴ Б. Б. Пиотровский, Искусство Урарту, стр. 82.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Северо-Восточная Армения, где еще с середины прошлого столетия производились первые археологические раскопки, особенно интенсивно стала изучаться в последние десятилетия, когда были открыты десятки крепостей, поселений и могильных полей, выявивших богатую материальную культуру, охватывающую эпохи бронзы, железа и раннеармянского времени. Район чрезвычайно богат также средневековыми памятниками, которые, естественно, не входят в настоящую работу и еще ждут своих исследователей.

При изучении памятников Северо-Восточной Армении было установлено, что часть циклопических крепостей, в частности II и III шагламы, были заселены еще в III тыс. до н. э. При изучении материалов этих крепостей, так же как погребений раннебронзовой эпохи, выявлено, что культура Северо-Восточной Армении указанного времени имеет близкие связи с Кироваканской группой раннебронзовой культуры Северной Армении, образуя, по-видимому, локальную группу, имеющую много общего с памятниками Грузии и нижнего течения реки Агстев, а также определенные связи с памятниками Араратской долины.

В эпоху средней бронзы материалы рассматриваемых районов выявляют тесные связи с памятниками Севанского бассейна и Узерлика, входя в группу памятников пунктирной белоникструированной керамики Севан-Узерликского района. В то же время расписные сосуды этой эпохи выявляют определенные связи с той же Севан-Узерликской группой, одновременно сближаясь с Кировакано-Триалетской группой расписной керамики. Не противоречит этим связям также металлический инвентарь, в частности, шамшадинские топоры, аналогичные парадной секире из Тбилиси и имеющие много общего с боевой секирой из Кироваканского кургана. Близкие связи с кинжалом из этого же кургана выявляет и кинжал, найденный с расписной керамикой из села Кирги.

Интересные связи выявляются из памятников эпохи поздней бронзы и железа. Необ-

ходимо указать, что эти памятники, как и материалы из памятников предыдущих эпох, имея поразительное сходство с материалами из памятников других районов Армянского нагорья, выявляют широкое межплеменные связи с Севанским бассейном, Артиком, Сюником, Самтавро, Кахетией, Казахом, Мшигечауром, Кировабадом и т. д. В указанное время появляется группа привозных изделий, в частности, колхидо-кобанские топоры, копыя с закрытой втулкой и т. д., указывающих на широкое связи с памятниками Закавказья. Не противоречат этому многочисленные находки в указанных районах мечей ворнакского типа, широко распространенных в Кедабекке, Калакенте, Ханларе, Кировабаде, Арчадзоре и Грузии, где большое количество мечей двух вариантов (с обрубленным и закругленным концом) известно из раскопок в Самтавро и особенно в Алазано-Иорской долине, где они сопровождаются трубчатыми кинжалами, также хорошо известными в рассматриваемых районах Северо-Восточной Армении.

Особенно интересны материалы раннеармянского времени. Обнаружение десятков поселений и могильников данного периода указывает, что эти районы были тесно связаны с остальными районами Армянского нагорья в период образования первых армянских династий. Эти памятники особенно интересны также тем, что все крепости однослойны и их материалы могут помочь уточнению периодизации многослойных памятников Араратской долины.

Найденная здесь чрезвычайно богатая материальная культура—разнообразная керамика (фялы, кувшины, чаши, миски-чайники, карасы и т. д.), различные железные копыя, кривые ножи и кинжалы, орудия труда и украшения—выявляет поразительные связи с синхронными памятниками Армении (Джрарат, Акнер, Армавир, Арташат и т. д.) Наряду с этим продолжают определяться связи с Грузией, в частности, с Кахетией, где имеются хорошо известные железные боевые топоры и небольшие топорчики типа найденных в

Норашенской и Бердакарской крепостях. Кроме того, необходимо указать на появление в указанных районах привозных изделий кобанского типа (разные фибулы, пряжки, булавы и т. д.), увозящих в Северную Осетию и Дагестан.

Обнаруженный богатый археологический материал дает возможность выяснить также многие вопросы хозяйственной и культурной деятельности местных племен.

Находки сельскохозяйственных орудий и средства передвижения, изображенные на различных изделиях, дают возможность судить о хозяйственной деятельности не только раннеармянского времени, но и всех эпох. Начиная с ранних этапов изучаемого периода в долинах рек появилось орошаемое земледелие. Наряду с этим использовались влажные лесные участки, особенно в увлажненных долинах верхнего течения рек Агстев и Тапдзут, где без полива выращиваются зерновые и плодовые культуры.

Поливное земледелие и строительство оросительных каналов особенно развивается в эпохи поздней бронзы.

Развитие оросительных систем, уход за ними мог быть под силу лишь прочным организациям родо-племенных объединений. На такую организацию указывает также строительство многочисленных циклопических крепостей, возведение и защита которых, без сомнения была не под силу небольшим родовым группам.

Многие из указанных крепостей воздвигались как загоны для скота во время военных действий и в случае нападения. Другая часть их возводилась на высокогорных пастбищах и служила для охраны скота и пастбищ в летнее время. Остальные охраняли перевалы, проходы через ущелья и сами поселения.

Наряду с земледелием высокого развития достигло отгонное скотоводство. Osteологический материал, найденный при раскопках поселений и могильников, повсеместно говорит о преобладании крупного рогатого скота, что указывает на оседло-земледельческую форму хозяйства племен Северо-Восточной Армении. Об этом же свидетельствуют находки костей свиней, указывающие на развитое свиноводство, несовместимое с кочевой или полукочевой формой хозяйства.

Найденные в большом количестве предметы материальной культуры говорят о наличии ряда ремесел. Важное место среди них занимает металлообработка. Судя по приведенным материалам, начиная с глубокой древности в указанных районах производились добыча меди и литье бронзы (районы Ноёмберяна, Дилижана, Шамшадна и т. д.). Полученный металл применялся как для изготовления раз-

личных видов орудий труда, предметов вооружения и украшений, так и, по-видимому, в виде слитков экспортировался в соседние районы. Эта же картина повторяется и в эпоху железа, когда добытое железо идет не только на удовлетворение собственных нужд, но служит также целям обмена. По-видимому, этим объясняется появление кобанско-кохидских топоров, коний с трубчатыми вулками и т. д., явно являющихся предметами импорта.

Наряду с металлообработкой высокого развития достигла обработка камня, идущего, в основном, на удовлетворение собственных потребностей для строительства циклопических крепостей, поселений, могильников и т. д., а также для изготовления различных предметов вооружения и орудий труда.

Вместе с этим из агата (Иджеван), сердолика (Головинно) и т. д., в основном, на месте готовились различные бусы, которые, как и сам камень, могли вывозиться.

Высокого развития достигает деревообработка. В богатых лесами районах Северо-Восточной Армении лесоматериалы применялись как для собственных нужд (строительство домов, различных повозок, колесниц, телег и т. д., молотилок, рукоятей сельхозорудий и различного вооружения), так и могли вывозиться в соседние безлесные равнинные области.

Одну из основных отраслей домашнего ремесла составляли прядение и ткацкое дело. Об этом свидетельствуют находки остатков грубой и тонкой ткани из погребений Редкин-лагеря. Косвенным свидетельством являются также находки большого количества игл, пряслиц, булавок, фибул, разнообразных блях и пуговиц, нашиваемых или закрепленных, различных по форме одежд.

Не менее важную роль среди домашних ремесел занимали выделка и обработка кожи. Кожа употреблялась для изготовления шнуров, канатов для волочения бревен, а также различных бурдюков, частей упряжи и т. д. Значительная часть кожи шла на выделку овчины для одежды, чистая обработанная кожа использовалась для изготовления поясов, обуви и, в основном, доспехов.

Материалы раскопок памятников Северо-Восточной Армении дают много сведений о военной организации и фортификации указанных племен.

Циклопические крепости сгруппированы вокруг центров племен или сооружены на границах, перевалах, а также на пастбищах и угодьях. Подавляющее большинство крепостей не имело сложных оборонительных сооружений. Лишь в редких случаях неподалеку от входа или в наиболее уязвимых местах воздвигались контрфорсы или башни. Основной

фортификационный замысел строителей крепостей заключался в окружении труднодоступных местностей каменными стенами, изобегании мертвых пространств и устройстве ловушек в виде «каменных мешков» перед входами. Нужно отметить, что подобные ловушки известны и в крепостях Севанского бассейна и т. д.

Военные отряды и дружины племен Северо-Восточной Армении, вначале небольшие, постепенно с укреплением племенных союзов усиливались. Причем они стали подчиняться племенным вождям и превратились в грозную силу, состоявшую из легкой и тяжелой пехоты—отрядов копейщиков, секироносцев, лучников и т. д., а также колесничих, конницы и обоза. Наличие крепостей и военной силы давало возможность племенам нападать друг на друга с целью грабежей и отражать взаимные нападения.

Памятники архитектуры и материальной культуры Северо-Восточной Армении содержат много сведений о древнейших верованиях племен, населявших указанные районы. Основным источником для рассмотрения указанных вопросов являются предметы древнего искусства—браслеты, медальоны, подвески, статуэтки и т. д. Анализ материалов показывает, что почти во все эпохи аборигены Северо-Восточной Армении поклонялись культу солнца, плодородия, воскрешающей и умирающей природы, молнии и разным космическим явлениям. Об этом говорят также многочисленные каменные идолы, обрядовые статуэтки, которые вместе с жертвенными очагами ставились в молельных и помещениях. В более позднюю эпоху известно несколько храмов, обнаруженных в Астхи-блуре, Салкаре, Арцаваберде и Хортамбоце. Особый интерес вызывают находки небольших бронзовых моделей культовых площадок со стоящими в них людьми в мас-

ках—жрецам, которые также выставлялись в молельных. Примером этому может служить находка в одном из помещений крепости Поплоз остатков стелы, к которой были прикреплены глиняные головы быков и статуя медведя, возвышающаяся над культовым очагом.

Эти и другие факты указывают, что культы, распространенные в указанных районах, имели общую основу с культами, распространенными на всем Армянском нагорье и Кавказе. Примером может служить культ владычицы лошадей и богини плодородия, изображенной в виде женской фигуры, сидящей на двухголовой лошади, распространенный в Урарту, Каппадокии, Иране, Закавказье. Необходимо, однако, сказать, что, по-видимому, при общности культов обряды поклонения не везде были одинаковыми.

Таким образом, рассмотренные районы Северо-Восточной Армении имели весьма тесные связи с другими районами Армянского нагорья и соседних районов Закавказья. Крупная сеть крепостей, почти не уступавших по количеству и качеству крепостям Севанского бассейна и других районов Армении, указывает также на возросшую военную и политическую мощь племен Северо-Восточной Армении. Но даже в коалиции с племенами Севанского бассейна и соседних областей они не смогли противостоять силам государственных войск Урарту, которые поголову разбили их, что засвидетельствовано довинарской надписью. Результатом этого поражения в конце VIII в. до н. э. явились опустошительные грабежи и, быть может, продолжительное выплачивание дани.

Это обстоятельство привело к тому, что указанные районы не смогли создать самостоятельного государственного объединения и уже к VI—V вв. до н. э. были включены в состав раннеармянского царства.

ЦИКЛОПИЧЕСКИЕ КРЕПОСТИ СЕВЕРО- ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ, НЕ ИССЛЕДОВАННЫЕ РАСКОПКАМИ

1. *Арчисская циклопическая крепость* находится в 1 км южнее села Арчис, на высокой горной гряде, идущей параллельно реке Дебед и господствующей над правобережьем реки Дебед и небольшой Айрумской равниной. На южной ее оконечности выстроена мощная циклопическая крепость, из которой прекрасно обозреваются ущелье реки и ближайшие окрестности.

Арчисская крепость занимает территорию около 2 га. Высота сохранившихся стен местами достигает 3 м. Стены шириной в 4 м выложены из крупных гранитных блоков двухрядной кладкой с промежуточным заполнением из щебня и крупных булыжников.

Крепость, повторяя конфигурацию местности, имеет форму вытянутого с севера на юг изломанного овала, окруженного однорядной стеной. В восточной части крепости возведена небольшая цитадель, занимающая 1/4 площади крепости, стены которой образуют второй внутренний ряд. Между северо-западной стеной цитадели и внешней северной стеной сооружена поперечная стена. Вход в крепость не сохранился. Стены крепости лишены дополнительных укреплений в виде башен или контрфорсов, но и они резко изломаны, что давало возможность для нанесения фланкирующего удара. Рядом с крепостью еще недавно находился обширный могильник, разрушенный при строительстве дороги Айрум—Арчис, материалы которого, хранящиеся частично в школьном музее Айрума, относятся к рубежу II и I тыс. до н. э.

2. *Циклопическая крепость Данели-тала* находится в 3 км северо-восточнее села Лчкадзор на вершине лесистого выступа, прозванного местными жителями Данели-тала. Возвышенность, на которой расположена крепость, имеет вытянутую форму; крепость повторяет конфигурацию местности. Она окружена однорядной стеной, от которой сохранился один ряд кладки шириной в 2,5 м. Стены ме-

стами снабжены углами и изломами. В юго-западной части крепости находится цитадель, имеющая округлую форму и расположенная на округлой юго-западной части возвышенности и ее террасах.

Вдоль террас возведено три ряда стен с южной и два ряда с северной стороны, где сливаются первый и второй внешние ряды южных стен. Вход в крепость устроен в юго-восточном углу в виде прохода шириной в 5 м, по обе стороны от которого имеются небольшие башни. Две такие же башни, удаленные друг от друга на 10 м имеются в северо-восточной части крепости. Стена между ними имеет форму выступающего над обрывом угла. Противник при входе в крепость встречал глухую стену цитадели и должен был прорываться между двумя рядами стен до противоположной от входа стороны цитадели, находясь под обстрелом между двумя стенами, то есть в своеобразном каменном мешке, столь часто встречаемом в крепостях Северной Армении.

3. *Бердатахская циклопическая крепость*, которую местные жители называют Бердатах или Парисси-манцортнер, находится в 1,5 км юго-восточнее села Кохб. Крепость расположена на высоком холме, имеющем с трех сторон труднодоступные склоны, и лишь с юго-восточной—несколько покатые, где, по всей вероятности, был расположен вход в крепость (табл. 42). Крепость господствует над окружающей местностью и прикрывает дорогу Кохб—Нюемберян—Иджеван, по которой, как увидим ниже, расположен еще ряд крепостей. Стены крепости почти не сохранились, лишь местами видны отдельные камни. Сохранился небольшой отрезок стены на юго-восточном углу второго внешнего ряда крепостной стены. Однако основание стен прослеживается до настоящего времени, что дает возможность установить конфигурацию стен и размеры всего сооружения. Крепость, повторяя форму холма, представляет собой вытянутый с юга на север треугольник, обнесенный двухрядной стеной

без каких-либо дополнительных башен и контрфорсов. Сохранившиеся участки стен выложены из базальтовых глыб величиной в 0,5—1 куб. м двухрядной кладкой с промежуточным заполнением из щебня и булыжника. Ширина стен достигает 4 м, высота—1 м. Расстояние между двумя рядами стен 20—25 м. Крепость имеет территорию около 1,5 га. Следов каких-либо помещений не имеется.

Восточнее крепости, приблизительно в 300 м, видны следы крупного поселения, названного местными жителями Арсонц-гол, а еще восточнее, в 2—3 км, в местности Арса-кар имеется обширный могильник.

4. *Циклопическая крепость Паташар* находится на территории лесничества, расположенного в 15 км юго-западнее Кохба, и господствует над окружающей местностью (табл. 45). Крепость построена на южной оконечности обширного плато; с трех сторон она защищена резкими обрывами и лишь с северной стороны имеет свободный доступ. Ее конфигурация напоминает вытянутый с востока на запад треугольник. Территория крепости около 0,5 га. Стены сильно разрушены, хотя имеются сохранившиеся участки, благодаря которым можно установить, что ширина стен достигала 3 м; они сохранились на высоту до 4 м и выложены из крупных базальтовых камней двухрядной кладкой с промежуточным заполнением из более мелких камней и щебня. Стены крепости почти прямые с небольшими изгибами, повторяющими форму местности, но в отличие от вышерассмотренных крепостей снабжены тремя башнями, расположенными на концах треугольника. Вход шириной в 5 м расположен неподалеку от северо-восточной башни и находится под его прикрытием. Вся поверхность крепости вспахана и занята под картофельные плантации рабочих лесничества. Здесь во вспаханной земле удалось поднять несколько бесформенных черенков черной керамики, в том числе фрагмент крупного черного лощеного кувшина с округлым венчиком, шейка и верхняя часть тулова которого украшены горизонтальными рельефными поясками. Эта орнаментация напоминает аналогичные сосуды начала I тыс. до н. э., хорошо известные из Редкин-лагеря, Головино, Астхи-блур и других памятников Армении, датированных указанным временем.

Севернее крепости, неподалеку от входа, видны следы поселения, где сохранилось несколько полукруглых и овальных ям, оштукатуренных камнями, являющихся, по-видимому, древними зерновыми ямами, вследствие чего местность получила название Хорери дош («Склон ям»). Здесь же была найдена крупная базальтовая ладьевидная зернотерка, часто встречаемая во всех памятниках расма-

триваемой эпохи. В 1 км от крепости имеется родник, которым, по-видимому, пользовались и жители крепости.

5. *Дуганадзорская циклопическая крепость* находится в 2 км восточнее Паташарской крепости в густом лесу, в ущелье Дуганадзор (табл. 43). Крепость расположена на кругом скальном выступе, примыкающем к склону горы и соединенном с ним небольшим узким перешейком. С трех сторон выступ имеет крутые, местами отвесные, труднодоступные для восхождения склоны. По склонам выступа, повторяя его форму, проходят массивные стены, шириной и высотой доходящие до 5 м, выложенные из небольших необтесанных базальтовых камней. Южная сторона крепости, обращенная в сторону перешейка, укреплена повторяющей форму ската полуовальной башней, размером 8×12 м. Тут же рядом с башней расположен вход в крепость шириной около 5 м. Вся поверхность крепости покрыта густым дерном, под которым, однако, прослеживаются следы полукруглых жилищ, выложенных из малообработанных камней. Площадь этой небольшой крепости составляет 750 кв. м. Неподалеку видны следы древней каменоломни, откуда, по-видимому, извлекали камень для сооружения крепости; в 1 км протекает ручей. По всей вероятности, Дуганадзорская крепость являлась форпостом Паташарской и прикрывала выход из ущелья, ведущего в направлении Кохба.

6. *Козманская циклопическая крепость* находится в 10 км западнее Кохба в местности Козман-дашт, на высоком холме, возвышающемся на сравнительно ровной местности (табл. 44). Крепость, повторяя конфигурацию холма, имеет удлиненно-вытянутую форму длиной в 300 м и средней шириной в 70 м, с общей территорией около 2 га. Крепостные стены сохранились плохо, в основном, в виде отдельных камней и небольших участков стен. Они выложены двухрядной кладкой, из крупных необработанных каменных глыб, с промежуточным заполнением из более мелких камней и щебня. Ширина стен 3 м, сохранившаяся высота их также достигает 3 м.

С трех сторон холм окружают неглубокие овраги, не представляющие особых препятствий для подхода к крепости. Наиболее доступной стороной является восточный склон холма, где устроен вход шириной в 5 м. В южной части входа к крепостной стене пристроена большая башня в виде выступа, в то время как северный отрезок восточной стены, образующий вход, заходит во внутрь крепости.

7. *Циклопическая крепость Бердатех* находится в 2 км северо-восточнее Ноемберяна на отдельной скалистой высоте. Поверхность крепости ровная, с обрывистыми, особенно

крутыми в юго-западной части, склонами, в 200 м от которых имеется каменоломня Крепость, повторяя конфигурацию местности, имеет форму неправильного прямоугольника площадью в 1 га. Стены почти не сохранились, лишь местами видны их следы в виде широких трехметровых площадок с многочисленными остатками щебня и камней. В юго-восточной части, где склон сравнительно пологий, сохранились следы древних башен, между которыми был расположен вход. Такие же следы имеются в отдельных уголках стен и, по-видимому, являются следами контрфорсов.

С крепости Бердатеж обозреваются крепости кохбского Бердатежа, Дзитанки-амроц и Тни-ган, находящиеся на расстоянии 1—6 км друг от друга. Так как рассматриваемая крепость находится между ними, то она, по-видимому, занимала в этой группе господствующее положение.

8. *Циклопическая крепость Тни-ган* находится на северной окраине Ноемберяна на округлом скальном выступе с почти ровной, поверхностью, с покатыми и доступными для восхождения склонами. Повторяя конфигурацию местности, крепость имеет округлую форму и заключена в однорядную стену. Стены шириной в 3 м местами сохранились в виде отдельных камней. Площадь крепости 1200 кв м. С крепости имеется зрительная связь с крепостями Бердатеж, Дзитанки-амроц и с кохбеком Бердатежом. Сравнительно слабая обороноспособность, связанная с рельефом местности, и близость с другими крепостями дает возможность предполагать, что крепость Тни-ган служила загонем для скота и сторожевым пунктом.

9. *Циклопическая крепость Дзитанки-амроц* находится в 2 км северо-восточнее села Калача, на высокой, скалистой, с крутыми склонами высоте, и на таком же расстоянии от крепости Бердатеж. Крепость, повторяя конфигурацию местности, имеет овальную форму и защищена однорядной стеной, от которой сохранился один ряд кладки шириной в 2,5 м. На северо-западном сравнительно покатом склоне находится вход в крепость, шириной в 5 м, по обе стороны которого сооружены башни, размером 6×5 м каждая. Стены не имеют дополнительных укреплений, но местами изломанные. С Дзитанкиской крепости имеется прекрасная зрительная связь с крепостями Ноемберянской группы. Площадь крепости 0,5 га, внутри ее видны следы поместий, а севернее имеется несколько древних погребений.

10. *Зикатарская циклопическая крепость* находится в 5 км западнее села Кохб на крутом выступе, склоны которого покрыты густым лесом. Местность называется Зикатаром по названию разрушенной часовни, так же как

Сурб Наатак в Сев-каре, Мецен в Севанском районе и т. д. Выступ, на котором находится крепость, имеет прямоугольную форму, с одной закругленной стороной, с двумя вершинами. От стен сохранились лишь кучи камней на отдельных местах шириной в 3 м. Склоны весьма крутые и доступны лишь для пешего восхождения. Территория крепости 0,25 га. У основания крепости имеется источник минеральной воды.

11. *Циклопическая крепость Арами блурн амроц* находится на восточной стороне села Джуджеван, на левой стороне дороги Ноемберян—Иджеван, напротив крепости Поплоз. Крепость расположена на покатом выступе, который называется высотой Арами или Азата. Выступ, на котором расположена крепость, имеет прямоугольную форму и вытянут с северо-востока на юго-запад. В настоящее время он застроен жилыми домами, при строительстве которых использованы камни крепостных стен, от которых сохранились лишь отдельные участки.

По конфигурации местности крепость имеет почти прямоугольную форму и обнесена однорядной стеной шириной в 2—2,65 м. Южные, юго-восточные и юго-западные стороны крепостной стены примыкают к скальным выступам, которые укреплены отдельными участками крепостных стен. Площадь крепости 1300 кв. м. Находясь на расстоянии 700—800 м друг от друга, крепости Арами блурн амроц и Поплоз в древности господствовали над дорогой Иджеван—Ноемберян, фортификационная взаимосвязанность обеих крепостей дает возможность предполагать, что обе крепости функционировали одновременно в начале I тыс. до н. э.

12. *Циклопическая крепость Шор-ахнур* находится в 5 км восточнее села Шаваршаван, на скальном выступе, возвышающемся над окружающей местностью на 150—200 м. Высота, на которой расположена крепость, имеет две вершины, соединенные друг с другом небольшим перешейком. Склоны труднодоступные и местами отвесные. Крепость, с территории чуть более 1,5 га, сооружена на северной высоте и, повторяя форму местности, имеет вид овала, окруженного однорядной стеной с сохранившейся высотой в один ряд кладки и шириной в 2,5—3 м и сложной в два ряда с внутренней забутовкой из мелких камней. С западной стороны проведена вторая стена, местами примыкающая к скальным выступам. С восточной стороны отвесные скалы заменяют стены. Вход в крепость устроен в северной части на стыке первого и второго ряда крепостных стен, в виде прохода шириной в 4,5 м. В северо-восточном углу крепости сооружена башня размером 4×5 м, а в юго-западной ча-

сти—контрфорсе длиной в 10 м, отступающий от стены на 1,5 м. В 10 м южнее контрфорса при слиянии стен первого и второго рядов образуется широкий выступ, размером 4×5 м, играющий роль своеобразной башни. Стены крепости местами имеют углы и изломы. На южной высоте наблюдаются следы небольшого сторожевого пункта, защищающего подступы к крепости. Пространство между крепостью и указанным пунктом в доступных для восхождения местах укреплено участками стен. Внутри крепости видны следы округлых помещений.

13. *Циклопическая крепость Сурб Саркис* находится в 10 км восточнее села Шаваршан, неподалеку от монастыря Сурб Саркис. Повторяя конфигурацию местности, крепость имеет форму почти правильного квадрата с террирной чуть более 3 га. С восточной и северной сторон выступ, на котором сооружена крепость, имеет отвесные склоны, обрывающиеся на десятки метров и частично заворачивающиеся к югу. К скалам южной части примыкает однорядная четырехметровая стена, выложенная из двух рядов крупных камней с средней забутовкой. Эта стена направлена на юго-запад, на 125 м, затем заворачивает на северо-запад и, продолжаясь на 165 м, округло заворачивает на северо-восток и сливается с восточной оконечностью северных скал. В части слияния стены со скалами северной стороны возведен полукруглый выступ шириной в 20 м и длиной в 35 м, внутри которого возведена полукруглая стена, возможно, служившая наблюдательным пунктом. Вход в крепость не сохранился. Внутри крепости на расстоянии 50—60 м друг от друга сохранились три ряда параллельных стен, делящих крепость на три отсека. В восточной части крепости, по-видимому, находилась цитадель, защищенная с трех сторон отвесными скалами, а с западной— тремя рядами стен. Внутри крепости и за западной стеной видны следы древних помещений круглой и прямоугольной формы. Крепости Сурб Саркис и Шор-ахшор находятся в зрительной связи друг с другом.

14. *Циклопическая крепость села Баганис* находится в 1 км юго-западнее села на округлом холме, возвышающемся на несколько десятков метров над окружающей местностью. Поверхность холма почти ровная, местами видны выходы материковых скал. По конфигурации холма крепость имеет круглую форму и обнесена однорядной стеной шириной в 3—5 м, выложенной из рваного базальта. Высота стен местами сохранилась до трех рядов кладки. Площадь крепости около 1100 кв. м. В северо-западной части крепости видны следы двух прямоугольных башен длиной в 4 м, выступающих от стен на 3 м. Проход

между ними, шириной в 6 м, по-видимому, служил входом в крепость. Внутри крепости видны следы нескольких помещений.

15. *Крепость Мухни-хач* находится в 2 км восточнее Н. Баингюха на правой стороне дороги Красносельск—Иджеван. Крепость расположена на правом берегу реки Гетик на холме, имеющем форму вытянутого овала. От крепости сохранился небольшой участок стен, полукругло охватывающих восточный склон холма. Стены выложены из грубо отколотых камней, уложенных в один ряд. На западном склоне холма находятся развалины небольшой средневековой часовни.

16. *Крепость Даити-берд* находится в 3 км юго-западнее села Мартуни, на почти овальном холме. Она обнесена однорядной стеной, повторяющей конфигурацию холма и выложенной из двух рядов крупных камней с средним заполнением из более мелких камней. Ширина стен достигает 3—4 м. Стены на восточном и северо-западном участках снабжены контрфорсами. В центре крепости сохранились отдельные ряды каменных кладок, по всей вероятности, являющиеся следами помещений. Одно крупное помещение длиной в 45 м и шириной в 15 м, разделенное перегородкой на две части, находится вне крепости на юго-восточном склоне холма. На западной стороне холма находится вход в крепость шириной в 3 м, защищенный двумя крупными прямоугольными башнями. Кроме основного входа крепость имеет еще два других. Один из них расположен на южном склоне, рядом со стеной вышеуказанного помещения, а второй— на северо-восточной оконечности холма. Ширина обоих входов 5 м. Плохая сохранность кладок не дает возможности выявить способ защиты указанных ворот, но некоторые следы говорят о том, что они защищались контрфорсами или дополнительно воздвигнутыми стенами. Площадь крепости чуть более 1/2 га.

17. *Циклопическая крепость Котакар* находится в 2 км западнее Астхлбурской крепости. Котакарская крепость расположена на высоком холме, имеющем почти ровную поверхность. Северные и западные склоны резко обрывистые и не требуют каких-либо дополнительных укреплений. Лишь восточная и южная стороны покаты и легко доступны для восхождения. С этих сторон крепость обнесена однорядной стеной шириной в 3 м. Площадь крепости обширная, чуть более 2 га, сплошь покрыта молодым лесом и не имеет каких-либо следов построек. Непосредственная близость от хорошо укрепленной Астхлбурской крепости, отсутствие следов жилых помещений, сильных фортификационных сооружений дает возможность предполагать, что крепость являлась сторожевым пунктом и

одновременно служила загонем для скота при неожиданных набегах.

18. *Циклопическая крепость Тхкут-дзор* находится в 4 км восточнее Астхи-блур, в зрительной связи с ним, на скалистом мысе прямоугольной формы, нависающем над притоком Агстева—рекой Тала (табл. 30). Южная и восточная стороны выступа, на котором расположена крепость, резко отвесные и не требуют дополнительных укреплений. Западная сторона крутая, а северная—узким перешейком соединяется с плато. По своей конфигурации крепость имеет прямоугольную форму и защищена двухрядной стеной, причем первая—восточная идет по склону, а вторая—по бровке склона. В южной части крепости, между западной отвесной скалой и восточной внутренней стеной, проложена поперечная стена, делящая крепость на две части. Стены шириной в 3 м сохранились в один-два ряда кладки. Они почти не укреплены, но резко изломаны и имеют углы. Лишь в северной части имеется небольшая прямоугольная башня, рядом с которой устроен трехметровый вход. Внутренний вход шириной в 2 м находится в северо-западной части крепости. Подобное устройство входа образует «каменный мешок», так как перед входом находилась глухая стена внутреннего ряда укреплений. Площадь крепости 0,5 га. Тхкутдзорская крепость, как и Котакарская, служила загонем для скота при неожиданных нападениях и сторожевой крепостью в военное время, защищая Астхиблурскую крепость со стороны глубокого ущелья реки Тала.

19. *Циклопическая крепость Армунг-ахнор* расположена в 3 км севернее Астхи-блур, на южной оконечности небольшой гряды, вытянувшейся с юга на север в глубокой ложбине, расположенной напротив Астхи-блур. Гряда с востока и запада имеет склоны, пока что спускающиеся в ложбину. Южный край резко обрывистый. Северный край крепости находится на продолжении указанной гряды. Исходя из небольших размеров крепости (чуть менее 0,3 га) и непосредственной близости от Астхи-блур, можно предположить, что она имела такое же значение, как и Котакарская и Тхкутдзорская крепости.

С юга и запада ее защищает однорядная трехметровая стена. Западная стена сооружена в виде тупого угла, северная же имеет форму острого угла, острием направленного на продолжение гряды. Восточная стена, длиной в 85 м, прямая. Для защиты ее сооружены три контрфорса, выступающие на 2 м от основной стены. Интересно разрешена проблема входа, сооруженного в юго-восточной части в виде прохода шириной в 4 м, который мог обстреливаться с восточной стены и первого юго-во-

сточного контрфорса. Кроме того, от южной стороны входа к указанному контрфорсу проведена поперечная стена, стоя за которой воины могли обстреливать ворвавшегося противника, а в случае неудачи—укрыться за ней в своеобразном отсеке, образованном указанной стеной и южной оконечностью крепости, дожидаясь помощи от Астхиблурского гарнизона.

Осмотр крепости Котакар, Тхкут-дзор и Армунг-ахнор не выявил никаких следов помещений, к тому же они густо заросли молодым лесом. В крепости Армунг-ахнор были заложены два шурфа размером 5×5 м в северной и южной частях крепости и траншея размером 6×1 м в центре. В траншее обнаружено два небольших куска древесного угля. В северном шурфе найдено два фрагмента черлощенного кувшина с характерным для сосудов VII—VI вв. до н. э. венчиком. Глубина слоя небольшая—30—40 см, после него выступает скальный грунт.

20. *Циклопическая крепость Окон* находится в 25 км западнее села Епокаван в зрительной связи с Астхи-блуром (табл. 37). Крепость расположена на крутом, невысоком, скальном холме округлой формы на левом берегу верховьев притока Агстева—реки Тала, приблизительно на отметке 1600—1700 м над уровнем моря, в зоне альпийских лугов.

Повторяя конфигурацию холма, крепость имеет форму полукруга и обнесена однорядной стеной шириной в 3 м, местами сохранившейся до 2 м высоты (табл. 30). Площадь крепости 1,25 га. С южной и западной стороны, на расстоянии 20 м от высшего ряда стен, возведена вторая линия оборонительных сооружений, прерывающаяся на северной и восточной стороне холма. Юго-западные углы стены второй линии укреплены выступающими пятиметровыми башнями. Отсутствие продолжения стен второго ряда в северной и восточной сторонах крепости может объясняться лишь тем, что при строительстве их не успели возвести.

Сохранился вход в крепость, устроенный в юго-восточной части холма в виде пятиметрового прохода, по обе стороны которого сооружены 10—12-метровые стены, образующие перед входом расширяющийся до 10 м коридор.

21. *Циклопическая крепость Сангар* находится на правом берегу реки Тала в 8 км юго-западнее крепости Окон. Крепость сооружена на высоком скалистом выступе, у подножья которого находятся летние кочевки села Епокаван, а на противоположном левом берегу реки Тала—стационарные скотоводческие фермы села Севкар. Здесь еще в XIX в. были сооружены церкви и небольшое поселение бердзенов (греков), занимающихся добычей

меди. Возможно, что здесь были древние разработки, которыми пользовались владельцы Сангарской крепости.

Холм, на котором находится крепость Сангар, имеет грушевидную форму. Его восточные и частично северные склоны резко обрывистые и, обрываясь на десятки метров, не требуют каких-либо дополнительных укреплений. От северо-восточной оконечности скалы начинается широкая четырехметровая стена, огибающая покатые склоны холма. Приближаясь к юго-восточному выступу скалы, но не доходя до нее, стена слегка заворачивает, оставляя между собой и скалой шестиметровый проход, являющийся входом в крепость. Сангарская крепость сравнительно слабо укреплена фортификационными сооружениями, что частично компенсируется крутым рельефом местности. Площадь крепости небольшая, чуть меньше 1 га.

22. *Крепость Срганес (искаженное Сурб Оганес)* расположена в 3 км северо-западнее крепости Тмбадир на высоком, треугольной формы каменистом холме размером чуть более 1/6 га.

Западные склоны холма резко обрывисты, недоступны для восхождения и поэтому не укреплены. Остальные стороны, хотя и крутые, для восхождения доступны, поэтому укреплены односторонней стеной, шириной до 2 м, сохранившейся местами до 0,7 м высоты. В северном углу находится небольшая часовая Сурб Оганес, по которой названы местность и крепость. По-видимому, в этой части, сливающейся с окружающей местностью, был вход в крепость.

Вся поверхность крепости, кроме небольших ложбин, состоит из обнаженных скал. В этих ложбинах было заложено три шурфа с целью уточнения времени функционирования крепости, но никаких следов материальной культуры не было обнаружено. По-видимому, это небольшая крепость, сооруженная на недоступном скальном выступе среди прекрасных лугов и возвышающаяся над современным Ачаджуром и древним Тмбадиром, служила загоном для скота, для защиты от грабителей.

23. *Циклопическая крепость Будури-кар* находится в 3 км восточнее села Агдана на высокой скале, возвышающейся над селом на несколько сот метров. С вершины холма прекрасно видны долина реки Агтев и отроги малого Кавказа. Хорошо обозреваются также крепости Енокаванской группы. Крепость прикрывает выходы из горного ущелья, ведущего в направлении Шамнадина. Скала, на которой сооружена крепость, имеет форму почти прямоугольного треугольника. С трех сторон она имеет резко обрывистые, местами отвесно падающие до 200 м скалы. С северной стороны

местами по отвесным кручам можно пробраться в крепость, и поэтому на протяжении 213 м возведена односторонняя стена, совмещающая восточные и западные углы скалы. Западная и восточная стороны ввиду невозможности подъема лишены каких-либо укреплений. Лишь южная часть холма, откуда по кручам можно взобраться в крепость, защищена двухрядной стеной.

Фактическая территория самой крепости, несмотря на ее большие размеры, небольшая. Дело в том что крепость, имеющая чуть более 2 га площади, не пригодна для жилья, так как вся южная часть представляет крутой склон с небольшими площадками, где можно было укрыть скот. Пригодная для жилья площадь находится лишь в северной части холма, где имеется прямоугольной формы площадка размером около 0,5 га, от которой начинается крутой склон протяженностью 100 м до второго внутреннего ряда стен. Ширина стен 3 м; местами они сохранились до 2,5 м высоты. В южной части сохранились два прохода, расположенных почти друг против друга, шириной в 2—3 м. В юго-западной части крепости имеется небольшая казнька.

С поверхности крепости мною поднято несколько десятков черепков керамики. Из найденных здесь образцов большую часть (12 штук) составляют фрагменты шеек широкогорлых кувшинов красного, серого, черного, цветов с бурым оттенком. Все они грубые, с небольшими венчиками и в подавляющем большинстве лишены какой-либо ornamentации. Лишь три из них украшены двойными вдавленными или рельефными линиями, а один — широким рельефным пояском. Аналогичный поясок имеет горлышко одностороннего светло-коричневого кувшина, венчик которого имеет форму зйнахон и который по форме и фактуре может быть датирован позднеахеменидским и раннеантичным временем.

Найдены также фрагменты трех мисок и одного горшка серого и черного цветов, украшенные рельефной или вдавленной линией. Из восстановленных форм найдены также два фрагмента от дисковидных крышек сосудов розового и черного цветов. Остальные фрагменты от крупных сосудов или каравов украшены двух или односторонним косым погтевым орнаментом, розетками неправильной формы, образованными из кружочков, рельефными поясками с овальными выемками, часто образующими своеобразную цепь и т. д. Керамика в подавляющем большинстве относится к грубой «кухонной» посуде. По своей фактуре и, отчасти, ornamentации она может датироваться IV—III вв. до н. э.

24. *Циклопическая крепость Мисмалар* расположена в 1 км юго-западнее села Цора-

шен Шамшадинского района, на левой стороне дороги, ведущей на кочевки, на округлом скалистом выступе, возвышающемся над окружающей местностью на 45 м. С трех сторон выступ имеет крутые, отвесные склоны и лишь с западной стороны полого спускается в направлении села Норашен (табл. 39). Крепость занимает территорию около 2,5 га и окружена четырьмя рядами стен, три из которых сооружены на вырубленных в скалах террасах, шириной в 20—40 м, а четвертая, от которой сохранились лишь отдельные камни на расстоянии 100 м, прослеживается на равнине. Юго-западная сторона выступа, имеющая отвесные склоны, не укреплена стеной, но включена в фортификационные укрепления. Высота сохранившихся местами стен достигает 2 м, а ширина—2,5—3 м. Вход в крепость находится в северной части, где между первым и вторым рядами стен оставлен свободный проход шириной в 5 м. Такой же проход оставлен в третьем ряду стен в 20 м западнее первого входа и в четвертом ряду в 40 м западнее второго входа. Таким образом, для того, чтобы пройти в крепость, необходимо было пройти 60 м зигзагами между тремя рядами стен, при этом непрерывно находясь в каменном мешке под перекрестным обстрелом защитников крепости. Приблизительно в 700 м восточнее крепости находится позднебронзовый могильник Хурджин-хогер, по-видимому, принадлежавший владельцам крепости, который может указать время ее функционирования.

25. *Циклопическая крепость Сеприк* находится в 2 км южнее села Кирги и на таком же расстоянии восточнее крепости Масмаляр (табл. 40). Скалистый выступ, на котором расположена крепость, по конфигурации напоминает ботинок и с трех сторон окружен глубокими ущельями и обрывистыми скалами. Лишь северная сторона полого сливается с окружающей равниной. Площадь крепости около 2,5 га; она возвышается над окружающей равниной на 40 м, а над ущельями более чем на 200 м.

Склоны выступа вырублены и образуют три террасы, шириной в 10—15 м, дополнительно укрепленные опоясывающими крепость стенами, и лишь со стороны равнины возведена четвертая стена. Стены шириной в 2,5—3 м местами сохранились на высоту в 1—2 ряда кладки.

В крепости Сеприк вход сохранился лишь в северо-западной части на первой террасе. Он имеет такое же строение, как и в Масмаляре, с тем отличием, что внутренняя стена размером 4—6 м оттянута назад под углом и образует баню.

Судя по фортификационным особенностям

(общность входов и скалистые террасы, укрепленные стеной), обе крепости, по-видимому, были сооружены в эпоху поздней бронзы. В крепости Сеприк имеются данные о времени ее гибели. Так, под внутренней стеной первой террасы жителем села Кирги А. Агабабяном был открыт каменный ящик, часть инвентаря которого была передан мне. В погребении найдены бронзовый серповидный нож с наружной заточкой и черный лощеный одноручный кувшин, характерный для начала I тыс. до н. э.

Находка погребения, сооруженного внутри крепости, свидетельствует о том, что крепость к VIII—VII вв. до н. э. была уже покинута.

26. *Циклопическая крепость Азатаван* находится в 15 км северо-восточнее села Кирги на правом берегу реки Хидзурот в местности Азатаван. Крепость находится на холме треугольной формы, возвышающемся над окружающей местностью с северной и восточной стороны на 25—30 м, а с южной и западной стороны ограничена глубокими ущельями. Единственным слабым в тактическом отношении является северо-западный склон холма, полого спускающийся к реке. Вся крепость окружена однорядной стеной и лишь с северо-западной стороны возведены два дополнительных ряда стен. Поверхность холма ровная, составляет 0,7 га. В центре третьего внутреннего ряда северо-западной стены сохранился вход шириной в 5 м в виде свободного прохода между стенами, где вертикально были установлены плиты высотой до 2 м.

На поверхности удалось поднять несколько фрагментов ладьевидных зернотерок, подпятник двери, изготовленный из фрагмента зернотерки, и базальтовый топор грубой формы, со сломанной рабочей частью. На обушной части сохранилась глубокая бороздка для привязывания рукояти. По своей форме топор напоминает аналогичный топор из Салкара и туфовый топор-молот доурартского поселения Кармир-блур.

Неподальку от крепости на склоне, ведущем к реке Хидзурот, в местности Крапаштия обнаружен могильник, по-видимому, принадлежавший владельцам крепости, материалы которого датируются концом II-началом I тыс. до н. э.

Как и в крепости Сеприк, в Азатаванской крепости под внутренней стеной первого наружного ряда был обнаружен курган, материалы которого относятся к VI—V вв. до н. э., что свидетельствует о том, что к этому времени крепость была уже покинута.

27. *Циклопическая крепость Дзорабед* находится в 7 км южнее от Норашенской крепости и 12 км от села Норашен на правой сторо-

не той же дороги, ведущей на кочевки (местное население называет эту местность Чхуритала) (табл. 47). Крепость расположена на вершине небольшого холма, возвышающегося над дорогой, и имеет почти овальную форму. Поверхность холма почти ровная, склоны со всех сторон обрывистые или крутые и для восхождения труднодоступные. Лишь в северо-восточной части они несколько покаты, где и устроен вход в крепость шириной в 5 м. Однако холм в этой части доступен только для пешего и верхового подъема, но не для колесного транспорта. Исходя из рельефа, крепость сравнительно слабо укреплена однорядной широкой четырехметровой стеной, от которой сохранились один-два ряда кладки, выложенные из небольших блоков. Площадь крепости чуть менее 1 га.

28. *Циклопическая крепость Сев-лер* находится на вершине высокой горы, расположенной левее той же дороги, ведущей из Норашена на кочевки, в 20 км южнее села и в 8 км от Дзораберда. Крепость Сев-лер, площадью около 0,3 га, являлась сторожевым пунктом, способным в случае необходимости вместить небольшое количество воинов или пастухов со стадами, и прикрывала выход из ущелья, по которому можно обойти более южную крепость Арцваберд со стороны Красносельска. Она защищена однорядной стеной, сооруженной на бровках обрывистых склонов, и лишь с восточной стороны имеет башневидную пристройку. Вход, устроенный в центре северной стены, прикрыт изломом стены и укреплен длинным коридором в 15 м и шириной в 3 м. Противнику, решившемуся штурмовать вход, чрезвычайно трудно было пробиться через него, так как он устроен на очень крутом склоне, как и все подступы к стенам крепости.

29. *Циклопическая крепость Арцваберд* находится на отрогах Мургузского хребта в 30 км южнее села Норашен и в 10 км от крепости Сев-лер по той же дороге, ведущей на летние кочевки (табл. 48). Крепость находится левее дороги в 2 км на скалистом холме, возвышающемся в одном из глубоких ущелий указанного хребта, прозванного местными жителями Гузгун сар. Холм имеет плоскую, почти ровную вершину, окруженную с трех сторон крутыми склонами и лишь в южной части покато спускается в ущелье. Крепость окружена однорядной пятиметровой стеной. Стены выложены из грубо отколотых прямо со склонов глыб, что придает склонам вид отвесных скал. В северо-западной части крепости возвышается на 5—6 м одинокая скала, на которой вырублена полукруглая площадка, к которой с восточной стороны ведут вырубленные скале лестницы. По-видимому, эта площадка служила жителям Арцвабердской кре-

пости, заселявшим ее в летнее время, открытым храмом для совершения культовых церемоний.

Площадь крепости небольшая—около 0,5 га. По-видимому, она служила форпостом на выходе из горных перевалов, ведущих из Красносельска, и убежищем для многочисленных пастухов.

30. *Крепость Таври-паш* находится в 1 км северо-восточнее зимовника Церкниен села Чоротан. По своей конструкции она повторяет крепость Пилор-пат, однако, в отличие от последней, построена не в гористой местности, а в излучине реки Хидзурот к которой обращена восточной стороной (табл. 50) Три другие стороны открыты, а земля ушла на сооружение или скорее возвышение холма. Образовавшиеся же от снятия земли овраги создали крупный ров, по которому протекали воды реки Хидзурот, образуя своеобразный остров, на котором находилось обнесенное крепостными стенами население (табл. 46). Размеры вытянутого с востока на запад с небольшим отклонением к северу холма 150×118 м, высота до 20 м. Таким образом, для засылки Таврипашской крепости пришлось вырыть более 350 тыс. куб. м земельного грунта. Ее ровная поверхность с площадью около 1,8 га, по-видимому, также была сплошь застроена жилищами, обнесенными крепостной стеной, от которой сохранились лишь отдельные камни. В фортификационном отношении это наиболее сильно укрепленная крепость среди подобных крепостей Армении, так как она окружена рвом.

Вход в крепость не сохранился, однако он по-видимому, был в северо-западной части холма, где он наиболее пологий и близок к окружающей равнине.

В настоящее время холм засажен виноградниками села Чоротан, что не позволяет произвести раскопки. В всаханном междурядье удалось поднять несколько черепков одноручных кувшинов с ручками, имеющими вертикальную прорезь, горшков, мисок, каравов, украшенных рельефными поясками и линейным орнаментом в Тмбадире, Пилор пате и других крепостях рассматриваемого времени.

31. *Крепость Креханц-блур* находится на северо-западной окраине села Мосес. Как и крепости Пилор-пат и Таври-паш, она искусственная (табл. 50). Холм овальной формы, размером 102×65 м, высотой в 18—20 м. Поверхность его около 0,7 га. Стены крутые; от них сохранились отдельные камни. Вход в крепость, по-видимому, был с юго-западной стороны, где склон наиболее пологий. Для засылки холма потребовалось около 132 тыс. куб. м земляного грунта. В настоящее время поверхность холма, как и в Таври-паше, сплошь покрыта виноградниками, и на всаханых

междурядьях удалось поднять несколько черепков одноручных кувшинов с ручками, имеющими вертикальную прорезь, горшков, мисок и карасов, украшенных рельефными поясками и линейным орнаментом, то есть керамики, аналогичной подъемному материалу Таври паша и хорошо известной по материалам из крепостей рассматриваемого времени.

32. *Крепость Берди-глух*, находящаяся на южной окраине села Навур, занимает вершину холма и имеет почти круглую форму. Она окружена двумя рядами стен (табл. 49). С целью дополнительного укрепления на склонах холма вырублены четыре террасы, которые также укреплены стенами. Террасы с восточной стороны начинаются на равнине, а с остальных сторон резко приближаются друг к другу, что обусловлено крутизной склонов холма. От террас сохранились лишь выровненные площадки и отдельные камни, позволяющие проследить непрерывность стен. Ширина стен доходит до 4 м. Очень хорошо использованы естественные условия. Так, в южной части вершины холма использованы скалы, которые подрублены и вошли в оборонительную систему крепости. Интересно разрешена оборона входа, расположенного в восточной части холма, напоминающего входа Таидзутской крепости. Здесь внутренняя стена цитадели отходит от наружной на 25 м. От дверного проема наружной стены к внутренней возведены параллельные стены, образующие коридор длиной в 15 м шириной в 3 м, который полукругло расширяется, затем примыкает к внутренней двери, образуя перед ней площадку размером в 15×20 м. Таким образом, штурмовавший противник попадал в узкий коридор и затем на открытую площадку перед входом, то есть в полукруглый мешок, окруженный каменными стенами. Площадь крепости 1,5 га.

33. *Крепость Сртнер* находится в 6 км восточнее села Навур, на небольшом скалистом холме, западный и северный склоны которого резко обрывистые, а южный и восточный—слегка покатые. Крепость занимает территорию в 0,3 га. В центре крепости имеется скальный выступ, делящий ее на две части (табл. 50). Крепость укреплена тремя рядами стен, имеющими острые углы и изломы. Ширина стен 3—4 м, а местами сохранились лишь отдельные камни. Вход в крепость шириной в 3 м расположен в южной части, рядом с башней размером 10×10 м. Западная сторона крепости не имеет дополнительных укреплений, благодаря отвесным скалам, обрывающимся на десятки метров. В крепости был поднят фрагмент крупного караса, украшенный рельефным пояском с овальными выемками, схожий с карасами из Норашена, Тмба-

дира, Пилор-пата и других крепостей, датированных раннесармянским временем.

34. *Крепость Дашти* находится в 3 км юго-западнее села Навур на небольшом скалистом, почти круглом холме, возвышающемся на 15 м над плато между селами Навур и Ицакар (табл. 38). Крепость занимает территорию в 1,8 га и опоясана четырьмя рядами стен. Ширина стен достигает 3—4 м. С южной стороны они примыкают к скальным выступам. С остальных сторон стены, окаймляющие холм, снабжены контрфорсами, имеющими 10—15 м длины и выступающими от стен на 2—3 м. Стены выложены из грубо отколотых известковых глыб в два ряда. Внутреннее пространство между ними заполнено более мелкими камнями. Первый ряд стен защищает крепость с трех сторон, сливаясь со стенами первого ряда северной стены цитадели. Стены второго ряда окружают холм со всех сторон. От третьего ряда, возведенного на подошве холма, сохранился лишь отрезок в южной части. От стен, возведенных на террасах, сохранились лишь отдельные камни и незначительные отрезки сплошной стены. В крепости сохранились следы двух построек. Одна из них представляет собой прямоугольную комнату размером в 7×25 м, разделенную перегородкой на две части. Эта постройка находится в северо-западном углу крепости. Второе помещение расположено за скальным выступом в южной части и имеет размер 32×3 м. Крепость находится в зрительной связи с крепостями Таидзут и Карн глух.

35. *Крепость поселка Берд* находится в его юго-восточной части. Крепость опоясана тремя рядами стен, внутри которых находится цитадель, окруженная дополнительной четвертой стеной (табл. 38). При строительстве прекрасно использован рельеф холма, южные и восточные склоны которого образованы отвесными скалами высотой в несколько десятков метров. Стены крепости, опоясывая холм с трех сторон, примыкают к этим скалам. Вход в крепость шириной в 6 м расположен в северной части крепости и укреплен двумя башнями. За наружным входом расположен внутренний шириной в 3 м. Площадь крепости 0,6 га, цитадели—0,1 га. Неподдалеку от крепости находится могильник.

36. *Циклоническая крепость Кер-кар* находится в 7 км западнее крепости Сев-сев карери тахт в наивысшей точке, окружающей местность. Восточные склоны горы, на которой находится крепость, уступами спускаются к реке Ахум, в то время как западные ведут в направлении Иджеванского района. Крепость расположена на треугольном выступе площадью в 1,7 га. Стороны выступа отвесно падают на десятки метров. Лишь юго-западная сторо-

на полого спускается, сливаясь с окружающей местностью. Эта сторона перекрыта глухой, не имеющей каких-либо выходов четырехметровой стеной, местами сохранившейся на высоту до 4 м. С северо-западной части выступа имеется небольшой крутой спуск на более крупный выступ, площадью более 2 га, который не имеет каких-либо защитных укреплений (он не вошел в план), но имеет такие же отвесные склоны, недоступные для восхождения человека. Указанный второй крупный выступ с той же восточной стороны имеет неширокий проход, через который по крутым склонам и уступам можно спуститься в направлении крепости Сев-сев карери тахт.

37. Циклопическая крепость Кармир Ар-

гуни находится на расстоянии 2 км восточнее святилища Салкар. Она возвышается на узком вытянутом скалистом холме шириной в 50 и длиной в 200 м, то есть занимает территорию около 1 га. Почти со всех сторон она имеет резкие обрывистые склоны, затрудняющие доступ в крепость. Лишь в труднодоступных местах на отдельных участках южных и восточных склонов возведены циклопические стены из сравнительно небольших камней; на северном и западном склонах такие же стены видны между несколькими крупными скалами. Здесь среди камней, собранных кучами под молодыми деревьями, мною была поднята крупная ладьевидная зернотерка, оставленная в школьном музее Айгедзора.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абовян см. Элар
 Агарци 6, 64, 148, 166, 186, 190, 191
 Агви 6
 Агдан 254
 Агтев 5, 7, 10, 22, 31, 45, 101, 105, 130, 131, 151, 161, 165, 166, 193, 213, 215, 216, 246, 247, 253, 254
 Адахуни 215
 Аджакала 208
 Адильджеваз 240
 Азамерун 215
 Азатаван 57, 62, 98, 99, 143, 147, 155, 156, 199, 201, 215, 254
 Азербайджан 5, 6, 11, 12, 48, 62, 101, 115, 126, 165, 168, 170, 175, 215, 233, 239
 Андамов 215
 Айгван 10, 22, 25, 31, 50, 98, 101, 160, 193, 194, 196, 230
 Айгедзор 93, 106, 108, 110, 154, 179, 181, 189, 197, 202, 207, 213, 215, 226, 233, 258
 Айгестан 229
 Айгран-гала 144, 147
 Айриванк 107, 133, 160
 Айрум 6, 19, 26, 62, 84, 116, 138, 154, 156, 160, 161, 167, 168, 170, 181, 186, 190, 199, 201, 213, 219, 226, 228, 234, 240, 241, 249
 Акнадзор 6, 11
 Акнер 40, 48, 52, 63, 93, 98, 105, 124, 126, 142, 151, 156, 158, 179, 186, 188, 197, 208, 210, 246
 Акстафа 25, 208
 Алабамский хребет 5
 Алаверди 6, 26, 104, 105, 107, 152, 177, 208, 229
 Албания 216, 231
 Алгсти 62, 156
 Алзира 215
 Алигрых 186
 Алишар 240
 Алишту 215
 Амيرانс-гора 13, 95, 158, 160, 161, 177, 226
 Анатолия 24
 Ангсакот 104
 Ани 186
 Антоновка 6
 Апаран 10, 101, 133, 194
 Арагац 15, 163
 Арами блур (амроц) 98, 140, 213:251
 Араратская долина 6, 9, 10, 11, 12, 22, 31, 160, 166, 167, 176, 193, 246
 Арахло 9
 Аргштихинили 52, 166, 172, 173, 174, 188, 198, 205, 221
 Аревик 31
 Арегунийский хребет 5
 Арзни 19, 110, 194
 Арна 215
 Арниберд 50, 63, 98, 110
 Арчи 19, 23, 24, 95, 101, 102, 170, 174, 194, 207
 Аркукини 215
 Армавир 51, 52, 57, 98, 138, 154, 156, 179, 198, 201, 246
 Армения 5, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 16, 22, 25, 36, 40, 45, 48, 57, 58, 62, 63, 64, 93, 98, 101, 103, 104, 105, 109, 110, 113, 114, 115, 116, 120, 122, 123, 125, 127, 130, 133, 134, 137, 138, 139, 140, 142, 144, 147, 148, 153, 154, 156, 158, 159, 163, 167, 170, 174, 176, 177, 181, 210, 211, 215, 218, 219, 220, 223, 224, 225, 226, 228, 229, 230, 231, 233, 235, 240, 241, 242, 246, 248, 250, 256
 Армуниг-ахюр 16, 213, 253
 Армянское нагорье 8, 9, 12, 98, 103, 104, 158, 160, 161, 163, 167, 170, 174, 175, 178, 179, 184, 186, 187, 192, 207, 208, 210, 211, 212, 213, 218, 222, 223, 224, 225, 243, 246, 248
 Арса-кар 107, 110, 141, 174, 180, 243, 250
 Артанат 45, 52, 62, 229, 246
 Артик 19, 36, 104, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 115, 116, 123, 130, 133, 140, 142, 147, 171, 179, 181, 184, 194, 197, 202, 205, 207, 209, 210, 226, 228, 237, 242, 243, 244, 246, 248
 Аривабед 233, 248
 Арпруни 6
 Арчи 213, 249
 Арчадзор 11, 104, 109, 110, 116, 140, 240, 246
 Ассирия 161, 163, 188, 211, 218, 219, 241
 Аетхадзор 122, 133, 140, 151, 188, 231
 Астхи-блур 12, 13, 16, 34, 36, 44, 47, 48, 50, 52, 53, 57, 59, 62, 63, 70, 87, 110, 115, 116, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 127, 130, 131, 134, 137, 138, 139, 140, 142, 144, 147, 148, 151, 153, 156, 157, 165, 167, 174, 182, 186, 188, 190, 196, 197, 204, 207, 210, 213, 214, 218, 220, 222, 223, 224, 230, 231, 232, 235, 237, 238, 240, 242, 243, 244, 248, 250, 252, 253
 Атарбекян 148, 151, 156, 190
 Атеза 215
 Ахалгори 62, 156
 Ахбаш 148
 Ахнат 48, 142, 188
 Ахтала 6, 40, 63, 105, 107, 131, 156, 165, 188, 203, 218, 223, 235, 245
 Ахтанак 26, 27, 96

- Ахум 5, 75, 82, 88, 89, 91, 167, 257
 Ачаджур 6, 38, 54, 123, 148, 156, 186, 188, 197, 213, 254
 Бабаджан 6
 Баба-Дервиш 10, 22, 25, 95, 159, 193, 208, 236
 Баганис 252
 Балават 218
 Банис-хеви 13, 153
 Барираберд 38, 40, 83, 173, 213
 Бахри-хач 89, 92
 Башкенд 154
 Баязет см. Камо
 Бедени 10, 22, 31
 Берд 16, 48, 60, 62, 67, 74, 88, 96, 113, 123, 124, 150, 152, 154, 156, 158, 188, 190, 199, 207, 209, 218, 257
 Бердакар 13, 91, 92, 93, 164, 188, 199, 201, 247
 Бердатах 213, 214, 249
 Бердатах 16, 47, 49, 57, 61, 62, 81, 85, 96, 97, 107, 174, 186, 213, 214, 218, 231, 232, 250, 251
 Берди-глух 222, 257
 Берди-дош 47, 233
 Бешташен 12, 13, 15, 32, 62, 127, 152, 163
 Бейок-Гогдаг 6
 Бжин 104, 126, 148
 Библос 11, 102
 Блдан 166
 Ближний Восток 184, 235
 Борчали 6
 Буга-кар 142
 Будурн-кар 254
 Вагаршапат 159
 Вайоцзор 163
 Ван 9, 205, 207, 212, 218, 228, 240
 Ванадзор 6
 Вардакар 104, 204
 Варденис 101, 124, 151, 152, 158, 202, 205, 245
 Веди 201
 Верхняя Рутха 13, 131, 153
 Ворнак см. Акнер
 Воскепар 5, 166, 207
 Галашки 11, 103, 174
 Гамзачман 190, 191
 Гандлисцаро 235
 Ганнувер 210
 Гарни 9, 10, 11, 15, 22, 24, 31, 32, 62, 101, 154, 156, 160, 164, 167, 176, 177, 193, 194, 201, 207, 208, 225
 Гегами-ахпюр 38, 134, 138, 140, 242, 243
 Гегарот 106, 125
 Гегамские горы 239
 Гей-тепе 9, 22
 Геокеу 24
 Геташен 131, 204, 231
 Гетик 5, 36, 166, 252
 Гильзан 175
 Гмшкют 113, 172, 230
 Головино 7, 11, 12, 41, 60, 104, 105, 106, 109, 110, 112, 116, 122, 125, 127, 130, 131, 137, 140, 142, 144, 147, 148, 151, 172, 174, 179, 181, 190, 197, 205, 247, 250
 Горис 161, 162, 178, 229
 Грма-Геле 103, 177
 Грузия 5, 6, 9, 10, 11, 12, 13, 22, 93, 101, 115, 126, 153, 161, 165, 170, 171, 175, 177, 181, 184, 188, 216, 234, 235, 246
 Гугаркский хребет 5
 Гудаберка 160
 Гургумели 215
 Гурджаани 54
 Гурна 215
 Гянджа-чай 168
 Давид-бек 109, 115, 196, 237
 Дагестан 12, 13, 104, 138, 153, 158, 161, 241; 247
 Данили-тала 249
 Дарандж 144, 229, 230
 Дауд-Кепрю 103
 Дашкесан 6, 215, 233
 Дашти-берд 16, 252, 257
 Двани 12, 127
 Двни 154, 164, 189, 194, 201, 235, 236
 Двуречье 233
 Дебед 5, 11, 26, 96, 124, 158, 161, 249
 Джагацатех 9, 17, 24, 97, 101, 154, 160, 161, 168, 175, 194, 200, 201, 225, 226
 Джафархан 12, 62
 Джарджарис 101
 Джархеч 12, 103, 104, 107, 113, 116, 123, 124, 130, 131, 152, 165, 186, 196, 205, 227, 237, 242, 243, 244
 Джраовит 177
 Джрарат 47, 48, 50, 62, 63, 98, 148, 150, 151, 152, 156, 188, 205, 208, 246
 Джрашен 177
 Джогаз 98, 99, 161
 Джулжеван 17, 32, 62, 96, 99, 101, 103, 104, 107, 138, 146, 154, 156, 161, 165, 168, 173, 180, 194, 199, 207, 251
 Дзитанки-амроц 251
 Дзораберд 255, 256
 Диллижан 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 40, 41, 46, 63, 98, 101, 104, 105, 107, 109, 110, 111, 113, 114, 115, 123, 124, 125, 127, 128, 130, 131, 133, 140, 144, 147, 148, 152, 167, 180, 181, 190, 194, 197, 207, 210, 215, 218, 223, 226, 227, 238, 243, 244, 247
 Димац 179, 181
 Диха-Гудзуба 159
 Довег 181
 Долан-тар 12, 13, 127, 151
 Древний Восток 184, 240
 Дуганадзор 249
 Евклу 108, 115, 196
 Евфрат 102
 Егенкала-дзор 143, 147
 Египет 103, 179, 192, 202, 211, 231, 233, 245
 Елснендорф 133
 Енокаван 6, 16, 38, 44, 49, 57, 60, 105, 131, 153, 163, 165, 181, 186, 202, 204, 213, 253, 254
 Ереван 7, 11, 102, 126, 127, 175, 178, 194, 208, 218, 226, 233
 Ерзншаджан 62
 Заглик 2
 Закавказье 7, 11, 12, 13, 25, 36, 43, 45, 62, 98, 110, 114, 115, 116, 125, 133, 134, 137, 138, 158, 159, 160, 163, 164, 167, 170, 172, 174, 177, 178, 179, 181, 184

- 186, 187, 194, 195, 202, 204, 224, 238, 240, 242, 243, 246, 248
- Зама 215
- Зангезур 160, 161, 163, 167, 208, 228, 235
- Занюково 13, 153
- Зваргиоц 9
- Зеселанд 245
- Земо-Авчала 148
- Зикатар 251
- Зод 190, 191, 192
- Золтакар 140
- Зуа 215
- Зурнабад 11
- Иберния 231
- Ибрагим-Гаджили 239
- Иджеван 11, 12, 17, 32, 87, 97, 98, 103, 105, 122, 133, 140, 148, 149, 151, 152, 154, 156, 167, 172, 179, 181, 201, 213, 247, 249, 251, 252
- Иджеванский район 5, 6, 9, 16, 99, 106, 131, 148, 192, 213, 215, 257
- Илто 171
- Имтитина 211
- Иоро-Алазанская долина 11, 246
- Иран 98, 209, 240, 241, 242, 248
- Иркима 215
- Ицакар 257
- Кавказ 6, 9, 160, 174, 184, 186, 235, 241, 248, 254
- Каджаран 237
- Казах 9, 216, 246
- Кайнуц-берд 233
- Қалакент 11, 13, 110, 237, 246
- Қалача 251
- Қалининский район 6
- Қал-кар 75, 77, 78, 81, 82, 87, 167, 186
- Қамо 10, 11, 19, 63, 104, 107, 110, 115, 116, 123, 124, 133, 138, 142, 148, 151, 158, 163, 186, 194, 209, 222, 235, 228, 234, 241
- Қан-Гасан 21
- Қашнадокья 240, 248
- Қарабах 6, 12, 154, 159, 161, 163, 167, 168, 197, 204, 207, 215
- Қарабулак 175
- Қараз 10, 22, 160
- Қара-тепе 12, 51, 52, 62, 165, 201, 243
- Қарни 9
- Қармир 11, 101, 194
- Қармир арегунн 258
- Қари-глух 16, 26, 147, 257
- Қари-дзор 143, 144
- Қармир-берд 10, 11, 15, 34, 40, 53, 101, 102, 113, 115, 116, 120, 121, 125, 127, 130, 138, 140, 142, 144, 154, 168, 170, 194, 197, 218, 228, 230
- Қармир-блур 40, 41, 55, 62, 63, 93, 94, 110, 127, 142, 148, 156, 161, 163, 165, 172, 174, 179, 181, 186, 197, 202, 203, 204, 205, 206, 209, 210, 229, 230, 235, 240, 255
- Қарнут 6
- Қарс 101, 215
- Қартли 165
- Қахетия 11, 12, 13, 55, 98, 104, 107, 155, 171, 181, 246
- Қахин хач 144
- Қарца 22
- Қарцахпюр 221
- Қачаган 116, 130, 156
- Қаякент 11, 13, 110, 159, 237, 246
- Қвацхелеби 13, 158, 159, 160, 226
- Қвишари 208
- Қедабек 11, 12, 13, 104, 108, 116, 122, 133, 151, 181, 213, 215, 246
- Кер-кар 257
- Киевская область 13
- Кизил (кармир) ванк 194, 242
- Қилик-даг 208
- Қиликни 102
- Қирги 6, 10, 11, 34, 61, 98, 101, 102, 103, 106, 107, 108, 113, 115, 134, 137, 138, 142, 143, 144, 147, 154, 161, 170, 171, 174, 178, 179, 181, 213, 226, 227, 242, 246
- Қировабад 11, 110, 156, 167, 246
- Қировакан 6, 9, 10, 11, 14, 22, 31, 40, 98, 101, 102, 104, 109, 110, 115, 120, 123, 133, 142, 161, 163, 171, 177, 178, 181, 190, 193, 194, 208, 215, 229, 246
- Қипр 102, 235
- Қобань 13, 22, 151, 153, 179, 181, 184, 194, 247
- Қобистан 163
- Қозман 250
- Қолагир 6, 144
- Қонасти 127
- Қорнисн 108
- Қоси-Чотер 10, 19, 22, 24, 32, 193, 194, 208
- Қотайк 201
- Қотакар 16, 213, 252, 253
- Қоти 105
- Қохб 6, 188, 210, 213, 214, 249, 250, 251
- Қошкотан 138
- Қрапашти ял 99, 147, 243, 255
- Қрасносельск 61, 196, 197, 202, 213, 252, 256
- Қрасносельский район 5, 8, 9, 107, 138, 154, 213, 215, 239
- Қреханц-блур 75, 233, 256
- Қуйбйшев см. Джархем
- Қумбулати 153
- Қура 5, 6, 167
- Қуртан 152
- Қуци 12, 116, 186, 215, 240
- Қхзак блур 9
- Қюль-тепе 9, 22, 103, 159, 160, 161, 177, 194, 207
- Қюрдаре 10, 22, 175
- Лалвар 126, 188, 197
- Лали-гюх 6, 213
- Лезги ахпюр 60
- Леншикан 22, 52, 103, 104, 105, 106, 115, 116, 123, 126, 142, 163, 179, 181, 186, 197, 215
- Ленкорань 241
- Ленинград 215
- Луговое 131
- Лори 6, 9, 12, 170, 204, 235
- Лори-берд 19, 113, 116, 174, 223
- Луерухи 215
- Луристан 103, 179
- Лусадзор 38, 104, 107, 112, 116, 122, 133, 134, 142, 154, 163, 167, 180, 181, 207, 210, 218
- Лцен 104, 109, 237

- Чапшен 10, 11, 19, 36, 48, 62, 101, 102, 105, 107, 110, 112,
 113, 115, 116, 123, 130, 142, 160, 161, 170, 171, 177,
 179, 181, 181, 185, 190, 194, 197, 201, 202, 204, 205,
 207, 208, 209, 218, 219, 220, 221, 223, 226, 228, 231,
 237, 242, 243, 244
 Лчкадзор 6, 26, 186, 249
 Мазандаран 62
 Макараванк 6, 148
 Макарашен 62, 110, 115, 116, 130, 133, 137, 142, 144, 147,
 152, 186
 Малая Азия 202, 240
 Малатия 9
 Мал-тепе 24
 Манатуга 215
 Мангств 6
 Марнеули 14, 22, 160
 Мартакерт 215
 Мартуни 101, 154, 252
 Масмаляр 98, 108, 113, 254, 255
 Махал-тапа 9
 Маштоц блур 10, 22
 Мегидо 11
 Меградзор 190, 192
 Мегрелия 58
 Мегри 107, 201
 Медная 6
 Мелеали 54, 238
 Мели-Геле 54
 Мерсин 24
 Месопотамия 177
 Мхлу-тепе 202
 Мехмана 154
 Мецамор 113, 161, 171, 179, 189, 229, 235, 236, 237
 Мец-дош 99
 Мецеп 251
 Мец-чал 7, 11, 12, 99, 104, 105, 107, 116, 138, 179, 180,
 181, 225
 Мианорский хребет 5
 Мингечаур 12, 13, 25, 36, 46, 52, 62, 63, 98, 111, 115, 116,
 127, 130, 133, 134, 137, 140, 156, 158, 159, 160, 165,
 171, 175, 195, 197, 204, 208, 243, 246
 Мисхана 6
 Мосес гюх 54, 190, 233, 256
 Мичи мат 103, 140, 154
 Мохраблур 10, 22, 50, 51, 57, 101
 Мугань 243
 Мургузский хребет 5, 103, 213, 256
 Муснери 13, 63, 93, 130, 142, 156, 165, 204, 235, 245
 Мухан 110, 140
 Муханнат-тапа 11, 102, 116, 179, 194, 204, 207
 Мухни-хач 252
 Мхрат 186
 Муш 9, 24
 Навур 11, 16, 40, 50, 103, 108, 147, 190, 202, 213, 227,
 228, 229, 239, 241, 257
 Назрван 156
 Напри 210
 Нахичеван 9, 101, 163, 167, 207, 225, 237
 Нацар-гора 236
 Нергисшен 142, 256
 Ноемберян 11, 19, 26, 32, 88, 98, 100, 104, 107, 125, 140,
 151, 154, 161, 163, 164, 167, 168, 171, 172, 181, 186,
 188, 197, 208, 214, 219, 223, 224, 235, 240, 242, 243,
 247, 249, 250, 251
 Ноембернский район 5, 6, 8, 9, 15, 17, 99, 107, 138, 154,
 170, 173, 188, 192, 210, 213
 Норатус 34, 109, 110, 127, 130, 181
 Норашен 12, 13, 45, 48, 52, 54, 60, 61, 62, 63, 70, 74, 79,
 81, 82, 83, 85, 87, 88, 91, 96, 97, 104, 108, 116, 130,
 150, 151, 152, 154, 156, 168, 181, 188, 190, 199, 201,
 206, 213, 218, 219, 233, 239, 241, 243, 247, 254, 255,
 256, 257
 П. Байзет см. Камо
 П. Геташен 202, 231
 Нор-гюх 12, 134, 137
 П. Чамбарак 154
 Пубия 192
 Оваджур 166
 Ошиг 32
 Окон 213, 253
 Орджоникидзе 35, 36, 38, 186
 Осетия 22, 175
 Охнак 156
 Ошакан 13, 50, 62, 73, 93, 102, 156, 197, 198
 Пакер 134, 138, 230
 Палестина 103, 179
 Памбак 6
 Памбакский хребет 5
 Папаншо 127, 130, 140, 180
 Паравакар 6, 156, 174, 181, 190, 204, 218, 219, 220, 223,
 238, 240, 241
 Паракар 104, 172, 250
 Передняя Азия 163, 242
 Персеполь 156
 Пилор-пат 50, 61, 62, 70, 73, 74, 81, 85, 88, 96, 97, 151,
 154, 163, 164, 167, 174, 199, 201, 218, 224, 256, 257
 Пирва 215
 Поволжье 13
 Поплоз-гаш 32, 140, 213, 235, 236, 240, 248, 251
 Пулур 160
 Пятигорье 13, 158
 Раздан 9, 47, 50, 233
 Рас-Шапра 184
 Редкин-лагерь 7, 12, 34, 36, 40, 98, 99, 103, 104, 107, 108,
 109, 110, 112, 113, 114, 115, 116, 118, 120,
 121, 122, 123, 124, 127, 130, 131, 133, 134, 137, 138,
 140, 142, 144, 147, 148, 151, 158, 160, 161, 163, 168,
 180, 190, 196, 197, 201, 202, 205, 209, 210, 236, 242,
 243, 247, 250
 Римуа 215
 Садахло 9
 Салкар 93, 201, 239, 248, 255
 Самтавро 11, 12, 13, 52, 62, 64, 104, 108, 110, 111, 116,
 127, 130, 151, 165, 181, 197, 204, 246
 Санаши 123, 218, 242
 Сангар 6, 213, 248, 253, 254
 Сарн-гюх 38, 213
 Сарикамыш 241, 242
 Сары-тепе 12, 52, 55, 59, 165, 168, 236
 Саркаджур 166

Сатовле 12, 46
 Сачхери 10, 12, 13, 22, 133, 140, 178, 177
 Сваны 241
 Севанский бассейн 6, 9, 12, 15, 60, 109, 115, 123, 127, 130, 133, 137, 142, 159, 167, 171, 197, 201, 221, 226, 246, 248
 Северная Армения 6, 101, 157, 188, 213, 219, 246
 Северная Осетия 13, 158, 247
 Северное Причерноморье 12, 13
 Северный Кавказ 13, 93, 104, 131, 153, 158, 237, 242
 Северо-Восточная Армения 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 51, 52, 55, 85, 88, 97, 98, 99, 103, 108, 113, 114, 123, 148, 151, 154, 160, 161, 163, 164, 165, 167, 168, 170, 171, 174, 175, 176, 177, 179, 184, 190, 192, 194, 195, 200, 201, 202, 205, 206, 211, 215, 216, 218, 219, 220, 221, 223, 224, 238, 242, 243, 247, 248
 Севкар 6, 38, 42, 201, 213, 253
 Сев-лер 83, 256
 Сев-сев карери блур 45, 82, 87, 88, 165, 186
 Сев-сев карери тахт 87, 164, 224, 257, 258
 Седляр 190
 Сепои ванк 50
 Сеприк 98, 255
 Сержень юрт 13, 153
 Сиснан 197
 Сисиджур 6
 Сисмадан 6
 Скифия 13
 Согутлу 197
 Сот 190
 Срванес 254
 Средняя Азия 12
 Сртвер 16, 56, 257
 Старый Башкенд 35, 154
 Степанаван 52, 62, 63, 110, 123, 130, 174, 181, 190, 213, 218, 224
 Степанакерт 12, 25, 138, 163
 Сузы 98
 Сурб Паатак 44, 174, 251
 Сурб Саркис 252
 Сюник 163, 196, 197, 239, 246
 Таври-наш 75, 256
 Тавуш 5, 167, 170
 Тазакенд см. Кармир берд
 Такаворанист 9, 10, 13, 19, 22, 24, 194
 Такня 105
 Так-Килиса 204
 Тала 45, 165, 213, 253
 Талли 115
 Талыш 103, 178, 241
 Тандзут 5, 16, 40, 41, 172, 247, 257
 Тарсус 24
 Ташир Дзюрагет 9
 Тбилиси 11, 26, 31, 108, 142
 Тейшобанин 73, 98, 120, 156, 166, 171, 184, 197, 203, 229, 233, 237,
 Тернаша 215
 Тертери блур 9
 Терская область 22, 177
 Тетрицкаро 10, 22, 31
 Техут 9, 64, 124, 148, 150, 154, 156, 157, 188, 208, 210, 235
 Тли 131
 Тмбандир 12, 50, 52, 54, 55, 57, 59, 61, 70, 73, 83, 85, 88, 91, 93, 96, 97, 130, 151, 154, 163, 164, 165, 167, 174, 188, 199, 201, 205, 218, 235, 237, 243, 254, 256
 Толоре 52, 104, 179, 240
 Топрах-кале 163, 205, 210, 231
 Тоуз 156, 239
 Тши-ганш 251
 Триавети 10, 11, 12, 13, 14, 22, 60, 63, 98, 101, 110, 116, 151, 161, 197, 246
 Ттуджур 202
 Туманын 6, 40, 125, 130, 186
 Тхкут-дзор 16, 213, 253
 Уеликухи 215
 Узерлик-тене 10, 11, 12, 14, 101, 102, 116, 160, 161, 165, 167, 172, 194, 210, 246
 Узунлар 179
 Узун-тене 12, 62
 Украина 188
 Ур 103, 179
 Урмия 240
 Урарту 98, 161, 166, 175, 186, 210, 211, 215, 218, 222, 223, 224, 240, 245, 248
 Урбинси 177
 Уч-тене 34, 201
 Фаскау 13, 22, 153, 168
 Фнолетово 6
 Фролова балка 6
 Хайкаберд 231
 Ханлар 12, 13, 46, 106, 116, 130, 167, 168, 172, 175, 181, 204, 237, 246
 Харappa 176
 Харберт 9
 Хатунарх 9
 Хачака 215
 Хачбулак 12, 116, 124, 223
 Хаченагет 207
 Хаштарак 11, 105, 163, 179, 181, 226, 227
 Хаясны 211
 Хевсуры 241
 Хетгы 184, 211
 Хидун 215
 Хизашаат-гора 159, 160, 167, 177, 225, 256
 Хидзорт 93, 144, 147, 161, 167, 255
 Ходжалн 12, 115, 116, 133, 137, 163, 165, 168
 Хортамбог 35, 213, 233, 248
 Хошхоган 181
 Хртаноц 7, 12, 15, 40, 48, 60, 93, 98, 113, 125, 126, 131, 151, 152, 153, 156, 157, 164, 190, 196, 197, 198, 209, 210, 240, 241, 243, 244
 Хурджиш-хогер 108, 110, 113, 130, 147, 172, 182, 207, 218, 227, 228, 230, 255
 Цалка 26, 104
 Цамакаберд 101, 172, 205
 Цахкаван 75, 82, 89, 91, 92, 213, 218
 Цахкунк 202
 Цовниар 9, 163, 174, 215
 Цорт ахшор 215
 Чамбарак 104, 107

Черемша 6
Чечня 13, 158
Чинари 213
Чинчи 91, 218
Чобисхеви 138
Човдар 12, 116, 124, 131, 142
Чоратан 54, 75, 142, 256
Горехский край 6
Шаваршаван 229, 230, 251, 252
Шагали-Эйлар 6
Шаглама 9, 19, 26, 27, 32, 95, 96, 97, 101, 160, 168, 169,
176, 192, 194, 200, 203, 208, 225, 240, 246
Шайтан-даг 204, 210
Шакаралджур 161
Шамахан 127, 128, 197
Шахирамальти 9, 207
Шамлуг 6
Шамшадин 11, 77, 97, 108, 148, 154, 167, 168, 177, 196,
213, 235, 239, 243, 246, 247, 254
Шамшадинский район 5, 9, 16, 54, 75, 98, 101, 142, 147,
154, 165, 171, 178, 186, 192, 213, 215, 233, 238, 239,
254
Шах-Мурад 75, 82
Шахназар 201
Шемахи 168
Шенгавит 10, 15, 19, 22, 24, 25, 31, 101, 159, 160, 177,
193, 194, 207, 208, 222, 226
Шила 215
Шинуайр 162
Ширак 9
Шнох 6
Шор-ахшор 251, 252
Шрени-блур 15, 160, 194, 208
Шулавери 9, 167
Шумер 102, 160
Эла 215
Элам 103, 179
Элар 9, 10, 22, 104, 159, 160, 177, 207
Эребуни 98, 175, 218, 226, 231
Эрзерум 62
Эриа 215
Эрнахи 175
Эрнелтуа 215
Эчмиадзин 51, 57, 202, 207, 235
Юго-Осетия 165
Яйджи 229
Яллойду-тепе 62
Яник-тепе 161

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ—Вестник древней истории
ВМГ—Вестник Музея Грузии
ВОН—Вестник общественных наук АН Арм. ССР
ГАИМК—Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ—Государственный исторический музей
ГМА—Государственный музей Армении
ДАН—Доклады Академии наук СССР
ДКМ—Дилижанский краеведческий музей
ИАК—Известия археологической комиссии
ИГАИМК—Известия Государственной Академии истории материальной культуры
Изв. АН Арм. ССР—Известия Академии наук Арм. ССР, общ. науки
ИФЖ—Историко-филологический журнал АН Арм. ССР
КСИА—Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК—Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА—Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАК—Материалы по археологии Кавказа
МИА—Материалы и исследования по археологии СССР
МКА—Материальная культура Азербайджана
ОАК—Отчеты археологических комиссий
СА—Советская археология
УКН—Урартские клинописные надписи

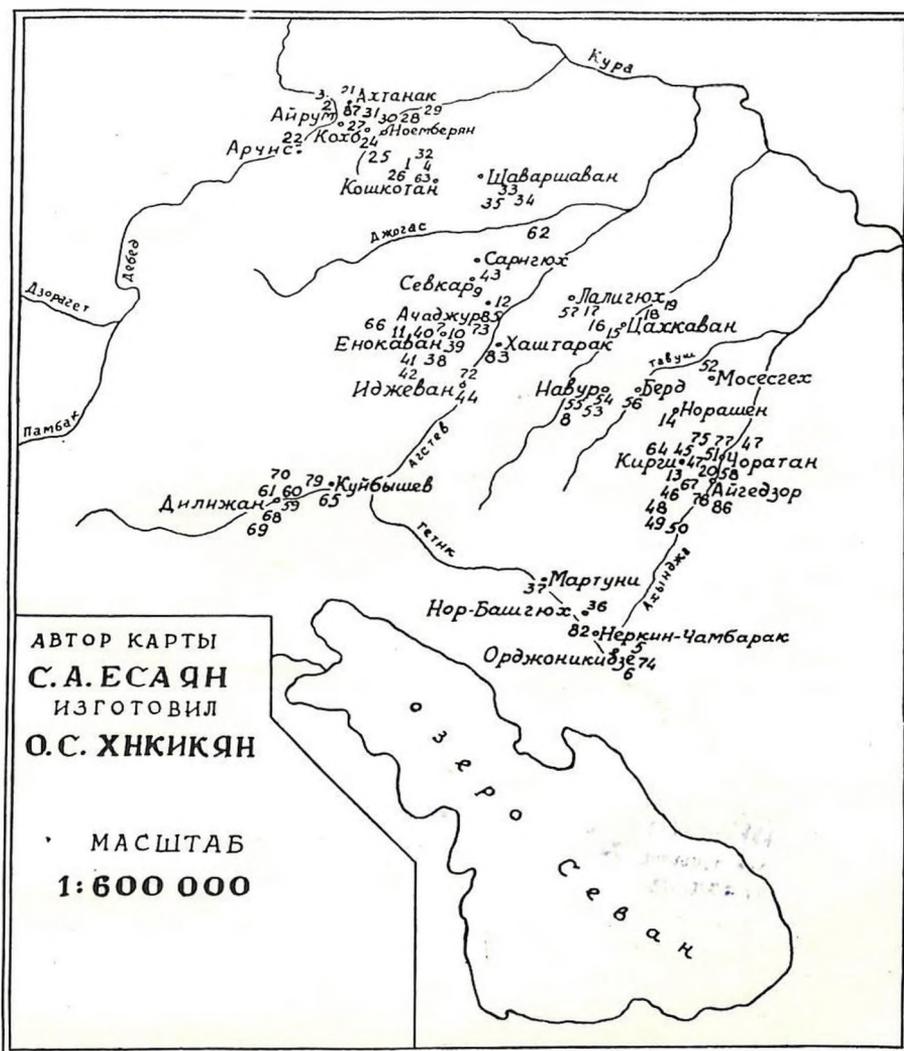
СПИСОК ТАБЛИЦ

- Табл. 1—7. Предметы из раннебронзового поселения Джагацатех.
 Табл. 8. План II шагламы.
 Табл. 9—11. Предметы из II шагламы (шурф 2, нижний слой).
 Табл. 12. Предметы из II шагламы: рис. 3, 6, 7, 9—шурф 5; рис. 1, 2, 4, 5, 8—шурф 8 (нижние слои).
 Табл. 13. Предметы из II шагламы, шурф 5 (II, верхний слой).
 Табл. 14. Предметы из II шагламы, шурф 6 (нижний слой).
 Табл. 15. Предметы из II шагламы, шурф 7 (нижний слой).
 Табл. 16. Предметы из II шагламы, шурф 8 (нижний слой).
 Табл. 17. Предметы из II шагламы, шурф 8 (II, верхний слой).
 Табл. 18. Предметы из III шагламы, шурф 1.
 Табл. 19. Предметы из III шагламы, шурф 2.
 Табл. 20—21. Предметы из IV шагламы, шурф 1.
 Табл. 22—24. Предметы из Полюзганской крепости.
 Табл. 25. План Астхиблурской крепости.
 Табл. 26—29. Предметы из Астхиблурской крепости.
 Табл. 30. План Тхкутдзорской крепости.
 Табл. 31. План Бердатехской крепости.
 Табл. 32—35. Предметы из Бердатехской крепости.
 Табл. 36. План Барцабердской крепости.
 Табл. 37. План крепости Окон.
 Табл. 38. План крепости Дашти-амроц.
 Табл. 39. План крепости Масмаляр.
 Табл. 40. План крепости Сеприк.
 Табл. 41. План крепости Орджоникидзе.
 Табл. 42. План Кохбекской крепости.
 Табл. 43. План Дуганадзорской крепости.
 Табл. 44. План Козманской крепости.
 Табл. 45. План Паташарской крепости.
 Табл. 46. План крепости Пилор-пат.
 Табл. 47. План Дзорабердской крепости.
 Табл. 48. План Арцабердской крепости.
 Табл. 49. План крепости Бахри-хач.
 Табл. 50. План крепости Креханц-блур.
 Табл. 51. План крепости Таври-паш.
 Табл. 52. План Тмбадирской крепости.
 Табл. 53. Предметы из Тмбадира, помещение 1.
 Табл. 54. Предметы из Тмбадира: рис. 1, 4, 6—помещение 4; рис. 2—шурф 1; рис. 3—шурф 3; рис. 5, 7, 8—помещение 3.
 Табл. 55. Предметы из Тмбадира, помещение 2.
 Табл. 56. Предметы из Тмбадира, помещение 1.
 Табл. 57. План крепости Сурб Наатак.
 Табл. 58. Предметы из крепости Сурб Наатак: рис. 1—3, 8, 10—шурф 1; рис. 4, 7—шурф 2; рис. 5, 6, 9—шурф 3.
 Табл. 59. План Норашенской крепости.
 Табл. 60. Предметы из Норашенской крепости: рис. 1, 2, 6, 8, 10—шурф 1; рис. 3—5, 7, 9—шурф 2.
 Табл. 61. Предметы из Норашенской крепости: рис. 1—5, 8, 9, 11—13—шурф 1; рис. 6—8, 10—шурф 2.
 Табл. 62. Предметы из Норашенской крепости: рис. 1—3, 5—13, 15—17—шурф 1; рис. 4, 14—шурф 2.

- Табл. 63. Предметы из Нораинской крепости: рис. 1—3, 5, 8, 12—шурф 2; рис. 4—шурф 3; рис. 6, 7, 9—11, 13—17—шурф 1.
- Табл. 64. Предметы из крепости Нилор-пат: рис. 1, 3, 6, 7—шурф 1; рис. 2, 4, 5, 8—шурф 2.
- Табл. 65. Предметы из крепости Нилор-пат: рис. 1—4, 8—шурф 1; рис. 6—7—шурф 2.
- Табл. 66. Предметы из крепости Таиддут.
- Табл. 67. План крепости Кал-кар.
- Табл. 68. Предметы из крепости Кал-кар: рис. 1, 3, 8—шурф 3; рис. 4, 5—шурф 2; рис. 6, 7, 9—шурф 5.
- Табл. 69. Предметы из крепости Кал-кар: рис. 1—6, 10—шурф 5; рис. 7—9—шурф 3.
- Табл. 70. Предметы из крепости Кал-кар: рис. 1, 2—шурф 2; рис. 3, 4, 6—шурф 5; рис. 5—шурф 3; рис. 7, 8—шурф 4.
- Табл. 71. План крепости Сев-сев карери блур.
- Табл. 72, 73. Предметы из крепости Сев-сев карери блур.
- Табл. 74. План крепости Сев-сев карери тахт.
- Табл. 75. Предметы из крепости Сев-сев карери тахт (рис. 1, 3—9) и Бахри-хач (рис. 2)
- Табл. 76. Предметы из крепости Сев-сев карери тахт (рис. 4—8) и Бахри-хач (рис. 1—3).
- Табл. 77. План крепости Бердакар.
- Табл. 78. Предметы из крепости Бердакар, шурф 1.
- Табл. 79. Предметы из крепости Бердакар: рис. 1—6, 8—шурф 1; рис. 7—шурф 2.
- Табл. 80. План крепости Будури-кар.
- Табл. 81. Фрагменты каменных статуй из Салкара.
- Табл. 82. Предметы из погребений раннебронзовой поры: рис. 1—3—Ноемберян; рис. 2, 4—6—Джуджеван; рис. 7—Мед-чал; рис. 8—топор из 11 шагламы; рис. 9, 11—Редкин-лагерь; рис. 10—Джогаз.
- Табл. 83. Предметы из среднебронзового погребения в Кирги.
- Табл. 84. Предметы из среднебронзового и позднебронзового погребений: рис. 1—секира из Иджевана; рис. 2—книжал из Чамбарака; рис. 3, 4—секира и конь из Енокавана; рис. 5—бляха из Навура.
- Табл. 85. Среднебронзовая керамика из Дилижана и предметы из разрушенного погребения в Хаштараке.
- Табл. 86. Предметы из Ноемберяна.
- Табл. 87. Предметы из Дилижана.
- Табл. 88. Предметы из В. Чамбарака.
- Табл. 89. Предметы из Иджевана.
- Табл. 90. Предметы из Мусадзора.
- Табл. 91. Предметы из могильника Хурджин-хогер: рис. 1, 2, 8—погребение 1; рис. 3, 4—погребение 10; рис. 5—из бывш. Эчмиадзинского музея; рис. 6—погребение 5; рис. 7—погребение 3; рис. 9—погребение 2; рис. 10, 11—погребение 6.
- Табл. 92. Предметы из могильника Хурджин-хогер: рис. 1, 2—погребение 1; рис. 3—6, 14—погребение 2; рис. 9—11, 15—погребение 8; рис. 13—погребение 3.
- Табл. 93. Предметы из могильника Хурджин-хогер: рис. 1, 2—погребение 1; рис. 3—6, 8, 9—погребение 2; рис. 7—погребение 3; рис. 10—12—погребение 5; рис. 13—19, 27—погребение 6; рис. 20, 28—из села Айгедзор; рис. 21, 22—Кировобад; рис. 23—26—погребение 7.
- Табл. 94. Предметы из могильника Хурджин-хогер, погребение 13.
- Табл. 95. Предметы из могильника Гмшкют: рис. 1—погребение 2; рис. 2—4—случайные находки; рис. 5, 6—погребение 9; рис. 7—погребение 4; рис. 8, 9—погребение 1; рис. 10—погребение 7; рис. 11—погребение 3; рис. 12—погребение 8.
- Табл. 96. Предметы из могильника Гмшкют: рис. 1, 2, 5—погребение 2; рис. 3, 4, 6—погребение 8; рис. 7, 9—погребение 5; рис. 8—погребение 4; рис. 10, 11—погребение 3.
- Табл. 97. Предметы из Головино, погребение 6 (рис. 2—5) и Дилижана (рис. 1).
- Табл. 98. Расписные сосуды начала I тыс. до н. э.: рис. 1—Редкин-лагерь; рис. 2—Хртанок; рис. 3—Астхи-блур.
- Табл. 99. Расписная миска из Редкин-лагеря.
- Табл. 100—107. Предметы из Редкин-лагеря, раскопки Байерна.
- Табл. 108—111. Предметы из Редкин-лагеря, раскопки Мурье.
- Табл. 112, 113. Предметы из Джархеча, раскопки Мурье.

- Табл. 114, 115. Предметы из Дилижана.
- Табл. 116. Железные конья: рис. 1—Павур; рис. 2—Чоратан; рис. 3—7—Дилижан.
- Табл. 117. Предметы из Хрганоца.
- Табл. 118, 119. Предметы из Шамахиана.
- Табл. 120. Предметы из могильника Астхи-блур: рис. 1, 7, 13—15, 17, 20, 21—погребение 19; рис. 2, 6, 8, 9, 11—погребение 17; рис. 3, 4, 12, 16—погребение 15; рис. 5—погребение 12; рис. 10—погребение 21; рис. 18, 19—погребение 13.
- Табл. 121. Предметы из могильника Астхи-блур: рис. 1, 2—погребение 20; рис. 3, 7, 8, 11—14—погребение 13; рис. 4, 9—погребение 19; рис. 5, 6, 10—погребение 15; рис. 15—погребение 10.
- Табл. 122. Предметы из могильника Астхи-блур, погребение 14.
- Табл. 123. Предметы из Кохба.
- Табл. 124—125. Предметы из могильника близ Иджеванской больницы.
- Табл. 126. Предметы из могильника Пакер: рис. 1—погребение 16; рис. 2—погребение 8; рис. 3, 6—погребение 6; рис. 4—погребение 11; рис. 5—погребение 14; рис. 7—погребение 2.
- Табл. 127. Предметы из могильника Пакер: рис. 1, 6—погребение 8; рис. 2, 3—погребение 6; рис. 4—погребение 16; рис. 5—погребение 7; рис. 6—погребение 1.
- Табл. 128. Предметы из могильника Пакер и случайные находки: рис. 1, 13—Айрум; рис. 2—Джуджеван; рис. 3—Н. Баязет; рис. 4—Пакер, погребение 11; рис. 5, 6—Реджин-лагерь; рис. 7—Армавир; рис. 8, 10, 14, 16, 22—Пакер, погребение 17; рис. 9, 11, 12, 17—Пакер, погребение 19; рис. 15—Пакер, погребение 2; рис. 18—погребение 14; рис. 19—погребение 11, рис. 20—погребение 18; рис. 21—погребение 10.
- Табл. 129. Предметы из могильника Гегами-ахшор.
- Табл. 130. Предметы из могильника Мичи-мат.
- Табл. 131. Предметы из Егенкала-дзора (рис. 6) и Буга-кара (рис. 1—5, 7—9).
- Табл. 132. Предметы из Кахни-цара.
- Табл. 133. Предметы из разных могильников близ села Кирги: рис. 1—5—могильник Кари-дзор, погребение 2; рис. 6—Дарандж, погребение 3; рис. 7, 8—погребение 4; рис. 9, 12, 13—Буга-кар; рис. 10, 11—Айгран-тала, погребение 1; рис. 14—Егенкала-дзор.
- Табл. 134. Предметы из могильника Айгран-тала: рис. 1—4, 8—10—погребение 1; рис. 5—7, 11—погребение 4.
- Табл. 135. Предметы из могильников Дарандж и Крапашти-ял: рис. 2, 8—Дарандж, погребение 3; рис. 3—6—погребение 2; рис. 7—погребение 4; рис. 9—19—Крапашти-ял, погребение 1.
- Табл. 136. Предметы из разных могильников близ села Кирги: рис. 1—3, 6—Крапашти-ял, погребение 1; рис. 4—Гмшкют, погребение 1; рис. 5, 7, 17—погребение 9; рис. 8, 9—Крапашти-ял, погребение 2; рис. 10—12, 16, 19—случайные находки; рис. 13—Дарандж, погребение 3; рис. 14, 15—Егенкала-дзор, погребение 1; рис. 18—погребение Сеприк.
- Табл. 137—137а. Предметы из могильника крепости Кари-глух.
- Табл. 138. Предметы из Джагацатеха (рис. 1—3) и Техута (рис. 4—12).
- Табл. 139. Предметы из могильника Астхи-блур: рис. 1—погребение 11; рис. 2, 13—погребение 22; рис. 3, 5, 7—погребение 20; рис. 4, 6, 9, 12—погребение 23; рис. 8—погребение 25; рис. 10, 11—погребение 16.
- Табл. 140. Предметы из могильника Астхи-блур: рис. 1, 8, 12, 16—погребение 20; рис. 2, 7, 14, 18—погребение 23; рис. 3, 9, 13, 15—погребение 16; рис. 4—погребение 21; рис. 11—погребение 22; рис. 5, 10—погребение 24; рис. 6, 17—погребение 25.
- Табл. 141. Предметы из разрушенных погребений близ сел Енокаван (рис. 4—8) и Норашен (рис. 1—3, 9).
- Табл. 142. Предметы из Азатаванского кургана.
- Табл. 143—145. Предметы из Бердского могильника.
- Табл. 146. Предметы из Шаваршавана (рис. 1), Норашенской крепости (рис. 2, 4, 5) и Айрума (рис. 3).
- Табл. 147. Идол из Навура.
- Табл. 148, 149. Предметы из Паравакара.
- Табл. 150. Модели храмов из Мосеятоха, Лори и Н. Баязета.
- Табл. 151—154. Статуэтки из Айрума.
- Табл. 155. Статуэтка из Тьбадира.
- Табл. 156. Статуэтки из Орджоникидзе.
- Табл. 157. Бронзовый пояс из Астхи-блур.

КАРТА—СХЕМА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ

КРЕПОСТИ. Джагацатех. 2. Шаглама II. 3. Шаглама III. 4. Поллоз-гаш. 5. Хортамбоц. 6. Орджоникидзе. 7. Барираберд. 8. Тандаут. 9. Сурб Наатак. 10. Астхи блур. 11. Бердатеа. 12. Тмбадр. 13. Норашен. 14. Пилор-пат. 15. Қал-кар. 16. Сев-сев карери блур. 17. Сев-сев карери тахт. 18. Бахри-хач. 19. Бердакар. 20. Салкар. 21. Ахтанак (Шаглама IV). 22. Арчис. 23. Дансн-тала. 24. Бердатах. 25. Паташар. 26. Дуканадзор. 27. Қозман. 28. Бердатеа. 29. Тип-Гаш. 30. Дзлтанки амроц. 31. Знкатар. 32. Арами блур. 33. Шор-ахнюр. 34. Сурб Сарнис. 35. Баганис. 36. Мухи-хач. 37. Дашти берд. 38. Қотакар. 39. Тхкут-дзор. 40. Армуни-ахнюр. 41. Оқон. 42. Сангар. 43. Срванес. 44. Будурни-кар.

45. Масмаляр. 46. Сеприк. 47. Азатаван. 48. Дзораберд. 49. Сев-лер. 50. Арцваберд. 51. Тапри-паш. 52. Крехаци блур. 53. Берди-глух. 54. Сртнер. 55. Дашти. 56. Берд. 57. Кер-кар. 58. Кармир аргуни.

МОГИЛЬНИКИ. 59. Редкин-лагерь. 60. Мец чал. 61. Дилжан. 62. Дзогад. 63. Джуджеван. 64. Кирги. 65. Джархеч. 66. Енокаван. 67. Хурджиш-хогер. 68. Хртаноц. 69. Головино. 70. Шамахан. 71. Астхи блур. 72. Иджеван. 73. Пакер. 74. Гегамн-ахнюр. 75. Неркишен. 76. Айгранн-тала. 77. Крапашти ял. 78. Берди-глух (см. № 53). 79. Техут. 80. Азатаван (см. № 47). 81. Берд (см. № 56). 82. Чамбарак. 83. Хаштарак. 84. Арсакар (см. № 28). 85. Анаджер. 86. Айгедзор. 87. Айрум.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Краткий очерк истории районов Северо-Восточной Армении	9
Глава II. Циклопические крепости и поселения	15
Глава III. Могильники и погребения	99
Глава IV. Земледелие и скотоводство	159
Глава V. Ремесло	176
Глава VI. Фортификация и военное дело	211
Глава VII. Предметы искусства и некоторые вопросы первобытного культа	225
Заключение	246
Приложение. Циклопические крепости Северо-Восточной Армении, не исследованные раскопки	249
Указатель географических и этнических названий	259
Список сокращений	265
Список таблиц	266
Карта-схема археологических памятников Северо-Восточной Армении	269

СТЕПАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСАЯН
ДРЕВНЯЯ КУЛЬТУРА ПЛЕМЕН
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ

*Печатается по решению ученого совета
Института археологии и этнографии
АН Арм. ССР*

Редактор издательства Г. А. АБРАМЯН
Иллюстрации Р. Ц. КАЗАРЯНА и Р. А. АРУТЮНЯНА
Худож. оформление П. Г. ХАՆՅԱԴՅԱՆ
Технич. редактор М. А. КАՆՅԼԱՅԱՆ
Корректор С. Г. ШИРОЕВА

ВФ 05415

Заказ 535

Изд. 4223

Тираж 1000

Сдано в набор 16.VII.1975 г., подписано к печати 16.I.1976 г.

Печ. л. 17,0. Усл. печ. л. 34,0. Изд. 28,15 л.

Бумага № 1, 60×90¹/₈. Цена 3 р. 30 к.

Издательство АН Армянской ССР, Ереван, Барекамути 24.
Типография Издательства Академии наук Армянской ССР, г. Эчмиадзин

FL0377960

ՀԱՄԱՅՆՈՒԹՅԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱԿԱԴՄԻԱ

p iii
40437